На правахъ рукописи

Т. И. ПОЛНЕРЪ

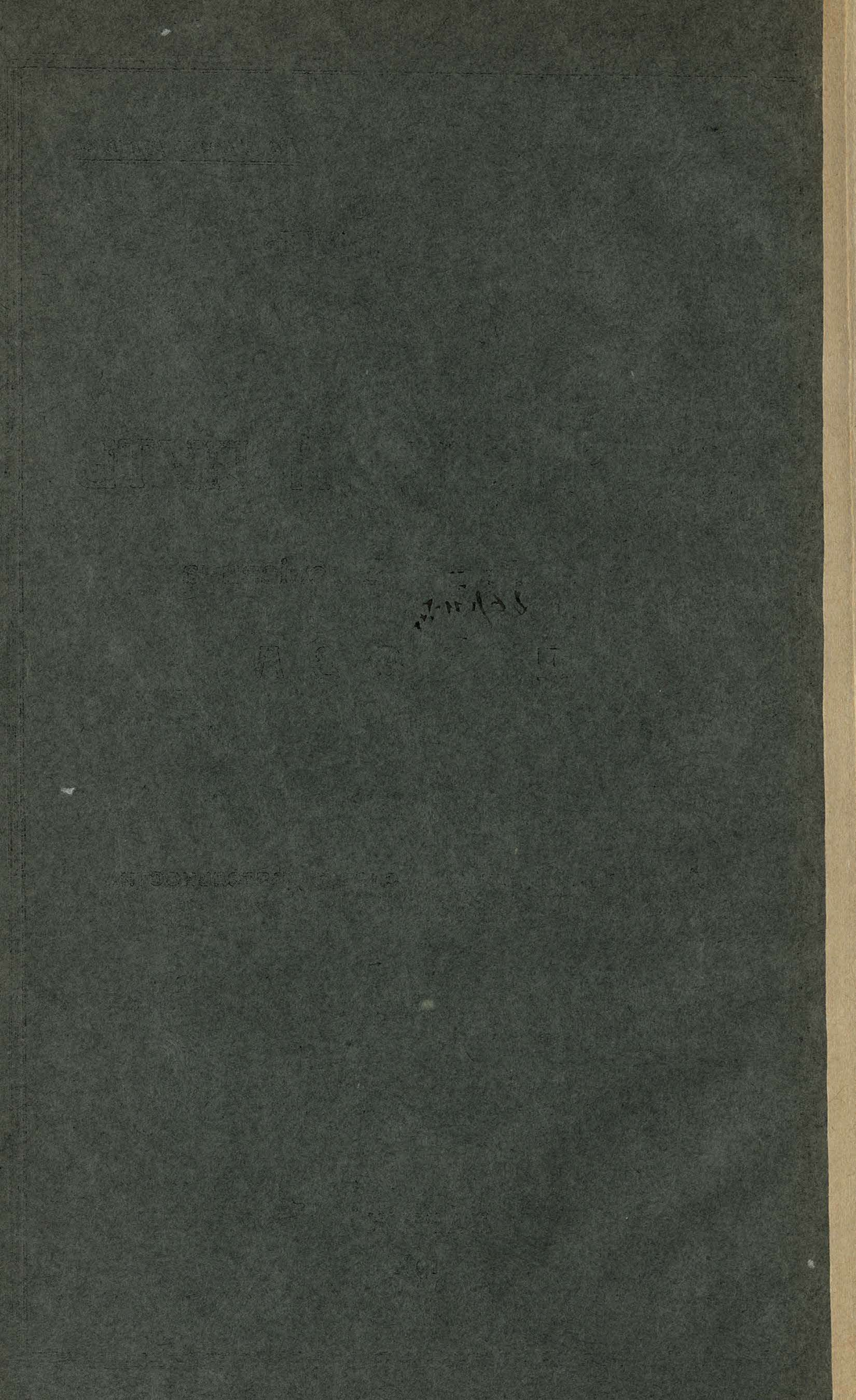
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Князя Георгія Евгеніевича

ЛЬВОВА

Личность. Взгляды. Условія дѣятельности.

ПАРИЖЪ
1932

Личный Экземпляръ

Николая Александровича

Рубакина

Лозанна

20-го октября

1935 года — [подпись]

Жизненный путь князя Г. Е. Львова

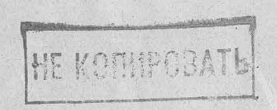
Т. И. ПОЛНЕРЪ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Князя Георгія Евгеніевича

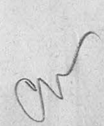
ЛЬВОВА

Личность. Взгляды. Условія дѣятельности.

ПАРИЖЪ

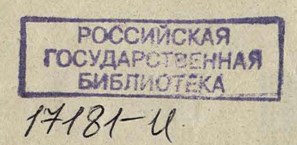
1932

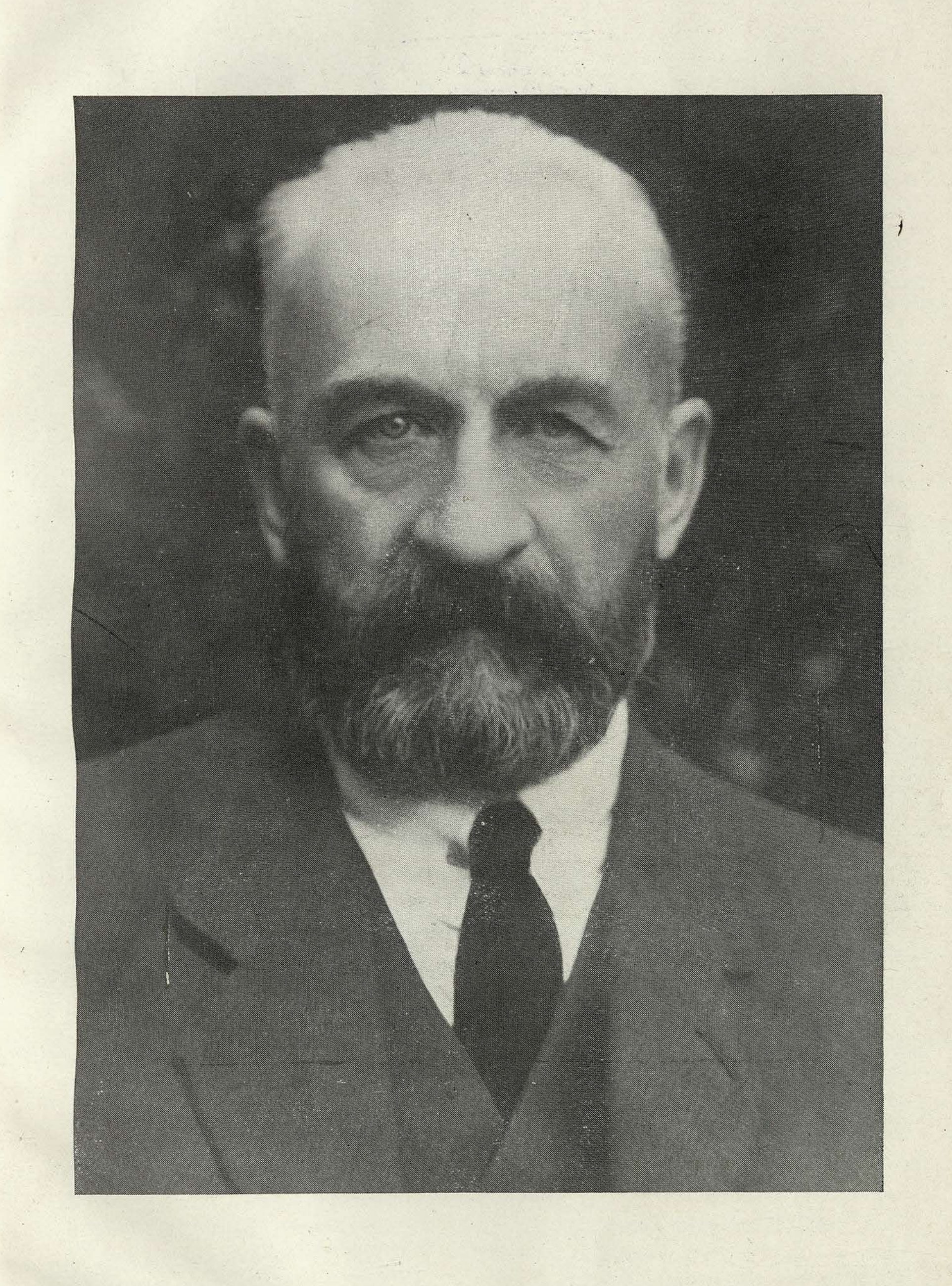

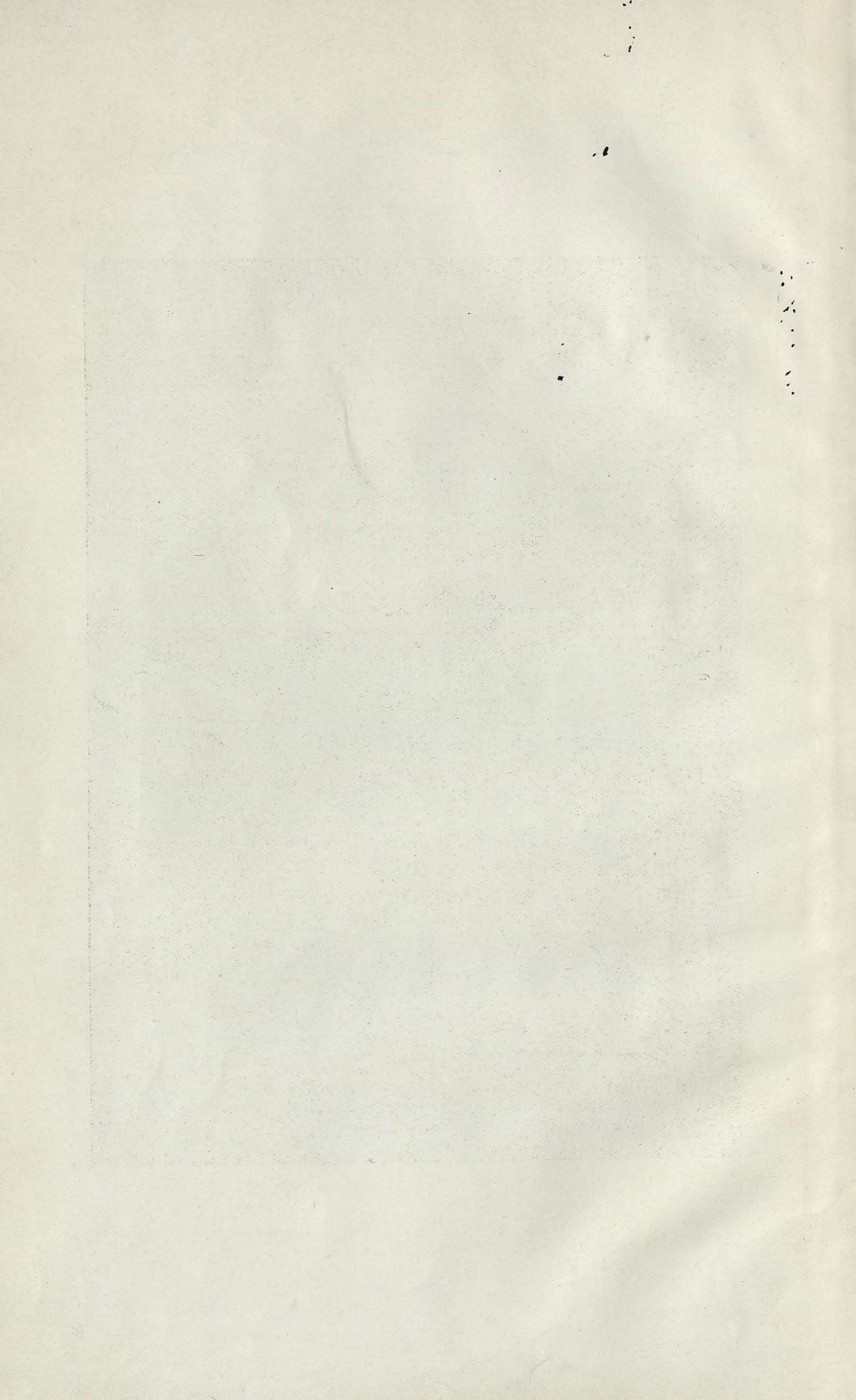

Государственная
Биб-ка СССР
им. В. И. Ленина
ПОГАШЕНО

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. Ленина
103322-48

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КНИГА МОГУЩЕСТВЕННОЕ ОРУДИЕ
БОРЬБЫ ЗА ИСТИНУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

В. В. ВЫРУБОВУ.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

Дорогой Василій Васильевичъ!

Позвольте Вамъ посвятить эту книгу, которая стоила Вамъ столькихъ жертвъ, заботъ и хлопотъ. Вы сдѣлали все возможное для осуществленія первой біографіи князя Георгія Евгеніевича Львова. И не только въ матеріальномъ отношеніи: Вы помогли разгадать натуру покойнаго Князя. Оба мы были близкими свидѣтелями его дѣятельности. Но чѣмъ ближе знаешь поступки, слова и даже мысли человѣка, тѣмъ труднѣе составить о немъ цѣлостное представленіе. Георгій Евгеніевичъ, къ тому же, былъ человѣкомъ сдержаннымъ, замкнутымъ и далеко не всѣхъ и не всегда допускалъ въ свое святая святыхъ. А между тѣмъ его кипучая внѣшняя дѣятельность не отражала полностью его духовной природы. Многое оставалось у Князя въ скрытомъ состояніи, лишь въ возможностяхъ.

Самою постоянною, глубокою и нѣжною привязанностью въ жизни Георгія Евгеніевича была, несомнѣнно, любовь къ русскому крестьянину. Князь умѣлъ проходить съ полузакрытыми глазами мимо тѣхъ внѣшнихъ звѣриныхъ чертъ русскаго народа, которыя не разъ изображались нѣкоторыми талантливыми беллетристами нашими начала двадцатаго вѣка.

Георгій Евгеніевичъ хорошо зналъ и цѣнилъ способности великорусскаго крестьянина: его талантливость, ловкость, здравый смыслъ, не лишенный хитрости и лукавства, внѣшнюю ласковость и обходительность, за которыми часто скрывались сдержанность и замкнутость; его трудоспособность... вѣдь большинство изъ этихъ свойствъ составляли сущность самого Георгія Евгеніевича и опредѣляли его, какъ практическаго дѣятеля.

Но кромѣ всего этого, онъ явственно различалъ еще въ народной душѣ возможности полнаго самоотреченія и великаго духовнаго подвига. Въ этой перспективѣ умъ и перечисленныя практическія свойства, какъ цѣнности, отодвигались на послѣдній планъ; на первомъ появлялись смиренныя добродѣтели любимыхъ народныхъ угодниковъ. И на этой именно области сосредоточивались вѣра, любовь и надежда Георгія Евгеніевича.

Самъ Князь былъ трезвымъ практическимъ работникомъ по преимуществу.

Но и въ его душѣ жили тѣ мечты и возможности, которыя онъ различалъ въ гущѣ народной.

И это придавало особую плѣнительность его облику.

Дорогой Василій Васильевичъ!

Вы помогли мнѣ Вашими совѣтами и Вашимъ тонкимъ литературнымъ чутьемъ разгадать и, въ мѣру умѣнья моего, вскрыть двойную природу покойнаго Князя. И за это приношу Вамъ здѣсь мою сердечную благодарность.

Вамъ преданный

Тихонъ Полнеръ.

Глава первая

ОСНОВА.

1.

Князь Георгій Евгеніевичъ Львовъ родился 21-го Октября 1861 года — какъ разъ на рубежѣ старой и новой Россіи.

Родословцы ведутъ родъ его отъ Рюрика. Во всей странѣ лишь шесть или семь семей не уступаютъ князьямъ Львовымъ древностью и знатностью происхожденія. Георгій Евгеніевичъ принадлежалъ къ 31-му колѣну рода. Многіе изъ его предковъ играли замѣтную роль въ исторіи Россіи. Среди нихъ встрѣчаются монахи и даже святые. Особымъ почетомъ пользовался въ древности благовѣрный князь Ѳедоръ, удѣльный князь Ярославскій, защищавшій восточную Русь отъ Золотой Орды. Во имя его построенъ въ Ярославлѣ соборъ, гдѣ покоились его мощи. Развѣтвленіе рода князей Львовыхъ связываетъ ихъ съ самыми видными фамиліями русской исторіи.

Прадѣдъ Георгія Евгеніевича, князь Семенъ Владиміровичъ, въ 1812 г. командовавшій Конно-Гренадерскимъ полкомъ, послѣ Отечественной войны вышелъ въ отставку и всецѣло отдался музыкѣ, которою всегда увлекался. Его сынъ, князь Владиміръ Семеновичъ, уже не служилъ. Онъ былъ талантливымъ флейтистомъ и въ Москвѣ собиралъ вокругъ себя музыкантовъ и любителей музыки. Славился князь и своими акварелями. Любимою его натурою были растенія. Замѣчательнымъ украшеніемъ усадьбы князей Львовыхъ въ Поповкѣ Тульской губерніи служили великолѣпные альбомы, со страницъ которыхъ глядѣли, какъ живыя, акварельныя изображенія русской флоры.

Князь Евгеній Владиміровичъ, отецъ Георгія Евгеніевича, былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ и культурнѣйшихъ представителей сороковыхъ годовъ. Онъ родился въ 1818 г. и провелъ дѣтство въ Хорошовкѣ — подмосковномъ родовомъ имѣніи. Образованіе князь заканчивалъ въ училищѣ путей сообщенія. Но работа по спеціальности не тянула его къ себѣ. Не окончивъ курса, князь проѣхалъ въ Гейдельбергъ и тамъ, подъ руководствомъ профессора Рейхенбаха, занялся ботаникой, къ которой всегда чувствовалъ особое влеченіе. Даръ зарисовки растеній передался ему отъ отца и впослѣдствіи онъ выступалъ съ научно-популярными статьями по ботаникѣ, сопровождая ихъ талантливыми рисунками.

По возвращеніи изъ-заграницы, князь пытался служить и получилъ мѣсто помощника инспектора кадетскаго корпуса. Но времена и нравы въ военной

средѣ были жестокіе. Мягкому, просвѣщенному молодому человѣку, вѣроятно, очень скоро стали тяжелы корпусные порядки Николаевской эпохи. Какъ бы то ни было, но прослужилъ князь недолго. Къ концу сороковыхъ годовъ онъ женился на Варварѣ Алексѣевнѣ Мосоловой, принадлежавшей къ помѣщичьей семьѣ Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Мать Варвары Алексѣевны рано покинула семью и проживала, по большей части, заграницей. Жена князя Евгенія Владиміровича принята была на воспитаніе богатой родственницей Прасковьей Ивановной Раевской — той самой, у которой Гоголь пристроилъ на время свою младшую сестру Лизу. Раевская, по словамъ С. Т. Аксакова, была женщина богатая, благочестивая и бездѣтная. Зимою жила она въ Москвѣ большимъ открытымъ домомъ, а лѣтнюю резиденцію основала въ 180 верстахъ отъ столицы — въ Поповкѣ — небольшомъ имѣніи Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи. Раевская считала свою Поповку подмосковною. Въ тѣ времена проѣхать 180 верстъ на лошадяхъ вовсе не казалось затруднительнымъ. Ѣздили въ два дня въ дормезахъ, на своихъ лошадяхъ, въ четыре перегона. Зимою въ московскій домъ Прасковьи Ивановны возили гужомъ провіантъ и даже дрова.

Мелкопомѣстное въ сущности владѣніе превратилось въ дачу, на украшеніе которой богатая помѣщица не жалѣла денегъ. По планамъ знаменитаго архитектора Желярди разбита усадьба и выстроенъ изъ отборнаго лѣса деревянный, двухъ-этажный домъ въ 20 просторныхъ комнатъ, съ большими окнами и дверями. Такъ называемый русскій ампиръ царствовалъ и въ этой усадьбѣ, какъ вообще полагалось въ первой четверти XIX вѣка. Передъ домомъ былъ разбитъ большой овальный газонъ съ бордюромъ изъ знаменитыхъ въ округѣ сантифольныхъ розъ, по бокамъ котораго стояли два чудныхъ маленькихъ флигеля — тоже въ стилѣ ампиръ, съ куполами и колоннами. За газономъ, напротивъ дома, высилась большая каменная церковь, легкая, стройная, съ каменной оградой. Съ другой стороны дома шелъ садъ, спускаясь къ пруду, черезъ который переправлялись на другую сторону въ пловучей бесѣдкѣ. А за прудомъ раскинулся липовый паркъ, стояли оранжереи, грунтовые сараи, фруктовый садъ, ягодникъ, огородъ. Надворныя постройки откинуты были за проѣзжую дорогу. А прямо отъ церкви простиралась великолѣпная въѣздная березовая аллея, называвшаяся «пришпектомъ». Село тянулось двумя слободами по обѣ стороны усадьбы, такъ что господскій домъ съ садомъ былъ охваченъ деревней.

Послѣ смерти Раевской, Поповка перешла къ ея родственницѣ и воспитанницѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Мосоловой, вышедшей замужъ за князя Евгенія Владиміровича. Семья переѣхала на жительство въ прекрасную усадьбу. Новый владѣлецъ избранъ былъ Алексинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. И здѣсь пришлось ему лицомъ къ лицу столкнуться съ жестокими нравами нѣкоторыхъ представителей помѣстнаго класса. Такъ напримѣръ, нѣкій Шкурка, въ десяти верстахъ отъ Поповки, былъ извѣстенъ своимъ звѣрскимъ отношеніемъ къ крѣпостнымъ: онъ засѣкалъ ихъ до полусмерти крыжовникомъ. Предводителю дворянства пришлось вмѣшаться по жалобѣ крестьянъ. И помѣщики винили князя за то, что онъ не замялъ дѣла. Этотъ самый Шкурка прославился, послѣ освобожденія крестьянъ, еще однимъ свойствомъ: онъ пилъ, «какъ лошадь». Въ обоихъ концахъ большого балкона его деревенскаго дома ежедневно устанавливалось по четверти водки. Онъ ходилъ съ утра до вечера по балкону, прикладываясь по очереди къ обѣимъ бутылямъ; за день онъ выпивалъ ихъ обѣ.

Подобные нравы не могли особенно удерживать въ деревнѣ культурнаго и благодушнаго князя. Къ тому-же года за три до освобожденія крестьянъ настроенія помѣщичьяго класса были весьма тревожны. Князь былъ сторонникомъ реформы. Онъ близко примыкалъ къ славянофиламъ; со многими изъ нихъ онъ былъ въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ. Прекрасный портретъ А. С. Хомякова всегда висѣлъ въ его кабинетѣ. Съ другой стороны, Евгеній Владиміровичъ считалъ Я. П. Ростовцева своимъ другомъ. Но князю не довелось принимать участія въ подготовкѣ великой реформы. А въ сторонѣ отъ работы, непосредственныя деревенскія впечатлѣнія могли быть въ то время весьма жуткими. Къ тому-же старшіе сыновья приближались къ учебному возрасту, а воспитательныхъ заведеній, удовлетворявшихъ князя, въ Россіи онъ не видѣлъ. Какъ разъ въ это время одинъ изъ братьевъ его перебрался съ семьею въ Дрезденъ и открылъ тамъ контору для высылки русскимъ помѣщикамъ нѣмцевъ — рабочихъ и техниковъ. Дѣти его учились въ нѣмецкихъ заведеніяхъ и князь не могъ нахвалиться заграничными порядками. Семья Евгенія Владиміровича соблазнилась открывавшимися перспективами и выѣхала въ Дрезденъ. Здѣсь старшіе сыновья поступили одинъ въ гимназію, другой — въ реальное училище. Князь Евгеній Владиміровичъ велъ обширную переписку съ русскими друзьями, зорко слѣдилъ за ходомъ подготовляющейся реформы и даже печаталъ статьи о ней въ «Independance Belge». Въ концѣ третьяго года пребыванія заграницей Варвара Алексѣевна принесла ему четвертаго сына. Такъ случилось, что Георгій Евгеніевичъ появился на свѣтъ въ Дрезденѣ.

Съ приближеніемъ акта освобожденія крестьянъ князя потянуло на родину. Къ 19 февраля онъ одинъ проѣхалъ въ Россію. Осмотрѣвшись и подъ вліяніемъ всеобщаго лихорадочнаго возбужденія, князь рѣшилъ, что не время теперь оставаться въ бездѣйствіи заграницей. И какъ только княгиня поправилась послѣ рожденія сына, Евгеній Владиміровичъ перевезъ всю семью на родину. Здѣсь, благодаря содѣйствію министра Зеленого, товарища князя по училищу, Евгеній Владиміровичъ получилъ мѣсто управляющаго Палатою государственныхъ имуществъ въ Тулѣ. Положеніе было прекрасное. Семья поселилась въ обширномъ особнякѣ на Дворянской улицѣ, въ которомъ радушно принимала всю мѣстную знать и высшее чиновничество. Среди другихъ появлялся, во время наѣздовъ въ Тулу, и графъ Толстой — всегда изысканно одѣтый. Левъ Николаевичъ дружилъ съ княземъ и эти добрыя отношенія сохранились надолго.

Лѣтомъ вся семья переѣзжала въ Поповку, которая находилась отъ города всего въ 30 верстахъ.

Покойная, хорошо обставленная, даже богатая жизнь въ Тулѣ продолжалась всего нѣсколько лѣтъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ князю Евгенію Владиміровичу предстоялъ переводъ въ Орелъ, куда перенесена была Палата государственныхъ имуществъ. А между тѣмъ въ Поповкѣ уже шли дѣятельныя приготовленія къ серьезной сельскохозяйственной реформѣ.

Владѣнія князя не приносили доходовъ. На семьѣ лежали тяжелымъ бременемъ значительные долги, часть которыхъ перешла по наслѣдству. Между тѣмъ князь предвидѣлъ неизбѣжную необходимость переѣзда со временемъ въ Москву, безъ чего невозможно было дать настоящее образованіе четыремъ подраставшимъ сыновьямъ. Принято было рѣшеніе заблаговременно поставить раціонально хозяйство въ Поповкѣ. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы построить винокуренный заводъ, откармливать около него бардою значительное количество скота, усилить удобреніе пахотныхъ земель и увеличить молочное хозяй-

ство. Къ выполненію плана было уже приступлено. Переводъ въ Орелъ лишалъ возможности непосредственно руководить хозяйствомъ и князь вынужденъ былъ выйти въ отставку. Семья покинула Тулу и перебралась на постоянное жительство въ Поповку.

Младенческіе годы въ Тулѣ оставили мало воспоминаній. Двое младшихъ братьевъ находились на попеченіи Miss Jenny — молоденькой англичанки. Первый языкъ, на которомъ говорилъ Георгій Евгеніевичъ, по странной случайности, былъ англійскій. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ ото всей англійской премудрости у князя осталось лишь нѣсколько пѣсенокъ, которымъ Miss Jenny учила дѣтей.

Дѣтская находилась во второмъ этажѣ, окна ея выходили въ чужой садъ. Тамъ жили скворцы, съ которыми мальчики вступили въ дружескія и интимныя отношенія. Явилась мечта имѣть своихъ собственныхъ птицъ. И вотъ зимою въ дѣтской появились чижикъ и щеголъ. Старшіе разсказывали: птицамъ плохо приходится зимою; ихъ ловятъ, чтобы дѣти кормили ихъ, а весною, въ Благовѣщеніе — выпускали на волю. Чижъ и щеголъ всю зиму летали по комнатѣ на свободѣ. Пришло Благовѣщенье. Выпалъ чудный, яркій день, стояло тепло, зимнія рамы были уже выставлены. Насталъ часъ разлуки. Сердца дѣтей трепетали. И вотъ, клѣтка поднесена къ окну. Птицы вспорхнули и «исчезли, утопая въ сіяньѣ голубого дня»... Мальчики плакали. Но то не были горькія слезы обиды... Нѣтъ! душу переполняло нѣжное, *весеннее* чувство, навсегда, на всю жизнь, ассоціировавшееся съ солнцемъ и со свободою...

И какъ разъ прямо противоположныя воспоминанія остались (тоже на всю жизнь) отъ первыхъ уличныхъ тульскихъ впечатлѣній. Дѣтямъ довелось видѣть на Кіевской каторжанъ въ цѣпяхъ, перегоняемыхъ въ Сибирь; другой разъ тамъ-же — черныя дроги съ осужденнымъ на смерть.

— Въ теченіе всей жизни потомъ, — говорилъ князь Львовъ, — всякій разъ, когда приходилось переживать негодованіе по поводу проявленныхъ властью репрессій и оскорбительныхъ для общественной совѣсти актовъ насилія, у меня оно всегда связывалось съ лязгомъ кандаловъ и съ черными дрогами на Кіевской...

2.

Съ переѣздомъ въ Поповку для ребятъ началось счастливое, безоблачное, радостное время. Всѣхъ дѣтей — пятеро. Между двумя старшими и двумя младшими братьями — промежутокъ въ 10-12 лѣтъ. Единственная дочь Евгенія Владиміровича появилась на свѣтъ послѣднею: она моложе Георгія Евгеніевича на четыре года. Ихъ мать, княгиня Варвара Алексѣевна, по удивительной добротѣ своей, готова была перенести и, дѣйствительно, переносила всякія лишенія для дѣтей. Она трепетала въ постоянныхъ материнскихъ заботахъ. Но все-же не мать оказывала на нихъ основное вліяніе. Она уже вскорѣ послѣ замужества начала терять слухъ и впослѣдствіи стала очень плохо слышать. Сначала мужъ, а затѣмъ дочь — терпѣливо, спокойно и внимательно поддерживали, при помощи особаго слухового аппарата, ея общеніе съ семьею и окружающими.

Истиннымъ главою семьи и мудрымъ воспитателемъ дѣтей былъ князь Евгеній Владиміровичъ. Ему не было въ то время еще пятидесяти. Прекрасное, умное лицо обрамляла окладистая борода. Острые, каріе, проникновенные

глаза смотрѣли бодро и весело. Отъ всего лица, отъ ласковаго и необычайно привѣтливаго обихода вѣяло исключительной добротою и доброжелательствомъ. Репутація моральнаго авторитета князя стояла незыблемо. Къ нему шли всѣ за совѣтомъ и помощью. Даже люди стараго закала, крѣпостники, прозвавшіе его за либерализмъ и вольнодумство «вольтерьянцемъ», считались съ его мнѣніемъ. Всѣхъ онъ встрѣчалъ одинаково, просто и привѣтливо. Съ раннихъ лѣтъ дѣти учились на ежедневномъ примѣрѣ цѣнить каждаго не за положеніе, а за человѣческія достоинства. Крестьяне постоянно заполняли сѣнцы дома, являясь за разными видами помощи. Чаще всего князь долженъ былъ «пользовать» мужиковъ, то-есть оказывать имъ медицинскую помощь. Аптека его была невелика. Но къ составленію и поддержанію ея привлекались дѣти, собиравшіе во время прогулокъ и спеціальныхъ экскурсій желтые цвѣты звѣробоя, бѣлую валеріану, тысячелистникъ, липовые цвѣты, иванъ-чай, лѣсную малину... Ровная ласковость была неизмѣннымъ состояніемъ князя. Претензіи и человѣческая глупость заставляли его только заливаться добродушнымъ смѣхомъ и тогда онъ хохоталъ до слезъ. Въ семьѣ царили миръ и тишина: Георгій Евгеніевичъ разсказывалъ, что не видѣлъ отца сердитымъ и не можетъ вспомнить ни одной «семейной сцены». Ихъ не было, потому что авторитетъ главы дома признавался всѣми безусловно. Князь никогда никому не приказывалъ. Всѣхъ онъ просилъ. И каждый боялся сдѣлать ему что-либо непріятное. Система воспитанія, которую Евгеній Владиміровичъ проводилъ настойчиво, но мягко, сводилась прежде всего къ созданію въ семьѣ общей доброжелательной атмосферы, къ личному примѣру добрыхъ отношеній съ людьми и животными, а затѣмъ — къ постепенному освобожденію дѣтей отъ видимаго и постояннаго руководства. Ни малѣйшаго «дерганья» не допускалось. Ничто не запрещалось, все какъ будто было «можно». Князь любилъ трудъ, цѣнилъ привычку къ труду. И онъ самъ, и вся усадьба работали. Это заражало дѣтей. Въ средѣ ихъ царило дѣловое настроеніе. Игрушки отсутствовали совершенно. Ребята любили дѣлать что-нибудь въ родѣ настоящей работы. Они бѣгали на большой огородъ, собирали къ столу огурцы, салатъ, рѣдиску, зеленый лукъ, фрукты, ягоды. У нихъ около дома былъ и свой собственный, «настоящій» огородъ, за которымъ они серьезно ухаживали, разводя на немъ всю огородину. Однажды, бѣгая подъ гору къ пруду за водою, маленькій Жоржинька не удержался и съ размаху попалъ въ воду. Его вытащили, но мальчикъ плакалъ — не отъ испуга, а оттого, что лейка осталась въ водѣ. Дѣти съ восторгомъ участвовали въ хлопотахъ по массовому сбору шампиньоновъ, опенокъ и другихъ грибовъ, заготовлявшихся въ прокъ; со своими друзьями — крестьянскими ребятами — они притаскивали домой цѣлыя бѣльевыя корзины липоваго цвѣта и собирали воза орѣховъ. Общеніе съ крестьянскими дѣтьми было постояннымъ и самымъ тѣснымъ. Во второмъ этажѣ одной изъ надворныхъ построекъ содержалась на средства князя народная школа. Училъ въ ней долговязый семинаръ, преподававшій и княжескимъ дѣтямъ казенный Законъ Божій. Семинара этого дѣти не очень жаловали, но съ его учениками — крестьянскими ребятами находились въ непрерывномъ общеніи и тѣсной дружбѣ. Взаимоотношенія становились особенно оживленными, когда зимою налаживалось великолѣпное катанье на особо подготовленныхъ скамейкахъ — отъ самой усадьбы черезъ весь прудъ на ту сторону. По большимъ праздникамъ къ ребятамъ присоединялись взрослые: деревенскіе «концы» состязались въ катаньѣ и въ солнечные дни, въ лунные вечера — толпа народа оживляла княжескую усадьбу веселымъ галдежомъ и криками...

Когда подходили Святки, вся семья готовила елку. Клеили цѣпи, картонажи, фонарики, золотили орѣхи... Изъ Тулы являлся большой лубочный коробъ съ красными крымскими яблоками, мятные пряники, винныя ягоды. Заготовлялись подарки. На самое Рождество всѣ ѣхали въ лѣсъ выбирать елку — большую, аршинъ въ пять. Украшали ее всѣ вмѣстѣ. Всѣ комнаты заполнялись народомъ. Приходила семья священника, всѣ школьники и ихъ родители, всѣ «люди», служившіе въ усадьбѣ. Старшіе члены семьи зажигали свѣчи. Двери торжественно отворялись и начиналось общее торжество: всѣхъ надѣляли подарками и сластями. Въ теченіе Святокъ елку зажигали много разъ. А днемъ, съ утра, подъ окнами смѣнялись партіи ребятъ разнаго возраста, славившихъ хоромъ Христа и выводившихъ колядовыя пѣсни...

Еще радостнѣе, еще веселѣе было въ Пасху Красную, которая сливается съ красными днями весны. Всѣ семь недѣль передъ тѣмъ семья постилась, а на Страстной начинались приготовленія къ разговѣнью. Въ большихъ чугунахъ красились яйца. Куличи и пасхи заготовлялись для христосованья со всей деревней. Къ вечеру въ субботу всѣ сбивались съ ногъ и разбредались отдыхать до заутрени. Но вотъ раздались призывные, малиноваго тона, удары знакомаго и любимаго колокола. Вся семья въ сборѣ. Всѣ выступаютъ изъ дома торжественно, вмѣстѣ. Звѣздная ночь. На колокольнѣ уже горитъ транспарантъ: просвѣчиваютъ гигантскія буквы Х. В. Кругомъ зажигаютъ плошки. Со всѣхъ сторонъ, торопливо похрустывая снѣгомъ, несутъ святить куличи и пасхи. Черезъ поля и лѣса въ тихомъ, весеннемъ воздухѣ плыветъ отдаленный благовѣстъ изъ сосѣднихъ деревень. Церковь полна народомъ. По окончаніи торжественной утрени, съ часъ идетъ христосованіе народа съ причтомъ. Это время семья князя отдыхаетъ дома. А когда звонятъ къ обѣднѣ, уже занимается заря, токуютъ тетерева. Въ пять утра всѣ молящіеся приходятъ въ домъ христосоваться съ семьей помѣщика и разговляться съ нею. Всю недѣлю крестные хода съ образами; всѣ христосуются при встрѣчѣ; цѣлые дни раздается малиновый звонъ колоколовъ, а на деревнѣ нарядные парни и дѣвки водятъ безконечные хороводы...

Въ большомъ зданіи княжескаго дома не было, въ сущности, «дѣтской». Стѣны этой комнаты широко раздвигались на всю усадьбу, на весь окружающій міръ. Маленькіе князья — лѣтомъ и зимою — впитывали въ себя русскую сельскую природу. Незамѣтными нитями привязывала она ихъ дѣтскія души къ родной почвѣ. Отецъ — «мудрый педагогъ» — не побоялся выпустить своихъ дѣтей-рюриковичей на улицу. И вмѣстѣ съ крестьянскими ребятишками они росли на волѣ, какъ жеребята, питаясь на жизненной луговинѣ всѣми цвѣтами родной земли. Темныя стороны народной жизни — пьянство, озорство, грубость — прошли мимо нихъ, быть можетъ потому, что такія вещи стѣснялись выставлять передъ юными господами. За то полною грудью черпали дѣти кругомъ себя добродушіе, благожелательство, уваженіе и любовь къ труду. Ихъ друзья — маленькіе мужики — стремились, конечно, прежде всего походить на взрослыхъ, дѣлать ихъ работу, участвовать въ хозяйствѣ. И такое же «дѣловое» настроеніе съ раннихъ лѣтъ захватило маленькихъ князей. Зачѣмъ нужны имъ были игрушки, когда усадьба и окружающій міръ полны были живыми существами, съ которыми приходилось очень рано вступать въ дѣловыя отношенія.

Въ задней комнаткѣ одного изъ нарядныхъ флигелей жила, напримѣръ, старушка-дворовая, Анна Ильинишна, вдова кучера Миная. Въ сумерки у нея горѣла на коганцѣ лучина и уголекъ падалъ въ лоханку. Пахло пріятно

березовымъ дымкомъ. Старушка сидѣла на печкѣ за куделью и спускала оттуда веретено. Она была птичницей по спеціальности и куры неслись рядомъ съ нею за печкой. Тутъ-же сажала она насѣдокъ на яйца, грѣла цыплятъ за пазухой, пока не вылупятся всѣ и можно будетъ посадить ихъ подъ матку вмѣстѣ съ другими. Здѣсь, выслушивая обстоятельныя характеристики отдѣльныхъ куръ и ихъ поведенія, дѣти проходили практическій курсъ куроводства. И скоро у нихъ появились «собственныя» куры, которыхъ они таскали въ антресоли дома, чтобы онѣ неслись на глазахъ, и сажали ихъ тамъ на высидку цыплятъ. Эти удивительныя дѣти производили самостоятельные эксперименты въ области куроводства. Они подкладывали куриныя яйца подъ галокъ и знали, что, въ случаѣ удачи, такіе цыплята выйдутъ крупнѣе высиженныхъ курами. Но галку надо обмануть «умѣючи», иначе она броситъ сидѣть; и надо не пропустить начала вылупленія, а то она заклюетъ чужого цыпленка. Подъ индюшекъ дѣти клали и индюшечьи и куриныя яйца; иная индѣйка водила потомъ за собою штукъ 30 разныхъ цыплятъ. Ребята постигли трудное искусство выхаживать маленькихъ индюшатъ, кормя своихъ питомцевъ рубленой крапивой, подсыпая въ кормъ толченаго стекла, примачивая имъ головки водкой...

Такъ же точно участвовали маленькіе князья во всѣхъ отрасляхъ работы, доступныхъ ихъ возрасту. Скотный дворъ и конюшня, конечно, были неисчерпаемымъ источникомъ восторговъ и наслажденій.

Но любовь ко всему живому, столь свойственная дѣтямъ, находила себѣ предметы и внѣ чисто дѣловой среды. Какъ-то разъ гуляя по лѣсу, дѣти увидѣли ворона, который сидѣлъ на высокомъ пнѣ и громко каркалъ. Возвращаясь, они снова наткнулись на него. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Жоржинька (или какъ звали его на деревнѣ — Егорушка) сталъ подходить къ ворону, ободряя его карканьемъ. Воронъ не улетѣлъ. Его забрали домой, выходили и скоро онъ сталъ неразлучнымъ пріятелемъ мальчика: бѣгалъ за нимъ, какъ собаченка, или сидѣлъ у него на плечѣ. Этотъ воронъ былъ большой затѣйникъ. Онъ любилъ играть разными вещами, перекладывать ихъ, прятать, но никогда не утаскивалъ ничего съ собою. Утромъ онъ забирался въ комнату аккуратнаго учителя и, пока тотъ спалъ, перекладывалъ на столѣ у него всѣ вещи по своему: вытащитъ спички, высыпитъ табакъ, переложитъ табакъ въ спичечницу, а спички въ табачницу, сниметъ съ чернильницы карандаши и перья, запрячетъ ихъ куда-нибудь. Его можно было посылать съ чѣмъ-нибудь въ клювѣ. Когда дѣтямъ пришлось уѣхать въ Москву учиться, воронъ загрустилъ и улетѣлъ. Однажды вернувшіеся на каникулы мальчики подъѣзжали вечеромъ къ прудамъ, въ которыхъ купались и ловили рыбу. Накрапывалъ дождь, верхъ пролетки былъ поднятъ. Но вдругъ Жоржинька замѣтилъ воронью стаю, низко летѣвшую надъ землею.

— Воронъ! воронъ! воронъ!... кричалъ онъ, отчаянно призывая своего пропавшаго друга. И отъ стаи медленно отдѣлился воронъ и сталъ кружить надъ пролеткой. Лошадь остановили, Жоржинька выскочилъ и вѣрный воронъ сѣлъ ему на плечо. Они жили въ полной дружбѣ до конца каникулъ. Но когда мальчики снова уѣхали въ Москву, воронъ улетѣлъ навсегда.

Старикъ Евтей, промысловый лисинячникъ, зналъ всѣ лисьи норы вокругъ и водилъ княжескихъ дѣтей на лѣсныя полянки, гдѣ они съ замираніемъ сердца наблюдали рѣзвящихся на свободѣ лисинятъ. Однажды онъ продалъ князю маленькаго лисьяго дѣтеныша. Поступивъ на попеченіе Жоржиньки, звѣрекъ былъ прирученъ, спалъ на колѣняхъ у мальчика, какъ кошка, и не

покушался на куръ. Съ теченіемъ времени однако идиллія эта кончилась: подростая, лисица теряла дѣтскую игривость, становилась сумрачной, опасной и въ концѣ концовъ бѣжала.

Были ручные зайцы, проживавшіе въ княжескихъ хоромахъ. Были ежи. Были бѣлыя мыши. Выпаивали съ рожка и выхаживали жеребенка, который остался сиротою. Этотъ жеребенокъ ходилъ къ дѣтямъ въ гости, поднимаясь по балконной лѣстницѣ, и разъ взобрался даже во второй этажъ.

Собакъ-друзей было множество. И всѣ «дѣловыя». Правда, разъ пришелъ въ Поповку охотою изъ Ясной Поляны Левъ Николаевичъ Толстой (35 верстъ) и привелъ съ собою великолѣпнаго желтаго сеттера. Отъ него онъ пообѣщалъ дѣтямъ и, дѣйствительно, подарилъ впослѣдствіи щеночка. Это былъ единственный охотничій песъ въ усадьбѣ. Звали его Ляйнесъ. Онъ сталъ общимъ любимцемъ, но погибъ отъ чумы и былъ похороненъ дѣтьми въ саду, подъ любимою липою; долго ухаживали они за могилой. Всѣ остальныя собаки состояли каждая при своемъ дѣлѣ. Могучій Бѣлогорстъ героически охранялъ усадьбу отъ волковъ и погибъ зимою на своемъ посту. Былъ, правда, во дворѣ великолѣпный водолазъ, подаренный родственниками. Но, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, онъ жилъ сторожемъ при домѣ и исполнялъ свои обязанности добросовѣстно, умно и ласково. Были Шарики, Цыгане, Бѣлки — все дворняжки — каждая отличалась своими свойствами и всѣ были при соотвѣтственной службѣ. Разъ только набѣжала «противная» собака. Ее назвали Стеллой. То была необыкновенно породистая и граціозная левретка. Она замѣчательно прыгала, летала, какъ мотылекъ, но умѣла только граціозно «баловаться», все рвать и портить. Такая личность не подходила, конечно, къ строго дѣловой обстановкѣ княжеской усадьбы, и отъ Стеллы безъ сожалѣнія отдѣлались, подаривъ ее знакомымъ въ городъ.

Сближеніе съ животнымъ міромъ не ограничивалось дворомъ. Вмѣстѣ со своими деревенскими друзьями мальчики, какъ разсказывалъ уже въ старости князь Георгій Евгеніевичъ, знали всѣ птичьи гнѣзда въ саду и слѣдили за выводками всевозможныхъ птицъ.

— «Я не только зналъ нравъ и повадку каждой своей курицы, — говорилъ князь, — но и какъ живетъ каждая птица на волѣ. Умѣлъ подражать ихъ голосамъ и пѣнью, — да не только птицамъ, но и всякимъ животнымъ. И до старости лѣтъ сохранилъ это умѣнье. Разъ что умѣешь, не забывается. Изображалъ въ совершенствѣ кошекъ, свиней, поросятъ, утокъ, куръ, пѣтуховъ, журавлей, коростелей, перепелокъ, кукушекъ, лягушекъ, голубей, горлинокъ, галчатъ, вальдшнеповъ на тягѣ, тетеревовъ на току и даже соловьевъ...»

Такова была близость этихъ дѣтей къ окружающему ихъ со всѣхъ сторонъ внѣшнему міру.

Культурныя вліянія дѣйствовали гораздо слабѣе. Miss Jenny, скоро послѣ переѣзда въ Поповку, отбыла къ себѣ на родину. Англичанку смѣнила при дѣтяхъ русская бонна Екатерина Александровна Чупрова — дальняя родственница знаменитаго профессора. То была молодая и живая женщина, охотно бѣгавшая съ дѣтьми всюду, по саду, по лѣсамъ, на заводъ, въ поле. Дѣти не любили сидѣть дома и живая бонна, весело сопровождавшая ихъ всюду, оставила по себѣ хорошую память. Послѣ нея въ домъ поступилъ — уже для подготовки мальчиковъ къ гимназіи — учитель Леонидъ Алексѣевичъ Браилко. Дѣти называли его сокращенно Леонсѣичъ, а когда привыкли къ нему, удостоили учителя, по созвучію, кличкою Ляйнеса — именемъ своей любимой

и рано погибшей собаки. «Ляйнесъ» былъ очень добръ, сердиться не умѣлъ и совершенно вошелъ въ общую благожелательную атмосферу княжескаго дома. Онъ держалъ себя съ мальчиками на товарищеской ногѣ и входилъ во всѣ ихъ интересы. По природѣ, человѣкъ этотъ отличался большою аккуратностью и очень щепетильно относился къ своимъ обязанностямъ, стараясь на урокахъ казаться строгимъ. Но иногда кипучая деревенская жизнь общимъ потокомъ захлестывала и его вмѣстѣ съ учениками и со вздохомъ онъ прекращалъ занятія, понимая, что на мальчиковъ налетаютъ по временамъ стихіи, съ которыми бороться невозможно. Подготовилъ своихъ учениковъ къ гимназіи онъ не очень хорошо, но успѣлъ все-же пріучить ихъ къ систематическимъ занятіямъ, ко вниманію и воспитать въ нихъ сознаніе важности ученія. А самое важное было то, что онъ самъ подчинился вліянію установленной княземъ Евгеніемъ Владиміровичемъ атмосферы и какъ-бы органически слился съ жизнью Поповки.

Въ этой жизни съ раннихъ лѣтъ имѣла извѣстное значеніе и тщательно подобранная княземъ дѣтская литература. Такія книги, какъ «Счастливое Семейство», «Подвиги Милосердія», «Филиппъ Антонъ», «Нептунъ», «Путешествіе бѣлки Бобочки черезъ Байкалъ», «Сергѣй Лисицынъ», «Сережа Найденышъ», «Сѣрый армякъ», по словамъ князя Георгія Евгеніевича, оставили глубочайшій слѣдъ въ его душѣ и оказали огромное вліяніе на формированіе его міровоззрѣнія. Сколько слезъ надъ ними было пролито! Какія нѣжныя чувства рождали онѣ! Любилъ маленькій Жоржинька и другія, правда, немногія книги: русскія сказки въ сборникѣ Буслаева и сказки Андерсена. Одну изъ послѣднихъ онъ зналъ наизусть; она особенно трогала его сердце: за гордость бѣлое поле гречихи опалено молніей во время грозы и стало совсѣмъ чернымъ...

Въ иной области искусства первый же опытъ далъ весьма плачевные результаты. Устроенъ былъ однажды дѣтскій спектакль, на которомъ Жоржинька долженъ былъ изображать «Красную Шапочку». Когда поднялся занавѣсъ и ребенокъ увидѣлъ собравшихся смотрѣть на него окрестныхъ помѣщиковъ, онъ сталъ такъ горько плакать, что спектакль пришлось прекратить. За всю жизнь князя Георгія Евгеніевича это осталось единственнымъ выступленіемъ его на сценѣ.

Другая область искусства — музыка — напротивъ, чрезвычайно тянула къ себѣ мальчика съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ чрезвычайно своеобразныхъ особенностей. Онъ зналъ, понималъ и любилъ музыку народныхъ пѣсенъ, которая въ душѣ его сливалась съ любимыми картинами русской природы. Садовникъ Малахей, горькій пьяница, такъ игралъ на самодѣльной балалайкѣ, что она казалась мальчику дивнымъ инструментомъ. Онъ самъ сдѣлалъ себѣ такую же и выучился играть на ней. Когда Малахея прогнали за пьянство, сладостные звуки его балалайки остались навсегда жить въ душѣ мальчика. Они дополняли самую любимую его музыку — жалейку. Когда работникъ Гаврила долгими осенними темными вечерами, сидя на нижней ступенькѣ балкона, выводилъ на парной жалейкѣ съ коровьимъ рожкомъ всероссійскую зорю, — Жоржинька готовъ былъ часами стоять у окна, вслушиваясь въ своеобразные придыханія и переливы. И ему представлялась весна, утренняя заря, соловьи, мычаніе коровъ и запахъ молока, и ласковый вѣтерокъ, и всѣ чары мирной, мирной жизни... Хотя сдѣлать и наиграть жалейку не такъ то легко, мальчикъ таки выучился у Гаврилы и игралъ не хуже его.

Встрѣчи съ окружающими помѣщиками не были часты. Да и вліяніе этой чуждой ребенку среды не могло быть сколько - нибудь значительнымъ: на довольно большой радіусъ вокругъ Поповки жили тѣ «бывшіе люди», которыхъ описывалъ въ своей книгѣ Сергѣй Атава.

Трудно подмѣтить въ воспитаніи ребенка какіе-либо прямые слѣды вліянія церкви. Рябой и длинный семинаръ, преподававшій дѣтямъ Законъ Божій, кажется, не внушилъ имъ особеннаго интереса къ своему предмету. Рядомъ высилась чудесная церковь. Но какъ разъ около нея группировались люди и событія, мало способствовавшіе росту религіозныхъ настроеній. Первый предметный урокъ о пьянствѣ дала дѣтямъ именно церковная слобода. Старый священникъ, дьяконъ, дьячекъ — сильно пили. Весь причтъ жестоко воевалъ между собою. И хотя священникъ, по существу, былъ умнымъ, чувствительнымъ человѣкомъ и обычно велъ службу весьма благолѣпно, — дѣтямъ, повидимому, ближе были чисто народныя воззрѣнія въ этой области. Церковнымъ старостой былъ чудесный старикъ — садовникъ Иванъ Никитичъ. По разсказамъ князя Георгія Евгеніевича, старикъ обращался съ цвѣтами и растеніями какъ-то отечески безцеремонно, ошмыгивая ихъ рукою — точно поглаживая по головкѣ малое дитя. Съ иконами въ церкви онъ обращался такъ же снисходительно и по отечески, какъ съ цвѣтами. Онъ ровнялъ угодниковъ, чтобы никого не обидѣть свѣчами. Отъ свѣчного ящика виднѣе. — «И вижу я, — говорилъ онъ, — что Никола-то батюшка смотритъ на меня, проситъ: надо ему еще свѣчечку поставить»... Подойдетъ, смахнетъ рукавомъ пыль съ ризы, словно слезы утираетъ: «не плачь, батюшка, вотъ тебѣ свѣчечка»...

Такъ росъ этотъ мальчикъ шесть лѣтъ на вольной луговинѣ деревенской жизни. Когда въ 1871 г. семья стала сбираться въ Москву, чтобы приступить къ правильному ученію дѣтей, Жоржинькѣ было десять лѣтъ. Уѣзжая изъ Поповки, онъ не предавался особымъ волненіямъ: вѣдь онъ не зналъ, что именно ждетъ его въ новой жизни.

3.

Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Въ сердцѣ маленькаго, очень блѣднаго, миловиднаго, сдержаннаго мальчугана, котораго везли въ каретѣ съ Курскаго вокзала, — Москва не отозвалась ничѣмъ: онъ просто ея не замѣтилъ. И что было интереснаго въ Москвѣ? много ястребовъ, кружившихъ надъ Кремлевскими башнями, да голуби около Василія Блаженнаго... только и всего. Правда, къ дому, занятому семьею на Плющихѣ, примыкалъ довольно большой хозяйскій садъ, которымъ разрѣшено было пользоваться; у воротъ, въ сторожкѣ, жилъ старый дворникъ Ермолай, съ которымъ можно было подружиться; каждое утро подъѣзжалъ къ кухнѣ съ большою зеленою бочкою водовозъ; онъ такъ ловко вытаскивалъ штырь, подставляя ведро, что не проливалъ ни капли воды; во дворъ заходили торговцы съ лотками на головѣ, выкрикивая свои товары — и мальчикъ жадно вглядывался въ нихъ, надѣясь узнать кого-либо изъ Поповки... Но вотъ и все: больше ничего интереснаго въ Москвѣ не было. Одолѣвала тоска по милой деревнѣ и душу наполняли мрачныя предчувствія...

Они оправдались, когда мальчиковъ, воспитанныхъ на свободѣ, повели въ гимназическую клѣтку. Гимназія была частная. Директоръ ея Поливановъ пользовался въ Москвѣ репутаціей выдающагося педагога. Послѣ легкаго экзамена, обоихъ братьевъ, чтобы не разлучать ихъ на первыхъ порахъ, помѣстили во второй классъ. Товарищи — въ классѣ было 42 человѣка — не понравились Жоржинькѣ: всѣ они такъ мало походили на его деревенскихъ друзей! были и прямо «противныя» личности: «форсуны», въ необыкновенныхъ костюмахъ, съ большими бѣлыми бантами, подвитые... Занятія привлекали еще менѣе: изъ программы казалось умышленно исключеннымъ все, что имѣло какое бы то ни было отношеніе къ живой жизни. Гр. Д. А. Олсуфьевъ въ интересныхъ воспоминаніяхъ о Поливановской гимназіи характеризуетъ такъ ея директора: «Человѣкъ твердыхъ убѣжденій, необычайной трудоспособности и энергіи, онъ презиралъ противодѣйствіе классицизму со стороны маменекъ и папенекъ и былъ фанатикомъ классической школы. Въ своемъ увлеченіи онъ приравнивалъ классическую реформу графа Д. А. Толстого, по ея значенію для Россіи, къ реформамъ Петра Великаго. Даже французскій классицизмъ онъ признавалъ недостаточнымъ, какъ питавшійся одной грудью древней культуры: латинизмомъ; истинный классицизмъ процвѣлъ въ Германіи, гдѣ онъ питается отъ двухъ грудей древней культуры: латинской и греческой...» (1)

Можно быть различныхъ взглядовъ на систему классическаго образованія. Но и по сейчасъ, черезъ 50 лѣтъ вспоминается съ недоумѣніемъ та безсмыслица, которую съ такою свирѣпостью насаждалъ у насъ всесильный министръ просвѣщенія Толстой. За отсутствіемъ подходящихъ русскихъ преподавателей, нагнаны были посредственные чехи и нѣмцы. И о латинской, и о греческой культурѣ имѣли они представленія весьма смутныя. Да и не въ культурѣ была тамъ сила. По позднѣйшей формулировкѣ князя Г. Е. Львова, министерство ставило передъ этими «педагогами» иную задачу: «задерживать общее развитіе путемъ вдалбливанія дѣтямъ латинской и греческой грамматикъ». Эта задержка развитія, удаленіе просыпавшихся умовъ отъ «завиральныхъ» идей дѣйствительной жизни — производились систематически, не за страхъ, а за совѣсть. Были даже люди, находившіе, что стройная логика мертвыхъ грамматикъ шлифуетъ дѣтскій мозгъ и пріучаетъ ребенка къ послѣдовательному мышленію. Подобныя цѣли и объясненія (министерскія и добровольческія) — очень скоро выдохлись и исчезли. Остались простая чиновничья рутина и глупость, которыми свирѣпо мучили дѣтей каждый день въ школѣ и дома.

Пріобщеніе къ грудямъ латинской и греческой культуры свелось къ совершенно анекдотическимъ глупостямъ. Зубрили наизусть грамматическія правила, предлоги и исключенія въ стихахъ, такъ называемыя «выраженія», трепетали за письменными переводами съ русскаго («extemporalia»), разбирали грамматически жалкіе отрывки нѣкоторыхъ классиковъ... А если впослѣдствіи забывалось отвращеніе къ этому мучительству и являлось желаніе прочесть кое-что изъ древнихъ классиковъ въ подлинникахъ, приходилось заново учиться латинскому и греческому. Замѣчательно, что нѣкоторые живые ученики, не выдерживавшіе восьмилѣтней гимназической муштровки, проходили «на волѣ» тотъ-же курсъ латыни и греческаго въ годъ, въ полтора и успѣшно сдавали экзамены на аттестатъ зрѣлости.

---

1) Любезно сообщенныя мнѣ въ рукописи «сословно-бытовыя воспоминанія» гр. Д. А. Олсуфьева.

Такъ шло дѣло въ казенныхъ классическихъ гимназіяхъ. Но по всѣмъ данымъ, частная московская Поливановская гимназія отличалась такимъ же буквоѣдствомъ. И это, несмотря на то, что, по словамъ гр. Д. А. Олсуфьева, «даровитая, кипучая личность Поливанова накладывала отпечатокъ на всю гимназію».

«Направленіе гимназіи совпадало съ равнодѣйствующей между правым и лѣвыми теченіями Москвы того времени. По своей литературно-философской идейной основѣ Поливановская гимназія была опредѣленно консервативною въ лучшемъ значеніи этого слова; въ смыслѣ политическомъ она была нейтральною, или, пожалуй, тоже консервативною, но съ славянофильско-народническимъ уклономъ, т. е. съ сильнымъ духомъ оппозиціи противъ петербургскаго бюрократическаго «засилія». Словомъ, гимназія эта вѣрно отражала собою старую Москву». (1).

Въ частныхъ гимназіяхъ плата значительно выше, а потому учащіеся принадлежатъ въ большинствѣ къ состоятельному классу. Но Поливановъ старался привить своей гимназіи тонъ демократическій: духъ «бѣлоподкладочниковъ» преслѣдовался; барчукамъ-аристократамъ никакихъ поблажекъ не дѣлалось. Въ тоже время модные тогда матеріализмъ и натурализмъ были въ полномъ загонѣ. Поливановъ старался привить гимназіи духъ германской идеалистической философіи, поклоненіе эстетикѣ (театру) и служеніе классицизму не за страхъ, а за совѣсть. Въ гимназіи были хорошіе преподаватели Закона Божія, но духомъ церковной религіозности она не отличалась: самъ Поливановъ не былъ въ душѣ православнымъ человѣкомъ; онъ былъ идеалистомъ-пантеистомъ нѣмецкой школы (2).

Директоръ преподавалъ русскій языкъ и старался *пріохотить* своихъ учениковъ къ литературѣ.

Но къ чему вели эти старанія и воздѣйствія, когда строгій толстовскій классическій режимъ не давалъ ни сна, ни отдыха злосчастнымъ ученикамъ? Гимназія отнимала всѣ силы и все время. Для чтенія оставалось мало возможностей. Маленькій князь Львовъ увлекся было литературой въ третьемъ классѣ, но застрялъ на второй годъ. Кое-какъ удалось продержаться безъ чтенія до шестого, а тамъ опять тяга къ литературѣ и снова механическое слѣдствіе ея — оставленіе въ классѣ на второй годъ. Учились оба молодыхъ князя туго и съ величайшимъ трудомъ. Въ гимназіи самая механика преподаванія чуждыхъ и непонятныхъ для нихъ предметовъ рѣшительно отталкивала. Въ классѣ сидѣлъ въ креслѣ учитель — злой, равнодушный, невыразимо скучный или глупый. А передъ нимъ трепетало 30-40 жертвъ, крестясь подъ курткою, чтобы гроза миновала хоть на этотъ разъ. Полное отсутствіе душевной близости, взаимнаго пониманія, какихъ бы то ни было человѣческихъ чувствъ. Грубыя прививки гимназіи не принимались въ нѣжной душѣ мальчика, выросшаго въ атмосферѣ семейнаго и деревенскаго благожелательства. Плохо воспринималось не только классическое буквоѣдство; не лѣзли въ голову математическіе предметы въ передачѣ сухого педанта-преподавателя; не открывалась душа навстрѣчу даже и грубому Поливанову, прославленному педагогу, старавшемуся насильно вбить въ головы эстетическія впечатлѣнія отъ литературы и театра. Все это казалось совершенно не нужнымъ для жизни, чуждымъ, глубоко враждебнымъ. Жоржинька учился съ раздраженіемъ, со злобой, из

1) Гр. Д. А. Олсуфьевъ. Ц. с.
2) Тамъ-же.

немогалъ отъ непосильныхъ уроковъ и всетаки еле-еле держался на поверхности. Къ довершенію несчастій, экзамены не разъ кончались проваломъ по отдѣльнымъ предметамъ, осенью предстояли переэкзаменовки и страстно жданные каникулы въ Поповкѣ были совершенно испорчены репетиторами и занятіями.

Почти десять лѣтъ шли такія мученія. И до старости Георгій Евгеніевичъ не находилъ, вспоминая о гимназіи, ни одного добраго слова. «Не только веселаго, — говаривалъ онъ, — но и добродушнаго настроенія въ классѣ за всѣ 10 лѣтъ въ гимназіи не помню». То былъ отчаянный десятилѣтній бой за аттестатъ зрѣлости. Въ послѣдніе годы выработалась сноровка преодолѣвать трудности. Лишь бы, несмотря на единицы и двойки, допустили до экзаменовъ. А передъ самымъ экзаменомъ въ какихъ-нибудь 10-15 сутокъ, при страшномъ напряженіи, проглатывался цѣликомъ предметъ, все становилось послѣдовательно на свое мѣсто, непонятные клочки безконечно зубримыхъ ежедневно знаній исчезали и ясный практическій умъ воспринималъ предметъ въ цѣломъ и легко дѣлалъ изъ него выводы. Выдерживая экзаменъ, какъ часто недоумѣвалъ онъ: зачѣмъ нужно было преодолѣвать такъ долго столь простыя вещи...

Какъ бы то ни было, въ 1881 году онъ кончилъ, наконецъ, гимназію и получилъ аттестатъ зрѣлости — не изъ худшихъ. Теперь ему казалось, что лучшее употребленіе полученныхъ знаній — забыть ихъ цѣликомъ какъ можно скорѣе. Но долгое время еще томили его ночью кошмары чего-то совершенно непреодолимаго никакимъ напряженіемъ. Съ радостнымъ чувствомъ просыпался онъ, вспоминая, что все это мучительство навсегда позади, кончено.

Грязная сторона гимназическихъ товарищескихъ отношеній не коснулась мальчика. Хотя въ этомъ отношеніи гимназія Поливанова не отличалась особенной строгостью, но сами товарищи обходили маленькаго князя: онъ всегда въ классѣ считался самымъ маленькимъ, носилъ прозвище «цыцки» и былъ избавленъ отъ скабрезной похвальбы и разсказовъ.

Гр. Д. А. Олсуфьевъ поступилъ въ шестой классъ Поливановской гимназіи, засталъ въ немъ князя Георгія Львова и такъ описываетъ его: «онъ былъ по годамъ мой сверстникъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ, тогда еще невысокій, худенькій, съ тонкими, нѣжными чертами лица, съ свѣтлыми задумчивыми глазами, тихій, грустный, скромный, держащійся немного въ сторонѣ отъ товарищей и даже сидѣвшій гдѣ-то съ краю, въ тѣни, у стѣнки. Аристократичность облика этого хорошенькаго отрока, отпечатокъ на немъ чистоты и скромности, семейнаго воспитанія — вотъ что тогда меня къ нему притягивало...» «Онъ былъ чистыхъ, скромныхъ нравовъ; ни въ попойкахъ, ни въ распутствѣ, ни въ сальныхъ разговорахъ съ товарищами онъ не участвовалъ. Но трудовую школу жизни... онъ началъ проходить рано, и это, конечно, и способствовало и развитію въ немъ сильнаго характера, и исключительнаго трудолюбія, и той духовной замкнутости, которою онъ отличался...» «И въ моемъ представленіи Георгій Львовъ остался человѣкомъ, далеко не разгаданнымъ мною. Онъ былъ скромный, неблестящій, сѣрый, но съ большою внутреннею духовною и умственною жизнью, съ сильнымъ, почти аскетическимъ характеромъ, но весьма замкнутымъ»... «У всѣхъ Львовыхъ было развито глубокое чувство семейной сплоченности; мнѣ думается, что главною цѣлью своей дѣятельности Георгій Львовъ смолоду поставилъ поднятіе своей семьи. Отсюда его практицизмъ, его выработанная способность ко всякой работѣ; весь аскетизмъ его привычекъ, казавшійся инымъ прямою скаредностью; отсюда и его своебразный демокра-

тизмъ, глубокое народничество и какое-то странное смѣшенiе религiозности, идеализма, съ грубымъ мужицкимъ практицизмомъ»... (1)

4.

Сердечная близость, интимная дружба, повидимому, не играли сколько-нибудь значительной роли въ жизни князя Георгiя Евгенiевича. И такъ повелось, кажется, съ молоду. Рѣчь идетъ, конечно, не о «семейственныхъ» связяхъ, которыя всегда были очень сильны, ни даже — о привязанности къ отцу и матери. Рѣчь идетъ о дружбѣ. Очень близокъ Жоржинька былъ только съ маленькою сестрою. Братъ былъ старше его на два года, но учились они вмѣстѣ во второмъ и третьемъ, пятомъ и шестомъ классахъ. Чувства къ Поповкѣ, всѣ затѣи, игры и труды въ ней — были у нихъ общiе. Но, вѣроятно, на вопросъ, — любятъ ли они другъ друга, — мальчики отвѣтили бы насмѣшками и протестомъ. Какъ полагается подросткамъ, они соперничали, спорили, издѣвались другъ надъ другомъ, отчаянно дрались...

Въ гимназiи, въ своемъ классѣ князь Георгiй не нашелъ себѣ не только друга, но даже и прiятеля. Позднѣе сталъ онъ сходиться во время перемѣнъ съ ученикомъ Сатинымъ, который былъ старше его классами. Они нашли другъ друга по любви къ деревнѣ: у Сатина въ Пензенской губернiи была своя «Поповка»,по которой онъ такъже тосковалъ въ московской гимназической клѣткѣ... они описывали другъ другу прелести потеряннаго рая и забывали на время о ненавистномъ окружающемъ. Близость эта скоро окончилась. Другой «другъ» (тоже изъ старшаго класса) казался милъ тѣмъ, что былъ сыномъ крестьянина, державшаго на берегахъ Волги разгонныхъ лошадей: этотъ юноша метался въ московской жизни, не зная, къ чему приложить свои незаурядныя физическiя и нѣсколько растрепанныя душевныя силы. Повидимому, онъ принялъ подъ свое покровительство блѣднаго мальчугана, котораго скоро сдѣлалъ повѣреннымъ своихъ сердечныхъ тайнъ.

Позднѣе, въ шестомъ классѣ князь Георгiй встрѣтился съ братьями графами Олсуфьевыми. Молодые люди — сыновья свитскаго генерала, были богаты и нѣсколько лѣтъ провели въ Парижѣ. Ихъ мать извѣстна была либеральными воззрѣнiями. Въ ея салонѣ царствовалъ позитивизмъ и преклоненiе передъ французской революцiей. Посѣтителями были, главнымъ образомъ, профессора и ученые. Въ гимназiи особенной близости между молодыми людьми не установилось: положенiе въ свѣтѣ было слишкомъ различно. Короче сошлись они позднѣе въ университетское время. Наступилъ моментъ, когда «лѣвыя» убѣжденiя гр. Олсуфьевой стали возбуждать противъ себя реакцiю со стороны сыновей — особенно гр. Дмитрiя Адамовича. Его потянули къ себѣ вопросы религiозные и нравственные. На этой почвѣ подошелъ онъ ближе къ князю Георгiю Евгенiевичу, который посовѣтовалъ ему обратиться къ ученiю славянофиловъ. Молодые люди видѣлись, вели долгiе споры, иногда развлекались вмѣстѣ (гр. Олсуфьевы держали между прочимъ верховыхъ лошадей); иногда играли въ винтъ послѣ прогулки, хотя князь Георгiй Евгенiевичъ терпѣть не могъ картъ...

То были лишь товарищескiя отношенiя, далекiя отъ интимной дружбы.

---

1) Тамъ же. Эта тонкая характеристика очень пригодится намъ въ дальнѣйшемъ.

Въ послѣднихъ классахъ гимназіи ближе другихъ сталъ къ Георгію Евгеніевичу его сверстникъ — Владиміръ Лопатинъ. Казалось, между молодыми людьми нѣтъ ничего общаго. Лопатинъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ судебнаго дѣятеля, связанъ былъ всѣмъ своимъ прошлымъ съ городомъ. Прелести деревни казались ему чуждыми. По признанію его сестры (1), онъ любилъ, въ сущности, въ жизни только театръ. Большой юмористъ и комикъ, Лопатинъ надѣленъ былъ природою замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ и, если не пошелъ на сцену немедленно, то исключительно потому, что не хотѣлъ огорчить родителей, не желавшихъ видѣть его актеромъ. Въ жизни онъ вѣчно шутилъ, сохраняя часто совершенно серьезный видъ. Съ княземъ Львовымъ они вмѣстѣ окончили гимназію, вмѣстѣ прошли университетъ, вмѣстѣ служили въ молодые годы въ Москвѣ и Тулѣ. Не миновалъ Георгій Евгеніевичъ и знаменитаго въ Москвѣ «Екатерининскаго Особнячка» около Пречистенскаго бульвара. Здѣсь жила большая и дружная семья Лопатиныхъ; къ нимъ по «средамъ» собирались многіе представители московскаго интеллектуальнаго міра и много молодежи. Одинъ изъ Лопатиныхъ готовился къ профессурѣ и находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Владиміромъ Соловьевымъ. Другой — служилъ, но «для души» (какъ говорятъ мужики) собиралъ и записывалъ старинныя народныя пѣсни. Въ домѣ бывали профессора, судебные дѣятели, знаменитые писатели. Георгій Евгеніевичъ въ первый разъ пришелъ къ своему товарищу какъ-то вечеромъ, весною, и попалъ на толпу молодежи: шла болтовня, смѣхъ, играли на гитарѣ, пѣли... Князь Львовъ вошелъ въ комнату «въ бѣлой рубашкѣ съ кожанымъ поясомъ и черныхъ брюкахъ, худой, бѣлокурый и блѣдноватый»... Онъ быстро оріентировался, хохоталъ надъ шутками своего пріятеля, слушалъ русскія пѣсни и превосходно изображалъ, какъ квакаютъ лягушки и кричитъ коростель» (2). Послѣ этого онъ сталъ временами заходить въ оригинальный домикъ товарища. Правда, не часто, и всегда неожиданно.

Люди, не очень близко знавшіе князя, часто отмѣчали у него (особенно въ молодости) «грустный взглядъ». Въ дѣйствительности, это была натура, чрезвычайно далекая и отъ пессимизма, и отъ «грусти томной». Онъ радъ былъ посмѣяться, и шутки Лопатина, вѣроятно, доставляли ему большое удовольствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь былъ всегда необыкновенно простъ. Тургеневъ говоритъ гдѣ-то, что простота въ молодые годы — признакъ геніальности. Не знаю, *всегда ли* это такъ. Думаю, не всегда. Какъ бы то ни было, Георгій Евгеніевичъ въ молодые годы отличался совершенно необыкновенною, предѣльною простотою. Но за нею всѣми чувствовалось что-то свое собственное, своеобразное, отдѣльное... какая-то постоянная мысль какъ-будто держала его въ своихъ оковахъ и порою накидывала на его лобъ тѣнь, которая казалась грустью непосвѣщеннымъ... Но были-ли посвященные? Едва-ли...

Отъ «Екатерининскаго Особнячка» у Георгія Евгеніевича на всю жизнь остались пріятныя воспоминанія: «тамъ царила духовная культура, патріархальная простота и семейная любовь», — говорилъ онъ.

Были и такіе пріятели, какъ Трескинъ, товарищъ по гимназіи, который частенько лазилъ въ окно къ Георгію Евгеніевичу и просвѣщалъ его художественной литературой. Трескинъ зналъ и читалъ наизусть безконечное количество стиховъ. Но особенно поклонялся онъ Толстому. Съ Трескинымъ Георгій Евгеніевичъ впервые читалъ «Войну и Миръ» и восхищался твореніемъ Толстого.

---

1) К. Ельцова. Сынъ отчизны. «Совр. Зап.», 25.

2) Тамъ-же.

Книга не имѣла въ жизни князя Львова того значенія, какое представляла она для многихъ его сверстниковъ. Въ гимназическіе годы читать постоянно и много было некогда. Даже Тургенева онъ читалъ, кажется, впервые только въ четвертомъ классѣ. Впрочемъ, творенія славянсфиловъ неудержимо тянули его къ себѣ. Въ годы турецкой войны онъ зачитывался ими съ особеннымъ увлеченіемъ. Въ домѣ князя Евгенія Владиміровича славянофилы (Ив. С. Аксаковъ, А. И. Кошелевъ и др.) были друзьями и почетными гостями. Съ началомъ славянскаго возстанія 1876 г. значеніе ихъ сильно поднялось въ Москвѣ. Въ это именно время князь Львовъ изучалъ усиленно творенія А. С. Хомякова, Ю. Д. Самарина, Константина Аксакова, братьевъ Кирѣевскихъ. Особенно увлекался онъ Хомяковымъ, который вполнѣ отвѣчалъ его чувствамъ и настроеніямъ. Георгій Евгеніевичъ не сдѣлался славянофильскимъ сектантомъ. Читая Бѣлинскаго и другихъ западниковъ (въ особенности добравшись впослѣдствіи до Чаадаева), князь готовъ былъ признать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ односторонность славянофильскихъ доктринъ, ихъ нападокъ на западныя цивилизаціи и охотно воспринималъ у западниковъ идеи гражданственности, широкаго равноправія и прогресса. Но огульныя осужденія русскаго прошлаго и русскаго настоящаго вызывали въ немъ чувства глубокаго оскорбленія. Въ концѣ концовъ западники только укрѣпили въ немъ славянофильскіе взгляды. Къ нимъ тянулся онъ всею душою. Русскій народъ — богоносецъ. Залогъ лучшаго будущаго Россіи — въ общеніи передовыхъ слоевъ общества съ народомъ и въ возрожденіи его прежнихъ идеаловъ: «народу — сила мнѣнія, царю — сила власти». Русское государство — это союзъ народа съ властью, земли съ государствомъ, корни его въ первобытной общинѣ, гдѣ всѣ члены равны и гдѣ впервые, волею общины, власть предоставлена государю въ качествѣ представителя общины. Подобныя идеи, уже тогда далеко не первой молодости — глубоко залегли однако въ душу юноши, подготовленную къ ихъ воспріятію всѣмъ его дѣтствомъ. Въ тонъ съ такими взглядами, война за освобожденіе славянъ глубоко волновала Георгія Евгеніевича и заставляла слѣдить со страстнымъ патріотизмомъ за ея перипетіями.

Царя Александра II-го князь Георгій Евгеніевичъ чтилъ, по примѣру отца своего, какъ Царя-Освободителя, и въ юные годы питалъ къ нему высокія и восторженныя чувства. Пріѣзды царя въ Москву въ 1872 и 1878 г. г., народныя встрѣчи, иллюминаціи — дали матеріалъ для необычайныхъ треволненій въ жизни мальчика. И эти треволненія очень походили на то любовное облако, которое, по изображенію Толстого, охватывало Николая Ростова при встрѣчахъ съ Александромъ I-ымъ...

Впрочемъ, политика никого не интересовала въ Поливановской гимназіи. О подпольномъ революціонномъ мірѣ, напримѣръ, Георгій Евгеніевичъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, не подозрѣвалъ о немъ. И когда міръ этотъ обнаружился въ актѣ убійства Александра II-го, молодой человѣкъ былъ пораженъ «несоотвѣтствіемъ этого событія тому міру, въ которомъ онъ жилъ».

Воздѣйствія родственныя въ Москвѣ были незначительны. Семья покойнаго дяди, князя Владиміра Владиміровича Львова со своими развѣтвленіями, и семья другого дяди (со стороны матери) Федора Алексѣевича Мосолова — поднимали въ юношѣ больше горькихъ чувствъ, чѣмъ радостныхъ. Настоящей близости съ этими родственниками не было. А семейныя переживанія, общественное положеніе и матеріальныя условія существованія большинства этой родни заронили въ душу юноши тяжелыя представленія о сложности

жизненнаго пути и совершенной необходимости занять поскорѣе активную и самостоятельную позицію на аренѣ жизненной борьбы.

Одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Георгія Евгеніевича (Мосоловъ) былъ между прочимъ страстнымъ любителемъ театра. Онъ много игралъ на любительскихъ спекткаляхъ, зналъ наизусть «Горе отъ ума» и «Гамлета». Но и это вліяніе нисколько не захватило Георгія Евгеніевича. Въ театрахъ бывалъ онъ чрезвычайно рѣдко — лишь по приглашеніямъ родственниковъ, видѣлъ «Ревизора», «Горе отъ ума», нѣкоторыя пьесы Островскаго. Еще рѣже случалось бывать въ итальянской или русской оперѣ. Театръ нисколько не увлекалъ юношу, никакой страсти къ нему онъ не питалъ и не понималъ ея у другихъ.

Даже болѣе. Иногда на него нападало возмущеніе неполнотою и ложностью изображенія жизненной дѣйствительности на сценическихъ подмосткахъ. Какъ-то онъ попалъ на «Жизнь за Царя» въ разгаръ своихъ патріотическихъ чувствъ и любви къ Александру II-му. Мужики, дѣвушки, ихъ внѣшность и чувства — все показалось ему чрезвычайно далекимъ отъ правды: нѣтъ! только онъ одинъ въ театрѣ зналъ, что такое настоящій деревенскій народъ и что такое настоящая любовь къ Россіи и царю...

Такъ же непріятна была молодому князю декламація Некрасовскихъ слезъ надъ народомъ. Пріятели (Трескинъ, Мосоловъ) читали съ паѳосомъ

Назови мнѣ такую обитель
(Я такого угла не знавалъ)
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ...

А князя захватывало глубокое негодованіе и чувство оскорбленія за мужика. Въ горячихъ спорахъ съ товарищами онъ доказывалъ, что они понятія не имѣютъ о народѣ, какъ не имѣютъ о немъ понятія ни поэты народолюбцы, ни чиновники.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская . . .
Мало слезъ, а горя рѣченька бездонная . . .

Какъ? этакую-то красоту, да гордость, да радость, да облить слезами? Да кто-же въ деревнѣ стонетъ и плачетъ въ рабочую пору? Это — праздникъ, наивысшій подъемъ силъ, наивысшее, счастливѣйшее напряженіе всѣхъ творческихъ способностей!.. Въ рабочую пору пѣсни играютъ, пляшутъ, смѣются и радуются, а не стонутъ, не плачутъ, не обращая даже вниманія на то, что руки зудятъ, болятъ, спина ноетъ... Жалуются не на трудъ, а на бѣдность. Бѣдность тяжела, ея въ деревнѣ не мало... гдѣ ея нѣтъ? Но отъ нея избавляются именно трудомъ, а не стонами и слезами...

5.

Семья князя Евгенія Владиміровича могла продержаться въ Москвѣ шесть зимъ. Затѣмъ наступилъ глубокій и, казалось, окончательный кризисъ. Планъ князя не удался. Неудачи преслѣдовали его съ самаго начала. Для постройки завода нужны были мастера. Не очень надѣясь на крестьянъ и, желая на первыхъ порахъ послѣ освобожденія, поставить у нихъ передъ глаза-

ми культурныхъ рабочихъ, князь рѣшилъ выписать послѣднихъ черезъ Дрезденскую контору брата. Для перваго опыта прибыли трое. Одинъ изъ пріѣхавшихъ утверждалъ, что онъ опытный винокуръ и строилъ винокуренные заводы. Оказалось, что онъ вовсе не знаетъ винокуреннаго дѣла. Другой былъ простымъ пахаремъ. По выясненіи недоразумѣнія, оба «инструктора» отправлены были обратно въ Германію. Третій нѣмецъ былъ хорошимъ плотникомъ и остался въ Поповкѣ. Создавать заводъ пришлось русскими руками. Дѣло доведено было до конца, заводъ сталъ благополучно работать и въ первые годы приносилъ хорошіе барыши. Однако, съ теченіемъ времени, правительство, въ видѣ поощренія крупныхъ заводовъ, значительно повысило акцизъ на мелкіе. Конкурировать стало невозможно. Побившись нѣкоторое время, князь сдалъ заводъ въ аренду. Очень быстро арендаторъ привелъ его въ негодность и сооруженіе, стоившее большихъ денегъ, пришлось продавать по частямъ. Между тѣмъ на семьѣ къ тому времени лежали серьезные долги. Часть ихъ была очень стараго происхожденія. Многіе основывались на личномъ довѣріи и потому признавались княземъ священными. Быстрому росту долговъ способствовало еще одно обстоятельство. Мать княгини Варвары Алексѣевны жила постоянно заграницей. Когда дочь ея вышла замужъ за князя Львова, она, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, весьма часто обращалась за ними къ дочери и ея мужу. Княгиня волновалась и плакала. Князь не видѣлъ возможности отказать, занималъ деньги и направлялъ ихъ заграницу.

Когда рѣшенъ былъ переѣздъ въ Москву для образованія младшихъ дѣтей, князь не разсчитывалъ предстоящихъ расходовъ. Задача казалась безусловною и совершенно неизбѣжною; князь надѣялся, что, при большой экономіи, остатковъ состоянія еще хватитъ, чтобы поставить дѣтей на ноги. А тамъ уже предстояла ихъ собственная работа. Правда, у семьи еще не изсякли всѣ рессурсы. Кромѣ Поповки, было еще имѣніе въ Черниговской губерніи, перешедшее по наслѣдству отъ жены старшаго брата князя, рожденной Перовской. Имѣніе не давало дохода, но главную цѣнность въ немъ представляла большая лѣсная дача. Изъ имѣнія этого въ Поповку доставлена была пятерка великолѣпныхъ лошадей и чудесная мебель empire цѣльнаго краснаго дерева. То и другое способствовало увеличенію и престижа, и кредита обитателей Поповки. По мѣрѣ пребыванія въ Москвѣ, пришлось приступить къ ликвидаціи черниговскаго имѣнія.

Старшій изъ сыновей Евгенія Владиміровича — князь Алексѣй Евгеніевичъ, окончившій къ этому времени университетъ, болѣе полугода провелъ въ черниговскомъ лѣсу, подготовляя намѣченную ликвидацію. При помощи предпріимчиваго мѣстнаго крестьянина, удалось наладить продажу земли крестьянамъ отдѣльными участками, а затѣмъ продать — за 30 тыс. и лѣсную дачу. Для жизни въ Москвѣ оказалось необходимымъ реализовать и большое, но совершенно бездоходное имѣніе семьи въ Костромской губерніи. Выручаемыя такимъ образомъ деньги шли главнымъ образомъ на уплату долговъ и лишь отчасти — на текущіе расходы семьи. Но наступилъ, наконецъ, чередъ Поповки. Сначала она была заложена въ земельномъ банкѣ. Затѣмъ началась постепенная вынужденная ея ликвидація. Продавались участки лѣса, заповѣдныя дубовыя рощи, молочное стадо... Въ 1877 г. стало, наконецъ, очевиднымъ, что состоянію подходитъ конецъ. Жить дольше въ Москвѣ не было возможности и старѣвшій уже князь вынужденъ былъ, не доверпивъ дѣла образованія дѣтей, вернуться въ Поповку. Старшіе сыновья уже начали самостоятельное существованіе и князь Алексѣй Евгеніевичъ, окончивъ университетъ, уже слу-

жилъ въ Поповкѣ Алексинскимъ Земскимъ Гласнымъ и мировымъ судьею. Но, повидимому, у обоихъ старшихъ князей не было особеннаго призванія и любви къ хозяйству. Къ тому же положеніе казалось безвыходнымъ. Послѣ всѣхъ возможныхъ ликвидацій, оставалось еще около 80 тысячъ долга и противъ нихъ — заложенная Поповка, которую нельзя было цѣнить дороже 25.000 р., да десятинъ 150 чернозема въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи, сдававшихся крестьянамъ въ аренду малыми участками. Поповка не давала дохода. Оборотнаго капитала не было. Воры прикащики довели инвентарь — живой и мертвый — почти до полнаго оскудѣнія. Мужики качали головами и сочувственно вздыхали, бесѣдуя во время лѣтнихъ каникулъ со своими пріятелями — молодыми князьями... Словомъ, все было уже на томъ перегибѣ, за которымъ должно было начаться стремительное паденіе, полная ликвидація, появленіе на сценѣ хищниковъ, исчезновеніе стараго дворянскаго гнѣзда...

Какъ въ сказкѣ, надо было выбирать на роковомъ распутьѣ — назадъ нѣтъ возврата, пути отрѣзаны, заросла дорожка; направо вѣрная гибель; налѣво опасная борьба, но есть исходъ. И вотъ, шестнадцатилѣтній богатырь, братъ Георгія Евгеніевича — рѣшилъ выбрать путь налѣво. Любовь его къ Поповкѣ, деревенское воспитаніе, съ дѣтства пріобрѣтенные навыки, вкусъ къ труду, желаніе спасти семью — все толкало бросить московскую клѣтку, гдѣ онъ, не безъ большихъ трудовъ, добрался до седьмого класса. Правда, съ хозяйствомъ въ цѣломъ онъ былъ знакомъ мало. Но онъ зналъ и цѣнилъ крестьянъ, умѣлъ по настоящему заглянуть имъ въ душу, понадѣялся на помощь своихъ многочисленныхъ деревенскихъ пріятелей и безоговорочно рѣшилъ пойти на выучку къ мужикамъ. Возможность хозяйничать по прежнему, строить фантастическіе планы, «спрашивать» съ другихъ работу, въ оскудѣвшей Поповкѣ отошла навсегда. Онъ понималъ это. Надо было терпѣть, работать самому и исподволь учиться. Такъ онъ и сдѣлалъ, проявивъ для своихъ шестнадцати лѣтъ удивительную выдержку и стойкость. Въ Поповкѣ наступили тяжелые годы, когда на столѣ часто не появлялось ничего, кромѣ ржаного хлѣба, картофеля и щей изъ сушеныхъ карасей, наловленныхъ вершей въ пруду. Мѣсяцами не было ни копейки денегъ. Молодой хозяинъ вставалъ до свѣту и проводилъ день въ полѣ. Безъ особой торопливости, принялся онъ за возстановленіе хозяйственнаго инвентаря. Не было и помину о созданіи чего-либо вновь: все чинилось и возстановлялось постепенно, своими матеріалами, «своими средствіями», мѣстными мастерами и съ тою изумительною бережливостью, которой учился онъ у хозяйственныхъ мужиковъ. Сначала никакихъ рѣшительно новшествъ. Въ Поповкѣ постепенно развертывалось большое мужицкое хозяйство, примѣнялись всѣ обычныя въ такомъ хозяйствѣ формы найма и использованія рабочей силы. Молодой князь вездѣ и всегда былъ самъ, ко всему приглядывался, со всѣми совѣтовался. Лишь понемногу, лишь очень осторожно сталъ онъ пускаться въ строго мужицкія, но все-же новыя для господской усадьбы предпріятія: поставилъ на откормъ свиней, постепенно увеличивая ихъ число, возобновилъ пришедшее въ ветхость кирпичное производство...

Когда послѣ этого Георгій Евгеніевичъ, оставшійся одинъ въ Москвѣ доучивать поливановскую премудрость, пріѣхалъ во второй разъ на каникулы, возрожденіе Поповки стало уже замѣтнымъ. Молодой хозяинъ взялъ уже въ руки бразды правленія; его признавали; его слушались. Въ немъ увидѣли новое явленіе — барина работника, явленіе необычайное, признали его дѣло-

витость и уважали за труды и простоту. Мужицкій міръ встрѣтилъ его добродушно и привѣтливо. Тонъ работы сразу поднялся, такъ какъ молодой князь проводилъ съ рабочими цѣлые дни и неуклонно совѣтовался по всѣмъ вопросамъ. Когда для всѣхъ стало ясно, что дѣло попало въ крѣпкія руки и пошло на подъемъ, самая разнообразная помощь намѣтилась со всѣхъ сторонъ. Для всего этого молодой человѣкъ, конечно, долженъ былъ проявить твердость характера, осторожность, умъ, способности къ пониманію хозяйства, а главное — любовь къ труду и увлеченіе творчествомъ въ этой области.

6.

Георгій Евгеніевичъ остался въ Москвѣ, въ гимназическомъ пансіонѣ. Но изнывая на латинскихъ и греческихъ урокахъ, онъ былъ душою въ Поповкѣ. Успѣхи брата разжигали желаніе приложить руки къ любимой Поповкѣ. Поля, лѣса и луга, сверхъ прежней непосредственной прелести, пріобрѣтали въ мечтахъ новое значеніе отъ того, что съ ними можно сдѣлать. Трудъ около земли, творческое въ немъ начало — казались идеаломъ; мужики, шедшіе пашенною бороздою всю жизнь до могилы, — героями. Въ мечтахъ вырабатывалась новая мѣрка для оцѣнки людей: казалось, для этого совершенно достаточно «трудовой гири»... Когда лѣтомъ, послѣ такихъ «зимнихъ» размышленій, онъ попадалъ въ Поповку, накопившаяся энергія жадно требовала приложенія труда, творчества, а между тѣмъ во всемъ чувствовалась обидная отсталость, неопытность, невозможность сразу приспособиться къ условіямъ работы послѣ городского прозябанія. Угнаться за братомъ оказывалось совершенно невозможнымъ.

Наконецъ, «мигъ вожделѣнный насталъ»: съ гимназіей было покончено и покончено вполнѣ благополучно. Предстоялъ выборъ факультета. Онъ опредѣлился отнюдь не склонностью къ тѣмъ или инымъ наукамъ. Вовсе нѣтъ. Георгій Евгеніевичъ выбралъ юридическій факультетъ только потому, что искалъ прежде всего возможной свободы. Факультетъ былъ легче другихъ и съ прохожденіемъ его можно было соединить работу въ Поповкѣ. Къ тому-же молодой человѣкъ не искалъ никакой спеціальности, а юридическій факультетъ могъ скорѣе всего расширить его общее образованіе и дать дипломъ, который годился въ будущемъ для служенія семьѣ.

Эти планы и намѣренія были осуществлены. Университетъ, повидимому, съигралъ въ жизни Георгія Евгеніевича такую-же малую роль, какъ и гимназія. Четыре года университетскаго курса онъ провелъ въ Поповкѣ, по большей части пріѣзжая въ Москву незадолго до экзаменовъ и уѣзжая немедленно послѣ ихъ сдачи.

Университетъ былъ досаднымъ отвлеченіемъ отъ дѣла. Настоящая жизнь шла полнымъ ходомъ въ Поповкѣ.

Тамъ уже было приступлено къ осуществленію новаго общаго плана хозяйства. Алексинскіе суглинки безъ сильнаго удобренія плохо родятъ хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ почва эта особенно пригодна для клевера. Переходъ отъ трехполья къ многополью, посѣвы клевера, увеличеніе кормовъ и скота — намѣчались сами собою. Но для такого преобразованія всего хозяйства требовались значительныя средства. Ихъ не было, а все, что представлялось возможнымъ использовать, давно подверглось реализаціи. Надо было искать новыхъ источниковъ крупнаго дохода, который далъ бы возможность поставить пра-

вильно хозяйство. Какъ разъ въ то время на рынкѣ чувствовалась большая нужда въ клеверныхъ сѣменахъ. Многія хозяйства переходили на многополье. Земства усиленно поощряли травосѣяніе на крестьянскихъ запольныхъ земляхъ. Въ Поповкѣ созрѣло рѣшеніе специализироваться временно на выработкѣ клеверныхъ сѣмянъ и постепенно занять подъ клеверъ почти всю пахотную землю. Ко времени этой сложной, трудной и длительной операціи Георгій Евгеніевичъ, освободившись отъ гимназіи, перебрался въ деревню. Со страстнымъ усердіемъ окунулся онъ въ работу и въ послѣдующіе годы отрывался отъ нея только для того, чтобы сдавать въ Москвѣ переходные экзамены. Курсъ изученія клевернаго сѣменного хозяйства развивался параллельно съ университетскимъ курсомъ. И первый изъ нихъ, конечно, требовалъ гораздо больше напряженія, устойчивости, терпѣнія и творческой инициативы, чѣмъ второй.

Планъ удался блестяще. Послѣ ряда лѣтъ страстнаго, любовнаго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, братьямъ удалось снять значительные урожаи клевера почти со ста десятинъ, очистить и отдѣлать сѣмена великолѣпнымъ образомъ и выручить за нихъ въ Москвѣ цѣлый маленькій капиталъ. Періодъ испытаній кончился. Поповка была спасена. Представлялось возможнымъ перейти къ спокойной реорганизаціи и правильной постановкѣ хозяйства.

Суровая школа не набила оскомины. Напротивъ, работа затягивала: съ каждымъ годомъ росли надежды и настойчивость. При этомъ спасенье Поповки, жертвенныя побужденія по отношенію къ семьѣ часто отходили даже на второй планъ. Братья увлекались творческимъ элементомъ работы; на первый планъ выступало честолюбіе дѣла, желаніе добиться своего, несмотря на всѣ препятствія. Эта стойкая борьба въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за достиженіе поставленной себѣ практической цѣли — неизбѣжно дѣйствовала на психику. Все пріобрѣтало постепенно новое значеніе и новую цѣнность — *дѣловую*, и люди и дѣла начали получать оцѣнку по ихъ хозяйственности и проявленному трудолюбію. На первыхъ порахъ разраслась до невѣроятныхъ размѣровъ идеализація мужицкаго физическаго труда. Явилась склонность въ каждомъ пахарѣ видѣть богатыря — Микулу Селяниновича, грандіозные масштабы величавой и ухватистой работы котораго такъ пристыдили въ народной былинѣ Вольгу и его дружинушку хоробрую.

Вольга посрамленъ, хотя ему и «въ наукъ пошло ученіе» потому именно, что не знаетъ настоящаго земледѣльческаго труда, а норовитъ прожить, разъѣзжая по селамъ и городамъ за получкою — съ мужиковъ выбираетъ данипошлины... Онъ отбился отъ настоящаго труда и вся его дружинушка не въ силахъ уже изъ земли мужицкую сошку выдернуть («только сошку за обжи вокругъ вертятъ») — ту смую сошку, съ которою Микула Селяниновичъ управляется такъ ладно, легко и величаво.

Казалось, то же совершается кругомъ, среди оскудѣвающаго дворянства: никто не работаетъ, никто не можетъ преодолѣть вѣковую привычку жить за чужой работой, за чужой счетъ; а тѣмъ временемъ крестьянство, при всѣхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, богатырскимъ трудомъ все болѣе и болѣе упрочиваетъ свое положеніе.

Но «дѣловая» мѣрка людей и событій не могла остановиться на апоѳеозѣ физическаго крестьянскаго труда. Вѣдь хозяйственный успѣхъ выпалъ и на долю «Колупаевыхъ», шедшихъ на смѣну дворянству.

— Ну, и что-же? — разсуждаетъ князь — это были въ своемъ родѣ тоже

богатыри — если не земледѣльческаго труда, то «дѣлячества», на которое большая часть дворянства оказалась также неспособною. Они — эти купцы, мѣщане, разбогатѣвшіе крестьяне — работали въ области торговли и сельско-хозяйственной промышленности такъ же, какъ мужики на землѣ, какъ не умѣло работать землевладѣльческое дворянство. Они давали изъ среды своей удивительные образцы практическихъ познаній въ самыхъ разнообразныхъ спеціальностяхъ и примѣры необычайной работоспособности. Они жили въ вѣчныхъ трудахъ. А хищниками они оказывались лишь постольку, поскольку имъ было дано хищничество не взявшимся за трудъ дворянствомъ. Они подбирали брошенное добро, занимали мѣсто пусто, не заполненное законными хозяевами...

Съ такой философіей, до извѣстной степени оставшейся у князя Георгія Евгеніевича навсегда, плохо мирились представители стараго идеалистическаго поколѣнія, доживавшіе свой вѣкъ въ Поповскомъ господскомъ домѣ. Многое въ немъ измѣнилось. Подроставшая сестра Георгія Евгеніевича подхватила домашнее хозяйство и съ большимъ тактомъ, но неуклонно старалась поставить его въ уровень съ работою братьевъ. Громадныя печи, пожиравшія массу дровъ и всетаки не дававшія тепла — были постепенно переложены. Начальствующія и командующія должности среди прислуги исчезли. Изъ деревенскихъ знакомыхъ и пріятельницъ княжна выбрала и обучила прекрасный штатъ работницъ-друзей. Стирка бѣлья въ городѣ прекратилась. Платье стали шить дома изъ своихъ матеріаловъ. Заборы по книжкамъ изъ лавокъ были доведены до минимума: все должно было, по возможности, поставлять въ натурѣ собственное хозяйство. Выѣздныхъ лошадей не держали: старики не двигались съ мѣста, а молодежь ѣздила на телѣгахъ или верхомъ. Въ своемъ увлеченіи клевернымъ дѣломъ молодые князья въ одинъ прекрасный день захватили столовую и гостиную и устроили въ нихъ амбаръ, въ которомъ зимою производили самолично безконечныя манипуляціи по отдѣлкѣ клевернаго «товара». Они не довольствовались обыкновенными веретьями, а требовали для этихъ манипуляцій спальныхъ простынь. Все это не могло особенно нравиться старикамъ. Но тѣмъ не менѣе принималось ими мягко, любвеобильно, а подчасъ даже съ гордостью и умиленіемъ. Даже къ нагольнымъ полушубкамъ, смазнымъ сапогамъ, мужицкой рѣчи молодыхъ князей постепенно привыкали. Мужицкій трудъ, которому запоемъ предавалось молодое поколѣніе, не только не вызывалъ протестовъ, но старый князь, въ мѣру слабѣвшихъ силъ, старался самъ не отставать отъ сыновей и упорно работалъ въ огородѣ, въ парникахъ, въ ягодникѣ...

Серіозные протесты вызывались въ старомъ поколѣніи не внѣшними измѣненіями привычныхъ барскихъ условій. Старики больше всего боялись огрубѣнія, одичанія молодого поколѣнія среди постоянныхъ и исключительныхъ заботъ о вещахъ грубо матеріальныхъ. Хозяйственный запалъ, казалось, сосредоточилъ всѣ силы физическія и душевныя на одномъ стяжаніи, а постоянное общеніе не только съ мужиками, но и съ хищниками всякаго рода — грозило увлечь молодежь въ чуждый и низменный міръ. Отъ этихъ хищниковъ часто приходилось становиться въ зависимость, искать у нихъ не только обученія и помощи въ дѣлахъ, но и денегъ. Молодые хозяева часто очень остро нуждались въ деньгахъ. Доставать деньги въ такихъ случаяхъ ложилось обычно на обязанности Георгія Евгеніевича: онъ умѣлъ вызвать довѣріе и еще въ тѣ времена сравнительно легко привлекалъ деньги къ дѣлу. Выручали богатые мужики, выручали и хищники. Но съ послѣдними надо было поддерживать хоро-

шія и постоянныя отношенія, которыя пугали щепетильную старость. И, весьма вѣроятно, если бы въ этой области не проявлялось постояннаго, упорнаго сдерживанія, хозяйственный запалъ могъ бы увлечь молодежь дальше, чѣмъ позволяли щепетильные идеалистическіе нравы. Но излишній американизмъ сдерживался не только недовольствомъ и протестами стариковъ. Въ сущности опасенія были преувеличены. Молодежь съ ранняго дѣтства получила великолѣпную закалку въ той атмосферѣ любви къ миру, благожелательности и уваженія ко всѣмъ окружающимъ, которая такъ настойчиво и внимательно проводилась старымъ княземъ въ семьѣ. Къ тому-же молодежь идеализировала не только трудъ крестьянина: ей казалось, что въ обыденной жизни деревни она видитъ ея духовные мотивы и мужики казались ей не только лучшими учителями хозяйства, но и лучшими учителями жизни. Для тѣхъ временъ это вовсе не было совершенно исключительнымъ явленіемъ: вспомнимъ хотя-бы Толстого и его Левина («Анна Каренина»).

Реакціей на такую и подобную идеализацію были впослѣдствіи «Мужики» Чехова и «Деревня» И. А. Бунина. И нельзя сказать, чтобы развернутый этими писателями «звѣриный бытъ» деревни былъ не реаленъ. Тутъ чувствуется не только большой талантъ и большая тенденція. Тутъ и большая правда. Но не вся, конечно. Одно дѣло пребывать въ звѣриномъ самодовольствѣ, не имѣя вовсе за душою никакихъ идеаловъ; другое дѣло хранить и беречь свою правду (свое «божеское начало») въ глубокихъ тайникахъ сердца, если даже грубая жизненная проза вовсе не даетъ случая проводить эту правду въ повседневную жизнь или даетъ такіе случаи только въ исключительныхъ, иногда трагическихъ обстоятельствахъ.

Все прошлое молодыхъ князей давало имъ возможность близко подойти къ мужикамъ, заглянуть имъ въ душу, понять ихъ идеалы. Вкусы, настроенія, жизненная подготовка, собственный тонъ души — заставляли эту молодежь лишь слегка скользить взоромъ по такимъ вещамъ, какъ грубое суевѣріе, пьянство, драки, воровство, звѣрство... Но отъ предрасположенныхъ взоровъ за такими свойствами не укрывалась любовь къ благообразію, общій тонъ не только миролюбивый, но и миротворческій, вкусъ къ добротѣ, смиренству, долготерпѣнію, всепрощенію, духовнымъ подвигамъ...

— «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь». Въ нашемъ народѣ удивительно уживается самый грубый реализмъ съ самымъ возвышеннымъ идеализмомъ. И такое соединеніе не только близко русскому національному духу, но и въ высшей степени заразительно для него.

Какъ бы то ни было, наблюдая-ли и постигая глубины души народной, или просто идеализируя ее и творя за нее духовныя цѣнности, молодое поколѣніе Поповки создавало себѣ красивый духовный міръ, который спасалъ отъ голаго американизма и дѣлалъ страхи стариковъ въ значительной мѣрѣ безпочвенными.

Во всякомъ случаѣ школа для молодежи была суровая. Школа эта учила не только труду. Приходилось отказывать себѣ во всемъ и низводить свои потребности почти до мужицкихъ нормъ. Приходилось брать съ крестьянъ примѣръ экономіи и болѣе чѣмъ бережливаго отношенія къ заработаннымъ деньгамъ. Все это дѣлалось не по надуманной программѣ, а въ запалѣ подражанія мужицкому хозяйству, съ азартомъ и любовью. Все это соотвѣтствовало, конечно, собственнымъ жизненнымъ вкусамъ. И тѣмъ рѣзче, опредѣленнѣе и глубже эти мужицкія черты становились привычными и основными чертами вырабатывавшихся молодыхъ характеровъ.

Со стариками дѣло не обошлось безъ взаимныхъ огорченій и борьбы.

— «Но», — говорилъ Георгій Евгеніевичъ, — «главное было не въ практической школѣ этой жизненной борьбы, а въ той новой сферѣ, которая создалась благодаря ей у насъ въ домѣ, въ семьѣ, въ той духовной переработкѣ, которая произошла въ этомъ длительномъ процессѣ соединенія духовно-цѣннаго, что было въ старомъ отживающемъ съ новымъ, еще неизвѣстнымъ нарождающимся міромъ... Произошло то, что должно было произойти по естественному закону всюду по всей Россіи. Безболѣзненно, спокойно и тихо взрастили новое дерево жизни на почвѣ цѣнныхъ частей старой культуры и новыхъ питательныхъ туковъ»...

Въ концѣ концовъ старики и молодежь вполнѣ поняли другъ друга. Опасенія стариковъ отпали и всѣ хозяйственныя перипетіи, всѣ событія дружно переживались семьею. Старики признали новую жизнь; съ радостью, умиленіемъ и любовью слѣдили они за работою дѣтей и за возрожденіемъ семейнаго гнѣзда на новыхъ началахъ, а старый князь умѣлъ дѣлать общій праздникъ изъ каждой хозяйственной удачи.

7.

...Конецъ ржаной уборки. На гумнѣ вырастаетъ цѣлая слобода скирдовъ. Пахнетъ свѣжей соломой. Нѣсколько деревень доваживаютъ княжескій хлѣбъ «помочью». Пустыя телѣги, подпрыгивая въ облакахъ пыли, мчатся въ поле за новыми снопами. Длинная вереница груженыхъ крестцами возовъ нетерпѣливо ждетъ очереди подъ скирдами. Около каждаго изъ нихъ свой архитекторъ. Молодые князья мечутся верхомъ въ поле и обратно на гумно, шутя, подбодряя всѣхъ и каждаго, помогая, дирижируя работой. Все идетъ по тысячелѣтнимъ традиціямъ... Каждый знаетъ свое дѣло и ведетъ его ухватисто, но сановито. Вечеръ. Шумно. Весело. Но вотъ вдали показывается чета двухъ стариковъ: князь бережно ведетъ подъ руку свою княгиню. Отъ дома до гумна ходу пять минутъ. Но старики идутъ медленно, съ передышками.

— Старый князь идетъ! проносится въ толпѣ. Шумъ и гамъ смолкаютъ.

Старый князь въ сѣрой шляпѣ, съ толстой камышевой палкой о бѣлой рукояткѣ слоновой кости, сгорбленный, осторожно ведетъ подъ руку жену, еще болѣе сгорбленную.

— Здравствуйте, друзья! говоритъ онъ.

И всѣ шапки снимаются съ великимъ почтеніемъ.

— Ужъ и ржицу Богъ уродилъ нынче, снопа не поднимешь...

— А убрали-то... ведренная! прямо подъ молотилку...

— Гляньте, Ваше Сіятельство, волоть то какая — подъ старновку на сѣменца...

— Благодарить Бога надо, уродилъ Господь, ни въ кои то годы...

Острыми карими глазами князь радостно смотритъ на всѣхъ и, сказавъ какое-нибудь веселое, бодрое слово, уводитъ княгиню, у которой дрожатъ губы и слезы умиленія появляются на глазахъ...

Старый міръ растроганъ работой и успѣхами новаго. И, быть можетъ, именно тогда старый князь, въ радостномъ сознаніи, что дѣтямъ его прочно привились двѣ лучшія человѣческія добродѣтели — любовь къ труду и доброжелательное отношеніе къ людямъ, — взялъ перо и написалъ:

ПАХАРЬ.

Былъ вечеръ... яркой полосою
День на закатѣ догоралъ.
Склонясь надъ нивою родною,
Шелъ пахарь... Мѣсяцъ всталъ.

Вотъ надъ алѣющимъ востокомъ
Горячимъ, радостнымъ потокомъ
Вновь занялась заря...
А пахарь шелъ стопою мѣрной,

Какъ рабъ Евангельскій, рабъ вѣрный,
На пашнѣ борозду творя.

О, дай и мнѣ, о Боже, силы
Святой законъ свершая Твой
Трудиться бодро до могилы
На нивѣ жизни трудовой.

Дай эту жизнь трудомъ отмѣтить,
Дай сбросить пагубную лѣнь
И за трудомъ, какъ пахарь, встрѣтить
Мнѣ новой жизни новый день.

Это стихотвореніе никогда не было напечатано. Оно сохранилось въ памяти семейной.

Въ немъ трогательно звучатъ тѣ новые взгляды и чувства, которые спасли многихъ представителей помѣстнаго дворянства послѣ реформы 1861 года и сохранили въ цѣлости ихъ дворянскія гнѣзда.

Князь Евгеній Владиміровичъ вмѣстѣ со своею супругою прожилъ еще долго въ Поповкѣ. Они мирно скончались тамъ въ глубокой старости.

Глава вторая.

ПЕРВЫЯ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ

1.

Князь Георгій Евгеніевичъ получилъ университетскій дипломъ въ 1885 году. Въ деревнѣ самый трудный періодъ — возстановленія и правильной постановки хозяйства — заканчивался: Поповка была спасена. Братья работали дружно. Но для двоихъ творческаго дѣла становилось все меньше. Да и двумъ хозяевамъ, — говаривалъ часто князь, — работать въ одномъ хозяйствѣ нельзя.

«Долгъ передъ семьею» толкалъ младшаго въ отхожіе промыслы. Въ мѣстномъ земствѣ уже работалъ старшій изъ братьевъ — князь Алексѣй Евгеніевичъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ въ Алексинскомъ уѣздѣ должность мирового судьи.

Самымъ естественнымъ использованіемъ диплома юридическаго факультета казалась судебная дѣятельность, и Георгій Евгеніевичъ, осмотрѣвшись, рѣшилъ отбыть свой стажъ кандидата на судебныя должности поближе къ любимой деревнѣ — при Тульскомъ окружномъ судѣ.

Въ Тулѣ молодой человѣкъ сразу попалъ въ прекрасную обстановку. Товарищемъ прокурора былъ С. А. Лопухинъ, прокуроромъ Н. В. Давыдовъ, оба — люди широкой культуры, разносторонніе, любители литературы и театра, поклонники и друзья художественнаго генія Льва Толстого (1).

Въ судѣ царствовали добрыя старыя традиціи эпохи великихъ реформъ, а въ открытомъ, гостепріимномъ домѣ С. А. Лопухина — либеральныя воззрѣнія и умѣренно оппозиціонныя настроенія по отношенію къ реакціонному правительству. Князь Львовъ былъ принятъ въ эту среду съ распростертыми объятіями. Семья Лопухиныхъ пригрѣла и приласкала его, какъ родного. Около года Георгій Евгеніевичъ работалъ при судѣ, разъѣзжая по губерніи и выполняя разнообразныя функціи, возлагаемыя обычно на кандидатовъ при выѣздныхъ сессіяхъ. Но несмотря на высокій тонъ судебной работы, неослабно поддерживавшійся въ Тулѣ, это священнодѣйствіе было совершенно чуждо душѣ молодого кандидата. Онъ искалъ творческой, созидательной ✓

1) Въ Декабрѣ 1889 г. въ Ясной Полянѣ впервые шли «Плоды просвѣщенія» въ любительскомъ исполненіи. Съ большимъ блескомъ съиграны были роли Звягницева (С. А. Лопухинымъ) и профессора — Н. В. Давыдовымъ. Послѣдній отличился и какъ главный режиссеръ спектакля.

работы въ деревнѣ, около народа. Обнаруженіе преступленій, выясненіе виновныхъ и кара ихъ совершенно не удовлетворяли этимъ запросамъ, и молодой кандидатъ заскучалъ.

Какъ разъ въ это время Георгій Евгеніевичъ встрѣтился въ домѣ Лопухиныхъ съ человѣкомъ, который имѣлъ большое вліяніе на его будущность. С. А. Лопухинъ былъ женатъ на урожденной графинѣ Барановой. Сестра ея, графиня Евгенія Павловна Баранова вышла замужъ за Рафаила Алексѣевича Писарева, который, конечно, часто бывалъ въ домѣ своихъ свойственниковъ. Здѣсь онъ познакомился и быстро сошелся съ княземъ.

Р. А. Писареву шелъ въ то время тридцать седьмой годъ. Несмотря на громадный ростъ и крупное сложеніе, онъ отличался необычайною подвижностью. Добрый отъ природы, онъ проявлялъ подчасъ чрезвычайную горячность и не любилъ воздерживаться отъ сарказмовъ, иногда весьма чувствительныхъ для его политическихъ противниковъ. Приложеніе для своей кипучей энергіи онъ нашелъ въ земской работѣ и слылъ однимъ изъ виднѣйшихъ либеральныхъ дѣятелей Тульскаго земства. Р. А. Писаревъ былъ слишкомъ большимъ бариномъ, чтобы нести ежедневную обязательную работу на одной изъ платныхъ земскихъ должностей (хотя бы и выборныхъ). Но въ качествѣ члена или предсѣдателя земскихъ комиссій онъ былъ незамѣнимъ во время губернскихъ земскихъ собраній. А въ своемъ уѣздѣ (Епифанскомъ) онъ, что называется, почти не выходилъ изъ дорожной телѣжки, посѣщая школы, больницы, сельскохозяйственные пункты, библіотеки, налаживая съѣзды учителей или курсы для нихъ. Своимъ горячимъ энтузіазмомъ къ земскому дѣлу онъ заразилъ своего новаго знакомаго, а чтобы привлечь его въ Епифанскій уѣздъ для совмѣстной работы, уговорилъ князя взять открывшееся мѣсто непремѣннаго члена Епифанскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія существовали съ 1874 года. Предсѣдательствовалъ — уѣздный предводитель дворянства; членами состояли: предсѣдатель уѣздной земской управы, исправникъ, одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей и непремѣнный членъ, котораго выбирало земское собраніе. Присутствія эти приняли дѣла отъ упраздненныхъ мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ. Взысканіе податей лежало на полиціи. Судебныя дѣла между крестьянами и лицами другихъ сословій — на мировыхъ судьяхъ. Такимъ образомъ роль крестьянскихъ присутствій сводилась собственно къ надзору за волостнымъ судомъ и волостнымъ самоуправленіемъ. Однако, въ эту краткую формулу входили всѣ жизненные интересы крестьянъ уѣзда. Всѣ столкновенія ихъ между собою или съ волостнымъ начальствомъ могли восходить на разсмотрѣніе присутствія, если послѣднее пользовалось достаточнымъ довѣріемъ. По большей части, какъ говорилъ Георгій Евгеніевичъ, — «присутствія эти не только не присутствовали, а постоянно отсутствовали въ народной жизни». И это вполнѣ понятно. Каждый изъ членовъ заваленъ былъ собственными дѣлами и не могъ посвящать присутствію много времени. Свободнымъ человѣкомъ былъ лишь «непремѣнный членъ», который, въ сущности, и вершилъ всѣ дѣла, подготовляя ихъ къ докладу и исполняя постановленія присутствія. Даже въ маленькомъ уѣздѣ волны крестьянской жизни захлестывали мало-мальски добросовѣстнаго непремѣннаго члена. Количество разъѣздовъ и работы совершенно превышало силы одного человѣка. И потому непремѣнный членъ могъ не имѣть ни минуты свободной и могъ, относясь къ дѣлу формально, не дѣлать рѣшительно ничего. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ «присутствіе отсутствовало въ мѣстной народной жизни».

2.

Писаревы жили зимою въ крошечномъ уѣздномъ городкѣ — Епифани. Они занимали старый особнякъ весьма примитивнаго устройства. Однажды, въ февралѣ 1887 года, Рафаилъ Алексѣевичъ, вернувшись изъ Тулы, со свойственной ему горячностью разсказывалъ женѣ о князѣ Львовѣ — своемъ новомъ замѣчательномъ знакомомъ. Молодой человѣкъ принялъ назначенiе въ Епифань. Надо приласкать его и устроить у нихъ въ домѣ. Постоянное присутствiе въ молодой семьѣ посторонняго человѣка не очень улыбалось хозяйкѣ дома. Но вопросъ былъ уже рѣшенъ.

И вотъ вскорѣ въ старомъ особнякѣ появился бѣлокурый молодой человѣкъ — тихiй, простой и скромный. Онъ былъ необыкновенно привлекателенъ и милъ. Несмотря на скромность, онъ видимо обладалъ уже въ то время очень опредѣленными взглядами и удивлялъ своими оргинальными сужденiями — неожиданными и свободными отъ свѣтскихъ условностей. Онъ умѣлъ сразу схватить существо каждаго вопроса. А отъ словъ немедленно переходилъ къ дѣлу.

Маленькiй характерный эпизодъ разыгрался въ первый же вечеръ. Въ кабинетѣ керосиновая лампа чадила и горѣла тускло. Горячiй хозяинъ раздражался и нервничалъ: сколько разъ Ивану строго-на-строго приказано было привести лампу въ порядокъ и не подавать ее въ такомъ видѣ...

Гость зажегъ на столѣ свѣчи и унесъ лампу къ себѣ въ комнату. Повидимому, надъ лампою ему пришлось основательно поработать, но когда онъ принесъ ее въ кабинетъ, она уже не коптѣла, а горѣла ровно и весело.

Такъ же просто и сразу вошелъ онъ въ отправленiе своихъ новыхъ обязанностей. Онъ старался примѣнить на службѣ свои деревенскiе навыки работы. Онъ умѣлъ говорить съ крестьянами, зналъ ихъ жизнь вдоль и поперекъ и, не теряясь, разбирался въ дѣлахъ во время самыхъ отчаянныхъ и сбивчивыхъ галдежей на сельскихъ и волостныхъ сходахъ. Онъ колесилъ по уѣзду, заѣзжая во всѣ самыя глухiя его мѣста. Со многими волостными старшинами, старостами, отдѣльными крестьянами — онъ быстро сошелся. Съ нѣкоторыми завязалась тѣсная прiязнь. Въ присутствiе онъ явился оснащеннымъ поразительнымъ знанiемъ мѣстныхъ условiй; онъ обладалъ исключительною наблюдательностью и отъ его спокойныхъ, внимательныхъ глазъ не укрывались ни малѣйшiя бытовыя детали, а изъ нихъ, при своемъ знанiи деревни, онъ легко строилъ картины жизни и создавалъ свои дѣловые выводы.

Съ составомъ присутствiя новый непремѣнный членъ поладилъ очень скоро. Онъ старался безпокоить коллегiю какъ можно меньше. Но въ присутствiи — онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, отнюдь не претендуя на видимое руководство. Онъ былъ секретаремъ коллегiи — и только.

Очень скоро, однако, присутствiе стало ничѣмъ, а непремѣнный членъ его началъ замѣтно «присутствовать» въ жизни Епифанскихъ крестьянъ.

Сближенiе съ Писаревымъ продолжалось. Они съ интересомъ слѣдили за дѣятельностью другъ друга, а въ свободныя минуты вели сочувственныя бесѣды. Спорить приходилось мало: они во многомъ были согласны. Да князь и не умѣлъ, не любилъ спорить: не встрѣчая сочувствiя въ собесѣдникѣ, онъ скоро замолкалъ.

Весною Писаревы переѣхали въ свое имѣнiе, — на край уѣзда, почти на границы Рязанской губернiи. Когда князю приходилось по служебнымъ

дѣламъ бывать въ ихъ сторонѣ, онъ неизмѣнно заѣзжалъ въ Орловку и тамъ, на террасѣ помѣщичьяго дома,снова возникалъ этотъ сочувственный обмѣнъ пережитыми впечатлѣніями и мирное, подчасъ чрезвычайно одушевленное совмѣстное рѣшеніе возникавшихъ при этомъ вопросовъ. Хозяйка дома, изнемогая отъ усталости, покидала ихъ во второмъ часу ночи. Но бесѣда не прекращалась. Иной разъ утромъ приходилось заставать ихъ за кофе — все такими же свѣжими, одушевленными, веселыми, несмотря на проведенную въ бесѣдѣ безсонную ночь...

Въ ихъ воззрѣніяхъ было много общаго, несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ.

О настроеніяхъ и взглядахъ князя Львова въ ранній періодъ его жизни существуетъ такое свидѣтельство гр. Д. А. Олсуфьева: «Видѣлся я съ нимъ хотя и не часто и урывками, но при встрѣчахъ мы глазъ - на - глазъ вели продолжительныя, задушевныя и глубоко сочувственныя бесѣды; я началъ даже съ нимъ переписку и вообще онъ былъ однимъ изъ тѣхъ моихъ московскихъ товарищей молодости, подъ вліяніемъ которыхъ я порвалъ тогда съ матеріализмомъ, натурализмомъ, позитивизмомъ, политическимъ либерализмомъ, или, вѣрнѣе, радикализмомъ и повернулъ отъ чистой науки въ сторону практическаго служенія государству и народу. *Прогрессивное монархическое народничество* — вотъ было наше тогдашнее направленіе: деревня, хозяйство и общественная дѣятельность около народа, раздѣляя его политическіе и духовные идеалы; а таковыми мы считали тогда православіе и самодержавіе на мистической его основѣ» (1). Это изображеніе князя въ послѣдніе годы студенчества цѣликомъ можетъ быть отнесено и къ описываемому времени. Писаревъ склонялся болѣе влѣво, но общій обликъ его политическихъ воззрѣній былъ также не очень далекъ отъ славянофильства.

Оба они благоговѣли передъ Царемъ-Освободителемъ, оба чтили его реформы, оба считали роковымъ поворотнымъ пунктомъ исторіи Россіи манифестъ Александра III, изданный въ Апрѣлѣ 1881 г. Манифестъ этотъ, какъ извѣстно, провозглашалъ твердое рѣшеніе государя сохранить незыблемымъ «исконное» самодержавіе и существующій строй государственныхъ учрежденій. Такъ Побѣдоносцевъ хоронилъ Лорисъ-Меликова. Но въ «конституціи» Лорисъ-Меликова, подписанной передъ смертью Александромъ II, «не было и тѣни конституціи» (такъ говорилъ одинъ изъ защитниковъ проекта — гр. Дм. Милютинъ). И не о провалѣ конституціи горевали умѣренные прогрессисты славянофильскаго оттѣнка. Они горевали о крушеніи первой попытки ввести въ *совѣщательное* законодательное учрежденіе (государственный совѣтъ) хотя-бы ничтожное число выборныхъ (а потому независимыхъ отъ бюрократіи) представителей земли, отъ которыхъ самодержавная власть могла услышать правдивое слово о положеніи страны и о насущныхъ нуждахъ населенія. Этотъ случай былъ упущенъ, а между тѣмъ въ народѣ и обществѣ явно назрѣвали потребности, которыхъ не могла и не хотѣла знать бюрократія. Чиновники загородили царя и помѣшали его непосредственному общенію съ народомъ. Между приказнымъ строемъ и землею произошелъ разрывъ, чреватый роковыми послѣдствіями. И на путяхъ реакціонныхъ контръреформъ царствованія Александра III люди славянофильскаго образа мыслей видѣли въ будущемъ грозные призраки столь ненавистной имъ революціи.

---

1) Гр. Д. А. Олсуфьевъ. Цитированное выше сочиненіе.

Р. А. Писаревъ не былъ настроенъ такъ мягко и миролюбиво. Онъ находилъ мысль о возстановленіи идейнаго самодержавія утопичной, не считалъ возможнымъ устранить произволъ власти безъ ея ограниченія опредѣленнымъ правовымъ порядкомъ, видѣлъ единственный выходъ изъ переживаемаго страною тяжелаго положенія въ рѣшительной замѣнѣ приказнаго строя строемъ конституціоннымъ. Онъ видѣлъ въ проектѣ Лорисъ-Меликова, если и не конституцію, то зерно ея, изъ котораго, при благопріятныхъ условіяхъ, могло вырасти представительное правленіе. И гибель проекта въ зародышѣ онъ также, со своей точки зрѣнія, считалъ роковымъ событіемъ на путяхъ развитія Россіи.

И Писаревъ, и князь Львовъ любили народъ, хотя и нѣсколько различною любовью. Оба они негодовали на положеніе крестьянства, которое и послѣ освобожденія, содержалось въ черномъ тѣлѣ, въ полномъ отчужденіи отъ другихъ сословій. 20 лѣтъ крестьяне оставались временно-обязанными, несли оброки и барщину... А перейдя на выкупъ, платили казнѣ больше, чѣмъ стоила земля. Безропотно и безплатно несли они самыя разнообразныя государственныя службы и повинности. Они не пользовались при этомъ той самостоятельностью, которая необходима для самоуправленія. Личность крестьянина была умалена, принижена, ограничена въ своихъ правахъ, не была подчинена общему суду и закону, не пользовалась правомъ личной свободы; ее не уравняли съ лицами другихъ сословій. Такъ и жили мужики особымъ своимъ міромъ, въ исключительномъ положеніи.

Такія идеи и наблюденія были общи обоимъ пріятелямъ. Дальше начинались разногласія. Писаревъ любилъ народъ со стороны и, какъ большой баринъ, немного сверху внизъ. И хотя, конечно, онъ зналъ детали народной жизни хуже, чѣмъ князь Львовъ, но, смотря со стороны, относился къ народу объективнѣе. «Власть тьмы» въ жизни народа не оставалась для него незамѣченной. И когда онъ сравнивалъ свой обиходъ съ нищенскимъ бытомъ крестьянина, съ его подавленностью непосильнымъ трудомъ, съ его полуголоднымъ существованіемъ, — въ горячемъ сердцѣ культурнаго семидесятника возникало страстное желаніе способствовать поднятію культуры народныхъ массъ, улучшенію ихъ быта, подъему жалкаго экономическаго положенія. Изъ этихъ чувствъ рождалась его кипучая земская работа на пользу родного уѣзда. И, конечно, какъ полагалось идеалисту-культурнику семидесятыхъ годовъ, на первомъ планѣ въ этой работѣ стояли заботы о народномъ образованіи: хотѣлось вѣрить, что возможное уравненіе культурнаго уровня крестьянина съ другими сословіями принесетъ ему и личное благосостояніе, и улучшеніе нравственныхъ основъ его жизни.

Иначе подходилъ къ народу князь Львовъ. Онъ такъ увлекался народной жизнью, что терялъ способность видѣть ея тѣневыя стороны. Ограничивъ свои физическія потребности до крайнихъ предѣловъ, онъ сочувственно приглядывался къ народному быту и отказывался видѣть въ немъ что-либо ужасное. Матеріальныя условія крестьянской жизни онъ готовъ былъ признать въ общемъ удовлетворительными: — если бы крестьянину не мѣшали, онъ прекрасно устроилъ бы свои дѣла. А что касается духовнаго облика народа, то еще неизвѣстно, кому у кого учиться... Во всякомъ случаѣ — мало кто знаетъ истинное положеніе народа.

Князь Львовъ говорилъ: «Томы цифръ показываютъ многолошадныхъ, однолошадныхъ, безлошадныхъ, по нимъ итоги подводятъ чиновники, какой у мужика достатокъ, а Семенъ Трошинъ-копачъ сказывалъ: земля наша ма-

лая, на что мнѣ лошадь, вотъ у меня лошади: самъ-четвертъ съ ними за табунъ выработаемъ! И показывалъ при этомъ на своихъ троихъ сыновей. Писарь Колодезной волости Епифанскаго уѣзда на опросныхъ листахъ, въ которыхъ требовалось отмѣтить число обезпеченныхъ и не обезпеченныхъ, добросовѣстно отмѣчалъ: «обезпеченныхъ нѣтъ» и объяснялъ мнѣ: «у насъ, помилуй Богъ, этого нѣтъ, народъ исправно живетъ». Обезпеченными онъ называлъ тѣхъ, у кого не было печки, что называется ни кола, ни двора — бездомныхъ. Волость исправная, а въ губернскомъ правленіи проходила она нищей, такъ и ѣхала нищей до Питера. По такимъ даннымъ тамъ и судили обо всей Россіи. И вправду диву можно было даться: всѣ нищіе, а какъ прилегнутъ взыскивать, такъ все взыскивается и въ государственныхъ росписяхъ съ удовольствіемъ отмѣчается, какъ мало недоимокъ. Печальники народные плачутъ, статистики свидѣтельствуютъ о хозяйственномъ упадкѣ, а Питеръ опытомъ убѣждается, что подъ прессомъ выкупныхъ ли, винной ли монополіи или иной нагрузки — соки текутъ исправно. И давили. Соки дѣйствительно текли, но они не оборачивались обратно. Мужикъ, какъ орудіе производства въ государственномъ хозяйствѣ, не совершенствуется, самое цѣнное въ странѣ — его трудоспособность не повышается производительностью и благосостояніе его идетъ на убыль»...

3.

Погружаясь въ гущу народной жизни, непремѣнный членъ Епифанскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія подходилъ къ ней не совсѣмъ съ той стороны, съ которой онъ наблюдалъ ее дома, во время своихъ помѣщичьихъ, сельскохозяйственныхъ предпріятій. Въ Поповкѣ между помѣщиками и крестьянами царили идиллическія отношенія («мы — ваши, а вы — наши»). При крайне благожелательномъ отношеніи помѣщиковъ и мирномъ трудолюбіи крестьянъ, казалось, ни у кого и не возникали сомнѣнія относительно правильности и справедливости давно установившихся формъ эксплоатаціи крестьянскаго труда. Дѣвки и бабы молили взять ихъ на поденщину, оплачивавшуюся 15-20 коп. въ день на харчахъ рабочихъ. Почти всегда обработка отдѣльныхъ десятинъ или вязка барскаго хлѣба выполнялись аккуратно, по первой повѣсткѣ и въ какомъ-бы положеніи ни приходилось бросить для этого свое собственное хозяйство. Во время рабочей поры нанять по вольной цѣнѣ было, конечно, невозможно. Но во второй половинѣ зимы, когда хлѣбъ «доходилъ» во многихъ семьяхъ, приходилось для его покупки занимать деньги на барскомъ дворѣ. Деньги выдавались подъ работу въ размѣрахъ весьма умѣренныхъ. Отработка ихъ производилась въ любое время, «по первой повѣсткѣ».

За право держать нѣкоторое время деревенскій скотъ на лѣсныхъ полянахъ мужики должны были прерывать въ самый нужный моментъ уборку своего хлѣба и спѣшно возить нѣсколькими деревнями крестцы на барское гумно. Такихъ взаимоотношеній оказывалось много. Безъ нихъ нельзя было строить помѣщичьяго хозяйства. И все же, при существующемъ положеніи вещей, мужики радовались и такому ничтожному и подневольному заработку. Но общее недовольство накоплялось, расло, хотя, конечно, и не выражалось открыто передъ лицомъ давальцевъ работы — помѣщиковъ.

Теперь, въ качествѣ непремѣннаго члена, князь видѣлъ многое, скрытое отъ помѣщичьихъ глазъ, и отъ него не укрылись истинныя чувства мужика къ помѣщику.

— «Каждый мужикъ былъ въ душѣ глубоко увѣренъ» — писалъ князь — «что рано или поздно, такъ или иначе помѣщичья земля перейдетъ къ нему. Онъ глядѣлъ на барскую усадьбу, какъ на занозу въ своемъ тѣлѣ. Мужикъ этотъ крѣпко въ землю вращенъ, земля ему и мать и отецъ, а баринъ землѣ не сроденъ. Кому что опредѣлено: «попъ крестомъ, цыганъ кнутомъ, мужикъ горбомъ, а баринъ языкомъ». Это чувство живетъ съ мужикомъ, какъ инстинктъ со временъ Микулы Селяниновича, и поддержано въ немъ барствомъ крѣпостного права, съ одной стороны, и закономъ о надѣлѣ землей, который обѣщалъ ему дополнительные нарѣзки къ надѣламъ. Обѣщать обѣщали, а сдѣлать не сдѣлали, остались въ долгу»...

Очень умѣренные и даже прекраснодушные политическіе взгляды молодого чиновника въ гущѣ народной жизни встрѣтились еще съ большими соблазнами. Камертонъ отношеній къ народу звенѣлъ изъ Петербурга. Губернаторы, губернскіе и уѣздные предводители дворянства, исправники, становые — все губернское и уѣздное начальство, а съ нимъ и помѣстное дворянство — жили и мыслили по образу и подобію центральной власти. А эта послѣдняя давно уже заботилась лишь о полицейской безопасности. Русскаго крестьянства она не знала. Цифры и факты съ мѣстъ восходили по инстанціямъ отъ волостныхъ правленій, отъ волостныхъ и окружныхъ судовъ. Получалось представленіе, что деревню населяютъ распущенные герои уголовной статистики. Въ Петербургѣ все чаще поговаривали о необходимости «сильной власти». На мѣстахъ почтительно вторили такимъ возгласамъ. А между тѣмъ, по наблюденіямъ молодого непремѣннаго члена, въ орбиту волостныхъ правленій и уголовной статистики попадали лишь случайные отбросы народной жизни. Главный потокъ ея величественно протекалъ по обширному руслу, скрытому отъ начальства, вовсе ему невѣдомому. На начальство народъ смотрѣлъ, какъ на неизбѣжное зло, отъ котораго никуда не укроешься.

— «Онъ тебѣ не только въ хату, въ душу лѣзетъ, къ нему пойдешь за дѣломъ какимъ, которое отъ него въ зависіи, не принимаетъ; для нихъ и аблакаты заведены. Этому на свѣчку, а тому — овечку, — ну, достукаешься, а дѣло твое все равно не правое. У насъ вся Россія бумагами связана и концовъ не найдешь».

Начальство не управляло, а допекало и стало ненавистнымъ.

А между тѣмъ народная масса жила своею жизнью, не по приказу, а по собственному разуму и по собственной совѣсти, и желаніе, чтобы все было «по Божески», оказывалось сильнѣе и вліятельнѣе всякаго начальства.

Власть, а вмѣстѣ съ нею и помѣщичій классъ, — оторвались отъ народа. Пропасть между двумя мірами все расширялась. Наблюдательному молодому человѣку дѣло стало казаться безнадежнымъ. Уже тогда онъ думалъ, что рано или поздно все кончится проваломъ стараго, отжившаго міра приказной власти, не желающей и не умѣющей приспособиться къ требованіямъ новаго, нарастающаго міра.

Князю Львову казалось, что трагизмъ этого расхожденія, недоступный пониманію правящаго класса, хорошо сознается многими крестьянами. Въ Епифанскомъ уѣздѣ онъ встрѣтилъ волостныхъ старшинъ — «по истинѣ мудрыхъ администраторовъ и тонкихъ психологовъ, понимавшихъ вещи шире и глубже губернаторовъ и министровъ». Они, казалось, отлично сознавали ошибки власти. «Тонко и умно» они всегда, сколько могли, исправляли эти ошибки, приспособляя распоряженія къ жизни такъ, чтобы «изъ глупости вышло дѣло, претворяли безнадежное и вредное въ живое, реальное и полезное».

— «И думалось», — восклицаетъ князь Львовъ, — «что́ было бы, если бы не было этой народной мудрости, если бы дѣйствительно вся жизнь вытекала изъ велѣній начальства. Къ счастью, она брала начало изъ своихъ собственныхъ самородныхъ родниковъ. Народъ, взятый подъ огулъ, какъ разбойники и воры, достойные палки, былъ въ существѣ своемъ прекрасный, умный, честный, съ глубокой душой, съ просторнымъ кругозоромъ и громадными способностями».

4.

Епифанскій уѣздъ — черноземный, захолустный, патріархальный. Послѣ изученія его, естественно могло явиться желаніе «заглянуть въ душу» народа другого склада, иного пошиба. И какъ разъ, когда Георгій Евгеніевичъ подумывалъ объ этомъ, открылось мѣсто непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія *въ уѣздѣ Московскомъ*, который, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ долженъ былъ представлять полную противоположность съ епифанскимъ захолустьемъ. Узнавъ объ этомъ, князь Львовъ поставилъ свою кандидатуру и былъ избранъ. Въ перемѣнѣ этой могли, конечно, участвовать попутно и другіе мотивы: Москва, работа на виду, новыя знакомства и сближенія... Какъ бы то ни было, молодой человѣкъ перебрался въ столицу и, попрежнему, совершенно равнодушный къ окружающей обстановкѣ — поселился въ самомъ присутствіи, откуда началъ свои многочисленныя поѣздки по «промысловому» уѣзду. Результаты сказались очень скоро: попрежнему, онъ быстро завоевалъ населеніе, а въ присутствіи сталъ скромнымъ и незамѣтнымъ, но полнымъ хозяиномъ положенія. Здѣсь, въ Московскомъ уѣздѣ, особенно рельефно выдѣлилась одна особенность князя: онъ необыкновенно искусно умѣлъ разряжать накопившееся вокругъ начальства электричество. И тамъ, гдѣ у другихъ намѣчалось чуть-ли не «сопротивленіе властямъ», со всѣми прискорбными послѣдствіями такихъ явленій, у Георгія Евгеніевича все обходилось вполнѣ благополучно. Этимъ своимъ миротворческимъ талантомъ князь положительно прославился. Сестра его ближайшаго пріятеля, В. М. Лопатина разсказываетъ:

«У Львова было совсѣмъ особенное умѣніе говорить съ народомъ, съ толпой, хотя вовсе не было исключительнаго краснорѣчія. Меня очень занимало это. Всюду, гдѣ были осложненія, непріятности, даже волненія, — посылали его, и все обходилось. Когда пріятели сослуживцы разсказывали о какихъ-нибудь «бунтахъ» и «исторіяхъ», онъ слушалъ, посмѣиваясь.

— Ну, а вы? Чтобы вы сдѣлали? Какъ вы на нихъ дѣйствуете? — допрашивала я.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ спокойно: — да, никакъ. Ну, поговорилъ бы, потрепалъ по плечу... Посмѣялся бы»... (1)

Замѣчательно, что мирныя завоеванія князя Львова отнюдь не ограничивались крестьянами. Онъ вообще умѣлъ подходить къ людямъ и возбуждать въ нихъ довѣріе. Одинъ изъ его знакомыхъ, князь П. Н. Трубецкой, занималъ въ то время видное положеніе моск. уѣзднаго предводителя дворянства. (2)

1) К. Ельцова. «Сынъ отчизны». «Соврем. Зап.», No XXV, стр. 268.

2) Стало быть онъ являлся непосредственнымъ начальникомъ князя Львова по Присутствію.

Георгій Евгеніевичъ часто навѣщалъ семью Трубецкихъ и скоро въ «кулуарахъ» земскихъ и дворянскихъ собраній начали поговаривать, что предводитель говоритъ и думаетъ словами и мыслями молодого Львова.

Надо отмѣтить, что для такихъ замѣчаній (невѣрныхъ въ цѣломъ) кое-какія основанія все же были.

О способности уловлять человѣковъ говоритъ (правда, не очень сочувственно) и тогдашній наблюдатель жизни князя Львова — его товарищъ гр. Д. А. Олсуфьевъ:

— «Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ мнѣ онъ (кн. Львовъ) представляется хитрымъ и осторожнымъ. Размаха, смѣлости я въ немъ никогда не замѣчалъ. Онъ всегда какъ-то стушевывался и прятался за людей. Ораторомъ, вождемъ онъ никогда не выступалъ: да у него и не было для этого никакихъ данныхъ. Въ его молодости, по крайней мѣрѣ, я его всегда помню тайнымъ совѣтникомъ *при комъ-нибудь* изъ людей, занимавшихъ большое положеніе... Онъ все что-то имъ нашептывалъ наединѣ и этимъ оказывалъ на нихъ вліяніе и достигалъ самъ вліянія...» Среди такихъ «жертвъ» молодого князя Львова гр. Олсуфьевъ называетъ и предводителя дворянства кн. П. Н. Трубецкого.

Хитрость, какъ элементъ незауряднаго практическаго ума, конечно, могла быть налицо. Но не хитростью плѣнялъ людей князь Львовъ. Умѣнье «взять человѣка» — этотъ основной талантъ Георгія Евгеніевича —(какъ и всякій природный даръ) проявлялся часто совершенно безсознательно. И расточался онъ довольно щедро и широко. Придя къ знакомымъ и не заставъ никого дома, князь Львовъ былъ способенъ, напримѣръ, присѣвъ въ передней на подоконникъ, совершенно заворожить интимнымъ разговоромъ «старую почтенную горничную — умную, строгую, религіозную» или молодого лакея, ея помощника.

Когда же нужно было овладѣть вниманіемъ и довѣріемъ большого человѣка, распоряжавшагося дѣломъ, которое занимало въ данный моментъ князя Львова, талантъ этотъ прямо творилъ чудеса.

При первомъ же обстоятельномъ свиданіи князь производилъ совершенно неожиданное и (въ лучшія свои времена) неотразимое впечатлѣніе. Заставъ руководителя дѣломъ въ разгарѣ непріятностей и всяческихъ осложненій, князь Львовъ — спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленный, всегда настроенный крайне оптимистически — умѣлъ сразу понизить нервозность своего собесѣдника. Чтобы подойти къ нему, почувствовать тонъ его души, князю требовалось немного времени, обмѣнъ нѣсколькими фразами. Въ этомъ отношеніи онъ казался прямо провидцемъ. Важный собесѣдникъ ждалъ увидѣть передъ собою аристократа, если и не гордящагося своимъ происхожденіемъ отъ Рюрика, то во всякомъ случаѣ преисполненнаго внѣшнимъ достоинствомъ. А передъ нимъ сидѣлъ — мягкій человѣкъ, безпредѣльно скромный и простой, весьма привлекательной, хотя и ничѣмъ особеннымъ не выдающейся наружности. Онъ умѣлъ слушать, но говорилъ легко и самъ, — негромко, быстро, иногда односложно, охотно пользуясь образными выраженіями мужицкой рѣчи. Сужденія его сразу приковывали къ себѣ вниманіе. Въ нихъ отсутствовали совершенно не только свѣтскія условности, но и всякіе шаблоны. Казалось, онъ былъ самъ по себѣ. Зналъ ли онъ дѣло, о которомъ брался судить такъ легко? И здѣсь именно онъ особенно удивлялъ собесѣдника. Онъ пришелъ со стороны. Но онъ умѣлъ «смотрѣть въ корень», устраняя всю ежедневную путаницу. И что всего замѣчательнѣе: понявъ дѣло, онъ всегда, тутъ-же, съ полною ясностью *зналъ, какъ надо поступить*. Ошибался ли онъ? Бывало, ко-

нечно. Но его неожиданные совѣты, его спокойная увѣренность, его оптимизмъ — уже открывали новые пути, которые казались (въ данный моментъ, по крайней мѣрѣ) — выходомъ изъ сложнаго и труднаго положенія. Бесѣда его почти всегда основывалась на свѣжихъ фактахъ, только-что схваченныхъ имъ на мѣстахъ, и хотя, быть можетъ, случайныхъ, наскоро обобщенныхъ, но до такой степени художественно преподносимыхъ, что они становились почти неотразимыми. Общее впечатлѣніе оставалось такое: въ затхлую атмосферу, напоенную людскими дрязгами, вѣдомственными традиціями, техническими предразсудками, проникъ человѣкъ съ чистаго воздуха, полный жизненной свѣжести, съ яснымъ, независимымъ практическимъ умомъ, со смѣлыми сужденіями...

И надо всѣмъ этимъ легкая улыбка — Пушкинъ сказалъ бы — «прелести неизъяснимой»...

Эта улыбка — ласковая и какъ-будто немного печальная — оставляла впечатлѣніе, что собесѣдникъ видѣлъ передъ собою не всего человѣка. И затрудненія, неудачи, о которыхъ шла рѣчь, начинали казаться чѣмъ-то уже не столь серьезнымъ:

— Все наладится, все устроится, все «образуется»... Но все это въ концѣ концовъ — такъ-ли ужъ важно? въ этомъ ли главное?...

5.

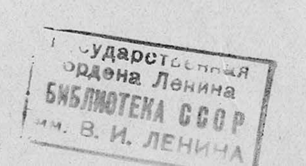
Закономъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ (12 Іюля 1889 г.) крестьянскія присутствія и непремѣнные при нихъ члены — уничтожены. Эти старыя, покончившія существованіе учрежденія когда-то были вызваны къ жизни стремленіемъ реакціонныхъ элементовъ усилить опеку надъ крестьянствомъ и создать въ деревнѣ «сильную власть, близкую къ народу», использовавъ для того мѣстные помѣщичьи кадры. Во времена созданія уѣздныхъ присутствій такого рода вожделѣнія министра Тимашева не имѣли успѣха и законъ вышелъ изъ государственнаго совѣта въ довольно маниловскомъ и безвредномъ видѣ. Теперь (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) гр. Д. А. Толстой рѣшилъ не только вернуться къ первоначальному проекту Тимашева, но и начертать основныя линіи этого проекта значительно опредѣленнѣе. Времена измѣнились. Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ прошло. Въ дворянскихъ и правительственныхъ кругахъ на институтъ этотъ возлагались огромныя надежды (1). Мало-мальски прогрессивное общество отнеслось къ нему съ нескрываемыми антипатіей и раздраженіемъ.

Г-жа Ельцова въ не разъ уже цитированныхъ воспоминаніяхъ пишетъ:

— «Мнѣ трудно даже передать во всей силѣ тѣ неподдѣльныя страданія, которыя вызывали въ насъ, въ сущности равнодушныхъ къ политикѣ, «реформы» Александра III, главное, уничтоженіе суда въ деревнѣ и замѣна его земскими начальниками. Намъ казалось это невѣроятною и оскорбительною нелѣпостью. Соединеніе въ одно власти судебной и административной послѣ вѣкового усилія раздѣлить одну отъ другой, отнятіе у народа суда и всякаго довѣрія къ закону было въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ, желавшихъ прогрес-

---

1) Помню, какъ на государственныхъ экзаменахъ министръ юстиціи Муравьевъ, стоявшій во главѣ юридической комиссіи, не отпускалъ ни одного экзаменующагося, не убѣдившись въ основательномъ его знакомствѣ съ Положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

са Россіи, людей ужаснымъ насиліемъ. Многія семьи переживали это почти какъ семейное горе» (1).

Несмотря на всю неопредѣленность и неточность такой формулировки, настроенія, вызванныя «реформой», переданы вѣрно. Прогрессивная часть общества инстинктивно чувствовала въ новомъ правительственномъ актѣ еще одну, значительную побѣду реакціи. Вмѣсто выборныхъ мировыхъ судей, вмѣсто расширенія и укрѣпленія самоуправленія въ столь ожидаемой всесословной волости, деревнѣ навязывали чиновника изъ дворянъ, которому вмѣнялось въ обязанность подобрать возжи и приблизить къ народу единоличную, не стѣсняемую формальностями власть, въ которой совмѣщались административныя и судебныя функціи.

Среди старыхъ либеральныхъ судей типа Лопухина или Лопатина, къ которымъ князь Львовъ относился съ большимъ уваженіемъ, «реформа» вызывала, конечно, рѣзко отрицательные отзывы.

Самъ князь Георгій Евгеніевичъ жаждалъ для народа прежде всего общихъ гражданскихъ правъ, самостоятельности, самоуправленія, возможности устроиться и жить по собственной правдѣ.

Какъ-же случилось, что въ число первыхъ же земскихъ начальниковъ, уже въ Февралѣ 1890 г., попали и князь Львовъ, и молодой его пріятель Лопатинъ?

Обстоятельство это вызываетъ горестное недоумѣніе у г-жи Ельцовой. Она вспоминаетъ:

— «Изъ нашего углового старенькаго особняка оба они ѣхали присягать въ Чудовъ монастырь. На обоихъ были мундиры. Брату передѣлали судейскій мундиръ на дворянскій, спороли нашивки, изображавшія «законъ», и сдѣлали красный воротникъ. Другъ его, жившій всегда спартанцемъ и презиравшій всякія условности, досталъ у кого то мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Мундиръ, однако, былъ коротокъ, двѣ пуговки пришлись высоко надъ таліей, отчего фигура Георгія Евгеніевича казалась еще длиннѣе.

Но его совершенно не занимало это.

Оба и смѣялись, и были мрачны, относились къ себѣ и къ окружающему критически.

Къ подъѣзду, большому, съ каменными плитами-перилами была подана извощичья карета моихъ родителей. Нашъ постоянный старый и сердитый кучеръ Ларіонъ повезъ ихъ въ Кремль. Я смотрѣла изъ большого окна залы. Львовъ увидалъ, покачалъ головой и, вздернувъ комическимъ жестомъ плечи, закрылъ лицо руками, словно желая спрятаться... За обѣдомъ шли разсказы... Архіерей сказалъ въ рѣчи, что самое плохое мѣсто могутъ скрасить честные люди...»

Весьма вѣроятно, память нисколько не измѣняетъ автору. Внѣшнее проявленіе какъ-бы нѣкотораго конфуза по поводу предпринимаемаго дѣйствія — могло быть налицо: Георгій Евгеніевичъ вовсе не желалъ ни съ кѣмъ серіозно спорить и отдѣлывался неумѣло изображаемымъ смущеніемъ.

А между тѣмъ принятіе княземъ должности земскаго начальника никоимъ образомъ не являлось сдѣлкою съ совѣстью.

Для поясненія необходимо прежде всего обратиться къ общей психологіи «восьмидесятниковъ» — людей, вышедшихъ на арену общественной дѣятельности въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

---

1) К. Ельцова. «Сынъ Отчизны». Совр. Зап., No 25, стр. 267.

Политическая погода стояла тихая. Казалось, бури и грозы миновали. Молодежь относилась скептически къ революціоннымъ призывамъ. «Отцы» негодовали, напоминая «дѣтямъ» «забытыя ими слова». А «дѣти» упрямо прислушивались къ проповѣди «малыхъ дѣлъ». Въ этомъ сказывалась вовсе не одна только политическая усталость и далеко не всегда тутъ былъ простой «отказъ отъ наслѣдства». Какъ разъ самые искренніе представители молодого поколѣнія исповѣдывали именно такую философію общественной дѣятельности. Не такъ давно она прекрасно формулирована однимъ изъ выдающихся восьмидесятниковъ (1).

Онъ говоритъ между прочимъ: для молодежи того времени «было характерно отсутствіе революціоннаго пыла и вѣры въ цѣлесообразность и спасительную силу революціонныхъ методовъ политической борьбы»... у ней рѣшительно преобладало убѣжденіе въ томъ, что «революціонные эксцессы не *создаютъ* переломовъ въ жизни государства, а являются лишь *слѣдствіемъ* уже назрѣвшей перестановки государственно-общественныхъ отношеній въ странѣ, своего рода вскрытіемъ нарыва, между тѣмъ какъ творческая работа, созидающая прогрессъ, есть работа по необходимости медлительная, молекулярная, требующая погруженія въ терпѣливую возню съ будничными мелочами текущей жизни. Рѣшимость отдаться такой то работѣ и диктуется велѣніями правильно понятаго гражданскаго долга. Если хотите, это была проповѣдь «малыхъ дѣлъ» ради большихъ результатовъ, а вовсе не отрицаніе стремленія къ этимъ большимъ результатамъ»... «Кончая университетскій курсъ, мы не мечтали стать революціонными героями; насъ манила къ себѣ *легальная* общественная дѣятельность: но на этой легальной почвѣ мы все же готовили себя къ борьбѣ за свои идеалы, борьбѣ терпѣливой, настойчивой и неуклонной...»

Эта именно психологія владѣла всецѣло душою князя Георгія Евгеніевича. Ему, впрочемъ, вовсе даже и не приходилось отказываться отъ какого-либо революціоннаго наслѣдства. Мы видѣли: сфера политической борьбы оставалась весьма мало ему знакомой. Она сверхъ того совершенно не соотвѣтствовала его натурѣ. Князь былъ прежде всего *практикомъ*, «*дѣлягой*», какъ любилъ онъ называть людей, которыхъ хотѣлъ особенно похвалить.

— Обстоятельства, среда, обстановка, — думалъ онъ, — даны; сразу тутъ ничего не подѣлаешь. Но было-бы величайшей практической ошибкой, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, думать о чистотѣ своихъ ризъ, умывать руки, отходить въ сторону, ибо «*отсутствующіе всегда не правы*».

— Нѣтъ! съ неослабѣвающей ни на минуту энергіей войти — безъ грома и треска — въ самую гущу данной дѣйствительности и перерабатывать ее въ желаемомъ направленіи ежедневной практической дѣятельностью, устраняя вредныя вліянія и непрерывно творя несомнѣнныя и положительныя цѣнности — такова была вѣра и жизненная программа, съ которыми князь Львовъ вступалъ на общественное поприще и съ которыми ушелъ въ могилу.

— Если угодно, онъ былъ оппортунистомъ — и не только въ области политики, но и въ гораздо болѣе широкой сферѣ, охватывающей многія стороны человѣческихъ отношеній. Но оппортунизмъ этотъ вовсе не вытекалъ изъ сознательныхъ уступокъ, сдѣлокъ съ совѣстью, компромиссовъ...

— Нѣтъ! даже въ станъ враговъ онъ шелъ, ласково улыбаясь, безъ всякихъ условій и предварительныхъ пререканій, не тратя времени на «безпо-

---

1) См. книгу профессора А. А. Кизеветтера: На рубежѣ двухъ столѣтій. 1929 г. Прага. Стр. 150-171.

лезные разговоры», вѣруя и исповѣдуя, что терпѣніе и творческій трудъ — — все перетрутъ.

Въ сущности, онъ ровно ничѣмъ не поступался, мирясь лишь съ формами дѣятельности, съ названіями, *словами*, которымъ вообще никогда не придавалъ ни малѣйшаго значенія.

Если-же не помогали ни удивительная его трудоспособность, ни хитроумныя практическія комбинаціи, ни плѣнительное обращеніе съ людьми, — князь очень легко и быстро мирился съ неудачею, отнюдь не приходилъ въ отчаяніе, довольствовался частичными результатами и со своимъ вѣчнымъ, ничѣмъ непобѣдимымъ оптимизмомъ сейчасъ-же усердно принимался снова за работу...

Принципіально князь Львовъ не могъ не быть (и дѣйствительно былъ) рѣшительнымъ противникомъ института земскихъ начальниковъ.

Но онъ полагалъ, что его *практическая* работа въ главномъ и существенномъ нисколько не измѣнится отъ того обстоятельства, что онъ, потерявъ званіе непремѣннаго члена, вернется въ деревню Московскаго уѣзда подъ новымъ ярлыкомъ — *земскаго начальника*.

Совершенно такъ же думали, очевидно, и крестьяне: въ Февралѣ 1890 г. они съ радостью встрѣтили бывшаго своего непремѣннаго члена, а теперь — земскаго начальника VI-го участка и поднесли ему въ видѣ привѣтствія, просфору на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ.

6.

Въ Московскомъ уѣздѣ князь Львовъ пробылъ недолго. Уже въ 1891 г. онъ перешелъ въ Тулу на должность непремѣннаго члена губернскаго присутствія. Этимъ быстрымъ, значительнымъ повышеніемъ онъ обязанъ Ник. Ал. Зиновьеву, тульскому губернатору въ 1887-1893 годахъ. Зиновьевъ зналъ и цѣнилъ Георгія Евгеніевича по работѣ его въ Епифанскомъ уѣздѣ.

Нравъ Н. А. Зиновьева считался не изъ легкихъ: губернаторъ былъ крайне раздражителенъ и вспыльчивъ въ личныхъ отношеніяхъ. Вообще онъ не отличался особеннымъ либерализмомъ и впослѣдствіи занималъ даже постъ товарища министра Плеве. Впрочемъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ ему ставились въ вину хорошія отношенія съ семьею Льва Николаевича Толстого. Какъ-бы то ни было, князь Львовъ умѣлъ ладить и съ этимъ начальствомъ. Губернское присутствіе, въ которомъ теперь служилъ Георгій Евгеніевичъ, являлось кассаціонной инстанціей по судебнымъ рѣшеніямъ уѣздныхъ съѣздовъ земскихъ начальниковъ. Сюда же поступали жалобы на рѣшенія тѣхъ-же съѣздовъ по административнымъ дѣламъ. Губернское присутствіе производило кромѣ того періодическія ревизіи уѣздныхъ съѣздовъ и земскихъ начальниковъ губерніи. Служебныя обязанности дѣлились между двумя непремѣнными членами по предметамъ вѣдѣнія. Но князю Львову казалась скучною одна кассаціонная практика, къ которой онъ былъ опредѣленъ. По его предложенію, оба непремѣнные члена взяли на себя всѣ функціи, подѣливъ между собою губернію. Князю Львову достались южные уѣзды.

Почти въ одно время съ Георгіемъ Евгеніевичемъ покинулъ должность земскаго начальника и пріятель его В. М. Лопатинъ, перейдя въ судебное вѣдомство. Онъ получилъ назначеніе въ Тулу, гдѣ и поселился со своимъ гимназическимъ товарищемъ. Обиходъ, по обыкновенію князя Львова, былъ

весьма скудный и Лопатинъ при случаѣ разсказывалъ, что въ комнатѣ князя освѣщеніе обыкновенно ограничивалось одною свѣчею, засунутой въ бутылку. Прислуживалъ обоимъ рябой Иванъ, пріѣхавшій изъ Москвы съ Лопатинымъ. Но и тотъ пребывалъ въ неудовольствіи. Онъ говаривалъ впослѣдствіи:

— Только ужъ очень князь кушаютъ плохо. Вовсе бѣдно.

— А что именно?

— Единственно щи и кашу. Кромѣ ничего.

— А почему?

— Не хотятъ... (1).

Въ мемуарахъ одного толстовца содержатся весьма нелестные отзывы по адресу «будущаго премьера революціоннаго правительства». Эти отзывы идутъ отъ ближайшаго окруженія Л. Н. Толстого и относятся къ событіямъ 1892 года. Въ Сентябрѣ этого года Левъ Николаевичъ, возвращаясь въ Ясную съ голодной кампаніи въ Рязанской губерніи, встрѣтился на одной изъ узловыхъ станцій съ экстреннымъ поѣздомъ губернатора. Губернаторъ ѣхалъ съ воинскою командою на усмиреніе крестьянъ. Среди чиновниковъ, сопровождавшихъ Н. А. Зиновьева, былъ и князь Г. Е. Львовъ. Толстой въ то время заканчивалъ свое сочиненіе противъ государственнаго насилія («Царство Божіе внутри васъ»). Извѣстно, какимъ возбудителемъ оказалась для автора эта встрѣча: подъ ея вліяніемъ написана послѣдняя, самая непримиримая сотня страницъ остраго сочиненія. Толстой никого не называетъ. Онъ даже никого лично не винитъ, обрушиваясь всею тяжестью своей діалектики *на систему*, на государство, на власть, вынуждающую добрыхъ въ сущности и простыхъ людей угрожать непокорнымъ крестьянамъ оружіемъ и розгами. Толстой не зналъ, чѣмъ окончилась эта экспедиція Зиновьева и, чтобы показать, къ чему обычно приводятъ такого рода мѣры, онъ вынужденъ обратиться къ практикѣ усмиреній въ Орловской и Нижегородской губерніяхъ.

Въ своемъ страстномъ обличеніи государственной власти, которая (всегда, при всевозможныхъ режимахъ) вынуждена прибѣгать для самоутвержденія къ средствамъ насилія, Толстой, со своей точки зрѣнія, правъ. Но ему не удалось, какъ извѣстно, предложить никакой практически осуществимой новой формы человѣческаго общежитія.

Толстовецъ, о мемуарахъ котораго идетъ рѣчь, напротивъ, совершенно не правъ, осыпая князя Львова нелестными и пренебрежительными эпитетами.

Споръ шелъ между помѣщикомъ и крестьянами изъ-за лѣса. Крестьяне проиграли дѣло во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ (включая Сенатъ), но не покорились и прогнали силою помѣщичьихъ посланныхъ, приступавшихъ къ рубкѣ лѣса. О дѣлѣ было донесено въ Петербургъ, откуда было предписано губернатору привести рѣшеніе суда въ исполненіе.

Толстой думаетъ, что рѣшеніе это было несправедливо. Но для губернатора не могло быть выбора. Не было выбора, конечно, и для непремѣннаго члена губернскаго присутствія: по долгу службы онъ не могъ не участвовать въ экспедиціи. Къ тому-же онъ славился умѣньемъ своимъ мирно прекращать въ такихъ случаяхъ волненія. Дѣло происходило въ столь хорошо знакомомъ ему Епифанскомъ уѣздѣ и, весьма вѣроятно, участвуя въ экспедиціи, онъ уже по дорогѣ мечталъ о способахъ выхода изъ положенія мирными средствами.

Ученіе Толстого во многихъ случаяхъ выливалось въ непримиримый лозунгъ Ибсеновскаго Бранда: «все или ничего!» хотя практика жизни заставляла Льва Николаевича идти на компромиссы.

---

1) Ельцова, ц. с.

Во многомъ князь Львовъ оставался всю жизнь поклонникомъ Толстого; но идейная непримиримость великаго писателя всегда была ему совершенно чужда.

— «Все или ничего!» — вотъ лозунгъ, съ которымъ онъ никогда не считалъ возможнымъ мириться... Ему казалось, что всегда можно добиться хоть чего-нибудь; и ради этого *чего-нибудь* не только стоитъ, но и должно работать во *всякой* обстановкѣ и при *всякихъ* условіяхъ.

Жизнь не всегда оправдывала эти оптимистическія чаянія. Однако, свои неудачи онъ считалъ исключеніями и никогда подобные провалы не могли образумить его.

Одна изъ такихъ неудачъ уже подготовлялась.

Въ 1893 году Н. А. Зиновьевъ получилъ другое назначеніе и Тульскимъ губернаторомъ сдѣлался В. К. Шлиппе. То былъ вѣрный слуга центральнаго правительства, съ нѣмецкою аккуратностью и добросовѣстностью стремившійся выполнять всѣ предначертанія свыше, угадывать «виды правительства» и служить имъ. Дѣйствительность интересовала его мало. Ввѣренная ему губернія *должна* была имѣть опредѣленную, вполнѣ благонадежную (и въ экономическомъ, и въ политическомъ смыслахъ) физіономію. И таковою она быстро сдѣлалась во всеподданнѣйшихъ отчетахъ и иныхъ бумагахъ, посылавшихся въ Петербургъ новымъ губернаторомъ. Всякія противорѣчія такому исправно-служебному духу казались либеральными умствованіями и подлежали искорененію. Съ земствомъ губернаторъ вступилъ въ открытую борьбу. Реакціонная часть тульскаго дворянства подняла голову и сплотилась вокругъ губернатора. Земскіе начальники губерніи получили новыя инструкціи. Необходимо было подтянуть ихъ дѣятельность въ деревнѣ. Однимъ изъ главныхъ орудій такого подтягиванія являлись рѣшенія и ревизіи губернскаго присутствія. Тѣ и другія въ значительной степени зависѣли отъ непремѣнныхъ членовъ. Само собою разумѣется, взгляды князя Львова на деревню и дѣятельность около народа не имѣли ничего общаго съ воззрѣніями и политикой новаго губернатора. Обычныя чары въ этомъ случаѣ оказались недѣйствительными: никакихъ созвучныхъ струнъ въ душѣ В. К. Шлиппе невозможно было найти. Начались столкновенія. И очень скоро князь Львовъ убѣдился на практикѣ, что быть полезнымъ народу можно не при всякихъ обстоятельствахъ. Податливость, уступчивость, стремленіе сдѣлать *хоть что-нибудь* — не помогли: Губернатору нужны были лишь пунктуальные исполнители его предначертаній.

И князь Львовъ уже въ 1893 году увидѣлъ себя вынужденнымъ подать въ отставку. Такъ кончилась навсегда его правительственная служба.

Рѣшенію уйти способствовалъ, повидимому, инцидентъ, разыгравшійся въ то время въ Тульской губерніи, обошедшій всю Россію и впервые сдѣлавшій популярнымъ имя князя Львова среди широкихъ круговъ оппозиціонно-настроенныхъ общественныхъ дѣятелей.

Въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи славился своею реакціонностью и невозможнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ отставной гусарскій майоръ Сухотинъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ получилъ мѣсто земскаго начальника. Мѣстные крестьяне подрядились вывезти навозъ изъ его конюшни. Явились съ подводами, но узнавъ, что въ конюшнѣ былъ сапъ, отказались. За отказъ отъ подряда Сухотинъ арестовалъ ихъ и посадилъ въ темную. Дѣло дошло до губернскаго присутствія. Князя Львова командировали для разслѣдованія на мѣстѣ. Князь полностью возстановилъ картину происшествія. Министръ

внутреннихъ дѣлъ потребовалъ у Сухотина объясненій. Получивъ отвѣтъ, что крестьяне посажены за дерзость земскому начальнику и постановленіе его, Сухотина, посадить крестьянъ за отказъ отъ возки навоза, составлено второпяхъ и по ошибкѣ, министръ успокоился, приказавъ внушить земскому начальнику Сухотину, чтобы онъ впредь внимательнѣе относился къ редакціи своихъ постановленій.

7.

За время службы князя въ личныхъ дѣлахъ его произошли перемѣны. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ братъ его Сергѣй Евгеніевичъ считалъ свою миссію въ Поповкѣ оконченной. Имѣніе было спасено, хозяйство въ основныхъ линіяхъ установлено, «старики» устроены. Предпріимчивая, уже нашедшая себя натура требовала болѣе широкой практической работы. Случайныя обстоятельства столкнули его съ владѣльцами уральскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Сначала онъ принялъ на себя лишь отдѣльныя комиссіонныя порученія, для выполненія которыхъ нѣсколько разъ уѣзжалъ на Уралъ. Въ 1888 г. онъ женился, взялъ мѣсто главнаго управляющаго на одномъ изъ уральскихъ заводовъ и уѣхалъ окончательно къ мѣсту своей новой дѣятельности.

Хозяйство Поповки осталось на рукахъ Георгія Евгеніевича и его сестры. Служба давала возможность лишь временами наѣзжать въ Поповку. Всѣ текущія хлопоты по хозяйству лежали на сестрѣ князя. Задача для нея оказалась весьма сложною, временами почти непосильною. Дѣло осложнялось заботами о родителяхъ, которые замѣтно дряхлѣли и болѣли.

Выйдя въ отставку, Георгій Евгеніевичъ могъ взяться за хозяйство вплотную. Но *для него* текущихъ дѣлъ по имѣнію оказалось даже мало. И вотъ на протяженіи десяти лѣтъ онъ создаетъ рядъ предпріятій, которыми постепенно обрастаетъ въ его рукахъ хозяйство Поповки.

Георгію Евгеніевичу удается получить въ Петербургѣ изъ казны значительное пособіе и онъ строитъ невдалекѣ отъ усадьбы великолѣпное кирпичное зданіе, въ которомъ водворяется двухклассная школа для окрестныхъ крестьянскихъ дѣтей. Школа эта — министерская, содержится на казенныя средства и находится всецѣло въ вѣдѣніи и управленіи чиновниковъ. Почему она не земская? Почему въ пору борьбы за школу между земствами и правительствомъ князь Львовъ нашелъ возможнымъ, обходя земство, обратиться за помощью въ Петербургъ? Очевидно, и въ этомъ вопросѣ практическія соображенія взяли верхъ надъ принципіальными. Мѣстное (Алексинское) земство считалось бѣднымъ и отнюдь не прогрессивнымъ. Добиться отъ него средствъ на постройку школы именно около Поповки представлялось почти невозможнымъ. Даже въ случаѣ удачи, школа могла быть лишь одноклассною въ зданіи весьма скромныхъ размѣровъ, съ жалкимъ бюджетомъ, не превышающимъ болѣе чѣмъ скромныхъ затратъ земства по каждой изъ остальныхъ школъ уѣзда. Субсидія министерства сразу ставила дѣло на широкую ногу. Надо было только пробиться сквозь петербургскую канцелярскую волокиту и вызвать къ себѣ довѣріе въ кругахъ, руководившихъ дѣломъ. Передъ такими задачами князь Львовъ уже въ тѣ времена не останавливался. Онъ всегда обладалъ счастливою способностью внушать къ себѣ полное довѣріе чиновныхъ круговъ Петербурга и, начиная свои хлопоты съ самаго верха, умѣлъ быстро нажать всѣ пружины чиновничьяго механизма, обойти такимъ образомъ канцеляр-

скую волокиту и быстро получить деньги. Что касается принципіальныхъ соображеній... то вѣдь хорошо поставленная министерская школа съ шестилѣтнимъ курсомъ могла дать крестьянскимъ дѣтямъ больше знаній, чѣмъ жалкая трехлѣтняя земская учеба. Министерскія школы представляли исключеніе; ими нельзя обогатить всего уѣзда; онѣ стояли совершенно въ сторонѣ отъ земской сѣти и внѣ вліянія земскихъ учрежденій... Но эти и другія соображенія общаго характера не могли остановить князя — разъ подвертывался случай и возможность осуществить на практикѣ дѣло, которое во всякомъ случаѣ казалось полезнымъ. Тѣмъ болѣе, что осуществить обученіе крестьянскихъ дѣтей другими способами представлялось въ то время по мѣстнымъ условіямъ невозможнымъ.

Князь задумалъ и съумѣлъ осуществить и другое предпріятіе на пользу Поповскихъ крестьянъ. Они пили ужасающую воду изъ мѣстнаго пруда, въ сущности изъ большой грязной лужи. Менѣе чѣмъ въ трехъ верстахъ (на «Кобылкѣ») били сильные ключи великолѣпной воды, которая въ округѣ считалась цѣлебною. Георгію Евгеніевичу удалось убѣдить крестьянъ и осуществить вмѣстѣ съ ними проводку воды съ Кобылки въ Поповку.

Къ предпріятіямъ такого-же характера относится и лавка, устроенная княземъ на помѣщичьей землѣ. Для нея было выстроено особое, обширное зданіе, которое онъ заполнилъ самыми разнообразными товарами крестьянскаго обихода. Дѣло пошло удачно; по указаніямъ практики, число товаровъ въ лавкѣ все разросталось и скоро не только крестьяне, но и окрестные помѣщики стали брать въ этой лавкѣ все необходимое. Съ теченіемъ времени въ томъ-же помѣщеніи открыта была для крестьянъ чайная, торговавшая довольно бойко.

Но князь нисколько не забывалъ чисто доходныхъ предпріятій, которыми онъ старался поднять имѣніе. Такъ въ самой усадьбѣ была построена имъ паровая мельница, шерстобитня и маслобойня. Незначительный плодовый садъ при домѣ, сдававшійся въ аренду купцамъ-яблочникамъ, совершенно не удовлетворялъ молодого хозяина. Въ двухъ мѣстахъ, больше версты отъ дома, на земляхъ дававшихъ весьма скудный урожай, онъ рѣшилъ развести обширный плодовый садъ. Дѣло это было осуществлено имъ въ теченіе пяти лѣтъ почти исключительно собственными руками: въ соотвѣтствующіе сезоны, отъ зори до зори, онъ трудился на избранныхъ участкахъ, подготовляя землю, сажая яблони и ухаживая за прежде посаженными деревьями. Крестьяне Поповки отчасти даже съ умиленіемъ разсказывали впослѣдствіи, какъ молодой князь, полураздѣтый, почти въ натуральномъ видѣ, копался цѣлыми днями въ землѣ на солнечномъ припекѣ. И надо замѣтить, что, по увѣренію самого Георгія Евгеніевича, ни одна яблонька никогда не была повреждена крестьянами, съ уваженіемъ наблюдавшими за этой тяжелой и упорной работой, хотя окончаніе сада относилось уже ко времени передъ первой революціей, когда въ деревнѣ нерѣдко прорывались хулиганскія выходки. Въ результатѣ этого предпріятія Поповка обогатилась огромнымъ фруктовымъ садомъ въ 54 десятины, причемъ посадки ограничены были двумя сортами, ходовыми для московскаго спроса: «антоновкою» и «бабушкинымъ».

Со времени полученія отъ этихъ насажденій значительнаго количества плодовъ, обычай сдавать садъ въ аренду купцамъ посредникамъ — совершенно отпалъ. Князь Львовъ изучилъ въ Москвѣ сложную науку сбыта яблочнаго товара коммерсантамъ Болотной площади и принялся за организацію въ Поповкѣ самостоятельнаго сбора, упаковки и отправки въ Москву яблокъ. Невоз-

можно останавливаться здѣсь на техникѣ дѣла. Но тѣ, кому случалось соприкасаться съ нимъ, хорошо знаютъ, какими оно было обставлено трудностями. Эти трудности вовсе не ограничивались своевременнымъ сборомъ, умѣлой укладкою и доставкою въ Москву: самая торговля обставлена была безконечными «патріархальными » условіями, которыя надо было не только основательно изъучить, но и умѣть бороться съ возникавшими изъ нихъ осложненіями и рискомъ. Все было преодолѣно и князь Львовъ впослѣдствіи всегда удивлялся, какъ это помѣщики, которые, не желая рисковать и не умѣя вести коммерческое дѣло, давали обирать себя купцамъ — яблочникамъ. Постепенно онъ «углублялъ» въ этой области свою предпріимчивость. Обративъ вниманіе на «падаль», то-есть яблоки, до времени падавшія съ дерева и непригодныя для «товара», онъ рѣшилъ приготовлять изъ нихъ пастилу. Для этого созданъ былъ въ Поповкѣ небольшой заводъ — и скоро въ лучшихъ магазинахъ Москвы можно было получать въ изящныхъ коробкахъ «яблочную пастилу князя Львова». Послѣднимъ его изобрѣтеніемъ въ этой области являлся способъ сохранять нѣкоторые сорта дессертныхъ яблокъ въ свѣжемъ видѣ до ранней весны. Хлопотъ съ этимъ было много; зато мало ходовые сорта со старыхъ насажденій стали приносить значительно больше дохода.

Князь съ успѣхомъ испробовалъ себя и на лѣсныхъ посадкахъ, создавъ (тоже собственноручно) 5-6 десятинъ насажденій березы, сосны, ели, лиственницы и пихты.

Отъ собственныхъ лѣсовъ у князей Львовыхъ не осталось почти ничего: все, что возможно, было продано на срубъ во времена оскудѣнія хозяйства. Сводъ лѣсовъ совершался въ тѣ времена, конечно, черезъ посредниковъ-купцовъ, которые на продажѣ лѣсныхъ матеріаловъ наживали иногда до 300 проц. Позднѣе хозяйство въ Поповкѣ стало остро нуждаться въ лѣсѣ. Въ частности упаковка яблокъ требовала значительнаго количества коробовъ, ящиковъ, стружки, опилокъ. Князь Львовъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ покупки небольшихъ участковъ лѣса. Входя во всѣ детали, участвуя въ работѣ, онъ увидѣлъ, что дѣло можетъ давать значительный доходъ. Онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе: покупные участки все увеличивались въ размѣрахъ; заведена была лѣсопильная машина, локомобиль; черезъ нѣкоторое время обозначилась новая спеціальность, съ которою можно было самостоятельно выступить на рынкѣ. Сводя лѣса обычнымъ порядкомъ, князь въ то-же время ставилъ машины для рѣзки и прессованія древесной стружки. Дѣло пошло. И скоро при Поповкѣ выросъ небольшой стружечный заводъ на 8 станковъ и даже съ электрическимъ освѣщеніемъ. Склады готовыхъ стружекъ перенесены были на желѣзнодорожную станцію, откуда тюки отправлялись заказчикамъ...

Перечисленныя начинанія могутъ служить лишь примѣрами, показывающими предпріимчивость и ухватистость молодого хозяина. Все это не имѣло ничего общаго съ обычными помѣщичьими затѣями. Дѣло начиналось съ малаго, изучалось на практикѣ во всѣхъ деталяхъ, а затѣмъ, безъ всякихъ опасеній риска, расширялось въ предѣлахъ, обезпечивавшихъ постоянное *личное* руководство и *личное* участіе хозяина. Начинаній было много и впослѣдствіи они вышли за предѣлы Поповки и какъ-будто ничѣмъ не были даже связаны съ ея хозяйствомъ. Такъ напримѣръ, было время, когда Георгій Евгеніевичъ увлекся скупкою желѣзнаго и чугуннаго лома и перенесъ свою дѣятельность въ Москву. Онъ покупалъ крупные предметы, вышедшіе изъ употребленія (разъ даже пріобрѣлъ на торгахъ цѣлый локомотивъ), разбиралъ ихъ, сортировалъ полученные матеріалы и продавалъ со значительной выгодой.

Подобными предпріятіями заполнялъ онъ свои досуги во время невольныхъ отрывовъ отъ общественной дѣятельности. Оставивъ правительственную службу въ 1893 г., онъ, конечно, думалъ о земской дѣятельности. Но активная работа въ земствѣ была въ то время для него еще недоступна.

8.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ старшій изъ братьевъ, князь Алексѣй Евгеніевичъ, мировой судья и Алексинскій уѣздный гласный, получилъ назначеніе по судебному вѣдомству и уѣхалъ изъ Поповки. Вскорѣ на его мѣсто былъ выбранъ гласнымъ князь Георгій Евгеніевичъ. Въ Алексинѣ князь попалъ въ обстановку весьма мало привлекательную. Алексинскій уѣздъ развертывалъ скудное земское хозяйство. Здѣсь не усматривалось почвы и для такой частной дѣятельности, какую развивалъ, напримѣръ, Р. А. Писаревъ въ Епифани. Алексинскій уѣздъ въ шутку прозывался «Башкировскимъ», потому что десять братьевъ Башкировыхъ оказывались непреодолимыми на земскихъ выборахъ, создали вокругъ себя послушную клику и держали уѣздъ какъ-бы на откупу. Одинъ изъ братьевъ до самой своей смерти оставался безсмѣннымъ предсѣдателемъ управы. Чуждые Башкировской кликѣ элементы ни къ какимъ дѣламъ не подпускались. И собраніе, и въ особенности управа выглядѣли сѣро. Князь Львовъ, конечно, сразу обратилъ на себя вниманіе: почти всегда избираемый секретаремъ собранія, онъ толково велъ журналы, составлялъ резолюціи, подсказывалъ малограмотной управѣ формы вносимыхъ ею предложеній. Его нельзя было обойти при выборѣ губернскихъ гласныхъ. Но особенно близко къ уѣзднымъ земскимъ дѣламъ Башкировы боялись его подпустить. Къ тому же въ то время (въ началѣ девяностыхъ годовъ) князь находился еще на правительственной службѣ.

Въ Тулѣ репутація князя, какъ дѣлового человѣка, стояла высоко. Тамъ онъ не чувствовалъ себя одинокимъ и, благодаря Р. А. Писареву, сразу попалъ въ среду «лѣвыхъ» гласныхъ. Въ сущности, эта лѣвизна была очень относительной: такіе люди, какъ Л. В. Любенковъ, князь Р. М. Долгорукій, гр. В. А. Бобринскій, Р. А. Писаревъ, князь М. В. Голицынъ и др., исповѣдывали болѣе или менѣе прогрессивные взгляды, но въ большинствѣ не шли далѣе весьма и весьма умѣреннаго либерализма. По общему своему облику князь Георгій Евгеніевичъ въ тѣ времена подходилъ къ этой группѣ, хотя быть можетъ, оставался даже значительно правѣе многихъ изъ ея членовъ. Какъ губернскій гласный, онъ очень скоро занялъ весьма замѣтное положеніе. Произошло это, конечно, безъ всякаго шума, безъ эффектовъ, само собою: князя выбирали въ комиссіи, въ которыхъ онъ работалъ охотно, усердно, по своему обыкновенію чрезвычайно быстро оріентируясь въ земскихъ дѣлахъ и умѣя «смотрѣть въ корень». Въ собраніи выступалъ онъ крайне рѣдко. При этомъ онъ не стѣснялся, не путался, говорилъ легко и быстро, но совершенно не умѣлъ и не хотѣлъ ораторствовать. Онъ вообще не обладалъ даромъ слова. Съ документами въ рукахъ, ссылаясь на традиціи и прецеденты тульскаго земства, онъ быстро передавалъ существо дѣла и садился на свое мѣсто. Въ большинствѣ случаевъ то былъ далеко не боевой докладъ, порученный ему какой-нибудь комиссіей и всего чаще разработанный имъ самимъ. И за рядъ лѣтъ едва-ли былъ хоть одинъ случай, когда онъ выступалъ по вопросамъ принципіальнымъ или принималъ участіе въ нерѣдкихъ ораторскихъ состязаніяхъ лѣвыхъ съ правымъ

крыломъ собранія. Конечно, ни о какомъ лидерствѣ князя Львова — и тогда, и въ позднѣйшія времена — не было и рѣчи.

Во главѣ губернской земской управы, въ теченіе многихъ трехлѣтій, стоялъ князь Мышецкій. Когда-то его провела на это мѣсто лѣвая часть собранія. Но онъ неизмѣнно переизбирался при всѣхъ смѣнахъ настроеній. Князь Мышецкій славился своею работоспособностью и энергичнымъ, властнымъ характеромъ. Въ старину онъ былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ управы, ничего не пропускалъ мимо себя и ухитрялся накладывать печать своей личности на всякій докладъ, поступавшій въ собраніе. Но съ годами кругъ дѣятельности губернскаго земства расширился. А предсѣдатель управы старѣлъ, болѣлъ, работоспособность его уменьшалась и, при прежнемъ нежеланіи выпустить изъ рукъ какую-либо отрасль земскаго хозяйства, онъ задерживалъ дѣло и тормазилъ его развитіе. Своимъ товарищамъ по управѣ онъ не давалъ никакого хода. Окружавшіе его земскіе служащіе («третій элементъ») были людьми стараго фасона, которыхъ онъ отучилъ отъ инціативы и выдрессировалъ въ безусловномъ подчиненіи. Его либерализмъ давно выродился въ глухое брюзжаніе на правительство и въ ядовитыя шпильки по адресу губернатора. А между тѣмъ надвигались новыя, неотложныя задачи. Дорожное строительство, страховое дѣло, ветеринарія — требовали преобразованія. Все настойчивѣе въ собраніи раздавались голоса о выработкѣ погубернской сѣти школъ, о книжномъ складѣ для снабженія всѣхъ школъ губерніи учебниками, учебными пособіями и письменными принадлежностями. Агрономическая помощь населенію оставалась весьма неравномѣрно распредѣленною по уѣздамъ, и губернскому земству неизбѣжно предстояло обдумать способы ея уравненія; губернскій складъ сѣмянъ и сельскохозяйственныхъ машинъ во всякомъ случаѣ требовалъ расширенія и полной реорганизаціи. Казалось совершенно необходимымъ приступить къ постройкѣ обширной губернской психіатрической лечебницы. Министръ финансовъ настойчиво торопилъ съ оцѣночными работами... Какъ ни ежился предсѣдатель управы, надвигавшіяся со всѣхъ сторонъ требованія жизни заставили его значительно расширить кругъ своихъ сотрудниковъ. Но спеціалисты, приглашенные на службу губернскою управою, теперь уже не имѣли ничего общаго съ тѣми старыми сотрудниками предсѣдателя, которыхъ онъ, такъ сказать, воспиталъ въ безусловномъ подчиненіи. Новые люди не мирились съ такимъ положеніемъ и требовали свободы и невмѣшательства въ ихъ спеціальную область, мирясь лишь съ контролемъ со стороны управы. Князь Мышецкій вынужденъ былъ во многомъ уступать. Но не такъ смотрѣла реакціонная часть собранія. Предсѣдателя управы стали обвинять, что онъ распустилъ «третій элементъ». Это приписывалось старости и болѣзнямъ предсѣдателя. Князь Мышецкій, дѣйствительно, былъ серіозно боленъ, усталъ и не могъ уже выдерживать подобныхъ атакъ. Онъ вышелъ въ отставку и скоро умеръ.

На смѣну ему въ 1900 году избранъ былъ предсѣдатель управы и предводитель дворянства Крапивенскаго уѣзда А. И. Поляковъ. Онъ выдвинутъ и проведенъ въ предсѣдатели губернской управы правымъ крыломъ собранія. Человѣкъ весьма правыхъ убѣжденій, пріятель губернатора В. К. Шлиппе, Поляковъ долженъ былъ, по мнѣнію правыхъ гласныхъ, сокрушить третій элементъ, привести его къ полному повиновенію и вернуть прежніе патріархальные порядки. Но вновь избранный предсѣдатель оказался весьма разумнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Онъ искренне любилъ земское дѣло. Подойдя съ нѣкоторой опаской къ представителямъ «третьяго элемента», подлежав-

шимъ обузданію, онъ очень скоро убѣдился, что ничего особенно зловреднаго подчиненные его изъ себя не представляютъ, а для успѣха земскаго дѣла надо дать имъ свободу иниціативы и примириться съ нѣкоторыми специфическими особенностями этихъ людей. Въ большинствѣ изъ нихъ онъ встрѣтился съ любовью къ своей спеціальности и съ уваженіемъ къ земству. Со многими онъ сошелся весьма довѣрчиво и даже дружески. «Третій элементъ», конечно, потащилъ новаго предсѣдателя влѣво, аргументируя интересами земскаго дѣла. Убѣждаясь постепенно доводами своихъ сотрудниковъ, А. И. Поляковъ очень скоро основательно разошелся съ тульскимъ губернаторомъ и, незамѣтно для себя, сталъ въ *дѣловой* области лѣвѣе даже нѣкоторыхъ гласныхъ, которые голосовали противъ него, считая его «черносотенцемъ». Конечно, правые не могли простить своему ставленнику такой «измѣны». Уже на второмъ очередномъ собраніи управа подверглась систематической травлѣ. «Лѣвые» не нашли нужнымъ поддержать политическаго противника и А. И. Поляковъ очутился въ полномъ одиночествѣ. Хотя ему и удалось на этотъ разъ добиться благопріятнаго рѣшенія по всѣмъ докладамъ управы, но, чувствуя со всѣхъ сторонъ враждебное отношеніе, онъ заявилъ о выходѣ своемъ въ отставку. Тогда начались поиски человѣка, на которомъ могли бы сойтись обѣ группы, въ этотъ моментъ численно почти одинаковыя. Имѣя въ виду надвигавшіяся практическія задачи, «лѣвые» выдвинули рѣшительно кандидатуру князя Львова. Она прошла не безъ значительнаго сопротивленія справа и незначительнымъ большинствомъ голосовъ.

Свою кандидатуру князь Львовъ принялъ съ оговорками, относительно которыхъ частнымъ образомъ поставилъ въ извѣстность гласныхъ избирателей. Въ случаѣ избранія, Георгій Евгеніевичъ не могъ сразу вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Жена его въ то время мучительно страдала и князь почти неотлучно находился около ея постели.

Георгій Евгеніевичъ женился на графинѣ Юліи Алексѣевнѣ Бобринской — родной племянницѣ пріятеля его Р. А. Писарева (1). Знакомство состоялось въ домѣ послѣдняго и упрочилось на совмѣстной работѣ помощи голодающимъ въ 1898 г. Эта голодовка дала между прочимъ поводъ къ жестокому столкновенію графа В. А. Бобринскаго съ губернаторомъ и еще разъ показала князю Георгію Евгеніевичу, какъ трудно работать на пользу народа въ тискахъ тѣхъ политическихъ условій, которыя въ то время коверкали русскую жизнь. Въ губерніи В. К. Шлиппе, конечно, все должно было обстоять благополучно и никакого голода не могло быть. Въ этомъ смыслѣ шли губернаторскія донесенія въ Петербургъ. Но предводитель дворянства Богородицкаго уѣзда графъ Вл. Ал. Бобринскій напечаталъ въ газетахъ воззваніе о помощи голодающимъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Горемыкинъ) потребовалъ объясненій. Губернаторъ съ возмущеніемъ отвергъ «клевету» Бобринскаго на населеніе ввѣренной ему губерніи. И Горемыкинъ въ оффиціальномъ сообщеніи призналъ Тульскую губернію благополучной по части голода. Однако, безпокойный предводитель дворянства вѣрилъ больше своимъ глазамъ, чѣмъ оффиціальнымъ сообщеніямъ. Онъ снова и настойчиво взывалъ къ обществу о помощи. Пришлось гасить скандалъ сильно дѣйствующими средствами: газетѣ, напечатавшей письма гр. Бобринскаго, было объявлено предостереженіе, строптивый предводитель дворянства получилъ высочайшій выговоръ и голодъ въ Тульской губерніи такимъ образомъ оффиціално оказался несуществующимъ.

1) Мать графини Ю. А. Бобринской была сестрою Р. А. Писарева.

Гр. В. А. Бобринскій былъ роднымъ братомъ жены князя Львова. Брачная жизнь молодыхъ протекала счастливо. Они проводили ее въ Поповкѣ, гдѣ княгиня Юлія Алексѣевна овладѣла общимъ расположеніемъ. Но въ началѣ 1903 года она стала чувствовать мучительныя боли. Мужъ перевезъ ее въ Москву въ квартиру брата, князя Владиміра Евгеніевича, который занималъ въ то время постъ директора Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь, въ Архивѣ, больную лѣчили лучшіе спеціалисты Москвы. Въ концѣ концовъ, однако, оказалось невозможнымъ обойтись безъ весьма сложной операціи, вскорѣ послѣ которой княгиня Юлія Алексѣевна скончалась (12 Мая). Прахъ ея былъ перевезенъ мужемъ въ Богородицкъ, гдѣ погребенъ въ фамильномъ склепѣ.

Счастливое супружество длилось недолго. Георгій Евгеніевичъ, совершенно потрясенный и выбитый изъ колеи, укрылся въ Оптиной Пустыни.

Позднѣе князь явился въ Тулу и съ головою погрузился въ многообразное, живое, нѣсколько запущенное тамъ дѣло предсѣдателя губернской земской управы.

Постъ отвѣтственный. Время трудное. Все нараставшее недовольство въ странѣ въ значительной степени группировалось около земства. И правительство въ борьбѣ со страною направляло на земство свои главные удары. Администрація, сверху до низу, пылала рвеніемъ въ борьбѣ съ самоуправленіемъ. Ниже придется говорить особо объ этапахъ этой борьбы. Здѣсь замѣтимъ только, что тамъ, гдѣ во главѣ администраціи стояли особенно усердные губернаторы, положеніе земства становилось невыносимымъ. Отношенія обострялись до крайности. Въ Тулѣ еще князь Мышецкій, лично не ладившій съ губернаторомъ, отводилъ душу въ письменныхъ сношеніяхъ, наполняя свои бумаги множествомъ ядовитыхъ намековъ и даже издѣвательствъ — конечно, въ весьма приличной и даже почтительной формѣ. Канцелярія губернатора не оставалась въ долгу. Этотъ бумажный турниръ съ удовольствіемъ усвоенъ былъ «третьимъ элементомъ» и князь Мышецкій въ послѣднее время уже только подписывалъ бумаги, направляемыя къ администраціи, угрюмо наслаждаясь ихъ «остротою». Добродушный А. И. Поляковъ, пребывавшій ранѣе въ прекраснѣйшихъ отношеніяхъ съ В. К.Шлиппе, по мягкости характера, не хотѣлъ мѣнять установленнаго порядка и только посмѣивался, читая и подписывая изощренныя препирательства «третьяго элемента» съ канцеляріей губернатора.

Все это сразу измѣнилось при вступленіи въ должность князя Львова. Со Шлиппе у него были старые счеты. Но князь не имѣлъ ни малѣйшаго желанія осложнять мѣстное земское хозяйство политическою, а тѣмъ болѣе личною борьбою. Худой миръ онъ всегда предпочиталъ открытой ссорѣ. Къ тому-же онъ отлично понималъ, что если-бы на петербургскихъ верхахъ неожиданно обнаружились по отношенію къ земству благосклонныя вѣянія, такіе губернаторы, какъ Шлиппе, оказались бы въ тотъ-же день совершенно безвредными для мѣстнаго самоуправленія.

Вступивъ въ должность, новый предсѣдатель, на первыхъ порахъ, не очень пріятно поразилъ представителей «третьяго элемента». Секретарю онъ вернулъ нѣсколько бумагъ къ губернатору, передѣлавъ ихъ самымъ основательнымъ образомъ. Онъ безпощадно уничтожилъ всѣ шпильки, экивоки, намеки, которыми хотѣлъ блеснуть передъ «лѣвымъ» предсѣдателемъ секретарь. Одну бумагу князь просто перечеркнулъ цѣликомъ, написавъ на ней: «къ чему все это?» и набросалъ самъ дѣловитый, но «прѣсный» отвѣтъ. Писалъ онъ быстро, легко и охотно. «Третій элементъ» привыкъ участвовать въ жизни управы: завѣдую-

щихъ отдѣлами обо всемъ спрашивали даже и не по ихъ спеціальности, на совѣщанія управы приглашалось большинство руководящихъ работниковъ. Съ пріѣздомъ князя все это кончилось. Онъ словно забылъ или не зналъ обо всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ. По каждому дѣлу онъ приглашалъ въ управу соотвѣтствующаго спеціалиста и съ нимъ вдвоемъ рѣшалъ вопросъ. При этомъ въ самомъ началѣ произошло забавное недоразумѣніе. Князь держался со служащими любезно, почти по товарищески. Но завѣдующіе отдѣлами были удивлены тѣмъ, что князь не приглашалъ ихъ сѣсть. Приходилось давать объясненія стоя. Къ этому представители «третьяго элемента» — люди новой формаціи — не привыкли. Нѣсколько завѣдующихъ отдѣлами рѣшили однако, что протестовать изъ-за такого пустяка не стоитъ, а надлежитъ, для сохраненія собственнаго достоинства, демонстративно, передъ началомъ разговора, брать стулъ и садиться: предсѣдатель пойметъ и въ другой разъ будетъ вѣжливѣе. Но увы! предсѣдатель не понялъ; онъ даже не замѣтилъ «демонстраціи»: всецѣло занятый вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію, онъ совершенно равнодушно относился къ тому, сидитъ или стоитъ его собесѣдникъ, будучи увѣренъ, что тотъ, кто хочетъ сидѣть, возьметъ стулъ и сядетъ.

Наконецъ, черезъ мѣсяцъ приблизительно, состоялось по какому-то общему вопросу совѣщаніе на квартирѣ князя, которое одинъ изъ присутствовавшихъ описываетъ такими словами: «Приглашенными оказались нѣсколько прогрессивныхъ гласныхъ, члены управы и нѣсколько лицъ изъ «третьяго элемента». Князь занималъ просторную квартиру, которая поражала, однако, своимъ убранствомъ. Обширныя комнаты были пусты, кое-гдѣ складныя желѣзныя кровати, дешевенькіе столы и стулья, жесткіе диваны, обитые ситцемъ, видимо, прибывшіе изъ деревни... Въ двѣнадцатомъ часу епифанскій предводитель дворянства кн. М. В. Голицынъ не выдержалъ.

— «Князь», — сказалъ онъ протяжно, съ жалостью смотря на насъ, — «предложите-же, наконецъ, вашимъ гостямъ чаю»... Хозяинъ засмѣялся.

— «Я и забылъ за дѣлами. Извините! чай въ сосѣдней комнатѣ. Сдѣлаемъ перерывъ».

И онъ проводилъ насъ въ столовую. Гостей было человѣкъ 12. На большомъ кругломъ столѣ мы увидѣли маленькій самоварчикъ, уже потухшій, большой чайникъ, стаканы, хлѣбъ. Посреди стола красовалось блюдо съ надрѣзаннымъ кочаномъ капусты и кувшинъ съ квасомъ.

— «Пожалуйста, наливайте себѣ — кто хочетъ чаю. А вотъ квасъ и капуста... Я чаю не пью».

Кое-какъ мы нацѣдили себѣ по стакану холоднаго и жидкаго чаю и долго потомъ вспоминали «княжеское угощеніе»...

Подобныя оригинальныя мелочи очень скоро перестали обращать на себя вниманіе, совершенно заслоненныя дѣловыми пріемами и свойствами князя. Скромность его поражала. Но она вовсе не выражала слабости или заискиванія. Въ общемъ новый предсѣдатель хорошо зналъ земское дѣло. Еще лучше ему были извѣстны мѣстныя условія, низы жизни, деревенскія потребности. Въ техническихъ вопросахъ онъ требовалъ подробнѣйшихъ объясненій спеціалистовъ и поражалъ всѣхъ своею ухватистостью, удивительной способностью сразу понять самое существенное въ вопросѣ и твердо остановиться на опредѣленномъ заключеніи.

При этомъ оказывалось совершенно невозможнымъ заговорить его или подсунуть ему модное рѣшеніе вопроса. Понявъ дѣло, онъ подходилъ къ нему прямо, по существу, съ точки зрѣнія хорошаго хозяина и ласково, но упорно

отстаивалъ свой взглядъ. Онъ никогда не гнался за мелочами и подробностями. Политическія соображенія, интересы какихъ-либо группъ гласныхъ, собственныя предубѣжденія — отсутствовали совершенно. Въ лицѣ князя Львова его сотрудники очень скоро привыкли видѣть и уважать настоящаго земца-хозяина, очень дѣловитаго, очень умнаго и совершенно не склоннаго поддаваться моднымъ теченіямъ или плясать по чьей-либо дудкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новый предсѣдатель привѣтствовалъ всячески инціативу своихъ сотрудниковъ и, признавъ практическую полезность предлагаемаго нововведенія, смѣло и рѣшительно шелъ навстрѣчу задуманному. Не видѣть его хозяйственныхъ способностей — казалось невозможнымъ.

Когда князь въ своей стремительной работѣ наталкивался на столь обычныя въ русской жизни административныя препятствія, онъ не приходилъ въ отчаяніе и не опускалъ безпомощно рукъ. Свою тактику въ такихъ случаяхъ онъ объяснялъ ближайшимъ сотрудникамъ, по обычаю, въ образахъ.

— Знаете, заѣхалъ я разъ въ трудную минуту въ Оптину. Бесѣдую со «старцемъ». Онъ мнѣ и говоритъ: «Ничего! все обойдется, устроится... Торопиться некуда... Выѣзжалъ я какъ-то на престольный праздникъ въ сосѣднюю волость. Базаръ тамъ бываетъ въ этотъ день очень люденъ. Вотъ послѣ обѣденъ вышелъ я на народъ полюбоваться. А набралось его видимо-невидимо: сплошное море головъ, и ужъ двигаться не могутъ. Крикъ, шумъ чрезвычайный. И вижу я: подъѣхалъ къ площади мужиченка въ телѣгѣ... лошадка у него немудрящая, еле на ногахъ стоитъ. Посмотрѣлъ онъ, посмотрѣлъ на толпу, качнулъ головою и сталъ возжами подергивать: видимо, ему на другую сторону площади надо было. — Ну-ну!... ну-ну!!.. потягиваетъ возжи да почмокиваетъ. Куда тутъ! шагу пѣшій не сдѣлаетъ! Толпа только смѣется надъ мужиченкой, бранится да сквернословитъ. А онъ все свое: поправитъ на головѣ шапченку да опять зачмокаетъ: Ну-ну! ну-ну!!.. И что-же вы думаете? проѣхалъ!...»

Такія рѣчи плохо успокаивали нетерпѣливыхъ сотрудниковъ, готовыхъ ринуться въ бой съ администраціей. А князь тѣмъ временемъ своей мирной, но настойчивой тактикой творилъ чудеса.

Впрочемъ,на эти дѣла у него былъ вѣрный глазъ. Иногда онъ сразу оцѣнивалъ положеніе, какъ безнадежное. Тогда онъ рѣшительно отказывался отъ всякой борьбы, но не приходилъ отъ этого въ уныніе.

Такъ было, напримѣръ, съ оцѣночными работами.

Къ статистикѣ и статистикамъ онъ не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ и плохо вѣрилъ, что методами массоваго опроса можно вскрыть подлинную жизнь во всѣхъ ея прихотливыхъ изгибахъ. Однако, къ начатымъ его предшественниками статистико-оцѣночнымъ работамъ онъ относился благосклонно и присматривался съ интересомъ.

Но администрація того времени считала земскихъ статистиковъ чуть-ли не главными врагами правительства. Это былъ «пунктикъ» министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Усердные губернаторы старались «соотвѣтствовать» вкусамъ и взглядамъ министра, который выхлопоталъ даже высочайшее повелѣніе, предоставлявшее губернаторамъ право, по своему усмотрѣнію, не выпускать статистиковъ на мѣстныя изслѣдованія. Въ Тулѣ, кромѣ боязни пропаганды, да и всякаго общенія съ народомъ ненавистной правительству «когорты санкюлотовъ» (1), были свои причины опасеній. За исключеніемъ нѣсколькихъ

1) Такъ Плеве именовалъ публично земскихъ сотрудниковъ — «третій элементъ».

волостей Тульскаго уѣзда, губернія никогда изслѣдованію не подвергалась и экономическая жизнь ея была столь-же мало извѣстна, какъ центральная Африка. При такихъ условіяхъ, «ввѣренная» Шлиппе губернія могла въ его донесеніяхъ пребывать тѣмъ, чѣмъ должна быть губернія въ рукахъ энергичнаго и талантливаго хозяина-администратора. Статистическія работы чуждаго и не подчиненнаго администраціи элемента могли совершенно подорвать этотъ порядокъ вещей и на мѣсто *должнаго* поставить *существующее*. Поэтому, В. К. Шлиппе два года подрядъ, передъ самымъ выѣздомъ на работы, запрещалъ мѣстныя изслѣдованія, и кадры, подготовленные для нихъ съ большими затратами труда и казенныхъ средствъ (1), оставались безъ дѣла.

Когда князь Львовъ объявилъ объ очередномъ запрещеніи завѣдующему статистическимъ отдѣленіемъ, между ними происходилъ такой разговоръ:

— Это окончательно? Нельзя-ли похлопотать о разрѣшеніи? Снова всѣ труды остаются втунѣ...

— Ну, что-же дѣлать... Хлопотать толку не будетъ. Лбомъ стѣны не прошибешь: высочайшее повелѣніе!..

— Что-же я буду дѣлать со своей публикой? 200 человѣкъ!

— Заканчивайте обработку собраннаго матеріала и помаленьку распускайте... Не оставить-ли кадръ лучшихъ, чтобы потомъ, при измѣненіи обстоятельствъ, быстро развернуть работу?... Да нѣтъ! никакихъ измѣненій не будетъ, пока въ Питерѣ сидитъ Плеве... Дѣло пропащее!...

Въ началѣ 1904 года работа предсѣдателя управы была нарушена событіями, связанными съ японской войною. Ему самому пришлось ѣхать въ Манчжурію, гдѣ онъ пробылъ четыре мѣсяца.

Съ театра военныхъ дѣйствій князь вернулся (въ Сентябрѣ 1904 г.) при новыхъ обстоятельствахъ. Плеве былъ убитъ. Во главѣ правительства стоялъ мягкій и доброжелательный П. Д. Святополкъ-Мирскій. Возникала «весна» въ общественной жизни Россіи. Но небывалыя въ прежнія времена военныя неудачи и тяжелое наслѣдіе самодержавія Плеве — въ видѣ всеобщаго недовольства и глубокаго раздраженія — дѣлали уступки правительства недостаточными и запоздалыми. Надвигалась первая революція. Самъ князь Львовъ вернулся изъ Манчжуріи со всероссійскою извѣстностью. Въ окружавшихъ его тревожныхъ обстоятельствахъ онъ оставался прежнимъ дѣятельнымъ, энергичнымъ земскимъ хозяиномъ. Скромность его ничуть не измѣнилась. Увеличился лишь размахъ работы, смѣлость и рѣшительность. Въ Тульскую губернскую управу ему удалось провести нѣсколько дѣятельныхъ и энергичныхъ работниковъ, настроенныхъ совершенно въ униссонъ съ нимъ: Ѳ. Е. Арбузова, доктора В. Л. Любенкова, Ѳ. И. Гаярина и (позже) Н. С. Лопухина. Вмѣстѣ съ ними онъ развилъ необычайную для Тулы практическую работу. На очередь выдвигался рядъ трудныхъ задачъ. И прежде всего предстояло, наконецъ, позаботиться о приведеніи въ порядокъ губернскихъ лечебныхъ учрежденій. Въ Тулѣ, какъ и вездѣ, они перешли къ земству отъ казеннаго Приказа Общественнаго Призрѣнія въ ужасающемъ видѣ. При крайней скудости земскихъ средствъ въ первыя десятилѣтія существованія земскихъ учрежденій, къ этому тяжелому наслѣдству страшно было приступать. Въ сущности, казалось единственно правильнымъ снести съ лица земли всѣ эти архаическія «богоугодныя» заведенія и, вмѣсто нихъ, построить и организовать новыя на уровнѣ современныхъ требованій. Но губернскій бюджетъ Тульскаго земства

1) Оцѣночно-стат. работы велись земствомъ на казенный счетъ.

всегда оставался ничтожнымъ: губернское собраніе было чрезвычайно сдержанно въ обложеніи и, соотвѣтственно съ этимъ, скупо на ассигнованія. При такихъ условіяхъ отпадала всякая охота не только мечтать о коренныхъ преобразованіяхъ, но даже думать о частичныхъ улучшеніяхъ. Дѣло казалось безнадежно запущеннымъ. Съ такимъ положеніемъ князь Львовъ не захотѣлъ мириться. Со своимъ вѣчнымъ оптимизмомъ и стремленіемъ «сдѣлать хоть что-нибудь», — онъ ринулся на работу. И очень скоро нѣкоторыхъ учрежденій — хирургическаго, родильнаго, глазного отдѣленій губернской больницы — нельзя было узнать. Съ большимъ успѣхомъ и чрезвычайной практичностью произведено было преобразованіе «малыми средствами» и такъ называемаго «сиропитательнаго заведенія» — земскаго пріюта для подкидышей и сиротъ: крутыми мѣрами по измѣненію санитарнаго состоянія пріюта, улучшеніемъ питанія и ухода въ короткое время удалось понизить до минимума значительную смертность дѣтей, существовавшую въ пріютѣ. Но главныя свои заботы новый предсѣдатель обратилъ на улучшеніе жизни призрѣваемыхъ земствомъ сумасшедшихъ. Больница для умалишенныхъ помѣщалась въ Тулѣ, въ тѣсныхъ, загрязненныхъ зданіяхъ, лишенныхъ примитивныхъ удобствъ. Больница эта — единственная, принимавшая умалишенныхъ губерніи — была переполнена. Въ вопросѣ о положеніи умалишенныхъ князь Львовъ не нашелъ возможнымъ ограничиться палліативами. Со всею энергіей онъ обрушился на земское собраніе съ требованіемъ кредитовъ. Убѣдивъ собраніе въ ихъ неотложности, онъ рѣшительно приступилъ къ дѣлу. Въ девяти верстахъ отъ Тулы онъ купилъ барское имѣніе (Петелино), съ рѣкой, со старымъ помѣщичьимъ паркомъ, лѣсомъ и постройками. Для созданія психіатрической лечебницы князь Львовъ пригласилъ испытаннаго постояннаго архитектора Московскаго земства (Б. Н. Шнауберта), но въ первое время самъ ушелъ съ головою въ это дѣло. Интересуясь всѣми деталями, онъ не покидалъ ни на минуту архитектора во время наѣздовъ того изъ Москвы и до поздней ночи, вернувшись изъ Петелина, обсуждалъ съ нимъ всѣ подробности. Позднѣе, наладивъ основанія постройки, князь Львовъ перешелъ къ разрѣшенію другихъ очередныхъ вопросовъ. Дѣло психіатрической колоніи велось, подъ его общимъ надзоромъ, однимъ изъ новыхъ членовъ управы (докторомъ Любенковымъ) и молодымъ энергичнымъ работникомъ (Н. С. Лопухинымъ), обнаружившимъ на Дальнемъ Востокѣ хозяйственныя способности при обслуживаніи земскихъ отрядовъ.

Въ Петелинѣ быстро выростали зданія для помѣщенія больныхъ, хлѣбопекарня, баня, прачешная, водокачка, электрическая станція. Зданія для больныхъ съ обширными рекреаціонными залами — давали много свѣта и воздуха; вездѣ центральное отопленіе, электричество. Канализацію обслуживали поля орошенія, на которыхъ заложены были огороды. Еще до того, какъ готовы были новыя зданія, часть умалишенныхъ изъ Тулы была переведена въ помѣщичій домъ; по мѣрѣ окончанія построекъ, онѣ заселялись партіями умалишенныхъ, которые группировались по роду заболѣваній и изъ затхлой атмосферы городского «богоугоднаго» заведенія попадали на чистый деревенскій воздухъ, въ привольныя условія живописной помѣщичьей усадьбы, гдѣ они, при желаніи, могли принимать участіе въ садовыхъ, огородныхъ и земледѣльческихъ работахъ.

Губернскій сельскохозяйственный складъ ожилъ въ рукахъ князя Львова и быстро началъ увеличивать обороты. Предсѣдатель управы хорошо зналъ нужды населенія и умѣлъ удовлетворять спросъ на ходовыя машины, орудія, инструменты, пчелиные ульи, сѣмена и т. д. не останавливаясь передъ рискомъ

и съ тою широтою въ закупочномъ дѣлѣ, безъ которой невозможна никакая живая коммерція. Непосредственное завѣдываніе складомъ князь Львовъ поручилъ привлеченному имъ въ управу Ѳ. Е. Арбузову — прекрасному хозяину, опытному и энергичному земцу.

Губернская земская управа не располагала собственнымъ помѣщеніемъ. Приходилось платить за наемную квартиру Тульскому дворянству. Съ расширеніемъ работы, чувствовалась тѣснота. Отдѣлы управы расползались по городу. На князя Львова такой безпорядокъ производилъ досадное впечатлѣніе безхозяйственности. Тщательно учтя расходы, производимые управою на наемъ помѣщеній, предсѣдатель рѣшилъ, что будетъ выгоднѣе сдѣлать затрату на постройку собственнаго дома, гдѣ можно размѣстить всѣ отдѣлы управы. Къ постройкѣ немедленно было приступлено, причемъ расчетливый хозяинъ рѣшилъ извлечь изъ этого предпріятія и нѣкоторые непосредственные доходы для земства: въ новыхъ зданіяхъ созданъ былъ рядъ частныхъ квартиръ, которыя предназначались для сдачи въ наемъ земскимъ служащимъ.

Неурожай 1904-5 годовъ захватилъ и Тульскую губернію. Ожидался голодъ. Князь Львовъ созвалъ рядъ совѣщаній изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ и другихъ мѣстныхъ дѣятелей. Намѣчены были такія мѣры: 1) продажа муки частью по заготовительной, частью по удешевленной цѣнѣ; 2) заготовка и продажа топлива; 3) общественныя работы; 4) помощь кустарнымъ промысламъ; 5) борьба санитарно-медицинскими мѣропріятіями съ надвигавшимся отъ недоѣданія эпидеміями. Журналы засѣданій, разсмотрѣнные доклады и другіе матеріалы по борьбѣ съ голодомъ печатались и широко распространялись среди мѣстнаго населенія. Князь Львовъ самъ слѣдилъ за этими изданіями и находилъ время писать въ нихъ, призывая имущихъ къ пожертвованіямъ деньгами и вещами.

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ земцы устраняли при скупкѣ хлѣба посредниковъ, стараясь подойти лично къ производителямъ въ урожайныхъ районахъ. Князь Львовъ дѣйствовалъ совершенно иначе. Онъ не боялся посредниковъ и привлекъ къ дѣлу купцовъ-скупщиковъ, спеціалистовъ по хлѣбной торговлѣ и размолу зерна; при помощи ихъ готоваго аппарата заготовку и доставку нужнаго хлѣба удалось провести быстро, дѣловито, хотя, быть можетъ, и съ незначительной переплатой. При организаціи общественныхъ работъ вниманіе было всецѣло обращено на гидротехническія предпріятія, которыя, въ виду частыхъ засухъ, могли принести особую пользу населенію. Къ тому-же рытье прудовъ и колодцевъ можно было распредѣлить наиболѣе равномѣрно по площади пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ. На производство этихъ работъ позаимствованы были средства изъ губернскаго страхового капитала. Но то была капля въ морѣ нужды. А между тѣмъ, параллельно съ рытьемъ прудовъ и колодцевъ, были затѣяны во многихъ мѣстахъ работы по улучшенію путей сообщенія: чинились старыя дороги, мосты, закладывались новые дорожные участки. На все это необходимы были большія деньги. Князь Львовъ, наталкиваясь въ своихъ многочисленныхъ земскихъ начинаніяхъ на традиціонную осторожность и скупость земскаго собранія, обращалъ обыкновенно съ надеждою свои взгляды на казну.

Министръ финансовъ Витте, какъ извѣстно, еще въ 1900 году провелъ законъ о предѣльности земскаго обложенія: повышать земскій бюджетъ, даже при желаніи собранія, разрѣшалось отнынѣ лишь въ незначительныхъ предѣлахъ. Вполнѣ сочувствуя походу правительства противъ земства, хитроумный министръ подрывалъ такимъ образомъ въ корнѣ обозначившееся къ

концу вѣка необычайно быстрое развитіе земскаго хозяйства. Желая съ другой стороны прибрать къ рукамъ многія земскія начинанія, онъ провелъ въ государственномъ бюджетѣ довольно значительныя ассигнованія «для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей», то-есть для правительственныхъ дотацій земству, и обѣщалъ усилить эти ассигонованія «въ мѣрѣ дѣйствительной потребности». Земствамъ стоило только просить министра финансовъ отпустить средства на опредѣленную нужду... Идейные земцы очень боялись этихъ «данайскихъ даровъ». Правительственныя субсидіи обставлялись такими условіями, что земскія учрежденія предпочитали не черпать изъ этого источника, чтобы не потерять еще болѣе свою самостоятельность. Фактически позаимствованія изъ казны оказались совершенно ничтожными. Но не такъ смотрѣлъ князь Львовъ. Для дѣла — кричащаго и неотложнаго — нужны средства. Безъ денегъ сдѣлать ничего нельзя. А готовыя денежки лежатъ въ государственномъ казначействѣ. Надо только протянуть къ нимъ руку. И князь, совершенно не считаясь со взглядами передовыхъ земцевъ, безтрепетно ѣхалъ въ Питеръ и съ легкимъ сердцемъ бралъ отъ казны все, что можно было взять на мѣстныя тульскія нужды. Условія его не смущали. Въ порабощеніе земства онъ не вѣрилъ. Отъ стѣснительнаго правительственнаго контроля и регламентированія, при извѣстной дѣловой ловкости, всегда надѣялся увернуться. А общія соображенія объ охранѣ земской самостоятельности — не имѣли надъ нимъ силы. Являясь въ пріемныхъ министровъ, онъ вносилъ въ ихъ канцелярскую торжественность столько жизни, такое знаніе мѣстныхъ условій и дѣла, на которое просилъ денегъ, что отказать ему не было возможности. Къ тому-же (въ особенности послѣ возвращенія изъ Манчжуріи) онъ пользовался авторитетомъ общественнаго работника исключительной дѣловитости, — старался никого не раздражать и отнюдь не выдвигать боевого настроенія земской среды по отношенію къ бюрократіи. Ему давали деньги охотно, стараясь облегчить и сократить тягостныя формальности и волокиту. Но этого князю Львову казалось мало. Онъ умѣлъ присмотрѣть въ Петербургѣ чисто бюрократическія учрежденія, которыя — временно или постоянно — изнывали отъ отсутствія живого дѣла или неумѣнія за него взяться. Для нихъ неожиданное появленіе князя Львова съ предложеніемъ живой работы въ Тульской губерніи казалось находкою. Они охотно направляли туда свои изобильныя средства и кадры, а тамъ, на мѣстѣ, князь Львовъ умѣлъ окружить ихъ земскими работниками, направить на дѣло и выжать изъ нихъ все возможное. Такъ привлекъ онъ въ Тулу инженеровъ и техниковъ изъ организаціи генерала Жилинскаго по осушенію Пинскихъ болотъ съ инженеромъ-гидротехникомъ Р. П. Спарро во главѣ. Ген. Жилинскій прибылъ самъ въ Тулу и посаженъ былъ предсѣдательствовать на первоначальныхъ совѣщаніяхъ объ организаціи гидротехническихъ работъ въ губерніи. Затѣмъ его инженеры и техники разъѣхались по отведеннымъ имъ районамъ для составленія смѣтъ. Смѣты эти были тщательно обсуждены управою и общественныя работы стали осуществляться совмѣстно правительственными и земскими людьми. Устроенные пруды и колодцы не только дали средства нуждавшемуся въ работѣ населенію; они имѣли такой успѣхъ, что многія крестьянскія общества позднѣе обратились въ министерство земледѣлія съ ходатайствами о ссудахъ изъ меліоративнаго кредита на постройку гидротехническихъ сооруженій.

Для задуманныхъ общественныхъ работъ по дорожной части князь Львовъ привлекъ въ Тульскую губернію организацію «Трудовой Помощи». И тутъ также петербургское бюрократическое общество, въ сліяніи съ живыми земскими работниками, сдѣлало очень много для голодающаго населенія.

Казалось-бы, вся эта кипучая, практическая, чисто хозяйственная дѣятельность должна была привлечь къ предсѣдателю управы всѣ земскія сердца — безъ различія направленія. Въ дѣйствительности случилось иначе. Въ 1905 году на юго-востокѣ Тульской губерніи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, начались аграрные безпорядки. Призракъ аграрной революціи терроризировалъ дворянское, помѣщичье земство. Началась жестокая реакція. Всеобщая забастовка въ Петербургѣ и Москвѣ, вырванная у правительства 17 Октября конституція, излишества свободной печати, московское вооруженное возстаніе — обострили и довели земскую реакцію до крайнихъ предѣловъ. Тульское земство всегда славилось своею правизною. Въ моменты общественнаго подъема и подъ давленіемъ правительственнаго гнета — земское «болото» — люди равнодушные къ политикѣ — давали перевѣсъ лѣвымъ гласнымъ; въ обычное время, и въ особенности въ періоды упадка духа — декораціи рѣзко мѣнялись и правые получали подавляющее преобладаніе. Такова именно была картина въ губернскомъ собраніи 1905 г. Князь Львовъ и подобранная имъ либеральная управа оказались въ меньшинствѣ. Никакіе таланты не способны были привлечь къ чисто хозяйственнымъ земскимъ дѣламъ вниманіе напуганныхъ людей. Они думали не о хозяйственныхъ преобразованіяхъ, а объ ассигновкахъ на содержаніе земской стражи для подавленія безпорядковъ. Земскіе служащіе («третій элементъ») казались имъ несомнѣнными виновниками и сѣятелями смуты. Какъ увидимъ ниже, князь Львовъ въ это время волною общественнаго подъема вовлеченъ былъ въ чуждую ему область политики. Хотя среди бушевавшихъ стихій онъ занималъ весьма умѣренную позицію, но въ глазахъ тульскихъ правыхъ земцевъ онъ выглядѣлъ воистину опаснымъ революціонеромъ. Положеніе его въ собраніи становилось все труднѣе: приходилось бороться противъ большинства; практической работѣ не давали ходу; полезнѣйшихъ служащихъ невозможно было защитить отъ систематическихъ нападокъ. Какъ ни выносливъ и какъ ни твердъ былъ князь Львовъ, онъ чувствовалъ, что смыслъ его пребыванія во главѣ управы — исчезалъ. Предстояло неизбѣжно уступить свое мѣсто другому.

Когда началась кампанія по выборамъ въ Государственную Думу, либеральные земцы рѣшили вести кандидатуру князя Львова. Но очень скоро обнаружилось, что отъ губерніи онъ не пройдетъ ни въ какомъ случаѣ: въ губернскихъ выборахъ слишкомъ большую роль игралъ помѣщичій элементъ, настроенный крайне враждебно къ «революціонеру» князю Львову. Между тѣмъ создалась конституціонно-демократическая партія («кадеты»), включившая въ свой составъ очень много либеральныхъ земцевъ, въ числѣ которыхъ были люди близкіе Георгію Евгеніевичу. Въ Тулѣ стало работать отдѣленіе партіи, взявшее въ свои руки единственную мѣстную газету. Князю Львову предложено было вступить въ партію и выставить отъ нея свою кандидатуру въ Государственную Думу отъ города Тулы. Георгій Евгеніевичъ принялъ предложеніе. Былъ-ли онъ правовѣрнымъ «кадетомъ»? Едва-ли. Чисто политическая дѣятельность, выработка, обсужденіе, проведеніе въ жизнь программъ, политическая борьба со всѣми ея аксессуарами — оставались совершенно чуждыми его природѣ. Но онъ не могъ равнодушно относиться къ тѣмъ практическимъ перспективамъ, которыя открывала для Россіи Государственная Дума. Наступала новая эра. И тутъ онъ не считалъ себя въ правѣ отсутствовать. Надо было попытаться сдѣлать что-нибудь и въ новыхъ условіяхъ. Безъ вступленія въ партію нельзя было проникнуть въ Думу. Онъ далъ свое имя партіи и согласился выставить свою кандидатуру, очень мало считаясь, по обыкновенію, съ тѣмъ, къ чему

обязывали его такія дѣйствія. Самъ онъ мало принималъ участія въ избирательной кампаніи. Кандидатуру его провели друзья и главнымъ образомъ Н. С. Лопухинъ. Когда князь Львовъ былъ избранъ, онъ отказался отъ должности предсѣдателя губернской управы.

Такъ закончилась навсегда его мѣстная земская карьера (1).

9.

Такимъ представляется князь Львовъ за первыя двадцать лѣтъ общественной дѣятельности. Онъ любилъ при оцѣнкѣ человѣка «прикладывать къ нему трудовую мѣрку». Этотъ именно пріемъ выдержанъ во второй главѣ нашего изложенія. Но даетъ ли характеристика трудоспособности обликъ *всего* человѣка? Конечно, нѣтъ. У многихъ наблюдателей этой кипучей жизни оставалось впечатлѣніе, что за суетою вѣчныхъ трудовъ, за безконечными заботами о матеріальномъ (иногда о грубо матеріальномъ) — скрывалось еще что-то... Этотъ оппортунизмъ, это нежеланіе считаться съ общепринятыми правилами намекали на что-то особенное въ духовномъ складѣ человѣка, на свое собственное, своеобразное мѣрило поведенія, на своеобычные идеалы. Человѣкъ на всю жизнь заведенъ своею природою, обстановкой, воспитаніемъ и мечется, не покладая рукъ. Онъ не можетъ не работать. И, какъ всякій выдающійся работникъ, преисполненъ *честолюбіемъ дѣла*, жаждою успѣха. Но въ то же время нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что эти труды и заботы — не только не все, но даже и не главное въ его представленіи. Все это — жизненная суета, отъ которой трудно отойти и надъ которой *нельзя не работать*. Но все это, при наличіи старанія съ нашей стороны, наладится, устроится, образуется. Созидать матеріальныя цѣнности — неизбѣжно надо. Но странно было-бы при такомъ созиданіи особенно считаться съ чисто условными и временными пріемами и правилами. Все это пустяки. Существуютъ другія нормы поведенія и другія — высшія цѣнности. Мечты о служеніи такимъ высшимъ цѣнностямъ приковывали вниманіе князя къ жизни и дѣятельности «старцевъ» Оптиной Пустыни. Не многимъ — и только сочувственно настроеннымъ друзьямъ — Георгій Евгеніевичъ давалъ возможность приподнять край завѣсы, за которой скрывались его завѣтныя мечты. Къ Оптиной Пустынѣ вниманіе его привлечено было не затворничествомъ, не тяжелыми послушаніями, не молитвой. Въ противность примѣру отшельниковъ, налагавшихъ на себя подвиги полнаго уединенія, молчанія и т. п., «старцы» широко открывали двери своихъ келій для всѣхъ сгибавшихся подъ тяжестью безысходнаго горя. Внести миръ въ изстрадавшуюся душу, принять на себя часть горя человѣческаго, успокоить, подготовить къ возрожденію и новой жизни — таковъ былъ подвигъ, которому они отдавали себя. Этотъ подвигъ умиротворенія страстно привлекалъ къ себѣ князя Львова. Но неоднократныя попытки его остаться въ Оптиной Пустынѣ навсегда — не имѣли успѣха: старецъ, къ которому онъ обращался, посылалъ его снова въ міръ, находя, что онъ далеко еще не подготовленъ перенесеннымъ страданіемъ къ такой миссіи.

---

1) Для очерка земской работы князя Львова въ Тулѣ я пользовался, кромѣ личныхъ воспоминаній, любезно предоставленными въ мое распоряженіе рукописными замѣтками Ѳеодора Ивановича Гаярина — члена губернской управы, завѣдывавщаго между прочимъ дорожными сооруженіями.

Князь Львовъ неоднократно бывалъ въ Оптиной Пустынѣ, бесѣдовалъ со старцами и въ бесѣдахъ этихъ находилъ утѣшеніе и примиреніе съ жизнью. Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что миссію Оптинскихъ старцевъ онъ пытался до нѣкоторой степени выполнять и въ міру, а его необычайные практическіе успѣхи, быть можетъ, зависѣли не только отъ его дѣловитости или отъ организаторскихъ талантовъ, но и отъ умѣнія вносить миръ и успокоеніе въ сердца своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ.

Насколько мечты эти держали его въ своей власти? Способенъ-ли онъ былъ подавить свою дѣятельную натуру или — вѣрнѣе — претворить ея энергію безъ остатка въ милосердіе и служеніе облегченію чужого горя?

Старцы считали его не подготовленнымъ. Онъ остался въ міру до конца. Но *мечты* этого трезваго реалиста и практическаго работника поражаютъ неожиданностью.

Человѣкъ опредѣляется не только тѣмъ, что онъ дѣлаетъ. Мечты и идеалы составляютъ столь-же неотдѣлимую часть цѣлаго, какъ темпераментъ, природныя данныя, вкусы, привитые жизнью. И часто самые поступки остаются мало понятными для тѣхъ, кто не умѣетъ подмѣтить въ нихъ неизбѣжнаго вліянія скрытыхъ духовныхъ теченій.

О чемъ-же мечталъ князь Львовъ?

Странно сказать: онъ уже въ дѣтствѣ мечталъ объ отшельничествѣ, объ уединеніи. Незадолго до смерти онъ писалъ: «Когда меня въ дѣтствѣ спрашивали, чѣмъ я хочу быть, я всегда отвѣчалъ, что хочу быть лѣснымъ сторожемъ. Мнѣ всегда казалось особенно заманчивымъ жить одному въ лѣсу, какъ лѣсные сторожа. У нихъ своя особая жизнь. Они не знаютъ суеты, а знаютъ, чего не знаютъ другіе. Мнѣ все казалось, что у лѣса, особенно стараго, вѣкового, — особая душа, что старыя деревья хранятъ что-то, что въ нихъ прячутъ, что они накопляютъ вѣками. Отъ дремучаго лѣса вѣетъ чѣмъ-то сокровеннымъ, таинственнымъ. Лѣсъ говоритъ, шепчетъ на ухо, проникаетъ въ душу — на зарѣ голосами просыпающихся птицъ гулко, звонко, весело; въ солнечный день — игрой листа и свѣта; сумерками — косыми лучами заходящаго солнца на стволахъ; ночью — глубокой тишиной. Дождь пойдетъ — каплями, падающими съ листьевъ; вѣтеръ пойдетъ — зеленымъ шумомъ; зимой — инеемъ, слѣдами лѣсной твари. Подъ сѣнью вѣкового лѣса, какъ подъ куполомъ древняго храма, скопляется исторія, говоритъ древность, въ нихъ духъ народный дышетъ. Съ глухими лѣсами связана вся исторія земли русской, въ нихъ возникали монастыри со скитами — защита, опора и источникъ свѣта духовнаго. Въ лѣсу будто и не видно жизни, а къ нему тихо скатываются волны ея съ полей и весей, въ немъ слышенъ пульсъ, заглушаемый тамъ базарнымъ шумомъ. Такъ слѣпой не видитъ, зато слышитъ больше зрячаго — міръ у него освященъ духовнымъ видѣніемъ»...

Эти мечты позже, въ молодости — смѣнились другими. Теперь онъ жаждалъ пройти «мимо пестрядины житейской» сквозь всю Россію, какъ проходятъ бродячіе слѣпцы или странники-богомольцы, собирая по пути «розсыпь духовную Царства Божія — не видимую, не слышимую», но несомнѣнно живущую въ душѣ народной...

И передъ самою смертью онъ восклицалъ: «Не исполнилась мечта моя, но много разъ посчастливилось мнѣ въ жизни входить въ невидимый чертогъ души народной...»

Чего-же искалъ и что нашелъ онъ въ этомъ «чертогѣ»?

Онъ отвѣчаетъ: любовь, доброту и преклоненіе передъ смиренствомъ.

Далѣе онъ поясняетъ:

— «Смиренство вообще очень высоко цѣнится въ деревнѣ. Смиренство уважаютъ и любятъ, о немъ въ пѣснѣ поютъ: «Полюбила я его за смиренство за его». Простой, тихій, смирный пользуется всеобщимъ одобреніемъ — это идеалъ. Высшая моральная аттестація человѣку: «какъ его и нѣтъ». Черты смиренства проблескиваютъ въ низахъ народа розсыпью: въ каждой деревнѣ, почти въ каждой избѣ найдется простая, смиренная душа, она родится на русской почвѣ, какъ свойственная ей флора самосѣвомъ, ее не замѣчаютъ, какъ не замѣчаютъ привычную флору. Она становится видной, когда отмѣчается самой природой. «Не у полномъ разумѣ», полудурачки, юродивые, слѣпые, нищіе, убогіе, странники-богомольцы, обиженные судьбою, всѣ отмѣченные горькой юдолью, за смиреніе, съ которымъ несутъ ее, причисляются къ разряду «божьихъ людей». Въ грубой реальной жизни они служатъ опорою того идеала, который живетъ въ народной душѣ въ отвлеченныхъ образахъ. Любимые русскіе святые угодники, молитвенники и заступники владѣютъ ею (народной душой) именно своимъ смиреніемъ, кротостью, самоотданіемъ. Ничто не трогаетъ такъ русскую душу, какъ отрѣшеніе въ міру отъ мірского. Отъ нихъ свѣтъ и благоуханіе духовное. Въ преодолѣніи себя въ затворѣ, въ побореніи мірского въ міру постигаютъ они тайну самообладанія, находятъ для себя интенсивную дѣятельность въ глубочайшей тишинѣ умной молитвы и среди высшей дѣятельности тишину пустыни. Таковы — Никола угодникъ, батюшка, сердоболецъ, заступникъ всякаго живота, преподобный Сергій Радонежскій, святитель жизни, таковы болѣе близкіе къ намъ по времени старцы Паисій Величковскій, Серафимъ Саровскій, Амвросій Оптинскій и современники наши — Нектарій, Анатолій Оптинскіе, Алексѣй затворникъ Черниговскаго скита Троицкой Лавры — кроткіе, тончайшіе, одухотворенные мудрецы и провидцы, свѣтильники ровнаго свѣта любви и ясной правды, утѣшители въ скорбяхъ и горестяхъ»...

Конечно, онъ нашелъ въ «чертогахъ души народной» именно то, чего искалъ, легко проходя мимо иныхъ ея свойствъ. Но какъ разъ это обстоятельство и позволяетъ утверждать, что таковы были собственные его идеалы, его пониманіе сути Евангелія, которое онъ всегда высоко чтилъ, его религія.

Эти мечты и идеалы культивировалъ онъ въ душѣ своей очень искренно. Правда, они не всецѣло владѣли имъ на жизненномъ пути. Въ князѣ Львовѣ, какъ и въ столь обожаемомъ имъ русскомъ простомъ народѣ, уживались удивительнымъ образомъ и самый реалистическій практицизмъ, и высокій идеализмъ въ евангельскомъ смыслѣ. Но, несомнѣнно, послѣдній не задерживался всетаки у князя Львова только въ мечтахъ, а вліялъ и на его жизненную дѣятельность весьма ощутительно и при томъ — въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, онъ придавалъ князю много широты и смѣлости (иногда даже склонности къ риску), а также много пренебреженія къ обычнымъ въ нашей средѣ пріемамъ работы; въ особенности неисправимо равнодушнымъ оставался онъ всегда ко всякимъ формальностямъ. И въ самомъ дѣлѣ: какое рѣшающее значеніе могли имѣть не только пріемы работы, но и сами дѣловыя достиженія — по сравненію съ высшими духовными цѣнностями, о которыхъ онъ мечталъ?..

А во-вторыхъ, эти мечты смягчали значительно остроту его «дѣлячества», которое, при иныхъ духовныхъ настроеніяхъ, могло повлечь его въ сторону хищничества и связанныхъ съ послѣднимъ черезчуръ «американистыхъ» пріемовъ.

Глава третья

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

1.

Конецъ Марта 1904 года. Длинная комната Тульской губернской управы, похожая больше на корридоръ, чѣмъ на комнату. Въ серединѣ тянется простой столъ, покрытый старой клеенкой. Въ глубинѣ у стѣны, противоположной входу, — небольшой нарядный письменный столъ, водворенный сюда прежнимъ предсѣдателемъ. Сейчасъ столъ этотъ въ полномъ пренебреженіи. Князь Львовъ ютится на стулѣ около конца большого общаго стола. Низко склонясь, князь внимательно просматриваетъ приносимыя бумаги и ассигновки. Быстро подписываетъ большинство изъ нихъ. Надъ нѣкоторыми задумывается, предлагаетъ вопросы, откладываетъ въ сторону. Служащіе слѣдуютъ почти непрерывною вереницей. Они входятъ, не стучась въ дверь, и направляются въ очередь къ предсѣдателю. Самые разнообразные вопросы земскаго хозяйства смѣняютъ другъ друга. Сегодня особенно хлопотливое утро: князь Львовъ только что вернулся въ Тулу изъ поѣздки въ Москву и Петербургъ.

Интенсивная работа не мѣшаетъ князю бесѣдовать съ завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ, который сидитъ тутъ-же.

— Въ Питерѣ — волокита. Опять не добился «графика». То торопили, у меня все готово, персоналъ изнываетъ отъ скуки, а у нихъ нѣтъ мѣста шести вагонамъ въ эшелонѣ!...

— Вы, навѣрное, использовали поѣздку... Выхлопотали еще что-нибудь для отрядовъ?

— Не очень-то используешь... Въ Москвѣ бранятся: постановлено ничего не брать даромъ отъ Креста, а у меня почти все снаряженіе уже забрано... За то у меня койка обошлась земству меньше 150-ти, а въ Москвѣ 350!.. говорятъ, въ Харьковѣ — до 400.

— Когда-же надѣетесь отправить отряды?

— Ничего неизвѣстно. Въ Питерѣ — безтолочь. Толку не добьешься. Войны никто не ждалъ... кромѣ Плеве. Этотъ сіяетъ: разсчитываетъ на побѣды — для внутренняго употребленія. Говоритъ: дѣло ясное — арифметика: 135 милліоновъ больше 50; стало, рано или поздно будутъ побѣды, а съ побѣдами придетъ внутреннее успокоеніе, исчезнетъ недовольство, — можно будетъ расправиться съ «микробомъ общественнаго скандала»...

— А вы не боитесь, что задержки съ отъѣздомъ используютъ и Плеве васъ совсѣмъ не пуститъ на войну?

— Очень просто. Отъ *этого* все станется. Да мы рѣшили въ крайнемъ случаѣ — прямо къ государю...

— Поможетъ?

Князь неопредѣленно поднимаетъ плечи.

— А что въ Москвѣ?

— Да вотъ возлагаютъ на меня тяжелую работу: посылаютъ въ Манчжурію объединять отряды...

— Ѣдете?

— Нельзя не ѣхать. Мѣсяца два — два съ половиною загублю. Не знаю, что выйдетъ: ѣду въ бучу...

— Возьмите меня съ собою!

Князь съ сомнѣніемъ смотритъ въ глаза собесѣднику.

— Что-же вы тамъ будете дѣлать? на войнѣ ни статистики, ни оцѣночныхъ работъ...

— Почему же все только оцѣночныя... У Глѣба Успенскаго, помните, молодуха получаетъ съ барина заработанный двугривенный, собираясь идти въ городъ на новую жизнь...—Что-жъ ты будешь тамъ дѣлать?—Что придется... я все могу!... Такъ же и мнѣ позвольте вамъ отвѣтить... Говоря серьезно, жить здѣсь, вдали отъ военныхъ дѣлъ, становится невыносимо. Разработку матеріаловъ я кончилъ. Второй томъ выходитъ на дняхъ. Въ теченіе двухъ недѣль могу уложить въ порядкѣ весь матеріалъ въ ящики. Публика распущена. Дѣлать абсолютно нечего и я сегодня хотѣлъ говорить съ вами объ отставкѣ.

— Ужъ не знаю... надо подумать...

На другой день рано утромъ князь бѣжалъ въ управу съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой. Онъ очень торопился, думалъ свои думы и почти столкнулся на узкомъ тротуарѣ съ завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ.

— Это вы? Здравствуйте! Вотъ что: вы вчера говорили... это въ шутку или серьезно?

— Насчетъ поѣздки? Совершенно серьезно.

— Вѣдь безъ вознагражденія... И подъ какимъ соусомъ?

— Ну, секретаря, бухгалтера... какъ хотите.

— Такъ я надумалъ: ѣдемъ! готовьтесь!

6 Мая князь Г. Е. Львовъ съ Т. И. Полнеромъ выѣхали изъ Москвы съ экспрессомъ на Иркутскъ.

2.

Затормазить окончательно выѣздъ земскихъ отрядовъ на войну — не удалось. Между 17 Апрѣля и 21 Мая отряды (числомъ 21) двинулись на Дальній Востокъ восемью эшелонами. Первыми князю Львову удалось протолкнуть два тульскихъ отряда. Но за Апрѣль мѣсяцъ общеземской организаціи пришлось отбиваться отъ бурнаго натиска Плеве. Выборное начало вообще, а земство въ особенности были у правительства давно не въ чести. Особенно боялись въ Петербургѣ объединенія земствъ. А земскіе люди при всякомъ удобномъ случаѣ пытались соединенными силами отстаивать и свои законныя права, и завоеванныя на практикѣ позиціи. Начавшаяся война давала поводъ къ объединенію. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, назначенный предсѣдателемъ

Исполнительной Комиссіи Краснаго Креста, въ концѣ Февраля обратился съ воззваніемъ къ земствамъ и городскимъ думамъ, приглашая ихъ помочь Красному Кресту. Условія работы «подъ флагомъ Краснаго Креста» выставлены весьма льготныя: циркуляръ предусматривалъ для мѣстныхъ самоуправленій полную хозяйственную самостоятельность въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ. Д. Н. Шиповъ (предсѣдатель московской губернской управы) — одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ земскаго объединенія — снесся съ губернскими управами, предлагая *совмѣстно* обсудить и организовать земскую помощь на войнѣ. Со всѣхъ сторонъ получились сочувственные отклики. Многія земскія собранія сдѣлали значительныя ассигновки. Въ началѣ Марта въ краснокрестную Исполнительную Комиссію подано заявленіе представителей 19 земствъ о желаніи участвовать въ созданіи этапныхъ врачебно-продовольственныхъ отрядовъ на войнѣ — *при условіи объединенной работы въ общеземской организаціи*. Земцы просили гр. Воронцова - Дашкова доложить о созданной ими организаціи Исполнительной Комиссіи и вмѣстѣ съ рѣшеніемъ послѣдней сообщить о состоявшемся объединеніи всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ.

Исполнительная Комиссія приняла эту организацію, но осторожно, воздерживаясь отъ какихъ-либо самостоятельныхъ дѣйствій, признала, что постановленія губернскихъ собраній, вошедшія въ законную силу, предоставляютъ губернскимъ управамъ достаточныя полномочія для организаціи взаимодѣйствія земствъ между собою.

Плеве поставленъ передъ совершившимся фактомъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ вовсе не намѣренъ былъ сдаваться. Уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Московская земская управа получила черезъ губернатора рядъ весьма ехидныхъ вопросовъ о дѣйствіяхъ ея по объединенію земствъ. Отвѣты должны были дать матеріалъ для репрессій, а быть можетъ, и для привлеченія къ суду. Выбранный на новое трехлѣтіе предсѣдателемъ управы Дм. Н. Шиповъ былъ неутвержденъ, какъ «лицо, создавшее себѣ положеніе самозваннаго представителя всероссійскаго земства». Всѣмъ губернаторамъ разосланъ циркуляръ съ требованіемъ ни въ какомъ случаѣ не допускать дальнѣйшаго присоединенія земствъ къ общеземской организаціи. На мѣстахъ начались гоненія. Доклады объ ассигновкахъ въ общеземскую кассу снимались съ очереди, проскочившія постановленія опротестовывались и отмѣнялись. Основаніе такихъ мѣръ стереотипно выдвигалось одно: «на точномъ основаніи ст. 3 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, кругъ дѣйствій этихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, каждому изъ сихъ учрежденій подвѣдомственныхъ, а потому общеземская по имперіи организація дѣла помощи больнымъ и раненымъ воинамъ должна быть признана стоящею въ прямомъ противорѣчіи съ требованіемъ закона»...

Нѣкоторыя земства пытались бороться. Въ разъясненіи ст. 3 имѣется указаніе, что всякія земскія ассигнованія, выходящія изъ круга мѣстныхъ нуждъ, могутъ быть исполнены лишь съ высочайшаго соизволенія. Дѣлая ассигновки, нѣкоторыя собранія обращались черезъ министра двора къ царю съ ходатайствомъ о высочайшемъ соизволеніи на присоединеніе къ общеземской организаціи. Николай II неизмѣнно благодарилъ за щедрый даръ, а мѣстный губернаторъ, по приказу министра, не допускалъ исполненія принятаго постановленія.

Окончательно объединиться успѣли только 13 земствъ. Но прошелъ слухъ, что и организованные уже отряды не будутъ допущены въ армію. Тог-

да рѣшено было обратиться лично и непосредственно къ государю. Миссія была возложена на князя Львова, который черезъ родственницу-фрейлину началъ хлопоты объ аудіенціи. Свиданіе состоялось 27-го Апрѣля. Князь принятъ ласково. Онъ явился, какъ главноуполонмоченный общеземской организаціи, отъѣзжающій на войну съ земскими отрядами. Онъ усиленно жаловался на стѣсненія, которыя терпитъ въ послѣднее время земское самоуправленіе и въ частности на гоненія, которымъ подвергается общеземская организація. Царь молчалъ. Тогда князь Львовъ просилъ его высказать свой взглядъ на предпріятіе общеземской организаціи.

— Не хотѣлось бы тайно и крадучись ѣхать на такое дѣло, говорилъ главноуполномоченный.

Николай II, казалось, былъ тронутъ. Онъ обнялъ князя, перекрестилъ его, поцѣловалъ и заговорилъ о полномъ сочувствіи своемъ предпринятому земствами дѣлу.

— Вы разрѣшите передать ваши слова моимъ товарищамъ?

— Да, да, конечно! и передайте персоналу отрядовъ мое напутственное благословеніе и пожеланіе всяческаго успѣха въ вашемъ святомъ дѣлѣ человѣколюбія...

Уходя, князь просилъ разрѣшенія телеграфировать государю непосредственно съ театра военныхъ дѣйствій...

Гоненія, конечно, продолжались. Но слова царя преданы широкой огласкѣ и задержать отряды оказалось неудобнымъ.

3.

Въ 1854 г. великая княгиня Елена Павловна, при содѣйствіи знаменитаго Пирогова, создала первую у насъ общину сестеръ милосердія, вербуя въ нее представительницъ высшаго общества. Сестры появились въ военныхъ госпиталяхъ Севастополя и очень скоро пріобрѣли въ нихъ значительное вліяніе.

Въ своей знаменитой книгѣ Пироговъ разсказываетъ, что «въ крымскую войну 1854 года сами военачальники привѣтствовали общину, какъ надежное средство къ уменьшенію господствовавшихъ тогда недостатковъ и злоупотребленій военно-врачебной администраціи. Старшія сестры общины сдѣлались мало-по-малу надсмотрщицами и контролершами въ военныхъ госпиталяхъ надъ дѣйствіями смотрителей, комиссаровъ и даже главныхъ врачей»...

Позднѣе, послѣ Женевской конвенціи, организовано Общество Краснаго Креста, которое проявило уже значительную дѣятельность во время турецкой кампаніи 1877-78 г. г. Насколько можно судить изъ фактовъ, приводимыхъ Пироговымъ, между Краснымъ Крестомъ и военно-санитарной организаціей того времени не было единѣнія. Приходя на помощь раненымъ, Красный Крестъ желалъ сохранить полную самостоятельность и не только расходовать свои средства независимо отъ военнаго вѣдомства, но и контролировать до извѣстной степени дѣятельность послѣдняго. Въ отвѣтъ на это, госпитали Краснаго Креста, какъ общее правило, не были вовсе допущены на театръ военныхъ дѣйствій и остались по сю сторону Дуная — въ глубокомъ тылу арміи.

Молодыя, неокрѣпшія земства 1877 года не могли еще думать о созданіи самостоятельной помощи больнымъ и раненымъ. Въ то время ихъ участіе въ этой

работѣ ограничилось значительными пожертвованіями въ кассу Краснаго Креста.

Иначе обстояло дѣло въ 1904 году. Бюрократизація Общества Краснаго Креста ни для кого не оставалась тайною. Недовѣріе къ правительству и его органамъ достигло, казалось, высшихъ предѣловъ. Дѣятели Краснаго Креста сами это чувствовали. Въ одномъ изъ журналовъ «Наблюдательнаго Комитета» Краснаго Креста (Сентябрь-Октябрь 1904 г.) сказано между прочимъ: «Въ самомъ началѣ русско-японской войны русское общество, чувствуя непреодолимую потребность принести жертвы для предотвращенія послѣдствій, вызываемыхъ войною, вмѣстѣ съ тѣмъ выказывало сильное недовѣріе къ Обществу Россійскаго Краснаго Креста... Въ повсемѣстномъ недовѣріи этомъ приходилось убѣждаться всюду: и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и въ общественныхъ собраніяхъ, и у частныхъ лицъ: вездѣ на просьбы о пожертвованіяхъ получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «Куда хотите — только не въ Красный Крестъ». Недовѣріе это крайне вредно отозвалось на притокѣ въ Красный Крестъ пожертвованій...»

Причины такого недовѣрія, по мнѣнію Комитета, вызваны главнымъ образомъ непредставленіемъ отчета однимъ изъ главноуполномоченныхъ за время китайской карательной экспедиціи 1900 г. Это наивно. Едва-ли многіе знали о фактѣ; едва-ли многіе прочли бы отчетъ, если-бы онъ былъ опубликованъ своевременно; едва-ли чтеніе печатнаго отчета способно побѣдить укоренившееся недовѣріе. Причины, конечно, лежали глубже. Даже въ центрѣ Общество Краснаго Креста состояло изъ чиновниковъ, которые внесли въ его обиходъ свои пріемы работы. Но въ Петербургѣ эти черты затушевывались участіемъ частныхъ лицъ (впрочемъ, лишь формальнымъ) и высокимъ положеніемъ поставленныхъ во главѣ учрежденій чиновниковъ. Въ провинціи (которою собственно и жилъ Красный Крестъ) дѣло сосредоточивалось въ рукахъ мѣстной администраціи и полиціи. Своебразные пріемы сбора «добровольныхъ» пожертвованій — были у всѣхъ на виду. Бюрократическое веденіе дѣла и презрѣніе къ общественному началу — проявлялись во всей обнаженности. Люди, группировавшіеся около мѣстныхъ комитетовъ и безпрекословно исполнявшіе велѣнія своего начальства, — были всѣмъ достаточно извѣстны. Какого же довѣрія къ своей работѣ ждалъ при такихъ условіяхъ Красный Крестъ?

За долгое время работы земства привыкли сами распоряжаться своими средствами. Выработавшіяся при этомъ традиціи сильно отличались отъ порядковъ, установившихся въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ 1877 г. Красный Крестъ обнаружилъ настойчивое желаніе сохранить свою хозяйственную самостоятельность. Такое же стремленіе проявилось теперь въ земскихъ учрежденіяхъ. Но имъ приходилось уже отстаивать свою независимость не только отъ военно-санитарнаго начальства, но и етъ самого Общества Краснаго Креста.

Такъ постепенно, съ ростомъ общества, мѣнялись формы участія его въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ. Неизмѣннымъ оставалось лишь желаніе внести «душу живу» въ работу на полѣ брани и самымъ присутствіемъ своимъ смягчить установившуюся казенную рутину.

Громадный опытъ Пирогова, вынесенный имъ изъ трехъ весьма различныхъ по обстановкѣ кампаній (севастопольской, французско-германской и русско-турецкой), привелъ его къ убѣжденію, что дѣятельность общественной помощи на войнѣ должна сводиться къ созданію выдвижныхъ лазаретовъ съ собственными легкими помѣщеніями и, главнымъ образомъ, — въ устройствѣ

этапныхъ и питательныхъ пунктовъ. Эти мысли подхвачены общеземской организацiей, которая такъ и строила снаряженiе отрядовъ.

Въ идеѣ врачебно-питательный пунктъ при военномъ этапѣ является лишь однимъ звеномъ въ длинной цѣпи такихъ же учрежденiй, протянувшейся отъ передовыхъ позицiй до желѣзнодорожной станцiи. Продвигаясь впередъ, войска открываютъ новые и новые этапы, увеличивая ихъ линiю. Этапы естественнымъ образомъ сортируютъ больныхъ и раненыхъ: они принимаютъ на леченiе тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ безъ серьезнаго вреда двигаться дальше; они даютъ прiютъ легко больнымъ, раненымъ и усталымъ, которые черезъ нѣсколько дней могутъ вернуться въ воинскую часть; они кормятъ слѣдующiе мимо транспорты больныхъ и раненыхъ и во время короткихъ стоянокъ оказываютъ посильную помощь перемѣной повязокъ, лекарствами, врачебнымъ совѣтомъ. Такова идея. Но безпорядокъ, сутолока, сюрпризы войны рѣдко даютъ возможность осуществить стройно и отчетливо любой планъ, придуманный въ кабинетѣ.

Въ началѣ войны нашимъ войскамъ ставилась задача задержать возможно дольше наступленiе японцевъ, чтобы дать время для подвоза войскъ изъ центральной Россiи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ командующiй долженъ былъ постоянно поддерживать мысль о возможности въ каждый данный моментъ перехода въ наступленiе. Войска и военачальники не выходили изъ крайне напряженнаго состоянiя. Никто не могъ предсказать, что произойдетъ въ ближайшiе дни. Трудно было говорить о выдвиженiи впередъ медицинскихъ отрядовъ. Напротивъ, даже военные этапы снимались при первой тревогѣ, вывозя что оказывалось возможнымъ и сжигая все остальное.

На основанiи петербургскаго соглашенiя, земскiе отряды поставлены въ полную формальную зависимость отъ властей военныхъ, санитарныхъ и краснокрестныхъ. Земскимъ отрядамъ предшествовала слава, о которой позаботилось министерство внутреннихъ дѣлъ: своевременно кому слѣдуетъ указано на возможность со стороны земскаго персонала политической пропаганды въ войскахъ. Ни въ Петербургѣ, ни въ армiи, казалось, у земцевъ не было благожелателей. Къ тому же численно земскiе отряды представляли совершенно ничтожную величину.

Какiя же средства находились въ рукахъ главноуполномоченнаго общеземской организацiи, чтобы заставить считаться съ земствомъ и обезпечить земскимъ отрядамъ благопрiятныя условiя работы? Конкуренцiя и контроль общественныхъ работниковъ, конечно, нисколько никому не улыбались. При такихъ условiяхъ судьба земскихъ отрядовъ зависѣла въ значительной степени отъ *личныхъ* свойствъ главноуполномоченнаго, такъ какъ въ бюрократической средѣ, въ которую онъ вступалъ, кромѣ протекцiи, еще и личныя отношенiя играли первенствующую роль. А лично князь Львовъ въ тѣ времена былъ мало кому извѣстенъ.

Земскiе отряды добрались до Харбина между 15 Мая и 22 Iюня. Армiя князя Львова состояла изъ 360 человѣкъ. Большинство персонала отрядовъ отправилось на войну по идейнымъ соображенiямъ. Врачи, фельдшерицы, сестры рвались на работу. Но къ *формамъ* этой работы высшiе представители медицинскаго персонала относились вовсе не безразлично. Дисциплина отсутствовала совершенно. Уже во время долгаго пути, и въ особенности по мѣрѣ прибытiя въ Харбинъ, усиленно обсуждались вопросы о коллегiальномъ строѣ общеземской организацiи, о перiодическихъ съѣздахъ представителей, о «конституцiи» отдѣльныхъ отрядовъ. Во всѣхъ подобныхъ свободолюбивыхъ меч-

тахъ никакой роли не удѣлялось главѣ организаціи — главноуполномоченному; ему предстояло такимъ образомъ завоевывать положеніе въ собственной своей арміи. Выборъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ отрядовъ не всегда былъ удаченъ и на этихъ естественныхъ помощниковъ своихъ главноуполномоченный не могъ положиться. Въ Москвѣ никакихъ точныхъ указаній на полномочія князя Львова никому дано не было.

Правъ былъ князь Львовъ, говоря «ѣду въ бучу». Все зависѣло отъ его такта и талантовъ, отъ его умѣнья ладить съ людьми и оріентироваться въ новыхъ, сложныхъ обстоятельствахъ. Но земцы (и въ особенности Д. Н. Шиповъ) знали *кого* посылаютъ на войну.

4.

Въ Харбинѣ князь Львовъ появился 21 Мая. Тульскіе отряды доѣхали къ 15 Мая и, въ виду ожидавшихся ожесточенныхъ боевъ на югѣ, немедленно вызваны были въ Дашичао. Тамъ имъ предложено спѣшно развернуть въ казармѣ Пограничной стражи госпиталь на 200 кроватей. Такъ смѣялись обстоятельства надъ московскими предположеніями. Земскіе отряды организованы для обслуживанія этаповъ по грунтовымъ дорогамъ; снаряженіе разсчитано въ двухъ отрядахъ на 50 кроватей, которыя *въ крайнемъ случаѣ* могутъ развернуться на сто; вмѣсто этого, туляки сразу приступили къ открытію лазарета на 200 кроватей; къ нему впослѣдствіи обращены были требованія, предъявляемыя обычно къ стаціонарнымъ учрежденіямъ.

Харбинъ производилъ на пріѣзжихъ удручающее впечатлѣніе. Пять лѣтъ назадъ на этомъ мѣстѣ расположена была ничтожная и грязная китайская деревушка около ханшиннаго (водочнаго) завода. Желѣзнодорожное золото быстро превратило деревушку въ крупное населенное мѣсто съ 70 тысячами жителей. Лучшая часть города («Новый Харбинъ») спѣшно застраивалась массою казенныхъ зданій, поражавшихъ своей роскошью и кричащимъ декадентскимъ стилемъ. Лѣса еще окружали многія постройки. Дѣлались попытки мостить кое-гдѣ улицы, попадались деревянные тротуары, фонари примитивнаго устройства. Но преобладающими впечатлѣніями оставались: невылазная грязь въ періодъ дождей, отвратительная, удушливая желтая пыль лѣтомъ и зимою, антисанитарное состояніе улицъ, вонь и нечистота.

Еще въ половинѣ Апрѣля въ Харбинъ пріѣхали молодые уполномоченные общеземской организаціи для передовыхъ развѣдокъ. Въ то время, послѣ битвы при Тюренченѣ (17-18 Апрѣля), на театрѣ войны создалось положеніе, которое повторялось затѣмъ послѣ каждаго крупнаго сраженія: царила неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Молодые уполномоченные рѣшили, что сколько-нибудь надежную базу для земскихъ отрядовъ рискованно основывать южнѣе Харбина. Съ большими трудностями удалось нанять здѣсь обширное владѣніе — очень запущенное, но тѣмъ не менѣе сослужившее организаціи большую службу и во время пріѣзда отрядовъ, и позднѣе — послѣ ихъ отступленія. Менѣе удачнымъ оказалось второе начинаніе. Вмѣстѣ съ уполномоченнымъ дворянской организаціи (Павл. Дм. Долгоруковымъ) рѣшено подготовиться къ участію въ эвакуаціи раненыхъ по грунтовымъ дорогамъ. Объявленъ конкурсъ на приспособленіе для того мѣстныхъ перевозочныхъ средствъ. Къ легкой арбѣ, на которой въ городѣ китайцы перевозили небольшія тяжести, приноровлена высокая рама съ двумя подвѣшенными койками. Заготовка такого транспорта потребовала

безконечныхъ хлопотъ, а между тѣмъ легкія арбы исправно кувыркались въ горахъ и отнюдь не могли служить для перевозки больныхъ и раненыхъ. Вся эта затѣя пріостановлена княземъ Львовымъ, по ознакомленіи имъ на мѣстахъ съ условіями работы. Въ половинѣ Іюня онъ послалъ въ Харбинъ такое характерное письмо: «Арбы оказались совершенно неподходящими для дорогъ, о которыхъ никто не имѣетъ представленія. Эти пригодятся для хозяйственныхъ нуждъ въ отрядахъ, до которыхъ ихъ нужно довезти порожними, если онѣ дойдутъ цѣлыми. Поэтому я телеграфировалъ вамъ и прошу остановить дальнѣйшую работу ихъ, а то деньги затратимъ даромъ. Носилки на томъ же основаніи не потребуются, но ихъ можно употребить безъ арбъ, хотя для переноски нужно особое устройство. Тѣ, которыя сдѣланы уже, мы используемъ, но дальше дѣлать не стоитъ. Вообще, не зная точно мѣстныхъ условій, никакихъ общихъ мѣръ принимать нельзя. На это всѣ наталкиваются и дѣлаютъ крупныя ошибки. Невѣдѣніе, съ чѣмъ имѣешь дѣло, — основаніе всѣхъ нашихъ ошибокъ и военныхъ, и краснокрестныхъ»...

Осмотрѣвъ въ Харбинѣ дворянскій и краснокрестные лазареты, князь Львовъ уже 22-го Мая выѣхалъ въ Ляоянъ. Здѣсь познакомился онъ съ начальникомъ санитарной части арміи. Генералу Ѳ. Ѳ. Трепову было въ то время, вѣроятно, за пятьдесятъ. Благообразное лицо съ сѣдой бородкой клиномъ и большими висячими усами. Быстрота въ движеніяхъ, суетливость, всегдашняя готовность налетѣть, распечь, накричать. Полное отсутствіе подготовки къ руководству санитарнымъ дѣломъ. Но доброе сердце и горячее желаніе облегчить участь больныхъ и раненыхъ. Таковъ былъ человѣкъ, отъ котораго въ концѣ концовъ зависѣла участь земскихъ отрядовъ и ихъ работа. Онъ полагалъ, что земскіе отряды можно будетъ выдвигать, по мѣрѣ ихъ прибытія, даже на югъ и на востокъ отъ Ляояна... Впрочемъ, онъ совѣтовалъ князю возможно скорѣе повидаться съ «камергеромъ» Александровскимъ, съ которымъ земцамъ придется имѣть непосредственно дѣло.

Управленіе Краснаго Креста расположилось въ деревнѣ Пейа, въ двухъ верстахъ отъ Ляояна. Но Александровскій выѣхалъ на югъ. Князь Львовъ въ тотъ-же вечеръ двинулся въ догонку, остановившись на нѣсколько часовъ лишь въ Дашичао, гдѣ тульскіе отряды въ полной готовности уже ждали раненыхъ. На 115 верстѣ отъ Ляояна, въ Гайджоу, пришлось остановиться: поѣздъ не пускали дальше. Въ помѣщеніи начальника воинскаго отряда царило величайшее возбужденіе: днемъ японская канонерка обстрѣляла берегъ; ночью ожидалась высадка. Почти непрерывно являлись донесенія съ разныхъ пунктовъ, получались и разсылались въ громадномъ количествѣ телеграммы, генералъ казался весьма озабоченнымъ, но любезно пригласилъ князя Львова и Т. И. Полнера къ общему ужину. О дальнѣйшемъ сказать ничего не могъ и предлагалъ выждать до утра событій. Не желая стѣснять озабоченныхъ военныхъ, земцы, послѣ ужина, рѣшительно отказались отъ ночлега, вышли на полотно дороги и залегли на одной изъ открытыхъ платформъ въ составѣ поѣзда, который долженъ былъ утромъ отойти на югъ.

Была чудесная, теплая, тихая ночь. Яркія южныя звѣзды играли лучами удивительной красоты. Возбужденіе и тревога захватили и земцевъ: въ ожиданіи бомбардировки, а, быть можетъ, и высадки непріятеля, впервые ощутили они близость войны... Казалось, начинается «настоящее». Обмѣнялись нѣсколькими фразами. Но, несмотря на возбужденіе, усталость брала свое. Во снѣ они слышали глухіе, отдаленные удары пушечныхъ выстрѣловъ и готовились къ высадкѣ японцевъ.

— Не будетъ-ли который изъ васъ князь Львовъ?... говорилъ кто-то, «деликатно» расталкивая спящихъ.

— А?... что? что такое? кому я нуженъ? восклицалъ князь Львовъ, протирая глаза.

— Такъ что его превосходительство, главноуполномоченный Краснаго Креста, приказали безпремѣнно разыскать ваше сіятельство, — говорилъ санитаръ въ форменной франтоватой одеждѣ, наводя свѣтъ своего фонаря и недовѣрчиво косясь на князя.

— А гдѣ онъ?

— Тутъ, на сосѣдней путѣ, вагоновъ десять пройти — не больше.

Отдаленные выстрѣлы глухо звучали черезъ довольно ровные промежутки времени.

— А это что?... непріятель? спрашивали земцы, слѣзая и слѣдуя за санитаромъ.

— Помилуй Богъ!...

— А кто-же стрѣляетъ? вотъ, вотъ опять... слышите?

— Никакъ нѣтъ! это кобыла у насъ безпокойная... аглицкой породы... переѣздовъ не обожаетъ... такъ въ стѣнку вагона нѣтъ-нѣтъ да и тюкнетъ ножкой. А окромя того, ничего не предвидится...

Земцы переглянулись. «Настоящее» было еще далеко.

— Какъ же главноуполномоченный узналъ, что я тутъ?

— По прибытіи къ командующему посылали за вѣстями, оттуда и стало извѣстно... а Сергѣй Васильевичъ и говоритъ мнѣ: ступай, разъищи князя безпремѣнно. А то какъ бы не разъѣхаться... Вотъ сюда пожалуйте, по лѣсенкѣ вверхъ.

Земцы стояли передъ некрашенной приставной лѣсенкой товарнаго вагона, тускло освѣщеннаго внутри висячей лампой.

— Кто тамъ? это вы, князь? раздался изъ вагона сочный, заспанный баритонъ. Пожалуйте! пожалуйте! Милости просимъ! Радъ познакомиться. Ужъ вы извините... встрѣчаемся по походному.

Въ товарномъ вагонѣ на двухъ складныхъ кроватяхъ лежали С. В. Александровскій и Е. С. Боткинъ — старшій врачъ Краснаго Креста. Въ сторонѣ около примуса суетился санитаръ.

Послѣ взаимныхъ представленій, Александровскій предложилъ пришедшимъ чаю и сдѣлалъ видъ, что намѣренъ уступить князю свою кровать. Земцы, отказавшись и отъ чаю, и отъ кроватей, растянулись на полу вагона, подбросивъ подъ головы свои накидки.

Александровскій аппетитно укладывалъ снова на постели свое холеное, полное тѣло.

— Ну, такъ давайте досыпать ночь. О дѣлахъ завтра. Утро вечера мудренѣе. Мы сейчасъ получили телеграмму и утромъ возвращаемся въ Вофангоу. Повидимому, тамъ будетъ работа. Вѣдь вы никуда не спѣшите, князь?

— До разговора съ вами — никуда.

— Ну такъ ѣдемъ вмѣстѣ. А по пути завтра потолкуемъ. Спокойной ночи, господа!

На другой день по дорогѣ въ Вофангоу состоялся рядъ совѣщаній. Александровскій смотрѣлъ на военныя наши обстоятельства довольно оптимистично. Объ оставленіи Ляояна въ данный моментъ не могло быть и рѣчи. Возможно энергичное наступленіе русской арміи на востокъ и югъ. Земскіе отряды могутъ приступить къ обслуживанію этаповъ немедленно по прибытіи, избравъ Ляоянъ

базою своихъ дѣйствій. По мѣрѣ расширенія военныхъ операцій, будутъ открываться новые и новые этапы, въ ожиданіи которыхъ земскіе отряды, сразу не нашедшіе мѣста, останутся въ Харбинѣ или Ляоянѣ въ свернутомъ видѣ. Базою всей земской дѣятельности и мѣстомъ пребыванія главноуполномоченнаго долженъ быть несомнѣнно Ляоянъ, гдѣ необходимо выстроить обширное помѣщеніе для склада, обзавестись обозомъ для неизбѣжнаго участія въ эвакуаціи по грунтовымъ дорогамъ. Самое лучшее немедленно объѣхать восточныя дороги въ направленіи Фынъ-хуанъ-чена, чтобы заблаговременно условиться съ начальниками воинскихъ частей и своими глазами видѣть обстановку, въ которой придется работать отрядамъ.

Александровскій произвелъ прекрасное первое впечатлѣніе. Предубѣжденій противъ земской работы не было замѣтно. Повидимому, хорошее знаніе мѣстныхъ условій, ясность, твердость и опредѣленность предложеній. Самъ онъ выглядѣлъ умнымъ, свѣтскимъ и благожелательнымъ человѣкомъ. Созерцая его холеную персону, умѣвшую при всякихъ условіяхъ брать отъ жизни все, что она можетъ дать, князь не разъ вспоминалъ Стиву Облонскаго изъ «Анны Карениной» Толстого. Позднѣе въ эти первыя впечатлѣнія пришлось внести значительныя поправки. Доброжелательство Александровскаго не шло такъ далеко, чтобы выдвигать особенно рьяно на первыя мѣста конкурирующую силу. Но ему приходилось считаться съ обстоятельствами. Онъ не пользовался твердой поддержкой Исполнительной Комиссіи въ Петербургѣ. Пресса, мало сочувствовавшая вообще Кресту, вела противъ ставленника его на войнѣ ожесточенную кампанію. Изнутри его пыталась взорвать ловкая интрига подчиненныхъ. Многія обвиненія, повидимому, были несправедливы. Такъ Александровскаго часто и много упрекали въ «швыряніи» лазаретами, въ совершенно излишнемъ снятіи ихъ и передвиженіи съ мѣста на мѣсто, въ отсутствіи плана работы, въ суетливости и нервничаніи. Но для правильной оцѣнки дѣятельности главноуполномоченнаго Краснаго Креста необходимо знать обстановку, въ которой она протекала. Александровскому предстояло или держать лазареты свернутыми въ ожиданіи выясненія событій, или пытаться всюду слѣдовать за метавшимися частями арміи, ждать и подкарауливать нужду въ помощи и спѣшно направлять лазареты въ ту сторону, гдѣ въ нихъ, казалось, въ данный моментъ встрѣчалась наибольшая потребность. Онъ выбралъ второй способъ дѣйствія и едва-ли можно бранить его за это...

Были, конечно, и другія основанія нападокъ. Ползли темные слухи о задержкѣ отчетовъ, о неправильностяхъ въ расходованіи денегъ, о неразрѣшенныхъ изъ Петербурга займахъ...

Какъ бы то ни было, Александровскій чрезвычайно нуждался въ поддержкѣ. Быстро присмотрѣвшись къ князю Львову, онъ рѣшилъ, что судьба посылаетъ ему нужнаго человѣка. Всѣ другія соображенія отошли на второй планъ. Александровскій рѣшилъ быть пріятнымъ князю и оказать земцамъ наибольшую возможную предупредительность. Позднѣе онъ всячески старался сблизиться съ земскимъ главноуполномоченнымъ, посвящалъ его въ свои дѣла и часто обращался за совѣтомъ.

Въ Вофангоу ожидалось крупное столкновеніе. Александровскій уговаривалъ князя остаться, чтобы «посмотрѣть сраженіе вблизи». Но такіе соблазны не существовали для Георгія Евгеніевича. Онъ пріѣхалъ не наблюдать войну, а работать. Въ ближайшіе дни должны были прибыть земскіе отряды. Предстояло спѣшно приготовить для нихъ мѣста. И наканунѣ сраженія подъ Вофангоу Георгій Евгеніевичъ возвратился въ Ляоянъ.

5.

Перваго Іюня князь Львовъ двинулся верхомъ на востокъ въ объѣздъ мѣстностей, указанныхъ Александровскимъ для земскихъ этаповъ. Князя сопровождали: харьковскій уполномоченный Н. Н. Ковалевскій, только-что прибывшій въ Ляоянъ, Т. И. Полнеръ и три санитара. Этотъ первый объѣздъ организованъ по указаніямъ Краснаго Креста, на его лошадяхъ, съ вещами на спинѣ вьючнаго мула, съ почтительными санитарами для всяческихъ услугъ. Все это въ дорогѣ оказалось весьма непрактичнымъ, излишнимъ, стѣснительнымъ. Лошади были плохи; неприспособленныя сѣдла очень скоро набили имъ плечи; мулъ никакъ не желалъ нести небольшого вьюка и время отъ времени со злобнымъ визгомъ катался по землѣ; о почтительныхъ санитарахъ все время приходилось въ пути всячески заботиться; костюмы земцев мало соотвѣтствовали и погодѣ, и продолжительной верховой ѣздѣ. Ко всѣмъ мелкимъ дорожнымъ неудачамъ Георгій Евгеніевичъ относился совершенно равнодушно, всецѣло занятый предстоявшей задачей. Новый спутникъ его, Н. Н. Ковалевскій, оказался живымъ, умнымъ и темпераментнымъ человѣкомъ, встрѣчавшимъ съ большимъ малороссійскимъ юморомъ невзгоды плохо обдуманнаго и неподготовленнаго путешествія. То былъ извѣстный и вліятельный харьковскій земецъ лѣтъ 50-ти, который сразу сошелся со своими спутниками.

Путь лежалъ черезъ Китайскій Ляоянъ, уже въ раннюю утреннюю пору полный движенія и шума. Вдоль улицъ тянулись безконечные ряды всевозможныхъ мастерскихъ и лавокъ со своеобразными, чрезвычайно вычурными расписными столбами, замѣнявшими вывѣски. Между ними сновало огромное количество пѣшихъ и конныхъ китайцевъ. Попадались нарядные всадники на великолѣпныхъ стройныхъ мулахъ и многочисленныя «фудутунки» — китайскія каретки, ѣзда въ которыхъ требуетъ большой сноровки. Безконечное количество груженыхъ арбъ и войсковыхъ повозокъ, наши обозные, не умѣющіе управляться съ китайскими животными, офицеры верхомъ и на рикшахъ, группы пѣшихъ солдатъ, приторговывавшихъ себѣ разныя вещи... Все это скучилось на улицахъ, создавая невообразимую кутерьму и путаницу.

За городомъ начиналась широкая колесная дорога, ѣзда по которой въ наступившую жару оказалась очень мучительной. Тянувшіеся въ обѣ стороны обозы поднимали облака ѣдкой,желтой пыли. Укрыться было некуда, такъ какъ дорога пролегала по совершенно ровной, голой и безлѣсной мѣстности, а буйные всходы гаоляна, достигшіе въ другихъ мѣстахъ значительной высоты, подъ городомъ были скошены или вытоптаны войсками. Вдоль пути тянулась земляная насыпь для полевой желѣзной дороги, сооружавшейся русскими въ восточномъ направленіи. Тысячи почти совершенно голыхъ китайцевъ въ небольшихъ корзиночкахъ на коромыслахъ таскали, присѣдая на ходу, горсточки земли и такимъ способомъ воздвигали это многоверстное сооруженіе.

Часто Георгій Евгеніевичъ останавливалъ свою лошадь, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ наблюдалъ муравьиное дѣйство, развертывавшееся передъ глазами, и говорилъ своимъ спутникамъ:

— Неужели не ясно, что трудовая гиря — лучшая для измѣренія и характеристики народа? Пустите сюда нѣсколько десятковъ нашихъ рязанскихъ копачей: — они своимъ Микулинскимъ трудомъ въ мѣсяцъ сдѣлаютъ то, надъ чѣмъ тысячи этихъ муравьевъ будутъ ковыряться годъ... А тѣмъ временемъ придутъ японцы и захватятъ все сооруженіе... Эхъ, смотрѣть тошно!...

— Вы забываете, князь, возражалъ съ улыбкой Ковалевскій, что вашимъ

«Микуламъ» платятъ сдѣльно, съ куба... Да и харчъ идетъ имъ другой. Со щепотки риса не очень - то размахаешься...

— Нѣтъ, это ужъ порода такая. Нѣтъ работника лучше нашего мужика!..

Верстахъ въ 12 отъ города кончается Ляоянская котловина и появляются горы. Среди нихъ много отдѣльныхъ конусообразныхъ остроконечныхъ возвышенностей («сопокъ»). Съ основанія до самой вершины манчжурскія горы введены въ сельскохозяйственный оборотъ: обработанныя поля и копошащихся на нихъ китайцевъ можно было разсмотрѣть въ сильный бинокль на такихъ высотахъ, которыя казались совершенно неприступными. Дороги на перевалахъ раздѣланы плохо: обозы съ трудомъ брали каменистые подъемы.

Къ вечеру караванъ князя Львова добрался до Лянь-шань-гуана. Ночевали въ палаткахъ Евгеніевской Общины Краснаго Креста. На другой день, проѣхавъ еще 22 версты, добрались до штаба восточнаго отряда. Командующій (графъ Келлеръ) принялъ земцевъ любезно, но изъ его осторожныхъ рѣчей казалось яснымъ, что онъ не расчитывалъ удержаться на занятыхъ позиціяхъ.

— Трудно предсказать, говорилъ онъ, что произойдетъ въ теченіе $1^1/_2$ — 2 недѣль до прибытія земскихъ отрядовъ. Но во всякомъ случаѣ дальше по тракту на Фынъ-хуанъ-ченъ они не понадобятся...

Такимъ образомъ первая серія намѣченныхъ этаповъ сильно сокращалась. Ѣхать дальше не имѣло смысла. И земцы, чтобы не возвращаться по тому-же пути, рѣшили перебраться горами на другой изъ указанныхъ трактовъ. Приходилось преодолѣвать все большія и большія препятствія; стремительныя рѣчки съ измѣнчивыми и ненадежными бродами, скользкимъ и каменистымъ дномъ — попадались все чаще; горы становились выше; перевалы труднѣе. За то во всѣ стороны развертывались великолѣпные виды и дневной жаръ въ лѣсистыхъ горахъ чувствовался не такъ болѣзненно. Съ одного тракта на другой вела узкая тропа, извивавшаяся то по одну, то по другую сторону быстрой горной рѣчки. Постоянные переѣзды въ бродъ были крайне утомительны: лошади еле удерживались на острыхъ и скользкихъ камняхъ. Кое-гдѣ узкое ущелье, въ которомъ протекала рѣчка, расширялось, появлялись мельницы и поселки, но остановиться и отдохнуть было негдѣ; вся мѣстность выжжена казацкимъ карательнымъ отрядомъ «за укрывательство хунгузовъ». Впрочемъ, вдали, на горныхъ поляхъ можно было видѣть китайцевъ, которые и послѣ разгрома не уходили и продолжали работы.

Вечеромъ подъ проливнымъ дождемъ удалось, наконецъ, достичь тракта Саймадзы-Ляоянъ. Путешественники были утѣшены въ перенесенныхъ невзгодахъ казаками, которые помогли имъ просушить промокшее до послѣдней нитки платье и угостили совершенно исключительнымъ по вкусу куринымъ бульономъ. Проголодавшіеся путешественники съ наслажденіемъ вкушали предложенныя деликатессы, хотя происхожденіе громаднаго количества куръ, сваленныхъ въ огромный артельный котелъ, вызывало немалыя сомнѣнія : повидимому, эти куры тоже виноваты были въ «укрывательствѣ хунгузовъ»...

Командующаго отрядомъ (ген. Грекова) удалось догнать въ пути. Бесѣда съ нимъ тоже принесла рядъ разочарованій. Сдѣлавъ 200 верстъ верхомъ, князь Львовъ вернулся въ Ляоянъ съ весьма незначительными результатами: на востокъ отъ Ляояна можно было размѣстить не болѣе четырехъ-пяти земскихъ отрядовъ.

Свиданія съ начальствующими лицами и первые объѣзды указанныхъ ими мѣстностей — дали рядъ цѣнныхъ практическихъ выводовъ. Рѣшительнаго противодѣйствія и вражды земцы не встрѣтили въ арміи. Работу отрядовъ, повидимому, можно было наладить. Но надлежало забыть о стройныхъ московскихъ планахъ и предположеніяхъ. Предстояло служить арміи вездѣ, гдѣ въ этомъ чувствовалась нужда въ данный моментъ, и, примѣняясь къ обстоятельствамъ, мѣнять характеръ работы. Большинство отрядовъ, повидимому, можно размѣстить вокругъ Ляояна. Но у земцевъ пока нѣтъ особенныхъ друзей и покровителей въ арміи. Активной помощи ждать не откуда. Военное положеніе крайне неопредѣленно и ненадежно. За событіями необходимо слѣдить изо дня въ день.

Вести всю эту нервную, ежедневную работу изъ Харбина, конечно, не представлялось ни малѣйшей возможности. Пока что мѣсто главноуполномоченнаго было въ Ляоянѣ. Предстояло устроить здѣсь земскій уголъ, такъ какъ дальнѣйшее использованіе гостепріимства Краснаго Креста крайне стѣсняло обѣ стороны — и гостей, и хозяевъ. Но гдѣ искать помѣщеній? Обширный русскій поселокъ вокругъ Ляоянской станціи былъ совершенно забитъ и переполненъ всевозможными учрежденіями и лицами, имѣвшими отношеніе къ желѣзной дорогѣ. Китайскій Ляоянъ отстоялъ слишкомъ далеко отъ станціи и представлялъ невыносимыя гигіеническія условія. Оставались окрестныя деревни. Въ одной изъ нихъ — той самой Пейа, гдѣ устроился Красный Крестъ, удалось пріискать усадьбу съ 2-мя дворами и 3-мя фанзами. Въ этой мѣстности китайцы живутъ въ каменныхъ избахъ подъ крышами изъ соломы гаоляна. Въ передней стѣнѣ такого дома, на высотѣ аршина отъ земли, начинаются оконныя рамы съ частымъ деревяннымъ переплетомъ, заклеенным папиросной или просмоленой бумагою. Рамы подходятъ почти подъ крышу и занимаютъ всю стѣну. Полы земляные, потолковъ нѣтъ. Дома китайцы все свое время проводятъ на «канахъ» — кирпичныхъ боровахъ, тянущихся вдоль стѣнъ. Печная топка и труба выведены наружу. Когда печь топится, изъ всѣхъ щелей небрежно содержимыхъ канъ ползетъ дымъ, осаживаясь въ видѣ отвратительной копоти на внутренней части крыши. Каны и стѣны убраны массою грязныхъ, прокопченыхъ, вонючихъ бездѣлушекъ и тряпья. Котелъ для варки пищи находится въ сѣняхъ, раздѣляющихъ фанзу на двѣ половины. Вокругъ жилища гніютъ удобренія, которыя тщательно сохраняются. Задній дворъ (для скотины) обнесенъ полуразвалившейся глинобитной оградою, передній дворъ (болѣе чистый) — стѣною изъ камня. Бѣдные китайцы въ высшей степени нечистоплотны и это отражается на состояніи ихъ жилищъ. Подысканная кн. Львовымъ усадьба оказалась прочно занятой хозяевами. Предстояло или реквизировать помѣщеніе, или сойтись съ хозяевами мирно. Кн. Львовъ предпочелъ, конечно, послѣднее. Задача нелегкая. На канахъ возсѣдалъ съ семьею лишь Ли-бен-зинъ. Его совладѣлецъ (Ли-пен-хау) исчезъ безслѣдно, какъ только начались переговоры. Ли-бен-зинъ не шелъ рѣшительно ни на какія уступки, ссылаясь на скупость таинственнаго Ли-пен-хау. Послѣдній неожиданно появился лишь въ тотъ моментъ, когда всѣ условія Ли-бен-зина были приняты. Такъ китайцы ѳоронялись отъ русскаго зажима. По заключеніи форменнаго условія, китайцы выселились и работа закипѣла. Нетронутыми можно было оставить только наружныя стѣны и часть крыши: все остальное пришлось сломать и сдѣлать вновь. «Земская фанза» состояла изъ двухъ комнатъ. Полы сдѣланы изъ новаго кирпича, каны сломаны и выброшены, грязь и копоть крыши скрыты отъ глазъ бѣлыми бумажными потолками, поставле-

ны три желѣзныя печи, въ рамы вставлены стекла. Мебель составляли 4 кровати, три бѣлыхъ досчатыхъ стола и полдюжины табуретокъ. Въ помѣщеніи стало чисто, свѣтло и весело. Возня съ питаніемъ отпала, такъ какъ кн. Львовъ условился съ поваромъ Александровскаго: за два рубля въ день въ столовой Краснаго Креста предоставлялся полный пансіонъ для персонала общеземской организаціи и ея гостей.

Въ ближайшіе же дни пришлось познакомиться съ главными руководителями Восточно-Китайской дороги. И здѣсь князь Львовъ началъ свои завоеванія. Уже 12 Іюня ему удалось выхлопотать для нуждъ прибывающихъ земскихъ отрядовъ два желѣзнодорожныхъ помѣщенія. Одно изъ нихъ — для устройства склада, старое депо, — громадное, съ виду въ высшей степени солидно построенное зданіе, съ рельсами, по которымъ кладь прямо въ вагонахъ доставлялась внутрь. Другое зданіе, новое депо, еще болѣе внушительное на видъ, — рѣшено отвести для тѣхъ земскихъ отрядовъ, которые не удастся сразу двинуть на этапы. Лѣсъ для настилки половъ и кое-какихъ передѣлокъ оказалось возможнымъ выпросить даромъ у инженеровъ — желѣнодорожныхъ подрядчиковъ. Эти великолѣпныя зданія причинили впослѣдствіи много хлопотъ: когда начался періодъ дождей, крыши и стараго, и новаго зданія текли, какъ рѣшето, и персоналъ земскихъ отрядовъ сильно пострадалъ отъ потоковъ воды.

Отряды не могли обойтись безъ перевозочныхъ средствъ. Для ихъ хозяйственныхъ нуждъ рѣшено использовать тотъ обозъ, который готовился въ Харбинѣ для перевозки раненыхъ. Около сотни китайскихъ лошадокъ, закупленныхъ земцами, стояло на станціи Ямынь (152 версты южнѣе Харбина), на попеченіи отряда Пограничной стражи. Князь Львовъ далъ приказаніе погрузить ихъ съ назначеніемъ въ Ляоянъ. Этотъ первый случай пользованія Манчжурской дорогой многому научилъ представителей организаціи. Надо замѣтить, что князю Львову удалось очень быстро сойтись съ *высшими* представителями желѣзнодорожной администраціи и всецѣло завоевать ихъ расположеніе: во всѣхъ случаяхъ онъ встрѣчалъ среди нихъ полную готовность оказать помощь, предупредительность и любезность. Но желѣзною дорогою распоряжалось много конкурировавшихъ хозяевъ и часто любезная помощь однихъ совершенно нейтрализовалась противодѣйствіемъ другихъ. Безпорядокъ вездѣ царилъ образцовый. Низшіе агенты службы вели «свою линію» и не проявляли ни малѣйшаго желанія изъ-за войны отказываться отъ установленныхъ практикой «безгрѣшныхъ доходовъ». При выгрузкѣ лошадей въ Ляоянѣ предстояло впервые осмыслить утвердившіеся порядки. Въ теченіе цѣлаго дня вагоны съ лошадьми — «маневрировали». Ихъ приходилось разыскивать среди тысячъ товарныхъ груженыхъ и пустыхъ вагоновъ, заполнявшихъ пути станціи. Вотъ, наконецъ, лошади — въ 1½ верстахъ отъ вокзала. Но подать къ платформѣ вагоны нельзя безъ соотвѣтственнаго письменнаго распоряженія. Приходится стремглавъ бѣжать въ товарную контору. Безконечное ожиданіе въ удрученной толпѣ просителей. Наконецъ, приказъ въ рукахъ. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли вагоны, ихъ нѣтъ уже и въ поминѣ. Вся игра начинается снова. Но вотъ, благодаря какой-то счастливой случайности, вагоны оказываются у платформы. Крикъ, шумъ, нанятые по часамъ солдаты тащутъ сходни... А въ это время кто-то уже махнулъ флажкомъ и вагоны медленно отходятъ въ невѣдомую даль. Безконечныя жалобы высшему станціонному и военному начальству, просьбы, мольбы, брань — ничто не дѣйствуетъ: вагоны продолжаютъ свои эволюціи; нанятые для разгрузки и отвода

лошадей солдаты просятъ отпустить ихъ въ лагерь... Солнце садится.... Наконецъ, неопытные земцы понимаютъ. Но кому и сколько? Послѣ ряда трагикомическихъ недоразумѣній дѣло оказывается крайне несложнымъ: сцѣпщику по 3 р. съ вагона; дальнѣйшее распредѣленіе денегъ онъ принимаетъ на себя. Деньги вручены; вагоны поданы, лошади разгружены въ теченіе получаса, а измсжденныя, разстроенныя, покрытыя потомъ, пылью и грязью лица распорядителей служатъ предметомъ самаго теплаго, добродушнаго вниманія агентовъ желѣзной дороги...

Земцы пробовали бороться и возмущаться. Праздное занятіе: маета, потеря времени, силъ и — въ полномъ смыслѣ — здоровья, безъ малѣйшихъ практическихъ результатовъ. Это было неотвратимо, какъ дождь или жара. Приходилось покориться. И надо сказать, что эти три рубля съ вагона, которые приходилось платить при нагрузкѣ и разгрузкѣ, избавили земства отъ многихъ серьезныхъ убытковъ...

Въ теченіе второй половины Мая и всего Іюня земскіе отряды прибывали на театръ войны, не безъ величайшихъ усилій размѣщались на востокѣ и югъ отъ Ляояна и приступали къ работѣ. Только запоздавшимъ москвичамъ пришлось устроиться далеко на сѣверѣ (въ 123 верстахъ южнѣе Харбина), да черниговцамъ (въ 152 верстахъ — въ Ямыни). Отряды развернули сразу, вмѣсто предположенныхъ въ Москвѣ 525 коекъ, — 1340.

6.

Японцы начали общее согласованное наступленіе на Ляоянъ 8-го Іюня. Наступленіе это совершалось томительно медленно, съ необыкновенною, непривычною для русскаго человѣка методичностью, выдержкой и осторожностью. 150-200 верстъ отъ мѣстъ высадки или отъ Ялу до Ляояна японскія войска сдѣлали въ 100 съ лишнимъ дней. Можно-ли было предвидѣть такую медлительность во время развитія военныхъ дѣйствій? Въ теченіе Іюня, Іюля и половины Августа каждый день ожидалось наступленіе рѣшительныхъ событій. Никто не зналъ, гдѣ именно они разыграются. Никто не зналъ также, поскольку русскій главнокомандующій склоненъ принять рѣшительный бой въ данной стадіи кампаніи. Оставить Ляоянъ готовились нѣсколько разъ. Нѣсколько разъ издавались запрещенія принимать грузы съ сѣвера. Нѣсколько разъ предлагалось не развертывать новыхъ госпиталей южнѣе опредѣленной черты. Эти распоряженія скоро отмѣнялись. Но кто могъ поручиться, что завтра то или иное движеніе противника не заставитъ военныя власти вернуться къ оставленнымъ предполсженіямъ? При оборонительной тактикѣ приходилось ждать всего и ко всему готовиться. Казалось, два противника задумались надъ шахматной доской: одинъ взвѣшиваетъ всѣ возможности и медлитъ обнаружить свои наступательные планы, другой съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ хода, чтобы отвѣтить на него опредѣленными мѣропріятіями. Сколько времени продлится это напряженное состояніе? День, два или мѣсяцъ? Это знали только японцы. Но, когда они, наконецъ, шевелились, въ нашихъ войскахъ начиналась лихорадочная, нервная работа, слѣдовали быстрыя передвиженія войскъ, распространялись тревожные слухи о предстоящемъ боѣ, съ десятками тысячъ раненыхъ; госпитали получали предписанія эвакуировать всѣхъ больныхъ, экстренно свернуться и, отправивъ все имущество на сѣверъ, гото-

вить перевязочные пункты. Но проходили дни за днями, японцы не двигались и мало-по-малу лишенные имущества, кроватей, приспособленій, опустошенные лазареты — снова наполнялись больными. Надолго-ли? Кто могъ на это отвѣтить? При такихъ условіяхъ приходилось непрестанно слѣдить на мѣстѣ за ходомъ военныхъ дѣйствій и быть въ постоянной готовности снять земскій отрядъ, передвинуть его, найти ему новое мѣсто или отстоять его работу на опасномъ пунктѣ отъ чрезмѣрно спѣшныхъ и суетливыхъ распоряженій военно-санитарной администраціи. Оставить отряды нельзя было ни на одинъ день. Къ тому же они непрерывно нуждались въ чемъ-нибудь и обращались за помощью къ главноуполномоченному. И только совершенно исключительныя отношенія, быстро установившіяся у князя Львова со всевозможными начальствами, выручали земцевъ изъ затрудненій. Н. Н. Ковалевскій писалъ впослѣдствіи: «всѣ переговоры со всевозможными высшими властями всецѣло принялъ на себя и велъ съ блестящимъ тактомъ, умѣньемъ и энергіей кн. Львовъ; безъ его дѣятельной помощи земскіе отряды были бы въ очень затруднительномъ положеніи. Не зная мѣстныхъ условій и той обстановки, которая создалась на войнѣ, трудно представить себѣ, какую массу времени и хлопотъ отнимало здѣсь самое пустячное дѣло. Въ Манчжуріи по линіи желѣзной дороги, всѣ нити сходятся въ однѣхъ рукахъ — у правленія желѣзной дороги: нужно-ли вамъ помѣщеніе для госпиталя, нужны-ли дрова, нужны-ли доски или даже только гвоздь, чтобы прибить доску, — вы должны обратиться и обо всемъ хлопотать у желѣзной дороги, начиная отъ верхнихъ чиновъ ея и кончая низшими; какъ то притомъ большею частью бываетъ, разрѣшеніе высшаго чина не значитъ еще, что дѣло сдѣлано, — надо найти соотвѣтствующаго низшаго агента и надо заручиться его благосклонностью; иначе онъ при выдачѣ гвоздей поставитъ вамъ безчисленное множество препонъ, которыя затормазятъ вашу работу. Князь Львовъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ болѣе серьезныхъ дѣлахъ, оказалъ намъ неоцѣненныя услуги; какъ только обнаруживалась для отряда какая-либо потребность, князь сейчасъ же садился на своего рыжаго иноходца и ѣхалъ хлопотать» (1).

Князь въ концѣ концовъ оказался у всѣхъ на виду и сдѣлался общимъ любимцемъ. Повидимому, начало его значенію положило непосредственное обращеніе къ Николаю II. Осмотрѣвшись, князь послалъ прямо царю обширную телеграмму, въ которой излагалъ свои наблюденія. Отвѣта и предложенія писать дальше не послѣдовало; повидимому, послѣ аудіенціи Плеве съумѣлъ возбудить въ царѣ и недовѣріе, и нерасположеніе. Но уже самый фактъ непосредственныхъ сношеній съ государемъ не могъ остаться неизвѣстнымъ военнымъ и другимъ властямъ и заставилъ ихъ считаться съ земскимъ главноуполномоченнымъ. При личныхъ сношеніяхъ онъ, по обыкновенію, завоевывалъ всѣ сердца: необычайная скромность, бросавшаяся въ глаза простота жизни, неутомимость въ передвиженіяхъ, ласковость и ровность въ сношеніяхъ съ самыми разнообразными людьми, умѣніе вызывать у нихъ лучшіе инстинкты — все это дѣлало его непреодолимымъ и обаятельнымъ...

Позднѣе работа земскихъ отрядовъ, не знавшихъ отказовъ въ помощи и часто принимавшихъ во время боя, вмѣсто двадцати пяти штатныхъ, по шестьсотъ и болѣе раненыхъ, — еще болѣе утвердила въ арміи положеніе общеземской организаціи. Съ убійствомъ Плеве рѣзко измѣнились настроенія даже и въ правящихъ кругахъ Петербурга.

---

1) Н. Н. Ковалевскій. Съ земскими отрядами на Дальнемъ Востокѣ. Русская Мысль, 1905 г., кн. VII.

Куропаткинъ сначала принялъ князя любезно, но сдержанно. Позднѣе, познакомившись ближе и съ нимъ самимъ, и съ работою земскихъ отрядовъ, онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ доброжелателей общеземской организаціи. Дѣло доходило до того, что онъ самъ обращался иногда къ князю за совѣтомъ и помощью. Несмотря на свое номинальное всемогущество, командующій арміей часто ничего не могъ подѣлать на практикѣ въ волокитою желѣзной дороги. И были случаи, когда Куропаткинъ просилъ князя Львова о частномъ посредничествѣ. Князь ѣхалъ къ желѣзнодорожникамъ и убѣждалъ ихъ. За то, когда дорогѣ нужно было добиться чего-нибудь отъ военныхъ властей, князь Львовъ снова являлся въ роли частнаго ходатая, посредника и умиротворителя...

Черезъ два мѣсяца въ арміи хорошо знали и общеземскую оргвнизацію, и ея главу.

— «Помню, — разсказываетъ очевидецъ, — разъ въ вагонѣ я слышалъ, какъ горячій полковникъ громко негодовалъ на свое начальство. Онъ кричалъ сердито товарищамъ: Да, не на того напали... я дальше пойду! я самомукнязю Львову буду жаловаться...»

Помимо всяческихъ хлопотъ, главноуполномоченному приходилось иногда экстренно выѣзжать въ отдѣльные отряды для налаживанія расклеившихся внутреннихъ отношеній. Въ двухъ случаяхъ такія поѣздки вызваны очень острыми и серьезными осложненіями.

Не всѣ власти понимали, что князь Львовъ лишь *представлялъ* общеземскую организацію. Къ нему часто обращались съ просьбами и требованіями чисто практическаго характера. Вотъ, напримѣръ, на разсвѣтѣ въ земскую фанзу принесена телеграмма: заготовить завтракъ на цѣлый теплушечный поѣздъ раненыхъ. Телеграмма, по обыкновенію, запоздала; поѣздъ ожидался черезъ два часа. Во чтобы то ни стало, нужно достать большія массы бѣлаго хлѣба, яицъ, чаю, сахару... а лавки въ городѣ и на станціи еще не открывались.. Къ счастью, запоздалъ и поѣздъ и послѣ бѣшенаго проявленія энергіи со стороны князя Львова и его немногочисленныхъ сожителей въ земской фанзѣ, поѣздъ удалось-таки снабдить всѣмъ необходимымъ.

Въ другой разъ генералъ-майоръ Езерскій (инспекторъ госпиталей, бывшій иркутскій полицмейстеръ) требовалъ у князя Львова глубокихъ и мелкихъ тарелокъ для летучаго отряда, не имѣвшаго ни малѣйшаго отношенія къ общеземской организаціи. Приходилось хлопотать въ складѣ Краснаго Креста о тарелкахъ для собственнаго его отряда. Однажды въ два часа ночи въ земскую фанзу явился вѣстовой, настойчиво требовавшій князя Львова, чтобы вручить ему лично, подъ расписку, спѣшный и срочный пакетъ. Въ пакетѣ оказалась такая бумага:

Полевое Военно - госпитальное
Управленіе Маньчжурской арміи

Спѣшное.

Г. Уполномоченному Харьковскаго Земства
Князю Львову.

16 Іюля 1904 г.
№ 2324. Г. Ляоянъ.

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство не отказать предоставить 2-3 пуда персидскаго порошку для покойницкихъ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-врачебныхъ заведеній.

Инспекторъ Госпиталей
Генералъ-майоръ Езерскій.

Самыхъ разнообразныхъ обращеній со всѣхъ сторонъ было множество и на большинство изъ нихъ приходилось такъ или иначе откликаться.

7.

Треволненія Ляоянскаго сраженія пережиты княземъ Львовымъ вблизи. По мѣрѣ наступленія непріятеля, съ востока и юга стягивались къ Ляояну земскіе отряды. Нѣкоторые изъ нихъ работали до послѣдней минуты. Уходили уже съ послѣдними цѣпями, когда можно было видѣть простымъ глазомъ спускавшихся съ горъ японцевъ. Большинство отрядовъ двинуто на сѣверъ. Размѣстившись по линіи желѣзной дороги, они уже ждали раненыхъ. Часть отрядовъ задержалась въ Ляоянѣ. Въ диспозиціи отъ 16-го Августа между прочимъ сказано: «Главный перевязочный пунктъ — у желѣзнодорожной станціи Ляоянъ». Въ работѣ этого пункта приняли большое участіе земскіе отряды. Князь Львовъ не отходилъ отъ нихъ, оказывалъ имъ всяческое содѣйствіе и всецѣло переживалъ съ ними эти тяжелые дни.

Уже 16-го вечеромъ палатки, походныя кухни, перевязочный матеріалъ, посуда и личное имущество персонала перевезены къ вокзалу. Здѣсь въ пользованіе отрядовъ предоставлена часть большого двухъэтажнаго дома, въ которомъ помѣщалась ранѣе желѣзнодорожная больница. Обширный перевязочный пунктъ рѣшено устроить въ садикѣ, раскинувшемся между вокзаломъ и каменной церковью. Вечеромъ садикъ кажется растревоженнымъ муравейникомъ: вездѣ суетятся люди, готовясь къ завтрашнему дню. Спѣшно шоссируются тянущіяся по обѣ стороны дороги, разставляются фонари, вырубается часть деревьевъ. Между клумбами роскошныхъ георгиновъ разбиваются въ три ряда громадные военные шатры и болѣе скромныя земскія палатки. Въ нихъ на землю набрасываются китайскія цыновки и сверху матрацы. Врачи слѣдятъ за установкою операціонныхъ столовъ. Въ зданіи желѣзнодорожной больницы подготовляется перевязочный матеріалъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ садика, черезъ дорогу, выростаетъ земскій питательный пунктъ: въ шатрахъ устанавливаются огромные котлы («фугельзанги») и деревянная мебель; подвозятся дрова, вода, мясо, хлѣбъ, консервы. Вездѣ снуетъ прислуга военныхъ госпиталей, мелькаютъ бѣлые платки сестеръ, слышатся малороссійскіе возгласы неугомонныхъ харьковскихъ санитаровъ... За питательнымъ пунктомъ изъ цыновокъ устраивается часовня для тѣлъ усопшихъ.

Наступаетъ теплая, лунная ночь, полная ожиданій и безпокойства.

Первые выстрѣлы поднимаютъ всѣхъ на ноги. Чуть брезжитъ свѣтъ; сырое склизкое утро; моросить мелкій дождь. Канонада разростается. На всѣхъ балконахъ и крышахъ толпы людей, жадными глазами всматривающихся въ даль... Но бой еще далеко. Видны лишь смутныя очертанія горъ, осыпаемыхъ непріятельскими снарядами. Въ воздухѣ всюду — то тутъ, то тамъ — появляются аккуратныя бѣлыя облачка шрапнели: они становятся, какъ по командѣ, другъ подлѣ друга — восемь въ рядъ, вспыхиваютъ огнемъ и медленно расползаются. Въ бинокль можно видѣть мѣста, гдѣ падаютъ непріятельскіе снаряды: кажется, они ищутъ нашихъ батарей и въ безсильной злобѣ вьются вокругъ нихъ, роя землю и поднимая пыль. Наша артиллерія отвѣчаетъ по всей линіи частымъ огнемъ. Дождь прекращается. Поднимается вѣтерокъ. Картина заволакивается пылью и дымомъ. Временами цѣлыя сопки окутываются бѣлой вуалью и снова медленно открываются для взора. Со всѣхъ сторонъ откуда-то

вырываются острые и прямые снопы пламени—рыжіе, отвратительные при свѣтѣ дня. Большой воздушный шаръ неподвижно стоитъ надъ городомъ.

Первая партія раненыхъ прибываетъ около 4-хъ часовъ дня въ двуколкахъ и фурахъ. Эту партіо въ сто человѣкъ быстро распредѣляютъ по палаткамъ. Но за нею слѣдуетъ вторая, третья... Слышится непрерывный лязгъ колесъ, отчетливо выдѣляющійся на фонѣ выстрѣловъ... Подъѣзжаютъ большія партіи, тянутся отдѣльныя фуры и двуколки. Начальникъ санитарной части или кто-нибудь изъ его помощниковъ безпрерывно требуютъ носилокъ. Длинныя вереницы санитаровъ движутся со своей ношей по дорожкамъ сада. Слышатся стоны, мольбы, протяжное всхлипыванье. Раненые прибываютъ безъ шапокъ, въ рваномъ и грязномъ бѣльѣ; у нѣкоторыхъ совершенно обнажена верхняя часть туловища; бѣлѣетъ только наскоро наложенная повязка. Но переодѣвать ихъ некогда. Необходимо какъ можно скорѣе уложить, осмотрѣть, перемѣнить повязку, напоить чаемъ или накормить, если больной можетъ ѣсть. Въ этой сутолокѣ врачи ухитряются дѣлать несложныя операціи. Темнѣетъ. Зажигаются фонари. Въ земскихъ палаткахъ слабо мерцаютъ керосинъ и свѣчи, въ военныхъ шатрахъ — яркій бѣлый свѣтъ ацетиленовыхъ лампъ. Полы палатокъ подняты. На тѣсно положенныхъ тюфякахъ видны подъ простынями ряды раненыхъ. Длинныя бѣлыя фигуры сестеръ безшумно движутся между ними съ кружками чаю или лекарствами. Въ операціонныхъ и перевязочныхъ мелькаютъ тѣни врачей. Въ 10 часовъ вечера прекращается канонада, но раненые продолжаютъ прибывать всю ночь. Персоналъ разбивается на смѣны: часть уходитъ на шесть часовъ спать, остальные продолжаютъ работать. Ночью происходитъ эвакуація и почти всѣ раненые, прибывшіе за день, вывозятся на сѣверъ.

На слѣдующій день снова неумолкающая пальба — съ четырехъ часовъ утра и до поздней ночи. Снова безконечная вереница повозокъ, полныхъ искалѣченными людьми. Нѣтъ больше мѣста для раненыхъ. Ихъ приходится класть наружу, въ травѣ и цвѣтахъ — около палатокъ. День жаркій и душный. Печетъ солнце. Въ сторонѣ у ограды воздвигается большой навѣсъ изъ цыновокъ, подъ который размѣщаютъ легко раненыхъ прямо на землѣ, безъ тюфяковъ и подушекъ. Изъ покойницкой доносится церковное пѣніе: три священника отпѣваютъ усопшихъ. Для офицеровъ достали откуда-то бѣлые гробы; солдатъ заворачиваютъ въ цыновки и кладутъ на арбы. Похоронное шествіе медленно движется мимо палатокъ. А канонада все не смолкаетъ. Она становится бѣшеной. Стрѣляютъ уже безпрерывно. Къ массѣ раскатистыхъ ударныхъ звуковъ обычныхъ орудій присоединяется протяжный ревъ какихъ-то чудовищъ. Этотъ непрерывный двухдневный грохотъ дѣйствуетъ на сознаніе подавляюще. Растетъ чувство отчужденности и одиночества: гдѣ-то тамъ, вдали развертывается тяжелая драма, въ которой нѣтъ тебѣ мѣста. И только жертвы ея — безсильныя, раздавленныя, выброшенныя изъ борьбы проходятъ передъ глазами непрерывно, кровавою вереницей... А тѣмъ временемъ съ востока медленно ползетъ изсиня-черная туча. Повидимому, она хочетъ вмѣшаться и прекратить безумное дѣло. Набѣжавшій вѣтеръ гонитъ облака пыли. Сверкаетъ молнія, гремитъ громъ, падаютъ первыя крупныя капли дождя. Въ отвѣтъ мелькаютъ бѣшеные огни и яростная канонада не смолкаетъ ни на минуту. Наступаетъ нѣчто невообразимое. Южная ночная тьма. Льетъ тропическій дождь. Гигантскія молніи раскалываютъ небо... А со всѣхъ сторонъ изъ пушекъ рвется пламя и грохотъ выстрѣловъ сливается и споритъ съ раскатами грома. Какъ разъ въ это время войска получаютъ приказаніе оставить по-

зиціи. Они тащатъ крѣпостныя орудія и медленно отступаютъ... Дождь прекращается. На черномъ небѣ сверкаютъ яркія звѣзды. Мало-по-малу стихаетъ грохотъ орудій. Но на этотъ разъ врагъ не медлитъ. Въ темнотѣ онъ приближается къ окопамъ и по всему фронту часа 2-3 слышится частая, непрерывная сухая трескотня ружей и пулеметовъ. Охотники подползаютъ къ укрѣпленіямъ и перерѣзываютъ проволочныя загражденія. За ними врываются въ окопы наступающія японскія войска, но застаютъ тамъ лишь ничтожную горсть русскихъ, быстро отходящихъ къ Ляояну.

Гроза и дождь ставятъ въ невозможное положеніе перевязочный пунктъ; всѣхъ раненыхъ приходится быстро внести подъ кровъ палатокъ; проходы заставляются носилками; получается сплошная масса человѣческихъ тѣлъ и въ темнотѣ трудно даже оріентироваться въ ихъ положеніи; доступъ къ нимъ врачей и сестеръ становится почти невозможнымъ. А между тѣмъ съ прекращеніемъ дождя снова слышится лязгъ двуколокъ и крики выбивающихся изъ силъ погонщиковъ. Снова слышатся требованія носилокъ. Князь Львовъ разыскиваетъ ключи отъ церкви, открываетъ ее и самовольно ведетъ туда первую партію носильщиковъ. Зажигаются восковыя свѣчи и скоро все зданіе наполняется ранеными. «Начальство» пробуетъ протестовать, но смиряется передъ совершившимся фактомъ. Ночью опять идетъ эвакуація; принимаются новые раненые. Работа въ шатрахъ и палаткахъ безпрерывно продолжается прежнимъ темпомъ до самаго утра.

19-е Августа — прекрасное, яркое, солнечное утро. Полная тишина. Нигдѣ ни одного выстрѣла. Работа перевязочнаго пункта кончена. Военные госпитали давно уже сдали на поѣзда всѣхъ паціентовъ и уѣхали на своихъ фурахъ. Земскими отрядами также полученъ приказъ эвакуировать спѣшно всѣхъ раненыхъ, складываться и уѣзжать. Передъ отправкою послѣдней партіи, у входа въ садикъ останавливается группа всадниковъ. Встрѣчающій князь Львовъ узнаетъ еще издали штандартъ командующаго. Ген. Куропаткинъ слѣзаетъ съ коня и обходитъ палатки, здороваясь съ солдатами и благодаря за храбрую службу; въ отвѣтъ слышатся слабые возгласы распростертыхъ на землѣ людей. Лицо командующаго сумрачно, его глаза строго смотрятъ куда-то вдаль. Садясь на коня, Куропаткинъ говоритъ князю Львову: «къ полудню, вѣроятно, здѣсь будутъ ложиться непріятельскіе снаряды; постарайтесь избѣжать паники». Раненыхъ удается посадить въ вагонъ только къ 12 часамъ дня. Палатки и имущество свернуты, уложены и перевезены на платформу, указанную желѣзнодорожнымъ начальствомъ: сюда должны подать поѣздъ. Князь съ Полнеромъ уѣзжаютъ укладываться въ деревню Пейа. Но вотъ уже почти три часа, а поѣзда все нѣтъ. Вдругъ надъ головами ожидающаго персонала раздается шипящій звукъ: кажется, что низко по землѣ откуда то пущена ракета. Нѣсколько мгновеній и на желѣзнодорожномъ пути, совсѣмъ близко, разрывается снарядъ. За первымъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, третій... Непріятель началъ бомбардировку вокзала. А поѣздъ все не подходитъ. Онъ стоитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ платформы, на четвертомъ пути, и видно, какъ машинистъ волнуется и мечется по паровозу. Н. Н. Ковалевскій спѣшитъ посадить свой персоналъ въ вагоны. Множество постороннихъ врачей и сестеръ бѣгутъ съ ними. Свистятъ гранаты. Одна изъ нихъ падаетъ и разрывается около самой платформы. Другая вертится передъ паровозомъ. Третья падаетъ и разрывается около вагона, въ который спѣшатъ садиться врачи и сестры. Одна изъ сестеръ харьковскихъ отрядовъ вдругъ смолкаетъ и съ измѣнившимся лицомъ падаетъ на землю. Ее подхватываютъ на руки и вносятъ въ ва-

гонъ. У нея перебита кость ноги. Раненъ также врачъ. Это событіе производитъ подавляющее впечатлѣніе. Въ нѣсколько мгновеній всѣ присутствующіе заполняютъ поѣздъ и онъ спѣшно отходитъ на сѣверъ, оставляя за собою вокзалъ и площадь обстрѣла...

Въ земской фанзѣ укладывались, когда появился санитаръ съ извѣстіемъ, что «на вокзалѣ убило земскую сестру и доктора». Князь Львовъ и Полнеръ сѣдлаютъ лошадей и быстро ѣдутъ къ вокзалу. Скоро вокругъ начинаютъ рваться снаряды. На вокзалѣ уже полное безлюдье. Очевидно, послѣдніе поѣзда ушли. Князь поварачиваетъ лошадь и молча ѣдетъ домой. Въ саду, около вокзала, земскій обозъ, работавшій для перевязочнаго пункта, уныло стоитъ на привязяхъ. Очевидно, китайцы-обозные разбѣжались. Нѣсколько лошадей валяются съ вывороченными внутренностями. Полнеръ спѣшитъ домой сбивать артель добровольцевъ изъ санитаровъ и китайцевъ, чтобы ѣхать на выручку. За три рубля съ головы находятся охотники. Но на порогѣ фанзы появляется князь. Рѣзко и внушительно онъ говоритъ:

— Вы — взрослый человѣкъ и сами можете дѣлать какія-угодно нелѣпости. Но сманивать людей деньгами и подвергать ихъ жизнь опасности... Я вамъ это запрещаю...

И онъ сердито скрывается въ фанзѣ.

Все имущество общеземской организаціи уложено на арбы, приготовлены упряжки и сѣдла, конямъ заданъ кормъ. Взволнованныхъ китайцевъ, уже завязывающихъ свои узелки и готовыхъ бѣжать безъ оглядки, удалось подбодрить и успокоить, обѣщавъ взять съ собою. Наступила ночь. Въ опустѣвшей, покинутой жителями деревнѣ Пейа стали рваться снаряды.

— Намъ здѣсь больше дѣлать нечего! сказалъ князь Львовъ. Двумя партіями земцы двинулись въ путь.

Стояла черная, непроницаемая тьма. Время отъ времени слышался свистъ снаряда; проходило нѣсколько страшныхъ мгновеній ожиданія и рѣзкій ударный звукъ показывалъ мѣсто разрыва. Вокругъ въ темной дали слышались взрывы воспламенявшихся патроновъ и сухая трескотня ружей. Горѣлъ вокзалъ, зажженный непріятельскими снарядами, и громадное зарево стояло яркимъ краснымъ пятномъ въ чернотѣ ночного неба. Навстрѣчу земскому обозу бѣшено мчалась куда-то артиллерія...

8.

На другой день земцы добрались до станціи Янтай, соединившись по дорогѣ съ частями тульскаго и орловскаго отрядовъ, выѣхавшихъ изъ Ляояна также на лошадяхъ. Они стали лагеремъ въ полѣ, невдалекѣ отъ лазарета воронежскаго отряда. Часть послѣдняго работала въ это время въ Янтайскихъ каменноугольныхъ копяхъ, обслуживая злополучный отрядъ ген. Орлова. Давно приказано снять перевязочный пунктъ «въ виду приближенія японцевъ». Но кругомъ лежало 200 человѣкъ и раненые все прибывали. Съ величайшимъ напряженіемъ, при помощи уходившихъ казаковъ, удалось нагрузить послѣдній поѣздъ и добраться до Янтая — къ главнымъ силамъ отряда. Но и здѣсь уже объявленъ приказъ немедленно двигаться на сѣверъ. Приказы были. Но не было ни поѣздовъ, ни распорядителей. Начальство отсутствовало. Въ теченіе цѣлаго дня одинъ за другимъ тянулись изъ Ляояна товарные поѣзда, переполненные ранеными. Тянулись со всѣхъ сторонъ раненые и по грунтовымъ дорогамъ. Земскіе врачи непрерывно перевязывали и кормили.

Ждать дольше распоряженій санитарныхъ властей казалось невозможнымъ. Князь Львовъ принялъ на себя командныя функціи. Найдя полное сочувствіе и помощь въ инженерахъ, находившихся на станціи (среди нихъ былъ извѣстный писатель Н. Гаринъ), князь началъ самовольно составлять теплушечные поѣзда и, нагружая ихъ ранеными, отправлять съ земскимъ персоналомъ на сѣверъ. Условія перевозки, какъ всегда послѣ боевъ, были ужасныя. Оставалось надѣяться, что земскій персоналъ, со всегдашней своей оборотливостью, съумѣетъ по дорогѣ перевязать, накормить и обслужить паціентовъ. Когда грузился пятый изъ такихъ экспромптныхъ поѣздовъ, на станціи Янтай появился начальникъ санитарной части арміи. Между нимъ и княземъ Львовымъ произошло крупное объясненіе. Къ чести генерала, нужно сказать, что онъ не только не обидѣлся, но еще впослѣдствіи самъ говорилъ подчиненнымъ князя, не безъ нѣкотораго удивленія:

— А?.. что вашъ князь то мнѣ сказалъ? Вы, говоритъ, беретесь завѣдывать санитарной частью арміи, а я не взялъ бы васъ приказчикомъ въ свое имѣніе!..

Всѣ больные воронежскаго лазарета размѣщены въ товарныхъ вагонахъ, прицѣпленныхъ къ поѣзду, пришедшему изъ Янтайскихъ копей. Имущество отряда, лошади и вещи общеземской организаціи погружены въ тотъ-же поѣздъ. Съ нимъ выѣхалъ въ 4 часа утра 21-го Августа воронежскій персоналъ и представители общеземской организаціи. Поѣздъ везъ 660 больныхъ и раненыхъ. Необходимо было перевязать (иногда по нѣскольку разъ) 450 раненыхъ, сдать заразныхъ и очень тяжелыхъ въ попадавшіеся по линіи лазареты. Въ первые 24 часа умерло 12 человѣкъ. Въ поѣздѣ, какъ всегда, не было кухни и кормить больныхъ приходилось на питательныхъ пунктахъ — въ Мукденѣ (курскій земскій отрядъ); въ Тьелинѣ (ярославскій); въ Каюанѣ (богородицкій отрядъ гр. Бобринской); въ Ямыни и Лошагоу (черниговскій и московскій земскіе отряды). Заботы о питаніи больныхъ и раненыхъ приняли на себя представители общеземской организаціи. Всѣмъ дѣломъ непосредственно руководилъ князь Львовъ. Поѣздъ прибылъ въ Харбинъ 25-го Августа, въ 8 часовъ утра. Четыре съ половиной дня онъ простоялъ на запасномъ пути и больныхъ приняли въ лазареты только 29 Августа. Все это время земскіе врачи ухаживали за ними, а общеземскій питательный пунктъ на вокзалѣ кормилъ множество поѣздовъ, стоявшихъ съ ранеными на запасныхъ путяхъ.

Къ концу Августа въ Харбинѣ собралось десять земскихъ отрядовъ — всего около 170 человѣкъ персонала. Предстояло обдумать и наладить дальнѣйшую ихъ дѣятельность.

Отступленіе отъ Ляояна имѣло громадное моральное значеніе. Въ успѣхъ кампаніи искренне никто болѣе не вѣрилъ. Объ оставленіи безъ боя Мукдена и Тьелина говорилось совершенно опредѣленно. Многіе выражали самыя серьезныя опасенія за Харбинъ. Но все-же казалось, что медлительные японцы едва-ли въ состояніи будутъ быстро совершить переходъ въ 500 съ лишкомъ верстъ. А всякое промедленіе съ ихъ стороны должно было дать русской арміи время оправиться и намѣтить новые пункты сопротивленія. При такихъ условіяхъ сдача Харбина въ ближайшемъ будущемъ и безъ серьезныхъ боевъ представлялась мало вѣроятной. Выдвигать снова впередъ отряды, при полной неопредѣленности положенія, казалось невозможнымъ. Между тѣмъ медлить съ вопросомъ о мѣстѣ дальнѣйшей работы — не приходилось. Немногочисленныя зданія, еще оставшіяся свободными, быстро захватывались отступавшими краснокрестными лазаретами. Земскіе отряды рисковали остаться на зиму безъ крова. Послѣ интенсивной, полной тревогъ работы на пе-

редовыхъ позиціяхъ персоналъ нуждался въ относительномъ отдыхѣ и болѣе покойной стаціонарной дѣятельности. Снаряженіе отступившихъ отрядовъ требовало приведенія въ порядокъ и значительнаго пополненія. Все, казалось, говорило за то, чтобы расположить отряды на зимовку въ Харбинѣ. Ляоянскіе дни показали, что въ моменты напряженной эвакуаціи въ городѣ не хватаетъ госпитальныхъ коекъ. По всѣмъ этимъ мотивамъ князь Львовъ рѣшилъ предложить одиннадцати земскимъ отрядамъ развернуться въ Харбинѣ. Въ случаѣ нужды на этапы могъ выѣхать рвавшійся впередъ черниговскій и московскій персоналъ. Разыскивая свободныя помѣщенія, князь Львовъ черезъ нѣсколько дней открылъ цѣлый городъ громадныхъ зданій — желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, частью уже законченныхъ, частью строившихся. Въ ближайшемъ будущемъ не предполагалось оборудовать ихъ машинами и зданія должны были простоять зиму пустыми. Мастерскія расположены за чертой города по другую сторону желѣзнодорожнаго пути, въ довольно пустынномъ мѣстѣ. Около громадныхъ зданій мастерскихъ — двухъэтажный домъ съ квартирами для персонала. Къ мастерскимъ тянется желѣзнодорожная вѣтка. Осмотръ помѣщеній далъ противорѣчивые результаты: харьковскіе врачи высказались противъ устройства здѣсь лазарета, находя мѣстность нездоровою, а зданія — не вполнѣ просохшими; врачи другихъ отрядовъ мирились съ найденными помѣщеніями. Князь Львовъ добился согласія желѣзной дороги, персоналъ тульскаго, орловскаго и воронежскаго отрядовъ переселился въ домъ мастерскихъ и приступилъ къ открытію обширныхъ лазаретовъ.

Здѣсь единственный разъ за все время князю Львову пришлось выдержать личный конфликтъ съ однимъ изъ представителей земства. Во главѣ воронежскихъ отрядовъ стояла весьма энергичная, но въ высокой степени самовластная дама. Прибывъ въ Харбинъ, она не согласилась съ княземъ Львовымъ относительно необходимости работы въ этомъ городѣ и признала распоряженіе объ устройствѣ лазарета въ мастерскихъ — нарушеніемъ правъ уполномоченного воронежскаго земства. Кн. Львовъ предложилъ принять всѣ сдѣланные расходы на счетъ общеземской организаціи и передать лазаретъ другому земству. Но воинственная дама, въ виду постоянныхъ и длительныхъ недоразумѣній съ персоналомъ своихъ отрядовъ, сложила полномочія и уѣхала въ Россію. Харьковцы уже къ 31 Августа развернули госпиталь на 300 кроватей — въ палаткахъ, на площади, почти напротивъ общеземскаго дома. Здѣсь проработали они до перваго снѣга.

Приближавшіеся холода заставили думать о приведеніи громадныхъ мастерскихъ въ отапливаемое состояніе. По просьбѣ кн. Львова, уже къ 1 Сентября была составлена желѣзною дорогою смѣта работъ въ этихъ цѣляхъ. Передѣлки разрѣшены съ тѣмъ, что онѣ будутъ произведены самой желѣзной дорогой, которая поставитъ весь необходимый матеріалъ и, по выѣздѣ лазаретовъ, приведетъ все въ прежній видъ. Безвозвратные расходы, падавшіе на земства, составляли 30 тыс. рублей. Затрата — огромная. Тѣмъ болѣе, что не могло быть увѣренности въ пребываніи отрядовъ на мѣстѣ въ теченіе всей зимы. Помощь тремъ земствамъ вызвала бы справедливыя требованія со стороны всѣхъ остальныхъ: вѣдь имъ тоже предстояли серьезныя затраты по устройству на зиму. Наконецъ, расходы подобнаго рода вовсе не были предусмотрѣны первоначальными планами объединившихся земствъ: никто не думалъ въ Москвѣ о стаціонарной дѣятельности въ большихъ, неподвижныхъ лазаре-

тахъ. Для приспособленія или постройки крупныхъ зданій вовсе не существовало ассигновокъ...

Но колебаніе и нерѣшительность всегда были совершенно не въ характерѣ князя Львова. Онъ сразу-же подписалъ соглашеніе и дорого стоившія работы начались немедленно.

9.

...Раннее сентябрьское утро. Чуть брежжитъ свѣтъ. Въ дверь комнаты настойчивый, но осторожный стукъ.

— Ну, кого Богъ жалуетъ? — говоритъ князь Львовъ, просыпаясь. — Войдите! войдите-же! что зря стучать!

Дверь пріотворяется. Въ нее съ трудомъ просовывается китаецъ и, улыбаясь, подаетъ телеграммы.

Въ крошечной комнатѣ — три кровати. На средней — лежитъ князь Львовъ; по бокамъ, у стѣнъ, — Н. Н. Ковалевскій и Т. И. Полнеръ.

— Ну, ступай, Ходя! Вотъ тебѣ росписки.

Китаецъ снова съ величайшимъ трудомъ тянетъ на себя дверь, упирающуюся въ кровать, и выскальзываетъ въ щелочку.

Князь просматриваетъ телеграммы и большую часть ихъ бросаетъ на спящаго Полнера: очевидно, требуется «исполненіе».

Каждый вечеръ въ маленькую комнату, которая днемъ служитъ и канцеляріей, и бухгалтеріей, и кассой общеземской организаціи, вносятъ три кровати и превращаютъ ее въ спальню. Земское зданіе въ Харбинѣ сверху до низу набито харьковскимъ персоналомъ. Больше спать негдѣ.

Н. Н. Ковалевскій недовольно высовываетъ носъ изъ подъ одѣяла.

— Что? опять зовутъ?

— Да еще какъ! двѣ телеграммы...

— Вотъ, подумаешь, маленькіе! сами управиться не могутъ...

— Не очень-то управишься: къ собранію готовятся. Какъ за другого хозяйничать? Отпустили до Іюля... а у насъ что? Сентябрь мѣсяцъ!

— Собраніе... собраніе... будь я на вашемъ мѣстѣ, сталъ-бы я думать о собраніи!..

— Что такъ?

— Пріѣдете, что прикажете собранію, то и сдѣлаетъ.

— Вотъ какъ? это почему-же?

— Какъ почему? Вѣдь вы, князь, возвратитесь тріумфаторомъ. Каждый грамотный знаетъ теперь князя Львова. Возьмите любую газету... что-нибудь о земской организаціи всегда найдется. А гдѣ объ организаціи, тамъ и о князѣ Львовѣ.

— Вы преувеличиваете.

— Какое тамъ! Такъ ужъ вышло! хотимъ мы или не хотимъ, стоимъ или не стоимъ того, но мы — единственное свѣтлое пятно въ этой темной, никому не нужной, всѣмъ постылой картинѣ. Дѣло наше маленькое, чуть замѣтное... и дѣлаемъ мы его не лучше другихъ, иной разъ и хуже... А резонансъ въ Россіи такой, что только будто-бы и свѣту въ окошкѣ, что въ общеземской организаціи. И вотъ мы вчера вечеромъ болтали: правильно-ли мы дѣлаемъ, что держимъ васъ здѣсь насильно?

— Давно пора надуматься.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: въ Россіи, несомнѣнно, творится что-то глубо-

ко серьезное. Всѣ спятъ и видятъ перемѣны. И перемѣны будутъ. Здѣшнія неудачи не могутъ не всколыхнуть тамъ все окончательно. Войну завели и ведутъ чиновники. И ненависть къ нимъ все нарастаетъ. Будь они золотые, будь они — брилліантовые, — а по нынѣшнимъ временамъ никому уже они не нужны. Теперь подавай выборныхъ общественныхъ дѣятелей... Мы не лучше и не хуже Креста, но насъ раздуваютъ невольно и почти безгранично: выходитъ такъ, что на фонѣ этой гнилой чиновничьей бойни мы одни и жертвуемъ собой, и добиваемся успѣховъ... И, быть можетъ, нѣтъ сейчасъ въ русскомъ обществѣ болѣе популярнаго имени, чѣмъ князь Львовъ.

— Ну, вотъ еще!

— А если такъ, нужно использовать накопленную вами силу не здѣсь, а въ Россіи, въ самомъ пеклѣ политическихъ событій... И намъ здѣсь, быть можетъ, дѣйствительно, надо принести себя временно въ жертву и обойтись какъ-нибудь безъ васъ...

— Все это очень спорно — что вы говорите. Посадятъ вамъ какого-нибудь Горемыкина или другого Плеве... Развѣ ихъ въ Питерѣ мало? вотъ вамъ и перемѣны! Но дѣло не въ томъ. Ѣхать давно пора. И въ Тулѣ правы: нельзя предсѣдателю затѣять рядъ дѣлъ да и скрыться на полгода. Хочешь работать на войнѣ — выходи въ отставку! Всякому терпѣнію бываетъ конецъ. И на мой взглядъ, нечего мнѣ здѣсь задерживаться: первый этапъ войны конченъ; японцы теперь будутъ отсиживаться, духу набирать. Ихъ все равно не пересидишь и не дождешься. А на первое время, всѣ отряды пристроены. Стало, принимайте дѣла, а меня отпустите въ Тулу. Сколько времени прошу!

— Кто меня выбиралъ?

— Это не важно. Пошлемъ сейчасъ телеграмму и черезъ нѣсколько дней будете выбраны. Ну, согласны?

— Мѣсяцъ я еще пробуду здѣсь и провожусь съ зимними квартирами для харьковскихъ отрядовъ. Если будетъ избраніе, на мѣсяцъ готовъ взять обузу на себя. Главное: не хватаетъ духу держать васъ здѣсь дольше. Какъ-нибудь управимся: сдѣлаемъ не такъ блестяще, похуже... Вы правы: мы здѣсь надолго на мертвой точкѣ... За то вы тамъ взовьетесь орломъ...

— Итакъ, по рукамъ?

— Что съ вами дѣлать! Только поскорѣй присылайте главноуполномоченнаго: помните, я жду мѣсяцъ. Да въ Россіи оборудуйте «земскій соборчикъ» — хоть какой-нибудь, хоть плохенькій!

— За это не ручаюсь. Но откладывать — нечего. Ѣду!

И князь энергично принялся одѣваться.

— А пока — въ Мукденъ, къ Куропаткину, прощаться!

10.

Отношеніе командующаго къ земскимъ отрядамъ давно уже отдавало почти нѣжностью. А. Н. Куропаткинъ утверждалъ, что онъ почти земецъ, такъ какъ отецъ его былъ предсѣдателемъ земской управы. Съ княземъ Львовымъ Куропаткинъ сошелся очень близко. При частыхъ посѣщеніяхъ земскихъ отрядовъ командующій убѣдился въ простомъ, практичномъ и дешевомъ уходѣ земцевъ за больными. Земскіе лазареты часто уступали по внѣшности краснокрестнымъ. Но за нѣкоторою хаотичностью внѣшняго распорядка Куропаткинъ умѣлъ разсмотрѣть и большую сердечность, и выдержанную работу безъ

отказа. Мало-по-малу создались такія отношенія, что просьбы кн. Львова исполнялись почти механически.

Послѣднее свиданіе Георгія Евгеніевича съ командующимъ было, какъ всегда, очень сердечно. По обыкновенію, Куропаткинъ говорилъ много лестнаго по адресу земскихъ отрядовъ. Князь Львовъ жаловался на значительные расходы. Въ Москвѣ думали о лѣтнихъ этапахъ въ палаткахъ. Подходятъ холода и, вмѣсто этапныхъ лазаретовъ, приходится думать о зимнихъ стаціонарныхъ госпиталяхъ. Приспособленія на зиму помѣщеній требуютъ значительныхъ, непредусмотрѣнныхъ расходовъ. Если продолженіе работы земскихъ отрядовъ, и при отсутствіи этаповъ, признается желательнымъ, быть можетъ, военное вѣдомство придетъ къ земцамъ на помощь. Князь Львовъ разсказалъ о предстоящихъ расходахъ на приспособленіе харбинскихъ мастерскихъ. Куропаткинъ сейчасъ-же пошелъ навстрѣчу и приказалъ немедленно выдать 50 тысячъ рублей въ подотчетное распоряженіе князя Львова для приспособленія зимнихъ помѣщеній и устройства землянокъ частямъ Пограничной стражи, которыя уступятъ свои казармы подъ земскіе лазареты. Такъ просто и легко былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ.

Главнокомандующій вообще разспрашивалъ о состояніи финансовъ земскихъ отрядовъ. Узнавъ о томъ, что прошлогоднія ассигнованія 14 земствъ подходятъ къ концу, а дальнѣйшія присоединенія земствъ къ общеземской организаціи были пріостановлены министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, ген. Куропаткинъ счелъ справедливымъ и своевременнымъ, въ виду приближенія очередныхъ земскихъ собраній, засвидѣтельствовать передъ всей Россіей о значеніи для арміи работы общеземской организаціи. Въ оффиціальной телеграммѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ онъ свидѣтельствовалъ «о полезной и самоотверженной дѣятельности врачебно-санитарныхъ отрядовъ при Манчжурской арміи, снаряженныхъ на средства 14 земствъ внутреннихъ губерній, и высказалъ пожеланіе объ усиленіи этихъ отрядовъ». Такой телеграммы, при измѣнившихся въ Петербургѣ условіяхъ, оказалось достаточнымъ, чтобы снять всѣ запреты Плеве. И ко второму году войны большинство земствъ свободно примкнуло къ общеземской организаціи.

Прощаясь, главнокомандующій обнялъ и расцѣловалъ гостя. Въ послѣднюю минуту Куропаткинъ поздравилъ князя съ «монаршею милостью» и передалъ ему коробочку съ орденомъ.

Князь дошелъ до двери и вернулся.

— Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою... для дѣла, которому я служу, лучше, чтобы я пріѣхалъ въ Россію безъ этого... Разрѣшите благодарить васъ и вернуть вамъ вашу награду.

Куропаткинъ подумалъ.

— Хорошо, князь, я васъ понимаю. Но пусть это останется между нами...

17-го Сентября князь Львовъ выѣхалъ изъ Харбина въ Россію. Вскорѣ на имя главы организаціи, Д. Н. Шипова — полетѣла слѣдующая телеграмма :

— «Просимъ васъ передать князю Львову горячую нашу признательность за все, что сдѣлано имъ на Дальнемъ Востокѣ для земскаго дѣла. Находясь во главѣ труднаго, отвѣтственнаго, обширнаго предпріятія, онъ не отказывалъ отдѣльнымъ отрядамъ въ самыхъ мелкихъ хлопотахъ, заполнившихъ цѣликомъ многіе дни его пребыванія здѣсь. Но не въ этой утомительной практической дѣятельности значеніе его работы. Онъ съумѣлъ выдѣлить здѣсь земскія начинанія, зорко слѣдя, чтобы земцы заняли наиболѣе отвѣтственныя и труд-

ныя мѣста по возможности въ передовой линіи войскъ. Мы рады, что работа наша вызвала сочувственный отзывъ представителей объединившихся земствъ въ Москвѣ, но сознаемъ вполнѣ, что личныя достоинства князя Львова, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, помогли земскимъ отрядамъ спокойно работать, устранили предубѣжденія и создали надлежащее отношеніе къ этому земскому начинанію. Твердо и опредѣленно окрашенныя убѣжденія, горячая вѣра въ жизнеспособность общественнаго начала, спартанская простота и нетребовательность личной жизни, чарующая привѣтливость обращенія, блестящій политическій тактъ и огромная трудоспособность князя Львова привлекли здѣсь всѣхъ, даже чуждыхъ земству людей и заставили ихъ относиться съ уваженіемъ къ учрежденію, выдвинувшему *такого* избранника. Мы надѣемся, что наступающія благопріятныя условія внутренней жизни Россіи дадутъ князю Львову возможность достойно использовать въ общественной дѣятельности проявленныя здѣсь дарованія и просимъ передать ему наше горячее пожеланіе развить эту дѣятельность возможно шире во славу русскаго земства и русскаго общества». Подписали: уполномоченные, врачи и сестры всѣхъ земскихъ отрядовъ, работающихъ на Дальнемъ Востокѣ и сотрудники князя Львова по общеземской организаціи.

Ковалевскій былъ правъ: князь Львовъ вернулся въ Россію тріумфаторомъ.

Общеземская организація съ почетомъ вышла изъ испытанія. Количественно она сдѣлала больше, чѣмъ ждали отъ нея самыя оптимистическія предположенія. Каковы-бы ни были недостатки земскихъ отрядовъ, ихъ работа вызвала всеобщія похвалы и оставила теплое воспоминаніе у людей, которымъ приходилось пользоваться услугами земскихъ дѣятелей. Въ высшей степени важно было даже самое присутствіе на войнѣ и энергичная работа независимыхъ общественныхъ дѣятелей: она заставляла подтянуться, возбуждала соревнованіе и невольно какъ-бы осуществляла неоффиціальный контроль надъ казенными военно-медицинскими учрежденіями.

Впослѣдствіи, прощаясь съ общеземской организаціей, главнокомандующій Н. П. Линевичъ, человѣкъ прямой и чуждый всякихъ условностей, говорилъ Д. Н. Шипову: «Пріѣхавъ сюда, вы увидѣли въ земскихъ лазаретахъ большое число больныхъ и раненыхъ и видѣли рядомъ хорошо обставленные лазареты военно-санитарнаго вѣдомства почти пустыми. Я хочу отмѣтить, чѣмъ это обусловливалось. Въ военно-санитарныхъ лазаретахъ солдатъ всегда чувствуетъ себя только солдатомъ, а въ земскихъ отрядахъ онъ чувствовалъ себя не только солдатомъ, но и сознавалъ себя человѣкомъ. Вотъ, почему солдаты всегда стремились и желали быть помѣщенными въ земскіе лазареты. За такого рода отношеніе къ больнымъ и раненымъ воинамъ прошу васъ передать мою особенную благодарность всему медицинскому и служебному персоналу земскихъ отрядовъ».

Таковы были реальныя, истинныя заслуги. Приподнятыя общественныя настроенія политическаго момента прославили и преувеличили эти заслуги до крайности.

Князь Львовъ былъ главнымъ организаторомъ земскихъ успѣховъ среди неудачъ непопулярной войны. При возвращеніи въ Россію онъ сдѣлался однимъ изъ героевъ русскаго общества. Земскія собранія 1904 года закрѣпили хвалу ему въ своихъ постановленіяхъ. И со времени японской кампаніи имя князя Г. Е. Львова стало широко извѣстнымъ и популярнымъ не только въ земскихъ кругахъ.

Глава четвертая

ПОЛИТИКА.

1.

Въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка въ московскихъ земскихъ кругахъ выдающуюся роль сталъ играть Дмитрій Николаевичъ Шиповъ. Предсѣдателемъ московской губернской земской управы сдѣлался онъ только въ 1893 году. Но и до того, во время долголѣтней борьбы губернскаго земскаго собранія со старымъ, отжившимъ составомъ управы, не желавшимъ уходить, — благородная, рыцарски безупречная, энергичная фигура Дмитрія Николаевича была у всѣхъ на виду. Умный, прекрасно воспитанный, хорошаго круга, не очень богатый, правда, но все-же съ независимыми средствами — Шиповъ вездѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Въ самое сонное, глухое, тяжелое время конца царствованія Александра III-го Дмитрій Николаевичъ сохранялъ всегдашнюю свою бодрость и неизмѣнный оптимизмъ. Самымъ кипучимъ образомъ переживалъ онъ злоключенія русскаго общества подъ гнетомъ всесильной бюрократіи, но не приходилъ въ отчаяніе. Когда его добрые глаза, смѣючись, смотрѣли сквозь очки въ упоръ на пріунывшаго собесѣдника, а руки быстро, энергично и бодро потирали другъ друга, каждому становилось веселѣе жить на свѣтѣ и казалось, что выходъ изъ всякаго положенія, въ концѣ концовъ, можетъ быть найденъ. По своей мягкости и добротѣ Дмитрій Николаевичъ былъ типичнымъ москвичемъ, но онъ обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ удивительною работоспособностью, практичностью и знаніемъ земскаго дѣла, которому отдалъ жизнь.

Въ 1889 г., съ упраздненіемъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, князь Львовъ прошелъ въ уѣздные и губернскіе гласные московскаго земства. Уѣздный предводитель дворянства, кн. П. Н. Трубецкой, такъ высоко ставилъ своего молодого сотрудника, что прочилъ его, говорятъ, на мѣсто старика Наумова, предсѣдателя губернской управы, не желавшаго добровольно покидать должность. Кандидатомъ большинства давно уже былъ Д.Н.Шиповъ, но рыцарскія чувства по отношенію къ Наумову мѣшали Дмитрію Николаевичу не только выдвигать свою кандидатуру, но даже и участвовать въ оппозиціи. Съ княземъ Львовымъ Шиповъ встрѣтился у Трубецкихъ, Самариныхъ и въ другихъ «земскихъ» домахъ Москвы. Очень скоро они настолько сошлись, что Дмитрій Николаевичъ не возражалъ противъ проектовъ князя Трубецкого и, повидимому, считалъ молодого князя Львова вполнѣ пригоднымъ для отвѣтственной роли предсѣдателя московской губернской управы. Но въ 1893 году старикъ Наумовъ, наконецъ, вышелъ добровольно въ отставку и много-

численные поклонники Шипова немедленно провели его въ предсѣдатели. Князь Львовъ былъ уже въ Тулѣ. Онъ не баллотировался въ Москвѣ на второе трехлѣтіе (1892-94 г. г.): связь его съ московскимъ земствомъ оказалась не прочною и, повидимому, обусловливалась лишь временными планами князя Трубецкого.

Близость Шипова съ княземъ Львовымъ не была вовсе столь-же мимолетною: она укрѣпилась надолго и Д. Н. Шиповъ навсегда увѣровалъ въ исключительные практическіе таланты своего молодого друга. Между ними было много общаго. Оба они состояли въ отдаленномъ духовномъ родствѣ со славянофилами. Но у князя Георгія Евгеніевича это родство проявлялось больше въ настроеніяхъ — и то не всегда вполнѣ опредѣленныхъ. Шиповъ, напротивъ, выработалъ себѣ очень твердое міровоззрѣніе, которымъ затѣмъ неизмѣнно руководствовался въ жизни. Практическая дѣятельность настолько поглощала Георгія Евгеніевича, что едва-ли у него оставалось время для того, чтобы продумать систематически какую бы то ни было жизненную идеологію. Такія занятія къ тому же всегда оставались чуждыми его активной натурѣ. Но, внѣ сомнѣнія, міровоззрѣніе Шипова было очень близко князю Львову и во всякомъ случаѣ — ближе всякой другой жизненной идеологіи.

Во что-же вѣрилъ Дмитрій Николаевичъ Шиповъ?

— Смыслъ жизни человѣческой, — думалъ онъ, — заключается въ томъ, чтобы люди стремились творить въ этомъ мірѣ не свою личную волю, руководясь побужденіями своей матеріальной природы, а въ томъ, чтобы уяснить себѣ и осуществлять на дѣлѣ волю міродержавнаго Начала, посылающаго насъ въ міръ. Религія открываетъ человѣку смыслъ жизни и уясняетъ ему Божественный законъ его земного существованія. Сущность этого закона открыта христіанамъ въ евангельскомъ ученіи, призывающемъ всѣхъ людей къ сознанію лежащаго на нихъ нравственнаго долга, къ проявленію дѣятельной любви и къ постоянному стремленію содѣйствовать всѣми своими силами всечеловѣческому единенію.

Евангельское ученіе — вполнѣ жизненно. Царствіе Божіе на землѣ — не только идеалъ, но и цѣль: жизнь человѣчества должна заключаться въ постепенномъ, но неуклонномъ движеніи по направленію къ идеалу христіанскаго ученія, то-есть къ установленію Царствія Божія на землѣ. Левъ Толстой правъ въ своемъ толкованіи Евангелія.

Но признавая вмѣстѣ съ геніальнымъ писателемъ первенствующее значеніе за *внутреннимъ* устроеніемъ личности и раздѣляя его убѣжденіе, что никакой *дѣйствительный* прогрессъ въ судьбѣ человѣчества немыслимъ, пока не произойдетъ необходимой перемѣны въ основномъ строѣ мысли большинства людей, Д. Н. Шиповъ въ то-же время держался убѣжденія, что усовершенствованіе основъ и формъ соціальной жизни необходимо для постепеннаго осуществленія на землѣ идеала христіанскаго ученія. Человѣкъ по долгу христіанской любви призванъ служить общему благу всѣхъ людей и потому не въ правѣ относиться только отрицательно къ существующему укладу общественной жизни и воздерживаться отъ участія въ ней, а долженъ всѣми силами *содѣйствовать* постепенному обновленію общественнаго строя въ цѣляхъ устраненія изъ него господства насилія и установленія условій, благопріятствующихъ доброжелательному единенію людей.

Христіанская политика должна подготовлять пришествіе Царствія Божія для всего человѣчества.

Служеніе дѣлу всечеловѣческаго *единенія* составляетъ священную обязанность каждаго члена общества.

Эту «священную обязанность» Д. Н. Шиповъ неизмѣнно и съ увлеченіемъ старался выполнять на всѣхъ стадіяхъ своего служенія обществу. За недолгіе годы предсѣдательствованія въ Волоколамской уѣздной управѣ онъ проявилъ совершенно исключительныя заботы о крестьянахъ. Сдѣлавшись предсѣдателемъ губернской земской управы, онъ сейчасъ-же намѣтилъ и провелъ единеніе между уѣздами. Онъ создалъ постоянные съѣзды въ Москвѣ предсѣдателей уѣздныхъ управъ и проповѣдывалъ на нихъ «земскую идею», которую онъ понималъ какъ идею «этико-соціальную», призывавшую всѣхъ членовъ земскихъ союзовъ къ выполненію требованій общественной правды и справедливости. При распредѣленіи земскихъ средствъ, равномѣрно собранныхъ со всѣхъ плательщиковъ, на первомъ планѣ должны стоять нужды классовъ, не имѣющихъ возможности получать необходимое удовлетвореніе своихъ культурныхъ и матеріальныхъ потребностей по недостатку собственныхъ средствъ. Совершенно тотъ-же принципъ Д. Н. Шиповъ рѣшилъ примѣнить и въ отношеніяхъ богатаго московскаго губернскаго земства къ уѣзднымъ: уѣзды, менѣе состоятельные, должны были получать соотвѣтственно высшую помощь и поддержку отъ губерніи. Такія «этико-соціальныя» новшества не сразу привились въ московской земской средѣ. Новому предсѣдателю пришлось вести энергичную борьбу съ рутиною. И былъ моментъ (въ 1899 г.), когда, не находя поддержки въ собраніи своимъ гуманитарнымъ стремленіямъ, Шиповъ счелъ необходимымъ подать въ отставку. Переизбранный вновь подавляющимъ большинствомъ, онъ настоялъ на своемъ и добился-таки «справедливыхъ» отношеній губернскаго земства къ уѣзднымъ. Когда единеніе въ этой области оказалось благополучно достигнутымъ, Дмитрій Николаевичъ обратилъ вниманіе на попытки единенія *губернскихъ* земствъ между собою.

Мы видѣли выше, какіе терніи ждали его на этомъ пути. Здѣсь онъ столкнулся съ правительствомъ и былъ безжалостно выброшенъ за бортъ всесильнымъ Плеве. Гнетъ правительственной власти приходилось ему тяжело ощущать и раньше — въ текущей, ежедневной земской дѣятельности.

— «Работу въ земскихъ управахъ», — пишетъ онъ, — «можно было сравнить съ работою паровой машины, поставленной въ неблагопріятныя условія, при которыхъ большая часть развиваемой машиной энергіи затрачивается на непроизводительное треніе и лишь меньшая ея часть идетъ на полезную работу».

Вообще дѣятельность правительственной власти того времени опредѣлялъ онъ, какъ «отрицаніе всѣхъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ и какъ стремленіе вернуть общественную жизнь въ старое русло безправія общества и самовластія правительства».

Вокругъ него разгоралась политическая борьба общества съ правительствомъ. Казалось онъ долженъ былъ неизбѣжно принять въ ней участіе. Но политическая борьба оставалась всегда глубоко чуждою всему его мягкому духовному облику. Онъ вѣрилъ только въ торжество идей и ненавидѣлъ ненависнь и насиліе.

Эволюція соціальной и государственной жизни представлялась ему процессомъ постепеннаго развитія и осуществленія *идей*, усвояемыхъ общественнымъ сознаніемъ.

— «Нерѣдко, конечно,» — говоритъ онъ, — «приходится наблюдать въ развитіи жизни человѣчества тѣ или иныя измѣненія, происходящія подъ влія-

ніемъ борьбы и насилія, но создающіяся такимъ путемъ положенія не являются прочными, только *идеи* и *принципы* служатъ устойчивыми основами улучшенія жизни. Общественный прогрессъ всегда выражается въ освобожденіи отъ вліянія идей, которыя человѣчество переросло въ своемъ духовномъ развитіи, и въ возрастающемъ сознаніи долга заботиться не столько о своемъ личномъ благополучіи, сколько стремиться къ обезпеченію блага общаго. Царство истины, добра и высшей правды — конечная цѣль міра, заключающая въ себѣ смыслъ мірового прогресса и его разумное основаніе»...

Борьбой интересовъ и классовъ общаго блага не осуществить. Лозунгъ «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» давно пора замѣнить сознаніемъ, что права и свобода человѣка могутъ быть обезпечены всѣмъ равно лишь при сознаніи моральной солидарности всѣхъ людей между собою.

Борьба за политическія права была не только не симпатична самому Шипову. Она казалась ему совершенно чуждой духу русскаго народа, который думалъ всегда не о борьбѣ съ властью, а о совокупной съ нею дѣятельности для устроенія жизни «по божески». Такъ же думали, по мнѣнію Дмитрія Николаевича, и самодержавные цари древней Россіи, не отдѣлявшіе себя отъ народа.

Шиповъ понималъ «самодержавіе» въ духѣ тѣхъ русскихъ историковъ, которые не связывали термина этого съ абсолютизмомъ или произволомъ. Подъ «самодержавіемъ» древнее русское право понимало лишь политическую самостоятельность, независимость отъ другихъ государей.

— «И старое русское самодержавіе», — писалъ Шиповъ, «имѣло, несомнѣнно, въ своей основѣ идею моральной солидарности государя и народа.. Русскіе цари хорошо понимали, что только сближеніе съ народомъ можетъ дать имъ надлежащую опору и укрѣпить авторитетъ ихъ власти... Призваніе самодержавныхъ государей состояло въ томъ, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совѣсти народа»...

Эти исконныя русскія начала подмѣнены произволомъ и абсолютизмомъ бюрократіи, заслонившей царя отъ народа. Для возстановленія добраго, стараго времени вовсе не нужна конституція, которая возводитъ въ принципъ систему неизбѣжныхъ соперничества и борьбы между властью и народнымъ представительствомъ.

Въ основу взаимоотношеній царя и народа надлежитъ положить нравственную идею взаимодѣйствія и солидарности.

Для этого необходимо добиться освѣдомленности монарха о нуждахъ народа и общества, освѣдомленности, являющейся результатомъ постояннаго участія въ законодательномъ учрежденіи выборныхъ и потому независимыхъ отъ бюрократіи членовъ общества. И Д. Н. Шипову представлялось возможнымъ ограничиться на первое время введеніемъ въ составъ комиссій при государственномъ совѣтѣ выборныхъ представителей общественныхъ учрежденій. Онъ боялся вовлеченія русскаго народа на чуждый ему путь политической борьбы и считалъ своею обязанностью идейно противиться всѣми силами притязаніямъ конституціоналистовъ.

До самаго 1905 года политическое міровоззрѣніе Шипова было крайне близко душѣ князя Г. Е. Львова. Шиповъ долго еще и послѣ этого считалъ и называлъ князя своимъ «единомышленникомъ». Чутье дѣйствительности и соотношенія реальныхъ силъ уже въ началѣ 1905 года отнесло князя Львова далеко въ сторону отъ этой прекраснодушной идеологіи. Но — внѣ всякаго сомнѣнія — Георгій Евгеніевичъ возвращался изъ Манчжуріи осенью 1904

года, исповѣдуя (болѣе или менѣе сознательно) изложенныя вѣрованія. И даже десять лѣтъ спустя, князь Львовъ на оффиціальныхъ банкетахъ провозглащалъ Д. Н. Шипова своимъ «учителемъ въ общественной дѣятельности».

2.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ первыхъ же земскихъ собраніяхъ, возникли вопросы, касавшіеся не только мѣстныхъ «пользъ и нуждъ», а и благоустройства всего земскаго хозяйства России. Въ то-же время обнаружились стремленія къ единенію земствъ между собою. Правящая бюрократія сразу обрушилась на такого рода тенденціи всею тяжестью своей власти. Въ единеніи земствъ чиновный міръ Петербурга видѣлъ угрозу чуть-ли не революціей. Свою власть бюрократія связывала съ абсолютизмомъ. Уступивъ хозяйственную дѣятельность на мѣстахъ представителямъ населенія, правящая клика болѣе всего опасалась расширенія круга дѣятельности *выборныхъ* людей. Пятидесятилѣтняя исторія земства преисполнена борьбою между земщиной и чиновничествомъ: первая всячески изловчалась сохранить и, гдѣ можно, расширить свои права и поле дѣятельности; второе, напротивъ, стремилось сдержать этотъ естественный ростъ, ограничить, сузить сферу дѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Въ борьбѣ объединенный голосъ земскихъ дѣятелей былъ крупнымъ козыремъ. Это хорошо понимали и земцы, и бюрократія. Къ тому-же среди выборныхъ представителей мѣстнаго населенія уже съ самаго начала обнаружились политическія тенденціи, въ высшей степени опасныя съ точки зрѣнія правящихъ сферъ. Разговоры объ «единеніи царя съ народомъ», объ уничтоженіи бюрократическаго средостѣнія, о «завершеніи зданія» и даже прямо — о конституціи были весьма обычными среди земскихъ дѣятелей. Ихъ объединенный голосъ могъ коснуться и этихъ запретныхъ вопросовъ и прозвучать, какъ голосъ земли, голосъ всей выборной Россіи.

Борьба велась съ перемѣнною интенсивностью въ теченіе пятидесяти лѣтъ Съ конца прошлаго вѣка въ нее былъ вовлеченъ корректный, лойяльный и въ высшей степени мирно настроенный Д. Н. Шиповъ. Испытавъ на практической работѣ московскаго земства всю силу административныхъ репрессій, онъ убѣдился, какъ трудно отстаивать права земства въ одиночку.

— «Земскія учрежденія», — писалъ онъ впослѣдствіи, — «каждое въ отдѣльности, чувствовали себя безсильными реагировать на реакціонную политику правительства и естественно стремились къ единенію, хорошо понимая, что только своимъ объединеніемъ они могутъ представить извѣстную силу для защиты своего положенія, силу, которую государственная власть не будетъ въ состояніи игнорировать».

Репрессіи Сипягина и Плеве вызвали оживленіе оборонительной тактики земствъ. Сначала Шиповъ пробовалъ вести объединеніе совершенно открыто, съ вѣдома и согласія министерства внутреннихъ дѣлъ. Убѣдившись, что это совершенно невозможно, земцы перешли къ «частнымъ совѣщаніямъ», которыхъ не скрывали отъ правительства, но и не пытались получать на нихъ разрѣшенія. Особое значеніе получило «частное совѣщаніе» земскихъ дѣятелей въ Москвѣ, обсуждавшее въ Маѣ 1902 г. отношеніе земцевъ къ комитетамъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Законъ объ этихъ дѣтищахъ министра финансовъ Витте игнорировалъ земство, какъ учрежденіе,

и земцы сочли необходимымъ на такое отношеніе реагировать. «Частное совѣщаніе», закончивъ свои занятія, избрало постоянное бюро для созыва съѣздовъ въ нужные моменты и для подготовки къ обсужденію назрѣвшихъ вопросовъ. Въ бюро вошла вся московская губернская управа и 12 лицъ изъ числа иногороднихъ делегатовъ. Во главѣ бюро просили стать Д. Н. Шипова.

Такимъ образомъ единеніе земствъ, несмотря на сопротивленіе правительства, получило свою организацію, но силою вещей стало въ полулегальное положеніе.

Рядомъ съ этимъ правымъ крыломъ движенія развивались даже среди земцевъ болѣе лѣвые, уже чисто политическіе кружки, очень скоро ставившіе на своемъ знамени опредѣленно конституціонныя требованія. Такъ, въ самомъ концѣ столѣтія, по иниціативѣ князей Петра и Павла Долгоруковыхъ былъ образованъ кружокъ подъ названіемъ «Бесѣда». Сначала въ немъ обсуждались исключительно земскіе вопросы, а потомъ и политическіе. Когда въ «Бесѣдѣ» преобладающимъ сдѣлалось конституціонное направленіе, всѣ болѣе умѣренные земцы ушли. Кружокъ игралъ видную роль почти до 1904 г., когда начались регулярные земскіе съѣзды. «Бесѣда» издала рядъ интереснѣйшихъ книгъ: «Мелкая земская единица», «Нужды деревни», «Сводъ работъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ», «Крестьянскій вопросъ», «Политическій строй» (1). Другой кружокъ конституціоналистовъ носилъ названіе «Новосильцевскаго» и образовался въ концѣ 1903 г. изъ земцевъ, «третьяго элемента», профессоровъ и др. общественныхъ дѣятелей.

Въ самомъ началѣ 1904 г. организованъ «Союзъ Освобожденія», охватившій почти всю Россію; главную роль въ немъ играли также земцы (выборные и служилые). «Союзъ» возникъ изъ кружковъ содѣйствія журналу «Освобожденіе», издававшемуся съ 18 Іюня 1902 г. въ Штутгартѣ П. Б. Струве — при участіи и матеріальной поддержкѣ земскихъ конституціоналистовъ. Журналъ (какъ впослѣдствіи и «Союзъ») посвященъ «великому дѣлу борьбы за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества».

Земскіе съѣзды болѣе умѣреннаго направленія шли въ то-же время почти непрерывно: земцы пользовались каждымъ вызовомъ въ Петербургъ для участія въ качествѣ экспертовъ въ обсужденіи министерскихъ проектовъ, каждою выставкою, устроенною правительствомъ или однимъ изъ земствъ (кустарною, пожарною, сельскохозяйственною, по народному образованію и т. п.). И правительству становилось все труднѣе бороться съ земскимъ движеніемъ.

Князь Г. Е. Львовъ до 1904 г. принималъ весьма поверхностное участіе во всемъ этомъ. Пока дѣло шло о *правахъ* земства, повидимому, движеніе мало его интересовало. На съѣздахъ Тульская губернія была представлена обычно другими лицами. Трудно предположить, что князь Львовъ держался умышленно совершенно въ сторонѣ. Земское движеніе возглавлялось Д. Н. Шиповымъ; въ съѣздахъ участвовали отъ Тулы близкіе люди — Р. А. Писаревъ, кн. М. В. Голицынъ и др. Но, повидимому, князь Георгій Евгеніевичъ довольствовался ролью наблюдателя, появлялся на земскихъ сборищахъ лишь въ цѣляхъ освѣдомленія. Во всякомъ случаѣ онъ не игралъ на нихъ никакой замѣтной и активной роли. Въ то «бюро» съѣздовъ, которое намѣчено въ Маѣ 1902 г., онъ не былъ избранъ. Князь не боялся лѣвыхъ теченій земскаго движенія и появлялся всюду — и на «Бесѣдѣ» Долгоруковыхъ, и даже въ «Союзѣ Осво-

1) См. Бѣлоконскій. Земское движеніе. М. 1910, стр. 69.

божденія». Но то была еще не его сфера. Онъ наблюдалъ, слушалъ разговоры и ждалъ настоящаго дѣла.

Въ началѣ 1904 года въ Тулѣ среди «третьяго элемента» образовался отдѣлъ «Союза Освобожденія». Долго обсуждался вопросъ: можно-ли предложить новому предсѣдателю губернской управы вступить въ эту нелегальную и антиправительственную организацію. Для предсѣдателя губернской управы, состоящаго, по Земскому Положенію 1890 года, на правительственной службѣ, — рискъ получался огромный. Мѣстная администрація (губернаторъ, жандармы) считали князя «краснымъ» и слѣдили за нимъ весьма недоброжелательными взорами. Малѣйшая неосторожность участниковъ, «провалъ» отдѣла — могли навсегда прекратить общественную дѣятельность князя Львова. Съ нимъ заговорили, наконецъ, весьма робко, ожидая несомнѣннаго отказа... Ничуть не бывало: князь даже не спросилъ именъ участниковъ: легко, просто и беззаботно онъ вступилъ въ члены нелегальной организаціи и появился на собраніяхъ. Правда, по большей части, онъ молчалъ, слушалъ, приглядывался къ людямъ и ихъ дѣлу. Люди были въ достаточной степени сѣрые, но даже и среди нихъ политическія мнѣнія князя Львова казались иногда весьма наивными и странными. Онъ не зналъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи, путалъ эсдековъ съ эсерами и, видимо, менѣе всего на свѣтѣ интересовался политикой. Несмотря на чрезвычайную занятость, онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ конспиративныхъ собраніяхъ, но для всѣхъ казалось яснымъ, что его терпѣнія хватитъ не надолго: разговоры и рѣчи его утомляли, а сколько-нибудь серіознаго дѣла пока не было видно. Отъѣздъ на войну избавилъ его отъ этой обузы.

Вѣроятно, въ другихъ политическихъ организаціяхъ онъ чувствовалъ себя такимъ-же постороннимъ наблюдателемъ. Впервые князь принялъ дѣятельное и энергичное участіе въ земскихъ съѣздахъ, собиравшихся въ Москвѣ въ началѣ 1904 г. по поводу объединенной земской помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Здѣсь за разговорами вырисовывалось большое практическое дѣло. На этихъ съѣздахъ князь почувствовалъ почву подъ ногами и быстро выдвинулся. Все-же онъ уѣзжалъ въ Манчжурію — скромный, мало кому извѣстный и при весьма мрачныхъ предзнаменованіяхъ. Политическій горизонтъ внутри Россіи омрачался все болѣе. Всесильный Плеве обрушивалъ на общество, и въ частности на земство, грозные перуны тягчайшихъ репрессій. Страна приходила все въ большее движеніе. Огромный котелъ закипалъ и глухо бурлилъ. Недовольство и раздраженіе захватывало уже не только интеллигенцію: въ низахъ — на фабрикѣ и въ деревнѣ — становилось смутно и безпокойно. Даже для оптимистовъ, даже для людей самыхъ умѣренныхъ — «представлялось несомнѣннымъ, что если власть въ ближайшемъ времени не отрѣшится отъ усвоенныхъ ею недовѣрія и пренебреженія къ общественнымъ силамъ и не создастъ благопріятныхъ условій для сотрудничества съ общественными элементами на основѣ моральной солидарности съ ними и пониманіи смысла и задачъ государственной жизни, то въ недалекомъ будущемъ подъ вліяніемъ быстро нараставшаго въ странѣ оппозиціоннаго настроенія окажется неизбѣжной коренная реформа нашего государственнаго строя и будетъ поставленъ на очередь вопросъ объ осуществленіи идеи народовластія» (1).

1) Такъ съ прискорбіемъ писалъ Д. Н. Шиповъ (см. его «Воспоминанія и Думы», стр. 156).

Возвратясь изъ Манчжуріи, князь Львовъ ощутилъ въ Москвѣ иную обстановку. Послѣ убійства Плеве и подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ, правительство шло на нѣкоторыя уступки. Онѣ запоздали, никого не успокоили, не удовлетворили и лишь открыли клапанъ, черезъ который прорвалось наружу долго сдерживаемое недовольство. Князя Львова встрѣтили, какъ національнаго героя, доказавшаго на дѣлѣ, на кровавыхъ поляхъ непопулярной войны, *чего* можетъ достигнуть общество и его избранники — при малѣйшей свободѣ дѣйствія. Бюро земскихъ съѣздовъ немедленно кооптировало князя въ свой составъ и онъ сразу очутился въ центрѣ политическаго движенія.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій — человѣкъ искренній, прямой и благожелательный. Казалось, новый министръ не будетъ ставить прежнихъ препятствій земскому единенію. Бюро порѣшило назначить земскій съѣздъ въ Москвѣ на 6 и 7 Ноября. Программа намѣчалась изъ чисто земскихъ вопросовъ. Но 16 Сентября, вступая въ должность, князь Святополкъ-Мирскій открыто заговорилъ со своими подчиненными «объ искренне благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще»...

Бюро земскихъ съѣздовъ заволновалось. Теперь добраго отношенія одного, случайно поставленнаго во главѣ министерства лица — казалось уже недостаточно. Насущнѣйшей потребностью момента признавались «правильная постановка законодательной дѣятельности и предоставленіе участія въ ней народному представительству». Несмотря на протесты Д. Н. Шипова, программа намѣченнаго съѣзда подверглась соотвѣтственнымъ измѣненіямъ.

Между тѣмъ слухъ о намѣченномъ съѣздѣ дошелъ до министра, который рѣшилъ, въ противность отношенію прежняго правительства, оказать земцамъ довѣріе и выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о легализаціи съѣздовъ предсѣдателей губернскихъ управъ для обсужденія сообща чисто земскихъ вопросовъ. Новая программа намѣченнаго съѣзда, очевидно, выходила изъ рамокъ испрошеннаго у царя разрѣшенія: приглашенія разосланы не только предсѣдателямъ управъ, но и рядовымъ земскимъ гласнымъ, причемъ предполагалось обсуждать уже не только земско-хозяйственныя дѣла, а и вопросы объ измѣненіи государственнаго строя.

Предстояло спѣшно объясниться съ министромъ, чтобы не ставить его передъ государемъ въ невозможное положеніе. Бесѣды велъ сначала одинъ Д. Н. Шиповъ. Закончить вопросъ поручено особой делегаціи, составленной изъ Д. Н. Шипова, И. И. Петрункевича и князя Г. Е. Львова. Это порученіе свидѣтельствуетъ о томъ высокомъ положеніи, которое князь Львовъ, послѣ манчжурскихъ тріумфовъ, сразу занялъ въ земской средѣ и въ чуждомъ ему до тѣхъ поръ политическомъ земскомъ движеніи.

Переговоры закончились компромиссомъ. Царь, по докладу министра, призналъ, что предположенный съѣздъ ни по составу своему, ни по предметамъ, намѣченнымъ къ обсужденію, не совпадаетъ съ тѣми совѣщаніями предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, на которыя было испрошено соизволеніе. Оффиціальное разрѣшеніе совѣщанія съ намѣченной програмой невозможно, такъ какъ это значило бы, что правительство, считая необходимымъ постановку такого рода вопросовъ, поручаетъ ихъ обсужденіе кружку частныхъ лицъ.

Впрочемъ, на запросы депутатовъ, министръ завѣрилъ ихъ, что полиція не будетъ препятствовать *частнымъ* совѣщаніямъ земцевъ на *частныхъ* квартирахъ.

Такъ состоялся въ Петербургѣ 6-9 Ноября 1904 г. знаменитый земскій съѣздъ, впервые высказавшій открыто конституціонныя чаянія русской интеллигенціи.

Въ съѣздѣ участвовало 103 земскихъ гласныхъ. То былъ цвѣтъ прогрессивнаго крыла земскаго движенія. Предсѣдателемъ избранъ Д. Н. Шиповъ. Такіе выдающіеся земцы, какъ Ѳ. А. Головинъ (предсѣдатель московской губернской управы), Н. Н. Хмѣлевъ и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (члены той-же управы) несли скромныя обязанности секретарей собранія. А на почетныя мѣста товарищей предсѣдателя — единогласно избраны были: ветеранъ и корифей земскаго движенія И. И. Петрункевичъ и совершенный новичокъ въ политикѣ — князь Г. Е. Львовъ.

Съѣздъ протекалъ въ настроеніи торжественномъ. Земцы чувствовали, что за ними слѣдитъ съ надеждою большая часть интеллигентной Россіи. Они должны были, наконецъ, сказать правительству открыто *главное*. Это «главное» и общепризнанное сводилось къ необходимости созданія народнаго представительства, организованнаго, какъ особое выборное учрежденіе.

Но затѣмъ даже и въ прогрессивной земской средѣ начинались разногласія. Огромное большинство съѣхавшихся не вѣрило ни бюрократическому правительству, ни верховной власти и считало необходимымъ добиваться конституціи и парламентаризма. Противъ воззрѣнія этого со всею горячностью возсталъ Д. Н. Шиповъ. Онъ не хотѣлъ строить будущее Россіи въ формахъ конституціоннаго государства съ неизбѣжными при такихъ условіяхъ столкновеніями интересовъ, политической и партійной борьбой. Въ основу взаимодѣйствія власти и народнаго представительства онъ мечталъ положить не *правовую*, а *этико-соціальную* идею: онъ вѣрилъ, что «этотъ принципъ соотвѣтствуетъ всему міровоззрѣнію русскаго народа, вытекаетъ изъ его христіанскаго жизнепониманія и ярко сказывается въ чертахъ его характера». Власть должна быть освѣдомлена о мнѣніи и волѣ страны черезъ ея выборныхъ представителей. И, конечно, не найдется такого государя, который рѣшился бы идти противъ ясно выраженной воли своего народа.

Эти воззрѣнія не встрѣтили на съѣздѣ защитниковъ. И Д. Н. Шипову пришлось *одному* отстаивать *законосовѣщательную* дѣятельность будущаго представительства. Онъ мужественно принялъ на себя сокрушительные удары убѣжденныхъ конституціоналистовъ, а когда дѣло дошло до голосованія, въ собраніи оказалось сначала 27, а затѣмъ и 38 молчаливыхъ сторонниковъ его воззрѣній.

Съ ними голосовалъ и князь Г. Е. Львовъ, по обыкновенію своему, молчавшій во время политическихъ преній.

Оба мнѣнія (конституціоннаго большинства и шиповскаго меньшинства) нашли выраженіе въ резолюціи и это дало возможность всѣмъ присутствовавшимъ подписать знаменитый протоколъ.

3.

2 Декабря 1904 г. кн. Святополкъ-Мирскій доложилъ государю постановленія земскаго съѣзда и убѣждалъ пойти навстрѣчу общественнымъ пожеланіямъ. Министръ предлагалъ на первыхъ порахъ уступку весьма скромную: введеніе въ составъ государственнаго совѣта выборныхъ представителей отъ общественныхъ учрежденій.

Состоялись совѣщанія въ Царскомъ Селѣ. Побѣдоносцевъ доказывалъ, что самодержавіе имѣетъ не только политическое значеніе, но религіозный характеръ и государь не въ правѣ ограничивать свою миссію, возложенную на него Божественнымъ Промысломъ. Министръ юстиціи (Н. В. Муравьевъ) утверждалъ, что, на основаніи дѣйствующихъ основныхъ законовъ имперіи, государь не въ правѣ измѣнять существующій государственный строй. В. Н. Коковцовъ высказывался противъ предоставленія права контроля надъ дѣйствіями правительства и противъ вмѣшательства будущихъ народныхъ представителей въ распоряженіе финансовыми средствами государства; да и во обще онъ предупреждалъ что уступка общественнымъ требованіямъ грозитъ въ дальнѣйшемъ полнымъ ограниченіемъ царской власти. Въ хорѣ ожесточенныхъ противниковъ проекта, возглавленныхъ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, только гр. Сольскій и Фришъ высказались за уступки обществу. Витте, по обыкновенію, хитроумно вилялъ.

Царь не возражалъ противъ уступокъ, но ждалъ, повидимому, чтобы его убѣдили не дѣлать ихъ.

Возникшій среди бюрократіи переполохъ улегся 12 Декабря. Въ указѣ сенату отъ этого числа признавалась неотложность реформъ — по большей части именно тѣхъ, которыя указаны въ постановленіяхъ земскаго съѣзда. Разработка этихъ реформъ поручена существующимъ бюрократическимъ учрежденіямъ. Въ то-же время издано строгое правительственное сообщеніе, въ которомъ заключенія земскаго совѣщанія и поддержавшія ихъ резолюціи земскихъ собраній, городскихъ думъ и другихъ общественныхъ учрежденій — признаны проявленіями смуты, направленной противъ существующаго порядка государственнаго управленія. Всякія собранія призывались впредь не выходить за предѣлы вопросовъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію; въ противномъ случаѣ должностныя лица, въ нихъ участвовавшія, подлежали судебной отвѣтственности.

Кн. Святополкъ-Мирскій подалъ въ отставку. На его мѣсто назначенъ Булыгинъ. «Весна» довѣрія къ обществу отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Слякоть давно знакомой петербургской бюрократической осени снова вступила въ свои права.

Возвѣщенныя 12 Декабря реформы спѣшно разрабатывались канцеляріей комитета министровъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Витте.

— «Къ сожалѣнію», — пишетъ самъ магъ и волшебникъ бюрократіи, — «осуществленіе указа встрѣтило скрытыя затрудненія, а затѣмъ и крайне неискреннее къ нему отношеніе — черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ этотъ указъ быдъ изданъ. Вслѣдствіе этого, указъ 12 Декабря не могъ послужить къ успокоенію общества, ибо если не все, то часть общества скоро и легко разобралась въ томъ, что то, что было дано, уже желаютъ свести на нѣтъ» (1).

Революціонныя настроенія развивались. 9-го Января 1905 г. произошелъ разстрѣлъ рабочихъ въ Петербургѣ. 5-го Февраля въ Москвѣ убитъ вел. князь Сергѣй Александровичъ. Неудачи на войнѣ продолжались. 15 Февраля началось мукденское пораженіе.

Въ соотвѣтствіи съ этими событіями, уже въ первыхъ числахъ Февраля въ окруженіи царя снова возникаютъ разговоры объ уступкахъ, о привлеченіи

---

1) Гр. С. Ю. Витте. Воспоминанія. Царствованіе Николая II. Томъ I, стр. 303. «Слово». Берлинъ. 1922.

къ законодательству выборныхъ представителей. Въ новыхъ царскосельскихъ совѣщаніяхъ на эту тему говоритъ Ермоловъ. Его поддерживаетъ министръ юстиціи Манухинъ. Булыгинъ (мин. вн. дѣлъ) заявляетъ, что внутреннее положеніе Россіи его все болѣе и болѣе убѣждаетъ, что эта мѣра необходима. Коковцовъ говоритъ на этотъ разъ, что безъ призыва народныхъ представителей трудно провести внѣшній заемъ, необходимый для продолженія войны.

Наконецъ, царь сдается. 18 Февраля онъ подписываетъ рескриптъ на имя Булыгина о подготовкѣ къ созыву народныхъ представителей. Впрочемъ, еще наканунѣ опубликованъ весьма суровый манифестъ «о нестроеніи и смутахъ», составленный совершенно въ побѣдоносцевскихъ тонахъ, и указъ сенату о томъ, что отнынѣ общественныя учрежденія и даже частныя лица могутъ безпрепятственно представлять свои соображенія о государственномъ строительствѣ въ совѣтъ министровъ...

Акты 18 Февраля коренннымъ образомъ противорѣчили актамъ 12 Декабря. У самыхъ благонамѣренныхъ людей невольно возникали сомнѣнія въ искренности правительства и верховной власти: уступки, вызванныя нарастаніемъ революціонной волны и военными неудачами, могли, при измѣнившихся обстоятельствахъ, остаться словами, а обѣщанныя реформы снова свестись на нѣтъ... Правительство, видимо, отступало только передъ силою. Не пора-ли было примкнуть къ тѣмъ, кто пытался поставить колеблющуюся власть въ конституціонныя условія?..

Но Д. Н. Шиповъ еще не могъ разстаться со своими прекрасными мечтами. Боясь болѣе всего толкнуть народъ русскій на борьбу съ властью, онъ хватался за соломинку: ему все еще казалось вѣроятнымъ, что государственная власть, вставъ разъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соображеній, на новый путь въ своихъ отношеніяхъ къ обществу, пойдетъ въ дальнѣйшемъ открыто и прямодушно къ осуществленію реформы, признанной ею необходимой (1).

Земское бюро давно уже не раздѣляло такой вѣры. Въ Мартѣ, готовясь къ новому земскому съѣзду, оно составляло докладъ о формахъ народнаго представительства въ духѣ мнѣнія большинства земскаго съѣзда 6-9 Ноября 1904 г.: рѣчь шла о конституціи и выборномъ правѣ на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Исчерпавъ безуспѣшно всѣ свои доводы, Шиповъ вышелъ изъ состава бюро, а когда земскій съѣздъ 22-26 Апрѣля согласился громаднымъ большинствомъ съ мнѣніемъ бюро, Шиповъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно и принялъ мѣры къ созыву въ Маѣ земцевъ, примыкавшихъ къ его мнѣнію. Готовясь къ этому съѣзду, Шиповъ и его единомышленники разработали довольно стройную систему выборовъ «зрѣлыхъ» представителей народа отъ реорганизованныхъ мѣстныхъ самоуправленій; выбранные должны были донести до верховной власти «мысль народную». Онъ еще вѣрилъ, что царь, стоящій выше политической и партійной борьбы, не сможетъ и не пожелаетъ отдѣлять себя отъ народа...

Кн. Г. Е. Львовъ все это время былъ чрезвычайно занятъ въ Тулѣ, гдѣ между прочимъ развивалъ огромную энергію въ борьбѣ съ голодомъ. Въ Москвѣ бывалъ онъ урывками. Участія въ политической дѣятельности Шипова онъ не принималъ. Никакихъ объясненій и разрыва не было: Шиповъ продолжалъ считать и называть князя Львова своимъ «единомышленникомъ». Но Георгій Евгеніевичъ не послѣдовалъ примѣру своего учителя и друга: въ Мартѣ онъ

---

1) Шиповъ. Воспоминанія и думы о пережитомъ, стр. 293. М. 1918.

не вышелъ изъ состава земскаго бюро, а на апрѣльскомъ съѣздѣ былъ торжественно переизбранъ въ его составъ. Товарищи по бюро считали его «конституціоналистомъ чистѣйшей воды» (1).

Кѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности?

Душою онъ по прежнему склонялся къ міровоззрѣнію Шипова. Но здравый смыслъ и чрезвычайно развитое чутье дѣйствительности заставляли спуститься изъ заоблачныхъ сферъ на землю. Для вѣры Шипова не было реальныхъ основаній. И правительство, и самъ царь уступали только передъ давленіемъ надвигавшихся неблагопріятныхъ обстоятельствъ, — уступали неохотно, неискренне, надѣясь взять реваншъ въ ближайшемъ будущемъ. Въ высшихъ сферахъ этико-соціальныя идеи понимались по-своему: именно во имя этихъ идей защищались всѣми средствами «устои» отъ атаки общества. Внѣ борьбы и закрѣпленія правовымъ, конституціоннымъ порядкомъ результатовъ побѣды — надѣяться было не на что.

Во всякомъ случаѣ становилось все болѣе яснымъ, что общественное движеніе шло уже черезъ головы миротворцевъ. Формы и формулы никогда не имѣли власти надъ Георгіемъ Евгеніевичемъ. А на практикѣ онъ видѣлъ: ладить съ правительствомъ во что бы то ни стало — оказывалось невозможнымъ. И онъ молча пошелъ съ конституціоналистами.

Въ концѣ Мая состоялся въ Москвѣ съѣздъ единомышленниковъ Шипова. Князь Львовъ въ немъ не участвовалъ. Но грозныя вѣсти о разгромѣ флота Рождественскаго при Цусимѣ заставили земское бюро телеграммами созвать обычныхъ участниковъ земскихъ съѣздовъ. Д. Н. Шиповъ сдался на убѣжденія бюро и уговорилъ своихъ единомышленниковъ еще разъ принять участіе въ съѣздѣ, который получилъ названіе «коалиціоннаго». Настроеніе оказалось приподнятымъ до крайности. Раздались страстныя негодующія рѣчи. Умѣреннымъ земцамъ удалось смягчить рѣшенія съѣзда лишь въ самой незначительной степени. Принятое обращеніе къ царю составлено въ почтительныхъ, но весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ. Земцы жаловались на неисполненіе бюрократіей обѣщаній царскихъ, требовали отмѣны «ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя» и вновь ходатайствовали о созывѣ безъ замедленія народныхъ представителей, избранныхъ «равно и безъ различія» всѣми подданными царя, чтобы «въ согласіи съ нимъ установили они обновленный государственный строй». Особая делегація должна была поддержать передъ царемъ ходатайства съѣзда. Въ нее избраны между прочимъ и Д. Н. Шиповъ, и кн. Г. Е. Львовъ. Но первый изъ нихъ рѣшительно уклонился отъ избранія и въ дальнѣйшихъ земскихъ съѣздахъ участія уже не принималъ.

Депутація выслушана государемъ 6 Іюня въ Петергофѣ. Отъ лица земской Россіи говорилъ кн. С. Н. Трубецкой (2). Въ его замѣчательной, нарочито простой и элементарной рѣчи обращено особое вниманіе на то, что не всякое народное представительство послужитъ дѣлу водворенія внутренняго мира. Онъ обращалъ вниманіе царя на то, что зачастую предначертанія его «урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными пре-

---

1) См. у Кокошкина: Сборникъ въ память С. А. Муромцева (М. 1911) стр. 221.

2) Въ депутацію входили: 1) гр. П. А. Гейденъ, 2) кн. Г. Е. Львовъ, 3) Н. Н. Львовъ, 4) И. И. Петрункевичъ, 5) Ѳ. А. Головинъ, 6) кн. Пав. Дм. Долгоруковъ, 7) Н. Н. Ковалевскій, 8) Ю. А. Новосильцевъ, 9) Ѳ. И. Родичевъ, 10) кн. Д. И. Шаховской, 11) бар. П. Л. Корфъ, 12) А. Н. Никитинъ, 13) М. П. Ѳедоровъ, 14) кн. С. Н. Трубецкой.

образованіямъ». А между тѣмъ «собраніе выборныхъ представителей не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій»; оно «должно быть поставлено самостоятельно и между нимъ и царемъ не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи»...

Царь отвѣчалъ успокоительно, но уклончиво. Въ сущности онъ завѣрилъ депутацію только въ томъ, что «его воля созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна»...

Ходили слухи, что онъ долго не хотѣлъ принимать депутацію и негодовалъ на людей, пытавшихся вырвать у него согласіе на реформы, пользуясь несчастьями, переживаемыми Россіей...

Земскіе съѣзды продолжались. Въ Іюлѣ полиція и администрація, по настойчивымъ приказамъ изъ Петербурга, сдѣлала все возможное, чтобы земскій съѣздъ не состоялся. Соотвѣтствующія инструкціи разосланы и губернаторамъ, которые обратились къ земствамъ и городскимъ думамъ съ предупрежденіемъ о томъ, что съѣздъ не будетъ разрѣшенъ. Одинъ изъ губернаторовъ объявлялъ даже предстоящій съѣздъ «внѣ закона». Высшую бюрократію напугалъ распространившійся въ Петербургѣ слухъ, что съѣздъ предполагаетъ объявить себя учредительнымъ собраніемъ и выбрать временное правительство. Несмотря на всѣ препятствія, съѣздъ состоялся въ расширенномъ составѣ, такъ какъ къ нему впервые примкнули представители общегородского объединенія. Занятія, по обыкновенію, протекали мирно и нарушались лишь вторженіями полиціи. Обсуждались ставшія извѣстными основы булыгинскаго проекта Государственной Думы. Съѣздъ призналъ, что проектъ этотъ, не создающій народнаго представительства въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ вывести страну на путь правильнаго и мирнаго развитія на основахъ твердаго государственнаго правопорядка.

Затѣмъ разсмотрѣнъ и въ общемъ принятъ («принятъ въ первомъ чтеніи») проектъ конституціи Россійской Имперіи, составленный Муромцевымъ, Кокошкинымъ, Н. Н. Щепкинымъ и Н. Н. Львовымъ. Этотъ проектъ отпечатанъ былъ въ No 180 «Русскихъ Вѣдомостей» — въ день открытія съѣзда — 6-го Іюля. Онъ разосланъ затѣмъ во всѣ земскія и городскія управы.

Земцы испытывали гоненія не только со стороны правительства. Складывались и росли другія общественныя организаціи. Изъ рядовъ болѣе лѣвыхъ общественныхъ группъ летѣли обвиненія земцевъ въ стремленіи пріобрѣсти права только для себя, но не для всего народа (1). По почину Петрункевича рѣшено опубликовать отъ имени съѣзда обращеніе къ странѣ, чтобы, по формулировкѣ Муромцева, «обобщить всѣ пожеланія о привлеченіи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ и обратиться къ странѣ съ яснымъ и общедоступнымъ изложеніемъ постановленій земскихъ съѣздовъ, высказанныхъ ими же пожеланій и съ сообщеніемъ о мѣрахъ, принятыхъ для проведенія этихъ пожеланій въ жизнь». Текстъ обращенія къ странѣ подписанъ 123 депутатами — съ обозначеніемъ, какихъ губерній или городовъ является каждый изъ нихъ представителемъ.

Сентябрьскій съѣздъ обсуждалъ уже появившійся 6 Августа законъ о

1) Кокошкинъ. Сборникъ въ память Муромцева, стр. 236.

«булыгинской» совѣщательной Думѣ. — «Полагая, что Государственная Дума, которая должна быть созвана на основанiи закона 6 Августа, не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что выборное собранiе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперiи, можетъ послужить средоточiемъ и точкой опоры для общественнаго движенiя, стремящагося къ достиженiю политической свободы и правильнаго народнаго представительства», — съѣздъ призналъ желательнымъ, чтобы «русскiе граждане, примкнувшiе къ политической программѣ съѣздовъ, вошли въ возможно большомъ числѣ въ Государственную Думу». Эта резолюцiя принята въ противовѣсъ различнымъ лѣвымъ организацiямъ, проповѣдывавшимъ бойкотъ Государственной Думы 6-го Августа. Выработана и избирательная программа на основѣ постановленiй земскихъ съѣздовъ, которая пополнена въ сентябрѣ рѣшенiями по вопросамъ мѣстнаго самоуправленiя, народнаго образованiя, аграрному, рабочему, финансовому, а также положенiями, касающимися правъ нацiональностей и автономiи Польши. Составлено и опубликовано воззванiе къ избирателямъ. На этомъ съѣздѣ впервые появились представители неземскихъ губернiй, избранные различными общественными организацiями (сельскохозяйственными обществами и т. п.).

Съ изданiемъ манифеста 17 Октября, вырваннаго у правительства всеобщей забастовкой, казалось, главная цѣль земскаго движенiя, намѣченная еще въ 1904 г., была достигнута. Но правительство, по прежнему, не желало выпустить изъ своихъ рукъ подготовку реформы. По прежнему великое преобразованiе «проводилось въ жизнь людьми, завѣдомо ему враждебными». Между тѣмъ большинство земцевъ твердо держалось мысли, что будущiе основные законы Имперiи должны быть выработаны, до принятiя ихъ государемъ, выборными представителями страны.

На почвѣ этого разногласiя произошло еще одно столкновенiе земцевъ съ правительствомъ.

Послѣ манифеста 17 Октября подготовка Основныхъ Законовъ и задача умиротворенiя страны возложены на графа Витте. Можно-ли было относиться къ нему съ полнымъ довѣрiемъ?

Въ своей надѣлавшей шума книгѣ «Самодержавiе и Земство» — еще недавно онъ писалъ: «Можно имѣть и другую, противоположную точку зрѣнiя. Можно вѣрить, — *и я лично исповѣдую это убѣжденiе*, — что конституцiя вообще «великая ложь нашего времени», и что въ частности, въ Россiи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленiя непримѣнима безъ разложенiя государственнаго режима».

Черезъ шесть лѣтъ, въ бесѣдахъ съ государемъ передъ изданiемъ манифеста 17 Октября, онъ-же «во всѣхъ своихъ сужденiяхъ подробно развивалъ мысли (конституцiонныя), изложенныя въ докладѣ, опубликованномъ 17 Октября вмѣстѣ съ манифестомъ, и все высказывалъ, что мысли эти составляли его убѣжденiе, къ которому онъ пришелъ послѣ обильнаго государственнаго опыта, съ которыми пребываетъ и съ которыми умретъ»... (1)

Въ концѣ Ноября 1905 г. графу Витте представлялась депутацiя Тульскаго Губ. Земскаго Собранiя, о которой еще придется говорить. Отвѣтъ Витте записанъ тогда-же однимъ изъ депутатовъ. Между прочимъ министръ сказалъ:

---

1) Гр. С. Ю. Витте. Воспоминанiя. Царствов. Николая II. Томъ второй, стр. 38. Берлинъ «Слово» 1922.

«Я не сторонникъ конституціи, потому что я человѣкъ дѣла, а конституція только слова»...

Эти вилянія объясняются просто. Витте сказалъ какъ-то князю Ливену: «Я смотрю на себя, какъ на приказчика моего государя, а его взгляды безусловно самодержавные. Нужно умѣть служить своему государю и много можно сдѣлать полезнаго» (2).

Въ рукахъ подобныхъ «приказчиковъ своего государя» находилась всецѣло судьба реформы, вырванной съ великимъ трудомъ русскимъ обществомъ. Могли-ли сознательные элементы послѣдняго относиться спокойно къ такому положенію вещей?

— Нѣтъ. Боясь, что все снова будетъ «сведено на нѣтъ» хитроумными «приказчиками», представители общества считали совершенно необходимымъ, чтобы основные законы, регулирующіе новую жизнь страны, были выработаны самимъ народомъ, то-есть Государственной Думою, избранной на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія при фактическомъ обезпеченіи «свободъ», то-есть при охранѣ отъ произвола администраціи.

Таковы были постановленія вновь образовавшейся осенью 1905 г. кадетской партіи. Такъ же смотрѣли на дѣло и въ бюро земскихъ съѣздовъ.

Желая привлечь больше довѣрія къ своему кабинету, графъ Витте былъ не прочь включить въ него нѣкоторыхъ уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей. Между прочимъ онъ предложилъ постъ государственнаго контролера Шипову. Не отказываясь, Дмитрій Николаевичъ указалъ, что надо привлечь также болѣе лѣвыхъ земцевъ, составляющихъ большинство. Гр. Витте телеграфировалъ въ Москву, въ бюро земскихъ съѣздовъ, которое какъ-разъ должно было собраться въ это время (въ двадцатыхъ числахъ Октября 1905 г.). Въ полномъ составѣ бюро не могло собраться вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки. Однако, присутствовавшіе рѣшили немедленно откликнуться на зовъ правительства. Рѣшено отправить въ Петербургъ депутацію изъ трехъ лицъ. Князь Г. Е. Львовъ находился случайно въ Москвѣ и оказался избраннымъ въ депутацію. Поѣхали: Ѳ. А. Головинъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и кн. Г. Е. Львовъ. Переговоры, которые велъ отъ лица депутаціи Кокошкинъ, окончились весьма быстро. Поддержать правительство и войти въ кабинетъ гр. Витте представители бюро земскихъ съѣздовъ соглашались лишь при соблюденіи опредѣленныхъ условій. Кокошкинъ заявилъ: «Единственный выходъ изъ настоящаго положенія — созывъ учредительнаго собранія для выработки основного закона. Собраніе это должно быть избрано путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія. Возвѣщенныя въ манифестѣ свободы должны быть немедленно осуществлены на тѣхъ-же началахъ, какъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Необходима полная политическая амнистія».

Графъ Витте уклонился даже отъ обсужденія столь прямыхъ и категорическихъ условій — на томъ основаніи, что ни манифестъ, ни докладъ его, подписанные государемъ 17 Октября, не давали ему соотвѣтствующихъ полномочій. Переговоры (они происходили 21 Октября 1905 г.) были сразу прерваны.

Къ земскому съѣзду 6-13 Ноября 1905 г. бюро заготовило проекты «положенія объ учредительномъ собраніи», законы о неприкосновенности личности, о собраніяхъ, о союзахъ, о печати, законъ избирательный. Разсмотрѣть всѣ эти проекты не удалось. Съѣздъ всецѣло поглощенъ былъ горячими и продолжительными преніями объ отношеніи къ правительству. Резолюція гласила:

---

2) Д. Н. Шиповъ. Воспоминанія, стр. 130.

привѣтствуя манифестъ 17 Октября, съѣздъ заявляетъ, что «министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, поскольку оно будетъ проводить конституціонныя идеи манифеста правильно и послѣдовательно». Напротивъ, «отступленіе отъ этихъ началъ встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ сферахъ рѣшительное противодѣйствіе». Къ резолюціи присоединены указанія «на необходимость всеобщаго и прямого голосованія, признанія за Думой учредительныхъ функцій, осуществленія гражданской свободы, амнистіи, отмѣны смертной казни и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ умиротворенію страны». 22 Ноября 1905 г. делегація съѣзда вручила графу Витте указанныя постановленія. Въ составъ делегаціи (Петрункевичъ, Муромцевъ, Кокошкинъ) на этотъ разъ кн. Г. Е. Львовъ уже не вошелъ. Изъ новыхъ переговоровъ съ главою правительства, конечно, ничего не вышло.

Политическіе земскіе съѣзды покончили свое существованіе. Ихъ роль перешла къ возникавшимъ политическимъ партіямъ.

Князь Львовъ участвовалъ во всѣхъ шести съѣздахъ 1904-1905 г. г. Но онъ появлялся на нихъ лишь эпизодически, въ преніяхъ не участвовалъ и вообще весьма мало принималъ участія въ ихъ работѣ. Казалось, за годъ съѣздовъ онъ пережилъ глубокую эволюцію политическихъ воззрѣній: въ Ноябрѣ 1904 г. онъ голосовалъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ другомъ Шиповымъ, за Думу совѣщательную; въ Ноябрѣ 1905 г. онъ съ «конституціоналистами чистѣйшей воды» — Ѳ. А. Головинымъ и Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ — требовалъ отъ графа Витте созыва учредительнаго собранія. Но прежде всего необходимо отмѣтить, что послѣднее требованіе было вовсе не такъ страшно, какъ оно выглядѣло. Лѣвыя партіи подъ «учредительнымъ собраніемъ» понимали проявленіе верховнаго народовластія съ правомъ окончательнаго установленія республики или конституціонной монархіи. Кадеты и земцы примѣняли этотъ терминъ къ первому собранію Государственной Думы, которой, по мысли ихъ, должна быть предоставлена выработка основного закона Россійской Имперіи, подлежавшаго затѣмъ утвержденію государя. Въ примѣненіи этого двусмысленнаго термина сказывалось просто весьма естественное недовѣріе къ представителямъ бюрократіи и нежеланіе оставить выработку «основного закона» въ рукахъ «людей, завѣдомо враждебныхъ конституціи».

Но даже и въ такихъ предѣлахъ едва-ли можно считать, что указанный путь политическихъ воззрѣній былъ сознательно пережитъ княземъ Львовымъ. Политикѣ вообще придавалъ онъ весьма мало значенія. Къ конституціоннымъ гарантіямъ относился равнодушно. «Приказный строй» не давалъ ему жить и свободно работать въ земствѣ на общую пользу. Естественно, онъ былъ противъ «приказнаго строя». Если бы въ самомъ дѣлѣ можно было замѣнить его «единеніемъ царя съ народомъ», кн. Львовъ до конца стоялъ бы за Шиповскія мечтанія. Но и царь, и правительство дѣлали со своей стороны все, чтобы разрушить иллюзіи. Д. Н. Шипову пришлось въ концѣ концовъ сложить руки и отказаться совсѣмъ не только отъ политической, но и отъ общественной дѣятельности. Князь Львовъ, по характеру своему, не могъ этого сдѣлать. И онъ пошелъ съ большинствомъ, вступившимъ въ борьбу съ правительствомъ. Борьба старалась держаться лойяльныхъ пріемовъ и, пока она не переходила открыто къ революціоннымъ дѣйствіямъ, князь Львовъ, не задумываясь, шелъ съ земскимъ большинствомъ. Къ тому-же особенно задумываться ему не хватало времени: въ Тулѣ приходилось вести огромное дѣло земскаго хозяйства, имъ необычайно развитаго. Мѣропріятія по борьбѣ съ голодомъ требовали проявленія

исключительной энергіи. Аграрные безпорядки и общій революціонный подъемъ разбудили сонное царство тульскаго губернскаго земскаго собранія. Правые стали проявлять необычайную активность. Мало-по-малу они объединили умѣренныхъ и вообще всѣхъ испуганныхъ революцией. Начались поиски виновныхъ и средствъ спасенія. «Красному» предсѣдателю управы становилось трудно бороться.

4.

Характернымъ эпизодомъ земской жизни Тульской губерніи за этотъ періодъ явилось одно экстренное губернское собраніе поздней осенью 1905 г. Оно созвано по требованію правыхъ гласныхъ, подъ предлогомъ — отозваться на манифестъ 17-го Октября. Представлено два доклада. Гласный Мосоловъ (изъ самыхъ правыхъ) предлагалъ поднести всеподданнѣйшій адресъ государю съ благодарностью за законъ 6 Августа и манифестъ 17 Октября и послать депутацію къ графу Витте съ предложеніемъ всяческой поддержки правительству со стороны умѣренныхъ земскихъ людей Тульской губерніи. Проектъ адреса составилъ А. А. Хвостовъ, исполнявшій въ то время должность Тульскаго губернатора. Адресъ не отличался многословіемъ: манифестомъ 17 Октября разрушено средостѣніе, отдѣлявшее царя отъ народа. Но теперь грозитъ новое средостѣніе въ лицѣ всевозможныхъ союзовъ и организацій, говорящихъ безъ всякаго права отъ имени народа. Собраніе предостерегаетъ отъ такихъ вліяній на правительство и умоляетъ дождаться подлиннаго голоса народа отъ истинныхъ его представителей. Адресъ принятъ единогласно. Другой докладъ (Гвоздева) доказывалъ необходимость ходатайствовать о томъ, чтобы законъ о совѣщательной «булыгинской» Думѣ не подвергался коренной переработкѣ, а лишь частичнымъ дополненіямъ. Избравъ депутацію къ Витте, собраніе никакъ не могло рѣшить, какую дать ей инструкцію: среди правыхъ земцевъ, къ которымъ принадлежало двѣ трети собранія, царила растерянность въ виду совершенной неопредѣленности общаго положенія: о чемъ просить? до какихъ предѣловъ уступать? чего можно добиться въ Петербургѣ уступками? На эти вопросы у тульскихъ правыхъ гласныхъ отвѣтовъ не было.

Но среди нихъ наросло достаточно злобы противъ «сѣятелей смуты» — всѣхъ этихъ съѣздовъ, организацій, союзовъ, которые требовали конституціи. Земскіе съѣзды вызывали особенное раздраженіе. Въ нихъ позволяли себѣ принимать участіе и тульскіе губернскіе гласные, которыхъ заправилы съѣзда имѣли дерзость именовать «представителями тульскаго губернскаго земства»! А предсѣдатель управы (князь Г. Е. Львовъ) не только участвовалъ въ съѣздахъ, но состоялъ членомъ организаціоннаго бюро и фигурировалъ въ депутаціи къ графу Витте, требовавшей учредительнаго собранія! Застрѣльщикомъ грозныхъ рѣчей противъ тульскихъ «самозванцевъ» выступалъ гр. В. А. Бобринскій. Онъ требовалъ командированія на съѣздъ настоящаго, избраннаго собраніемъ представителя, чтобы разоблачить самозванцевъ и заявить разъ навсегда, что тульское губернское земство никогда и никого не уполномочивало говорить отъ его имени. Такое же заявленіе должно быть широко опубликовано въ газетахъ. Графъ Бобринскій предлагалъ даже возбудить судебное преслѣдованіе противъ тѣхъ, кто позволилъ себѣ подъ обращеніемъ къ населенію именовать туляковъ-участниковъ съѣздовъ — «представителями тульскаго губернскаго земства». Всѣ эти филиппики и предложенія приняты собраніемъ съ восторгомъ. Но въ концѣ концовъ все ограничилось скромнымъ

протестомъ, который удалось напечатать (и то не безъ большого труда) только въ бульварномъ «Русскомъ Листкѣ».

Депутація принята графомъ Витте съ распростертыми объятіями. Она явилась въ Петербургъ черезъ нѣсколько дней послѣ разговоровъ Витте съ посланцами послѣдняго (ноябрскаго) съѣзда. Она была завѣдомо правой. Представлялось возможнымъ взгляды и рѣчи благомыслящихъ и благонадежныхъ земцевъ передъ всею Россіей противопоставить «несуразнымъ» требованіямъ земскихъ съѣздовъ...

Депутація довольно кисло благодарила за актъ 17 Октября. Она возражала только противъ того способа, которымъ сближеніе верховной власти съ населеніемъ проводилось въ жизнь. Вся дѣятельность правительства явилась не добровольнымъ даромъ верховной власти, а вынужденной уступкой подъ напоромъ революціоннаго движенія. Этимъ самымъ уступки послужили только на пользу революціонерамъ, укрѣпили въ населеніи вѣру въ дѣйствительность насильственныхъ средствъ и вырвали почву изъ подъ ногъ у представителей умѣреннаго теченія нашего общества...

Отмежевавшись первымъ дѣломъ отъ конституціи, которая въ концѣ концовъ, видимо, не очень радовала правыхъ земцевъ, графъ Витте сказалъ: Правительство упрекаютъ въ слабости и бездѣйствіи, но при этомъ забываютъ, въ какомъ положеніи оно оказалось въ октябрскіе дни. Правительство было совершенно изолировано, вокругъ себя оно видѣло только враговъ. Помощи и поддержки ждать было не откуда. Дѣло дошло до того, что онъ, Витте, не зналъ, совѣтовать-ли государю оставаться въ Россіи или уѣхать (1). Въ лицѣ Тульской депутаціи онъ видитъ передъ собою первыхъ людей, которые обратились къ правительству не съ требованіями и угрозами, а съ предложеніемъ помощи и содѣйствія. Нужно постараться, чтобы примѣръ Тульскаго земства нашелъ себѣ откликъ и за предѣлами Тульской губерніи, и потому онъ считаетъ себя обязаннымъ исходатайствовать для депутаціи Высочайшую аудіенцію. Этимъ путемъ, можетъ быть, удастся поддержать тѣ пока еще робкіе и разрозненные голоса, которые теперь иногда приходится слышать, и создать вокругъ правительства такое настроеніе, при которомъ оно могло бы почувствовать подъ ногами почву...

Аудіенція состоялась черезъ нѣсколько дней въ Царскосельскомъ дворцѣ. Гр. Бобринскій прочелъ обращеніе, осторожно выдвигая бумажку, на которой оно было написано, изъ рукава мундира. Царь въ отвѣтъ тоже прочелъ бумажку, лишенную всякаго содержанія и, милостиво побесѣдовавъ съ каждымъ изъ членовъ депутаціи, отпустилъ ее съ миромъ.

Обращеніе къ царю гр. Бобринскаго было тщательно обсуждено депутаціей. Оно кончалось такими словами: «Если тебѣ нужна наша земля, возьми ее; мы съ радостью отдадимъ ее тебѣ; только бы она не была отнята у насъ твоими врагами».

---

1) Какъ извѣстно, Витте предложилъ царю альтернативу: или военную диктатуру съ безпощаднымъ подавленіемъ всѣхъ революціонныхъ вспышекъ, или дарованіе конституціи. Диктаторомъ намѣчался великій князь Николай Николаевичъ. Но Витте и его сотрудники (Вуичъ, Оболенскій) единодушно утверждаютъ, что, на запросъ государя, и великій князь, и представители высшаго военнаго командованія категорически признавали недостаточность и ненадежность наличныхъ войскъ для подавленія революціи силою (См. «Воспоминанія» графа Витте, томъ 2-ой).

Такія рѣчи въ устахъ «чистокровнаго аграрія» и его правыхъ товарищей — были въ высшей степени показательными. Растерявшись подъ напоромъ революціи, эти люди готовы были на величайшія уступки (1), лишь-бы удержать остатки дѣйствительной власти въ рукахъ правительства и первенствующаго сословія. Но въ рядахъ петербургской бюрократіи паника уже проходила. Возникали надежды отсидѣться и, при смѣнѣ настроеній въ странѣ, оставить все по старому. У самого Витте и у части окруженія престола была одно время мысль отыграться на принудительномъ выкупѣ части частновладѣльческихъ земель, надѣлить ими деревню и опереться на благодарное крестьянство. Но скоро эта мысль была оставлена: въ сердца закрадывалась тихая посланница небесъ — надежда свести всю реформу на нѣтъ и, уступивъ временно на словахъ, въ сущности оставить все по старому. И депутаціи, обратившейся за совѣтомъ къ знакомымъ чинамъ государственной канцеляріи, посовѣтовали быть менѣе опредѣленными. Въ частности приведенную выше фразу о землѣ сановные совѣтники находили «неосторожной». Въ ихъ рукахъ обращеніе депутаціи къ царю пріобрѣло характеръ полной безсодержательности и безцвѣтности, а готовность разстаться съ землею исчезла безслѣдно (2).

Правые возвращались въ Тулу успокоенные и ободренные. Все становилось яснымъ: никакихъ особливыхъ уступокъ не требовалось. Нужно было умѣть ждать. Можно было надѣяться.

Какъ-же дѣйствовали на предсѣдателя Тульской губернской земской управы такія расхожденія съ громаднымъ большинствомъ его избирателей?

Д. Н. Шиповъ и подобные ему коренные земскіе дѣятели считали управу лишь исполнительнымъ органомъ земскаго собранія и, разойдясь во взглядахъ съ большинствомъ послѣдняго, полагали бы для себя обязательнымъ или подчиниться, или немедленно уйти въ отставку.

Совершенно иначе смотрѣлъ кн. Г. Е. Львовъ. Всѣ эти осложненія казались ему, конечно, не особенно пріятными: они сильно мѣшали работать. Но въ концѣ концовъ они вовсе не имѣли для него рѣшающаго значенія. Онъ зналъ вдоль и поперекъ своихъ избирателей и, питая къ нимъ въ душѣ весьма мало уваженія, считалъ всетаки, что вести полезное дѣло можно со всякими людьми. И надо сказать: въ практическихъ вопросахъ онъ умѣлъ заставить собраніе дѣлать то, чего онъ добивался. Князь Львовъ «прекрасно понималъ, что выбрали его не изъ сочувствія къ его личности, или его взглядамъ, а просто потому, что изъ среды противниковъ избрать было некого». «Онъ считалъ себя представителемъ дѣла, а не своихъ избирателей». — «Управа въ его глазахъ была важнѣе собранія» (3), а дѣло, какъ онъ его понималъ, важнѣе управы. И потому онъ никогда не связывалъ себя формальными требованіями закона или земскихъ традицій, а смѣло дѣйствовалъ самостоятельно, по требованію обстоятельствъ, мало считаясь и съ собраніемъ, и съ управскою коллегіей.

Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, онъ, по требованію правыхъ, исходатайствовалъ созывъ экстреннаго земскаго собранія («пусть поговорятъ, отведутъ

1) Само собою разумѣлось, что земля подлежала бы отчужденію только съ соотвѣтствующимъ выкупомъ.

2) Интересныя свѣдѣнія о Тульской депутаціи взяты мною изъ рукописныхъ «Воспоминаній» одного ея участника.

3) См. уже цитированныя «Воспоминанія» одного изъ тульскихъ губернскихъ гласныхъ.

душу!»), но, предвидя настроенія своихъ избирателей, просто не явился передъ ними и предоставилъ правымъ бранить его за глаза. Вмѣсто того, чтобы выслушивать упреки и давать объясненія по поводу участія своего въ земскихъ съѣздахъ, онъ предпочелъ уѣхать въ Москву и тамъ... присутствовать на ноябрьскомъ съѣздѣ. Никакого желанія считаться со взглядами Тульскаго собранія и подчиниться волѣ избирателей — онъ не проявилъ. А когда отдѣльные гласные упрекали его за такое поведеніе, онъ говорилъ:

— Съ чего я буду выполнять постановленія *такого* Собранія? Оно не понимаетъ положенія вещей... Скоро, быть можетъ, и собранія-то этого на свѣтѣ не будетъ!..

5.

Въ концѣ 1905 г. въ Тулѣ образовался комитетъ конституціонно-демократической партіи (ка-дэ). Душою его сталъ Николай Сергѣевичъ Лопухинъ. Время было такое, что партійная борьба захватывала самыхъ аполитичныхъ людей. Н. С. Лопухинъ увлекся ею со всѣмъ пыломъ молодости. Кружку кадетовъ удалось даже создать свою собственную газету, которая стала выходить съ начала 1906 г. подъ названіемъ «Тульская Рѣчь». Послѣ опубликованія избирательнаго закона, возникъ вопросъ, кого вести въ Государственную Думу. Лопухинъ стоялъ близко къ князю Г. Е. Львову и даже жилъ у него на квартирѣ. Естественно, подъ вліяніемъ Лопухина у комитета явилась мысль выставить кандидатуру князя Львова. Георгій Евгеніевичъ не возражалъ. Правда, полномочія его, какъ предсѣдателя управы кончались только въ 1907 г., но бороться съ реакціоннымъ направленіемъ испуганнаго революціей Тульскаго губернскаго собранія становилось все труднѣе. Надежды на переизбраніе въ 1907 г. — не существовало. Игнорировать Государственную Думу казалось совершенно невозможнымъ. Возникалъ новый могущественный факторъ въ жизни страны. Предстояло использовать его въ практическихъ цѣляхъ, попытаться внести свою работу и въ область законодательную. Построеніе избирательнаго закона не давало князю Львову ни малѣйшей надежды пройти въ Думу отъ губерніи: реакціонные помѣщичьи круги ни въ какомъ случаѣ не пропустили-бы «краснаго» князя въ Думу. Кадетскій комитетъ рѣшилъ вести его отъ города Тулы. Соглашаясь выставить свою кандидатуру, князь Львовъ долженъ былъ записаться въ партію. Это сдѣлалъ за него Лопухинъ. Но когда началась предвыборная кампанія (въ половинѣ Февраля 1906 г.) обнаружились серьезныя затрудненія. Прежде всего Георгію Евгеніевичу было некогда: практическая работа по управѣ и борьбѣ съ голодомъ занимала все время, брала всѣ силы. Къ тому же князь не чувствовалъ ни малѣйшей охоты участвовать въ избирательной борьбѣ. Выступать ораторомъ на митингахъ — отъ отказался рѣшительно. Даже на предвыборныя собранія приходилось выписывать кадетскихъ ораторовъ изъ Москвы. Съ партійной программой онъ знакомился лишь урывками: Н. С. Лопухинъ вычитывалъ князю эту программу вслухъ, по вечерамъ, на сонъ грядущій. Есть основаніе считать, что князь вовсе не раздѣлялъ всѣхъ кадетскихъ воззрѣній. В. В. Татариновъ, предводитель Каширскаго уѣзда, разсказываетъ, что въ Февралѣ 1906 г. онъ пытался примирить двухъ своихъ пріятелей — графа Владиміра Алексѣевича Бобринскаго и князя Георгія Евгеніевича Львова.

Они были близкими свойственниками (1). Но съ нѣкоторыхъ поръ гр. Бобринскій велъ въ земствѣ открытую, иногда бѣшеную кампанію противъ князя Львова. Въ семьѣ Бобринскихъ отношенія сложились не совсѣмъ мирно: часть семьи, воевавшая противъ графа Владиміра Алексѣевича, группировалась около князя Львова и, быть можетъ, именно въ этихъ семейныхъ раздорахъ надо искать основную причину запальчивости и раздраженія, съ которыми гр. Бобринскій не упускалъ случая выступать противъ своего свойственника. Но, конечно, формально нападки строились исключительно на идейныхъ, политическихъ разногласіяхъ. Вотъ въ этой области В. В. Татариновъ и попытался сблизить противниковъ. Свиданіе состоялось втроемъ, за ужиномъ въ Чернышевской гостиницѣ. Оно не привело ни къ какимъ результатамъ. Но характерна одна подробность. Послѣ весьма оживленнаго обмѣна мнѣній, гр. Бобринскій, — «чистокровный аграрій, рѣшавшій всѣ политическіе вопросы прежде всего съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ землѣ», — рѣзко обратился къ князю Львову:

— Да, ты скажи мнѣ однимъ словомъ: ты за принудительное отчужденіе или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ... вотъ какъ создаются недоразумѣнія!..

Удивленіе гр. Бобринскаго, при такомъ заявленіи, было вполнѣ законно: кандидатъ въ Думу отъ кадетской партіи рѣшительно и при свидѣтелѣ отказывался отъ весьма важнаго пункта кадетской программы. Но всякія программы, въ представленіи князя Георгія Евгеніевича, имѣли весьма мало реальнаго значенія: ему казались важными не пожеланія, написанныя на бумагѣ, а тѣ жизненныя условія, которыя даютъ большую или меньшую возможность осуществлять эти пожеланія. Вѣроятно, для него были одинаково пріемлемы (и одинаково безразличны) какъ кадетская, такъ и октябристская программы. За кадетами онъ чувствовалъ большую реальную силу, болѣе демократическую подоплеку, меньше классовыхъ предразсудковъ... Стремясь къ чистому народовластію, кадеты были ближе къ его почти безграничной вѣрѣ въ русскаго мужика, къ его обожанію русскаго народа. Быть можетъ, если бы обстоятельства сложились иначе, онъ не протестовалъ-бы и противъ октябристской программы. Но судьбѣ угодно было занести его въ бюро земскихъ съѣздовъ и онъ пошелъ съ его большинствомъ, образовавшимъ конституціонно-демократическую партію.

Впрочемъ, князь Львовъ подходилъ къ народу совсѣмъ съ другого конца, чѣмъ ученые лидеры кадетовъ. Для этихъ послѣднихъ народъ (каковъ бы онъ ни былъ) имѣлъ несомнѣнное *право* распоряжаться своею судьбою; наука не выработала иныхъ формъ проявленія народной воли, какъ вотумъ большинства; исторія доказала, что это большинство, руководимое просвѣщенными лидерами, въ концѣ концовъ съумѣетъ наладить сносно жизнь страны. Нужно было поскорѣе разбудить народную массу, пріобщить ее къ политической жизни, научить отстаивать право свое, бороться за него. Свободнымъ политическимъ учрежденіямъ предстояло выполнить эту воспитательную миссію. И вотъ почему между прочимъ политики кадетскаго типа боролись за народовластіе.

Для князя Георгія Евгеніевича народная жизнь протекала совсѣмъ въ иномъ руслѣ — очень далеко отъ конституціонныхъ вожделѣній. Правда народ-

1) Мы знаемъ, что кн. Львовъ былъ женатъ на сестрѣ гр. Бобринскаго.

ная, казалось ему, живетъ на совершенно иныхъ началахъ. Народный герой рисовался ему вовсе не въ образѣ «сознательнаго конституціоналиста», пріобщеннаго къ политической борьбѣ. Народнымъ героемъ, въ глазахъ князя, былъ и остался навсегда хозяйственный мужичекъ — Новиковъ («Иванъ Рыжій»), котораго онъ описываетъ въ такихъ чертахъ: «Иванъ Рыжій былъ подрядчикъ кирпичникъ на чекмарный кирпичъ — тогда другого не знали и выбивали кирпичъ деревяннымъ молоткомъ особой формы — «чекмаремъ». Онъ уводилъ на сторону на кирпичную работу иной разъ 20 и 30 человѣкъ изъ Поповки. Онъ былъ самый вліятельный на селѣ человѣкъ, сохранилъ о себѣ самую свѣтлую память. Онъ былъ умный и замѣчательно мягкосердный. Главной заботой его жизни былъ миръ. На все онъ смотрѣлъ всепрощающе. Всѣхъ усовѣщевалъ поступать по Божески. Когда онъ выпивалъ, а пилъ онъ, какъ настоящій пьяница, въ праздникъ выпивалъ одинъ четверть водки, онъ приходилъ въ такое умильное настроеніе, что плакалъ, все всѣмъ прощая, и говорилъ: «Богъ все видитъ, все знаетъ, всѣмъ прощаетъ. Онъ милосердный все терпитъ и намъ велѣлъ». Всѣ поговорки и присловья его были тихомирныя. Его самого называли тихомирнымъ. — «Вотъ Яковъ Парменовъ, тотъ во хмелю на руку дерзокъ, а Иванъ Иванычъ — что-жъ что пьянъ — онъ на свои выпилъ, — тихомирный человѣкъ онъ, никого не обидитъ», — говорили, глядя на него, когда онъ шелъ пьяный, шатаясь и мирно разговаривая самъ съ собою, точно продолжая прерванный съ кѣмъ то разговоръ и кого то уговаривалъ: «ну и пущай сердится, воробей и тотъ съ сердцемъ. Мало чего бываетъ, обидятъ кого, онъ и держитъ сердце. А жисть то его какова, мытарства его какія, святому великомученнику впору, живетъ вродѣ какъ при смерти. Ну и не вытерпитъ, сердцемъ закинется. Вѣдь заяцъ и тотъ передъ смертью кусается. А ты брось, не серчай. Эхъ, милый, съ Богомъ скрозь хорошо». Это былъ обычный стиль его языка»...

По убѣжденію князя Львова, Иванъ Рыжій, который хотѣлъ, чтобы все было «по Божески», былъ въ жизни народной сильнѣе и вліятельнѣе всякой власти. Миротворчество Ивановъ Рыжихъ, «смиренство» Фирсановъ, числившихся «не у полномъ разумѣ», терпѣніе и трудъ — вотъ, по князю Львову, истинныя добродѣтели, вотъ идеалы русскаго народа, на основахъ коихъ строится его жизнь. Конституціонныя свободы и политическая борьба едва-ли много прибавили-бы къ такому міросозерцанію.

П. Н. Милюковъ въ одной изъ недавнихъ статей своихъ, упоминая имя князя Львова, прибавляетъ въ скобкахъ: «сомнительный кадетъ». Это, конечно, совершенно вѣрно. Но князь Г. Е. былъ не только кадетомъ «сомнительнымъ»: онъ былъ вообще сомнительнымъ политикомъ, такъ какъ не придавалъ и не могъ придавать сколько нибудь серьезнаго значенія чисто политической дѣятельности. Его взгляды на жизнь и правду русскаго народа были такъ далеки отъ воззрѣній професіональныхъ политиковъ, что тотъ или иной пунктъ партійной программы не могъ казаться ему сколько-нибудь существеннымъ или важнымъ.

Кадетскому комитету въ Тулѣ удалось только разъ за всю выборную кампанію уговорить Георгія Евгеніевича выступить. Но на этотъ разъ обстановка предвыборнаго собранія создана совершенно особенная. Въ частномъ домѣ одного изъ избирателей устроенъ чай, на который получили именныя приглашенія видные купцы и промышленники города Тулы. Собралось человѣкъ 30-40. Комитетъ немножко опасался: выдержитъ-ли князь Львовъ въ своемъ докладѣ кадетскую позицію. Но соглашаясь на это испытаніе, Георгій Евгеніевичъ категорически отказался выступать съ докладомъ.

— Чего тамъ! Просто побесѣдуемъ по-человѣчески... по душамъ, а не по программамъ...

Весь вечеръ онъ велъ мягкую, дружелюбную бесѣду, охотно говорилъ, охотно и ласково отвѣчалъ на вопросы и, по обыкновенію своему, совершенно обворожилъ собравшихся влiятельныхъ избирателей.

На выборахъ, въ концѣ Марта 1906 г., князь Львовъ отлично прошелъ въ Государственную Думу, далеко обогнавъ остальныхъ кандидатовъ.

Впрочемъ, выборы въ Тулѣ происходили въ особыхъ условiяхъ, — кажется, единственныхъ для всей Россiи.

Повсемѣстно борьба шла у кадетовъ, главнымъ образомъ, направо. И самая ожесточенная полемика велась ими противъ программы октябристовъ.

Въ Тулѣ, напротивъ, кадеты и октябристы заключили блокъ и сообща выбрали отъ города — князя Г. Е. Львова.

6.

Князь В. А. Оболенскiй разсказываетъ: «27-го Апрѣля 1906 года, въ день открытiя первой Государственной Думы, на депутатскихъ скамьяхъ возлѣ меня занялъ мѣсто скромный на видъ, нѣсколько сутулый человѣкъ съ коротко остриженной каштановой бородкой, въ сѣромъ домашнемъ пиджакѣ. По другую сторону отъ него сидѣлъ крестьянинъ въ поддевкѣ и въ сапогахъ бутылками, растерянно озиравшiйся по сторонамъ и видимо робѣвшiй отъ непривычной обстановки.

«Сосѣдъ мой его опекалъ, объясняя ему тихимъ, ласковымъ голосомъ ходъ засѣданiя, показывая — гдѣ сидитъ предсѣдатель, гдѣ министры и т. д.

«Скромный человѣкъ въ сѣромъ пиджакѣ былъ князь Георгiй Евгенiевичъ Львовъ, имѣвшiй уже тогда всероссiйскую извѣстность, какъ главный организаторъ объединенiя земствъ на помощь раненымъ японской войны.

«Раньше я видѣлъ его лишь мелькомъ на одномъ изъ земскихъ съѣздовъ и только въ первой Думѣ имѣлъ возможность присмотрѣться къ нему. При первомъ же знакомствѣ князь Львовъ внушилъ мнѣ, какъ и всѣмъ, кто съ нимъ приходилъ въ соприкосновенiе, глубокую къ себѣ симпатiю, связанную съ нѣкоторымъ недоумѣнiемъ: какъ, это тотъ самый князь Львовъ?..

«Страннымъ казалось, что этотъ крупный общественный дѣятель совершенно стушевался въ Государственной Думѣ. Онъ не только не выступалъ въ общихъ засѣданiяхъ, но и во фракцiонныхъ собранiяхъ партiи Народной Свободы бывалъ рѣдко, а когда заходилъ, садился гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, совершенно равнодушно относясь къ горячимъ подчасъ политическимъ пренiямъ. Но по тому, какъ къ нему относились наши лидеры, ведшiе съ нимъ таинственные разговоры, въ которые мы, рядовые члены, не были посвящены, чувствовалось, что онъ пользуется большимъ влiянiемъ и что съ его мнѣнiемъ считаются.

«Случайно, благодаря тому, что князь Львовъ жилъ тогда на одной квартирѣ съ моимъ прiятелемъ Ф. В. Татариновымъ, мнѣ удалось проникнуть въ тайну непонятнаго влiянiя этого скромнѣйшаго человѣка. Пользуясь своими связями и авторитетомъ, онъ велъ тогда переговоры съ представителями власти объ образованiи кадетскаго правительства.

«Георгiй Евгенiевичъ глубоко вѣрилъ въ успѣхъ предпринятаго имъ дѣла и, когда я заходилъ къ нему, глядѣлъ на меня своими ласковыми лучисты-

ми глазами, таинственно говоря: «Вотъ увидите, что все устроится къ хорошему». И, хотя я, непримиримо настроенный къ правительству «лѣвый кадетъ», относился принципіально отрицательно къ подобнымъ закулиснымъ переговорамъ, но чарующее обаяніе личности Г. Е. и его заражающая вѣра въ правильность избраннаго имъ мирнаго компромисснаго пути все обострявшагося конфликта между Думой и правительствомъ, — дѣйствовали на меня такъ сильно, что иногда я уходилъ отъ него съ сомнѣніемъ въ своихъ трафаретныхъ представленіяхъ о «допустимыхъ» методахъ политической борьбы»..(1)

Въ этихъ немногихъ строкахъ, въ сущности, сказано почти все самое существенное о пребываніи князя Львова въ первой Государственной Думѣ.

Она просуществовала, какъ извѣстно, всего 72 дня. Изъ нихъ только половина пришлась на дни рабочіе, когда происходили засѣданія. Но помпезныя общія собранія, на которыхъ священнодѣйствовалъ С. А. Муромцевъ, мало привлекали Георгія Евгеніевича. Муромцевъ, котораго онъ зналъ давно и довольно близко, вообще отнюдь не являлся его героемъ. Трудно представить себѣ людей болѣе различныхъ. Къ *праву*, облаченному въ опредѣленныя, строгія *формы*, — князь Львовъ всегда и, несмотря ни на что, относился глубоко равнодушно. Торжественность и нѣкоторая накрахмаленность Муромцева были совершенно чужды и даже враждебны житейской простотѣ, естественности и скромности князя.

Муромцевъ обдумалъ и взвѣсилъ каждую букву своего знаменитаго вступительнаго слова предсѣдателя Думы. Между прочимъ онъ сказалъ: «Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства». И мѣсто это имѣло особенный успѣхъ.

Но въ чемъ именно заключались «прерогативы конституціоннаго монарха» и права Государственной Думы, вытекающія изъ самой природы народнаго представительства?

Ни самъ «монархъ», ни его окруженіе вовсе не имѣли серьезнаго намѣренія стать «конституціонными». Волненія 1905 года вырвали манифестъ 17 Октября. Предстояло приложить всѣ усилія, чтобы все осталось по старому — и самодержавіе, и весь связанный съ нимъ режимъ.

Муромцевъ, а съ нимъ первая Государственная Дума стремились къ «совершенному осуществленію правъ, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства» и имъ казалось, что «природа» эта обезпечиваетъ не только конституціонализмъ, не только подчиненіе власти исполнительной, но и парламентаризмъ, то-есть необходимость министерства думскаго большинства. А «монархъ» и правительство смотрѣли на Думу, какъ на непріятный, чрезвычайно сложный, хлопотный, неработоспособный придатокъ къ прежней законодательной функціи власти — придатокъ, который всѣми средствами надо было обезсилить и обезвредить.

«Дума народнаго гнѣва» — сразу взяла рѣзкій и рѣшительный тонъ по отношенію къ царскому правительству. Она вѣрила, что если саботажъ правительства «выразится въ полной пріостановкѣ работы, страна поднимется, какъ одинъ человѣкъ, чтобы показать г. г. министрамъ, что законно созванное народное правительство не есть совѣтъ рабочихъ депутатовъ, и что его работа не есть революціонная фраза или партійное увлеченіе, а есть то самое важное, самое

1) «Послѣднія Новости», 1925 г., 16 Апрѣля.

нужное дѣло, безъ котораго вся земля не можетъ больше жить и дышать» (1).

— А Васька слушалъ эти грозныя реплики и продолжалъ по немножку ѣсть остатки манифеста 17 Октября. И многочисленная армія чиновниковъ старательно искала способовъ приложить къ дѣлу «разъясненія», изданныя подъ видомъ «Основныхъ законовъ» и «Учрежденія Государственной Думы». А въ тѣхъ случаяхъ, когда всего этого казалось недостаточно, сдѣлать «нажимъ на законъ», чтобы повернуть его въ благопріятную для себя сторону.

— И что-же получалось? Тотъ-же П. Н. Милюковъ писалъ: Дума «вноситъ законопроекты, судьба которыхъ неизвѣстна; выражаетъ недовѣріе (кабинету), на которое не обращаютъ вниманія; составляетъ программу дѣятельности, которую министерство отказывается выполнять; назначаетъ разслѣдованіе злоупотребленій, не располагая средствами привлечь къ отвѣту злоупотребителей; дѣлаетъ запросы, на которые отвѣчаютъ канцелярскими отписками; направляетъ къ верховной власти ходатайства, на которыя или нѣтъ отвѣта, или отвѣчаютъ не тѣ, кто имѣетъ право удовлетворить ходатайство...» (2)

При такихъ условіяхъ и конституціонныя провозглашенія Муромцева, и пламенныя рѣчи депутатовъ — только расширяли пропасть, существовавшую между Думою и правительствомъ.

Къ половинѣ Іюня для всѣхъ стало яснымъ, что никакой совмѣстной работы не выйдетъ. Предстояло рѣшаться или на роспускъ Думы, или на созданіе такого министерства, съ которымъ наличная Дума могла ужиться.

Большимъ вліяніемъ на Николая II пользовался въ это время дворцовый комендантъ Дм. Ѳ. Треповъ — человѣкъ не глупый и чрезвычайно рѣшительный. Несмотря на свои крайне правыя убѣжденія, онъ выступилъ передъ императоромъ съ предложеніемъ создать парламентское министерство изъ представителей кадетской партіи и съумѣлъ такъ заинтересовать этой идеей государя, что тотъ разрѣшилъ ему начать негласные переговоры съ лидерами кадетовъ. Состоялось тайное свиданіе Трепова съ П. Н. Милюковымъ въ одномъ изъ ресторановъ Петербурга. Кадетскій лидеръ поставилъ програмныя условія будущаго кабинета. Треповъ тщательно записалъ ихъ, чтобы передать государю. Переговоры велись П. Н. Милюковымъ безъ полномочій партіи и сохранялись въ тайнѣ. Но тѣ, кто о нихъ были освѣдомлены, относились къ замысламъ Трепова серьезно. Вотъ что однако разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ А. П. Извольскій, министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Горемыкина, весьма близко стоявшій въ тѣ дни къ вопросу о разрѣшеніи политическаго кризиса: «Разсчеты Трепова были весьма просты: кадетскій кабинетъ не преминулъ-бы, съ первыхъ же шаговъ, вступить въ рѣшительный конфликтъ съ императоромъ; съ момента возникновенія такого конфликта, генералъ Треповъ, при помощи петербургскаго гарнизона, намѣревался устранить кадетовъ и замѣнить ихъ правительство своей военной диктатурой; затѣмъ оставалось отмѣнить манифестъ 17 Октября, что Трепову казалось вполнѣ возможнымъ» (3).

Неизвѣстно, зналъ-ли Николай II провокаціонныя детали этого плана. Но переговоры съ кадетами происходили съ его благословенія.

Почти въ то-же время (25 Іюня) А. П. Извольскій рѣшился представить государю меморандумъ о современномъ политическомъ положеніи. Записка

---

1) П. Н. Милюковъ. «Рѣчь» отъ 6 Іюня 1906 г.

2) П. Н. Милюковъ. «Рѣчь» 1906 г. (цитирую по книгѣ «Годъ Борьбы», стр. 356).

3) Memoires de Alexandre Iswolsky. Payot, Paris, 1923, p. 229.

редактирована молодымъ депутатомъ Думы Н. Н. Львовымъ (тогда еще кадетомъ). Въ ней развита мысль о необходимости преобразовать непопулярный кабинетъ, ввести въ него авторитетныхъ общественныхъ дѣятелей и такимъ путемъ создать возможность соглашенія и совмѣстной работы Думы и правительства. Въ этомъ проектѣ рѣчь шла отнюдь не о кадетскомъ кабинетѣ и не о парламентаризмѣ. Напротивъ, авторъ находилъ невозможнымъ создавать министерство изъ представителей одной партіи, связанныхъ своей программой и предвыборными обѣщаніями. Предложеніе сводилось къ образованію смѣшаннаго, коалиціоннаго кабинета съ приглашеніемъ въ составъ его и лѣвыхъ представителей бюрократіи, и Д. Н. Шипова, и нѣкоторыхъ кадетовъ (Муромцева, П. Н. Милюкова). Царь заинтересовался и этой комбинаціей и поручилъ А. П. Извольскому вести соотвѣтствующіе переговоры совмѣстно со Столыпинымъ. Но у послѣдняго былъ уже свой, особливый планъ. Онъ внушалъ царю, что Дума въ теперешнемъ своемъ составѣ неработоспособна и мало чѣмъ отличается отъ революціонныхъ митинговъ. Надлежитъ немедленно распустить ее. Но сдѣлать это для смягченія возможныхъ революціонныхъ эксцессовъ должно новое министерство — съ уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ (напримѣръ, Д. Н. Шиповымъ) во главѣ.

Переговоры Извольскаго и Столыпина съ лидерами кадетовъ только укрѣпили послѣднихъ на ихъ непримиримыхъ позиціяхъ. Они требовали парламентаризма, въ данномъ случаѣ — министерства чисто кадетскаго и выдвигали въ программѣ его такіе пункты: полная амнистія, отмѣна смертной казни, снятіе исключительныхъ положеній, чистка высшей администраціи, реформа государственнаго совѣта, всеобщее избирательное право, принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель съ вознагражденіемъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ.

28 Іюня Шиповъ былъ вызванъ въ Петергофъ, гдѣ его ожидала длинная бесѣда съ государемъ. Дм. Ник. явился рѣшительнымъ противникомъ роспуска Государственной Думы. Изъ предварительныхъ переговоровъ съ Муромцевымъ и Милюковымъ онъ убѣдился, что кадетскіе лидеры не пойдутъ ни въ какое коалиціонное министерство. Отказываясь при такихъ условіяхъ отъ составленія кабинета, онъ усиленно рекомендовалъ царю рѣшиться на кадетское министерство — съ Муромцевымъ во главѣ и съ участіемъ Милюкова. Кадеты, призванные къ власти, неизбѣжно откажутся — увѣрялъ онъ — отъ проведенія своей максималистской программы и удовольствуются скромными реформами. Дума отъ безплодныхъ препирательствъ съ правительствомъ отвлечена будетъ законодательной работой, къ которой она вполнѣ способна; миръ и взаимное пониманіе установятся между властью и обществомъ.

Царь не выявилъ своего отношенія къ этому проекту, но къ почтительнымъ рѣчамъ Шипова, повидимому, прислушивался внимательно.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Шиповъ заканчиваетъ такъ описаніе эпизода. Когда 7-го Іюля онъ вернулся въ Петербургъ, Извольскій сообщилъ ему, что благопріятное отношеніе къ его докладу держалось до 5 Іюля, а затѣмъ рѣзко измѣнилось подъ вліяніемъ Столыпина. По убѣжденію Шипова, Столыпинъ давно рѣшилъ для себя вопросъ о необходимости роспуска Думы. Не видя практической возможности свалить это дѣло, казавшееся въ то время рискованнымъ, на другого, онъ рѣшилъ дерзать на него самолично. Подоспѣли убійства адмирала Чухнина и генерала Козлова; Дума выступила съ обращеніемъ къ народу въ отвѣтъ на правительственное сообщеніе Горемыкина по аграрному вопросу. Подъ вліяніемъ этихъ событій (такъ думаетъ Шиповъ)

реакціонныя теченія въ Петергофѣ возобладали и облегчили Столыпину осуществленіе его намѣреній» (1).

8 Іюля Дума распущена и Столыпинъ назначенъ премьеромъ на мѣсто Горемыкина.

Жизнь депутатовъ первой Думы протекала бурно: вѣчные конфликты съ правительствомъ въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ Таврическаго дворца, безконечно тревожные «кулуарные» слухи и разговоры, страстныя и бурныя пренія во фракціонныхъ собраніяхъ... Во всемъ этомъ кн. Львовъ участвовалъ мало. На трибунѣ Государственной Думы онъ не появлялся ни разу. Одинъ изъ видныхъ перводумцевъ кадетъ Винаверъ пишетъ по этому поводу: «Онъ (кн. Львовъ) не былъ парламентарій въ обычномъ смыслѣ этого слова. Или вѣрнѣе: онъ былъ парламентаріемъ самобытной русской складки — такимъ, какихъ выработала полувѣковая дѣятельность нашихъ земскихъ учрежденій. Не для трибуны и не для митинга, а для интимныхъ коллегіальныхъ совѣщаній, въ небольшомъ сравнительно кругу болѣе или менѣе близкихъ знакомыхъ людей. Не въ монологѣ передъ безмолвною толпою, а въ діалогѣ, гдѣ постепенно углубляется мысль подъ вліяніемъ реплики, сказывалась его творческая сила. Эта сила состояла въ умѣніи примирять мнѣнія, соединять людей, незамѣтно налаживать общее дѣло. Ему необходимо было знать, — индивидуально знать, — тотъ человѣческій составъ, на который приходилось воздѣйствовать; иначе онъ былъ безсиленъ» (2).

Какъ предсѣдатель обшеземской организаціи помощи голодающимъ, онъ попалъ въ продовольственную комиссію Госуд. Думы и былъ немедленно избранъ ея докладчикомъ и предсѣдателемъ. Онъ выписалъ изъ Москвы нѣсколькихъ своихъ сотрудниковъ и вмѣстѣ съ ними составилъ докладъ, который затѣмъ единогласно былъ принятъ думской комиссіей. Выступленіе князя Львова не состоялось, такъ какъ оказалось назначеннымъ на понедѣльникъ, 10-го Іюля, когда Дума была уже распущена...

Во фракціонныхъ засѣданіяхъ кадетской партіи кн. Львовъ обычно молчалъ, лишь прислушиваясь къ бурнымъ преніямъ. По свидѣтельству сотоварищей, его чаще всего можно было видѣть уже на отлетѣ — въ министерство внутреннихъ дѣлъ, куда онъ везъ толстый портфель ходатайствъ о помощи голодающимъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Такъ его и запечатлѣлъ однажды думскій фотографъ Булла, перехвативъ по дорогѣ. На фотографіи этой князь схваченъ съ сосредоточеннымъ, озабоченнымъ лицомъ; онъ на походѣ: все въ томъ-же домашнемъ сѣренькомъ костюмчикѣ, съ небрежно наброшенной на плечи накидкой, въ легонькой мягкой фетровой шляпѣ и съ тяжелымъ портфелемъ въ лѣвой рукѣ... Вѣчно торопясь «отъ словъ къ дѣлу» — отъ фракціонныхъ совѣщаній къ хлопотамъ о новыхъ пособіяхъ голодающимъ, онъ производилъ впечатлѣніе, что радъ *дѣлу*, которое даетъ ему возможность отойти въ сторону отъ политическихъ конфликтовъ... Рѣдкія выступленія князя Львова въ кадетской фракціи всегда имѣли цѣлью охладить революціонный пылъ и внести ноту умиротворенія. И къ этимъ рѣдкимъ выступленіямъ прислуши-

---

1) Д. Н. Шиповъ. Воспоминанія и думы о пережитомъ, М. 1918, стр. 451-460.

2) «Послѣднія Новости», 8 Марта 1925 г.

вались. Тотъ-же Винаверъ разсказываетъ: «Это особенно сказалось въ послѣдніе, роковые дни, передъ роспускомъ Думы, когда поставленъ былъ на очередь вопросъ о такъ называемомъ обращеніи къ народу, которое послужило затѣмъ предлогомъ и для роспуска Думы. Предложеніе это внесено было, какъ извѣстно, весьма умѣреннымъ депутатомъ, стоявшимъ правѣе кадетовъ, В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ и подхвачено было съ восторгомъ трудовою группою. Кадетская фракція сразу почувствовала грозу и изо всѣхъ силъ противилась идеѣ о революціонномъ манифестѣ, на которомъ настаивала лѣвая часть Думы. Однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ такого манифеста явился князь Львовъ; онъ и былъ избранъ, вмѣстѣ со мною и еще третьимъ членомъ фракціи для измѣненія всей редакціи предложеннаго намъ обращенія. Помню, какъ мы втроемъ засѣдали у меня въ кабинетѣ на Захарьевской и превращали — преимущественно по указаніямъ Львова — продуктъ необдуманнаго и безцѣльнаго въ ту минуту революціоннаго порыва, въ актъ болѣе или менѣе легальнаго изъявленія воли Государственной Думы...» (1).

Хлопоты о голодающихъ приводили къ постояннымъ сношеніямъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Обаяніе личности князя Львова не осталось безъ вліянія и на Столыпина. Къ тому же связующимъ звеномъ между ними оказалась родственница Георгія Евгеніевича, фрейлина Александра Александровна Оленина, всегда относившаяся къ своему кузену очень хорошо. Она была интимнымъ другомъ семьи Столыпиныхъ. Такимъ образомъ создались особенныя и своеобразныя отношенія. Уже очень скоро послѣ роспуска первой Государственной Думы Столыпинъ и князь Львовъ разошлись политически, но у всемогущаго министра внутреннихъ дѣлъ навсегда остались нѣкоторыя рыцарскія чувства, которыя мѣшали ему третировать князя Львова такъ, какъ онъ обычно третировалъ своихъ политическихъ противниковъ.

Во времена первой Думы хорошія отношенія еще только налаживались и Столыпинъ обмѣнивался съ княземъ Львовымъ мнѣніями о текущихъ политическихъ событіяхъ и отчасти о своихъ планахъ. Пріятельскія отношенія съ Н. Н. Львовымъ и Д. Н. Шиповымъ давали Георгію Евгеніевичу возможность быть въ курсѣ тѣхъ сложныхъ переговоровъ, которые велись въ нѣсколькихъ центрахъ по вопросу о судьбѣ первой Думы. Не осталось оффиціальныхъ слѣдовъ участія князя Львова въ этихъ переговорахъ. Записка Н. Н. Львова, попавшая черезъ Извольскаго къ государю, между прочимъ намѣчаетъ привлеченіе князя Львова въ проектируемый коалиціонный кабинетъ въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Но, внѣ всякаго сомнѣнія, имя его фигурировало во всѣхъ намѣчавшихся министерскихъ комбинаціяхъ. Въ такихъ условіяхъ онъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ сложной игры налаживанія разстроившихся отношеній между Думою и правительствомъ. По натурѣ своей, по своимъ убѣжденіямъ онъ придавалъ этой интимной сторонѣ дѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ открытымъ ссорамъ и конфликтамъ. Всегдашній оптимизмъ заставлялъ его воспринимать лишь благопріятные моменты закулисныхъ переговоровъ и до послѣдняго момента онъ вѣрилъ въ соглашеніе и мирное рѣшеніе вопроса, которымъ всячески содѣйствовалъ.

И роспускъ первой Думы засталъ его врасплохъ.

---

1) Тамъ-же.

7.

Первая Дума выросла на гребнѣ народнаго движенія — порою революціоннаго. Депутаты собрались въ Таврическомъ дворцѣ еще взволнованные и разгоряченные предшествовавшей политической борьбою. Но провалъ «бойкота» и дружное участіе страны въ выборахъ съ несомнѣнностью свидѣтельствовали, что у большинства не существовало ни малѣйшей склонности къ «перманентной революціи». Страна ждала отъ своихъ депутатовъ мирной парламентской работы для превращенія ненавистнаго приказнаго строя со всѣмъ его гнетомъ и произволомъ — въ правовое государство.

— «Мы хотѣли», — говорилъ впослѣдствіи Ф. Ф. Кокошкинъ, — «способствовать тому, чтобы Россія сдѣлалась страною свободной, правовымъ государствомъ, гдѣ право было-бы поставлено выше всего, гдѣ праву подчинены былибы всѣ, отъ высшаго представителя власти до послѣдняго гражданина. Мы хотѣли сдѣлать Россію страною счастливой и процвѣтающей. Мы знали, что для этого путь только одинъ, — поднять благосостояніе низшихъ трудящихся классовъ населенія...» (1).

Желанія, воодушевлявшія всѣхъ депутатовъ. Но лѣвые (трудовики, соціалъ-демократы) считали невозможнымъ добиться чего-нибудь безъ организаціи страны и поддержанія въ ней революціоннаго духа. Кадеты желали остаться на конституціонныхъ путяхъ. Вся масса депутатовъ охвачена была нетерпѣніемъ и непримиримымъ настроеніемъ по отношенію къ «приказной власти». Среди депутатовъ царили иллюзіи. Съ одной стороны, они вѣрили въ соціальное чудо, вѣрили въ то, что вѣками воспитанный въ абсолютизмѣ аппаратъ власти сдастся безъ долгаго и безпощаднаго боя, что «власть исполнительная подчинится власти законодательной», что чиновники или уйдутъ, или сразу откажутся отъ усвоеннаго ими вѣками обращенія съ закономъ. Съ другой стороны, царила увѣренность, что страна «какъ одинъ человѣкъ» встанетъ, въ случаѣ необходимости, на защиту своихъ избранниковъ. Эти иллюзіи необычайно повышали тонъ всѣхъ думскихъ выступленій, создавали раскаленную атмосферу, исключали возможность мирнаго соглашенія и совмѣстной работы.

И вотъ, послѣ кратковременныхъ надеждъ на парламентарное министерство, — Дума была распущена. И вчерашніе вожди, избранники народа, гордо предъявлявшіе отъ лица его требованія, оказалисъ простыми смертными. Полиція и войска не только прекратили имъ доступъ въ Таврическій дворецъ, но и сдѣлали невозможнымъ совмѣстное обсужденіе дальнѣйшаго поведенія.

Большая часть иллюзій разсѣялась сразу. Одинъ изъ видныхъ членовъ кадетской партіи (М. М. Винаверъ) пишетъ: «Я ѣхалъ (въ день роспуска Думы) къ Петрункевичу, оглядывался, искалъ на лицахъ людей, искалъ на мертвыхъ камняхъ отраженія нашего несчастья. Сонливые пѣшеходы, сонливыя лошади, сонливое солнце. Безлюдье — никакой жизни, никакого признака движенія. Кричать хотѣлось отъ ужаса и боли....» (2).

Что-же было дѣлать? на что рѣшиться? Подчиниться и разойтись молча? «И это все? послѣдній заключительный аккордъ великой эпопеи? Никакого общаго дѣйствія и даже окрика? Такая картина смерти казалась нестерпимою»... (3)

1) Изъ рѣчи на процессѣ о «Выборгскомъ воззваніи» (12-18 Декабря 1907 г).

2) М. М. Винаверъ. Исторія Выборгскаго воззванія. Петроградъ, 1917 г., стр. 9.

3) Тамъ-же, стр. 12.

Болѣе 200 депутатовъ выѣхали въ Выборгъ. Тамъ послѣ двухъ дней волнительныхъ и возбужденныхъ совѣщаній они подписали знаменитое воззваніе: «Народу отъ народныхъ представителей», въ которомъ рекомендовали Россіи «пассивное сопротивленіе»: не платить податей, не давать рекрутъ до созыва народныхъ представителей и не признавать займовъ правительства, заключенныхъ безъ согласія Думы.

А. П. Извольскій пишетъ: «Вожаки кадетской партіи сознали свою ошибку и старались объяснить ее тѣмъ, что они хотѣли такимъ образомъ помѣшать болѣе серьезнымъ революціоннымъ выступленіямъ, напримѣръ возстанію крестьянъ на Волгѣ и т. п.; я-же продолжаю думать, что актъ этотъ былъ попросту выявленіемъ ихъ доктринерскихъ идей и политической неопытности» (1). Странно искать кадетскихъ доктринерскихъ идей въ «выборгскомъ воззваніи»! Къ акту этому надо подходить не съ идейной оцѣнкой, не съ точки зрѣнія его практической цѣлесообразности. «Выборгское воззваніе» было прежде всего крикомъ отчаянія.

— «Мы, кого народъ призналъ своими вождями», — говорилъ на процессѣ Кокошкинъ, — «мы не могли молчать, это было-бы актомъ безчестнымъ съ нашей стороны — мы должны были говорить»...

И, конечно, это еще далеко не все. Душу депутатовъ волновали сложныя чувства: горечь обиды, ненависть къ физической силѣ, которой снова приходилось уступить, злоба по отношенію къ ненавистному режиму, который такъ легко и самоувѣренно смелъ съ лица земли завоеванія народа, жажда мести и возмездія, желаніе пострадать, принести личную жертву — лишь-бы не уйти безъ протеста, не принять спокойно и мирно жалкаго конца «великой эпопеи».

Психологически «окрикъ» былъ неизбѣженъ. Доктринерскія кадетскія идеи не играли тутъ никакой роли. Напротивъ, именно среди кадетской фракціи проектъ манифеста встрѣтилъ въ Выборгѣ наибольшее число противниковъ. Документъ составленъ П. Н. Милюковымъ еще въ Петербургѣ и приведенъ въ окончательный видъ комиссіей изъ представителей трехъ думскихъ фракцій, присутствовавшихъ въ Выборгѣ. Вторая часть проекта (призывъ къ «пассивному сопротивленію») менѣе всего вызывала возраженій: «это казалось (пишетъ Винаверъ) столь элементарно простымъ и естественнымъ минимумомъ, жалкимъ минимумомъ дѣйствія, оставшимся въ нашемъ распоряженіи»...

Негодующій *протестъ* могъ обойтись, конечно, и безъ этого «минимума». Но для «*окрика*», для удовлетворенія чувствъ злобы и мести — требовались сильно дѣйствующія средства: обойтись безъ угрозъ и реальнаго противодѣйствія казалось невозможнымъ. Повидимому, для всѣхъ представлялась очевидною практическая нецѣлесообразность и несостоятельность предложенныхъ средствъ борьбы. Герценштейнъ, Іоллосъ, Петражицкій и многіе другіе нападали на воззваніе съ яростью. Одинъ видный депутатъ-кадетъ, пріѣхавшій позже, съ мрачнымъ, недоумѣннымъ видомъ ходилъ между депутатами и выражалъ громко удивленіе, какъ это они, «умные люди», допустили до такого шага.

П. Н. Милюковъ, какъ не-депутатъ, не участвовалъ въ пленарныхъ засѣданіяхъ. Его призывали лишь въ антрактахъ, чтобы убѣждать протестантовъ. Во время обсужденій въ тѣсныхъ комнатахъ гостиницы «Бельведеръ» появи-

---

1) А. П. Извольскій. Мемуары.

лись Стаховичъ, Н. Н. Львовъ, гр. Гейденъ, но очень быстро опредѣлили свое несочувствіе предпринимаемому акту и отбыли изъ Выборга. Пріѣзжало и «польское коло», но лишь съ тѣмъ, чтобы прочесть бумагу съ отказомъ отъ участія въ думскомъ протестѣ...

Передъ обсужденіемъ второй части (призыва къ пассивному сопротивленію) произошелъ инцидентъ. Предсѣдательствовавшаго Муромцева вызвали къ губернатору, пріѣхавшему къ дверямъ гостиницы. Изъ Петербурга пришелъ приказъ немедленно распустить собраніе. Въ Выборгѣ, какъ русской крѣпости, приказъ этотъ подлежалъ безпрекословному выполненію. Губернаторъ, не желая прибѣгать къ насилію, просилъ Муромцева добровольно избавить Финляндію отъ возможныхъ осложненій. Муромцевъ обѣщалъ и немедленно отбылъ изъ гостиницы «Бельведеръ». Въ спѣшномъ порядкѣ, подъ предсѣдательствомъ кн. П. Д. Долгорукова, собраніе рѣшило, не обсуждая второй части, приступить къ подписанію воззванія. Его противники сняли свои возраженія и, подъ вліяніемъ охватившаго всѣхъ порыва, дали свои подписи.

Исключеніе составилъ одинъ князь Г. Е. Львовъ. Онъ пріѣхалъ въ Выборгъ съ самаго начала, вмѣстѣ съ другими кадетскими депутатами. Тѣснота оказалась страшная. Князя сунули въ комнату, которая была уже набита народомъ. Спать пришлось на одной кровати съ П. Н. Милюковымъ.

Князь прослушалъ пренія и въ общихъ собраніяхъ, и во фракціи. По обыкновенію, онъ не выступалъ. Да и что было говорить? Противъ чувствъ и настроеній всякіе аргументы были-бы безсильны. Его молчаніе казалось знакомъ согласія и его никто не пытался подвергать сепаратнымъ убѣжденіямъ.

Но Георгій Евгеніевичъ мало поддавался стаднымъ воздѣйствіямъ. А самъ онъ нисколько не раздѣлялъ общаго возбужденія. Еще въ Думѣ онъ всячески старался понизить паѳосъ боевыхъ настроеній. Ему казалось, что народъ (русскій народъ) не могъ послать своихъ представителей въ Петербургъ для демонстрацій. Для страны нужна Дума не «народнаго» гнѣва, котораго князь вовсе не видѣлъ и не ощущалъ,а дѣловое представительство, которое въ совмѣстной и дружной работѣ съ правительственной властью провело-бы назрѣвшія и необходимыя реформы. Это не удалось — и, быть можетъ, столько-же по винѣ вызывающей позиціи Думы, сколько и по причинѣ непримиримости правительства. Всѣ попытки наладить ихъ дружную, совмѣстную работу — по существу вполнѣ возможную — на этотъ разъ потерпѣли пораженіе... Оставалось теперь думать о будущемъ: не расширять образовавшейся пропасти, а учитывать реальное соотношеніе силъ и налаживать совмѣстную работу въ дальнѣйшемъ. Нельзя въ пылу горечи и обиды распоряжаться народомъ для тѣхъ цѣлей, которыхъ народъ никогда не ставилъ своимъ представителямъ...

Подписать Выборгское воззваніе казалось князю Львову совершенно невозможнымъ. Народу, какъ Георгій Евгеніевичъ его понималъ, должны были навсегда остаться чуждыми и непонятными тѣ чувства злобы и мести, которыми вызванъ этотъ революціонный актъ.

Доброжелательство, миротворчество, смиренство, трудъ — всѣ эти основныя народныя добродѣтели — что общаго имѣютъ они съ ненавистью, злобой и местью?...

Среди жертвенныхъ настроеній, товарищескихъ чувствъ и энтузіазма, охватившихъ въ послѣднюю минуту собравшихся, нужно было имѣть большое самообладаніе и гражданское мужество, чтобы не подписать воззванія. Под-

писывали всѣ — сторонники и противники. Нѣкоторые (какъ напримѣръ, Герценштейнъ) заявляли:

— Я противъ воззванія, но даю свою подпись.

Даже сумрачный депутатъ, негодовавшій на вожаковъ, что они, умные люди, допустили такой шагъ, кончилъ тѣмъ, что подписалъ воззваніе...

Князь Львовъ остался вѣренъ себѣ. Но стоило ему это не дешево. М. М. Винаверъ разсказываетъ: «Отъ душевнаго потрясенія онъ свалился съ ногъ, и больной, на рукахъ друзей, внесенъ былъ въ вагонъ, въ которомъ мы отправлялись обратно изъ Выборга въ Петербургъ...» (1)

Прошло нѣсколько лѣтъ. Ни Муромцева, ни Столыпина уже не было въ живыхъ. Князь Львовъ сидѣлъ какъ-то у одного знакомаго.

— Что это у васъ? — неожиданно спросилъ князь, поднимаясь съ кресла и подходя къ стѣнѣ, на которой въ тяжелой рамѣ висѣла большая фотографія.

— Общее собраніе первой Думы. Развѣ вы не знаете этого снимка? Онъ очень хорошъ. Я далъ его увеличить.

— Почему-же именно первой?

— Для меня она внѣ сравненій: негодующая, горячая, искренняя, молодая... Это — какъ первая любовь...

Князь Львовъ внимательно посмотрѣлъ на собесѣдника и покачалъ головою.

— Ну ужъ не знаю... А по моему, не оправдала возлагавшихся ожиданій. Не сумѣла примѣниться къ моменту и къ правительству, не сумѣла работать вмѣстѣ. Въ концѣ концовъ разошлась, ничего не сдѣлавъ.

— Развѣ можно работать съ министерствомъ Горемыкина?

— Работать можно всегда — была-бы охота. Да тогда большинству было не до того...

И князь сѣлъ въ свое кресло.

— А вы знаете, — спросилъ онъ послѣ паузы, — меня вѣдь судили....

— Кто?

— Въ партіи.

— За что-же?

— За Выборгъ... да и вообще за поведеніе въ первой Думѣ.

— Какой-же приговоръ?

— Никакого. Такъ: поговорили и бросили... (2)

---

1) «Послѣднія Новости», 1925 г., No 1494 (8 Марта) В. Д. Набоковъ считаетъ, что кн. Львовъ пріѣхалъ въ Выборгъ больнымъ и почти не показывался въ гост. «Бельведеръ» — на преніяхъ.

2) Личныя воспоминанія. По наведеннымъ мною впослѣдствіи справкамъ, никакого партійнаго «суда» надъ Г. Е. Львовымъ не происходило. Могли быть лишь разговоры и объясненія въ Центральномъ Комитетѣ, послѣ которыхъ кн. Львовъ еще болѣе отдалился отъ партійной жизни. **Тихонъ Полнеръ.**

8.

15 Іюля 1906 г. князь Львовъ пріѣхалъ въ Петербургъ какъ предсѣдатель Общеземской организаціи, для переговоровъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о помощи голодающимъ. Георгій Евгеніевичъ, какъ всегда, остановился въ гостиницѣ «Франція» (на Б. Морской) и немедленно запросилъ Столыпина, когда можно свидѣться. Въ гостиницѣ за завтракомъ встрѣтился онъ съ Д. Н. Шиповымъ, гр. П. А. Гейденомъ, М. А. Стаховичемъ, Н. Н. Львовымъ и А. И. Гучковымъ. Съ большинствомъ изъ этихъ лицъ Столыпинъ въ то время велъ усиленные переговоры.

Распустивъ первую Думу, министръ пытался загладить непріятное впечатлѣніе приглашеніемъ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей въ составъ реорганизуемаго имъ кабинета. Среди лицъ, которыя должны были покрыть своимъ авторитетомъ дѣйствія новаго правительства, намѣчались между прочимъ Д. Н. Шиповъ и кн. Г. Е. Львовъ. Но Шиповъ, рѣшительно отказавшійся ранѣе отъ возглавленія кабинета роспуска Думы, уклонился отъ переговоровъ и личныхъ встрѣчъ со Столыпинымъ. Князь Львовъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ послѣдняго. Во время завтрака князя Львова вызвалъ къ телефону предсѣдатель совѣта министровъ. Столыпинъ звалъ князя Львова пріѣхать къ нему на дачу въ 4 часа и привезти съ собою Шипова, какъ члена управленія общеземской организаціи, для совмѣстныхъ переговоровъ о помощи голодающимъ. Шиповъ понималъ, что его заманиваютъ для разговоровъ совсѣмъ иного рода. Но отказаться было нельзя и въ 4 часа дня оба представителя общеземской организаціи были у Столыпина. Рѣчь шла, конечно, не о помощи голодающимъ. Столыпинъ предлагалъ обоимъ своимъ собесѣдникамъ министерскіе портфели.

Бесѣда носила бурный и безпорядочный характеръ. Столыпинъ утверждалъ, что онъ и безъ Государственной Думы совершенно ясно видитъ, что нужно для успокоенія страны. Теперь не время разговоровъ и программъ. Надлежитъ вѣрить царю и его правительству и помочь ему въ трудную минуту безъ предъявленія какихъ-бы то ни было требованій. Для успокоенія страны необходимо выяснить, чѣмъ можно привлечь на сторону правительства отдѣльныя большія группы населенія (евреевъ, старообрядцевъ и т. п.) и немедленно дать удовлетвореніе ихъ нуждамъ. Д. Н. Шиповъ энергично возражалъ противъ намѣреній спасать Россію прежними бюрократическими пріемами и безъ Государственной Думы.

— «Я не сомнѣваюсь», — говорилъ онъ — «что такая политика приведетъ правительство на путь реакціи и не только не внесетъ въ страну успокоенія, *но заставитъ васъ прибѣгнуть черезъ два-три мѣсяца къ самымъ крутымъ мѣрамъ и репрессіямъ*».

Договориться не удалось. Уходя, общественные дѣятели поставили условія своего участія въ кабинетѣ: «привлеченіе общественныхъ дѣятелей въ министерство должно быть высочайшимъ актомъ объяснено цѣлью созданія необходимаго взаимодѣйствія правительства и общества; общественнымъ дѣятелямъ, объединившимся между собою на одной политической программѣ, должна быть предоставлена половина мѣстъ въ кабинетѣ и въ томъ числѣ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Новымъ кабинетомъ должно быть опубликовано правительственное сообщеніе, опредѣляющее задачи, которыя ставитъ себѣ кабинетъ; должны быть подготовлены къ внесенію въ Государственную Думу законопроекты по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни и регу-

лирующіе пользованіе свободами, дарованными манифестомъ 17 Октября; примѣненіе смертной казни должно быть немедленно пріостановлено, впредь до разрѣшенія вопроса законодательнымъ порядкомъ».

Столыпинъ былъ очень далекъ отъ принятія такихъ условій.

Онъ продолжалъ переговоры съ другими общественными дѣятелями — гр. Гейденомъ, М. А. Стаховичемъ, Н. Н. Львовымъ, А. И. Гучковымъ. Послѣдніе упрекали Д. Н. Шипова и кн. Львова въ слишкомъ рѣшительномъ срывѣ бесѣды, которая не дала, вѣроятно, Столыпину возможности точно уяснить себѣ пожеланія общественныхъ дѣятелей.

Чтобы устранить почву для такихъ предположеній, Д. Н. Шиповъ и кн. Львовъ направили Столыпину обширное письмо, въ которомъ обстоятельно изложили свои пожеланія и ихъ мотивировали. Письмо это носитъ явные слѣды творчества Д. Н. Шипова и написано тѣмъ точнымъ, дѣловитымъ и мягкимъ языкомъ, которымъ писалъ онъ свои доклады Московскому губернскому земскому собранію.

Они ждали нѣсколько дней (1). Но отвѣтъ пришелъ позже — въ Москву. Столыпинъ вѣжливо благодарилъ за откровенность и выражалъ сожалѣніе, что попытка его не удалась.

Переговоры съ другими общественными дѣятелями закончились такой-же неудачей.

Стаховичъ писалъ Шипову черезъ нѣсколько дней: «Къ общему удивленію ты оказался наиболѣе правымъ (въ прямомъ, а не политическомъ значеніи слова). А. Ѳ. Кони дважды отказывался, потомъ уступилъ, наконецъ вчера отказался окончательно. Столыпинъ поѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Петергофъ и вернулся неузнаваемымъ. Объявилъ, что свободныхъ только два портфеля; что Щегловитовъ очень нравится государю; что принимаетъ программу только капитулирующее правительство, а сильное само ихъ ставитъ и одолѣваетъ тѣхъ, кто съ нимъ не согласенъ; что если большинство совѣта будетъ у общественныхъ дѣятелей, то, значитъ, онъ пойдетъ къ нимъ на службу и т. д. и т. д. Словомъ, ты правъ: все хотятъ оставить по старому, не задумываясь о грядущихъ выборахъ и не желая въ сущности ни въ чемъ обновиться, а радуясь семимѣсячной отстрочкѣ. Въ результатѣ всего этого убѣжденные въ своей мощи, которую наглядно подтверждаютъ событія въ Свеаборгѣ, Самарѣ, Крон-

---

1) На случай, еслибы Столыпинъ пожелалъ возобновить переговоры, Шиповъ и кн. Львовъ заготовили слѣдующій проектъ состава коаліціоннаго кабинета:

Предсѣдатель совѣта министровъ		П. А. Столыпинъ
Министръ иностранныхъ дѣлъ		А. П. Извольскій
» финансовъ		В. Н. Коковцовъ
» путей сообщенія		Н. К. Шауфусъ
» военный		А. Ф. Редигеръ
» двора	Бар.	В. Б. Фредериксъ
» внутреннихъ дѣлъ	кн.	Г. Е. Львовъ
» юстиціи		А. Ф. Кони или С. А. Лопухинъ
» народнаго просвѣщенія		А. А. Мануиловъ
» торг. и промышленности		М. М. Ѳеодоровъ или В. И. Тимирязевъ
Главноуправляющій землѣдѣліемъ		Д. Н. Шиповъ
Оберъ прокуроръ Св. Синода	кн.	Е. Н. Трубецкой
Государственный контролеръ	гр.	П. А. Гейденъ

Весь инцидентъ вмѣстѣ съ обмѣномъ писемъ и статей подробно изложенъ у Д. Н. Шипова (см. его «Воспоминанія», стр. 461-480).

штадтѣ, бунты на броненосцѣ «Память Азова», въ Ревелѣ и гдѣ то на Кавказѣ, кромѣ обычныхъ грабежей и убійствъ, отъ которыхъ правительство, конечно, не призвано защищать, — они приглашаютъ въ министры Н. Н. Львова и А. И. Гучкова, для чего послѣдніе вызваны сегодня въ 7 час. вечера въ Петергофъ. Ѣдутъ, чтобы отказаться, но съ намѣреніемъ высказаться откровенно».

Приводя это письмо, Д. Н. Шиповъ отъ себя прибавляетъ: «Указываемое М. А. Стаховичемъ успѣшное подавленіе революціонныхъ вспышекъ, сравнительно спокойное настроеніе широкихъ общественныхъ круговъ и полное отсутствіе какого-либо вліянія на населеніе «выборгскаго воззванія» устранили, повидимому, опасенія П. А. Столыпина, возбужденныя ожидавшимся имъ широкимъ общественнымъ противодѣйствіемъ его политикѣ, и онъ поспѣшилъ отказаться отъ намѣренія привлечь въ свой кабинетъ общественныхъ дѣятелей».

Старикъ графъ Гейденъ, по поводу всей этой исторіи, выразился короче и опредѣленнѣе:

— «Очевидно», — сказалъ онъ Шипову, — «насъ съ вами приглашали на роли наемныхъ дѣтей при дамахъ легкаго поведенія».

9.

Распустивъ первую Думу, Столыпинъ хотѣлъ сохранить видъ «конституціоннаго министра». Въ послѣдній день 1906 г. онъ говорилъ корреспонденту Times'a: «Моя надежда и мои намѣренія съ помощью Думы устранить бюрократическій строй... Наши оппоненты стараются распространить мнѣніе, что правительство намѣрено распустить и вторую Думу; это — безусловная ложь, необходимо категорически ее опровергнуть».

Шиповъ утверждалъ, что Столыпину очень скоро придется прибѣгнуть «къ крутымъ мѣрамъ и репрессіямъ». «Конституціонный министръ» отвѣчалъ на это гнѣвнымъ протестомъ. Но предсказанія Шипова сбылись раньше, чѣмъ онъ думалъ. Столыпину предстояло вступить въ открытый бой не только съ революціей, но и съ уступками, ею вырванными.

Ему пришлось идти на поводу «Союза объединеннаго дворянства» и придворныхъ сферъ, вдохновляемыхъ послѣднимъ. Военно-полевые суды, широкое примѣненіе смертной казни, законодательство безъ Думы, «разъясненія» и «толкованіе» законовъ администраціей и сенатомъ, наконецъ, знаменитый «нажимъ на законъ» — всѣ эти черты Столыпинскаго режима общеизвѣстны. Страна, спрошенная на выборахъ, несмотря на рѣшительное давленіе правительства, высказалась противъ него: вторая Дума оказалась лѣвѣе первой.

Въ Тулѣ избирательную борьбу вели на этотъ разъ крайніе лѣвые: изъ четырехъ предвыборныхъ собраній — три устроены ими. Въ противовѣсъ создалось тѣсное единеніе правыхъ съ октябристами. Кадеты оставались посрединѣ воюющихъ сторонъ — въ союзѣ съ небольшою группою мирнообновленцевъ. Кадеты вновь выдвинули кандидатуру князя Г. Е. Львова. Передъ самыми выборами лѣвые предложили кадетамъ блокъ, но поставили условія: рѣшительный разрывъ съ мирнообновленцами и замѣну кн. Львова соціалъ-демократомъ Смидовичемъ (врачъ, писатель Вересаевъ).

Получивъ отказъ, крайніе лѣвые голосовали самостоятельно. Образовалось три списка: лѣвые провели 13 выборщиковъ, кадеты съ мирнообновленцами — 24, блокъ правыхъ съ октябристами — 43. Такому исходу между прочимъ посодѣйствовала губернская избирательная комиссія, исключившая

изъ состава выборщиковъ шестерыхъ лѣвыхъ рабочихъ. Значительное большинство (46 голосовъ) оказалось у правыхъ. Они вели кандидатуру И. А. Воронцова-Вельяминова, — чиновника, основавшаго въ Тулѣ незадолго передъ тѣмъ черносотенный союзъ «За царя и порядокъ». Воронцовъ-Вельяминовъ оказался выбраннымъ въ депутаты города Тулы. Князь Львовъ получилъ только 32 голоса (изъ 80 выборщиковъ).

Въ составъ второй Думы попало много крестьянъ. Крестьянскіе депутаты только и говорили о «береженіи Думы»; они ссылались на то, что крестьянство, пославшее ихъ въ Думу, хочетъ, чтобы Дума добилась для крестьянъ земли и достигала бы этой цѣли настойчиво, но терпѣливо, и не «лѣзла-бы на рожонъ» изъ-за шумныхъ демонстрацій (1). Но Думу заполняли разныя партіи. Между прочимъ два крайнихъ ея крыла — черносотенцы и соціалъ-демократы — нисколько не цѣнили Думы и готовы были въ своихъ цѣляхъ въ каждый данный моментъ взорвать ее изнутри. Работоспособность Думы при ея пестромъ составѣ оказалась крайне пониженной. И послѣ 102 дней бурнаго существованія, вторая Дума была распущена. Столыпинъ проявилъ къ ней отношеніе весьма двойственное. До выборовъ онъ увѣрялъ «сферы», что Дума на этотъ разъ будетъ послушной и работоспособной. Когда составъ ея оказался лѣвымъ, «конституціонный министръ» былъ противъ немедленнаго роспуска и пытался доказать, что работать можно и съ такою Думою. Въ то-же время онъ сталъ на стражѣ «точнаго» выполненія законовъ, касающихся Думы, и допекалъ ея предсѣдателя «въ порядкѣ придирокъ».(2) Одно изъ первыхъ столкновеній такого рода произошло по поводу приглашенія въ думскія комиссіи экспертовъ. Столыпинъ не только отрицалъ такое право за Думою, но и категорически запретилъ приставамъ Таврическаго дворца впускать экспертовъ, не командированныхъ правительствомъ. Эти пререканія коснулись и князя Г. Е. Львова.

Думская комиссія по борьбѣ съ голодомъ («продовольственная») избрана 13 Марта.

Среди вызванныхъ комиссіей экспертовъ не былъ допущенъ въ Таврическій дворецъ и князь Львовъ.

На рѣшительные протесты предсѣдателей Думы и продовольственной комиссіи, Столыпинъ отвѣтилъ назначеніемъ въ комиссію правительственнаго эксперта — чиновника Павлова и предложилъ *правительственному* врачебно-продовольственному комитету назначить своимъ представителемъ князя Г. Е. Львова. А. И. Шингаревъ писалъ по этому поводу въ газетахъ: «Самое главное и существенное обстоятельство — приглашеніе экспертовъ — далеко еще не улажено, и даже крайне полезный, почти необходимый сотрудникъ комиссіи, кн. Г. Е. Львовъ — предсѣдатель общеземской организаціи, послѣ нѣкоторой волокиты, получилъ доступъ въ комиссію въ качествѣ «командированнаго» центральнымъ комитетомъ врачебно-продовольственнаго дѣла».

Въ комиссіи, какъ видно изъ отчетовъ объ ея засѣданіяхъ, князь Львовъ сразу сдѣлался центральной фигурой; оставаясь все время на чисто дѣловой почвѣ и развернувъ передъ комиссіей огромный фактическій матеріалъ, онъ старался всячески умиротворить лѣвыхъ ея членовъ, смягчить нападки на правительство и доказывалъ техническую необходимость и возможность продук-

---

1) А. А. Кизеветтеръ (членъ второй Думы). На рубежѣ двухъ столѣтій. Прага. 1929. Стр. 451.

2) Подлинное выраженіе Столыпина.

тивно работать, какъ съ мѣстной администраціей, такъ и съ полуправительственными организаціями — Краснымъ Крестомъ и «Трудовой Помощью».

Очень скоро Столыпинъ убѣдился, что его борьба съ революціей сильно дѣйствующими средствами — не встрѣчаетъ никакого сочувствія у большинства второй Думы. Всякая надежда сговориться — исчезла. Тогда онъ уступилъ правымъ теченіямъ и сталъ готовиться къ роспуску: хитроумному г. Крыжановскому заказанъ новый избирательный законъ, который обезпечилъ-бы полное преобладаніе въ будущей Думѣ дворянства и имущихъ классовъ. При первомъ поводѣ, Дума распущена; безъ санкціи законодательныхъ учрежденій введенъ новый избирательный законъ и передъ послушными депутатами третьей Думы Столыпинъ «забылъ» о конституціи и заговорилъ о томъ, что «нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ»...

Съ изданіемъ закона 3 Іюня 1907 г., всякая возможность быть избраннымъ въ депутаты отъ Тульской губерніи для князя Г. Е. Львова — совершенно отпала.

Послѣ-революціонная реакція, какъ мы видѣли, всецѣло захватила Тульскую дворянскую и земскую среду.

Впрочемъ она дала себя знать по всей Россіи на земскихъ выборахъ 1906-1907 г. г. Земское Положеніе 1890 г. обезпечило рѣшительное преобладаніе въ земствѣ дворянско-помѣщичьему элементу. Но демократическая политика стараго земства пострадала отъ этого мало: правые дворяне земствомъ не интересовались и попросту не являлись на выборы. Во многихъ уѣздахъ въ первомъ (дворянскомъ) избирательномъ собраніи явившихся на выборы оказывалось часто менѣе требуемаго закономъ числа гласныхъ и всѣ прибывшіе объявляли себя избранными. Послѣ революціи дворяне мобилизовались. Въ 1906-7 годахъ въ первомъ избирательномъ собраніи появилось множество землевладѣльцевъ, ранѣе не интересовавшихся земскими выборами. Физіономія земскихъ собраній сильно измѣнилась. Даже въ либеральнѣйшемъ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи оказалось 60 проц. воинственно настроенныхъ правыхъ гласныхъ. Старые, почтенные гласные во многихъ уѣздахъ были забаллотированы. Столь умѣренный человѣкъ, какъ Д. Н. Шиповъ, служившій Волоколамскому уѣзду съ 1877 года, не былъ избранъ. О Тулѣ и говорить нечего. Въ Алексинскомъ уѣздѣ «красный князь» Львовъ остался за флагомъ и такимъ образомъ потерялъ сразу званіе губернскаго и даже уѣзднаго гласнаго и былъ выброшенъ за бортъ земскаго самоуправленія.

11-го Января 1906 г. скончался Рафаилъ Алексѣевичъ Писаревъ. Проводивъ своего друга до могилы, князь Г. Е. Львовъ помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» некрологъ, посвященный памяти покойнаго. Онъ писалъ между прочимъ: «Постоянно работая надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, онъ выработалъ прочныя убѣжденія, силу воли и удивительную устойчивость нравственныхъ началъ, которая обнаруживалась въ теченіе всей его жизни. Стремленіе къ высокимъ идеаламъ поднимало его духъ и давало ему силу для борьбы съ дѣйствительностью и опору противъ всего грубаго, пошлаго и безнравственнаго»...

Князь видѣлъ въ усопшемъ «назидательное и отрадное выраженіе той ду-

ховной и нравственной силы, которая должна служить основой развитія нашего общественнаго самосознанія»...

— «Должна служить!...» въ словахъ этихъ звучатъ отголоски Шиповскаго міровоззрѣнія, съ которымъ мы познакомились въ началѣ этой главы. Политика, политическая борьба требуютъ часто отъ общественнаго самосознанія совсѣмъ иныхъ проявленій. Д. Н. Шиповъ дѣлалъ героическія усилія, чтобы совмѣстить велѣнія своей совѣсти, свой открытый, прямой характеръ, свой мирный, мягкій темпераментъ съ требованіями политической борьбы. Но онъ попалъ въ вихрь революціонныхъ событій и въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію, что «то направленіе, которое приняло развитіе нашей политической жизни, обрекло страну на усиленіе въ ней на долгіе годы процесса деморализаціи, озлобленія, столкновенія интересовъ и борьбы матеріальныхъ силъ». Этотъ путь противорѣчилъ его жизнепониманію и онъ рѣшилъ «окончательно устраниться отъ активнаго участія въ политической и общественной дѣятельности»...

Его ученикъ и единомышленникъ — князь Г. Е. Львовъ — былъ менѣе послѣдователенъ. Но и ему участіе въ политической жизни Россіи въ 1905-1907 годахъ нанесло большіе удары. Онъ не искалъ этого участія. Мирная практическая работа на кровавыхъ поляхъ Манчжуріи — необыкновенно удачливая — сдѣлала князя Львова національнымъ земскимъ героемъ. Прогрессивное земство въ тѣ времена было охвачено освободительнымъ движеніемъ и выдвинуло своего героя на первый планъ. Князь Львовъ не сопротивлялся.

— «Такъ сложилось», — писалъ онъ впослѣдствіи, — что я попалъ въ этой жизненной борьбѣ въ лагерь новыхъ силъ. Всѣ воспоминанія мои связаны не съ защитой и отстаиваніемъ уходящаго прошлаго, а съ наступательнымъ движеніемъ впередъ, съ борьбою во всѣхъ направленіяхъ за новыя формы жизни»...

Онъ разумѣлъ здѣсь борьбу мирную. Къ чистой политикѣ онъ не имѣлъ никакого вкуса. Да къ ней не было у него и достаточной подготовки. Попавъ неожиданно въ первые ряды политическихъ борцовъ, онъ почувствовалъ себя крайне неуютно. Онъ могъ, конечно, восхищаться со стороны пламеннымъ энтузіазмомъ молодого Кокошкина, его познаніями, его умѣніемъ самые сложные вопросы государственнаго права сдѣлать доступными пониманію простой обывательской аудиторіи... Но князь увлекался Кокошкинымъ *со стороны*. У самого Георгія Евгеніевича совершенно не было боевого темперамента политическаго борца. Онъ, не задумываясь, примкнулъ къ прогрессивнымъ земцамъ. Но онъ хотѣлъ-бы достигнуть ихъ цѣлей средствами мирными, умягчающимъ личнымъ вліяніемъ на противниковъ, переговорами, уступками, соглашеніями, пожалуй, даже хитростью... Въ пылу политической борьбы, среди разыгравшихся страстей и ненависти князь чувствовалъ себя не на мѣстѣ. Онъ не могъ удержаться на той высотѣ, на которую вознесла его судьба. Къ нему относились съ уваженіемъ, чувствуя въ немъ крупную потенціальную силу. Но вождемъ никто его не считалъ. И, конечно, онъ никогда не былъ не только политическимъ вождемъ, но даже и вообще политикомъ-профессіоналомъ.

Тактика революціонеровъ справа и слѣва была совершенно чужда характеру князя Львова. Когда Столыпинъ укрощалъ революцію, открыто опираясь при этомъ на одну лишь физическую силу, князь Львовъ, какъ и учитель его Д. Н. Шиповъ, отошелъ отъ политики. Что общаго имѣла развертывавшаяся

кровавая борьба и ненависть съ идеалами смиренства, миротворчества, доброжелательства, труда, которые Георгій Евгеніевичъ считалъ народными и предъ которыми онъ такъ охотно мысленно преклонялся?...

Но, устраняясь, по необходимости, отъ политической борьбы, князь Львовъ не могъ и не хотѣлъ слѣдовать за своимъ учителемъ до конца. Общественной дѣятельности онъ не оставилъ, несмотря на всѣ удары, нанесенные ему реакціей. И теперь, какъ всегда, онъ надѣялся еще много сдѣлать. Отсутствующіе, по прежнему, казались ему всегда не правыми. И теперь, какъ всегда, его все еще переполняло «какое-то неуловимое чувство грядущей новой весны»...

— Вспоминая незадолго до смерти свою жизнь, князь писалъ: «Все всегда вело къ воскресенью. Все всегда было лишь переходнымъ явленіемъ къ веснѣ. И никакіе ужасы, никакіе черные дни не убивали вѣры, что придетъ весна. Всѣ событія, каковы-бы они ни были, составляли для меня одну цѣпь переходныхъ этаповъ къ лучшему будущему и зимніе дни входили въ нее по закону природы для весны...»

При такой духовной природѣ никакія неудачи, никакіе «зимніе льды» не могли парализовать его вѣры, оптимизма и практической дѣятельности.

Глава пятая

ОБЩЕЗЕМСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

1.

Конструкція общеземской организаціи отличалась необычайной простотой. Въ Москвѣ ее возглавлялъ главноуполномоченный Д. Н. Шиповъ. Въ Манчжуріи дѣйствовалъ другой главноуполномоченный — князь Львовъ. Около Шипова работала московская губернская земская управа и преимущественно члены ея — М. В. Челноковъ и Н. Н. Хмѣлевъ. Счетоводство, заготовки, складъ, транспортъ, сношенія съ управами и Дальнимъ Востокомъ велись безплатно добровольцами изъ служащихъ въ управѣ. На Дальнемъ Востокѣ обязанности секретаря, бухгалтера и кассира исполняло одно лицо. Когда въ Москвѣ назрѣвала необходимость подвергнуть какіе-либо вопросы коллегіальному обсужденію, въ управы объединившихся земствъ разсылались приглашенія, и въ Москву прибывали на съѣздъ земскіе представители — по одному, по два или по три отъ земства. Послѣ обмѣна мнѣній, рѣшенія принимались единогласно. Къ голосованіямъ прибѣгать почти не приходилось. Такія собранія происходили рѣдко: впервые послѣ отправки отрядовъ съѣздъ земскихъ представителей созванъ 2-го Октября 1904 г. по случаю возвращенія въ Москву князя Львова. Въ живой бесѣдѣ вернувшійся главноуполномоченный разсказалъ о работѣ земскихъ отрядовъ. Онъ надѣялся, что теперь, послѣ оцѣнки этой работы главнокомандующимъ, сняты будутъ административныя препятствія къ участію въ общеземской организаціи и тѣхъ земствъ, которыя подверглись гоненіямъ Плеве. Ассигнованіе новыхъ средствъ крайне желательно, такъ какъ расходы въ Манчжуріи весьма значительны и трудно сказать, когда окончится война.

Восторженно привѣтствуя своего главноуполномоченнаго, съѣздъ просилъ его взять на себя хлопоты въ Петербургѣ о формальномъ уничтоженіи запретовъ покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Порученіе это не потребовало большихъ хлопотъ и уже черезъ двѣ недѣли, на съѣздѣ 17-го Октября Д. Н. Шиповъ могъ огласить слѣдующее напечатанное въ Правительственномъ Вѣстникѣ распоряженіе: «Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, въ телеграммѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о полезной и самоотверженной дѣятельности врачебно-санитарныхъ отрядовъ при Манчжурской арміи, снаряженныхъ на средства четырнадцати земствъ внутреннихъ губерній, высказывая пожеланіе объ усиленіи этихъ отрядовъ. По докладѣ о семъ Его Императорскому Величеству, министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 6-го сего Октября, за No 26,

поставилъ губернаторовъ въ извѣстность, что, въ видахъ усиленія размѣровъ помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, онъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію могущихъ возникнуть со стороны земствъ предположеній объ ассигнованіи средствъ какъ на развитіе дѣятельности уже существующихъ земскихъ врачебно-санитарныхъ отрядовъ, такъ равно и на образованіе новыхъ».

Такъ росчеркомъ пера министра общеземская организація перестала быть «учрежденіемъ, стоящимъ въ прямомъ противорѣчіи съ требованіемъ закона» и, хотя законъ этотъ ни въ чемъ не измѣнился, ни одному губернатору не приходило теперь въ голову опротестовывать постановленія земскихъ собраній о присоединеніи.

Громадное большинство земствъ воспользовалось такимъ счастливымъ оборотомъ фортуны, сдѣлавъ соотвѣтствующія постановленія и ассигновки.

Общеземская организація сразу стала знатна и богата. Но князь Г. Е. Львовъ, выполнивъ возложенное на него порученіе, счелъ необходимымъ сложить съ себя званіе главноуполномоченнаго: текущая работа въ Тулѣ требовала всего его вниманія. Собравшіеся земцы однако горячо просили его не оставлять начатаго и принять ближайшее участіе въ дѣлахъ организаціи вмѣстѣ съ Д. Н. Шиповымъ и М. В. Челноковымъ.

Въ программу знаменитаго петербургскаго съѣзда 6—9 Ноября входили вопросы и о помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Князь Львовъ долженъ былъ повторить свой разсказъ о работѣ земскихъ отрядовъ. Постановлено напечатать его и разослать во всѣ земскія управы. Выяснивъ приблизительно возможныя ассигновки и поступленія, съѣздъ призналъ, что работа земскихъ отрядовъ на весь 1905 годъ вполнѣ обезпечена и отправилъ на Дальній Востокъ телеграмму такого содержанія: «Совѣщаніе ста четырехъ земскихъ дѣятелей шлетъ всему персоналу всѣхъ земскихъ отрядовъ горячій привѣтъ и глубокую благодарность за самоотверженную работу, доказавшую силу и значеніе единенія. Шиповъ, Петрункевичъ, князь Львовъ».

Здѣсь кончается непосредственная связь благотворительной и политической работы объединившихся земствъ. Политическіе съѣзды, какъ мы видѣли, просуществовали еще годъ и уступили мѣсто и работу Государственной Думѣ. Благотворительная организація пошла своими особыми путями. Ея исторія развивалась самостоятельно.

Послѣ земскихъ собраній 1904 г. дѣло расширилось. Вести его прежними кустарными пріемами оказалось невозможнымъ. Не только на Дальнемъ Востокѣ, но и въ Москвѣ неизбѣжно предстояло создать болѣе правильную организацію. Съѣздъ 2-го Марта 1905 г. избралъ постоянное управленіе дѣлами общеземской организаціи (Д. Н. Шиповъ, кн. Г. Е. Львовъ, М. В. Челноковъ, Ѳ. А. Головинъ, Н. Н. Хмѣлевъ) и ассигновалъ 500 руб. въ мѣсяцъ на дѣлопроизводство, бухгалтерію, содержаніе склада и т. п.

Съ Іюня 1905 г. изъ разныхъ мѣстъ Россіи стали приходить слухи о серьезномъ неурожаѣ. Надвигался голодъ — въ нѣкоторыхъ губерніяхъ во много разъ болѣе серьезный, чѣмъ въ 1891-92 г. г. Интересъ къ войнѣ — послѣ пораженія при Мукденѣ и Цусимѣ — падалъ. Внутреннее недовольство росло. Все это должно было неизбѣжно отразиться на персоналѣ земскихъ отрядовъ въ Манчжуріи. За годъ пребыванія на войнѣ у персонала этого накопилось много усталости, взаимныхъ счетовъ и недоразумѣній, нервнаго раздраженія. Внѣ всякаго сомнѣнія, горячая боевая работа сразу смела бы все это. Но сраженій не было и не предвидѣлось. Большинству казалось, что новыя столкновенія безсмысленны, кампанія кончена, заключеніе мира въ ближайшемъ будущемъ

неизбѣжно. Изъ Россіи шли слухи о настойчивыхъ выступленіяхъ противъ затягиванія войны. При такихъ условіяхъ часть земскаго персонала считала своевременнымъ немедленное отозваніе отрядовъ; остальные, не вполнѣ сочувствуя такого рода демонстраціи, полагали неизбѣжнымъ, до заключенія мира, продолжать работу по борьбѣ съ эпидеміями въ арміи, но сокращать дѣятельность постепенно, безъ ущерба для дѣла и ни въ какомъ случаѣ не расширять ея.

Въ Москвѣ возникла мысль ликвидировать работу организаціи на войнѣ и перенести объединенную дѣятельность земствъ въ Россію, направивъ ее на борьбу съ голодомъ.

Съ Дальняго Востока шли противорѣчивые слухи о значеніи для арміи дальнѣйшей работы земскихъ отрядовъ. Казалось совершенно необходимымъ присутствіе тамъ лица, вполнѣ авторитетнаго для принятія окончательнаго рѣшенія. Въ случаѣ ликвидаціи, предстояла большая работа по сведенію всевозможныхъ счетовъ земствъ между собою, съ Краснымъ Крестомъ, интендантствомъ, инженернымъ и желѣнодорожнымъ вѣдомствами. Всѣ эти задачи могли быть быстро и авторитетно рѣшены однимъ лишь лицомъ — Д. Н. Шиповымъ. Уступая общимъ просьбамъ, глава организаціи выѣхалъ 20 Іюля въ Манчжурію. 23 Августа заключенъ Портсмутскій миръ. А къ 28 Сентября Д. Н. Шиповъ уже вернулся въ Москву, быстро, блестяще и къ общему удовольствію закончивъ ликвидацію работы земскихъ отрядовъ.

Тѣмъ временемъ князь Львовъ, по порученію управленія, зондировалъ въ Петербургѣ почву въ связи съ новыми задачами общеземской организаціи. Нужно замѣтить, что дѣловыя сношенія Георгія Евгеніевича со столичнымъ чиновнымъ міромъ кончались обыкновенно чрезвычайно успѣшно. Поэтому, всѣ такого рода сношенія неизмѣнно возлагались организаціей именно на него.

Въ Петербургѣ ждали серьезнаго неурожая въ 138 уѣздахъ двадцати одной губерніи. Пострадавшихъ насчитывалось до 18 милліоновъ. Помощь была необходима — и государственная (ссудная), и частная — благотворительная. Къ планамъ организаціи въ министерствѣ отнеслись сочувственно. Но князю Львову указали на возможныя формальныя трудности и посовѣтовали, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, снова прикрыться флагомъ Краснаго Креста. Эта чисто формальная зависимость отнюдь не казалась князю Львову отяготительной. Онъ добился аудіенціи у вдовствующей императрицы и уже 16 Августа вошелъ въ соотвѣтствующее соглашеніе съ Обществомъ Краснаго Креста.

Въ широкихъ слояхъ взбудораженной въ то время русской интеллигенціи общеземская организація уже не пользовалась прежнимъ престижемъ. Противъ «цензового земства» уже велась страстная агитація, и не только со стороны лѣвыхъ партій: союзъ союзовъ желалъ помогать голодающимъ самостоятельно и создалъ явочнымъ порядкомъ особую «Общественную Организацію». Чтобы смягчить антагонизмъ и конкурренцію въ дѣлѣ помощи голодающимъ, секретаріатъ управленія общеземской организаціи разработалъ особую схему работы по борьбѣ съ голодомъ: предположено создать въ каждой неурожайной губерніи, наряду съ губернскою земскою управою, губернскій комитетъ по борьбѣ съ голодомъ, предсѣдатель котораго, назначенный изъ центра (Москвы), долженъ былъ образовать комитетъ на широкихъ общественныхъ началахъ, привлекая въ него самые разнообразные элементы мѣстной интеллигенціи. Губернскій комитетъ избираетъ предсѣдателей уѣздныхъ

комитетовъ, къ работѣ которыхъ также предполагалось привлечь широкіе общественные круги.

На съѣздѣ 30 Августа 1905 г. разсматривался вопросъ о созданіи общеземской организаціи помощи голодающимъ. Предсѣдателю (князю Львову) пришлось защищать проектъ отъ нападокъ съ двухъ сторонъ. Одни земцы (болѣе лѣвые) находили совершенно излишнимъ выступать снова подъ флагомъ бюрократическаго Краснаго Креста.

— Но вѣдь Красный Крестъ, — доказывалъ князь Львовъ, — располагаетъ по закону льготнымъ тарифомъ для проѣзда людей и провоза грузовъ, что для хлѣбныхъ заготовокъ представляетъ огромное значеніе. Къ тому-же флагъ Краснаго Креста, оставляющій организаціи полную свободу дѣйствій, гарантируетъ земскихъ работниковъ отъ недоразумѣній съ мѣстной администраціей. Связь съ Краснымъ Крестомъ даетъ широкое право на сборъ пожертвованій. И само Общество Краснаго Креста обѣщало передать общеземской организаціи большіе запасы бѣлья, теплой одежды, консервовъ, оставшихся отъ военныхъ заготовокъ...

Правые земцы — представители губерній, гдѣ уже чувствовалась реакція, въ свою очередь были крайне недовольны предложенной схемой организаціи мѣстной работы, которую презрительно именовали «плодомъ третье-элементскаго творчества»; они настаивали на простой передачѣ средствъ мѣстнымъ губернскимъ земскимъ управамъ. Этихъ протестантовъ князь Львовъ успокаивалъ такими соображеніями: вездѣ, гдѣ возможно, губернскими уполномоченными будутъ назначены, конечно, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, которые создадутъ комитеты по своему усмотрѣнію; представленная схема имѣетъ значеніе лишь рекомендаціи; она послужитъ отводомъ отъ нападокъ лѣвыхъ, что важно для притока пожертвованій; голодомъ захвачены и неземскія губерніи, гдѣ все равно придется создавать мѣстные комитеты...

Дѣловые аргументы оказали достодолжное вліяніе: и погубернская организація, и флагъ Краснаго Креста въ концѣ концовъ оказались принятыми значительнымъ большинствомъ.

Схема погубернской организаціи вырабатывалась въ Москвѣ, когда князь Львовъ занятъ былъ въ Тулѣ своими обязанностями предсѣдателя управы. Узнавъ въ послѣднюю минуту объ этомъ «плодѣ третье-элементскаго творчества», князь не возражалъ. Впрочемъ, всякіе заранѣе придуманные организаціонные планы были чужды его природѣ. Князя считали замѣчательнымъ организаторомъ. Но его организаторскія способности оставались всегда совершенно своеобразными. Онъ зналъ и любилъ народныя поговорки: «дѣло укажетъ», «дѣло научитъ», «не спрашивай умнаго, не спрашивай ученаго, спрашивай бывалаго»... Вмѣстѣ съ народомъ онъ плохо вѣрилъ въ разработанные заранѣе планы, зная, какъ прихотливо складывается иной разъ дѣйствительность, какъ трудно предусмотрѣть всѣ ея изгибы. Его тактика сводилась къ повседневной работѣ, къ устраненію ловкими, часто остроумными и хитроумными ударами встрѣтившихся на пути препятствій, къ объединенію на работѣ и умиротворенію многочисленныхъ сотрудниковъ. Онъ возбуждалъ ихъ энтузіазмъ къ дѣлу, подталкивалъ и радостно привѣтствовалъ ихъ инициативу, умиротворялъ возникавшія ссоры и недоразумѣнія. Въ его дѣлѣ всегда не хватало именно опредѣленности, организаціи... За то всѣми его сотрудниками чувствовалась прелесть общей, дружной работы, казалось, совершенно свободной и независимой, но незамѣтно направляемой въ трудныхъ случаяхъ опытнымъ, умнымъ и талантливымъ вождемъ. Онъ самъ творилъ дѣло изо дня въ

день, отъ случая къ случаю, учась на практикѣ, учитывая побѣды и пораженія. И онъ любилъ, чтобы сотрудники его, не задаваясь сложными диспозиціями и планами, дѣйствовали такъ же. При этомъ князя Львова привлекали болѣе всего схемы самыя простыя, обстрѣлянныя жизнью. Въ сущности онъ былъ въ работѣ большимъ консерваторомъ. Земскія учрежденія, пятидесятилѣтнею дѣятельностью доказавшія свою работоспособность, выборные люди — плохіе или хорошіе — но *выборные* и тѣмъ самымъ признанные наиболѣе пригодными *въ данныхъ условіяхъ* — вотъ сфера, изъ которой онъ вовсе не хотѣлъ выходить. Ему вѣрилось, что въ этомъ простомъ и испытанномъ кругу можно сдѣлать многое, если не все, настойчивымъ трудомъ, доброжелательствомъ и миротворчествомъ...

Ближайшій опытъ первой голодной кампаніи, какъ будто, полностью подтвердилъ любимые пріемы работы князя Львова.

Несмотря на осложненія первой революціи, «цензовое земство», какъ общее правило, работало на мѣстахъ весьма энергично. Не помѣшалъ и флагъ «бюрократическаго учрежденія». Исполнительный Комитетъ Общества Краснаго Креста полностью принялъ погубернскую земскую организацію 12 Сентября 1905 г. и передалъ для помощи голодающимъ значительные остатки своихъ заготовокъ. 6-го Декабря удалось добиться циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, который, какъ-бы узаконяя общеземскую организацію помощи голодающимъ, предписывалъ губернаторамъ оказывать ея агентамъ всяческое содѣйствіе. Впрочемъ, препятствія встрѣчали главнымъ образомъ не мѣстные земскіе дѣятели, а лица, командированныя изъ центра. Мало-по-малу, тамъ, гдѣ создались комитеты, они сошли на нѣтъ и дѣло вели губернскія и уѣздныя управы. Пожертвованія стали поступать съ самаго начала кампаніи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ то были регулярныя отчисленія изъ жалованія всевозможныхъ служащихъ. Князь Львовъ протелеграфировалъ на Дальній Востокъ горячее воззваніе къ арміи о помощи голодающимъ, напоминая ей работу земскихъ отрядовъ. Воззваніе это появилось въ «Вѣстникѣ Манчжурской арміи». Оно привлекло вниманіе не только офицеровъ и врачей: значительная часть присланныхъ денегъ составилась буквально по грошамъ — изъ солдатскихъ приношеній. Многіе присылы сопровождались трогательными письмами. Иногда солдаты отказывались отъ улучшенія пищи въ праздники и оставшіяся въ экономіи деньги посылали въ Москву, въ кассу общеземской организаціи. Гораздо чаще — это были сборы мелкихъ пожертвованій съ упоминаніемъ о работѣ земцевъ на войнѣ и съ приложеніемъ списковъ жертвователей.

Всего за годъ поступило только въ центральную кассу организаціи болѣе 260.000 рублей пожертвованій. Главная работа велась однако на правительственныя средства. Послѣ 17 Октября графъ Витте сразу передалъ общеземской организаціи милліонъ рублей. Позже въ Петербургѣ создано междувѣдомственное совѣщаніе. Оно завѣдывало распредѣленіемъ средствъ на помощь голодающимъ. Продовольственное дѣло (ссуды на пропитаніе и обсѣмененіе) находилось въ то время въ рукахъ крестьянскихъ учрежденій. Но «совѣщаніе» рѣшило суммы на благотворительную (безвозвратную) помощь передавать не черезъ мѣстную администрацію, а непосредственно фактически дѣйствующимъ на мѣстахъ организаціямъ. Таковою оказалась почти повсемѣстно главнымъ образомъ общеземская организація, и князю Львову удалось за годъ вытащить еще милліонъ рублей черезъ междувѣдомственное совѣщаніе.

Какимъ авторитетомъ еще пользовалась въ земскихъ кругахъ общеземская

организація, видно между прочимъ изъ такого факта. Къ концу года въ Астраханской степи обнаружены случаи бубонной чумы. Одинъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи оказался подъ угрозою заноса страшной болѣзни. Земцы (губернская и уѣздная управы) рѣшили обратиться за помощью не къ правительству (какъ это всегда дѣлалось), а къ общеземской организаціи. Въ Москву, несмотря на желѣзнодорожныя забасторки, исхитрились пробраться испуганные самарскіе земцы. Общеземское управленіе немедленно созвало совѣщаніе врачей, среди которыхъ былъ и профессоръ Габричевскій. Рѣшено создать цѣпь заградительно-наблюдательныхъ отрядовъ въ Астраханской степи. Тутъже приступлено къ организаціи такихъ отрядовъ и послано предложеніе профессору Заболотному — спеціалисту по чумѣ — стать во главѣ ихъ. Посылку отрядовъ пришлось пріостановить въ виду начавшейся всеобщей забастовки, перешедшей въ Москвѣ въ вооруженное возстаніе. А въ Январѣ чума ослабѣла и почти прекратилась. Тѣмъ не менѣе проф. Заболотный проѣхалъ на средства организаціи въ Астраханскую степь, чтобы на мѣстѣ констатировать конецъ эпидеміи.

28 Октября 1905 г., по возвращеніи въ Россію Д. Н. Шипова и послѣднихъ земскихъ отрядовъ, снова состоялся съѣздъ общеземской организаціи. Переизбрано управленіе. Въ помощь ему рѣшено создать совѣтъ, при участіи котораго управленіе могло-бы распредѣлять денежныя средства, такъ какъ въ наступавшія тревожныя времена трудно было-бы созывать частые общіе съѣзды. Въ Москвѣ предположено издавать періодически «Извѣстія Общеземской Организаціи», которыя должны были служить хроникой голодной кампаніи и постепенно подготовлять матеріалъ для отчета. Въ 1905-1906 годахъ вышло десять книжекъ этого изданія.

Князь Львовъ, по горло занятый въ Тулѣ, не могъ отдавать много времени работѣ общеземской организаціи. Онъ аккуратно являлся на съѣзды и неизмѣнно привлекался къ сношеніямъ съ правительствомъ и въ особенности — къ добыванію денегъ на помощь голодающимъ, что онъ умѣлъ дѣлать необычайно успѣшно.

Послѣ выборной кампаніи въ первую Думу, князь, какъ мы знаемъ, покинулъ мѣсто предсѣдателя Тульской управы и сталъ свободнѣе. Пользуясь этимъ, Д. Н. Шиповъ отказался отъ возглавленія общеземскаго управленія. Его уговорили однако не выходить изъ состава управленія, а на мѣсто предсѣдателя единогласно избрали князя Львова.

2.

Слѣдующій сезонъ (1906-1907 г. г.) выпалъ еще болѣе бѣдственный. Съ голодомъ снова велась энергичная борьба, на которую правительству пришлось затратить до 173 милліоновъ рублей. Снова въ Петербургѣ образовался центральный комитетъ по оказанію врачебно-продовольственной помощи — изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, министерства финансовъ, государственнаго контроля. Въ многочисленную семью чиновныхъ представителей разныхъ вѣдомствъ допущены делегаты Общества Краснаго Креста, «Трудовой Помощи» и предсѣдатель общеземской организаціи. На Комитетъ возложена между прочимъ обязанность распредѣлять средства, отпускаемыя правительствомъ на благотворительную (безвозвратную) помощь голодающимъ. Комитетъ приз-

налъ благотворительную помощь необходимымъ коррективомъ къ правительственной ссудной операціи. Но онъ потребовалъ смѣтъ и доказательствъ нужды. Состязаться съ княземъ Львовымъ въ области привлеченія къ дѣлу казенныхъ денегъ оказалось не такъ-то легко: оба остальныя общества (Красный Крестъ и «Трудовая Помощь») получили вмѣстѣ меньше, чѣмъ общеземская организація, на долю которой за годъ удалось выхлопотать ассигновокъ на 3.600.000 рублей. Но правительственный комитетъ началъ дѣйствовать поздно, во второй половинѣ голоднаго года, ассигновки запаздывали, еще позже приходили въ Москву деньги. И князю Львову приходилось напрягать всю свою энергію, чтобы привлечь во-время необходимыя средства. За этотъ годъ общеземская организація собрала почти полтора милліона рублей пожертвованій, причемъ сборы организованы даже въ Англіи, Америкѣ, Финляндіи. Князь Львовъ обратился со спеціальнымъ воззваніемъ къ русскому торгово-промышленному міру, а въ Петербургѣ лично объѣздилъ управленія банковъ, кредитныхъ учрежденій и страховыхъ обществъ.

Къ концу 1906 года завершены взаимные разсчеты земствъ, участвовавшихъ въ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Въ разверстку поступило почти 600 тысячъ рублей остатковъ (1). Большая часть этихъ денегъ пожертвована земствами на благотворительную помощь голодающимъ. Въ неурожайныхъ земскихъ губерніяхъ сдѣланы сверхъ того спеціальныя ассигновки. Въ голодающихъ районахъ въ мѣстныя учрежденія организаціи также поступали пожертвованія. Все это дало возможность издержать въ кампанію 1906-1907 г. г. 6.916.000 руб., изъ которыхъ 59,7 проц. пошло на содержаніе столовыхъ, 23,8 проц. — на раздачу пайковъ и около 16 проц. — на содержаніе яслей, на медицинскую помощь, на помощь пострадавшимъ отъ пожара, наводненія, на пріобрѣтеніе рабочаго скота, топлива и проч. Организаціонные и административные расходы взяли всего 0,17 проц. бюджета. Столовыхъ и пекаренъ открыто 9.711. Всѣхъ обѣдовъ выдано 120 милліоновъ; средняя стоимость обѣда — 3,45 коп. Дѣтскихъ пріютовъ — ясель открыто 248. Раздача пайковъ производилась 1.676 000 лицамъ, причемъ дневныхъ порціонныхъ пайковъ роздано 48,5 милліоновъ.

Общеземская организація не довольствуется помощью голодающимъ. Она пытается выяснить причины постоянныхъ неурожаевъ, потрясающихъ сельское хозяйство нѣкоторыхъ районовъ Россіи. Въ половинѣ Августа 1906 года она созываетъ съѣздъ агрономовъ, обсуждающихъ мѣры борьбы съ неурожаями. Труды этого съѣзда изданы организацiей подъ названіемъ: «Неурожаи и агрономія».

Въ концѣ лѣта 1906 года почти цѣликомъ сгорѣлъ деревянный городъ Сызрань. Населеніе осталось въ ужасныхъ условіяхъ. Общеземская организація первая пришла на помощь погорѣльцамъ. Въ Сызрань посланъ врачебно-питательный отрядъ, который открылъ амбулаторіи, столовыя для дѣтей, хлѣбопекарни, лавки необходимѣйшихъ предметовъ и продовольствія, биржи строительныхъ матеріаловъ. Самарскими земскими статистиками произведена по особой программѣ перепись погорѣльцнвъ, которая дала возможность раздѣлить пострадавшихъ на разряды; каждый разрядъ получилъ билетъ особаго цвѣта,

---

1) 339.946 р. 14 к. остатка кассы общеземской организаціи и 250.000 р., полученныхъ отъ казны за пребываніе офицеровъ и солдатъ въ земскихъ лазаретахъ.

что давало возможность отпускать ихъ предъявителямъ хлѣбъ, товары и лѣсные матеріалы съ разными скидками съ заготовительныхъ цѣнъ (отъ 100 до 25 проц.).

Амбулаторія организаціи, съ первыми холодами, обнаружила появленіе и ростъ тифозныхъ заболѣваній среди погорѣльцевъ. Больницы города были разрушены пожаромъ. Благодаря связямъ князя Г. Е. Львова, удалось выписать въ Сызрань одинъ изъ роскошныхъ поѣздовъ Общества Краснаго Креста, сооруженныхъ желѣзными дорогами для эвакуаціи раненыхъ. Поѣздъ прибылъ въ Сызрань и долгое время обслуживалъ заразныхъ больныхъ города...

Блестящія кампаніи по борьбѣ съ голодомъ снова подняли имя князя Львова на необыкновенную высоту. Утвердилось окончательное мнѣніе, что никто не умѣетъ привлечь къ благотворительному дѣлу столько средствъ, какъ князь Львовъ. Его умѣнію затратить продуктивно и экономно деньги — вѣрили не только широкіе круги общества, но и петербургскіе сановники, въ рукахъ которыхъ оказывалось волею судебъ распоряженіе казенными суммами, ассигнованными на благотворительность. Эта репутація совершенно исключительнаго добытчика денегъ — навсегда утвердилась за княземъ Львовымъ...

Но голодная кампанія 1906-1907 годовъ протекала въ смутное время борьбы Столыпинскаго правительства съ революціей и ея послѣдствіями, причемъ, подъ вліяніемъ реакціи, многія земства наполнились новыми, черносотенными гласными, относившимися крайне враждебно къ общеземской организаціи, изъ которой, по ихъ мнѣнію, вышло освободительное движеніе. Во многихъ губернскихъ собраніяхъ поминали недобрыми словами эту «кадетскую затѣю», это «явочнымъ порядкомъ» создавшееся учрежденіе, во главѣ котораго стояло лицо, не имѣвшее даже званія земскаго гласнаго.

Меньшиковъ въ «Новомъ Времени» призывалъ охранныя отдѣленія Имперіи къ бдительному надзору за общеземской организаціей. Гр. Вл. А. Бобринскій выдвинулъ въ Тульскомъ губернскомъ собраніи соотвѣтствующіе лозунги; собраніе не только отказалось отъ участія въ «такъ называемой общеземской организаціи», но рѣшило спѣшно обратить вниманіе правительства на свое постановленіе. Въ нѣкоторыхъ земствахъ (напр., Курскомъ) рѣчи Бобринскаго были подхвачены. Раздались личныя нападки на князя Львова; нѣкоторые гласные говорили о «тайныхъ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ общеземской организаціей, не имѣющихъ ничего общаго съ ея оффиціальными задачами»...

Къ такимъ нападкамъ не замедлила присоединиться зловредная клевета. Никто не могъ оспаривать необыкновеннаго умѣнія князя Львова привлекать средства къ благотворительному дѣлу. Но политическіе противники говорили, что князь умѣетъ только брать деньги, но не считаетъ себя обязаннымъ отчитываться въ нихъ.

Въ дѣйствительности князь отлично понималъ значеніе отчетовъ и неизмѣнно настаивалъ на ихъ составленіи. Но онъ не пытался отливать бухгалтерію съ самаго начала предпріятія въ опредѣленныя, обязательныя для всѣхъ участниковъ формы. Да и какъ было это сдѣлать? Предпріятія начинались съ малаго и очень быстро разрастались до совершенно невѣроятныхъ размѣровъ, принимая, подъ вліяніемъ жизненныхъ требованій, прихотливыя и неожиданныя очертанія. Къ тому-же формальный цифровой отчетъ не удовлетворялъ князя Львова; ему мало было сказать, что на дѣло израсходовано столько-то денегъ. Онъ желалъ освѣтить всю общественную обстановку кампаніи, чтобы

каждому стало ясно, насколько цѣлесообразно и экономно израсходованы государственныя и общественныя средства... Такая постановка отчетности требовала времени — въ особенности при многочисленности контрагентовъ. Отъ князя постоянно и экстренно требовали отчетовъ, которые, дѣйствительно, часто запаздывали. И несмотря на все миротворчество Георгія Евгеніевича, подчасъ ему приходилось отгрызаться. Разъ какъ-то въ продовольственномъ комитетѣ въ Петербургѣ ему настойчиво указывали на «образцовые» отчеты Краснаго Креста по голодной кампаніи 1891-92 г. г. Одинъ изъ этихъ отчетовъ случайно только-что былъ въ рукахъ князя. Огромный томъ почти въ тысячу страницъ содержалъ аккуратно выписанные счета всѣхъ русскихъ отдѣленій Общества Краснаго Креста. Ни малѣйшаго намека на произведенную работу. Вездѣ тѣ-же формальныя цифры по рубрикамъ: оставалось къ началу года, поступило изъ разныхъ источниковъ, израсходовано, столько-то переходящихъ суммъ и т. д. Князь возмутился:

— Да что вы мнѣ говорите отъ отчетахъ Креста? Читалъ я этотъ знаменитый отчетъ. На тысячѣ страницъ не нашелъ дѣла. Только и узналъ, какіе дѣйствительные статскіе совѣтники сидѣли въ голодный годъ по какимъ городамъ и сколько держали при этомъ въ рукахъ «переходящихъ суммъ»...

— Правда, князь, правда... замѣтилъ, покачивая головой, присутствовавшій въ засѣданіи представитель Краснаго Креста...

Въ дѣйствительности подробнѣйшіе и обстоятельнѣйшіе отчеты общеземской организаціи и составлялись, и печатались. Но они запаздывали (1). .И этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ охотно пользовались политическіе противники.

---

1) При второмъ томѣ отчета о работѣ на войнѣ («Общеземская Организація на Дальнемъ Востокѣ») приложено такое объявленіе:

«Въ Управленіи Дѣлами Общеземской Организаціи имѣются слѣдующія изданія:

I. Общеземская Организація на Дальнемъ Востокѣ. Исторія работы и опытъ земскихъ отрядовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1904-1905 г. г. Составилъ Т. И. Полнеръ. Томъ I. Со многими иллюстраціями въ текстѣ. М. 1908. Цѣна 1 р. 50 к.

2. Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками Общеземской Организаціи. VII 922 стр. Съ тремя картами. М. 1909. Цѣна 2 р.

Содержаніе: I) Введеніе (Колонизація края въ прошломъ). 2) Санитарныя условія и медицинскія учрежденія Приамурья. 3) Пути сообщенія. 4. Рыбные промыслы. 5) Охота. 6) Лѣсъ и лѣсные промыслы. 7) Извозъ. 8) О сельскомъ хозяйствѣ Амурской и Приморской областей. 9) Минеральныя богатства Амурской и Приморской областей. 10) Промыслы и промышленность. 11) Торговля. 12) ‹Бытъ приамурскихъ крестьянъ. 13) Переселенческое дѣло на Дальнемъ Востокѣ. 14) Статистическія приложенія и библіографія.

3. Извѣстія Общеземской Организаціи. №№ 1-10 (Періодическая хроника голодной кампаніи 1905-1906 г. г.).

4. Неурожаи и агрономія. Протоколы совѣщанія агрономовъ при Общеземской Организаціи 12-13 Августа 1906 г. М. 1907.

5. Отчетъ управленія дѣлами Общеземской Организаціи по оказанію благотворительной помощи населенію мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ въ 1905 г. Кампанія 1905-1906 г. г. М. 1908.

6. Отчетъ управленія дѣлами Общеземской Организаціи по оказанію продовольственно - благотворительной помощи населенію мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ въ 1906 г. Кампанія 1905 - 1907 г. г. М. 1909.

7. Помощь погорѣльцамъ гор. Сызрани въ 1906 г. Отчетъ управ-

3.

А князь, между тѣмъ, обращая, по обыкновенію, весьма мало вниманія на такого рода нападки, готовился къ новому дѣлу. Съ урожаемъ 1907 года кончалась дѣятельность общеземской организаціи помощи голодающимъ. Отдѣльныя мѣстности, пос радавшія отъ 'резмѣрныхъ дождей, градобитія и т. п., уже не требовали напряженія соединенныхъ силъ земствъ. Помощь тамъ могла быть оказана мѣстными силами. У общеземской организаціи, послѣ четырехъ лѣтъ работы, образовались значительные остатки. Предстояло опредѣлить для нихъ достойное назначеніе.

Во время послѣдней голодной кампаніи общеземской организаціи часто приходилось сталкиваться съ бѣдствіями переселенцевъ. 1907 годъ далъ небывалую цифру движенія въ Сибирь и обратно: черезъ Челябинскъ прошло около 450 тысячъ душъ обоего пола; назадъ прибыло болѣе 56 тысячъ.

Помимо подавленія революціи, Столыпинъ, какъ извѣстно, рубилъ въ то время Гордіевъ узелъ аграрнаго вопроса. Л. Н. Толстой умолялъ его осуществить въ Россіи идеи Генри Джорджа. Куда тутъ! У Столыпина былъ свой планъ, который онъ проводилъ съ рѣшительностью и настойчивостью. Планъ этотъ извѣстенъ: походъ на общину, потерявшую въ глазахъ правительства всю свою традиціонную полицейскую прелесть; внѣдреніе личнаго, сильнаго землевладѣнія; меліораціи; продажа мужикамъ земли черезъ Крестьянскій банкъ; переселеніе. Всѣ эти мѣропріятія, энергично пущенныя въ ходъ, шли съ перебоями. Особенно волновали результаты переселенія. Въ 1907 г. было напечатано и распространено среди крестьянъ 130.000 книжекъ объ условіяхъ водворенія въ различныхъ переселенческихъ районахъ и 400.000 экземпляровъ разъясненій о порядкѣ переселенія. Можно представить себѣ, какой переполохъ произвело въ голодающей деревнѣ самое появленіе этого печатнаго матеріала, снабженнаго двуглавымъ орломъ и распространяемаго начальствомъ!... Массы голодающихъ крестьянъ — по большей части слабосильныхъ и малоземельныхъ — хлынули въ Сибирь. Къ устройству столькихъ людей никто не былъ подготовленъ и переселенцы — какъ въ пути, такъ и въ мѣстахъ вселенія — бѣдствовали. Особенно трудно было положеніе ихъ на Дальнемъ Востокѣ. Еще въ 1902 г. приамурскій генералъ-губернаторъ считалъ совершенно необходимымъ «влить въ край въ ближайшее время, по крайней мѣрѣ, милліонъ переселенцевъ».

Когда эти колонизаціонныя мечты совпали со стремленіемъ отдѣлаться въ Европейской Россіи отъ назойливыхъ требованій аграрнаго вопроса, на Дальній Востокъ двинуты были сразу массы крестьянства. Обычное годовое вселеніе въ Амурскую и Приморскую области вмѣстѣ, въ нормальное время не превышало 11-15 тысячъ человѣкъ. Въ 1907 году ихъ влилось въ край 74 тысячи. Для Дальняго Востока отмѣнено обязательное предварительное ходачество. Въ умѣ крестьянъ это отразилось такъ: «смотрѣть нечего — селись на любомъ

ленія дѣлами Общеземской Организаціи. М. 1907.

8. Обзоръ дѣятельности Общеземской Организаціи за 1906 - 1907 годъ. М. 1908.

9. Очеркъ дѣятельности земской общественно - благотворительной организаціи помощи переселенцамъ въ переселенческую кампанію 1908 г. М. 1908.

10. Отчетъ земской общественно - благотворительной организаціи по оказанію продовольственно - благотворительной и врачебной помощи переселенцамъ на Дальнемъ Востокѣ. Кампанія 1908 г.М. 1909».

мѣстѣ, а земля вездѣ — первый сортъ!...» Каково же было разочарованіе этихъ людей, когда, натерпѣвшись въ пути, они очутились въ тайгѣ и тундрахъ Приамурья! Одни изъ нихъ утверждали, что «ихъ вымели изъ Россіи земскіе начальники». Другіе со злобою говорили, что ихъ «выслало начальство», будто-бы увѣрившее ихъ, что «въ Приамурской области денегъ не нужно, ѣхать туда могутъ самые бѣдные, правительство позаботится обо всѣхъ»... Переселенческая администрація, пріемные бараки, больницы, перевозочныя средства разсчитаны на одну седьмую сдвинувшихся съ мѣста массъ... Въ новыхъ поселкахъ начались тифъ, цынга и голодъ.

Вѣсти объ этомъ проникли въ печать. Но общеземской организаціи приходилось и непосредственно сталкиваться съ переселенческою нуждою этого года. Ея уполномоченные выѣзжали въ Оренбургскую губернію, въ Тургайскую и Акмолинскую области и кормили тамъ голодныхъ переселенцевъ. Постепенно передъ управленіемъ картина переселенческаго движенія выступила въ такихъ подробностяхъ, которыя указывали, что между голодающими, которыхъ приходилось кормить на мѣстахъ, и голодающими въ пути въ переселенческихъ поѣздахъ, нѣтъ въ сущности никакой разницы и положеніе переселенцевъ даже несравненно тяжелѣе. Въ Западную Сибирь и на Дальній Востокъ посланы на развѣдку представители организаціи. Вездѣ картины нужды и бѣдствій поражали одинаково. Тогда у князя Львова созрѣла мысль идти на помощь переселенцамъ. Въ Петербургѣ эта мысль встрѣчена сочувственно — и Столыпинымъ, и княземъ Васильчиковымъ (главноуправляющимъ землеустройствомъ и земледѣліемъ). Послѣдній просилъ сосредоточить все вниманіе на Дальнемъ Востокѣ. Оба министра находили, что помощь нужна, главнымъ образомъ, въ пути: на мѣстахъ вселенія достаточно работы Переселенческаго управленія.

Въ Іюнѣ 1907 г. все было приготовлено для начала работы. Для организаціи и веденія дѣла князь Львовъ пригласилъ гр. С. А. Бобринскую и пріятельницу ея А. А. Бибикову Обѣ дамы ѣздили во Владивостокъ. Тамъ они обсудили постановку помощи съ завѣдующимъ переселенческимъ дѣломъ Приморской области и составили смѣту на кормленіе и леченіе переселенцевъ на путяхъ ихъ слѣдованія. Предпріятіе за годъ могло стоить отъ 300 до 500 тысячъ рублей.

Въ послѣднюю минуту члены управленія общеземской организаціи посовѣтовали князю, не прекращая подготовительныхъ работъ, созвать совѣщаніе представителей земствъ и представить новое начинаніе на ихъ усмотрѣніе. Съѣздъ собрался 14 Сентября. И тутъ князь Львовъ натолкнулся на неожиданныя препятствія.

Возражалъ прежде всего его другъ — Д. Н. Шиповъ. Повидимому, онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ быстрыхъ рѣшеній князя Львова. Д. Н. Шиповъ признаю всю важность упорядоченія движенія переселенцевъ, но рѣшительно протестовалъ противъ затраты на это дѣло средсвъ, принадлежащихъ организацій — безъ заранѣе полученнаго согласія губернскихъ земскихъ собраній. Учитывая новыя земскія настроенія, онъ указывалъ, что составъ гласныхъ измѣнился, уполномоченные для участія въ общеземской организаціи могутъ быть выбраны иные; срокъ полномочій теперешняго управленія кончается. При такихъ условіяхъ совершенно невозможно начинать новое дѣло, не получивъ по этому поводу точныхъ и опредѣленныхъ указаній губернскихъ земскихъ собраній.

Взгляды эти раздѣляло большинство вліятельныхъ членовъ съѣзда. Кня-

зю Львову пришлось уступить. Съѣздъ единогласно высказался въ принципѣ за помощь переселенцамъ, но предложилъ отстрочить ее до рѣшенія земскихъ собраній,

Кампанія гр. Бобринскаго и другихъ противниковъ князя Львова рѣшающаго успѣха не имѣла. Очередныя земскія собранія 1907 г. разсмотрѣли новыя предложенія общеземской организаціи. Мѣстами происходили бурные разговоры, но только 8 земствъ отказались отъ участія въ общеземской организаціи и только 4 — по мотивамъ, выдвинутымъ постановленіемъ Тулы. Новый съѣздъ состоялся 17 Февраля 1908 г. Во многихъ мѣстахъ докладъ о помощи переселенцамъ еще не былъ разсмотрѣнъ. И тѣмъ не менѣе 18 губернскихъ земствъ прислали въ Москву своихъ представителей. Съѣздъ совершенно неожиданно прошелъ ровно и гладко. Всѣ пять членовъ общеземской управы избраны на три года въ прежнемъ составѣ. Князь Львовъ не получилъ ни одного чернаго шара. Всѣ предложенія старой управы приняты.

— Что-же случилось? спрашиваютъ «Русскія Вѣдомости», излагая ходъ засѣданія (1).

— Открывая собраніе, — отвѣчаетъ газета, — кн. Г. Е. Львовъ предложилъ выборнымъ представителямъ оффиціально присоединившихся земствъ избрать предсѣдателя, провѣрить полномочія участниковъ. Онъ заявилъ, что старая управа предполагаетъ участвовать въ съѣздѣ лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Члены съѣзда получили отпечатанные оттиски отлично разработаннаго доклада. Въ залѣ засѣданія они нашли отпечатанные отчеты управы по дѣятельности на войнѣ и въ голодную кампанію 1905-1906 г. г. Актъ ревизіонной комиссіи свидѣтельствовалъ, что «книги управленія ведутся правильно и всѣ статьи какъ прихода, такъ и расхода надлежащимъ образомъ оправдываются документами». Предсѣдатель ревизіонной комиссіи, свидѣтельствуя о весьма успѣшной дѣятельности общеземской организаціи и о прекрасномъ состояніи отчетности, предложилъ съѣзду выразить глубокую благодарность всему прежнему составу управленія. Въ кассѣ оказалась свободная наличность почти въ 600 тысячъ рублей. Когда члены съѣзда возбудили вопросъ о жалованіи вновь избираемому составу управы, князь Львовъ рѣшительно высказался противъ такого предложенія.

— Это былъ дѣловой отвѣтъ на всѣ воздвигнутыя обвиненія, — восклицаетъ газета. И нѣтъ ничего удивительнаго, что общеземская организація, по прежнему, будетъ существовать, будетъ оказывать помощь голодающимъ и разовьетъ новую работу на пользу переселенцамъ, устраивая лавки, кухни, амбулаторіи на пути отъ Иркутска на Дальній Востокъ. На расходы по переселенческой кампаніи съѣздъ ассигновалъ въ распоряженіе управы 300 тысячъ рублей.

Теперь князь Львовъ рѣшилъ поставить дѣло не такъ кустарно, какъ предполагалось въ прошломъ году: въ концѣ Марта и началѣ Апрѣля на Дальній Востокъ выѣхало 140 человѣкъ (5 уполномоченныхъ, 9 помощниковъ уполномоченныхъ, 7 врачей, 15 фельдшерицъ, 40 сестеръ милосердія, 17 прикащиковъ, 6 скупщиковъ и 40 кухарей). Поѣхалъ и самъ кн. Г. Е. Львовъ.

Земскій персоналъ сопровождалъ партіи переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ, лѣчилъ, кормилъ, пытался оказывать всяческую помощь. Но скоро выяснилось, что для *всего* персонала нѣтъ достаточно дѣла въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя намѣчены правительствомъ. Весеннее движеніе

1) «Русскія Вѣдомости», 1908 г., № 51.

1908 г. оказалось значительно слабѣе, чѣмъ ожидалось, — особенно за Иркутскомъ. Желѣзныя дороги и переселенческія управленія на этотъ разъ не были астигнуты врасплохъ и справлялись со своимъ дѣломъ. Съ другой стороны, съ Дальняго Востока (особенно изъ Приморской области) доходили тревожные слухи: поселенцы прошлаго года бѣдствовали; эпидеміи среди нихъ не прекращались. Князь Львовъ временно сосредоточилъ часть земскихъ силъ въ Никольскѣ-Уссурійскомъ и поѣхалъ въ Хабаровскъ хлопотать о расширеніи дѣятельности.

Въ Приамурьѣ (Амурской и Приморской областяхъ) царило военное положеніе. Край былъ ввѣренъ попеченіямъ генерала Унтербергера, который въ пользованіи военнымъ положеніемъ не проявлялъ ни особой кровожадности, ни особой реакціонности. То былъ самый обыкновенный генералъ нѣмецкаго пошиба: сухой, корректный, приверженный къ соблюденію всяческихъ формъ; онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ лишь исполнительности и внѣшняго соблюденія закона.

Унтербергеръ встрѣтилъ князя Львова оффиціально и сухо. Но подготовленный переселенческими чиновниками генералъ-губернаторъ «не встрѣтилъ препятствій» къ допущенію земскихъ работниковъ на *грунтовыя дороги*, о чемъ только и просилъ его князь Львовъ. Въ бумагѣ изъ Петербурга значилось, что общеземской организаціи разрѣшено оказывать помощь переселенцамъ «на путяхъ ихъ слѣдованія». Генералу представлено было, что грунтовыя дороги — тоже пути слѣдованія переселенцевъ. Съ формальной точки зрѣнія нельзя было отрицать этого. И, наперекоръ видамъ центральнаго правительства, земская экспедиція попала внутрь страны, «дорвалась» до насущной помощи страдавшимъ переселенцамъ и дѣятельно занялась устройствомъ медицинскихъ пунктовъ, столовыхъ, яслей и лавокъ въ новосельческихъ деревняхъ...

Въ архаическомъ строѣ мѣстной администраціи переселенческіе чиновники оказались наиболѣе живыми и интересными людьми: среди нихъ былъ кое-кто и съ высшимъ образованіемъ; многіе изъ нихъ служили не за страхъ, а за совѣсть. Пріѣздъ большой массы земскихъ работниковъ, хорошо снабженныхъ снаряженіемъ и средствами, казался имъ счастливою случайностью. Они встрѣтили земцевъ доброжелательно и въ работѣ шли съ ними рука объ руку.

Не было замѣтно, чтобы князь Львовъ руководилъ работою своего разсѣяннаго по Дальнему Востоку персонала. Все шло какъ-то само собою. Въ нужныя минуты Георгій Евгеніевичъ, несмотря на подавляющую грандіозность разстояній, появлялся среди земскихъ работниковъ, присматривался, давалъ совѣтъ, разрѣшалъ возникшія недоразумѣнія. Все время онъ былъ на ходу. Позднѣе онъ писалъ: «За четыре мѣсяца пребыванія на Дальнемъ Востокѣ я не успѣлъ, конечно, видѣть Приморскую и Амурскую области въ полномъ ихъ объемѣ, однако мнѣ удалось познакомиться почти со всѣми типичными населенными и предположенными къ заселенію частями обѣихъ областей. Въ Амурской области я поднимался по широкой Зеѣ до Дамбуковъ, послѣдней судоходной пристани, и дальше вверхъ до впаденія рѣки Брянты и по Брянтѣ въ глухую тайгу, до золотыхъ пріисковъ Мордина, амурскаго піонера дражной промывки золота. Былъ въ призейской тайгѣ за Дамбуками, на пріискахъ Верхне-Амурской компаніи, проѣхалъ по берегу на лошадяхъ и по водѣ на лодкѣ по быстрой Селемджѣ, посѣтивъ всѣ поселки по обоимъ берегамъ ея, и осмотрѣлъ всѣ незаселенные еще участки ея до рѣки Мамына, на которые ожидались переселенцы. Въ Приморской области былъ въ долинахъ рѣки Ус-

сури и ея притоковъ: Имана, Ваку, Дуйбихе и Улахе, поднимался до ихъ верховьевъ, былъ на побережьѣ въ южной корейской части и въ долинѣ Тайдзихе, четыре раза проѣхалъ по Амуру отъ Благовѣщенска до Хабаровска, посѣтилъ массу поселковъ, бесѣдовалъ съ жителями всѣхъ положенiй и ступеней развитiя, — съ инородцами, китайцами, корейцами, крестьянами-выходцами изъ разныхъ губернiй, съ таежниками, хищниками, золотопромышленниками, съ дѣльцами, чинами переселенческаго управленiя и мѣстной администрацiи, съ военными губернаторами и генералъ-губернаторами, и то, что я видѣлъ и слышалъ, вмѣстѣ съ точными данными, полученными изъ мѣстныхъ источниковъ, совершенно измѣнило мои прежнiя представленiя о дальневосточныхъ окраинахъ и переселенческомъ и колонизацiонномъ дѣлѣ въ нихъ» (1)

Чтобы понять, какую подвижность и энергiю долженъ былъ при этомъ затратить князь Львовъ, надо представить себѣ ясно пространства, которыя приходилось ему преодолѣвать на Дальнемъ Востокѣ. Жилыя мѣста разбросаны тамъ на сотни верстъ другъ отъ друга, экономическiе культурные центры — на тысячи. Способы сообщенiя между ними и тяжелы, и дороги, и требуютъ затраты значительнаго времени. Для проѣзда взадъ и впередъ изъ Амурской области въ Приморскую требуется при самыхъ благопрiятныхъ условiяхъ не менѣе двухъ недѣль. Проѣздъ въ любой изъ новосельческихъ участковъ является цѣлымъ сложнымъ, дорогимъ предпрiятiемъ... Все это не останавливало князя Львова: онъ хотѣлъ все видѣть, обо всемъ составить себѣ возможно ясное представленiе. Этимъ однако не ограничивались его планы. Еще въ Москвѣ, приступая къ новому дѣлу на далекихъ, невѣдомыхъ окраинахъ, онъ позаботился заранѣе обезпечить для этого дѣла отчетъ, конечно, не такой, какого отъ него требовали чиновники. Князь хлопоталъ не о формальной цифровой отпискѣ, а объ отчетѣ, по которому можно было-бы судить не только о характерѣ и степени продуктивности сдѣланныхъ затратъ, но и о самомъ дѣлѣ, которое ихъ потребовало, о той обстановкѣ, въ которой оно протекло. Такой именно отчетъ только-что изданъ былъ о работѣ земскихъ отрядовъ на войнѣ (2) и князь обратился къ его составителю съ предложенiемъ написать «такую-же книгу» о работѣ земцевъ на переселенiи.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ довелось разсказать, какъ я выполнилъ возложенное на меня порученiе. Заимствую оттуда подробности, касающiяся князя Львова.

Съ каждымъ днемъ, — писалъ я, — мое бѣглое ознакомленiе съ краемъ увлекало меня больше и больше. Все было ново; многое совершенно неожиданно и непонятно. Нашъ Дальнiй Востокъ представляетъ такое странное сплетенiе экономическихъ и всякихъ иныхъ противорѣчiй, какое едва-ли можетъ быть встрѣчено гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ земного шара. Чтобы хоть сколько-нибудь осмыслить окружающее, я бросился къ печатному матерiалу. Разыскать его оказалось нелегко. Работы по изученiю края давно покрыты густымъ слоемъ пыли, и въ бойкихъ магазиназъ Владивостока, Хабаровска и Благовѣщенска я не нашелъ ни одной книги о Дальнемъ Востокѣ. Большинство работъ, которыя удалось извлечь изъ подъ развалинъ ученыхъ обществъ, занимавшихся когда то изученiемъ края, содержали данныя неполныя, отрывочныя, слу-

1) «Русскiя Вѣдомости», 1908 годъ, № 216. Статья князя Львова «Съ Дальняго Востока».

2) Общеземская Организацiя на Дальнемъ Востокѣ. Исторiя работы и опытъ земскихъ отрядовъ на театрѣ военныхъ дѣйствiй въ 1904-1905 г. Составилъ Т. И. Полнеръ. Томъ I. М. 1908.

чайныя и часто противорѣчивыя; эти книги относились ко времени, когда молодая страна находилась въ иныхъ условіяхъ. А правительство за 50 лѣтъ владѣнія краемъ не собралось произвести здѣсь сколько-нибудь серьезнаго экономическаго обслѣдованія. Я стоялъ на распутьѣ: отказаться при такихъ условіяхъ отъ описанія страны — значитъ не сказать ничего серьезнаго о переселеніи на Дальній Востокъ. Писать попросту отчетъ о земской работѣ казалось скучнымъ. Честолюбивые планы лѣзли въ голову: хотѣлось освѣтить край, поставить настоящее статистическое изслѣдованіе, выяснить противорѣчія, подвести итоги... Но, зная по опыту, какъ земцы относятся къ статистикѣ, я нѣсколько робѣлъ приступить къ рѣшительной бесѣдѣ съ княземъ. Случайное открытіе подбодрило меня. Изъ разговоровъ съ переселенческими чиновниками выяснилось, что и они сами, и Петербургъ считаютъ изслѣдованіе неотложнымъ; деньги давно отпущены, но лежатъ безъ движенія: организовать работы некому и некогда...

Мы плыли съ княземъ по Амуру — изъ Хабаровска въ Благовѣщенскъ. Спокойное, уютное путешествіе, — чуде ный воздухъ, великолѣпная панорама — особливо въ мрачныхъ «щекахъ» Хингана, — мощная, величественная рѣка... все бодрило и поднимало духъ. Пароходъ попался хорошій. За два рубля въ день кормили вполнѣ удовлетворительно. Но князь Львовъ и тутъ, какъ всегда, велъ себя своеобразно. На пристаняхъ онъ закупалъ у казачекъ рыбу, масло, молоко, яйца, картофель, зелень, хлѣбъ. Онъ самъ чистилъ овощи и рыбу и на спиртовкѣ раздѣлывалъ довольно замысловатыя кушанья. Когда я шелъ, по звонку, обѣдать или завтракать, онъ говорилъ:

— И охота Вамъ ѣсть всю эту дребедень!.. Оставайтесь-ка со мною... Вы понюхайте только, какъ пахнетъ! все натуральное, свѣжее, безъ обмана.

Пахло, въ самомъ дѣлѣ, увлекательно... Какъ-то разъ я остался и, похваливая завтракъ, робко приступилъ къ дѣлу.

— Само собой! надо использовать наше пребываніе здѣсь, — сказалъ онъ совершенно спокойно. Отчетъ напишется и безъ васъ. Надо составить книгу о Дальнемъ Востокѣ. Я былъ увѣренъ, что вы давно этимъ заняты.

Я объяснилъ, почему эта работа для меня одного непосильна. Въ составѣ нашего персонала я указалъ рядъ лицъ со спеціальной подготовкой, которыхъ можно было-бы направить на изслѣдованіе.

— Да вѣдь вы закопаетесь... и будете потомъ плавать въ матеріалѣ годами. Къ Ноябрю надо домой. А какъ вы учитываете стоимость работы?

Я разсказалъ свои предположенія.

— А покороче нельзя?

— Ничего не выйдетъ. Не сводить же въ книгѣ дневники фельдшерицъ и сестеръ милосердія... Если дѣлать, надо поставить изслѣдованіе.

— Ну что-же! дѣло хорошее... нужное дѣло. И нечего раздумывать: принимайтесь, съ Богомъ, за работу. Мы всѣ вамъ поможемъ.

Въ Благовѣщенскѣ находилась часть земскаго персонала, прибывшая баржами съ переселенцами изъ Срѣтенска. Князь нанялъ на окраинѣ города пустой домъ, въ который мы всѣ и вселились. Мѣшки, набитые сѣномъ и расположенные на полу залы, служили постелями. Никакой другой мебели не полагалось. Князь ухитрялся вести свои замѣтки, писать письма и даже оффиціальныя бумаги, сидя на своемъ мѣшкѣ и пользуясь вмѣсто стола чемоданомъ. Фельдшерицы и сестры милосердія жили въ гостиницѣ. Какъ-то генералъ Сычевскій, военный губернаторъ Амурской области, пріѣхалъ къ князю съ визитомъ. Обстановка квартиры произвела на него ошеломляющее впечатлѣ-

ніе — тѣмъ болѣе, что засталъ онъ князя за работой: надѣвъ туфли и въ пенснэ, безъ пиджака, съ засученными рукавами Георгій Евгеніевичъ съ величайшимъ усердіемъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ наводилъ щеткою ваксельный блескъ на свои ботинки.

Я такой жизни не выдержалъ. Надо было сосредоточиться надъ составленіемъ статистическихъ бланковъ, надо было чертить, размѣрять мѣста для вопросовъ и отвѣтовъ... А тутъ толпа, вѣчный шумъ, споры, нѣтъ стола... Наконецъ, я взмолился и переѣхалъ въ гостиницу. Это не прошло мнѣ даромъ. Впослѣдствіи князь саркастически увѣрялъ, что ему трудно со мной ѣздить: я для него слишкомъ «аристократиченъ».

Персоналъ временно сидѣлъ безъ дѣла, и мы устроили бѣглую рекогносцировку Амурской области. Каждый получилъ списокъ вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣтить, и порученіе посмотрѣть дороги, изслѣдовать способы передвиженія, нащупать отношеніе населенія, проштудировать волостные списки. Каждому данъ маршрутъ въ районѣ одной изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Зею. Поѣхали всѣ. Поѣхалъ и князь, выбравъ себѣ одинъ изъ дальнихъ районовъ.

Протаскавшись съ проводникомъ верхомъ на неосѣдланной лошади по довольно гиблымъ мѣстамъ дня два, усталый и разбитый, я выбрался, наконецъ, на берегъ Зеи. Здѣсь ждалъ сюрпризъ: рѣка обмелѣла и пароходы стали. Была надежда на возвращеніе въ Благовѣщенскъ лишь одного, мелко сидящаго пароходика. Два дня я прождалъ его, лежа на дровахъ и тоскливо глядя въ даль. Какъ-то ночью я былъ разбуженъ шумомъ волновавшейся толпы. Сверху, сіяя огнями, чуть ползъ давно жданный пароходикъ. Всѣмъ «міромъ» собравшаяся на берегу многочисленная публика сигнализировала: кричала, махала фонарями и горящими чурками изъ костровъ. Наконецъ, всѣ вздохнули съ облегченіемъ: пароходикъ далъ жиденькій свистокъ и сталъ забирать къ берегу. Но онъ былъ полонъ. Капитанъ бѣшено торговался съ каждымъ новымъ пассажиромъ и взялъ далеко не всѣхъ. Посовавшись среди спящихъ и сонныхъ людей, наполнявшихъ всѣ закоулки, я забрался на крышу. Около самой трубы, съ головою завернувшись въ пароходный брезентъ, спалъ уже кто-то; временами искры осыпали его и, казалось, вотъ-вотъ онъ задымится вмѣстѣ съ брезентомъ. Но искры гасли въ воздухѣ или на брезентѣ, изъ подъ котораго раздавалось мирное и аппетитное похрапываніе. Я послѣдовалъ соблазнительному примѣру и заснулъ, какъ убитый. Утромъ разбудила внезапная остановка машины. Я высунулъ голову изъ-подъ брезента. Рядомъ со мною сидѣлъ и потягивался князь Львовъ.

Послѣ неожиданной встрѣчи, мы тащились еще цѣлый день. На одномъ перекатѣ задумчиво стоялъ большой казенный пароходъ. На немъ оказался генералъ Сычевскій, выѣхавшій на ревизію и сѣвшій на мель. При этомъ что-то случилось съ машиной. Генералъ пригласилъ насъ къ себѣ и накормилъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Казенное судно было, наконецъ, снято съ мели; нашъ бойкій пароходикъ потащилъ его на буксирѣ и вечеромъ мы добрались до Благовѣщенска.

Князя ждали три телеграммы. Одна была отъ генерала Унтербергера съ просьбою немедленно прибыть въ Хабаровскъ по дѣлу исключительной важности. Телеграммы изъ Петербурга шли отъ двухъ министровъ: Столыпина и князя Васильчикова. Обѣ были лаконичны и одинаковаго содержанія: до слуха министра дошло, что общеземская организація предполагаетъ произвести на Дальнемъ Востокѣ статистическое изслѣдованіе. Организаціи разрѣшена

помощь переселенцамъ на путяхъ ихъ слѣдованія и никакое расширеніе этой задачи не можетъ быть допущено.

Оказалось, что одно изъ переселенческихъ управленій сообщило князю Васильчикову радостную вѣсть, что столь долго жданное экономическое обслѣдованіе населенія, наконецъ, можетъ осуществиться: въ составѣ общеземской организаціи есть статистики, предпринимающіе перепись. Переселенческое управленіе просило разрѣшенія присоединиться къ этой работѣ и израсходовать на нее давно ассигнованныя правительствомъ суммы.

Чего собственно испугались министры — понять трудно. Но запретительныя телеграммы воспослѣдовали «незамедлительно». Всѣ мечты объ интересной работѣ, всѣ честолюбивые планы — рушились. Приходилось бросать уже отпечатанныя въ громадномъ количествѣ подворныя карточки, поселенные и бюджетные бланки...

Я мрачно провожалъ князя Львова, уѣзжавшаго въ Хабаровскъ.

— Придется обойтись безъ вашей статистики, — говорилъ онъ. Можетъ, все къ лучшему. А то зарылись бы вы въ это изслѣдованіе...

— Не будетъ статистики, не будетъ и книги, — угрюмо отвѣчалъ я. Цифры не выдумаешь. Надъ чѣмъ работать? Изъ чего дѣлать выводы?

— Вы, по обыкновенію, впадаете въ черную меланхолію. Пишутъ книги и безъ статистики. Да и что-же дѣлать? сами видите, наша не беретъ.

— А вы не боитесь, Георгій Евгеніевичъ, что, несмотря на всѣ запреты, мы всетаки произведемъ изслѣдованіе?

Князь внимательно смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я ничего не боюсь. Прощайте, не падайте духомъ.

Позднѣе князь Львовъ вызвалъ меня во Владивостокъ. Генералъ-губернаторъ передалъ ему полученное изъ Петербурга категорическое запрещеніе всякихъ изслѣдованій. А я откровенно разсказалъ ему уже совершенно опредѣлившійся къ тому времени обходный планъ работы. Онъ молча кивнулъ головой. И запрещенное изслѣдованіе пошло полнымъ ходомъ.

Мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы уговорить переселенческихъ чиновниковъ произвести яко-бы отъ себя, по нашимъ программамъ и съ нашею помощью, то самое изслѣдованіе, которое запрещено было общеземской организаціи. Пришлось нѣсколько сократить его объемъ и, вмѣсто сплошного, сдѣлать выборочнымъ. Уже послѣ отъѣзда князя въ Россію, генералъ губернаторъ случайно узналъ, что изслѣдованіе всетаки состоялось. Мы разрабатывали въ то время собранный матеріалъ во Владивостокѣ. Пользуясь военнымъ положеніемъ, Унтербергеръ конфисковалъ всѣ заполненные бланки и отправилъ ихъ для разработки въ Петербургъ, въ центральный статистическій комитетъ, въ архивѣ котораго они пребываютъ безъ всякаго движенія и понынѣ. Къ счастью, мнѣ удалось своевременно, съ большимъ напряженіемъ силъ моихъ сотрудниковъ, снять копіи со всего матеріала; онѣ благополучно доставлены въ Москву, разработаны и легли въ основаніе нашей книги «Приамурье» (М., 1909) (1).

Ранней осенью князь распустилъ большую часть персонала и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Въ Никольскѣ-Уссурійскомъ онъ собралъ всѣхъ участниковъ по изслѣдованію края и просилъ каждаго сдѣлать соотвѣтствующій докладъ. Картина

---

1) Обо всѣхъ перипетіяхъ этого дѣла я разсказалъ подробно въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ историческомъ журналѣ «На чужой сторонѣ».

получилась стройная, но довольно безотрадная. Князь пополнилъ ее своими впечатлѣніями и передъ отъѣздомъ, въ послѣднюю недѣлю Августа, написалъ три большихъ фельетона, которое тогда-же (въ Сентябрѣ 1908 г.) напечатаны имъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1).

Книга «Приамурье» вышла лѣтомъ 1909 года. На обложкѣ значится между прочимъ: «Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 годъ» (2). Это «приложеніе», какъ и «образцовый» отчетъ Краснаго Креста о голодѣ 1891-92 г., содержитъ около тысячи печатныхъ страницъ. Но нѣтъ на нихъ и въ поминѣ ни «дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ», ни «переходящихъ суммъ». Это обширное экономическое изслѣдованіе нашего Дальняго Востока, впервые выполненное русскими людьми за 50 лѣтъ владѣнія краемъ. Особое вниманіе въ немъ удѣлено исторіи и современному положенію переселенческаго дѣла. Книга написана нѣсколькими лицами. Участіе въ ней принялъ и князь Г. Е. Львовъ, освѣтившій въ двухъ небольшихъ статьяхъ вопросы о путяхъ сообщенія и о роли казенной ссуды въ русской переселенческой политикѣ.

Книга встрѣчена въ общемъ сочувственно. Она имѣла успѣхъ не только въ прессѣ, но и у публики Трудно было предположить, что этотъ громадный томъ, пресыщенный цифрами и цитатами, найдетъ много читателей. Но въ первое же полугодіе разошлось болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ. Раздраженіе, вызванное книгою въ правительствѣ, имѣло хорошія послѣдствія. Министерство собралось, наконецъ, поставить научно разностороннее изслѣдованіе Дальняго Востока. Смѣта исчислена въ 600 тысячъ рублей. Государственная Дума охотно отпустила деньги. Приглашено болѣе ста работниковъ, въ числѣ которыхъ были и опытные спеціалисты. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряли, что «Приамурье» — ихъ настольная книга.

Изслѣдованіе не закончено въ томъ же году. Потребовалась новая ассигновка, и Дума отпустила министерству на эту работу еще 600 тысячъ рублей (3).

Неизвѣстно, были-ли когда-нибудь сведены концы съ концами и сдѣланы соотвѣтствующіе выводы...

Но князь Львовъ могъ гордиться: бѣглая рекогносцировка общеземской организаціи обратила вниманіе общества на многіе вопросы, связанные съ Дальнимъ Востокомъ, и заставила правительство приступить, наконецъ, къ правильному ихъ изученію.

Довольно суровая критика нашихъ казенныхъ переселенческихъ порядковъ, заполнявшая статьи князя Львова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», не допускала надежды на разрѣшеніе правительствомъ дальнѣйшей работы общеземской организаціи помощи переселенцамъ. Къ тому-же результаты первой кампаніи оказались весьма скромными. На земскомъ съѣздѣ 22 Марта 1909 г. князь Львовъ указалъ, что изъ 350 тысячъ, ассигнованныхъ на это дѣло, из-

---

1) «Русскія Вѣдомости», 1908 г., №№ 216, 220 и 224.

2) Отчеты о переселенческой кампаніи 1908 года вышли отдѣльно — въ 1908 г. очеркъ работы, въ 1909 г. — отчетъ денежный.

3) Вся работа по изслѣдованію (жалованье участниковъ, сдѣльная работа, путь на Дальній Востокъ и обратно, разъѣзды, полистная плата, печатаніе «Приамурья») — обошлась общеземской организаціи только 20 тысячъ рублей.

расходовано всего 197 тыс. рублей. Движеніе какъ разъ въ этомъ году оказалось весьма слабымъ: переселенческое управленіе разсчитывало на 100 тысячъ человѣкъ; общеземская организація готовилась обслужить въ пути, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ душъ, а прошло въ дѣйствительности черезъ Иркутскъ на востокъ и съ востока всего на всего 25 тысячъ. При столь неопредѣленныхъ перспективахъ работы организовать дѣло дешево и хозяйственно оказалось весьма затруднительнымъ. Къ тому-же именно помощь въ пути могла имѣть серьезное значеніе лишь въ случаѣ экстраординарнаго наплыва переселенцевъ; съ обычнымъ движеніемъ переселенческое вѣдомство справлялось довольно удовлетворительно. Не здѣсь главное зло нашей колоніальной политики. Она страдала весьма важными и кричащими дефектами. Можно-ли отъ нихъ избавиться? Прежде чѣмъ давать правительству совѣты и пробовать свои силы въ этой области, необходимо присмотрѣться къ тому, какъ поставлено дѣло въ другихъ странахъ, напр. у первоклассныхъ колонизаторовъ — англичанъ въ Канадѣ. Въ ихъ практикѣ, вѣроятно, окажутся и такіе пріемы, которые подойдутъ къ русскимъ условіямъ и могутъ быть рекомендованы и даже проведены у насъ. Слѣдовало-бы съѣздить въ Канаду, быть можетъ, и въ иныя страны, — прежде чѣмъ опредѣлять окончательно участіе и роль земствъ въ русскомъ переселенческомъ дѣлѣ.

Рѣчь князя Львова на съѣздѣ 22 Марта 1909 г. не имѣла успѣха. Никто не возражалъ противъ намѣчавшейся поѣздки. Но большинство ораторовъ рѣшительно возставало противъ пріостановки активной работы въ Россіи. Такая пріостановка казалась многимъ чуть-ли не самоубійствомъ общеземской организаціи. Но князь Львовъ не видѣлъ практической возможности и необходимости продолжать эту работу въ текущемъ году. Въ концѣ концовъ съѣздъ согласился съ его доводами, но просилъ управленіе во всякомъ случаѣ употребить всѣ усилія, чтобы не отходить отъ переселенческаго дѣла и разработать вопросъ о ближайшихъ задачахъ организаціи въ этой области.

4.

Путешествіе въ Америку (1) носило спѣшный, почти нервный характеръ. Заявленіе о необходимости познакомиться съ постановкой переселенческаго дѣла въ Канадѣ — на собраніи общеземской организаціи не обсуждалось: возраженій не было; но не было и твердаго постановленія, опредѣленной ассигновки. Поэтому князь Львовъ спѣшилъ чрезвычайно, разсчитывалъ и экономилъ до-нельзя затрачиваемыя земскія деньги. Заграницей онъ бывалъ не часто, но промчался черезъ Германію и Францію въ Лондонъ, нигдѣ не останавливаясь и лишь изъ вагона поѣзда присматриваясь къ развертывавшимся картинамъ иностраннаго сельскаго хозяйства. Въ Лондонѣ пришлось остановиться. Пароходъ Cunard Line шелъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ только черезъ нѣсколько дней. Осмотру столицы Великобританіи посвящено было мало времени и не очень много вниманія. Сѣдыя великолѣпныя стѣны парламента и Вестминстерскаго Аббатства заинтересовали князя гораздо меньше, чѣмъ пріемы постройки новыхъ домовъ въ центральной части города, гдѣ примѣнялись слсжныя машины для передвиженія и подъема громоздкихъ строительныхъ матеріаловъ.

---

1) Кн. Г. Е. Львовъ сдѣлалъ его вдвоемъ съ пищущимъ эти строки.

Даже Блеріо, какъ разъ въ эти дни перелетѣвшій Ламаншъ, и его аэропланъ, къ которому тянулся весь городъ, обратили на себя весьма мало вниманія. За то, пользуясь рекомендательнымъ письмомъ, князь разыскалъ одного русскаго агронома, заставилъ везти себя на англійскую ферму и провелъ на ней цѣлый день — отъ утра до вечера, осматривая постройки, машины, поля, обо всемъ разспрашивая и восхищаясь скотомъ — въ особенности откармливаемыми темворскими, красными свиньями...

Но вотъ, наконецъ, Ливерпуль, гигантскій трансатлантическій пароходъ, океанъ. Море все время оставалось совершенно покойнымъ и князь, быстро освоившись съ пароходною жизнью и изучивъ всѣ детали морского гиганта, больше сидѣлъ за столомъ и писалъ письма, чѣмъ гулялъ или лежалъ на палубѣ: океанъ, повидимому, мало привлекалъ его своими чарами...

Когда выяснилось, что пароходъ придетъ въ Нью-Іоркъ въ субботу, князь говорилъ спутнику:

— Гдѣ-же остановимся? придется пробыть въ городѣ дня два: въ банкъ раньше понедѣльника не попадемъ... Смотрѣли вы въ своемъ Бедекерѣ?

— Вотъ рекомендуютъ гостиницу Waldorf-Astoria.

— Да вѣдь вы, навѣрное, выбрали самую дорогую?

— Гостиница первоклассная, но далеко не самая дорогая. Ѣсть можно въ дешевыхъ ресторанчикахъ, а за номеръ на два дня заплатить долларомъ больше, долларомъ меньше... не все-ли равно? Зато увидимъ настоящій американскій отель... вѣдь это, говорятъ, чудеса въ рѣшетѣ!..

На этотъ разъ Георгій Евгеніевичъ послушался. По пріѣздѣ онъ получилъ не безъ труда небольшой номеръ въ Astoria. Сейчасъ-же князь заинтересовался хозяйствомъ гостиницы, ходилъ всюду, все смотрѣлъ, распрашивалъ по-французски (англійскаго языка онъ не зналъ) распорядителей, конторщиковъ, старшую прислугу и записалъ тогда-же собранныя свѣдѣнія (1).

Грандіозные масштабы американской жизни поражаютъ, но не особенно привлекаютъ князя. «Съ купола на 22-мъ этажѣ газеты World, — пишетъ онъ, — приходится смотрѣть на 46-й этажъ дома Зингера (612 футовъ), поднимая голову, какъ съ троттуара, а домъ Общества страхованія жизни выше дома Зингера еще на 7 саженъ (658 футовъ). Весь городъ съ высоты этихъ домовъ производитъ впечатлѣніе гигантскихъ опрокинутыхъ ящиковъ, среди которыхъ въ провалахъ тѣснятся и пропадаютъ 10-ти и 12-ти этажные дома, какъ маленькія коробки. Всѣ они съ плоскими крышами и всякія архитектурныя украшенія, которыхъ вообще очень мало, при ихъ величинѣ дѣлаются незамѣтными». — Въ этихъ тѣснинахъ идетъ невѣроятное движеніе — въ четыре яруса: подъ землей, по поверхности улицъ и надъ землею — «по желѣзнымъ мостамъ, которые охватываютъ нѣсколькими концентрическими кольцами весь Нью-Іоркъ...» «Людская толпа на улицахъ течетъ, какъ рѣка въ полую воду». Все дѣлается со спѣхомъ. Спѣшка не безпорядочная, а строго организованная и среди нея нельзя медлить, — даже похоронныя шествія на улицахъ идутъ рысью...

Особенно подавляетъ кварталъ небоскребовъ, тѣснящійся къ океану и окружающій биржу. Онъ «представляется какъ-бы колоссальною доменной печью, въ которой клокочетъ, какъ огонь, людская корысть и плавится не чугунъ, а золото. Люди швыряютъ въ нее бумаги, которыя превращаются въ ней или въ пепелъ, или въ золото и они выходятъ оттуда

1) См. «Русскія Вѣдомости», 1909 годъ, № 242.

или нищими, или озолоченными»... Вечеромъ и ночью все залито электричествомъ, которое прямо не знаютъ, куда дѣвать. Свѣтло какъ днемъ. Организація газетнаго и репортерскаго дѣла доведена до совершенства. — «Я всячески избѣгалъ корреспондентовъ по соображеніямъ практическаго свойства и хотя успѣлъ въ этомъ и не видѣлъ ни одного изъ нихъ, все таки они сумѣли и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Канадѣ — помѣстить обо мнѣ, съ оговоркой о таинственности миссіи и упорномъ нежеланіи дать имъ аудіенцію, въ нѣсколькихъ газетахъ нѣсколько статей и замѣтокъ съ подробными свѣдѣніями, не слишкомъ искажающими правду»...

— «Всѣ эти размѣры и масштабы американской жизни на первый взглядъ уродливы, какъ ихъ дома-ящики, но когда вглядишься въ нихъ поближе, нельзя не удивляться и не преклоняться съ уваженіемъ передъ этой громадной силой творчества человѣческой работы. Нью-Іоркъ — не уродство, а естественный цвѣтокъ на стеблѣ американской трудовой жизни. Рабочая страна, она чтитъ работу, умѣетъ работать, организовать работу»... Князю кажется, что Америка «предлагаетъ каждому политическое равенство, полную личную свободу и личную работу... «Кто хочетъ работать, тотъ можетъ разбогатѣть»... Только такой культъ организованной работы на широкомъ и глубокомъ фундаментѣ свободной политической жизни могъ создать въ такое короткое время такія громадныя богатства»...

И все-же это почтительное удивленіе передъ «образцовой школой труда» — не претворялось у князя въ восхищеніе передъ американцами.

— «Я не имѣю права, — такъ заканчиваетъ онъ разсказъ о первыхъ американскихъ впечатлѣніяхъ, — пробывъ такъ мало времени среди американцевъ, касаться ихъ внутренней, духовной жизни. Черезъ бритыя, сухія фигуры ихъ — съ вѣчною жвачкою во рту не просвѣчиваетъ души.... Духовные интересы *большинства*, повидимому, скрыты въ желѣзныхъ сундукахъ банковъ и на меня, попавшаго въ Нью-Іоркъ непосредственно изъ патріархальной Москвы, именно это отсутствіе проявленія духовной, внутренней жизни дѣйствовало удручающимъ образомъ. И по правдѣ сказать, я былъ несказанно радъ вырваться изъ тѣснинъ банкирскихъ домовъ, изъ атмосферы, насыщенной электричествомъ и всякими энергіями, изъ дѣлового шума и дѣловой уличной лихорадки»...

Но князю предстояло еще одно испытаніе. Спутникъ Георгія Евгеніевича умолялъ его не проѣзжать прямо въ Канаду, не побывавъ на Ніагарскомъ водопадѣ. Заѣздъ требовалъ всего одного дня, стоилъ сравнительно недорого и могъ быть сдѣланъ на личныя средства путешественниковъ. Съ неудовольствіемъ и досадою на новую отстрочку князь вошелъ вечеромъ въ переполненный поѣздъ, сейчасъ-же задремалъ на своемъ стулѣ и съ недоумѣніемъ открылъ глаза, когда сквозь окна пробивался уже свѣтъ ранняго утра и весь воздухъ наполненъ былъ равномѣрнымъ величественнымъ шумомъ водопада. Грандіозный, подавляющій чувства и мысль видъ Ніагары не захватилъ цѣликомъ Георгія Евгеніевича. Онъ добродушно присматривался къ водопаду, потряхивалъ головой, какъ-бы соглашаясь съ громадностью явленія, покорно, какъ взрослый, вовлеченный въ дѣтскую игру, продѣлалъ въ купальномъ костюмѣ всѣ трюки, устроенные изобрѣтательными янки для крѣпкихъ нервами туристовъ: пробирался на сильномъ пароходѣ, обливаемомъ брызгами,

возможно ближе къ паденію воды, пробѣгалъ по дрожащимъ подъ ногами мосткамъ между стѣною скалы и отдѣляющейся отъ всей массы воды прядью Ніагары и т.д. и т.д. Уѣзжая вечеромъ на электрическомъ трамваѣ и любуясь, дѣйствительно, прекрасными видами рѣки Ніагары, вдоль которой въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шелъ вагонъ, князь говорилъ своему спутнику:

— Ну, успокоились? Видѣли? А вѣдь и такъ можно было представить себѣ... И въ сущности, что такое? — течетъ рѣка и падаетъ. Только и всего. Я такъ и отпишу въ Москву. Иначе и сказать нечего...

Въ Монтреалѣ земцевъ привѣтливо встрѣтилъ русскій консулъ Н. Б. Струве. Онъ сообщилъ, что въ Квебекѣ ожидается океанскій пароходъ «Sardinia» съ переселенцами. Князь немедленно выѣхалъ навстрѣчу. Громадный пароходъ подошелъ къ порту Квебека по величественной рѣкѣ св. Лаврентія. На палубѣ столпились пассажиры. Составъ ихъ оказался чрезвычайно пестрымъ: рядомъ съ дамами въ модныхъ туалетахъ и шляпкахъ, жадно и робко смотрѣли на загадочный берегъ Канады люди въ нагольныхъ полушубкахъ, женщины и дѣти босыя, въ деревенскихъ полотняныхъ рубахахъ. Передъ толпою русскій парень лихо раздѣлывалъ на гармоніи.

Канада нуждалась усиленно въ колонизаціи и принимала всѣ мѣры для привлеченія иммигрантовъ. Безчисленное количество конторъ, разсѣянныхъ по Европѣ, зазываютъ переселенцевъ. Но съ отборомъ de beaux sujets иммиграціонныя власти не церемонятся. — «Il n'est pas admis de non-valeurs sur le sol de Canada» — таково общее правило. Бракуется и отправляется обратно въ Европу не менѣе 10 проц. прибывшихъ. Ихъ заманиваютъ и везутъ въ Канаду по дешевому тарифу, съ большими удобствами, пароходныя компаніи, непосредственно заинтересованныя въ приливѣ колонистовъ. Дѣло въ томъ, что могущественныя компаніи, оперирующія на безграничные капиталы Лондонскаго Сити, получаютъ отъ правительства обширныя земли вдоль возводимыхъ ими желѣзныхъ дорогъ. Земли нарѣзаются вдоль будущаго пути квадратами, въ шахматномъ порядкѣ. Одинъ квадратъ безплатно передается государствомъ во владѣніе переселенцевъ, другой продается желѣзною дорогой, которая вынуждена такимъ образомъ держать на земли невысокія цѣны. Но стремясь какъ можно скорѣе реализовать затраченные капиталы, компаніи дѣлаютъ все возможное для подготовки дикой страны къ колонизаціи и для привлеченія колонистовъ. Правительство сохраняетъ за собою надзоръ за работою частныхъ компаній и не только не допускаетъ въ страну нежелательныхъ иностранцевъ, но заставляетъ компаніи оплачивать содержаніе задержанныхъ въ иммигрантскихъ домахъ и, въ случаѣ нужды, кормить и везти безплатно обратно непринятыхъ въ Канадѣ.

«Sardinia» принадлежала самой могущественной изъ такихъ компаній — «Canadian Pacific Railway» или «Sipiar'y», какъ именуютъ ее здѣсь по первымъ буквамъ оффиціальнаго названія. На платформѣ Квебека переселенцевъ ждетъ спеціальный переселенческій поѣздъ — простой, почти суровый, но со всѣми приспособленіями, даже спальными, который везетъ ихъ черезъ Монтреаль на западъ — вглубь страны за 30 проц. обыкновеннаго тарифа. Земцы, ознакомившись съ процедурой пріемки иммигрантовъ, поѣхали съ ними дальше и по дорогѣ князь Львовъ велъ безконечныя бесѣды, разспрашивая русскихъ переселенцевъ. Изъ Монтреаля земцы двинулись съ переводчикомъ въ слѣдующую — уже совершенно англійскую провинцію Онтаріо. Вездѣ на дальнѣйшемъ пути въ столицахъ провинцій приходилось осматривать иммиграціонныя учрежденія, подобныя тѣмъ, какія имѣются въ Квебекѣ, но уже меньшихъ раз-

мѣровъ и съ болѣе свободною трактовкою колонистовъ. Только на далекомъ Западѣ, въ Ванкуверѣ—портѣ Тихаго Океана—иммигрантскіе порядки еще строже, еще суровѣе. Здѣсь ставятся рѣшительныя преграды для наплыва въ Канаду азіатовъ. Китайцы, японцы, индусы — могутъ проникнуть на заповѣдную для нихъ территорію только въ качествѣ купцовъ, студентовъ, рабочихъ и слугъ. Каждый изъ нихъ оплачиваетъ свой въѣздъ пятьюстами долларовъ. Фильтрація происходитъ безпощадная; учрежденія для пріемки «цвѣтныхъ» имѣютъ гораздо болѣе скромный и даже бѣдный характеръ, чѣмъ въ Квебекѣ.

Несмотря на всю строгость отбора, въ Канаду въ тѣ времена (20 лѣтъ назадъ) проникало въ среднемъ за годъ по сто тысячъ душъ изъ Европы. Среди нихъ — много славянъ и даже русскихъ. То были тѣ самые иммигранты, которыхъ земцы видѣли на Дальнемъ Востокѣ. Но какая разница! Въ Канадѣ, какъ-будто, всякія заботы, всякое попеченіе о колонистахъ кончались съ момента полученія ими надѣла. — «Каждый отвѣчай и стой за себя!» — таковъ общій принципъ. Просить или требовать чего-либо у начальства — никому не приходитъ въ голову. И всѣ довольны, никто не жалуется. Правда, страна «освѣщается» и тщательно подготовляется къ пріему дорогихъ гостей. Но это уже не дѣло федеральныхъ переселенческихъ чиновниковъ. Въ каждой провинціи существуетъ отвѣтственное передъ мѣстнымъ парламентомъ правительство, а въ составѣ его министерство земледѣлія и колонизаціи. По опредѣленному, закономъ установленному плану страна обслѣдуется и межуется на индивидуальные участки. Могущественныя частныя компаніи, преслѣдуя свои интересы, снабжаютъ, подъ надзоромъ правительства, необитаемыя мѣста желѣзными дорогами, а обильныя озера и рѣки — пароходами. Правительство всегда готово помочь новоселамъ въ проведеніи грунтовыхъ дорогъ, въ меліораціяхъ, въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, но *лишь въ мѣру затраченныхъ самимъ колонистомъ долларовъ и трудовъ*. Банковскій кредитъ, необычайно децентрализованный, къ услугамъ колониста, но лишь въ мѣру проявленныхъ имъ энергіи и иниціативы.. Въ каждомъ новомъ скопленіи фермъ немедленно появляется опытный банковскій агентъ. Но кредитъ построенъ на строго коммерческихъ началахъ. Благодѣтельной начальнической опеки нѣтъ и въ поминѣ. Каждый обязанъ самъ ковать свое счастье.

Въ Торонто, главномъ городѣ провинціи Онтаріо, директоръ департамента колонизаціи внимательно, но совершенно безстрастно выслушалъ князя и его переводчика, ходатайствовавшихъ о помощи при ознакомленіи съ мѣстнымъ колонизаціоннымъ дѣломъ.

— Прошу васъ, князь, — довольно сухо замѣтилъ онъ, — придти черезъ два часа. Я обдумаю, что могу для васъ сдѣлать.

Черезъ два часа директоръ, молча, протянулъ князю письмо. Въ немъ заключался подробный маршрутъ поѣздки по провинціи, обѣщаніе предупредить по телеграфу служащихъ и предложеніе услугъ м-ра Джонса, товарища директора департамента. М-ръ Джонсъ могъ быть командированъ по службѣ въ помощь «русской партіи» и потому всякія затраты на его переѣзды и вознагражденіе — исключались. Пока князь благодарилъ за столь неожиданныя благодѣянія, его засыпали «литературой»: брошюры о Канадѣ, законы, инструкціи, карты, отчеты и донесенія агентовъ, правила для колонистовъ, рекламы, описанія участковъ на 11 языкахъ — все это сыпалось на столъ и все это оказалось совершенно безплатнымъ...

На другой день м-ръ Джонсъ разбудилъ князя и его спутниковъ рано утромъ и «партія» двинулась въ путь. Путешествіе оказалось строго обдуманнымъ. Разныя части провинціи съ поселеніями разнаго возраста проходили передъ глазами путешественниковъ. Пришлось видѣть и русскихъ фермеровъ. Эти простые крестьяне Могилевской и Волынской губерній, безъ знанія языка, все-же въ концѣ концовъ пробиваются на почвѣ Канады и устраиваются благополучно. Они тянутся, конечно, за родичами. Являясь въ Канаду, они поступаютъ на ферму работниками; послѣ двухъ лѣтъ оказываются въ курсѣ особенностей мѣстнаго сельскаго хозяйства и счастливыми обладателями тѣхъ 600 долларовъ, безъ которыхъ начинать здѣсь свое дѣло — трудно. Затѣмъ они облюбовываютъ себѣ земельный участокъ и черезъ годъ усиленнаго труда, поставивъ на немъ домишко узаконеннаго размѣра и засѣявъ извѣстное количество земли, получаютъ свой гомстедъ (59,2 десятины) въ собственность.

Поѣздка «русской партіи» закончилась почти феерически. По маршруту предстояло осмотрѣть межевыя работы и нарѣзку новыхъ участковъ. М-ръ Джонсъ привезъ своихъ спутниковъ въ конечную станцію желѣзной дороги. То былъ возникавшій въ глухомъ лѣсу городъ Кокрэнъ. Улицы упирались прямо въ непроходимую тайгу. Въ одно и то-же время вездѣ строились дома, проводились водопроводныя и канализаціонныя трубы, электрическое освѣщеніе, газъ, телеграфъ, телефонъ. Въ городѣ уже издавалась газета съ иллюстраціями. Магазины торговали бойко. Банкъ уже велъ всѣ свои операціи. Только-что выкорчеванныя улицы мостились, троттуары заливались цементомъ. Отель былъ полонъ пріѣзжими. Отъ города далѣе шли лишь баластные поѣзда строившейся линіи. М-ръ Джонсъ взгромоздилъ своихъ спутниковъ на тендеръ локомотива и, весело препираясь со стѣсненнымъ со всѣхъ сторонъ машинистомъ, благополучно довезъ ихъ до большой и быстрой рѣки. Черезъ нее уже строился желѣзнодорожный мостъ. Около свай путниковъ ждалъ пароходикъ. Плаваніе по Эбэтиби (Abatibi) тянулось нѣсколько часовъ. То была единственная дорога между двумя стѣнами непроходимаго дѣвственнаго лѣса. Но вотъ показались стремнины. Около нихъ ждали индѣйцы въ своихъ пирогахъ («кэнунахъ»). Каждая узенькая лодка поднимала лишь одного пассажира. Гребецъ правилъ стоя. Индѣйцы были одѣты въ европейское платье и казалось страннымъ, что изъ подъ легкихъ соломенныхъ шляпъ у нихъ свѣшивались напередъ великолѣпныя черныя косы. Эти люди отличались чрезвычайною гибкостью и ловкостью. Но даже м-ръ Джонсъ не съумѣлъ вызвать своими шутками улыбку на смуглыхъ лицахъ. Въ большихъ темныхъ глазахъ читалась грусть: краснокожіе какъ-будто сознавали обреченность и скорый конецъ своего племени. Кэнуны ихъ мчались черезъ стремнины, управляемые однимъ весломъ стоящаго на носу «гондольера» и ловко лавировали между большими камнями водопада. Пролетъ стремнинъ — головокружительный, страшный — оказался весьма короткимъ. Дальше потянулись опять быстрыя, но спокойныя воды между дѣвственными лѣсами.

Среди дня на пустынной рѣкѣ послышались крики: нѣсколько баркасовъ поровнялись съ «русской партіей». Ими управляли, гребя противъ теченія, десятки почти совершенно голыхъ индѣйцевъ въ парадныхъ, боевыхъ головныхъ уборахъ. М-ръ Джонсъ немедленно вступилъ въ краткій обмѣнъ мнѣній съ джентльменами, удобно размѣстившимся въ баркасахъ среди большого количества подушекъ. То былъ поѣздъ чрезвычайнаго посольства, возвращавшагося отъ далекихъ индѣйскихъ племенъ послѣ переговоровъ объ условіяхъ занятія подъ колоніи нѣкоторыхъ дѣвственныхъ территорій.

Индѣйцы въ Канадѣ — совсѣмъ въ иномъ положенiи, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ: у нихъ гораздо меньше причинъ жаловаться на мѣстное правительство и пришлыхъ блѣднолицыхъ.

Къ вечеру «русская партiя» добралась до группы инженеровъ, ведшихъ работы по межеванiю. На лѣсной полянѣ, на берегу рѣки открылся небольшой лагерь палатокъ. Весьма солидный, франтоватый джентльменъ, безъ пиджака, но въ чистомъ бѣломъ жилетѣ, по которому вилась толстая золотая цѣпь часовъ, съ серьезнымъ видомъ возился у разведенныхъ костровъ. Онъ, чуть-чуть улыбаясь, довольно хмуро отвѣчалъ товарищу директора департамента колонизацiи, пожимая протянутую ему руку. Суровый и великолѣпный джентльменъ оказался поваромъ партiи инженеровъ, кончавшимъ подготовку ужина и особенно озабоченнымъ всходомъ бѣлаго хлѣба, который поднимался въ большихъ каменныхъ чашкахъ, защищенныхъ отъ чрезмѣрнаго жара костровъ листами толстаго желѣза...

Скоро появились и инженеры съ рабочими — индѣйцами. Свое «начальство» — м-ра Джонса — встрѣтили они привѣтливо, но покойно; держали себя съ нимъ на совершенно равной ногѣ. Разспросы князя и его спутниковъ вызвали весьма краткiе отвѣты. Дѣло «инженеровъ» сводилось къ простому межеванiю по установленному шаблону. Конечно, въ своихъ отчетахъ они должны указать, если встрѣтятъ земли, абсолютно негодныя для земледѣлiя. Но съ такими землями въ Канадѣ приходится встрѣчаться рѣдко — тѣмъ болѣе, что новые районы межеванiя присоединяются къ общей сѣти уже на основанiи слуховъ о пригодности данныхъ земель. Да и что такое «полная непригодность»? Линiя посѣва пшеницы отступила уже на сѣверѣ Канады на 600 миль и теперь, несмотря на суровый климатъ и, казалось, неудобныя земли, миллiоны бушелей пшеницы добываются на тѣхъ «неудобныхъ» земляхъ. Черезъ немного лѣтъ, и въ этомъ дѣвственномъ лѣсу пройдутъ желѣзныя и грунтовыя дороги, пороги на рѣкахъ будутъ взорваны, лѣсопилки превратятъ деревья въ лѣсные матерiалы, которые будутъ использованы частью на мѣстѣ, частью въ Канадѣ; откроются земли для колонизацiи и каждый самъ себѣ выберетъ гомстедъ, на которомъ, по совокупности обстоятельствъ, стоитъ работать...

«Инженеры» устали и скоро послѣ ужина ушли спать въ свои палатки, уведя съ собою и м-ра Джонса. Для русскихъ гостей отвели особую палатку. Но среди ночи начался дождь и всѣ индѣйцы-лодочники сочли за благо укрыться подъ русскимъ навѣсомъ. Скоро это создало такую атмосферу, что князь Львовъ и его товарищи предпочли выбраться наружу и провести остатокъ ночи подъ накрапывавшимъ дождемъ...

Утромъ одна изъ группъ межевщиковъ взяла съ собою на работы прiѣхавшихъ гостей. Отъѣзжая въ кэнунѣ отъ берега, м-ръ Джонсъ съ самымъ серьезнымъ видомъ просилъ джентльмена-повара тщательно обдумать меню ленча и не тратить попусту время въ играхъ съ хорошенькой Мэри... Суровый джентльменъ, подъ смѣхъ отъѣзжавшихъ, съ тоскою оглядывалъ окружавшiя его одиночество хмурые, дѣвственные лѣса и довольно кисло улыбался на шутки начальства...

Дѣвственная тайга и тутъ, какъ на Дальнемъ Востокѣ, поражала густотою зарослей и задержаннымъ ростомъ. Между прочимъ «инженеры» предлагали князю опредѣлить возрастъ одного изъ деревьевъ. «Русская партiя» сообща намѣтила 30 лѣтъ. Дерево было спилено индѣйцами и оказалось въ возрастѣ 200 лѣтъ...

Подвигаясь въ своемъ изслѣдованіи на дальній западъ, земцы задержались сравнительно долго въ Виннипегѣ. Здѣсь предстояло познакомиться съ поселеніями духоборовъ. Бесѣды о нихъ съ чиновниками колонизаціи дали нѣсколько противорѣчивыя показанія. Всѣ считали ихъ образцовыми фермерами. Ихъ глава (Петръ Веригинъ) пользовался репутаціей замѣчательнаго администратора. И все же въ рѣчахъ правительственныхъ агентовъ слышались недовольство и осужденіе. Духоборы лишены были тѣхъ огромныхъ земельныхъ пространствъ, которыми надѣлило ихъ первоначально правительство. Они оказались «недостойными дарованной имъ милости». Во *временномъ* пользованіи ихъ оставлены лишь незначительные, сравнительно, участки... Наибольшее число оговорокъ касалось Петра Виригина.

— Да, онъ хорошій хозяинъ. Онъ пользуется неограниченнымъ кредитомъ. Любой банкъ въ Канадѣ выдастъ подъ простыя его обязательства милліонъ долларовъ...

А затѣмъ слѣдовали безконечныя оговорки и намеки.

— Вы говорите такъ про Веригина, — не выдержалъ, наконецъ, князь, — какъ будто считаете его мошенникомъ!..

Главный комиссаръ помолчалъ.

— Да, таково мое мнѣніе! — отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Несчастные люди, которые ему безусловно вѣрятъ, будутъ обмануты. Въ концѣ концовъ они останутся нищими на рукахъ Канадскаго правительства.

— Но какъ-же совмѣстить съ этимъ мнѣніемъ Ваши слова о неограниченномъ кредитѣ?

— Наша страна нуждается въ сельскохозяйственномъ трудѣ. И человѣкъ, который располагаетъ восемью тысячами рабовъ — притомъ хорошихъ земледѣльцевъ, — можетъ разсчитывать на кредитъ.

Налицо было, очевидно, много накопившагося раздраженія и, быть можетъ, непониманія...

Князь съ нетерпѣніемъ спѣшилъ встрѣтиться съ духоборами въ натурѣ.

Эта встрѣча его обворожила. Князь писалъ впослѣдствіи (1):

— Духоборы пріѣхали въ Канаду безъ всякихъ средствъ. «Высыпали насъ зимой въ степь, какъ горохъ изъ мѣшка. Ни жилья, ни хлѣба, ни денегъ. Кабы не община, всѣ бы по одиночкѣ погасли, а какъ взялись міромъ, — Богъ и спасъ». Первую весну духоборы пахали землю на себѣ, впрягая по 20-30 бабъ въ плугъ, а черезъ 7 лѣтъ они уже пахали паровыми плугами и въ нынѣшнемъ году убрали милліонъ бушелей, т. е. почти $1^1/_2$ милліона пудовъ, — одного овса. Когда послѣ долгаго пути по шахматной доскѣ межъ одинокихъ фермерскихъ хуторовъ, окутанныхъ колючей проволокой, въѣзжаешь въ духоборческіе поселки съ широкими улицами степныхъ русскихъ деревень, съ рядами бѣлыхъ избъ по обѣ стороны, то переживаешь истинно сказочное превращеніе Канады въ Россію. Тѣ-же родныя лица, та-же одежда, тотъ-же характеръ жизни на улицѣ съ играющими ребятишками и бабами съ ведрами около колодцевъ, съ типичнымъ говоромъ. Но и тутъ сказочное превращеніе: та-же Россія, та-же деревня, но сильная, богатая, утопающая въ довольствѣ. 54 духоборческихъ деревни захватили цѣлую область, изъ конца въ конецъ болѣе 100 миль. Это добрый уѣздъ черноземной полосы Россіи; но еслибы въ Россіи

---

1) «Община и отрубной участокъ въ Канадѣ» («Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 21). Остальныя статьи кн. Львова объ Америкѣ напечатаны также въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1909 годъ, №№ 242, 248 и 252).

найти хотя одну такую деревню! Великолѣпныя лошади, чудныя коровы, самыя усовершенствованныя земледѣльческія орудія, паровые плуги, паровыя молотилки съ локомобилями-самоходами, паровыя мельницы, паровые кирпичные и цементные заводы и лѣсопилки, роскошныя постройки общественныхъ хозяйственныхъ хуторовъ, — вся эта обстановка цвѣтущаго крупнаго хозяйства съ прекрасно обработанными полями въ сочетаніи съ бытомъ русской деревни представляетъ поразительную картину того идеальнаго благополучія, о которомъ у насъ, въ Россіи, мы можемъ только мечтать... Но стоитъ пожить среди духоборовъ нѣсколько дней, чтобы увидѣть, что корень ихъ силы не въ накопленныхъ богатствахъ, а въ тѣхъ духовныхъ началахъ, которыя составляютъ первооснову ихъ жизни. Они поднялись такъ скоро не только упорнымъ трудомъ, а той моральной силой общиннаго духа, широко развитымъ началомъ взаимопомощи, которыхъ нѣтъ у выходцевъ-одиночекъ изъ самаго центра «просвѣщенія» Европы. Освободившись въ условіяхъ Новаго Свѣта отъ гоненій за религіозныя убѣжденія, духоборская община развила на просторѣ свои созидательно-объединительныя силы съ такою мощью, которая поражаетъ американцевъ-индивидуалистовъ. Мы ищемъ спасенія въ индивидуализаціи, а американцы дивуются на силу русской общины. Она не укладывается въ ихъ индивидуалистическое міровоззрѣніе, которое допускаетъ единеніе въ области хозяйственной дѣятельности въ формѣ коопераціи, а не признаетъ внутренняго единства, основаннаго на прирожденномъ душѣ собирательно-духовномъ началѣ. Духоборы же сумѣли, сохранивъ преданность этимъ началамъ, вложить въ кооперативную дѣятельность свою и матеріальныя цѣли, и духъ живой. Вся ихъ работа на пути экономическаго процвѣтанія освѣщена духовными интересами, они постоянно заняты этическими вопросами, ихъ мысль всегда вращается въ области разрѣшенія основной задачи жизни, — осуществленія правды и добра на землѣ. На своихъ общихъ «съѣздкахъ» они постоянно обсуждаютъ рядомъ вопросы хозяйственнаго и духовнаго содержанія и подвергаютъ тщательной оцѣнкѣ свою хозяйственную дѣятельность и общинную жизнь, провѣряя ихъ соотвѣтствіе своему міропониманію. Они заносятъ даже въ протоколы свои формулы самоопредѣленія. Такъ, на «съѣздкѣ» 1906 года постановили, что цѣль ихъ общинной жизни есть: I) духовная общность, незлобивость вообще людей, въ чемъ разумѣется высокое благородство, и 2) матеріальная выгода», а на «съѣздкѣ» 1908 года было постановлено: «Объявить вѣру духоборцевъ; сохранить сердце свое отъ зла»...

Еще большее внѣшнее впечатлѣніе произвелъ на князя «Брилліантъ» — имѣніе духоборовъ на Дальнемъ Западѣ, въ провинціи Канады «Британская Колумбія». Большой лѣсъ деревьевъ, называемыхъ въ Канадѣ the cydres, спускался по отлогой горѣ къ судоходной рѣчкѣ. Уже нѣсколько лѣтъ партіи духоборовъ рубили великолѣпныя деревья и корчевали машинами пни и корни. Деревья раздѣлывались на паровой лѣсопилкѣ въ доски, изъ которыхъ строятъ въ Канадѣ дома. Доски грузились на баржи и быстрая рѣчка несла ихъ на рынокъ — для оплаты покупной цѣны имѣнія, разсроченной на года. На мѣстѣ выкорчеваннаго лѣса, на уклонѣ, подъ солнечнымъ припекомъ насаждались фруктовые сады. Духоборы, за время ссылки своей въ Закавказье сдѣлались замѣчательными садоводами. Самоучки духоборскіе механики нашли на горѣ обильные ключи воды, направили ее по спуску и доставляли такимъ образомъ великолѣпное орошеніе для своихъ садовъ и огородовъ. За раздѣланные такимъ образомъ персиковые сады и виноградники духоборамъ предлагали ровно въ десять разъ больше той цѣны, которую выплачива-

ли они за купленный лѣсъ. Хлѣба здѣсь не сѣялись вовсе и все необходимое для основного питанія людей и лошадей доставлялось изъ первоначальныхъ поселеній. Опыты коммунистической жизни пошли здѣсь дальше, чѣмъ въ Саскачевани. Тамъ каждой семьѣ полагался отдѣльный домъ, около котораго хозяйки и старики разводили любезные ихъ семьѣ овощи. Питался каждый по своему, въ своемъ углу. Хотя уже и тамъ были попытки поставить въ каждой деревнѣ общественныя хлѣбопекарни и готовить хлѣбъ на все поселеніе очередными бабьими нарядами.

Въ «Брилліантѣ» дома строились уже большіе, на нѣсколько семействъ, съ общими кухнями и столовыми.

— Какъ-же вы не боитесь около печки перессориться? спрашивалъ князь духоборокъ.

— Чего-жъ тутъ бояться? — бойко отвѣчали тѣ. — Плохіе люди и въ собственной своей семьѣ безъ ссоръ не обойдутся. А коли устраняться зла, да держать сердце въ мирѣ, — ничего не страшно.....

Князь былъ въ восторгѣ. — «Глядя на духоборческую общину среди канадскихъ фермеровъ», — писалъ онъ, — «невольно проникаешься чувствомъ гордости русскимъ именемъ, внутреннимъ достоинствомъ того народа, который могъ выдѣлить изъ своей среды такой благородный отпрыскъ, полный энергіи и идеализма»...

Всякая медаль имѣетъ оборотную сторону. Но когда дѣло касалось русскаго народа, князь Львовъ не умѣлъ ее видѣть. Многіе факты въ жизни духоборовъ заставляли не ограничиваться восторгами передъ ихъ внѣшнимъ благополучіемъ. Многое наводило на серьезныя размышленія. Но факты отрицательнаго характера, наблюдаемые тутъ-же, не имѣли власти надъ Георгіемъ Евгеніевичемъ: они скользили по его сознанію, не оставляя никакого слѣда. Вѣдь духоборы еще разъ и вполнѣ подтверждали высокое его мнѣніе о русскомъ народѣ!

А между тѣмъ канадскіе колонизаціонные чиновники кое-въ-чемъ, со своей точки зрѣнія, были правы. Надо замѣтить прежде всего, что коммуна духоборовъ не сохранила своей цѣлостности. За 10 лѣтъ изъ 8000 человѣкъ ушло не менѣе 2000. Эти люди сдѣлались фермерами. Въ разное время они выходили изъ общины, получали фермерскій надѣлъ (59,2 десятины), выполняли требованія закона, становились земельными собственниками, предъявляли къ общинѣ требованія раздѣла. О причинахъ выхода изъ коммуны они говорили открыто. Въ большинствѣ случаевъ главною причиною выставлялись самовластіе и деспотизмъ Веригина. Его обвиняли въ побояхъ, въ требованіяхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ себѣ «въ племянницы». Придавать полную вѣру этимъ показаніямъ — представлялось едва-ли правильнымъ, но они все-же заставляли присматриваться къ быту сектантовъ, не ограничиваясь восторгами передъ ихъ внѣшними успѣхами и удивленіемъ передъ ихъ «божественными» разговорами.

Во время переѣзда духоборовъ въ Канаду ихъ вождь (Петръ Веригинъ) былъ въ ссылкѣ. Во главѣ духоборовъ стоитъ обычно или женщина («Богородица»), или мужчина («Іисусъ»). Передъ смертью глава секты указываетъ своего преемника. Ему (или ей) передается благодать, высшее разумѣніе, наиболѣе правильное пониманіе писанія. Эта вѣра въ вождя живетъ въ каждомъ духоборѣ, принимая различные индивидуальные оттѣнки — отъ простого убѣжденія въ умѣ и одаренности вождя до вѣры (особенно у женщинъ) почти въ полное перевоплощеніе въ вождѣ Іисуса Христа или Богородицы. Преуспѣяніе об-

щины зависитъ обычно отъ умѣнія вождя балансировать между нарастающей въ сектѣ религіозной экзальтацией и ея заботами о внѣшнемъ благосостояніи. Экзальтація не можетъ быть совершенно потушена: на ней зиждется власть вождя. Но нельзя и развивать ее безпредѣльно: она можетъ захватить секту до конца, принять совершенно неожиданныя формы и разрушить до основанія матеріальное благополучіе.

Черезъ нѣсколько времени по прибытіи въ Канаду, когда лишенные вождя духоборы всетаки выбрались изъ первоначальныхъ затрудненій и быстро пошли къ достатку, часть ихъ (около 3000) заболѣла припадкомъ религіозной экзальтаціи. Нажива перестала ихъ прельщать. Среди религіознаго возбужденія они рѣшили, между прочимъ, что не имѣютъ права держать въ рабствѣ рабочій скотъ. Со слезами вывели они и отпустили «на волю» лошадей и коровъ, а сами пошли проповѣдывать американцамъ истиннаго Христа. Это шествіе съ пѣніемъ псалмовъ толпы въ три тысячи человѣкъ произвело полный переполохъ у правительства и населенія Канады. Чтобы обратить общее вниманіе на свою проповѣдь, духоборы — мужчины и женщины — несмотря на наступавшіе холода, рѣшили раздѣться и въ такомъ видѣ торжественно вступить въ городъ. Жители встрѣтили ихъ на нѣкоторомъ разстояніи съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ тягостныхъ и жестокихъ сценъ «пассивнаго сопротивленія», проповѣдники были принудительно одѣты, доставлены на желѣзную дорогу и водворены на мѣста прежняго жительства, гдѣ о нихъ должна была позаботиться остальная община... Когда прибылъ, наконецъ, Веригинъ, онъ остроумно разрѣшилъ возникшія разногласія, возсоединилъ общину и повелъ ее по пути къ тому матеріальному благополучію, въ которомъ засталъ духоборовъ князь Львовъ.

Однако, погасить совсѣмъ религіозныя основы Веригинъ не могъ и не хотѣлъ. И между духоборами и канадскимъ правительствомъ не прекращалась борьба: духоборы по многимъ вопросамъ отказывались подчиниться канадскимъ законамъ. Когда наступилъ моментъ юридическаго закрѣпленія за ними отведенныхъ земель, они отказались не только отъ такихъ требованій закона, какъ присяга и принятіе подданства, но и отъ записи (хотя-бы формальной) гомстедовъ, составлявшихъ ихъ земли, на отдѣльныхъ лицъ: частную собственность на землю признавали они не соотвѣтствующей ихъ религіознымъ воззрѣніямъ. Духоборы уклонились затѣмъ, несмотря на всѣ требованія властей, отъ регистраціи рожденій, браковъ и смертей. Они не пожелали подчиниться и закону о всеобщемъ обязательномъ обученіи. Настоянія правительства и «пассивное сопротивленіе» духоборовъ по каждому изъ этихъ вопросовъ длились годами, переговоры велись, конечно, Веригинымъ и создали много взаимнаго недовольства и раздраженія. Въ концѣ концовъ правительство Канады признало духоборовъ «недостойными» того щедраго надѣленія землей, которое практикуется страною по отношенію ко всѣмъ колонистамъ, и духоборамъ оставлены «во временное пользованіе», сравнительно, небольшіе участки земли, ими уже обработанные. Это не помѣшало процвѣтанію коммуны. Но чтобы не находиться во власти правительства, духоборы задумали укрѣпить за собою новыя земли и купили «Брилліантъ». Юридически покупка не могла быть сдѣлана коммуною и собственникомъ имѣнія (а стало быть, и всѣхъ сбереженій духоборовъ) сталъ, по ихъ желанію, Веригинъ.

Во время объѣзда духоборческихъ деревень вниманіе земцевъ останавливалось вездѣ на совершенно однородныхъ постройкахъ особаго типа: то были просторныя, свѣтлыя зданія — весьма нарядныя съ виду. Всѣ они выстроены

по одному плану и представляли большую, чрезвычайно свѣтлую залу, совершенно пустую, и рядомъ съ нею — сравнительно гораздо меньшую комнату, обставленную (вездѣ одинаково) довольно дорогою, но во вкусѣ разбогатѣвшаго мѣщанина, мебелью. Описанныя зданія духоборы называли «школами», комната при нихъ предназначалась, якобы, «для пріѣзжихъ». Но всякія школы отвергались большинствомъ духоборовъ. Обученіе дѣтей производилось матерями, на дому, и состояло въ грамотѣ и заучиваніи наизусть духоборческихъ «псалмовъ». И пріѣзжихъ земцевъ вездѣ устраивали ночевать въ частныхъ домахъ, отнюдь не отводя имъ завѣтной комнаты при «школѣ». Эти нарядныя зданія были, конечно, въ дѣйствительности, молитвенными домами, гдѣ происходили «радѣнія» и взаимной провѣркой поддерживалась въ памяти точная редакція многочисленныхъ псалмовъ, составляющихъ «животную книгу духоборовъ» или ихъ вѣроученіе. Комната при нихъ предназначалась для одного только «пріѣзжающаго» — ихъ любимаго и почитаемаго вождя. Въ одномъ поселеніи, гдѣ жилъ постоянно П. В. Веригинъ, земцы увидѣли, вмѣсто такой комнаты, отдѣльную нарядную дачку — весьма прихотливо раскрашенную и съ большою любовью изукрашенную искусною рѣзьбой. Въ этомъ двухъэтажномъ строеніи было много небольшихъ комнатокъ съ низкими потолками. Убранство отличалось все тою же изысканной мѣщанской «роскошью». Петра Васильевича не было въ селеніи. Вообще князю Львову не удалось, несмотря на старанія, свидѣться съ вождемъ духоборовъ. Въ его жилищѣ земцевъ встрѣтило нѣсколько красивыхъ духоборокъ. То были, по объясненію провожатыхъ, «племянницы» Веригина, «которыя ходятъ за Петромъ Васильевичемъ»...

Всезнающіе и всюду проникающіе американскіе репортеры сумѣли сфотографировать «дворецъ Петра Великаго», самодержавнаго царя 8000 духоборовъ и всѣ его аксессуары. Прекрасно выполненныя въ краскахъ картинки появились какъ разъ въ то время въ одномъ американскомъ иллюстрированномъ журналѣ. Картинки снабжены комментаріями — далеко не во всемъ благопріятными нашимъ сектантамъ.

Духоборы (особенно духоборческая молодежь) въ общемъ произвели чрезвычайно отрадное впечатлѣніе не только на князя Львова, но и на спутниковъ его. Однако, отъ послѣднихъ не укрылась та сложная и трудная «игра», которую Петру Веригину приходилось вести со своими подданными: съ одной стороны, онъ поддерживалъ и даже раздувалъ въ нихъ религіозное возбужденіе и броженіе, находившее постоянную пищу въ конфликтахъ съ Канадскимъ правительствомъ; съ другой, — онъ велъ ихъ твердою рукой къ матеріальнымъ успѣхамъ. Чтобы оправдать этотъ путь стяжаній, находившій мало основаній въ ученіи евангельскаго коммунизма, Веригинъ искусно поддерживалъ ту тоску по родинѣ, которою преисполнены были сердца духоборовъ. Со слезами на глазахъ вспоминали они Россію. «Всю бытность свою въ Канадѣ, — говорили они, — жалкуемъ объ родномъ корню, какъ вздумаемъ объ родныхъ своихъ домахъ, такъ сердце кровью обольется»... Они жили надеждою на возвращеніе въ Россію.

— А съ чѣмъ возвращаться? спрашивалъ ихъ Веригинъ. Сколько нужно отложить на обратный переѣздъ? Сколько понадобится денегъ на покупку земли? на устройство хозяйства и жизни въ Россіи?...

И эти мечты о возвращеніи на родину побуждали къ накопленію, къ экономіи, къ хозяйственной дѣятельности, къ стяжанію и оправдывали все это, несмотря ни на какіе евангельскіе тексты...

Князь Львовъ очень сошелся со многими духоборами. Съ нѣкоторыми изъ

нихъ онъ поддерживалъ долгое время переписку и часто поражался «высотою религіознаго настроенія духоборческой мысли»...

Въ 1921 году ему пришлось быть въ Америкѣ по дѣламъ русскихъ эмигрантовъ. Между прочимъ, помня свои впечатлѣнія 1909 года, онъ рѣшился обратиться за помощью къ духоборамъ. Его предупреждали, что, по слухамъ, настроенія коммуны приняли большевизантскую окраску. Но со всегдашнимъ своимъ оптимизмомъ князь всетаки написалъ духоборамъ трогательное посланіе, прося удѣлить отъ своихъ богатствъ лепту на помощь русскимъ бѣженцамъ. Въ отвѣтъ онъ получилъ категорическій отказъ, уснащенный довольно грубыми издѣвательствами.

Черезъ Скалистыя горы «Сипіаръ» довезъ русскихъ путешественниковъ до Ванкувера. Дорога изобиловала дивными пейзажами. Познакомившись съ иммигрантскими учрежденіями, охраняющими Канаду отъ вторженія желтой расы, князь Львовъ спустился на пароходѣ по Тихому океану до Сіэтля. Оттуда, уже по почвѣ Соединенныхъ Штатовъ, желѣзная дорога доставила его въ Санъ-Франциско. Осмотрѣвъ подробно иммиграціонныя учрежденія Калифорніи, побывавъ у нашихъ молоканъ въ С. Франциско и полюбовавшись близъ Фреско образцовымъ садоводствомъ нѣмцевъ-фермеровъ изъ Саратовской губерніи, — князь заторопился домой и, нигдѣ не останавливаясь, черезъ Чикаго и Нью-Іоркъ, отбылъ въ Европу.

И въ Санъ-Франциско, и ранѣе на Эллисъ-Айландъ, впечатлѣнія получились тѣ-же: канадская система приняла цѣликомъ порядки, выработанные уже давно Соединенными Штатами. Въ этихъ послѣднихъ свободныхъ земель оставалось мало, особой нужды въ колонистахъ-земледѣльцахъ — уже не чувствовалось. Поэтому строгость (и, пожалуй, произволъ) сортировки и отбора пришельцевъ установились гораздо болѣе рѣшительные. Особенно желтой расѣ приходилось пробиваться черезъ почти непроходимыя рогатки. Въ Канадѣ система дѣйствовала слабѣе, но въ общемъ она представлялась точной копіей съ испытанныхъ пріемовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Исчерпать на этихъ страницахъ всѣ любопытнѣйшіе эпизоды путешествія князя Львова, конечно, нельзя. Но необходимо свидѣтельствовать: оно оказалось въ цѣломъ глубоко интереснымъ и поучительнымъ.

И всетаки для участія земцевъ въ русскомъ переселенческомъ дѣлѣ экспедиція дала весьма мало: общая обстановка, порядки и пріемы англійской колонизаціи не имѣли ничего общаго съ русскимъ переселеніемъ.

5.

Въ кампаніи земцевъ-реакціонеровъ противъ общеземской организаціи много разъ и на всякіе лады говорилось объ ея «нелегальности». Такого рода заявленія заставили управленіе подумать объ утвержденіи правительствомъ ея устава. Съѣзду 17 Февраля 1908 г. представленъ, имъ разсмотрѣнъ и одобренъ проектъ устава, который въ немногихъ словахъ закрѣплялъ существующій порядокъ. Но всѣ хлопоты объ утвержденіи оказались тщетными. Организація, неоднократно признанная правительствомъ, получавшая милліоны казенныхъ денегъ въ тревожные моменты жизни государства, теперь, «въ эпо-

ху усмиренія и успокоенія» — признана незаконной. На заявленія Столыпину, что общедворянскіе съѣзды тоже не легализованы, но выборы и постановленія ихъ утверждаются и приводятся въ исполненіе, — строгій блюститель закона уклончиво заявлялъ, что Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ подлежитъ законодательному пересмотру и до новыхъ законовъ о мѣстномъ самоуправленіи вводить въ дѣйствіе уставъ общеземской организаціи — нельзя. Никакой надежды на скорый и благопріятный пересмотръ земскаго положенія, конечно, не существовало. Въ дѣйствовавшей законодательной процедурѣ было совершенно достаточно моментовъ для погребенія всякаго мало-мальски прогрессивнаго проекта. Даже самому Столыпину, чтобы провести черезъ государственный совѣтъ свое куцое земство для западныхъ губерній, пришлось совершить чуть не государственный переворотъ. Съ общимъ земскимъ положеніемъ дѣло обстояло гораздо хуже. Самое внесеніе правительственнаго законопроекта поставлено въ зависимость отъ предварительнаго его разсмотрѣнія въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при участіи земскихъ представителей. При новомъ, реакціонномъ составѣ земскихъ собраній, было яснымъ, *какіе* представители земства будутъ посланы въ совѣтъ. Такимъ образомъ уклончивыя заявленія Столыпина сводились къ отказу въ легализаціи. Министръ предпочиталъ держать общеземскую организацію на всей своей волѣ. Начались, конечно, преслѣдованія мѣстной администраціи. Стоило Петербургскому земству высказать пожеланіе, чтобы общеземская организація продолжала существовать, какъ губернаторъ опротестовывалъ такое «незаконное» постановленіе. Въ началѣ 1909 года московскій губернаторъ не разрѣшилъ губернской земской управѣ предоставить помѣщеніе для созываемаго на 22 Марта съѣзда, «такъ какъ общеземская организація не легализована и не имѣется въ виду разрѣшенія на съѣздъ ея представителей».

Князю Львову приходилось экстренно летѣть въ Петербургъ и объясняться со Столыпинымъ. Отъ общеземской организаціи настойчиво требовали отчетовъ; отчеты изготовлены, но какъ-же представлять ихъ въ министерство безъ утвержденія представителями земствъ? Столыпинъ сдавался и разрѣшалъ съѣздъ «исключительно для заслушанія отчетовъ, что-же касается обсужденія вопросовъ о текущихъ дѣлахъ и ходатайствахъ, то разсмотрѣніе этихъ вопросовъ допущено быть не можетъ». При такихъ условіяхъ князь все-же ухитрялся вести дѣло. Въ самой Московской губернской земской управѣ, гдѣ съ 1904 г. пріютилась общеземская организація, на нее стали смотрѣть весьма косо. Во главѣ этого учрежденія стоялъ теперь Н. Ѳ. Рихтеръ — старый земецъ, когда-то весьма прогрессивнаго направленія, рѣзко измѣнившій и свои взгляды и поведеніе въ соотвѣтствіи съ новымъ реакціоннымъ курсомъ большинства губернскаго земскаго собранія. Уже въ 1907-8 г. ему представленъ былъ рѣзкій протестъ противъ общеземской организаціи группою губернскихъ гласныхъ. Хотя прогрессисты сейчасъ-же стали на защиту своего дѣтища, но Н. Ѳ. Рихтеръ отлично учитывалъ, что онъ не найдетъ въ собраніи достаточного числа голосовъ въ пользу организаціи. Въ виду этого онъ затянулъ, «за недостаткомъ времени», обсужденіе вопроса о присоединеніи Москвы къ общеземской организаціи помощи переселенцамъ. А въ слѣдующемъ очередномъ собраніи (Февраль-Мартъ 1909 г.) онъ говорилъ уже осаждавшимъ его репортерамъ: «текущая работа по переселенію кончена; будетъ-ли существовать и чѣмъ будетъ дальше заниматься организація, — неизвѣстно; управа по этому вопросу не имѣетъ никакихъ собственныхъ предложеній; пусть собраніе само высказывается»... Но у собранія и на этотъ разъ «не хватило времени».

Получалось странное положеніе: московское земство не участвовало въ организаціи, а послѣдняя жила и дѣйствовала въ зданіи Московской управы. По возвращеніи князя Львова изъ Америки, Рихтеръ обратилъ на это вниманіе князя, жалуясь къ тому-же на тѣсноту помѣщенія...

Приходилось переѣзжать. Князь Львовъ сократилъ штатъ служащихъ до послѣднихъ предѣловъ, нанялъ частную квартиру на Самотецкой-Садовой, но упорно и рѣшительно отстаивалъ существованіе организаціи: онъ питалъ полную увѣренность, что обстоятельства измѣнятся и общеземская организація еще пригодится. При томъ-же отчеты чрезвычайно задерживались на мѣстахъ и, не особенно торопясь съ ихъ сводкою и печатаніемъ, удалось дотянуть дѣло до конца 1910 года. Наконецъ, послѣдній отчетъ (за кампанію помощи голодающимъ 1907-1908 г. г.) былъ завершенъ. Между тѣмъ правительственное междувѣдомственное совѣщаніе, черезъ которое поступали въ общеземскую организацію казенныя средства на благотворительную помощь голодающимъ, стало настойчиво требовать представленія послѣднихъ отчетовъ и *наличныхъ остатковъ*. Снова не безъ труда удалось выхлопотать у Столыпина разрѣшеніе на съѣздъ — по опредѣленной программѣ и въ присутствіи представителя полиціи. 20 Мая 1911 года князь Львовъ, докладывая представителямъ земствъ отчетныя данныя (1), указалъ, что въ кассѣ общеземской организаціи на 1 Января 1912 г. долженъ образоваться капиталъ въ милліонъ рублей изъ возвратовъ съ мѣстъ и остатковъ ото всѣхъ проведенныхъ кампаній. Выяснить, какую сумму въ общемъ остаткѣ составляютъ казенныя средства, — нельзя: на мѣстахъ не дѣлалось разграниченія средствъ казенныхъ и общеземскихъ. Министерство полагаетъ, что сначала слѣдовало полностью израсходовать частныя пожертвованія. Правильно-ли это? Скорѣе наоборотъ: казенныя безвозвратныя пособія подлежали израсходованію въ первую голову, а затѣмъ уже можно было расходовать средства жертвователей, имѣющія цѣлью оказывать помощь и при дальнѣйшихъ неурожаяхъ или другихъ народныхъ бѣдствіяхъ. А если такъ, то у общеземской организаціи нѣтъ денегъ, подлежащихъ возвращенію въ казну.

Съѣздъ единогласно принялъ аргументацію князя Львова.

Какое же назначеніе надлежало дать оказавшемуся налицо милліону? Управленіе предлагало создать изъ него фондъ для борьбы съ народными бѣдствіями. Никто, конечно, не возражалъ. Но пока никакихъ бѣдствій не имѣлось въ виду. Не слѣдовало-ли использовать эти крупныя средства, какъ основной фондъ для созданія взаимнаго земскаго кредита?

Д. Н. Шиповъ подробно анализировалъ проектъ.

— Быть можетъ, — говорилъ онъ, — кто-нибудь спроситъ себя: нѣтъ-ли для осуществленія такого проекта препятствій нравственнаго характера? Повидимому, на вопросъ этотъ надо отвѣчать отрицательно. Вѣдь пожертвованія твердо отдаются для борьбы съ народными бѣдствіями. Предполагается лишь временное позаимствованіе ихъ для начала дѣятельности земскаго банка взаимнаго кредита. Банкъ можетъ немедленно выпустить облигацій на 20 милліоновъ рублей на иностранныхъ биржахъ. Учредителями будутъ теперешніе участники (19 земствъ). За ними вступятъ и другіе. Всѣ 20 милліоновъ могутъ быть выданы земствамъ въ ссуду изъ 5 проц. Этими процентами быстро

---

1) Въ кампанію 1907-1908 г. г. вновь затрачено на помощь голодающимъ болѣе милліона рублей — безъ всякихъ ассигновокъ со стороны правительства.

покроется основной капиталъ, который можетъ быть изъятъ и употребленъ на благотворительныя цѣли.

Идея принята единогласно. Съѣздъ поручилъ управленію разработать къ Сентябрю основныя положенія банка взаимнаго кредита и внести ихъ на разсмотрѣніе очередныхъ земскихъ собраній.

Со Столыпинымъ пришлось торговаться. Мысль о созданіи банка казалась ему очень удачной. Но онъ оспаривалъ права общеземской организаціи на милліонъ, о которомъ шла рѣчь.

— Ну, что-же? Конфискуйте деньги! — говорилъ ему князь Львовъ. — Правительство все можетъ. Сопротивляться силой мы не будемъ...

Такому совѣту Столыпинъ не захотѣлъ послѣдовать и вопросъ пока остался открытымъ.

А князь Львовъ, какъ хорошій хозяинъ, стремился между тѣмъ, не закрывая организаціи, довести ея расходы до минимума. Кромѣ бухгалтера и прислуги, никто давно уже не получалъ жалованія. Нанятая на Самотецкой-Садовой скромная квартира казалась князю все еще слишкомъ дорогой. Онъ пріискалъ другую, болѣе дешевую въ Хлыновскомъ тупикѣ Большой Никитской улицы, куда и переселился бухгалтеръ организаціи (Н. М. Козловъ) съ семьей. Часть своей квартиры онъ сдавалъ въ наемъ управленію. Казалось, организація еле дышитъ: остряки говорили, что правительство Столыпина окончательно загнало ее «въ тупикъ». А князь не унывалъ. Онъ заходилъ на квартиру въ Хлыновскомъ тупикѣ, переписывался съ представителями земствъ, принималъ пріѣзжихъ земцевъ и сохранялъ твердую увѣренность, что организація еще понадобится Россіи.

8 Сентября 1911 г. погибъ Столыпинъ. Назначенный на его мѣсто В. Н. Коковцевъ вскорѣ очутился передъ новымъ голодомъ, надвигавшимся на страну.

Еще въ началѣ Октября общеземская организація стала снова готовиться къ голодной кампаніи. Рѣшено для обсужденія вопроса и разъассигнованія средствъ созвать съѣздъ земскихъ представителей. Пришлось опять ѣхать въ Петербургъ, подавать прошеніе о съѣздѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, убѣждать новаго министра (А. А. Макарова). Но разрѣшеніе задерживалось. 3-го Ноября, на запросъ въ Государственной Думѣ, В. Н. Коковцевъ вынужденъ былъ выступить съ объясненіями. Онъ призналъ значительный недородъ хлѣбовъ (въ 485 милліоновъ пудовъ). Нужда напоминаетъ 1906 годъ. Предстоитъ затратить на помощь въ 20 губерніяхъ (частью въ неземскихъ) милліоновъ 120. Но пора вступить на новый путь, давно указанный между прочимъ и Думою. Отъ ссудъ, столь часто осуждаемыхъ, необходимо перейти къ созданію въ достаточномъ количествѣ общественныхъ работъ для голодающихъ. Благотворительную помощь дѣтямъ и старикамъ организуетъ Общество Краснаго Креста.

Однако, «миражи общественныхъ работъ», на которыя ассигнованы значительныя средства, отнюдь не обманули русское общество. Мѣстные чиновники, которымъ поручены общественныя работы, почти нигдѣ не сумѣли организовать ихъ въ надлежащихъ размѣрахъ. Съ наступленіемъ холодовъ, прекратились и тѣ работы, которыя были организованы. Ссуда нигдѣ не выдавалась. Тогда 20 различныхъ общественныхъ организацій (общество народнаго здравія, техническое общество и др.) объединились для помощи голодающимъ. Представители этихъ обществъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми депутатами Государствен-

ной Думы и видными земцами изъ губерній, пораженныхъ неурожаемъ, испросили у предсѣдателя совѣта министровъ аудіенцію и представили ему общее ходатайство о разрѣшеніи оказывать помощь устройствомъ дѣтскихъ столовыхъ, яслей, врачебныхъ пунктовъ, организаціей труда, производить на мѣстахъ санитарныя обслѣдованія, собирать пожертвованія. В. Н. Коковцевъ отвѣчалъ, что на дняхъ по этому поводу состоялось постановленіе совѣта министровъ, который нашелъ, что не слѣдуетъ разрѣшать никакимъ организаціямъ дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ правительства. Работать по благотворительной части будутъ: Красный Крестъ и земства пострадавшихъ губерній; въ неземскихъ губерніяхъ разрѣшать благотворительную дѣятельность будетъ мѣстная администрація; конечно, могутъ быть тренія, но будутъ приняты мѣры къ устраненію ненужныхъ препятствій. Роль общества сводится къ пожертвованіямъ и только въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая; иначе трудно регулировать дѣло помощи и правильно распредѣлять средства. Пестрая дѣятельность общественныхъ организацій вообще нежелательна: она нецѣлесообразна... Кто-то упомянулъ объ общеземской организаціи. На это министръ сухо замѣтилъ: «общеземская организація не можетъ быть допущена къ борьбѣ съ голодомъ».

Депутація уѣхала ни съ чѣмъ.

Но въ ея составѣ находился и князь Львовъ. Онъ остался въ кабинетѣ министра и между ними произошелъ такой разговоръ:

— Быть можетъ, теперь вы сообщите мнѣ мотивы рѣшенія совѣта министровъ? Что вы имѣете противъ земской организаціи?

— А, вамъ угодно, князь, говорить откровенно? Извольте. Правительство не можетъ сочувствовать дѣятельности общеземской организаціи: ни новыя собранія, ни новыя работы не будутъ допущены.

— Почему-же?

— Потому что... простите, но васъ нельзя никуда пускать. На практикѣ вы всегда захватываете больше, чѣмъ вамъ разрѣшено правительствомъ. Вотъ, напримѣръ, вы были допущены къ помощи переселенцамъ на путяхъ ихъ слѣдованія. А вы, рядомъ съ этимъ выпустили книгу антиправительственнаго содержанія!..

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь... вѣроятно, лица, которымъ вы поручили информировать васъ, придали своимъ отзывамъ несоотвѣтственный дѣлу оттѣнокъ.

— Я никому не поручалъ меня информировать. Я самъ прочелъ эту ужасную книгу.

Министръ съ раздраженіемъ взялъ со стола «Приамурье».

— Помилуйте! теперь нельзя предложить ни одной мѣры по Дальнему Востоку, чтобы не натолкнуться на возраженія со ссылками на это «откровеніе»... Хочешь — не хочешь, а изучай его!..

Министръ потрясъ въ воздухѣ «Приамурьемъ».

— А между тѣмъ съ каждой страницы этой книги капаетъ ядъ противоправительственной пропаганды!...(1)

Все-же еще одинъ съѣздъ былъ допущенъ правительствомъ. Участвовало въ тѣснинахъ Хлыновскаго тупика 20 представителей отъ 12 губерній. Съѣздъ разрѣшенъ въ закрытомъ засѣданіи, исключительно для направленія средствъ

---

1) Разсказъ объ этой бесѣдѣ я слышалъ отъ князя Львова сейчасъ-же послѣ того, какъ она имѣла мѣсто. Т. П.

и пожертвованій въ земскія учрежденія и въ дѣйствующія въ неземскихъ губерніяхъ благотворительныя организаціи. Земцы постановили: поручить управленію разсылать помощь въ зависимости отъ нужды и средствъ.

Снова полузадушенной организаціи пришлось помогать голодающимъ. Но уже никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій правительствомъ допущено не было. За нѣсколько мѣсяцевъ, остававшихся до новаго урожая, разослано въ разныя мѣста нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Снова мѣстныя земскія учрежденія открывали столовыя для дѣтей и раздавали пайки. Въ началѣ 1912 г. Московская городская дума рѣшила не оставаться въ сторонѣ отъ этого дѣла. Въ созванное въ Думѣ совѣщаніе приглашенъ, какъ экспертъ, князь Львовъ. Нарисовавъ картину неурожая и голоданія 14 милліоновъ людей, Георгій Евгеніевичъ сказалъ между прочимъ:

— «Чрезвычайно крупныя суммы, ассигнованныя правительствомъ, могли бы оказать громадную помощь населенію; но, къ сожалѣнію, общественныя работы начались не особенно удачно и, въ виду наступившихъ холодовъ, были прерваны; выдача продовольственныхъ ссудъ оказалась запоздавшею...» Думскій комитетъ рѣшилъ помогать преимущественно нуждавшимся горожанамъ въ голодающихъ мѣстностяхъ и вести дѣло въ полномъ единеніи съ общеземской организаціей.

Въ Мартѣ 1912 г. Москва устроила всеобщій сборъ въ пользу голодающихъ — «день ржаного колоса». Наиболѣе популярные люди помѣстили въ газетахъ воззванія. Князь Львовъ писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Никогда голодающіе такъ не страдали, какъ нынѣшній годъ, никогда они не чувствовали себя такъ отрѣзанными, никогда на нашей памяти не было такой мучительной голодовки»... Важна не только матеріальная помощь; важно проявленіе коллективныхъ чувствъ состраданія, даже и для самихъ жертвователей, «когда во всѣхъ сердцахъ, какъ въ пасхальную ночь, колокольный звонъ сливается въ радостный гулъ»...

Впрочемъ, кромѣ чувства состраданія, Москва испытывала въ день «ржаного колоса» еще и иныя волненія. Въ Петербургѣ день этотъ далъ 180 тысячъ рублей мелкими пожертвованіями. Москва, со своей славой щедрой благотворительницы, не хотѣла отстать. По городу разошлось 3500 кружекъ и, когда въ Городской думѣ артельщики заканчивали передъ наиболѣе «патріотическими» москвичами счетъ собранныхъ денегъ, волненіе царило необычайное... Москва не ударила въ грязь лицомъ: она собрала въ этотъ день 212 тысячъ рублей.

Отчетъ за голодную кампанію 1911-12 г. г. былъ законченъ въ самомъ началѣ 1913 года. То была *послѣдняя* голодная кампанія общеземской организаціи и *послѣдній* ея отчетъ.

Но въ то время у ея предсѣдателя уже завязались съ Московскою городскою думою отношенія иного рода.

6.

Москва съ населеніемъ въ $1^1/_2$ милліона слишкомъ жителей, по Городовому Положенію 1892 г., насчитывала не болѣе $9^1/_2$ тысячъ человѣкъ, пользовавшихся избирательнымъ правомъ въ городскую думу. На выборы являлось обыкновенно не болѣе 3000 человѣкъ, которые и держали въ рукахъ сложное городское хозяйство столицы. Тѣмъ не менѣе, какъ справедливо пишетъ Н. И.

Астровъ (1), «Московское Городское Общественное Самоуправленіе по достоинству и заслугамъ занимало среди русскихъ городскихъ самоуправленій первое мѣсто. Своимъ успѣхомъ въ дѣлѣ веденія городского хозяйства оно, можетъ быть, въ значительной степени обязано было тому, что въ составѣ Московской Городской Думы съ давнихъ поръ сочетались два разныхъ элемента. Большинство Думы всегда составляло московское купечество и московскіе домовладѣльцы. Но въ Думѣ всѣхъ составовъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ были иногда очень яркіе представители московской интеллигенціи. Это меньшинсвто имѣло громадное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ и спасало городское хозяйство отъ застоя. Интеллектуальный уровень гласныхъ Московской Городской Думы сталъ замѣтно повышаться съ появленіемъ молодыхъ поколѣній московскаго купечества уже съ высшимъ образованіемъ. Въ началѣ столѣтія въ Московской Думѣ намѣтились два теченія, значительно расходившіяся между собой въ пониманіи задачъ городского хозяйства и методовъ его веденія. Съ образованіемъ политическихъ партій эти теченія еще болѣе рѣзко разграничились и каждое искало преобладанія и усиленія своего вліянія въ Думѣ. Староконсервативная группа, присвоившая себѣ названіе умѣренно-дѣловой группы, довольствовалась старымъ Городовымъ Положеніемъ 1892 г. и изъ года въ годъ отказывала въ удовлетвореніи назрѣвавшихъ все болѣе потребностей города, ссылаясь на недостатокъ средствъ. Слагавшаяся въ теченіе 1904 и 1905 г. г. группа либеральныхъ дѣятелей получила завершенную организацію въ 1906 г. и назвала себя «прогрессивной группой гласныхъ Московской Городской Думы». Эта группа ставила себѣ задачей добиваться расширенія правъ городского самоуправленія, изысканія новыхъ источниковъ средствъ для удовлетворенія новыхъ потребностей города и использованія до возможныхъ предѣловъ предоставленныхъ городу источниковъ средствъ. Въ основу своей дѣятельности эта группа ставила учетъ потребностей города и его населенія и изысканіе средствъ для удовлетворенія этихъ потребностей. Группа стремилась расширить кругъ лицъ, допущенныхъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ, и при выборахъ въ Думу въ свои списки включала наиболѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей, раздѣлявшихъ ея взгляды»...

Душою группы и ея руководителемъ вскорѣ сталъ Н. И. Астровъ — заслуженный общественный дѣятель и знатокъ городского хозяйства Москвы. Выборы 1908 г. (на четырехлѣтіе 1909 — 1912 г. г.) оказались для прогрессивной группы очень удачными: она провела въ составъ гласныхъ многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и въ томъ числѣ — Д. Н. Шипова. На этотъ разъ прогрессивная группа почти не уступала въ числѣ randoродумцамъ. Желая внести въ городское дѣло живую струю и новую иниціативу, руководители группы просили Д. Н. Шипова поставить свою кандидатуру на должность Московскаго Головы. Шиповъ отказался отъ предложенія, ссылаясь на свой давній споръ съ московскимъ городскимъ управленіемъ по поводу обложенія городскихъ недвижимыхъ имуществъ земскимъ сборомъ. Въ головы прошелъ кандидатъ «умѣренно-дѣловой группы» — Н. И. Гучковъ. Д. Н. Шиповъ, ставъ во главѣ прогрессивной группы, пытался реорганизовать внутренній распорядокъ думскихъ занятій, но не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ противодѣйствіе всяческимъ новшествамъ осложнилось у randoродумцевъ политической враждой къ прогрессистамъ. Не найдя удачи и въ этой отрасли мирной общественной

1) Въ «справкѣ», которою онъ разрѣшилъ мнѣ воспользоваться. Т. П.

дѣятельности, Д. Н. Шиповъ, какъ мы знаемъ, рѣшилъ окончательно уйти въ частную жизнь. На слѣдующее четырехлѣтіе онъ отказался выставить свою кандидатуру въ гласные Думы. Д. Н. Шиповъ не обладалъ городскимъ цензомъ и прошелъ въ гласные по довѣренности Московскаго общества сельскаго хозяйства. Теперь довѣренность эта освободилась и на выборахъ 1912 года прогрессивная группа предложила ее князю Г. Е. Львову, прося его выставить свою кандидатуру въ гласные на четырехлѣтіе 1913-1916 г. г. Князь согласился. Получивъ своевременно отъ Общества сельскаго хозяйства довѣренность, онъ былъ внесенъ въ избирательные списки и 29 Ноября 1912 г. избранъ въ гласные по третьему избирательному участку.

— «Тогда», — разсказываетъ Н. И. Астровъ, — «мы обратились къ князю Львову» (съ предложеніемъ поставить свою кандидатуру въ городскіе головы Москвы). «Имя князя Львова было въ тѣ времена извѣстно всей Россіи, какъ исключительно талантливаго организатора и общественнаго дѣятеля. Кн. Львовъ долго отказывался, ссылаясь на незнакомство съ городскимъ дѣломъ; онъ говорилъ, что не умѣетъ и не любитъ представительствовать и предсѣдательствовать въ большихъ собраніяхъ, не считаетъ себя ораторомъ. Однако, сочувствуя задачамъ прогрессивной группы, онъ далъ свое согласіе и въ засѣданіи прогрессивной группы въ такихъ выраженіяхъ опредѣлилъ свое пониманіе общественной работы:

— «Въ общественной работѣ духъ вражды не долженъ имѣть мѣста; согласованіе мнѣнія противника со своимъ, возможное единеніе съ нимъ и искреннее стремленіе къ дружной работѣ — вотъ истинныя начала общественной дѣятельности. Не воинственная, а мирная политика, не боевая, а миролюбивая тактика, — вотъ вѣрные пути культурныхъ завоеваній на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. И я глубоко убѣжденъ, что только этотъ мирный путь есть достойнѣйшій для прогрессивной группы».

Такого убѣжденія не раздѣляли ея противники. Наканунѣ выборовъ состоялось совѣщаніе гласныхъ. Прибыло до 100 человѣкъ. Говорили «умѣренно-безпартійные», настаивавшіе на кандидатурѣ Н. И. Гучкова (знаніе дѣла, трудоспособность) и сомнѣвавшіеся въ знакомствѣ кн. Львова съ городскимъ хозяйствомъ. Отвѣчалъ имъ Н. И. Астровъ отъ «прогрессивной группы». Совѣщаніе не дало результатовъ. «Умѣренно-безпартійные» свои доводы изложили письменно и разослали ихъ всѣмъ гласнымъ. На этотъ необычайный въ практикѣ Думы пріемъ, «прогрессивная группа» отвѣчала разсылкою со своей стороны слѣдующаго документа: «Отъ комитета прогрессивной группы гласныхъ. Вниманіе населенія Москвы привлечено сейчасъ къ вопросу: кто будетъ городскимъ головою въ Москвѣ? Рѣдко интересъ къ городскому управленію достигалъ такого напряженія, какъ сейчасъ. Избраніе того или другого кандидата изъ двухъ выдвинутыхъ двумя думскими группами, будетъ знаменовать собой тотъ курсъ, который усвоитъ городское управленіе на цѣлые четыре года. Именно такъ населеніе города оцѣниваетъ значеніе предстоящихъ 15 Января выборовъ. Поддерживаемая группой правыхъ и умѣренныхъ кандидатура Н. И. Гучкова свидѣтельствуетъ, что городское общественное хозяйство будетъ вестись по прежнему пути, въ прежнихъ формахъ, способами и пріемами, которые давно перестали удовлетворять размѣрамъ дѣла и его сложности. Опытность въ старыхъ пріемахъ веденія хозяйства, знаніе старыхъ дѣлъ при недостаткѣ способности объединить разрозненные элементы Думы и воодушевлять своихъ сотрудниковъ, при неумѣніи внести въ общественное дѣло примиряющее начало, — въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ свою цѣнность. Эти знанія и опыт-

ность, пріобрѣтенныя въ хозяйствѣ, пріемы веденія котораго должны быть обновлены и измѣнены, нерѣдко создавали и должны создавать въ будущемъ рутину, привычку къ старымъ формамъ и нерѣдко подавляютъ самое сознаніе необходимости обновленія. Состояніе городского общественнаго хозяйства, требующаго коренныхъ измѣненій, таково, что наряду съ знаніями исторіи вопросовъ необходимо творческое начало, новая общественная идея и большія организаторскія способности. Эти черты должны отличать руководителя общественной работой, эти черты должны быть залогомъ необходимаго обновленія въ городскомъ хозяйствѣ и укрѣпленія достоинства московскаго городского общественнаго управленія. Если знаніе и опытъ составляютъ достояніе Думы и ея исполнительныхъ органовъ, то искреннее стремленіе объединить работу Думы, внести въ эту работу начало примиренія, исправить недостатки организаціи, которыми такъ сильно страдаетъ въ настоящее время городское хозяйство, должно быть первой и основной задачей московскаго городского головы. Исходя изъ этихъ основаній, прогрессивная группа гласныхъ сочла необходимымъ выдвинуть на должность московскаго головы кандидатуру князя Г. Е. Львова. Имя кн. Г. Е. Львова, какъ одного изъ крупнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, извѣстно всей Россіи. Знаетъ его и Москва. Вся дѣятельность кн. Львова была посвящена исключительно общественному самоуправленію и общественной самодѣятельности въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Кн. Львовъ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ московскомъ университетѣ. Съ 1887 года онъ состоялъ гласнымъ алексинскаго уѣзднаго и тульскаго губернскаго земствъ. Въ 1903 году кн. Львовъ былъ выбранъ предсѣдателемъ тульской губернской земской управы и на этомъ поприщѣ обнаружилъ глубокую практичность и дальновидность. Въ качествѣ предсѣдателя тульской губернской управы кн. Львовъ былъ избранъ главноуполномоченнымъ отъ общеземской организаціи для помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ въ русско-японскую войну. Здѣсь его крупная индивидуальность выразилась всесторонне, кн. Львовъ проявилъ неутомимую энергію и блестящія организаторскія способности. Вся общественная дѣятельность кн. Львова проникнута терпимостью и уваженіемъ къ свободѣ убѣжденій. Онъ всегда дѣйствовалъ умиротворяюще на партійныя разногласія и расприсплачивая вокругъ общаго дѣла общественныя силы, избѣгая ненужнаго боевого настроенія, полагая, что правильно сознанная общественная польза должна объединять, а не разъединять общественныя силы. Послѣ роспуска первой Государственной Думы, членомъ которой онъ состоялъ по избранію города Тулы, дѣятельность князя Львова сосредоточилась главнымъ образомъ въ общеземской организаціи, предсѣдателемъ которой онъ состоитъ до сихъ поръ. Подъ его руководствомъ было проведено четыре продовольственныхъ кампаніи, а въ 1908 г. была организована врачебно-продовольственная помощь переселенцамъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ связи съ переселенческимъ дѣломъ имъ была совершена поѣздка въ Канаду для обслѣдованія колонизаціи и организаціи переселенія. Большая общественная подготовка, разносторонняя общественная работа, требовавшая творческихъ силъ и организаторскихъ способностей (ибо научиться тому, какъ нужно было организовать санитарную помощь на Дальнемъ Востокѣ и продовольственную помощь въ голодающихъ губерніяхъ, было негдѣ), даетъ увѣренность, что кн. Львовъ быстро оріентируется и освоится съ общественнымъ хозяйствомъ города Москвы, отдастъ ему свои творческія силы и будетъ способствовать его обновленію. Съ настоящимъ заявленіемъ комитетъ прогрессивной группы обращается къ г. г. гласнымъ лишь въ виду

совершенно необычнаго для московскаго городского управленія пріема, которымъ счелъ возможнымъ воспользоваться комитетъ группы умѣренныхъ и безпартійныхъ. Настоящее обращеніе не ставитъ своею цѣлью полемизировать съ воззваніемъ комитета умѣренныхъ и безпартійныхъ, а лишь сообщаетъ основанія, по которымъ прогрессивная группа выставляетъ кандидатуру князя Г. Е. Львова на должность московскаго городского головы» (1).

15-го Января 1913 г. въ московской Думѣ былъ «большой день». Репортеры отмѣчаютъ на хорахъ небывалыя массы публики; среди другихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей — Д. Н. Шиповъ. Общее вниманіе привлекаетъ въ залѣ «фигура князя Львова съ сѣдою головой»... Баллотировка происходитъ 152 шарами; большинство составляетъ 77 голосовъ. Н. И. Гучковъ, послѣ семилѣтней службы въ головахъ, получаетъ 77 избирательныхъ шаровъ и 75 неизбирательныхъ. Князь Львовъ все-таки баллотируется и получаетъ 82 избирательныхъ и 70 неизбирательныхъ. Громовыя рукоплесканія публики, привѣтственныя крики, цѣлая овація по адресу кн. Львова. Въ отвѣтъ одинъ изъ правыхъ гласныхъ заявляетъ протестъ: у князя Львова нѣтъ имущественнаго ценза; онъ избранъ по довѣренности московскаго общества сельскаго хозяйства; довѣренность составлена неправильно и выборы не только въ головы, но и въ гласные — незаконны. Н. И. Астровъ въ своемъ отвѣтѣ разбиваетъ злобную аргументацію этого выступленія.

Въ 10 часовъ вечера въ ресторанѣ «Прага» состоялся ужинъ прогрессивной группы. Въ качествѣ почетныхъ гостей прибыли бывшій голова кн. В. М. Голицынъ и Д. Н. Шиповъ. Въ своей рѣчи Н. И. Астровъ сказалъ между прочимъ: «Избранникъ прогрессивной группы — одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые способны найти точку соприкосновенія со своими политическими противниками... Конечно, князь Львовъ найдетъ и пути для примиренія, и благодарную почву для него». Н. М. Кишкинъ говорилъ: «Вся Москва волновалась; ея выборъ давно сдѣланъ, такъ какъ князь Львовъ всей Россіи извѣстенъ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ и лучшихъ общественныхъ организаторовъ»... Князь Львовъ благодарилъ всѣхъ и привѣтствовалъ особенно кн. Голицына, какъ лучшаго изъ бывшихъ головъ гор. Москвы, Д. Н. Шипова, какъ своего учителя въ общественной дѣятельности, и Н. И. Астрова, котораго онъ назвалъ будущимъ руководителемъ московскаго городского самоуправленія... (2)

Послѣ выборовъ Н. И. Гучковъ отказался отъ своей кандидатуры и единственнымъ избранникомъ Думы остался кн. Г. Е. Львовъ.

По закону (ст. 114 Городового Положенія 1892 г.) «въ Москвѣ городской голова назначается высочайшей властью по представленію министра внутреннихъ дѣлъ; московской городской думѣ предоставляется избрать для сего двухъ кандидатовъ изъ числа гласныхъ».

Со времени введенія Городового Положенія 1892 г., Москва *ни разу* ранѣе не избирала двухъ кандидатовъ и *ни разу* ея единственный избранникъ не встрѣчалъ препятствій къ своему назначенію.

По отношенію къ князю Львову дѣло сложилось иначе.

«Обращеніе» прогрессистовъ удачно и ясно развиваетъ мотивы, по которымъ выставлена была кандидатура кн. Львова. Но въ Петербургѣ увидѣли въ дѣйствіяхъ московской Думы «кадетскую противоправительственную демонстрацію». Незадолго передъ тѣмъ (въ Декабрѣ 1912 г.) министръ внутреннихъ

1) «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 12.
2) «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 13.

дѣлъ А. А. Макаровъ замѣненъ неожиданно Н. А. Маклаковымъ, который (въ особенности на первыхъ порахъ) прямо «джигитовалъ» своей реакціонностью. Князь Львовъ сталъ одной изъ первыхъ жертвъ такой джигитовки. Сначала былъ данъ ходъ жалобамъ правыхъ гласныхъ. Когда-же избраніе князя Львова, по необходимости, признано вполнѣ правильнымъ, въ половинѣ Февраля въ Москву послано извѣщеніе, что министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ представить для назначенія высочайшей властью избраннаго Думой кандидата, «такъ какъ согласно ст. 114 Гор. Пол., требуется избраніе Думой не одного, но двухъ кандидатовъ. Московской Думѣ предлагается избрать второго кандидата и произвести выборы не позже 10-го Марта».

Разсчетъ Петербурга сдѣланъ на несомнѣнное переизбраніе Н. И. Гучкова, который, въ такомъ случаѣ, и подлежалъ немедленному назначенію въ посрамленіе «кадетской демонстраціи». Но Н. И. Гучковъ не пожелалъ воспользоваться покровительствомъ такого рода...

Въ началѣ Марта возвратился изъ Петербурга В. Д. Брянскій, исполнявшій должность городского головы. И Маклаковъ, и В. Н. Коковцевъ рѣшительно заявили ему: «правительство не признаетъ возможнымъ представить кн. Львова къ высочайшему назначенію. Если Дума не изберетъ второго кандидата, то ей не будетъ предоставлено произвести новые выборы и на должность городского головы будетъ назначено лицо по усмотрѣнію правительства; кандидатовъ же въ городскіе головы у правительства имѣется достаточное количество»...

19-го Марта 1913 г. прогрессивной группѣ удалось провести вторымъ кандидатомъ въ головы директора женскихъ курсовъ профессора С. А. Чаплыгина. Не того добивалось правительство. Въ Апрѣлѣ Думѣ отказано въ назначеніи обоихъ кандидатовъ. 8-го Октября Дума избрала, вмѣсто нихъ, Л. Л. Катуара, но въ началѣ 1914 года послѣдовало оффиціальное извѣщеніе о неутвержденіи и этого послѣдняго. Ползли все время слухи о назначеніи головою чиновника изъ Петербурга, объ измѣненіи Городового Положенія въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшить правительству роспускъ «непокорныхъ» городскихъ думъ и предоставить замѣну ихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, казеннымъ управленіемъ... Вся эта оргія быстро закончилась съ началомъ военныхъ дѣйствій. Правительство стало кроткимъ: въ головы назначенъ избранникъ Думы М. В. Челноковъ, завѣдомый кадетъ, секретарь второй Государственной Думы, который ранѣе подвергался всяческимъ гоненіямъ...

Еще въ Маѣ 1913 г. «Русскія Вѣдомости», возражая на злорадныя нападки на князя Львова Маклаковскаго оффиціоза («Россіи»), отмѣтили между прочимъ одну изъ основныхъ чертъ Георгія Евгеніевича. Газета писала: «*Всю свою общественную дѣятельность кн. Львовъ посвятилъ стремленію доказать возможность совмѣстной работы общества и органовъ власти. Если ему доказать, этого не удалось, то повиненъ-ли въ этомъ князь Львовъ?*»

Въ 1910 году Георгію Евгеніевичу пришлось столкнуться еще съ однимъ «джигитомъ» правительственной реакціи. Въ городѣ Екатеринбургѣ намѣчено открытіе приуральскаго политехникума. Пермская городская дума пожертвовала большую сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы училище это находилось не въ Екатеринбургѣ, а въ Перми. Черезъ князя С. Е. Львова (уральскаго заводо-

владѣльца) Дума обратилась къ Георгію Евгеніевичу съ просьбою провести въ Петербургѣ ея пожеланіе. Князь снарядилъ на Уралъ экспедицію изъ нѣсколькихъ спеціалистовъ, въ которой самъ принялъ участіе. По возвращеніи въ Москву составлена обширная записка, въ которой не было, конечно, ни слова о перенесеніи политехникума изъ Екатеринбурга въ Пермь, но, на основаніи собраннаго научнаго матеріала, доказывались важность и своеобразіе сельскаго хозяйства и лѣсоводства Прикамскаго края и выяснялась необходимость созданія для ихъ развитія особыхъ спеціалистовъ-агрономовъ. Съ отпечатанной запиской князь Львовъ поѣхалъ въ Петербургъ. Работа встрѣчена сочувственно Столыпинымъ. Но онъ послалъ князя къ министру народнаго просвѣщенія, только-что назначенному: въ послѣднемъ счетѣ рѣшеніе зависѣло отъ него. Если бы князь полгода назадъ зналъ, съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло, то, вѣроятно, не взялся-бы за порученіе Пермской Думы. Теперь отступать было поздно. Однако, новый министръ (знаменитый Кассо) рѣшилъ совершенно уклониться даже отъ встрѣчи съ «краснымъ княземъ». Добиться свиданія съ нимъ оказалось совершенно невозможнымъ. Подъ самыми разнообразными предлогами онъ сталъ неуловимъ. Но отъ князя Львова отдѣлаться такими пріемами было трудно. Проживая день за днемъ въ Петербургѣ и не желая ограничиться оставленіемъ въ министерствѣ своей записки, Георгій Евгеніевичъ поступилъ по-американски: онъ выждалъ пріѣзда Кассо въ одно изъ высшихъ законодательныхъ учрежденій, спокойно вошелъ за нимъ въ лифтъ и, во время подъема, успѣлъ познакомиться съ министромъ, вручить ему записку, дать нѣкоторыя разъясненія и заставить назначить срокъ для отвѣта.... Застигнутый врасплохъ, Кассо вынужденъ былъ подчиниться...

Высшее учебное заведеніе въ Перми впослѣдствіи начало функціонировать, но остается неизвѣстнымъ, какую роль сыграла въ этомъ дѣлѣ записка князя Львова.

7.

Въ концѣ 1913 г. Георгій Евгеніевичъ принялъ участіе въ одномъ начинаніи, относительно котораго у пишущаго эти строки сохранились такія воспоминанія:

Я состоялъ членомъ правленія кооперативнаго издательства «Задруга». Какъ-то въ засѣданіи, обсуждая новыя книги, намѣчавшіяся къ печати, мнѣ указали на надвигающійся пятидесятилѣтній юбилей земскихъ учрежденій. «Задруга» хотѣла на него откликнуться.

— Вы бы написали книжку для народа, говорили мнѣ. А то вѣдь въ деревнѣ земство — послѣ пятидесятилѣтней работы — не пользуется никакимъ престижемъ: что земства, что земскіе начальники — все валятъ въ одну кучу... да жалуются на земскіе сборы, которые въ окладныхъ листахъ всегда выше казенныхъ... А что сдѣлано земствомъ для народа — принимается, какъ должное... кто помнитъ, какъ обстояли дѣла въ деревнѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ?

Разговоры справедливые. Но писать по такому сложному вопросу маленькую книжку для народа казалось задачей нелегкой. Для какого народа писать? Какимъ языкомъ? Какъ упростить громадный матеріалъ? Что выбрать изъ него для народа?... — На всѣ эти вопросы отвѣтовъ сразу не находилось и я затягивалъ работу. Между тѣмъ юбилей приближался и мнѣ нѣсколько разъ напоминали о брошюрѣ. Наконецъ, неожиданно мнѣ пришла счастливая мысль: привлечь къ дѣлу князя Львова. Кто лучше его умѣлъ подойти къ крестьяни-

ну и быть ему понятнымъ? Кто зналъ лучше практическое земское дѣло? Чье имя лучше украсило бы книжку? Конечно, дѣло слишкомъ маленькое для князя Львова. Но вѣдь выходило даже какъ будто красиво: въ то время, какъ въ Петербургѣ готовятся оффиціальныя торжества, на которыя, конечно, не пригласятъ князя Львова, — онъ празднуетъ юбилей *по своему*, стараясь объяснить деревнѣ значеніе земства...

Обычно князь писалъ легко и свободно, нисколько не заботясь о формѣ. Такую «скоропись» онъ примѣнялъ въ дѣловыхъ бумагахъ, отчетахъ и письмахъ. Но послѣ первой Думы онъ сблизился съ младшею генераціей заправилъ «Русскихъ Вѣдомостей». Къ нему иной разъ приставали съ просьбами о статьѣ по какому-либо особливому случаю. Георгій Евгеніевичъ соглашался не очень охотно. Къ газетному дѣлу онъ относился почему-то недовѣрчиво. Но, разъ обѣщавъ, вкладывалъ въ дѣло большую работу. И тутъ неожиданно обнаруживалось, что онъ могъ, если бы захотѣлъ, сдѣлаться замѣчательнымъ и очень своеобразнымъ писателемъ. Статья, послѣ тщательной обработки, выдѣлялась, на фонѣ обычнаго сѣраго газетнаго слога, какъ стихотвореніе въ прозѣ, начертанное красивою старинною вязью. Мысли укладывались въ образы, взятые изъ деревенской хозяйственной жизни; на каждомъ шагу авторъ проявлялъ поразительное знаніе народнаго языка и крестьянскаго міровоззрѣнія. Весь текстъ пересыпанъ былъ тѣми поразительными словечками, которыми великороссъ умѣетъ иногда пришпилить и исчерпать до дна наблюдаемое явленіе...

Выдержать цѣлую брошюру въ такихъ тонахъ казалось невозможнымъ и, быть можетъ, *для народа* — даже нежелательнымъ. Но высоко цѣня писательское дарованіе князя, я заранѣе смаковалъ художественное созданіе, которое онъ способенъ былъ дать, если бы удалось убѣдить его отнестись къ работѣ серьезно.

Я позвонилъ къ Георгію Евгеніевичу и просилъ у него разрѣшенія пріѣхать по дѣлу.

— Я буду черезъ часъ въ вашей сторонѣ и заѣду.

Я выволокъ собранную за это время литературу о земствѣ и завалилъ ею большой диванъ.

— Чтойто у васъ? — говорилъ князь, входя и устремляясь къ грудѣ наваленныхъ книгъ.

— Это къ разговору. — И я посвятилъ князя въ свои планы.

— Не знаю... отвѣчалъ онъ въ раздумьѣ. — По вашему выходитъ дѣло сложное: писать для народа и не на него, а на нашемъ языкѣ, да полно, да научно... и все въ маленькой брошюрѣ!... Попробовать можно. Не знаю только, что выйдетъ.

Георгій Евгеніевичъ въ это время былъ, относительно говоря, свободенъ. Я приналегъ на свои резоны. Наконецъ, онъ согласился; отобралъ нѣсколько книгъ съ моего дивана и обѣщалъ недѣли черезъ двѣ привезти пробу.

Но уже черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ съ готовой работой и прочелъ свои немногочисленные листки.

И что-же? Увы! вышла бойкая, наскоро набросанная поверхностная статейка о земствѣ съ традиціонными лирическими восхваленіями Царя-Освободителя и розовыми описаніями благодѣяній земства. Четыре огромныхъ тома Б. Веселовскаго съ тщательно разработанными нападками на «цензовое» земство за «классовую политику» — какъ будто для князя и не существовали вовсе...

Я молчалъ — совершенно разочарованный.

— Что-же, это никуда не годится? спросилъ князь спокойно.

Я сталъ подробно объяснять, почему ожидалъ совсѣмъ другого.

— Ну, вотъ что... — перебилъ меня князь. У васъ все обдумано. Напишите теперь вы. Посмотримъ.

Выслушавъ мѣсяца черезъ два мою сухую и скучную брошюру, князь сказалъ:

— Ну, что-же?... могу только повторить вашу оцѣнку: по моему, это никуда не годится. Давайте-ка писать вмѣстѣ. Попробуйте вашу сухомятку разбавить моей «лирикой». А потомъ пройдемъ всю работу сообща.

Такъ мы и сдѣлали. Заключительная стадія взяла много времени: мы прочли всю брошюру вмѣстѣ, критикуя каждую фразу, стараясь упростить текстъ и сдѣлать его понятнымъ рядовому грамотному крестьянину.

Брошюра имѣла незаурядный успѣхъ. Многія земства выписывали ее для раздачи народу въ юбилейные дни. Разошлось въ самое короткое время 75 тысячъ экземпляровъ. Разошлось-бы и больше. Но власти сумѣли и въ этой невинной работѣ найти «ядъ антиправительственной пропаганды». Губернаторы одинъ за другимъ начали опротестовывать, какъ «нецѣлесообразныя», ассигновки земствъ на выписку брошюры для раздачи ея населенію въ юбилейные дни. Жаловаться въ Сенатъ и ожидать по такому маленькому поводу отвѣта 3 года или даже 5 лѣтъ, казалось, не стоитъ. Къ тому-же началась война и всѣ охвачены были совершенно иными интересами.

Маленькая народная брошюрка не осталась незамѣченной и въ прессѣ. Въ газетахъ появились о ней обстоятельныя замѣтки: въ «Рѣчи» — А. И. Шингарева, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстнаго Саратовскаго земца — Н. Н. Львова.

Благопріятные отзывы напечатаны и въ другихъ прогрессивныхъ изданіяхъ — и не только въ газетахъ, а и въ «толстыхъ» журналахъ. Книжку хвалили (правда, съ оговорками) даже органы, стоявшія на «классовой» точкѣ зрѣнія, съ которой «цензовое» земство казалось имъ помѣщичьей игрушкой, способствовавшей лишь проявленію узко-классовыхъ интересовъ...

Глава шестая

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ.

1.

Въ послѣдніе годы передъ войной прогрессивныя газеты охотно отмѣчали въ земскихъ собраніяхъ «вялость, скуку и абсентеизмъ гласныхъ». Многое, дѣйствительно, измѣнилось въ земствѣ. Періодъ острой борьбы нахлынувшихъ реакціонеровъ противъ всего, что сдѣлало прогрессивное земство за 50 лѣтъ, — прошелъ. Правые повсемѣстно побѣдили. Интересъ ихъ къ борьбѣ, да и къ земству, снова упалъ. Почти вездѣ собранія на двѣ трети прочно составились изъ людей испуганныхъ революціей 1905 года и менѣе всего склонныхъ снова допускать «игру съ огнемъ». Кое-кто изъ «гибкихъ» общественныхъ дѣятелей, учтя моментъ и забывъ свои недавнія лѣвыя «увлеченія», сталъ пѣть въ унисонъ съ новыми, правыми хозяевами положенія. Среди правыхъ значительныхъ, дѣловыхъ людей оказалось немного. И въ земскія управы легко прошли люди аполитичные или перекрасившіеся. Политика почти совершенно исчезла изъ залъ земскихъ засѣданій и лишь «доходящій до озорства» произволъ губернаторовъ вызывалъ подчасъ, по старой памяти, возмущеніе и протесты органовъ самоуправленія. Центральное правительство, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ измѣнило свое отношеніе къ новому, благонамѣренному земству и шло охотно на прекращеніе прежнихъ систематическихъ гоненій. Оставшіеся въ земствѣ немногочисленные прогрессисты молчали до времени. И нельзя сказать, чтобы практическое земское дѣло шло плохо. Земскія собранія могли тянуться скучно и вяло. Но дѣйствующіе органы земства (управы) потихоньку и полегоньку вернулись на прежнюю стезю и развивали все большую работу.

Руководящая роль въ земскомъ самоуправленіи, по прежнему, принадлежала Москвѣ. Какъ мы видѣли, хозяиномъ положенія здѣсь прочно сдѣлались правые. Съ большимъ трудомъ въ предсѣдатели губернской управы пробрался Н. Ф. Рихтеръ — старый и опытный земецъ, сумѣвшій однако во-время «поумнѣть» и прочно забыть свое недавнее прогрессивное прошлое. Мало-по-малу онъ осмѣлѣлъ и вернулъ московскому земству начинанія, потерпѣвшія сильный уронъ во время активной черносотенной кампаніи. Онъ сумѣлъ выжить изъ зданія московской управы непріятную правительству и черносотенцамъ общеземскую организацію. Но завоевавъ прочное довѣріе Петербурга, съ разрѣшенія властей, самъ провелъ нѣсколько общеземскихъ съѣздовъ, не пригласивъ къ участію въ нихъ ни опаснаго князя Львова, ни его «кадетскаго» управленія. Въ концѣ Ноября 1911 года Н. Ф. Рихтеръ умеръ. Долгое время (до полo-

вины Февраля 1913 года) постъ его оставался незанятымъ, а обязанности исполнялись замѣстителемъ предсѣдателя А. Е. Грузиновымъ. Наконецъ, выборы состоялись. Большинство голосовъ получилъ Ф. В. Шлиппе — сынъ того самаго тульскаго губернатора, съ которымъ пришлось въ молодости столкнуться кн. Г. Е. Львову. Федоръ Владиміровичъ Шлиппе былъ человѣкомъ образованнымъ: онъ закончилъ два факультета. Онъ былъ помѣщикомъ, агрономомъ, земцемъ и занималъ нѣкоторое время должность предсѣдателя верейской уѣздной земской управы. Но рядомъ съ этимъ служилъ онъ и по дворянскимъ выборамъ, имѣлъ званіе камеръ-юнкера, а съ 1907 года состоялъ и на правительственной службѣ: въ моментъ выборовъ онъ занималъ даже видный постъ вице-директора департамента земледѣлія. Въ молодости онъ продѣлалъ стажъ японской войны въ качествѣ уполномоченнаго дворянскаго отряда Краснаго Креста.

По поводу объявленія войны въ Москвѣ 25 Іюля открылось экстренное губернское земское собраніе. Докладъ управы весьма характеренъ для патріотическихъ настроеній, которыми полны были земскіе дѣятели въ началѣ войны. Управа между прочимъ писала: «Россія переживаетъ историческій моментъ исключительной важности. Съ быстротой урагана текутъ событія. Надвигается небывалая въ исторіи народовъ гроза. Но нѣтъ страха передъ грядущей грозой. Съ торжественнымъ спокойствіемъ, съ бодрой увѣренностью, съ печатью радостного воодушевленія на лицахъ идутъ сыны необъятной Россіи грудью отстаивать честь своей родины. Рухнули перегородки, раздѣлявшія русскихъ гражданъ и всѣ слились въ одномъ порывѣ. Въ этотъ торжественный моментъ, однако, нельзя забывать, что съ первымъ раскатомъ грядущей грозы, одновременно съ побѣдными кликами раздадутся стоны тысячъ, десятковъ тысячъ раненыхъ и умирающихъ на поляхъ сраженія. Долгъ оставшихся на мѣстахъ напрячь всѣ свои силы и своевременно прійти на помощь. Оставшіеся на мѣстахъ тоже должны построиться въ боевыя позиціи, чтобы быстро, своевременно, планомѣрно выполнить ту задачу помощи раненымъ, которая имъ предстоитъ и масштабъ которой, какъ нужно ожидать, будетъ громаденъ. Кому-же въ первую очередь, какъ не общественнымъ учрежденіямъ, призваннымъ обслуживать нужды населенія, обладающимъ многолѣтнимъ опытомъ въ дѣлѣ леченія больныхъ и организованными силами, подобаетъ взять на себя миссію объединенія отдѣльныхъ усилій въ этомъ большомъ и требующемъ сложной организаціи дѣлѣ»...

Несмотря на то, что «рухнули перегородки, раздѣлявшія русскихъ гражданъ», управа вовсе не собиралась вливать молодое вино патріотическаго одушевленія новыхъ земствъ въ старые мѣха одіозной для многихъ общеземской организаціи. Придумать что-либо новое по существу оказалось, конечно, очень труднымъ. Приходилось намѣчать тѣ-же простыя основы совмѣстной работы, которыя дали прекрасные результаты десять лѣтъ назадъ при открытіи японской кампаніи. Но казалось необходимымъ хотя-бы по видимости создать что-то новое, показать, что намѣчавшееся объединеніе не является вовсе носителемъ тѣхъ идей и настроеній, которыми жила общеземская организація.

Управа предлагала собранію звать *всѣ* земства Россіи къ дружной работѣ на пользу арміи, къ созданію «Всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ». Она уже снеслась по телеграфу съ губернскими земства-

ми и отъ многихъ получила выраженіе полнаго сочувствія и согласіе примкнуть къ задуманному союзу. Московское собраніе единодушно согласилось со всѣми предложеніями управы и постановило пригласить 30 Іюля въ Москву по два представителя отъ каждаго изъ губернскихъ земствъ для конструированія союза.

Князь Львовъ очутился въ положеніи болѣе чѣмъ странномъ. Московское земство, давно уже уклонившееся отъ участія въ общеземской организаціи, звало теперь всѣ губернскія управы къ созданію новаго союза — какъ разъ съ тѣми цѣлями, ради которыхъ уже существовало объединеніе земствъ. Князь Львовъ вовлекался какъ-будто въ конкуренцію, которой онъ вовсе не желалъ.

Съ момента объявленія войны князь былъ весь поглощенъ подготовительной работой. Онъ стягивалъ своихъ прежнихъ сотрудниковъ, искалъ помѣщеній для будущихъ складовъ, выяснялъ съ поставщиками вопросы о возможности быстрой заготовки бѣлья, медикаментовъ, перевязочныхъ матеріаловъ. Съ согласія товарищей по управленію, онъ сдѣлалъ московской управѣ заявленіе, что общеземская организація присоединяется къ проектируемому союзу земствъ и вноситъ въ кассу его всѣ свои наличныя деньги, которыхъ оказалось до 600.000 р. Управа вынуждена была пригласить князя къ участію въ выработкѣ доклада представителямъ земствъ. Такимъ образомъ Г. Е. оказался членомъ собранія 30-го Іюля. Проектъ устава намѣчалъ верховный органъ союза въ видѣ общаго собранія (съѣзда) представителей земствъ — по два отъ каждаго, причемъ одинъ избирался управою, другой собраніемъ. Съѣздъ избиралъ исполнительный органъ — центральный комитетъ изъ 10 лицъ для работы въ Москвѣ. Во главѣ союза должны были стать главноуполномоченный и его замѣститель. Заправиламъ дѣла казалось совершенно естественнымъ, что иниціаторъ союза — московское земство, по традиціи, займетъ руководящее положеніе и предсѣдатель московской управы будетъ избранъ главноуполномоченнымъ. При правыхъ настроеніяхъ огромнаго большинства земствъ такой исходъ казался несомнѣннымъ.

Но среди съѣхавшихся 30 Іюля земскихъ представителей оказались личные друзья князя Львова (С. Н. Масловъ, В. В. Вырубовъ и др.). Началась усиленная агитація за избраніе главноуполномоченнымъ союза именно князя Львова. Формальныхъ препятствій не оказалось, такъ какъ уставъ разрѣшалъ избирать на всѣ должности не только гласныхъ, но и всѣхъ лицъ, обладающихъ цензомъ для избранія въ земскіе гласные. Сторонники князя предлагали въ исключительныхъ обстоятельствахъ начинавшейся трагедіи забыть партійные и личные счеты. Федора Вл. Шлиппе въ земской средѣ знали мало. Князь Львовъ — даже политическими противниками считался однимъ изъ лучшихъ общественныхъ организаторовъ. Учитывались и настроенія широкихъ слоевъ общества. Въ кулуарахъ распространились слухи, что князь Львовъ получилъ изъ Петербурга приглашеніе стать во главѣ всѣхъ дѣйствующихъ на войнѣ отрядовъ Краснаго Креста. Словомъ, кандидатура князя Львова пріобрѣла шансы на успѣхъ.

Предъ самыми выборами Ф. В. Шлиппе рѣшился на личное объясненіе. Онъ указывалъ Георгію Евгеніевичу на необходимость въ начатомъ дѣлѣ сохранить полное единеніе не только между земствами, но и съ правительствомъ. Онъ спрашивалъ, можетъ-ли имя князя Львова объединить всѣхъ на мирной работѣ. Онъ настаивалъ на правахъ московскаго земства, какъ иниціатора всего дѣла, и предлагалъ Георгію Евгеніевичу устранить конкуренцію и заранѣе уступить мѣсто главноуполномоченнаго предсѣдателю московской губерн-

ской управы, довольствуясь званіемъ замѣстителя... На этотъ разъ, однако, князь Львовъ не поддался на мирныя предложенія: онъ хорошо понималъ, что земскій союзъ съ Ф. В. Шлиппе во главѣ будетъ совсѣмъ не тѣмъ, что необходимо было создать.

Переговоры эти затянулись, а собравшіеся уже въ залѣ земцы съ нетерпѣніемъ ждали начала засѣданія... Наконецъ, князь Львовъ прервалъ объясненіе рѣшительнымъ и категорическимъ заявленіемъ:

— Въ подручные къ вамъ не пойду!

На состоявшихся вслѣдъ затѣмъ выборахъ большинство голосовъ подано за князя Львова. Предсѣдатель московской губернской управы избранъ его замѣстителемъ. Въ составъ центральнаго комитета, по указанію Георгія Евгеніевича, попало нѣсколько его друзей и бывшихъ сотрудниковъ.

2.

Черезъ недѣлю послѣ образованія союза состоялся царскій пріемъ. Князь Львовъ въ бесѣдѣ съ Николаемъ II такъ охарактеризовалъ возникшее сообщество: «Въ вихрѣ событій всероссійскій земскій союзъ создался всего съ недѣлю тому назадъ. Организація его самая простая. Въ Москвѣ образованъ центральный комитетъ, а на мѣстахъ губернскіе и уѣздные. Все дѣло зиждется не на формахъ и разработанныхъ уставахъ, а на крѣпкомъ духовномъ единеніи. Земства смогли отпустить изъ своихъ средствъ на дѣло помощи раненымъ 12 милліоновъ рублей. Наша задача — принять раненыхъ изъ арміи, перевезти въ госпитали, оборудовать санитарные поѣзда и больницы, вылечить нашихъ раненыхъ братьевъ и разсѣять ихъ на мѣста внутрь Россіи».

Какъ и въ 1904 году, царь встрѣтилъ извѣстіе съ большимъ сочувствіемъ. Но реакція на это сочувствіе со стороны высшихъ представителей власти, *на первыхъ порахъ*, была совсѣмъ иная, чѣмъ десять лѣтъ назадъ. Слишкомъ серьезными казались надвигавшіяся событія... да и взаимоотношенія власти и общества измѣнились. 25 Августа 1914 г. издано высочайшее повелѣніе, которымъ объявлено о существованіи и дѣятельности союза. Онъ признанъ самостоятельною организаціей, преслѣдующею аналогичныя съ Обществомъ Краснаго Креста цѣли и, потому, пользующейся въ своей дѣятельности эмблемою международнаго Краснаго Креста. Министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно увѣдомилъ губернаторовъ объ организаціи всероссійскаго земскаго союза и предложилъ имъ содѣйствовать на мѣстахъ дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ.

Общее собраніе уполномоченныхъ, въ принципѣ, должно было руководить всѣмъ дѣломъ, издавать обязательныя для союза постановленія, распоряжаться его средствами.

Главный комитетъ считался органомъ чисто исполнительнымъ. Но такой порядокъ не соотвѣтствовалъ привычкамъ князя Львова. Съ самаго начала *вся* работа въ центрѣ легла именно на исполнительный органъ. За общимъ собраніемъ осталось лишь направленіе дѣятельности союза и главное руководство при рѣшеніи наиболѣе сложныхъ принципіальныхъ вопросовъ. Никто не претендовалъ за это на главноуполномоченнаго: для всѣхъ земцевъ слишкомъ много дѣла оказалось на мѣстахъ; частое посѣщеніе Москвы представлялось немыслимымъ.

Мѣстнымъ дѣятелямъ предоставлялось, въ случаѣ надобности, создавать

параллельно съ земскими учрежденіями, особые комитеты земскаго союза — губернскіе, уѣздные и болѣе мелкіе. Являясь организаціями экстраординарными, комитеты эти не подлежали ограничительнымъ нормамъ земскаго положенія, и оставались болѣе свободными въ своихъ дѣйствіяхъ.

Къ тому-же исполнительные органы земствъ, состоявшіе всего изъ нѣсколькихъ лицъ, были завалены текущей работой. Военное время, неизбѣжно, должно было еще увеличить ихъ повседнєвныя обязанности. Надо было привлечь въ ихъ среду на равныхъ правахъ земскихъ спеціалистовъ, объединить земства съ другими мѣстными работоспособными организаціями.

Очень скоро около главнаго московскаго комитета выросли и приступили къ работѣ отдѣлы: центральный складъ (къ которому примыкали всѣ вообще склады союза и закупочная комиссія), отдѣлъ медико-санитарный, отдѣлъ эвакуаціи, отдѣлъ санитарныхъ поѣздовъ, отдѣлъ по пріему пожертвованій, касса, бухгалтерія, канцелярія. Позднѣе число отдѣловъ, конечно, чрезвычайно возрасло.

Патріотическому одушевленію, желанію непосредственно служить арміи — почти въ самомъ началѣ войны правительствомъ поставлены нѣкоторыя ограниченія. Послѣ назначенія «верховнымъ» начальникомъ санитарной части престарѣлаго принца Ольденбургскаго, въ Москву явился, отъ его имени, полковникъ Кочергинъ, который въ конфиденціальномъ засѣданіи сообщилъ союзамъ воинскія предначертанія. На картѣ Россіи отъ Москвы до Кіева прошла красная линія: на западъ отъ нея, на театрѣ военныхъ дѣйствій, санитарныя нужды арміи, по волѣ принца. подлежали обслуживанію военнымъ вѣдомствомъ и обществомъ Краснаго Креста; на востокъ отъ установленнаго рубежа, въ тылу, имѣла развиваться работа общественныхъ организацій. Планъ военно-санитарнаго вѣдомства объявленъ такой: больныхъ и раненыхъ ожидается въ мѣсяцъ до 200.000. Доставка ихъ съ фронта должна производиться черезъ пять распредѣлительныхъ пунктовъ: Петроградъ, Москву, Курскъ, Орелъ и Харьковъ. Военное вѣдомство полагало, что можетъ взять на себя полностью организацію распредѣлителей; въ «округахъ» же (остальной Россіи) можетъ содержать только часть необходимыхъ коекъ; всѣ остальныя поручались московской и петроградской думамъ и обѣимъ общественнымъ организаціямъ. На долю послѣднихъ оставалось 155.400 «окружныхъ» коекъ. Безъ колебаній земскій союзъ взялъ на себя $^2/_3$ задачи, городской — остальную треть. Уже къ 1 Октября 1914 г. заданіе оказалось выполненнымъ съ избыткомъ. Позднѣе земскій союзъ довелъ число своихъ коекъ, по запросамъ военнаго вѣдомства, почти до 200.000.

Выслушавъ «руководящія указанія» полковника Кочергина, разочарованные сотрудники земскаго союза спрашивали князя Львова: неужели въ самомъ дѣлѣ насъ не пустятъ непосредственно работать на армію? А Георгій Евгеніевичъ, усмѣхаясь, говорилъ:

— По-зо-вутъ! И очень скоро. Гдѣ-же имъ управиться! Будьте только готовы.

Работа въ тылу почти полностью легла на общественныя организаціи. И военно-санитарному вѣдомству, и обществу Краснаго Креста было не до обслуживанія тыла: они оказались мало подготовленными къ той громадной дѣятельности, которая выпала на ихъ долю, и должны были напрягать всѣ свои усилія непосредственно въ районѣ боевъ, разыгравшихся на громадномъ фронтѣ.

Получивъ въ концѣ Августа по телеграфу предложенія развернуть немед-

ленно приходившіяся на ихъ долю по разверсткѣ койки, многія земства не видѣли никакой возможности осуществить на мѣстныя средства такія грандіозныя заданія. Но изъ Москвы пришелъ успокоительный отвѣтъ: и оборудованіе коекъ, и содержаніе ихъ принялъ на себя главный комитетъ союза — въ той части, въ которой это оказалось бы невыполнимымъ на мѣстныя средства. Нужны энергія, знанія, опытъ мѣстныхъ людей; средства готово отпустить правительство.

Работа на мѣстахъ закипѣла. Въ два мѣсяца заданіе выполнено. Въ то-же время земскому союзу пришлось взять на себя устройство нѣсколькихъ узловыхъ распредѣлительныхъ пунктовъ, такъ какъ и въ этомъ дѣлѣ военное вѣдомство просило помощи. Когда по ходу эвакуаціи оказалось необходимымъ создать новые распредѣлительные пункты, оборудованіе ихъ также поручено земскому союзу.

Чтобы получить такіе результаты, нужно было въ центрѣ быстро и энергично организовать массовую закупку и заготовку необходимыхъ для госпиталей предметовъ. Но рынокъ былъ пустъ. Предметы медицинскаго снабженія (лекарства, хирургическіе инструменты) доставляла, главнымъ образомъ, Германія. Война нахлынула неожиданно и своевременно запасовъ Россіей сдѣлано не было.

Тѣмъ не менѣе, заготовительный отдѣлъ главнаго комитета немедленно приступилъ къ энергичной работѣ. Въ разныхъ частяхъ города найдены обширныя помѣщенія, частью предоставленныя земскому союзу безплатно. Одинъ за другимъ возникли семь складовъ. Со всей Россіи земствами доставлены срочными телеграммами справки о товарахъ, которые можно получить на мѣстахъ. При посредствѣ комитетовъ союза и земскихъ управъ, удалось сдѣлать значительныя закупки. При центральномъ складѣ въ Москвѣ, съ участіемъ преподавателей коммерческихъ училищъ, создана провѣрочная лабораторія, на которую возложено сопоставленіе доставляемыхъ товаровъ съ образцами и испытаніе предлагаемыхъ матерій. Для веденія разраставшихся съ каждымъ днемъ пріемочныхъ и отпускныхъ операцій привлечена артель, внесшая крупные залоги за своихъ членовъ. Артель взялась поставить, за своей гарантіей, неограниченное количество людей. Ей на руки поступили всѣ склады. За служащими земскаго союза оставалось наблюденіе и общее руководство.

За первые четыре мѣсяца (Августъ-Ноябрь 1914 г.) удалось сдѣлать заготовокъ почти на 17 милліоновъ рублей. Задача была выполнена: спросъ съ мѣстъ за то-же время не превысилъ 12½ милліоновъ рублей. Но покупкой, упаковкой и отправкой не ограничивалось дѣло складовъ. Покупая бѣлье (носильное и постельное) въ готовомъ видѣ, пришлось бы ждать безконечно долго выполненія заказовъ и переплачивать огромныя суммы. И земскій союзъ рѣшилъ создать собственныя закройныя мастерскія. Шитье бѣлья производилось на дому. Раскроенныя вещи сдавались, принимались и оплачивались благотворительными и кооперативными учрежденіями, привлеченными къ дѣлу. Позднѣе и самъ союзъ создалъ рядъ собственныхъ раздаточныхъ конторъ, на которыя работали десятки тысячъ нуждающихся женщинъ (солдатокъ главнымъ образомъ).

Самую усиленную работу складъ выполнилъ въ Сентябрѣ и началѣ Октября. Къ серединѣ Октября большая часть коекъ земскаго союза была оборудована и потребность въ бѣльѣ значительно сократилась.

Но въ концѣ Сентября генералъ-интендантъ арміи обратился къ союзу за помощью: нужно было въ самое короткое время скроить и сшить семь съ по-

ловиною милліоновъ комплектовъ бѣлья (рубахъ и кальсонъ). Заказъ принятъ и исполненъ въ срокъ. Это оказалось только началомъ длинной серіи интендантскихъ заказовъ, которые союзъ выполнялъ затѣмъ въ теченіе всей войны. За первымъ заказомъ послѣдовало предложеніе сшить 240.000 полотнищъ солдатскихъ палатокъ. Потомъ (въ Ноябрѣ 1914 г.) надо было спѣшно снабдить мѣховыми вещами 215.000 человѣкъ сербской арміи. Выполненіе этого заказа вызвало рядъ новыхъ на мѣховыя вещи для русской арміи (полушубки, тулупы, валенки, перчатки, теплые чулки). Наконецъ, въ Январѣ 1916 года союзъ вынужденъ взять на себя всю заготовку теплыхъ вещей для арміи, въ общемъ — двадцати четырехъ милліоновъ предметовъ. Къ этому времени (началу 1916 г.) союзомъ уже сдано интендантству 35.714.099 изготовленныхъ для него вещей. Параллельно съ этимъ шла интенсивная и спѣшная работа по заготовкѣ солдатской обуви. Дѣломъ этимъ заняты многіе мѣстные комитеты земскаго союза. Работы внутри Россіи оказались недостаточными и въ Соединенные Штаты направлена союзомъ комиссія, которая закупила тамъ до 1 Января 1916 г. три милліона паръ сапогъ и милліонъ семьсотъ тысячъ паръ ботинокъ. Постепенно пришлось такъ наладить центральный аппаратъ и аппараты мѣстныхъ комитетовъ, чтобы быть въ силахъ вести заготовки и для восполненія снаряженія учрежденій самого союза, и для удовлетворенія почти безграничныхъ нуждъ интендантства. Обычною среднею нормою заготовокъ къ 1917 году можно считать пять милліоновъ предметовъ въ мѣсяцъ: тутъ было главнымъ образомъ бѣлье, затѣмъ лѣтнее и зимнее обмундированіе, теплыя и мѣховыя вещи, палатки, земленосные мѣшки для укрѣпленій и т. д. Сверхъ того, производилась непрерывная закупка и заготовка сапогъ, которая разраслась до такой степени, что земскому союзу пришлось взять на себя сборъ кожъ убитыхъ животныхъ, выдѣлку этихъ кожъ и фабрикацію необходимыхъ для того дубильныхъ экстрактовъ.

Заготовка чисто медицинскихъ предметовъ находилась въ началѣ войны въ положеніи чрезвычайно трудномъ. На первыхъ порахъ нуждамъ союза служила богатая центральная аптека московскаго земства. Скоро однако запасы ея стали подходить къ концу. Союзъ сдѣлалъ попытку собрать все, что оставалось еще на русскомъ рынкѣ. Въ то-же время (уже въ половинѣ Августа) удалось завязать сношенія съ заграничными рынками. За первые четыре мѣсяца закуплено медикаментовъ на 1.245.780 рублей; въ томъ числѣ на 291.689 руб. въ Россіи и на 954.091 руб. — заграницей (въ Англіи, Швеціи, Японіи, Америкѣ, Франціи). Эти первыя заграничныя заготовки въ значительной части прибыли въ Москву уже въ теченіе Сентября-Ноября 1914 г. Всѣ химико-фармацевтическіе препараты принимались только въ оригинальной фабричной упаковкѣ; они подвергались въ лабораторіи союза химическому анализу.

Еще труднѣе оказалось дѣло съ хирургическими инструментами. Крайне высокія цѣны на нихъ заграницей, затрудненія въ выборѣ необходимыхъ типовъ и сложность организаціи закупки — сильно ограничили возможность заграничныхъ заготовокъ. Куплены на первыхъ порахъ лишь самые необходимые, ходовые инструменты въ Японіи. На выручку пришли русскія фирмы и въ значительной степени артели простыхъ русскихъ кустарей (напр., Павловская артель рабочихъ металлистовъ): по образцамъ земскаго союза и подъ его наблюденіемъ налажена выработка 25 видовъ самыхъ ходовыхъ инструментовъ.

Были въ первое время значительныя затрудненія съ оборудованіемъ операціонныхъ, съ закупкою дезинфекціонныхъ камеръ, стерилизаторовъ и рентгеновскихъ аппаратовъ. Но постепенно наладились заказы и этихъ предметовъ

крупнымъ московскимъ и петроградскимъ фирмамъ. Предметами ухода за больными изобиловалъ русскій рынокъ. Закупка ихъ шла безпрерывно и безпрепятственно.

Напротивъ, съ добываніемъ перевязочнаго матеріала союзу пришлось пережить тяжелые моменты. Громадный спросъ и недочеты рынка породили въ этой области спекуляцію и перевязочный матеріалъ приходилось вырывать изъ рукъ скупщиковъ по любымъ цѣнамъ. Требованія съ мѣстъ все-же удалось удовлетворить, а когда миновала горячка первыхъ мѣсяцевъ, крупныя и солидныя фирмы приняли большіе срочные заказы. Къ тому-же въ это время союзъ располагалъ уже заграничнымъ матеріаломъ, пришедшимъ, главнымъ образомъ, изъ Америки. Съ мѣстъ запрашивали часто перевязочный матеріалъ приготовленный и стерилизованный. Пришлось поэтому организовать подъ наблюденіемъ врачей нѣсколько стерилизующихъ мастерскихъ, въ которыя матеріалъ поступалъ по заготовкѣ его, главнымъ образомъ, даровой, производившейся множествомъ семей Москвы и различными учрежденіями (женскими гимназіями, лазаретами, монастырями, общинами сестеръ милосердія и т. п.).

Все это было лишь первые шаги. Съ развитіемъ дѣла земскому союзу пришлось организовать постоянную закупочную комиссію въ Лондонѣ при англо русскомъ комитетѣ для использованія иностранныхъ рынковъ. Комиссія эта за первые-же шесть мѣсяцевъ своего существованія закупила однихъ медикаментовъ на 8.200.000 руб. Вообще же стоимость одного *медицинскаго* снабженія къ концу 1916 г. выражалась уже милліономъ рублей въ мѣсяцъ, а на 1917 годъ главный комитетъ утвердилъ смѣту на пріобрѣтеніе для учрежденій земскаго союза хирургическихъ инструментовъ, дезинфекціонныхъ приборовъ и зубоврачебныхъ принадлежностей на сумму 3.257.176 р. и смѣту расходовъ на медикаменты въ 14.151.970 р.

Къ этому времени среди учрежденій земскаго союза дѣйствовали уже два собственныхъ завода въ Москвѣ, изготовлявшихъ предметы медицинскаго снабженія. Одинъ изъ нихъ — *заводъ санитарной техники* съ 700 рабочими, пред ставлявшими 12 цеховъ, производилъ различныхъ предметовъ оборудованія на 4 милліона рублей въ годъ по цѣнамъ ниже рыночныхъ на 15, 20 и даже 40 проц. Другой заводъ — *химико-фармацевтическій*, передѣланный изъ купленнаго земскимъ союзомъ пивовареннаго завода, началъ функціонировать съ Іюля 1916 г. Постепенно расширяясь и увеличивая производство подъ руководствомъ лучшихъ профессорскихъ и техническихъ силъ Москвы, — къ Іюлю 1917 г. онъ производилъ уже продуктовъ на 300.000 руб. въ мѣсяцъ.

Кризисъ медицинскаго снабженія въ теченіе войны такъ обострился, что многія земства не могли обойтись безъ союза не только для военныхъ лазаретовъ, но и для своихъ обычныхъ больницъ. Этотъ опытъ побудилъ ихъ мечтать о созданіи и для мирнаго времени товарищества земствъ для совмѣстнаго пріобрѣтенія медикаментовъ. 10-12 Іюня 1916 года по этому вопросу состоялся рядъ совѣщаній при главномъ комитетѣ земскаго союза съ участіемъ 150 представителей съ мѣстъ. Предпріятіе требовало формальныхъ постановленій земскихъ собраній и не успѣло осуществиться до революціи.

3.

Черезъ узловые желѣзнодорожные пункты съ первыхъ же дней войны шли значительныя массы больныхъ и раненыхъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ люди эти ѣхали съ фронта въ тяжелыхъ условіяхъ. Въ распоряженіи

военныхъ эвакуацiонныхъ властей имѣлось десятка два великолѣпныхъ санитарныхъ поѣздовъ: каждый изъ нихъ стоилъ сотни тысячъ рублей и представлялъ прекрасно оборудованный подвижной госпиталь. Но число этихъ поѣздовъ было совершенно недостаточно. Послѣ боевъ они могли вывезти лишь ничтожную часть раненыхъ. Къ тому-же въ первые уже мѣсяцы кампанiи желѣзнодорожные пути вблизи фронта оказались забитыми и даже свободные санитарные поѣзда съ трудомъ пробивались къ раненымъ. Для срочной эвакуацiи военнымъ властямъ приходилось пользоваться тѣми средствами, которыя были подъ руками. Товарные вагоны, прибывшiе со снарядами, провiантомъ, войсками, — немедленно загружались больными и ранеными и — поѣздъ за поѣздомъ — направлялись внутрь страны. Въ вагонахъ не было никакихъ приспособленiй, часто даже соломы для подстилки: больные и раненые лежали на голомъ полу.

По ночамъ становилось холодно. Поѣздъ шелъ безъ кухни и попадалъ иной разъ на перевязочно-питательный станцiонный пунктъ ночью. Медицинскiй персоналъ отсутствовалъ: обычно такой поѣздъ сопровождался однимъ врачемъ или фельдшеромъ, или сестрою милосердiя военнаго лазарета. Не имѣя въ своемъ распоряженiи ничего для облегченiя страданiй своихъ пацiентовъ, эти люди, получивъ обязательное для нихъ приказанiе военнаго начальства сопровождать въ поѣздѣ 600-700 человѣкъ, вынуждены были отъ нихъ прятаться. Когда такiе поѣзда, послѣ нѣсколькихъ дней пути, прибывали въ Москву, положенiе и видъ пассажировъ производили ужасающее впечатлѣнiе. Пока не были готовы распредѣлительные пункты, можно было лишь обойти наскоро вагоны, перевязать наиболѣе страдающихъ, накормить, снабдить ихъ соломою или мелкою стружкою для постели. Часто оказывалось, что и этого сдѣлать нельзя. Поѣзда приходили иногда неожиданно, ночью или въ праздникъ, когда нельзя было ничего достать. Всѣ эти условiя вынудили земскiй союзъ настаивать на заблаговременномъ извѣщенiи его о приходѣ каждаго поѣзда, организовать непрерывное (день и ночь) дежурство медицинскаго персонала и создать складъ съ заготовкою самыхъ необходимыхъ предметовъ. Такова была картина эвакуацiи въ теченiе перваго мѣсяца войны. Въ это время земскiй союзъ спѣшно готовилъ поѣзда для внутренней эвакуацiи, то-есть для препровожденiя больныхъ и раненыхъ отъ распредѣлительныхъ пунктовъ — далѣе, въ земскiе лазареты глубокаго тыла.

Учитывалась однако и работа на фронтѣ. Предполагалось имѣть тамъ не постоянные поѣзда, а лишь кадры ихъ изъ шести-семи вагоновъ, которые, слѣдуя въ одну сторону въ составѣ загруженныхъ воинскихъ поѣздовъ и занимая, такимъ образомъ, наименьшее самостоятельное мѣсто на рельсахъ, по прибытiи поѣзда на станцiю назначенiя и по разгрузкѣ его, могли бы въ теченiе часа вычистить и оборудовать спальными принадлежностями освобожденные товарные вагоны, принять въ нихъ раненыхъ и везти ихъ въ мѣста расположенiя госпиталей. По разгрузкѣ раненыхъ все оборудованiе подлежало вновь свертыванiю въ кадръ, который снова прицѣплялся къ груженому поѣзду. Надо было придумать такое оборудованiе, которое создавало бы уютъ и тепло въ самомъ прозаическомъ, холодномъ товарномъ вагонѣ. Нужно было, сверхъ того, создать такiя приспособленiя, которыя могли быстро и легко свертываться и развертываться. Отдѣлъ санитарныхъ поѣздовъ началъ работать въ Августѣ. Перваго Сентября выпущенъ первый поѣздъ. Онъ стоилъ 14.000 рублей и могъ поднять 400 раненыхъ. Черезъ три дня по окончанiи перваго поѣзда, земскiй союзъ получилъ телеграфное распоряженiе начальника эвакуацiи доставить въ Петроградъ для свидѣтельствованiя спецiальной военной комиссiей обору-

дованный товарный вагонъ. Завѣдующій отдѣломъ и его помощникъ легли на приготовленныя для раненыхъ койки, вагонъ вечеромъ прицѣпленъ къ курьерскому поѣзду и утромъ на другой день остановился въ Петроградѣ на Николаевскомъ вокзалѣ. Черезъ нѣсколько часовъ прибыла правительственная комиссія; ее составляли генералы, военные врачи, инженеры. Вагонъ осмотрѣнъ и изслѣдованъ очень тщательно. Объясненія давалъ завѣдующій — земецъ. Черезъ три дня союзъ получилъ распоряженіе немедленно отправить на фронтъ пять кадровъ своихъ поѣздовъ. 17 Сентября затребованные пять кадровъ выѣхали въ Бѣлостокъ, пересѣкли границу земской работы, начертанную принцемъ Ольденбургскимъ, и начали новый періодъ земской дѣятельности — на фронтѣ. Оборудованіе признано военной комиссіей обдуманнымъ, практичнымъ, удобнымъ и земскому союзу заказано спѣшно соорудить , за счетъ правительства, 30 такихъ поѣздовъ. Позднѣе послѣдовали новые заказы.

Въ началѣ 1917 г. функціонировало уже 75 земскихъ поѣздовъ. Мастерскія союза добились того, что при спѣшкѣ могли выпустить въ день полное оборудованіе цѣлаго поѣзда. На фронтѣ поѣзда подверглись постепенному преобразованію: идея свертыванія и развертыванія была рѣшительно отвергнута военнымъ начальствомъ: она не подходила къ установленнымъ формамъ эвакуаціи. Въ поѣзда введена часть классныхъ вагоновъ. Тѣмъ не менѣе, среди организованныхъ поѣздовъ земскіе поѣзда остались самыми простыми и самыми дешевыми. И солдаты, и офицеры сохранили о нихъ прекрасную память. Особенно нравилось устройство именно *товарныхъ* вагоновъ: въ нихъ оборудованіе, придуманное въ Москвѣ, вносило уютъ, тепло и покой. Слегка покачиваясь на подвѣсныхъ койкахъ, солдаты вспоминали раннее дѣтство и называли земскія койки «зыбками» (люльками). Сытная и вкусная пища, ласка и уходъ значительнаго по числу персонала — по заслугамъ прославили земскіе поѣзда въ арміи. За 38 мѣсяцевъ участія Россіи въ войнѣ они перевезли болѣе половины всѣхъ больныхъ и раненыхъ (2.256.531 изъ 4.300.000 эвакуированныхъ). Отдѣлъ поѣздовъ обросъ массою подсобныхъ учрежденій. Въ Бѣлостокѣ, Брестѣ, Москвѣ и Тифлисѣ образованы на рельсахъ, вблизи желѣзнодорожныхъ станцій, подвижныя базы, гдѣ старшіе врачи поѣздовъ сдавали отчеты, получали деньги, мѣняли грязное бѣлье больныхъ на вымытое, запасались провизіей и производили необходимый ремонтъ снаряженія. Пребываніе больныхъ и раненыхъ въ земскихъ поѣздахъ сильно колебалось, въ среднемъ оно равнялось $2^1/_2$ суткамъ.

Въ началѣ Сентября 1914 г. изъ арміи пришли вѣсти, что тамъ ждутъ земскихъ отрядовъ. Главный комитетъ обратился къ генералу Брусилову съ предложеніемъ послать въ его распоряженіе два перевязочно-питательныхъ отряда. Генералъ отвѣчалъ: «Примите глубочайшую признательность мою и арміи. Питательные пункты прошу направить въ Львовъ для движенія непосредственно за арміей». Немедленно приступлено къ организаціи двухъ отрядовъ по типу тѣхъ, которые работали отъ земства въ японскую кампанію. Первый отрядъ выѣхалъ въ Галицію уже 24 Сентября, второй — 7 Октября. Такихъ отрядовъ организовано болѣе 30. Они отличались разнообразіемъ — въ зависимости отъ воли жертвователей, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ въ созданіи ихъ и содержаніи участвовали своими средствами отдѣльныя земства или учрежденія — правительственныя, общественныя или частныя (банки, кооперативы и пр.). Они получали основное снаряженіе на 100-200 коекъ, обозъ, кипятильники, кухни. Земскій представитель, стоявшій во главѣ отряда, надѣлялся большими полномочіями и средствами: онъ долженъ былъ приспособляться къ обстанов-

кѣ, мѣнять характеръ работы въ зависимости отъ обстоятельствъ, преслѣдуя одну главную цѣль — *всестороннюю помощь арміи*. Каждый отрядъ въ среднемъ стоилъ 100 тыс. руб. (отъ 40 до 340 тыс. р.), содержаніе его обходилось въ мѣсяцъ 20 тыс. руб. Главная задача, которую отрядамъ ставили въ арміи, сводилась къ тому, чтобы подобрать раненыхъ на передовыхъ позиціяхъ, часто подъ обстрѣломъ непріятеля, вывезти изъ линіи боя въ удобныхъ экипажахъ, перевязать, а въ неотложныхъ случаяхъ и оперировать въ передовомъ лазаретѣ, переодѣть, накормить и отправить далѣе—въ госпиталь, расположенный въ 20-25 верстахъ отъ передовыхъ позицій. Сраженія происходили не каждый день и потому отряды обслуживали за годъ не такъ много раненыхъ. Но они не стояли безъ дѣла и въ междубоевое время. Передовые земскіе отряды явились въ арміи піонерами: обслѣдовали ея нужды, завоевали довѣріе солдатъ и командного состава, и стали иниціаторами почти всѣхъ начинаній земскаго союза на фронтѣ, начинаній, подхваченныхъ отъ нихъ, систематизированныхъ и расширенныхъ, въ мѣру нужды, фронтовыми земскими комитетами. Такъ возникли: земскія бани для солдатъ, прачешныя съ дезинфекціонными и дезинсекціонными камерами, починочныя мастерскія для бѣлья, парикмахерскія, сапожно-починочныя мастерскія, амбулаторіи, зубоврачебные кабинеты, изоляціонные бараки для заразныхъ, питательные пункты, чайныя, солдатскія лавки и т. д. и т. д.

При посредствѣ поѣздовъ и передовыхъ отрядовъ союзъ вошелъ въ постоянное, близкое общеніе съ арміей и, стремясь всячески облегчить ея нужды, развилъ на всѣхъ фронтахъ громадную работу.

Когда число земскихъ учрежденій въ арміи стало расти, выдвинулась необходимость объединенія ихъ, общаго снабженія и руководства. Въ Ноябрѣ 1914 г. въ Варшавѣ собрались уполномоченные земскаго союза, работавшіе на фронтѣ, и подготовили предположенія создании фронтового комитета, вѣдающаго всѣми земскими фронтовыми учрежденіями. Схема эта была одобрена главнымъ комитетомъ, одинъ изъ членовъ котораго (В. В. Вырубовъ) сталъ во главѣ новаго учрежденія. Скоро сдѣлалось очевиднымъ, однако, что варшавскому комитету нѣтъ возможности руководить учрежденіями союза въ Галиціи: дальность разстоянія и своеобразныя условія требовали на мѣстѣ самостоятельной организаціи. Поэтому съ Января 1915 года въ городѣ Львовѣ созданъ особый комитетъ союза, получившій названіе *юго-западнаго* въ отличіе отъ *сѣверо-западнаго*, работавшаго по прежнему въ Варшавѣ. Позднѣе, когда сѣверно-западный военный фронтъ раздѣлился на *сѣверный* и *западный*, такое же дѣленіе произведено въ земскомъ варшавскомъ комитетѣ. Такъ образовалось три земскихъ фронтовыхъ комитета: западный въ гор. Минскѣ, сѣверный въ гор. Псковѣ и юго-западный въ гор. Львовѣ (позднѣе въ Кіевѣ). Когда Турція начала враждебныя дѣйствія, такой-же фронтовый комитетъ организованъ въ Тифлисѣ, а съ присоединеніемъ къ союзникамъ Румыніи — и на румынскомъ фронтѣ.

Въ большихъ комитетахъ западныхъ фронтовъ, съ развитіемъ работы и числа учрежденій, дифференціація продолжалась: во второй половинѣ 1915 года въ каждую изъ армій фронта назначенъ состоять при штабѣ ея особый уполномоченный земскаго союза съ небольшимъ районнымъ управленіемъ. На западномъ фронтѣ такихъ уполномоченныхъ при арміяхъ создано пять, на юго-западномъ фронтѣ — четыре. Такимъ образомъ земскій союзъ подошелъ вплотную къ нуждамъ каждой отдѣльной арміи и, въ постоянномъ контактѣ съ ея штабомъ, могъ удовлетворять нужды составляющихъ ее частей.

Передъ фронтовыми комитетами поставлены жизнью три главныхъ задачи: 1) удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ арміи; 2) обслуживаніе нуждъ рабочихъ, занятыхъ на фронтахъ сооруженіемъ окоповъ, шоссейныхъ дорогъ и т. п.; 3) помощь мѣстному населенію, находившемуся въ постоянномъ контактѣ съ арміей, и бѣженцамъ, покинувшимъ вслѣдъ за нею занятыя непріятелемъ мѣста. Выполненіе этихъ задачъ въ условіяхъ военнаго времени потребовало громадныхъ творческихъ силъ. Когда въ половинѣ 1916 года отдѣлъ главнаго комитета, занятый финансово-статистическимъ учетомъ, подошелъ къ классификаціи созданныхъ жизнью на фронтахъ учрежденій, онъ зарегистрировалъ около полутораста (146) различныхъ ихъ видовъ, группировавшихся въ такія главнѣйшія категоріи: учрежденія медицинскія, санитарныя, питательныя, транспортирующія раненыхъ, транспортирующія грузы, благотворительныя, торговыя, ветеринарныя, мастерскія, заводы и фабрики, скотобойни, молочныя фермы, лабораторіи, склады, учрежденія по скупкѣ и добычѣ сырья.

Къ концу 1916 г. число учрежденій земскаго союза достигло 7.728 (учрежденій главнаго комитета — 174; учрежденій губернскихъ комитетовъ — 3.454; учрежденій фронтовыхъ комитетовъ — 4.100).

Можно представить себѣ, какъ осложнились къ этому времени заготовительныя, счетныя, контрольныя функціи главнаго московскаго комитета. Въ Москвѣ создались новые отдѣлы: автомобильный, по закупкѣ лошадей, финансовый, контрольный, отдѣлъ финансово-статистическаго учета, отдѣлъ противогазовъ, отдѣлъ помощи увѣчнымъ воинамъ, помощи русскимъ военноплѣннымъ, помощи бѣженцамъ и т. д. и т. д.

Несмотря на всю эту непрерывно растущую сложность, работа на армію развивалась быстро, съ большимъ подъемомъ и безпрепятственно. Съ арміей земскій союзъ завязалъ прочныя и полныя довѣрія отношенія. Когда возникала какая-либо нужда новая, военныя власти обращались къ представителямъ земскаго союза. Отказа никогда не было. Немедленно составлялся планъ и предположительная смѣта новаго начинанія; соотвѣтствующій военачальникъ обсуждалъ ихъ въ штабѣ и давалъ свою подпись. Бумага посылалась въ Москву; оттуда она шла по установленнымъ инстанціямъ Петрограда, который часто тянулъ дѣло, сокращалъ смѣты, торговался, но рѣдко отказывалъ въ ассигновкахъ на учрежденія, затребованныя фронтомъ. А пока шли длительныя хлопоты по проведенію смѣтъ и полученію денегъ, на фронтѣ уже кипѣла работа, начатая немедленно по полученіи отъ военныхъ властей на нее требованія. Средства на это высылались фронтовымъ комитетамъ изъ Москвы авансомъ.

Работа почти восьми тысячъ учрежденій, около которыхъ такъ или иначе были заняты сотни тысячъ людей, вызывала все растущіе расходы. Въ началѣ войны рессурсы земскаго союза не превышали 12-ти милліоновъ рублей, ассигнованныхъ земствами на *всѣ* нужды, связанныя съ войною. Но уже въ теченіе перваго года дѣятельности казною отпущено земскому союзу 72.241.050 руб. (по 26 Іюня 1915 г.). Приблизительно это составило около шести милліоновъ въ мѣсяцъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ, т.е. къ 1-му Января 1916 г., общая сумма ассигнованій правительства земскому союзу выросла до 187.467.244 р. Если исключить отсюда выданные за первый годъ 72 милліона, получимъ расходъ за шесть мѣсяцевъ (съ 1 Іюля 1915 г. по І Января 1916 г.) въ 115.266.194 р., что составляетъ уже девятнадцать милліоновъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ за третье полугодіе войны средніе ежемѣсячные расходы земскаго союза возросли въ три раза. Если для остальныхъ двухъ лѣтъ войны принять указанный выше ростъ — въ три раза въ среднемъ — то получимъ, что средній ежемѣсяч-

ный расходъ союза приближался къ 60 милліонамъ рублей. Цифра эта не преувеличена, такъ какъ во второй половинѣ 1916 г. ежемѣсячный смѣтный расходъ одного комитета западнаго фронта составлялъ 10 милліоновъ рублей. Такихъ комитетовъ на фронтахъ было пять. Сверхъ того приходилось содержать внутри Россіи 3000 лазаретовъ, оплачивать расходы поѣздовъ, исполнять все растущіе заказы интендантства и т. д.

Если принять во вниманіе еще и тѣ суммы, которыя правительство, не желая увеличивать значеніе земскаго союза, передавало непосредственно отдѣльнымъ земствамъ (на помощь бѣженцамъ, на борьбу съ эпидеміями, на помощь сиротамъ и инвалидамъ войны и проч.), — то общіе размѣры дотацій казны земствамъ и земскому союзу за 38 мѣсяцевъ войны нельзя считать менѣе $1^1/_2$-2 милліардовъ рублей.

Приведенныя справки еще не учитываютъ всего роста земскаго союза.

Когда весною 1915 года обнаружилось неожиданно истощеніе снарядовъ и наша безоружная армія вынуждена была отступать въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, — земскій союзъ счелъ себя обязаннымъ принять самое дѣятельное участіе въ боевомъ снабженіи арміи. Во всѣхъ земскихъ губерніяхъ образованы губернскіе и уѣздные комитеты по снабженію арміи. Ихъ первою задачею являлась «мобилизація всей мелкой и кустарной промышленности и объединеніе при посредствѣ земствъ разрозненныхъ техническихъ силъ страны».

Уже въ Іюлѣ земскій союзъ получилъ отъ военнаго вѣдомства многомилліонные заказы на различные предметы боевого снабженія и снаряженія арміи (повозки, сбруя, колеса, кухни, подковы, брезенты, ранцы, сѣдла, а также предметы артиллерійскаго и военно-техническаго снабженія — бомбометы, ручныя гранаты, шанцевый инструментъ, полевые телефоны, снаряды). Всѣ эти заказы немедленно были распредѣлены между мѣстными организаціями земскаго союза. Сверхъ того, главный комитетъ приступилъ къ организаціи собственныхъ предпріятій: снаряднаго завода для изготовленія снарядовъ, завода сѣрной кислоты, телефонной фабрики, фабрики брезентовъ и т. д.

Уполномоченные земскаго и городского союзовъ выразили пожеланіе, чтобы всѣ общественныя организаціи въ дѣлѣ боевого снабженія арміи работали вмѣстѣ. Въ виду этого, въ Августѣ изъ представителей обоихъ союзовъ создался особый главный комитетъ по снабженію арміи («Земгоръ»), который въ дальнѣйшемъ принялъ на себя эти новыя, отвѣтственныя заданія.

Никто не могъ знать, сколько времени продлится война. Никто не предвидѣлъ отчетливо тѣхъ нуждъ, которыя она выдвинетъ. Каждый день приносилъ новыя задачи. Съ лихорадочною поспѣшностью строились новыя и новыя учрежденія и въ теченіе долгаго времени невозможно было даже думать о стройности всего зданія, соотвѣтствіи его частей, о строгомъ согласованіи хода всей машины. Вторая половина кампаніи поставила передъ земцами совершенно новыя задачи. Первый годъ занятъ былъ, главнымъ образомъ, обслуживаніемъ больныхъ и раненыхъ, борьбою со всевозможными инфекціями, санитарными и профилактическими мѣропріятіями. Это была мобилизація и творческая работа *медицинскихъ* силъ союза. Съ половины 1915 г. и въ особенности въ 1916 году на авансцену выступаютъ земскіе *техники и инженеры*, которые развиваютъ, въ свою очередь, грандіозную работу по обслуживанію арміи.

Главное же дѣло земскаго союза и земствъ, за все время войны, сводилось къ возбужденію энергіи и предпріимчивости на мѣстахъ, къ созданію центровъ, вокругъ которыхъ объединялось населеніе Россіи. На мѣстахъ съ теченіемъ времени проявлялись все новыя и новыя нужды: закупка продовольствія

и заготовка снаряженія для арміи, помощь милліонамъ бѣженцевъ, нахлынувшихъ изъ прифронтовой полосы, мѣры противъ занесенныхъ ими эпидемій, участіе въ общей продовольственной кампаніи, борьба съ дороговизною, съ надвигавшимся сокращеніемъ посѣвной площади, съ общимъ упадкомъ сельскаго хозяйства... Для выполненія всѣхъ подобныхъ заданій губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ союза было недостаточно: оказывалось совершенно необходимымъ проникнуть въ самую толщу населенія. Всѣ существовавшія до войны мелкія земскія организаціи были использованы. Но ихъ оказалось недостаточно. Во многихъ мѣстахъ учреждены вновь *волостные* комитеты всероссійскаго земскаго союза, созданы новыя земскія благотворительныя попечительства — *волостныя*, *районныя*, *участковыя* и *сельскія*.

Жизнь и война настойчиво требовали созданія именно *волостного земства*, однообразно построенной выборной мелкой земской единицы. Бурное мѣстное творчество, непрерывное самочинное возникновеніе всевозможныхъ комитетовъ, попечительствъ, отдѣловъ, совѣтовъ и т. п. грозило выродиться въ анархическое распыленіе и земской, и правительственной работы. Организація замѣнялась подчасъ импровизаціей. И правительство поняло, наконецъ, необходимость разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ 25 лѣтъ стоявшій на очереди, но постоянно имъ откладываемый вопросъ о реформѣ волостного управленія. Въ концѣ Сентября 1916 г. министръ внутреннихъ дѣлъ въ срочномъ порядкѣ разослалъ на заключеніе земскихъ учрежденій проектъ закона о мелкой земской единицѣ. Главный комитетъ земскаго союза привлекъ лучшихъ спеціалистовъ вопроса къ разсмотрѣнію присланнаго проекта и разсслалъ обстоятельную записку о волостномъ земствѣ всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ управамъ. Но и на этотъ разъ дѣло затянулось. И лишь 21 Мая 1917 г. (уже послѣ переворота) временное правительство опубликовало законъ о волостномъ земскомъ самоуправленіи.

4.

Во второй половинѣ 1916 г. земскій союзъ былъ уже цѣлымъ государствомъ въ государствѣ: годовой бюджетъ его дошелъ до 600 милліоновъ рублей и продолжалъ неудержимо расти. Сотни тысячъ людей — мужчинъ и женщинъ различныхъ профессій — или служили въ немъ, или работали на него. Денежные взносы продолжали непрерывною волною притекать въ его отдѣлъ по сбору пожертвованій. Подарки и посылки для арміи прибывали въ такомъ количествѣ, что приходилось отправлять ихъ на фронтъ спеціальными поѣздами съ особыми уполномоченными. Эти маленькія суммы и мелкія матеріальныя приношенія шли со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ слоевъ населенія и свидѣтельствовали о довѣріи, которымъ пользовался союзъ. Были и крупныя приношенія. Такъ одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, пріобрѣло великолѣпное имѣніе въ черноземной полосѣ Россіи размѣромъ въ $3^1/_2$ тысячъ десятинъ и подарило его земскому союзу — съ тѣмъ, чтобы въ имѣніи этомъ устроены были низшая, средняя и высшая сельскохозяйственныя школы для дѣтей крестьянъ. Никто, очевидно, не думалъ о временномъ и преходящемъ значеніи союза.

Главнымъ строителемъ этого грандіознаго зданія былъ князь Г. Е. Львовъ, популярность и значеніе котораго достигли въ ту пору небывалой высоты.

Конечно, только князь Львовъ, смѣлымъ примѣненіемъ своей обычной

манеры работать, могъ создать грандіозное сооруженіе земскаго союза и въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ руководить его ростомъ.

Но организаціонная тактика князя Львова носила, какъ и въ прежніе періоды его дѣятельности, совсѣмъ особый характеръ.

Предсѣдатели губернскихъ управъ, избирая Георгія Евгеніевича главноуполномоченнымъ, говорили между собою и думали, что онъ будетъ послушнымъ исполнителемъ ихъ воли: деньги зависѣли отъ земскихъ ассигновокъ; стало быть, объемъ и направленіе дѣятельности союза должны были опредѣляться съѣздами земскихъ представителей. Въ 1914 г. всѣ земства Россіи ассигновали на военныя нужды 12 милліоновъ рублей, въ 1915 г. — 32 милліона. Добрая половина этихъ средствъ ассигнована съ совершенно опредѣленнымъ назначеніемъ. Свободная наличность въ рукахъ земскаго союза оставалась сравнительно незначительной. Но очень скоро правительству пришлось возложить на земства грандіозныя задачи государственнаго объема и значенія. Князь Львовъ не отказывался. Смѣло и охотно шелъ онъ навстрѣчу запросамъ и просьбамъ. Но дѣла, экстренно нужныя правительству, оно должно было финансировать. На *этомъ* сумѣлъ съ самаго начала настоять князь Львовъ. Такое положеніе стало обычнымъ. Вся конструкція союза перевернулась. Очень скоро главный комитетъ сталъ снабжать средствами губернскія и уѣздныя земства. Князь Львовъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ положенія. Съѣзды земскихъ уполномоченныхъ происходили въ среднемъ разъ въ полгода. Въ калейдоскопѣ быстро смѣнявшихся нуждъ войны такіе промежутки должны были казаться вѣчностью. Главный комитетъ самостоятельно принималъ самыя отвѣтственныя рѣшенія. Члены комитета, объединяемые княземъ, работали дружно. Но въ своемъ полномъ пренебреженіи къ правамъ и формамъ, князь не очень считался и съ главнымъ комитетомъ. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ главноуполномоченнаго:

— «Помню, какъ-то я пріѣхалъ съ фронта и сидѣлъ вечеромъ въ комитетѣ, слушая безконечныя нудныя пренія о томъ, какъ переходить въ новое помѣщеніе отдѣлу поѣздовъ — съ кухней для персонала или безъ оной. Но вотъ князь взглянулъ на часы, передалъ предсѣдательствованіе Н. Н. Хмѣлеву и ушелъ въ свой кабинетъ говорить по телефону. Вернувшись, онъ еще съ часъ невозмутимо давалъ высказываться всѣмъ желающимъ. Намѣтивъ въ резюме свое рѣшеніе (якобы среднюю линію изъ высказанныхъ мнѣній), князь закрылъ засѣданіе и отпустилъ домой наговорившихся вдоволь, усталыхъ диспутантовъ. Когда всѣ уѣхали онъ сказалъ Хмѣлеву:

— Вотъ что, Николай Николаевичъ, надо завтра къ 12-ти приготовить шесть милліоновъ.

Осторожный Хмѣлевъ, завѣдывающій кассой, пришелъ въ ужасъ.

— Какъ шесть милліоновъ? Зачѣмъ?

— Я купилъ сейчасъ по телефону заводы (князь назвалъ крупную фирму). Завтра платежъ.

— Но позвольте, Георгій Евгеніевичъ! Гдѣ же постановленіе главнаго комитета? Вопросъ даже не разсматривался... Я не могу такъ.

— Ну, это мы оформимъ впослѣдствіи. Дѣло сдѣлано. Поздравьте земскій союзъ съ дешевымъ пріобрѣтеніемъ и готовьте деньги....»

Было бы ошибкою предполагать однако, что князь велъ все громадное дѣло самолично. Напротивъ, онъ отлично понималъ, что можетъ оставить за собою только самое отдаленное , верховное руководство.

Вечернія пренія въ комитетѣ нисколько не мѣшали ему думать о серьезныхъ организаціонныхъ вопросахъ. Со свойственной ему манерой предсѣдательствовать, онъ давалъ всѣмъ выговориться, затягивалъ иногда самый простой вопросъ и, утомивъ всѣхъ, неожиданно высказывалъ свое собственное, простое и ясное рѣшеніе, съ котораго, казалось-бы, можно было начать.

Но весь день — отъ утра до вечера — каждая минута его была занята. Масса народа непрерывной цѣпью ждала очереди у входа въ его кабинетъ. Часто добраться до него не представлялось ни малѣйшей возможности. Уѣзжая передъ вечеромъ обѣдать, онъ казался совершенно изношеннымъ. Къ вечернему засѣданію комитета онъ возстанавливалъ силы и, плохо слушая рѣчи на «вопросы дня», нащупывалъ мысленно новые организаціонные планы. Они всегда отличались необычайной простотой. Неожиданно передъ нимъ выплывала новая неотложная задача. Онъ думалъ, кому ее можно поручить. И почти никогда не ошибался — ни въ постановкѣ назрѣвшей задачи, ни въ выборѣ исполнителя. То былъ, несомнѣнно, особый природный даръ; полусознательная интуиція. Онъ такъ вѣрилъ въ безошибочность своего выбора, что иногда даже не интересовался выполненіемъ, какъ-будто напередъ зная, что все выйдетъ лучше, чѣмъ онъ самъ могъ надумать.

Осенью 1914 г., послѣ того какъ сакраментальная черта принца Ольденбургскаго оказалась прорванной по запросамъ изъ арміи, князь Львовъ неожиданно почувствовалъ необходимость создать на фронтѣ организацію, объединяющую отдѣльныя и совершенно самостоятельныя земскія начинанія (поѣзда, отряды). Неожиданно онъ выѣхалъ въ Варшаву, якобы для переговоровъ о совмѣстной дѣятельности съ польскимъ обществомъ. Князь взялъ съ собою члена главнаго комитета В. В. Вырубова. Разговоры съ поляками въ сущности не дали сколько-нибудь значительныхъ результатовъ.

Уѣзжая въ Москву, Георгій Евгеніевичъ сказалъ Вырубову:

— А вы останьтесь здѣсь. Нужно-же сдѣлать на фронтѣ что-нибудь объединяющее. Вы, кстати, членъ главнаго комитета...

Простясь съ Вырубовымъ, князь какъ-будто даже забылъ о возложенномъ на Василія Васильевича порученіи. Выборъ оказался необыкновенно удачнымъ. У Вырубова обнаружилось много связей въ арміи. Своей молодостью, энергіей, военной выправкой, всею внѣшностью человѣка изъ общества — онъ плѣнялъ сердца высшихъ военныхъ и, съ ихъ помощью, сумѣлъ такъ «раздуть земское кадило» въ арміи, что скоро усѣялъ весь западный фронтъ земскими учрежденіями. Инищіатива В. В. Вырубова почти не имѣла границъ. Своихъ сотрудниковъ онъ училъ ни въ чемъ и никогда не отказывать представителямъ арміи. Онъ всегда готовъ былъ взяться даже за невыполнимыя порученія — въ надеждѣ какъ-нибудь выкрутиться или, по крайней мѣрѣ, своею конкуррирующею готовностью заставить людей, приставленныхъ къ дѣлу, подтянуться и напрячь всѣ силы... Многочисленные сотрудники цѣнили Вырубова, любили его смѣлую предпріимчивость, доброту, веселый и рѣшительный характеръ, его джентльменство... Рожденіе «чего-нибудь объединяющаго» произошло не по организаціонному приказу изъ Москвы (что вызвало бы, вѣроятно, тренія среди самостоятельныхъ и свободолюбивыхъ земскихъ уполномоченныхъ): уполномоченные собрались въ Варшавѣ, по приглашенію В. В. Вырубова, и обдумали сообща контуры соотвѣтствующей фронтовой организаціи. Позднѣе отъ нея отдѣлились такіе-же комитеты юго-западнаго и сѣвернаго фронтовъ.

Конечно, въ Москвѣ — въ главномъ комитетѣ — созданные на фронтѣ планы подверглись обсужденію и утвержденію. Но общее впечатлѣніе у всѣхъ

оставалось такое, что все создалось само собою, жизнью, ничто не было навязано...

Однажды (въ первые дни войны) князь Львовъ позвонилъ по телефону одному своему помощнику. Послѣдовалъ краткій разговоръ:

— Вы?

— Да. Здравствуйте, Георгій Евгеніевичъ!

— Вотъ что: вы бы подумали объ эвакуаціи...

И трубка Георгія Евгеніевича легла на свое мѣсто.

Такъ возникъ отдѣлъ поѣздовъ, вывезшій съ фронта за $2^1/_2$ года $2^1/_2$ милліона больныхъ и раненыхъ.

Добиться дальнѣйшихъ разговоровъ и указаній не представлялось возможности. Предстояло выполнять порученіе совершенно самостоятельно. Созвана комиссія, изобрѣтено дешевое и удобное снаряженіе для товарныхъ вагоновъ, выработаны планы, смѣты... Все это подробно разсмотрѣно главнымъ комитетомъ. Были возраженія, препирательства. Иниціатору дѣла пришлось организовать опыты и везти протестантовъ на своихъ подвѣсныхъ койкахъ отъ Москвы до Подольска... Князь Львовъ не мѣшалъ дискусіи, но и не участвовалъ въ ней: производило впечатлѣніе, что *онъ* кончилъ свое дѣло, выбравъ сотрудника и предоставивъ полную свободу его иниціативѣ. Послѣ опытовъ, оказавшихся удачными, проекты и смѣты поѣздовъ были утверждены и громадное дѣло быстро стало расти и развиваться совершенно самостоятельно. Много времени спустя, уже послѣ осмотра вагона комиссіей въ Петербургѣ и перваго казеннаго заказа на 30 поѣздовъ, князь снова позвонилъ тому-же сотруднику.

— Вы можете проѣхать со мною на вокзалъ? Надо посмотрѣть вашу работу.

Осмотрѣвъ вагонъ и садясь въ автомобиль, князь говорилъ ласково:

— Ну, вотъ и отлично... все ладно, практично. Чего-жъ еще?

Такъ выросло новое, совершенно неожиданное для смого князя дѣло, которое обѣщало занять видное мѣсто въ начинаніяхъ земскаго союза.

Но эвакуація въ цѣломъ не была обдумана. На первыхъ порахъ съ фронта въ Москву приходили неожиданно казенные «временные» поѣзда въ составѣ товарныхъ вагоновъ безъ всякихъ приспособленій, съ больными и ранеными въ ужасныхъ условіяхъ. Посмотрѣвъ на вокзалѣ два-три такихъ поѣзда, князь Львовъ рѣшилъ создать немедленно особый отдѣлъ эвакуаціи.

На этотъ разъ его избранникъ оказался, что называется, «дотошнымъ» и пунктуальнымъ человѣкомъ: выработавъ планъ, онъ потребовалъ у князя по телефону времени для немедленнаго совмѣстнаго обсужденія...

Принявъ сотрудника, князь минутъ двадцать терпѣливо слушалъ. Вдругъ онъ совершенно неожиданно прервалъ докладъ:

— Послушайте... вы вѣдь глупостей не сдѣлаете?

Сотрудникъ удивленно молчалъ.

— Ну, и прекрасно! А мнѣ ѣхать надо. До свиданья.

Тѣмъ «обсужденіе» и кончилось. Все предоставлено, по обыкновенію, иниціативѣ избраннаго организатора...

Такъ было почти всегда въ важнѣйшихъ отрасляхъ хозяйства. Князь смѣло полагался на иниціативу разъ избранныхъ сотрудниковъ и всячески поощрялъ ихъ. Такое отношеніе въ большинствѣ случаевъ окрыляло и часто заставляло ихъ творить чудеса.

По мѣрѣ силъ, князь, конечно, не отказывалъ и въ будничныхъ совѣтахъ, но вовсе не видѣлъ въ этомъ своего призванія. За то онъ никогда не уклонялся отъ воздѣйствія на взволнованнаго и взбудораженнаго человѣка. Во время

горячей работы, часто съ функціями, неудовлетворительно разграниченными, даже ближайшіе его сотрудники сталкивались между собою, ссорились, пробивались въ кабинетъ князя съ прошеніями объ отставкѣ. Они выходили отъ Георгія Евгеніевича успокоенными, улыбаясь, съ новымъ одушевленіемъ и запаломъ: никто не умѣлъ такъ быстро и легко разрядить накопившееся въ воздухѣ электричество, успокоить, умиротворить, воодушевить на новую работу. И такимъ вѣчнымъ разрядникомъ электричества ухитрялся князь Львовъ оставаться $2^1/_2$ года, никогда до конца не изнашиваясь и никогда не уклоняясь отъ миротворчества.

Но главною его задачею все-же неизмѣнно оставались «внѣшнія» отношенія. Для гигантскаго роста и просто даже для безостановочнаго функціонированія союзу нужны были огромныя денежныя средства. Приходилось непрестанно хлопотать о нихъ въ Петроградѣ. Никто не умѣлъ дѣлать этого лучше князя Львова. Отъ «перваго робкаго милліона рублей» онъ сумѣлъ заставить высшую бюрократію довести дотаціи земскому союзу до милліарда и пойти дальше. Для этого требовался тоже своеобразный природный талантъ, великое знаніе нравовъ петроградскихъ канцелярій, незаурядныя ловкость и смѣлость.

5.

Въ началѣ князь Львовъ не видѣлъ основаній мѣнять обычный порядокъ, принятый ранѣе общеземской организаціей: правильность дѣйствій распорядительныхъ органовъ должна была провѣряться ревизіонной комиссіей, избранной собраніемъ земскихъ представителей. О составленіи общихъ смѣтъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ первое время, конечно, нечего было и думать: все казалось неяснымъ и смутнымъ впереди. Въ хаосѣ первоначальнаго творчества (особенно на фронтѣ) вопросъ количества затрачиваемыхъ средствъ стоялъ на второмъ планѣ; на первомъ — царствовало всепоглощающее лихорадочное стремленіе цѣною любыхъ затратъ сейчасъ-же, безъ промедленія *помочь арміи*.

Положеніе стало деликатнымъ, когда земскій союзъ началъ получать значительныя средства отъ правительства. Послѣднее требовало смѣтъ. Смѣты составлялись и представлялись. Въ центрѣ, въ Москвѣ, существовалъ для этого спеціальный служащій, постигшій всѣ тайны чиновничьихъ требованій отъ подобнаго рода документовъ. Н въ совершенно новой неизвѣданной обстановкѣ войны часть этихъ смѣтъ имѣла весьма мало реальнаго значенія. Во время исполненія задачи измѣнялись, отмѣнялись или замѣнялись. Часто дѣйствительные расходы фронтовыхъ комитетовъ мало имѣли общаго со смѣтными предположеніями. Громадныя суммы приходилось тратить авансомъ до утвержденія въ смѣтномъ порядкѣ, заимствуя ихъ изъ другихъ источниковъ, Работа не ждала и не могла считаться съ петроградскими формальностями. волокитой, умышленными и неумышленными задержками. Какую необычайную ловкость, какую почти фантастическую эквилибристику долженъ былъ проявлять человѣкъ, занятый постоянно балансированіемъ всѣхъ этихъ реальныхъ и только смѣтныхъ милліоновъ... А прежніе клеветники не дремали: снова вынырнули изъ мутныхъ источниковъ «союза русскаго народа» обвиненія въ безотчетности, въ безконтрольномъ расходованіи грандіозныхъ суммъ... При такихъ обстоятельствахъ отъ главнаго руководителя дѣла требовалась не только ловкость и мудрость, но и исключительное безстрашіе.

Правъ былъ М. В. Челноковъ, когда говорилъ въ одной изъ правительственныхъ комисій: Теперь вы насъ зовете, просите помочь, охотно отпускаете средства. Пройдетъ немного времени и вы начнете уже бороться и мѣшать намъ. А окончит я тѣмъ, что вы всегда дѣлаете съ общественными организаціями, вамъ неугодными, — вы будете стремиться предать ихъ суду. Почти всѣ эти стадіи уже прошли, — осталась только послѣдняя». Наиболѣе пріятнымъ для бюрократіи поводомъ преданія суду общественныхъ дѣятел й — могло быть обвиненіе въ неправильномъ расходованіи полученныхъ отъ казны суммъ, и въ частности — въ несоотвѣтствіи реальныхъ расходовъ съ утвержденными смѣтными предположеніями. Чтобы избѣжать весьма возможныхъ конфликтовъ въ этой области, надо было поставить на твердыхъ основаніяхъ *контроль* надъ произведенными и производимыми расходами и привлечь заблаговременно къ участію въ немъ представителей *государственнаго контроля*. Войдя въ дѣло и ознакомившись съ нимъ на ходу, послѣдніе, *при доброй волѣ*, могли оцѣнить трудности, стоявшія предъ земскимъ союзомъ, и защитить его впослѣдствіи отъ возможныхъ формальныхъ придирокъ. Кампанія противъ князя Львова и земскаго союза вызвала неожиданную ревизію. Ревизія произведена подъ руководствомъ самого государственнаго контролера. На этотъ разъ добрая воля министра оказалась налицо. Высшее ревизіонное учрежденіе имперіи признало оффиціально, что счетоводство и отчетность центральныхъ учрежденій земскаго союза находятся въ безукоризненномъ состояніи. По просьбѣ союза, одинъ изъ высшихъ чиновъ государственнаго контроля назначенъ состоять постоянно въ главномъ комитетѣ союза и направлять его отчетность по путямъ, устраняющимъ возможность въ будущемъ формальныхъ треній съ правительствомъ. При содѣйствіи этого сффиціальнаго представителя государства, во второй половинѣ кампаніи началось настойчивое и систематическое строительство финансоваго хозяйства земскаго союза и финансовыхъ взаимоотношеній его разнообразныхъ частей. Въ этомъ давно чувствовалась потребность. Князь Львовъ, какъ всегда, ставилъ на первый планъ *дѣло* и вовсе не склоненъ былъ на ходу событій затрачивать слишкомъ много энергіи на организацію и объединеніе отчетности. Но при мѣсячномъ бюджетѣ сначала въ шесть, затѣмъ въ двадцать, а подъ конецъ — въ пятьдесятъ и шестьдесятъ милліоновъ рублей — ясно обнаруживалась неизбѣжность выработки однообразной и стройной системы расходованія денегъ и отчетности, *обязательныхъ* для всѣхъ многочисленныхъ учрежденій союза. Періодъ первоначальной лихорадочной импровизаціи прошелъ; наступало время планомѣрнаго строительства. Да и само по себѣ громадное дѣло союза требовало упорядоченія даже съ чисто хозяйственной точки зрѣнія: въ дѣлѣ снабженія волей-неволей пришлось подчиниться требованіямъ обще-интендантскаго распорядка и перейти къ строго обоснованной смѣтной системѣ. Сначала всѣ вообще смѣты составлялись на трехмѣсячный періодъ, позднѣе — на шесть мѣсяцевъ. Разнообразіе пріемовъ составленія смѣтъ, счетоводства и отчетности, возникшихъ самостоятельно въ разныхъ учрежденіяхъ, потребовало длительной и трудной работы центральныхъ органовъ: предстояло результаты стихійнаго творчества уложить въ единообразныя, планомѣрныя формы. Необходимо было кромѣ того побудить всѣ мѣстныя учрежденія перейти къ выработанному въ центрѣ порядку. Этотъ періодъ самоограниченія и добровольнаго отказа отъ безпредѣльной свободы первоначальнаго творчества — былъ самымъ труднымъ временемъ въ жизни земскаго союза. Болѣе молодые сотрудники князя Львова хотѣли бы быстроты и натиска и въ этой преобразовательной дѣятель-

ности. Медлительность и внѣшнее равнодушіе главы организаціи къ срокамъ выполненія мѣстными учрежденіями требованій центра — раздражали, выводили изъ себя. Но князь Львовъ хорошо понималъ психологію дѣятелей на мѣстахъ. Онъ зналъ, что требованія изъ центра, слишкомъ ригоричныя и поспѣшныя, въ особенности съ примѣсью бюрократической рутины, столь ненавистной большинству земскихъ работниковъ, — могли убить энергію, погасить огонь самостоятельнаго творчества, которымъ вдохновлялись земскіе работники... И онъ старался подойти къ рѣшенію задачи мягко и тактично. Такъ же убѣдилъ онъ дѣйствовать находившихся подъ несомнѣннымъ его вліяніемъ представителей государственнаго контроля. И мало-по-малу земскій союзъ переродился.

Въ концѣ концовъ свободная финансовая дѣятельность земскихъ работниковъ отлилась въ строгія формы. Эти формы внесли значительныя осложненія въ жизнь союза и сдѣлали его учрежденія болѣе спокойными и благоразумными, но менѣе молодыми, пламенными и отзывчивыми на нужды арміи.

6.

На первыхъ порахъ, какъ извѣстно, всѣхъ охватило воодушевленіе. Звучали горячія рѣчи о совмѣстной работѣ, о забвеніи прежнихъ противорѣчій, обидъ, недоразумѣній...

Теперь, больше чѣмъ когда-либо, князь Львовъ пытался доказать, что *работать* можно со всякими людьми, при всякихъ условіяхъ. Мы видѣли, что не разъ въ жизни приходилось ему отступать и складывать оружіе. И все-же, съ неискоренимымъ оптимизмомъ, онъ снова поднималъ голову и упорно брался за работу. Моменты слабости и отчаянія рѣдко захватывали его и очень скоро, въ работѣ, проходили безслѣдно.

Объ одномъ такомъ случаѣ временнаго паденія настроенія—разсказываетъ Н. И. Астровъ. Вскорѣ послѣ объявленія войны, въ Москву пріѣхалъ государь со всею семьею и свитой. На дебаркадерѣ его встрѣчали московскія власти и представители общественныхъ учрежденій. Городская Дума присутствовала въ полномъ составѣ. Отъ встрѣчи правительства съ обществомъ ждали чего-то особеннаго. Но церемонія прошла крайне вяло. И государь, и его окруженіе съ явною скукою выслушали привѣтственныя патріотическія рѣчи. Истиннаго единенія не было. Казалось, что при настроеніи, явно владѣвшемъ главою государства и его приближенными, — побѣдить нельзя...

Н. И. Астровъ возвращался домой въ одномъ автомобилѣ съ кн. Г. Е. Львовымъ. Они обмѣнялись нѣсколькими фразами, въ которыхъ звучала безнадежность, почти отчаяніе... Н. И. Астровъ убѣждалъ своего собесѣдника оставить надежды на высшія сферы и приложить всѣ усилія къ объединенію остальной Россіи — русской общественности, всей русской земли... И князь Львовъ, подавленный встрѣчей на вокзалѣ, прислушивался сочувственно къ этимъ рѣчамъ.

Но подобныя настроенія и мысли очень быстро гасли въ дѣловой ежедневной горячкѣ работы земскаго союза. Отчаянію не было въ ней мѣста.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ царь снова ожидался въ Москвѣ. Князь Львовъ снова готовился къ встрѣчѣ. Онъ вызвалъ одного изъ своихъ сотрудниковъ, готовившаго громадный передовой отрядъ («седьмой»), двинутый впослѣдствіи на Кавказъ.

— Черезъ недѣлю въ Москву ждемъ государя. Намъ нечего ему показать. Мы думали привезти къ вамъ въ отрядъ. Можно это?

— Если нужно, то можно. Но нужно-ли? вѣдь это задержка на цѣлую недѣлю всѣхъ нашихъ сборовъ... Придется все бросить и отложить отъѣздъ.

— Со сборами успѣете: недѣлей раньше, недѣлей позже... Если хорошо покажете, я на вашемъ отрядѣ заработаю для земскаго союза десять милліоновъ.

Что было дѣлать? Всѣ сборы пріостановились. Громадный седьмой отрядъ, весь персоналъ (400 человѣкъ) принялся за спѣшную работу. На Ходынскомъ полѣ рѣшено развернуть одинъ изъ промежуточныхъ лазаретовъ отряда, который долженъ былъ, по задуманной схемѣ работы, принимать раненыхъ, привозимыхъ съ позицій усовершенствованными повозками, и черезъ нѣсколько дней отправлять ихъ на приспособленныхъ автомобиляхъ въ главный госпиталь отряда (къ станціи желѣзной дороги). Шесть дней шла лихорадочная работа — день и ночь. На обширный участокъ Ходынки навезены цѣлыя горы снѣга. Среди нихъ раздѣланы убитыя щебнемъ дорожки. У воротъ — колоколъ, въ который звонитъ привезшій паціента возчикъ. Затѣмъ въ натурѣ всѣ приспособленія, черезъ которыя долженъ пройти раненый, въ теченіе нѣсколькихъ дней своего пребыванія въ лазаретѣ: сортировочная, баня, палатка для изоляціи инфекціонныхъ, палатки хирургическая и терапевтическая, походная перевязочная, кухня, хлѣбопекарня, столовая, операціонная, палатки для персонала; перевозочныя средства для раненыхъ: носилки, арбы и повозки съ лошадиной тягой, автомобили. Въ каждой отепленной сукномъ палаткѣ на 30 коекъ — печь. При 12 гр. мороза снаружи (смотръ происходилъ въ Декабрѣ) — внутри палатки градусникъ показывалъ 18 гр. тепла; свѣтъ изъ оконъ, уютъ. Палатки эти — гордость седьмого отряда — созданы по образцамъ, испробованнымъ земцами еще въ Японскую кампанію... Въ назначенный день весь персоналъ въ рабочихъ костюмахъ — налицо. Все приготовлено къ пріему транспорта раненыхъ. Хлѣбопекарня готовитъ великолѣпный черный хлѣбъ. Куски замороженнаго борща висятъ въ ведрахъ снаружи. Котлы готовы по первому знаку быстро превратить эти куски въ горячій борщъ. Въ операціонной и перевязочной около столовъ и инструментовъ врачи и фельдшерицы въ бѣлыхъ балахонахъ. Дежурныя сестры — въ палаткахъ-лазаретахъ. Нѣсколько сотъ санитаровъ-менонитовъ въ кожаныхъ костюмахъ — готовы показать царю, какъ въ 20 минутъ они могутъ собрать сложную отепленную госпитальную палатку...

Князь Львовъ подробно осмотрѣлъ все это еще наканунѣ. Улыбаясь глазами завѣдующему отрядомъ, онъ говорилъ:

— У васъ тутъ такъ хорошо, что уѣзжать не хочется!..

Государь пріѣхалъ со всей семьей. Немногія лица свиты ихъ сопровождали.

Удивленный пріѣздомъ въ поле, наслѣдникъ громко недоумѣвалъ. Но скоро онъ совершенно увлекся массою представшихъ передъ нимъ живыхъ «игрушекъ».

— Вотъ здорово! — восклицалъ онъ. — Вотъ здорово!..

Царица и вел. кн. Елизавета Ѳеодоровна бесѣдовали съ персоналомъ. Царь нѣсколько разъ принимался за деревянную ложку и поданный ему борщъ съ черны мъ хлѣбомъ. Онъ увѣрялъ, что никогда еще не ѣлъ такого вкуснаго кушанья.

Расписавшись и заставивъ расписаться наслѣдника, онъ просилъ сдѣлать

ему на память снимки со всего, что онъ видѣлъ въ отрядѣ, и снялся тутъ-же вмѣстѣ съ персоналомъ.

— Я понимаю такъ, — сказалъ онъ князю Львову, — что это образцовый передовый отрядъ вы мнѣ показали?

— Почему-же образцовый? такой отрядъ можетъ быть при каждомъ корпусѣ.

— За чѣмъ-же дѣло стало?

— За деньгами. Чтобы снабдить всѣ корпуса такими отрядами, нужны средства... правда, не такія ужъ большія: всего расходъ одного дня войны. А безъ денегъ ничего не подѣлаешь.

— А вы попросите въ Петроградѣ.

— Протекціи нѣтъ, Ваше Величество.

— А вы сошлитесь на меня...

На другой день царица и вел. кн. Елизавета Ѳедоровна прислали въ подарокъ седьмому отряду нарядную походную церковь.

Шутливые, ласковые, почти интимные тона этой встрѣчи, какъ будто, не имѣли ничего общаго съ холодомъ, равнодушіемъ и скукой, проявленными царемъ и его окруженіемъ на Брестскомъ вокзалѣ пятаго Августа.

Но... «милуетъ царь, да не милуетъ псарь»...

Николай II не могъ и не хотѣлъ, даже въ исключительныхъ условіяхъ тяжелой войны, оторваться отъ привычныхъ услугъ своей самодержавной бюрократіи. Духовный складъ его нисколько не измѣнился. Онъ могъ благосклонно принимать услуги общественныхъ организацій, могъ даже сознавать, что «во время войны ихъ нельзя трогать». Но полнаго довѣрія эти «чужіе» люди не возбуждали въ немъ. Общество, по прежнему, должно было всецѣло подчиняться чиновникамъ, которымъ онъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, вручалъ власть. Ни для кого не являлось секретомъ, какіе мутные источники выносили подчасъ въ первые ряды правительства людей ничтожныхъ и бездарныхъ. Въ мирное время выросшее общество, хотя съ трудомъ, по необходимости, но терпѣло. Условія войны поставили передъ властью совершенно новыя задачи. Рѣшать ихъ безъ подъема, безъ творчества, безъ вдохновенія — было невозможно. Помочь бѣдѣ могло лишь объединеніе живыхъ силъ страны вокругъ людей, пользующихся общимъ довѣріемъ. Бюрократія жила рутиною и традиціей мирнаго времени. Въ довѣріи страны большинство высшихъ чиновниковъ не нуждалось, довольствуясь милостью и расположеніемъ монарха. Пламенному энтузіазму, вдохновенію — не благопріятствовалъ полный спокойнаго приличія воздухъ петербургскихъ канцелярій... Въ экстраординарныхъ условіяхъ войны правительство чувствовало себя безсильнымъ. Но это нисколько не мѣшало ему проявлять постоянную и упорную ревность къ тѣмъ общественнымъ организаціямъ, которыя, не ожидая ничего отъ власти, пытались взять на себя разрѣшеніе задачъ, поставленныхъ войною.

Общественныя организаціи, съ точки зрѣнія высшей бюрократіи, являлись несомнѣннымъ зломъ. Обстоятельства сложились такъ, что пресѣчь въ корнѣ эту самодѣятельность общества оказалось невозможнымъ. Приходилось, по крайней мѣрѣ, не допускать расширенія этого зла, всячески мѣшать распространенію дѣятельности общественныхъ организацій на новыя отрасли хозяйства. Если обойтись безъ органовъ самоуправленія оказывалось невозможнымъ, принимались все-таки всѣ мѣры, чтобы заинтересовать отдѣльныя земства и городскія думы — *самостоятельной* работой, непосредственными щедрыми ассигновками отъ казны, — лишь бы разрушить ту солидарность, которою

жили главные комитеты земскаго и городского союзовъ. Дѣлались попытки создавать, по примѣру земствъ и городовъ, самостоятельныя бюрократическія организаціи для борьбы съ надвигающимися бѣдствіями. Организаціи эти чрезвычайно запаздывали, оказывались мертворожденными, несмотря на огромный приливъ казенныхъ средствъ, влачили жалкое существованіе, но, чтобы забронировать ихъ отъ всякихъ возможныхъ нападокъ и конкуренціи, во главѣ каждаго такого начинанія ставилась какая-нибудь великая княгиня — дочь или сестра государя...

Эта постоянная, мелочная борьба, едва прикрытыя недоброжелательство и враждебность, недовѣріе во всемъ, тысячи уколовъ, въ которыхъ такъ опытна бюрократія, волокита, формалистика — уже съ самаго начала войны пагубнымъ образомъ отражались на живой, горячей работѣ общественныхъ организацій.

Въ борьбѣ съ бюрократіей общественныя организаціи крѣпко держались за Государственную Думу. При нормальныхъ взаимоотношеніяхъ правительства и общества, тяжелый законодательный аппаратъ Россіи, быть можетъ, представлялся бы благомыслящимъ людямъ черезчуръ грузнымъ для военнаго времени. Бюрократія, конечно, стремилась работать безъ Думы. И безконечное ея законодательное творчество въ порядкѣ экстраординарной 87 статьи (1), вѣроятно, не вызвало бы особыхъ возраженій. Но въ пылу завязавшейся борьбы Государственная Дума и ея свободная трибуна — сдѣлались для общества совершенною необходимостью. Отъ Думы ждали не законодательства, а защиты. И временами борьба сосредоточивалась около вопроса о роспускѣ или созывѣ Думы: правительство стремилось избѣжать всякихъ непріятныхъ политическихъ разговоровъ, запросовъ, обвиненій (2); общественныя организаціи хорошо понимали, что безъ Думы онѣ остаются на полной волѣ бюрократіи.

Сама скромнѣйшая, четвертая Дума оказалась невольно вовлеченною въ борьбу за власть. Въ нѣдрахъ ея зародился и созрѣлъ въ половинѣ 1915 года «прогрессивный блокъ» — объединеніе умѣренныхъ элементовъ, охватившее почти 400 депутатовъ. Крайне лѣвые и крайне правые не вошли въ него, кадетамъ и прогрессистамъ пришлось согласиться на программу весьма умѣренную. Но волею судьбы и надвигавшихся на Россію событій, правительство увидѣло передъ собою значительное большинство Думы, усвоившее себѣ постепенно все болѣе и болѣе непримиримую тактику.

Со времени нашихъ крупныхъ неудачъ на войнѣ, страна принимаетъ видъ двухъ борющихся становъ, въ одномъ изъ которыхъ укрѣпилась верховная власть и самодержавная бюрократія, а въ другомъ — общественные, активные элементы, пытающіеся объединить вокругъ себя все умѣренное, патріотически настроенное интеллигентное населеніе страны.

Теперь въ этомъ процессѣ вызываетъ удивленіе быстрый ростъ непримиримости среди еще недавно — самыхъ мирныхъ, — скорѣе правыхъ — представителей земствъ, городовъ и Государственной Думы. Подъ вліяніемъ патріотической борьбы люди становятся неузнаваемыми. По-истинѣ, много надо было искусства, чтобы превратить ихъ въ революціонеровъ!...

Никто въ Россіи, быть можетъ, не переживалъ происходившей борьбы такъ болѣзненно, какъ князь Львовъ.

---

1) Такихъ «законовъ» правительство Горемыкина, за короткій срокъ его премьерства, издало цѣлыхъ три тома.

2) Въ совѣтѣ министровъ находили, что нельзя во время войны «волновать» общество политическими разговорами.

Онъ стоялъ во главѣ огромнаго дѣла, которому отдавалъ всю энергію, всѣ силы, все время. Вѣра въ русскій народъ, страстная любовь къ Россіи — переполняли его душу пламеннымъ патріотизмомъ. Война захватила его вполнѣ мирнымъ человѣкомъ. Онъ, какъ всегда, искалъ успѣха въ своихъ начинаніяхъ — не въ борьбѣ, а въ мирномъ сотрудничествѣ.

Къ концу 1916 года настроеніе его измѣнилось однако коренным образомъ. Иногда онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ терпѣнія.

Чтобы понять эту перемѣну, необходимо прослѣдить, хотя въ общихъ чертахъ, пережитыя имъ въ работѣ треволненія.

7.

Въ самомъ началѣ войны (еще въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1914 г.) союзы намѣтили общій или единый планъ борьбы съ эпидеміями. Планъ подвергся тщательной обработкѣ и обсужденъ въ Москвѣ въ обоихъ союзахъ и на мѣстахъ — въ губернскихъ комитетахъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ (Маклаковъ) вовсе не желалъ оставлять борьбу съ эпидеміями въ вѣдѣніи союзовъ. 17 Февраля 1915 г. стало извѣстнымъ, что совѣтъ министровъ не нашелъ возможнымъ поручить это дѣло общественнымъ организаціямъ. Черезъ губернаторовъ земствамъ и городамъ предписано немедленно приступить къ борьбѣ съ заразными болѣзнями, а при недостаткѣ собственныхъ средствъ, обращаться за помощью въ противочумную комиссію принца Ольденбургскаго.

Единый земскій планъ оказался нарушеннымъ — въ разсчетѣ на соперничество и разъединеніе на мѣстахъ. Правда, 12 Марта высшимъ военнымъ кругамъ удалось убѣдить государя поручить это дѣло на фронтѣ союзамъ. Но Маклаковъ и совѣтъ министровъ упорно не желали отступить отъ своей политики и, только послѣ пораженій нашихъ войскъ и измѣненій въ составѣ правительства, когда Маклаковъ вынужденъ былъ уступить свое мѣсто князю Щербатову, въ Петроградѣ допущены въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями нѣкоторыя уступки. Соединенное междувѣдомственное совѣщаніе 2-го Августа 1915 г. постановило: всѣ мѣропріятія по борьбѣ съ заразными болѣзнями въ арміи должны осуществляться земскимъ союзомъ и союзомъ городовъ съ ассигнованіемъ необходимыхъ средствъ изъ военнаго фонда, мѣропріятія же, касающіяся борьбы съ заразными болѣзнями среди населенія, подлежатъ вѣдѣнію мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, субсидируемыхъ противочумной комиссіей. Такъ, послѣ года осложненій, борьбы и путаницы, великолѣпный единый планъ общественныхъ организацій все же былъ уничтоженъ и создано безсмысленное въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями разъединеніе. Но земскій союзъ такимъ образомъ былъ ущемленъ и ограниченъ въ своихъ функціяхъ.

Такой же борьбы съ правительствомъ потребовалъ стройный планъ призрѣнія душевно-больныхъ воиновъ, выработанный союзами. Хотя въ концѣ концовъ общественнымъ организаціямъ пришлось много поработать въ этой области, *но единый планъ* союзовъ отвергнутъ подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло поручено уже заботамъ Краснаго Креста.

Все курортное дѣло въ Россіи передано въ вѣдѣніе принца Ольденбургскаго, который приказалъ совершенно устранить земскія и городскія организаціи отъ распоряженія койками при минеральныхъ источникахъ Кавказа и при грязелечебницахъ юга Россіи. Использованіе не только существующихъ коекъ

на курортахъ, но и всѣхъ организуемыхъ союзами возложено принцемъ исключительно на военно-санитарныя власти. Установлена крайне сложная процедура, въ результатѣ строгаго примѣненія которой — койки на курортахъ пустовали. Между тѣмъ въ Апрѣлѣ 1915 г. Кавказъ закрытъ для общей эвакуаціи и мѣстные органы союзовъ неотступно настаивали, чтобы устроенные ихъ трудами лазареты въ чудной мѣстности, при цѣлебныхъ минеральныхъ источникахъ и грязевыхъ мѣсторожденіяхъ — были такъ или иначе использованы. Путемъ долгой и сложной борьбы, къ Іюлю 1915 г., союзамъ удалось, наконецъ, найти формы, при которыхъ они могли принять участіе въ этомъ дѣлѣ. И очень быстро были заполнены не только всѣ пустовавшія до тѣхъ поръ курортныя койки, но пришлось въ экстренномъ порядкѣ значительно пополнять ихъ новыми.

Грустную эпопею представляетъ исторія борьбы союзовъ съ правительствомъ за право помогать инвалидамъ войны.

Съѣзды земскихъ уполномоченныхъ, разсмотрѣвъ подробнѣйшіе и обстоятельнѣйшіе планы помощи, представленные главнымъ комитетомъ на ихъ усмотрѣніе, полагали, что «увѣчный воинъ имѣетъ право на помощь государственную, и долгъ общества напрячь всю энергію въ ея осуществленіи, предоставить увѣчному всѣ средства къ тому, чтобы восполнить утраченныя имъ здоровье и способность къ труду».

Но проведеніе въ жизнь плана земскаго союза встрѣтило непреодолимыя препятствія.

Еще 11 Августа 1914 г. образованъ *верховный совѣтъ* подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя совѣта министровъ «въ заботахъ (какъ сказано въ указѣ) объ объединеніи правительственной, общественной и частной дѣятельности по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну, а также семей раненыхъ и павшихъ воиновъ».

10 Января 1915 г. сфера дѣятельности верховнаго совѣта расширена. Къ его вѣдѣнію отнесены мѣропріятія по пріисканію занятій и работы и по оказанію другихъ видовъ призрѣнія увѣчнымъ воинамъ. Для выполненія этой задачи верховнымъ совѣтомъ образована «особая комиссія» подъ предсѣдательствомъ сестры государя вел. княгини Ксеніи Александровны. Мѣстными органами комиссіи признаны губернскія и областныя отдѣленія комитета вел. княгини Елизаветы Ѳедоровны. Къ участію въ засѣданіяхъ комиссіи приглашены представители земскаго и городского союзовъ, тонувшіе въ огромномъ составѣ чиновныхъ лицъ. Комиссіи открыты почти безграничные денежные рессурсы. Представитель городского союза внесъ въ комиссію планъ помощи увѣчнымъ — очень близкій въ цѣломъ къ плану земскаго союза. Предположенія эти обсуждены и приняты. Затѣмъ комиссія приступила къ дѣятельности: она рѣшила организовывать собственныя учрежденія, но была готова субсидировать и другія организаціи, напримѣръ, отдѣльныя земства. Она игнорировала только земскій и городской союзы. Собственная работа комиссіи протекала, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Петрограда. Дѣятельность ея мѣстныхъ органовъ не наладилась. Комиссія разсмотрѣла и удовлетворила рядъ отдѣльныхъ, случайныхъ ходатайствъ разныхъ учрежденій, обществъ и частныхъ лицъ о субсидіяхъ. Работа перваго года свелась къ весьма скромной по результатамъ дѣятельности обычнаго для Петрограда филантропическаго общества. Имѣя въ виду такую постановку дѣла, многія вѣдомства пытались заняться тѣмъ-же дѣломъ. Министерство торговли и промышленности разрабатывало для внесенія въ Государственную

Думу законопроектъ объ обученіи увѣчныхъ воиновъ ремесламъ за счетъ государства. Таже работа производилась одновременно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія Военное министерство приступило къ выработкѣ общаго плана призрѣнія военно-увѣчныхъ. Пр дставители земскаго и городского союзовъ неизмѣнно волновали комиссію настойчивыми заявленіями о необходим сти поручит дѣл призрѣнія инвалидовъ соединеннымъ силамъ обоихъ союзовъ. которые сумѣютъ руководить работою отдѣльныхъ земствъ и городовъ на мѣстахъ и развить ее въ государственномъ маштабѣ. Послѣ длительныхъ пер оворовъ между союзами и комиссіей, 15 Января 1916 г. послѣдняя была извѣщена, что союзы признаютъ возможнымъ вести согласованную съ нею работу, но при непремѣнномъ условіи, чтобы ихъ мѣстные органы (земства и города) выполняли одинъ общій, выработанный для нихъ планъ помощи увѣчнымъ и ходатайства о субсидіяхъ направляли въ свои главные комитеты, откуда они будутъ поступать въ комиссію великой княгини. На заявленіе это, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, отвѣта не послѣдовало. Въ дѣло вмѣшалась Государственная Дума и, наконецъ, на отсутствіе объединяющей работы въ учрежденіи, предназначенномъ именно для объединенія, — долженъ былъ обратить вниманіе самъ верховный совѣтъ. Въ журналѣ его отъ 9 Іюня 1916 г. читаемъ: «Нельзя не признать, что, какъ убѣждаетъ годовой отчетъ о дѣятельнсти особой комиссіи, дѣятельность эта, при существующей ея постановкѣ, не вполнѣ приспособлена къ осуществленію указанной важной и отвѣтственной задачи»... «Отдѣленія и комиссія не могли удѣлить должнаго вниманія дѣлу призрѣнія увѣчныхъ воиновъ»... «Самый характеръ дѣятельности отдѣленій и комиссіи, по существу своему благотворительный, какъ выяснилъ опытъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ, которымъ должна отвѣчать правильная постановка государственной задачи призрѣнія увѣчныхъ воиновъ. Задача эта требуетъ для своего осуществленія отвѣтственнаго органа на мѣстахъ, для котораго призрѣніе увѣчныхъ воиновъ явилось бы не правомъ, а обязанностью, независимо отъ оказываемой имъ въ той или иной мѣрѣ факультативной благотворительной помощи». Комиссіи, возглавляемой великой княгиней, нужно было проявить исключительную и полную безпомощность, чтобы удостоиться такого отзыва со стороны чиновниковъ.

Тутъ, наконецъ, особая комиссія 21 Іюня 1916 г. сообщила земскому союзу, что она принимаетъ его условія. Но совмѣстная работа такъ и не наладилась.

Какъ медленно удовлетворялись нужды инвалидовъ существовавшими бюрократическими учрежденіями, — видно между прочимъ на постановкѣ дѣла снабженія протезами. По закону, каждый инвалидъ имѣетъ *право* на полученіе протезъ. Заготовка послѣднихъ возложена на три учрежденія для всей Россіи: 1) Маріинскій пріютъ въ Петроградѣ, 2) комитетъ вел. княгини Елизаветы Ѳедоровны въ Москвѣ и 3) областной отдѣлъ великихъ княгинь Милицы и Анастасіи въ Кіевѣ. Всѣ эти учрежденія вмѣстѣ могли изготовить въ годъ, по самому благопріятному для нихъ исчисленію, $^{1}/_{12}$ потребности. Такимъ образомъ инвалидамъ предстояло ждать очереди долго — иногда до двѣнадцати лѣтъ. Между тѣмъ только эти три учрежденія имѣли привилегіи, безъ которыхъ снабженіе протезами инвалидовъ оказывалось невозможнымъ.

Безконечное количество бюрократическихъ препонъ лежало и на дѣлѣ помощи русскимъ военно-плѣннымъ.

Но ни въ чемъ, быть можетъ, не сказались взаимоотношенія правительства и общества такъ ярко, какъ на тяжеломъ бѣженскомъ вопросѣ. Надо, поэтому, остановиться на немъ съ большею подробностью.

Одинъ изъ врачей земскаго союза въ своемъ докладѣ писалъ: «Среди бѣдствій, съ которыми связано веденіе войны, за послѣдній мѣсяцъ на первый планъ выдвигается вопросъ о бѣженцахъ: выброшенные вдругъ изъ своихъ жилищъ, милліоны народа очутились въ самомъ жалкомъ, безпомощномъ положеніи. Недостатокъ крова, недостатокъ питанія стали быстро оказывать свое пагубное вліяніе на кочующія толпы. Каждый, кто только имѣлъ возможность побывать среди бѣженцевъ, могъ наблюдать необыкновенно высокій процентъ заболѣваемости и смертности; гдѣ простоялъ хотя бы короткое время обозъ бѣженцевъ, тамъ всегда оставлялся послѣ нихъ рядъ могилъ, а нѣкоторыя изъ такихъ импровизированныхъ кладбищъ насчитываютъ сотни и больше крестовъ. Кромѣ разныхъ инфекціонныхъ болѣзней, вплоть до холеры, жертвами которыхъ падаютъ бѣженцы, важное мѣсто занимаютъ здѣсь заболѣванія отъ недостаточнаго питанія. Само собою понятно, что въ первую очередь страдаютъ здѣсь организмы болѣе слабые, а прежде всего и особенно — дѣти»...

Это написано въ Октябрѣ 1915 г. Но со страданіями бѣженцевъ земскому союзу пришлось встрѣтиться гораздо ранѣе. Первые бѣженцы (изъ Калишской губерніи) появились въ центральной Россіи уже вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій. Екатеринославская губернская земская управа сообщаетъ, что въ первые мѣсяцы 1915 г. «въ уѣзды маріупольскій, бахмутскій и славяносербскій прибывали выселенные нѣмцы и евреи». Въ концѣ и въ началѣ Мая многіе русины покинули свои родныя земли и послѣдовали за русскими войсками. Во Львовѣ, Тарнополѣ, Кіевѣ образовались уже цѣлые лагеря. Съ продвиженіемъ австро-германской арміи въ наши предѣлы бѣженство растетъ. Бѣженцы появляются массами уже не только на югѣ, но и на сѣверѣ: 2-го и 11-го Іюня происходятъ спѣшныя собранія общественныхъ организацій въ Смоленскѣ; на нихъ намѣчаются формы первоначальной помощи. Въ то время быстро помочь бѣженцамъ и хотя отчасти обезвредить это новое бѣдствіе войны могли только общественныя организаціи. У земскаго союза, въ частности, имѣлась цѣлая сѣть учрежденій на фронтѣ и въ прифронтовой полосѣ, которая работала среди населенія, оказывая ему не только врачебную, но въ профилактическихъ цѣляхъ — и питательную помощь. На эти учрежденія сама собою легла первая тяжелая забота о бѣженцахъ. Съ Іюня мѣсяца военныя и гражданскія власти обращаются въ главный комитетъ земскаго союза съ просьбами всецѣло взять на себя это новое дѣло. Земства, комитеты земскаго союза и фронтовыя его организаціи, въ виду предстоящихъ громадныхъ затратъ, ждутъ немедленныхъ инструкцій.

Главный комитетъ идетъ навстрѣчу новымъ требованіямъ жизни и поручаетъ своимъ фронтовымъ организаціямъ (комитетамъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго фронтовъ) развить дѣло во всемъ объемѣ потребности.

По запросу главнаго комитета, особое совѣщаніе при генеральномъ штабѣ отпускаетъ на первые расходы въ распоряженіе земскаго союза значительную сумму денегъ.

Съ половины Іюня движеніе приняло массовый и какъ-бы эпидемическій характеръ. Въ развитіи его, несомнѣнно, играли роль воздѣйствія мѣстной администраціи и даже прямые приказы военныхъ властей: нѣкоторые военачальники не чужды были мысли, отступая, оставить въ рукахъ врага пустыню, лишенную жителей; съ другой стороны, военныя власти испытывали опредѣленное недовѣріе къ нѣкоторымъ разрядамъ населенія (въ особенности къ евреямъ) и одно время систематически выселяли принудительно изъ тридцати-верстной прифронтовой полосы всѣхъ лицъ іудейскаго исповѣданія.

Но массовый характеръ выселенія не можетъ быть всецѣло объясненъ подобными мѣропріятіями. Массы бѣженцевъ, кромѣ того, снимались съ мѣстъ по собственному почину. Ихъ гналъ страхъ непріятельскаго нашествія. Многіе осѣдали въ непосредственномъ тылу, ожидая нашихъ побѣдъ и скораго возвращенія въ родныя мѣста. Такіе бѣженцы располагались часто въ лѣсахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ. Другіе наводняли города, деревни и желѣзнодорожныя станціи. Иногда это были цѣлыя селенія, двигавшіяся подъ водительствомъ священника, старосты или учителя. Иногда — просто безпорядочныя толпы панически настроенныхъ людей. Покидая домъ, бѣженцы старались увезти съ собою все, что оказывалось возможнымъ: они двигались безконечнымъ и безпорядочнымъ обозомъ въ телѣгахъ, окруженные домашнимъ скотомъ...

Функціи фронтовыхъ организацій земскаго союза осложнились, когда наступила необходимость продвигать бѣженцевъ далѣе — въ глубь Россіи. Возникли заботы о посадкѣ ихъ въ поѣзда, о ликвидаціи живого и мертваго инвентаря, объ улучшеніи условій желѣзнодорожнаго транспорта, о питаніи въ пути, о заслонахъ отъ занесенія въ глубь страны заразы (холеры, оспы, тифовъ, дѣтскихъ инфекцій). При фронтовыхъ комитетахъ созданы были особые отдѣлы помощи бѣженцамъ, которые вошли въ соглашеніе съ другими организаціями, помогавшими бѣженцамъ; съ городскимъ союзомъ, комитетомъ помощи пострадавшему отъ войны населенію вел. княжны Татьяны Николаевны, съ національными организаціями (польской, еврейской, латышской, литовской).

Въ концѣ Іюля и министерство внутреннихъ дѣлъ сочло необходимымъ озаботиться судьбою бѣженцевъ: въ районы дѣйствующей арміи посланы были два главноуполномоченныхъ министерства: одинъ изъ нихъ организовалъ на юго-западномъ фронтѣ такъ называемую «юго-помощь», другой — на сѣверо-западномъ фронтѣ — «сѣверо-помощь».

Не смотря на дѣятельность многочисленныхъ организацій, которыя постепенно возникли вокругъ бѣженскаго дѣла, работа фронтовыхъ учрежденій земскаго союза все развивалась. На путяхъ слѣдованія бѣженцевъ (гужевыхъ, рѣчныхъ, желѣзнодорожныхъ) открыты питательные и амбулаторные пункты, больницы, временные пріюты для осиротѣвшихъ или затерявшихся дѣтей. Юго-западный комитетъ создалъ кромѣ того институтъ проводниковъ, каждому изъ которыхъ поручалось принять на себя заботы о какой-либо движущейся партіи: направлять растерявшихся людей, организовать посадку ихъ въ поѣзда или пароходы, защищать ихъ, обезпечить имъ въ пути питаніе и медицинскую помощь. Отчеты этихъ проводниковъ рисуютъ тяжелыя картины передвиженія бѣженцевъ. Желѣзнодорожные служащіе, переутомленные и забитые предъявляемыми къ нимъ со всѣхъ сторонъ требованіями, вяло реагировали на нужды бѣженцевъ. Подача вагоновъ безконечно затягивалась. Погруженные на открытыя платформы и въ товарные вагоны бѣженцы — двигались чрезвычайно медленно (иногда по 60 верстъ въ сутки), простаивая часто пять-шесть часовъ на захолустномъ пунктѣ, гдѣ нельзя было ничего достать и проходя ночью станціи, снабженныя учрежденіями союза. Предусмотрѣть время прихода поѣзда на станцію было невозможно. Часто во время обѣда бѣженцевъ, врачебнаго осмотра или регистраціи — поѣздъ, безъ всякихъ предупрежденій, двигался со станціи. Когда скопленіе бѣженцевъ въ прифронтовой полосѣ приняло угрожающіе для арміи размѣры, отданъ былъ приказъ о принудительномъ продвиженіи бѣженцевъ въ тылъ. Но истощенныя лошади не шли, а для посадки въ вагоны нужны было спѣшно «освободить»

бѣженцевъ отъ ихъ лошадей, скота, телѣгъ и «излишняго» скарба. Подъ давленіемъ администраціи все это спѣшно продавалось по ничтожнымъ цѣнамъ появившимся со всѣхъ сторонъ скупщикамъ. Часто просто оставлялось на мѣстѣ. При такихъ условіяхъ дѣятельность проводниковъ, всячески защищавшихъ интересы бѣженцевъ, была чрезвычайно полезна. Ихъ набирали изъ состава самихъ-же бѣженцевъ—священниковъ, учителей или приглашали на это дѣло учащуюся молодежь.

Фронтовые комитеты земскаго союза принимали на себя заботы о бѣженцахъ, главнымъ образомъ, въ районахъ ближайшаго тыла. Но и въ такомъ объемѣ работа оставалась очень значительною.

Между тѣмъ массы бѣженцевъ, двигаясь на востокъ, начали появляться во внутреннихъ губерніяхъ. Здѣсь ихъ встрѣтила полная неорганизованность и отсутствіе средствъ для ихъ устройства. Никто не зналъ, сколько бѣженцевъ должно прибыть въ данную губернію. Никто не зналъ, кто и на какія средства долженъ оказывать имъ помощь. Мѣстныя земства и учрежденія земскаго союза требовали денегъ у главнаго комитета. Повторныя тревожныя телеграммы шли изъ многихъ губерній. Изъ отдѣльныхъ районовъ объ отпускѣ средствъ поступали въ земскій союзъ ходатайства высшей администраціи. Главный комитетъ по 10 Августа перевелъ девяти комитетамъ до 500.000 руб., разрѣшивъ еще 15-ти комитетамъ расходовать имѣвшіеся въ ихъ распоряженіи авансы. Въ теченіи слѣдующихъ 45 дней мѣстнымъ комитетамъ отпущено еще около трехъ милліоновъ рублей.

Между тѣмъ никакихъ спеціальныхъ средствъ на помощь бѣженцамъ въ кассѣ главнаго комитета не имѣлось. Въ виду неотложности нужды, деньги отпускались съ позаимствованіемъ изъ другихъ кредитовъ. Предсѣдатель союза обращался не разъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ настойчивыми ходатайствами объ экстренномъ ассигнованіи средствъ. Телеграммы эти оставались безъ отвѣта. За все время обоимъ союзамъ отпущено правительствомъ лишь по 500.000 руб. 13 августа одинъ изъ чиновниковъ министерства отвѣтилъ князю Львову, что вопросъ проходитъ соотвѣтствующія инстанціи и средствъ пока налицо не имѣется. 21 Сентября земскій союзъ получилъ, наконецъ, еще 900 тысячъ и такъ какъ на дальнѣйшія настойчивыя ходатайства снова не послѣдовало отвѣта, князь Львовъ вынужденъ былъ 1-го Октября телеграфировать министру: «Въ случаѣ неполученія въ ближайшіе дни просимаго ассигнованія, земскій союзъ будетъ поставленъ передъ необходимостью пріостановить свое участіе въ этомъ дѣлѣ».

7-9 Сентября 1915 г. въ Москвѣ состоялся съѣздъ уполномоченныхъ земскаго союза, который обсуждалъ вопросъ о помощи бѣженцамъ. Съѣздъ призналъ, что помощь бѣженцамъ — есть задача общегосударственная, которая можетъ быть успѣшно осуществлена только согласованной работой всѣхъ общественныхъ силъ, объединенныхъ земскимъ и городскимъ союзами. Съѣздъ одобрилъ организацію одного общаго отдѣла помощи бѣженцамъ изъ одинаковаго числа представителей земскаго и городского союзовъ. По единогласному мнѣнію земскихъ уполномоченныхъ, средства на помощь бѣженцамъ должны быть отпускаемы черезъ земскій и городской союзы, которые ведутъ сношенія съ правительствомъ по этому вопросу и распредѣляютъ полученныя ассигнованія между мѣстными комитетами союзовъ.

Эти постановленія застали объединенный отдѣлъ помощи бѣженцамъ уже организованнымъ.

5-го Августа министерство внутреннихъ дѣлъ внесло въ Государственную Думу проектъ «закона объ обезпеченіи нуждъ бѣженцевъ». Проектъ предусматривалъ организацію въ Петроградѣ «особаго совѣщанія по устройству бѣженцевъ» подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, а на мѣстахъ поручалъ исполнительныя функціи комитетамъ, дѣйствующимъ подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ губернаторовъ. Въ законодательныхъ учрежденіяхъ проектъ потерпѣлъ значительныя измѣненія. Всѣ заботы о бѣженцахъ на мѣстахъ возложены непосредственно на земскія и городскія учрежденія. Предсѣдательствованіе губернаторовъ устранено. Но по утвержденному государемъ 30-го Августа закону, все-же во главѣ всего бѣженскаго дѣла поставлена единоличная власть министра внутреннихъ дѣлъ. При немъ установленъ *совѣщательный* органъ («особое совѣщаніе»), большинство членовъ котораго назначаются министромъ.

Министерство отнюдь не имѣло въ виду сосредоточивать бѣженское дѣло въ земскомъ и городскомъ союзахъ. Въ «особомъ совѣщаніи» обращенія главныхъ комитетовъ земскаго и городского союзовъ сначала замалчивались, ассигновки оттягивались, общій вопросъ объ участіи союзовъ въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ откладывался съ засѣданія на засѣданіе. Для согласованія дѣятельности многочисленныхъ и разнообразныхъ организацій «особое совѣщаніе» рѣшило приступить къ выработкѣ «руководящихъ положеній по устройству бѣженцевъ». Выработка этихъ «положеній» тянулась до 2-го Марта 1916 г. «Руководящія положенія» въ значительной степени мѣняли нормы закона 30-го Августа 1915 г., создавая на мѣстахъ объединенные губернскіе комитеты подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ (противъ чего рѣшительно возражали и Государственный Совѣтъ, и Государственная Дума). Средства, отпускаемыя на мѣста, должны были, какъ общее правило, проходить черезъ губернаторовъ. Во время продолжительныхъ обсужденій этихъ новыхъ правилъ съ совершенною полнотою выяснилась точка зрѣнія правительства на роль союзовъ въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ. Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, разрабатывавшей этотъ проектъ, ея предсѣдатель, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве заявилъ: «Союзы, желая узурпировать право финансированія земствъ въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ, хотятъ конкурировать съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Союзы легализованы лишь какъ организаціи помощи раненымъ. Помощь бѣженцамъ на нихъ не возложена. Какъ органы, объединяющіе земства и города въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ, союзы являются учрежденіями нелегализованными. Поэтому, надлежитъ высказаться противъ ассигнованія средствъ союзамъ и съ точки зрѣнія юридической, и съ точки зрѣнія политической». Это мнѣніе никогда не было заявлено открыто правительствомъ; передъ мѣстными органами союзовъ и передъ всей Россіей заботы о бѣженцахъ никогда не были сняты формально съ союзовъ.

На практикѣ же министерство внутреннихъ дѣлъ руководствовалось взглядомъ, формулированнымъ фонъ Плеве.

Главный комитетъ земскаго союза считалъ общую постановку дѣла вредною для бѣженцевъ: земства обращались за средствами въ Москву, а средства эти не отпускались правительствомъ; терялись время, энергія и уже чувствовалось недовольство московскимъ центральнымъ органомъ. Поэтому, въ серединѣ Ноября 1915 г. главный комитетъ рѣшилъ сложить съ себя порученіе съѣзда своихъ уполномоченныхъ, рекомендовалъ земствамъ непосредственно обращаться за средствами на помощь бѣженцамъ въ «особое совѣщаніе» и увѣдомилъ объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ обстоятельной запиской,

подробно излагавшей исторію дѣла и мотивы вынужденнаго отказа. «Что же касается, — писалъ главный комитетъ въ заключительной части этой записки, — дѣятельности земскаго союза по оказанію помощи бѣженцамъ на фронтахъ дѣйствующей арміи и въ ближайшихъ къ нимъ губерніяхъ, то всѣ мѣропріятія въ этомъ отношеніи, организованныя имъ по непосредственнымъ предложеніямъ со стороны военныхъ властей и фронтовыхъ главноуполномоченныхъ, будутъ и впредь осуществляться земскимъ союзомъ подъ руководствомъ главнаго комитета въ томъ-же порядкѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это имѣло мѣсто до настоящаго времени».

Но власти оставались на прежнихъ позиціяхъ и бѣженскій отдѣлъ союзовъ мало-по-малу терялъ реальное вліяніе на ходъ дѣла, хотя успѣлъ многое сдѣлать за первое время своего существованія.

Громадное большинство бѣженцевъ состояло изъ женщинъ, дѣтей и стариковъ. Взрослыхъ мужчинъ насчитывалось всего 22 проц. общаго числа. Но не слѣдуетъ думать, что и эта послѣдняя категорія была вполнѣ работоспособна. Значительная часть хворала, всѣ были истощены до крайности и громадное большинство, покинувъ родныя мѣста, потерявъ имущество, очутившись на чужой сторонѣ, безъ всякихъ перспективъ и въ ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ, лишилось всякой энергіи и апатично опустило руки...

Какъ же справились на мѣстахъ органы правительства и общества съ новою исключительно трудною задачею устройства этихъ людей?

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ инициатива организаціи помощи проявлена губернаторами. Въ громадномъ большинствѣ губерній созывъ общественныхъ совѣщаній для обсужденія плана помощи — принадлежалъ губернскимъ земскимъ управамъ или комитетамъ всероссійскаго земскаго союза. Въ началѣ , передъ лицомъ новаго «всенароднаго бѣдствія», на мѣстахъ не обнаружилось никакихъ признаковъ конкуренціи властей.

Два основныхъ момента опредѣляютъ на первыхъ порахъ трудность положенія: на мѣстахъ нѣтъ денегъ и царитъ полная неосвѣдомленность, сколько именно бѣженцевъ прибудетъ въ данную губернію. Ни изъ Петрограда, ни съ фронта администрація не получаетъ никакихъ указаній. Всѣ взоры обращены на земскій и городской комитеты: оттуда, изъ Москвы, придутъ и средства, и руководящія указанія. И мы видѣли, что на первыхъ порахъ не только земства и комитеты земскаго союза, но даже губернаторы обращаются за помощью къ главному комитету земскаго союза. На мѣстахъ уже идетъ кипучая организаціонная работа, при чемъ неотложные расходы пополняются изъ кассъ мѣстныхъ самоуправленій, авансовъ земскаго союза, ассигнованныхъ на другія цѣли, спеціальныхъ телеграфныхъ переводовъ изъ Москвы.

Цѣлый рядъ губерній (харьковская, тамбовская, ярославская, саратовская, екатеринославская, владимірская, уфимская и многія другія), уже въ Августѣ заканчиваютъ выработку подробныхъ организаціонныхъ плановъ помощи бѣженцамъ, останавливаясь иногда въ своихъ постановленіяхъ-инструкціяхъ на мельчайшихъ подробностяхъ.

Вездѣ имѣется въ виду простая и стройная схема: правительство отпускаетъ деньги по представленіямъ объединенныхъ въ Москвѣ главныхъ комитетовъ обоихъ союзовъ, разсматриваетъ и утверждаетъ смѣты послѣднихъ и общія основанія помощи; объединенные комитеты союзовъ разбираются въ смѣтахъ съ мѣстъ, придаютъ имъ единообразіе, разрабатываютъ спорные вопросы, объединяютъ работу и отчетность — подобно тому, какъ въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Губернскіе комитеты помощи бѣженцамъ

распредѣляютъ ихъ по уѣздамъ, организуютъ борьбу съ эпидеміями, объединяютъ дѣятельность различныхъ организацій, работающихъ на бѣженцевъ, регулируютъ и контролируютъ уѣзды. Расширенныя уѣздныя земскія управы или уѣздные комитеты земско-городского союза ведутъ ту-же работу въ предѣлахъ уѣзда, используя всѣ дѣйствующія на его территоріи организаціи и создавая, гдѣ нужно, новыя мѣстныя общественныя ячейки. Мелкимъ мѣстнымъ организаціямъ принадлежитъ практическая работа: обслѣдованіе нуждъ бѣженцевъ путемъ регистраціи ихъ по формамъ, выработаннымъ въ Москвѣ; снабженіе бѣженцевъ квартирами, топливомъ, платьемъ, бѣльемъ и обувью, питаніе неработоспособныхъ, пріисканіе работы, помѣщеніе больныхъ въ лечебныя заведенія, сообщеніе о возникающихъ эпидеміяхъ, выдѣленіе и препровожденіе въ уѣздной городъ дѣтей-сиротъ или потерявшихъ родителей и т. п.

Этой схемѣ работы не суждено было осуществиться. Уже въ Сентябрѣ и началѣ Октября дѣятельность губернскихъ комитетовъ во многихъ мѣстахъ парализована безпорядочностью движенія бѣженцевъ и отсутствіемъ средствъ на оказаніе имъ помощи. Вотъ два-три примѣра: 1-го Октября уфимская губернская управа телеграфируетъ главному комитету земскаго союза: «Можемъ принять, размѣстить ежедневно тысячу человѣкъ, приходитъ 8-10 тысячъ; положеніе ужасное: начались морозы; бѣженцы, плохо одѣтые, босые, перевозятся въ нетопленыхъ вагонахъ; продовольственные пункты не справляются съ работою; бѣженцы цѣлыми поѣздами отправляются ненакормлеными; медицинскій персоналъ не успѣваетъ производить осмотръ». Екатеринославская губернская управа израсходовала изъ своей кассы уже 360.000 руб. и требуетъ немедленной присылки громадныхъ средствъ (ея расходъ на бѣженцевъ приближается къ двумъ милліонамъ рублей въ мѣсяцъ). Самарская губернская управа 3-го октября телеграфируетъ: «денегъ нѣтъ; бѣженцы продолжаютъ идти; если не будетъ ассигнованій, помощь прекратится». Подобныя телеграммы получались отовсюду. Земскій союзъ посылалъ деньги, пока могъ. Когда средства его изсякли, онъ предложилъ мѣстнымъ комитетамъ обращаться прямо въ «особое совѣщаніе». Но и послѣ этого положеніе мѣстныхъ организацій не стало лучше, такъ какъ налицо оставалась хроническая неупорядоченность самого порядка отпуска средствъ.

Никакого общаго плана помощи бѣженцамъ въ «особомъ совѣщаніи» при министрѣ — выработано не было; отдѣльные виды помощи не были распредѣлены между многочисленными организаціями. Всѣ общіе вопросы приходилось рѣшать ежедневно — при разсмотрѣніи въ кредитной комиссіи поступавшихъ съ мѣстъ смѣтъ. Эти смѣты составлялись по различнымъ принципамъ: однѣ организаціи обслуживали многіе районы опредѣленными видами помощи, другія отмежеванную территорію (уѣздъ, губернію) — всѣми видами. Получались постоянныя коллизіи, въ которыхъ Петрограду трудно было разобраться. Бѣженцы могли по нѣскольку разъ получать ту-же помощь, могли и вовсе не получать ея. Принципы оказанія помощи оставались на мѣстахъ различными: выдача пайка, напримѣръ, производилась одними организаціями *всѣмъ* бѣженцамъ, другими лишь нетрудоспособнымъ; въ одной и той-же мѣстности одними паекъ урѣзывался для многосемейныхъ, другими выдавался — въ одинаковомъ размѣрѣ; однѣ — принимали во вниманіе казенный паекъ, получаемый бѣженскими семьями лицъ, призванныхъ въ войска, другія — нѣтъ; однѣ оказывали помощь одеждою, другія нѣтъ и т. д. и т. д. Сопоставленіе всѣхъ этихъ разнокалиберныхъ и разнородныхъ смѣтъ брало много времени и, какъ

общее правило, смѣты разсматривались не въ теченіе смѣтнаго мѣсяца, а въ лучшемъ случаѣ, мѣсяцемъ (и болѣе) позднѣе. Приходилось отпускать подъ смѣты авансы, которые не удовлетворяли всей нужды и вносили ненужную нервность въ дѣло. Были и необъяснимыя задержки въ пересылкѣ уже ассигнованныхъ средствъ. Такъ, напр., 16 Января утверждено ассигнованіе въ 40 тыс. руб. ярославскому губернатору, а переведены эти деньги 9 Марта; 27 Января ассигновано 30 тыс. руб. новгородскому губернатору, а переведены лишь 26 Февраля; 27 Января ассигновано полтавскому губернатору 100 тыс. руб., переведено 2 Марта и т. д. и т. д.

Здѣсь невозможно останавливаться на техническихъ деталяхъ, которыя стояли на пути утвержденія смѣтъ Петроградомъ; достаточно сказать, что любая смѣта, при любыхъ обстоятельствахъ, могла подвергнуться возвращенію изъ «особаго совѣщанія» при министрѣ — безъ утвержденія ея по формальнымъ основаніямъ.

Въ средѣ земскихъ и городскихъ комитетовъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ бѣженцами, не прекращается стонъ объ отсутствіи денегъ, а бѣженцы мѣсяцами не получаютъ пайковъ и квартирныхъ денегъ и голодаютъ. Коренное населеніе сначала въ общемъ доброжелательно встрѣтило бѣженцевъ, теперь постепенно мѣняетъ свое отношеніе, имѣя дѣло съ людьми, которымъ хронически нечѣмъ платить за квартиры и не на что купить пропитанія... Члены попечительствъ и комитетовъ, подъ напоромъ голодныхъ людей, бѣгутъ и отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей. Во многихъ уѣздахъ создается положеніе безвыходное: ожидаются безпорядки. Екатеринославскій губернскій комитетъ съ 18 Сентября по 11 Февраля *восемнадцать* разъ указываетъ губернатору на полное отсутствіе средствъ и на отчаянное положеніе дѣла. Такія же хроническія жалобы идутъ отъ тамбовскаго, костромского, самарскаго, казанскаго, симбирскаго и многихъ другихъ комитетовъ — губернскихъ и уѣздныхъ.

Тяжела была эта работа и въ другомъ отношеніи. Законъ 30 Августа, по настоянію Государственной Думы, передалъ все дѣло на мѣстахъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, сохраняя за ними полную самостоятельность въ организаціи работы. Практически эта самостоятельность была постепенно чрезвычайно стѣснена распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ. 2-го Ноября 1915 г. вся имперія раздѣлена на 12 районовъ и въ каждый районъ министерствомъ назначенъ чиновникъ — главноуполномоченный, снабженный «для объединенія работы мѣстныхъ организацій» — весьма широкою властью. По «руководящимъ указаніямъ» выработаннымъ «особымъ совѣщаніемъ» и утвержденнымъ только 2 Марта 1916 г. то же «объединеніе» поручено было губернаторамъ, которые, въ противность закона 30 Августа, поставлены во главѣ губернскихъ комитетовъ. Къ какимъ острымъ конфликтамъ и какимъ недоразумѣніямъ вело на практикѣ это умноженіе мѣстныхъ властей, — видно, напримѣръ, изъ исторіи столкновеній между главноуполномоченнымъ министерства и губернскимъ земствомъ екатеринославской губерніи.

Условія русской жизни создали столько осложненій около тяжелаго бѣженскаго дѣла, что общественныя организаціи, въ началѣ готовыя къ объединенію между собою и къ совмѣстной работѣ съ представителями власти, оказались въ концѣ концовъ разъединенными, конкурирующими и, въ значительной своей части, остро настроенными противъ правительства.

Бѣженское дѣло представляетъ типичныя черты политики власти по отношенію къ новымъ задачамъ, впервые и неожиданно поставленнымъ передъ Рос-

сіей войною: растерянность, безсиліе, неумѣніе дѣйствовать внѣ прецедентовъ и въ то же время полу-скрытое нежеланіе выпустить изъ рукъ новое дѣло, согласиться на его планомѣрную постановку и самостоятельное веденіе «опасными въ политическомъ отношеніи» общественными организаціями. Можно представить себѣ, какое раздраженіе, какое возмущеніе вызывали у живыхъ работниковъ въ живомъ дѣлѣ мертвящіе пріемы правительственнаго саботажа!...

То же происходило во многихъ областяхъ.Земства вынуждены были, напримѣръ, вмѣшиваться въ продовольственное дѣло, въ борьбу съ дороговизной, въ снабженіе деревни предметами первой необходимости. Но и въ этихъ областяхъ живыя силы страны натолкнулись на многочисленныя бюрократическія рогатки. Единаго плана кампаніи у правительства не было. Мѣнялись вѣдомства, руководившія продовольственнымъ дѣломъ, мѣнялись люди и воззрѣнія, усложнялась работа на мѣстахъ появленіемъ все новыхъ и новыхъ представителей власти, дѣятельность которыхъ протекала по различнымъ вѣдомственнымъ инструкціямъ и осложнялась иногда конкуренціей и междувѣдомственными треніями. Надежды правительственной власти возлагались не на планъ, не на систему, а на распорядительность командируемыхъ чиновниковъ...

Милліонъ терзаній пришлось пережить земскому союзу въ блестяще поставленномъ имъ и быстро развивавшемся дѣлѣ сбора, храненія и выдѣлки кожъ убитыхъ животныхъ для созданія обуви, въ которой такъ нуждалась русская армія...

Такую-же борьбу съ чиновниками Петрограда пришлось выдержать земцамъ изъ-за замѣны первоначальныхъ антихлоровыхъ масокъ универсальными противогазами «Зелинскаго — Кумандта»...

Неожиданныя вторженія власти Земскому Союзу приходилось терпѣть даже въ тѣхъ областяхъ, которыя, казалось, были предоставлены вполнѣ его вѣдѣнію. Такъ, напримѣръ, въ Ноябрѣ 1915 г., *капризный* и *самовластный* принцъ Ольденбургскій заявилъ князю Львову, что намѣренъ назначить въ земскіе поѣзда офицеровъ комендантовъ, чтобы подтянуть персоналъ, который не умѣетъ поддерживать строгую дисциплину среди больныхъ и раненыхъ солдатъ. Князь Львовъ возражалъ. Поѣзда Земскаго Союза дѣйствовали на основаніи соглашенія, подписаннаго начальникомъ генеральнаго штаба. Соглашеніемъ этимъ на земскій союзъ возлагалось оборудованіе, содержаніе и управленіе поѣздами до конца войны. Установленіе въ поѣздѣ двухъ властей — коменданта и завѣдующаго поѣздомъ врача — другъ отъ друга не только независящихъ, но и различныхъ по источнику своего назначенія, не можетъ не повести къ цѣлому ряду неизбѣжныхъ осложненій и недоразумѣній, которыя принесутъ дѣлу несомнѣнный вредъ. Началась длительная переписка. Раздраженный настойчивыми возраженіями своимъ «высочайшимъ повелѣніямъ» принцъ Ольденбургскій приказалъ отобрать поѣзда отъ земскаго союза и передать ихъ Обществу Краснаго Креста. Въ болѣе спокойную минуту приказъ этотъ былъ отмѣненъ. Но понемногу на земскихъ поѣздахъ стали все-же появляться военные коменданты. Начались конфликты. Персоналъ присылалъ прошенія объ отставкѣ. Положеніе дѣла грозило полнымъ его разрушеніемъ. Тогда главный комитетъ союза, исчерпавъ всѣ средства умиротворенія, вынужденъ былъ (въ Ноябрѣ 1916 г.) просить военное вѣдомство о пріемѣ въ свое полное завѣдываніе земскихъ поѣздовъ. До революціи однако передача эта не состоялась и поѣзда продолжали работать подъ руководствомъ Земскаго Союза.

Въ повѣсти преслѣдованій бюрократіей общественныхъ организацій нельзя обойти молчаніемъ трагикомическаго инцидента съ земгоровскими дружинами.

Отходъ русской арміи создалъ необходимость спѣшнаго возведенія въ тылу новаго расположенія войскъ сложной системы земляныхъ укрѣпленій. Военнымъ инженерамъ не удалось получить для этого достаточнаго контингента *добровольныхъ* рабочихъ. Съ населеніемъ, согнаннымъ *принудительно*,— дѣло также не пошло.

Какъ всегда въ безвыходныхъ положеніяхъ, на фронтѣ возникла мысль обратиться за помощью къ земскому и городскому союзамъ. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, земгоръ получилъ съ фронта въ началѣ Сентября оффиціальное предложеніе создать 80 инженерно - строительныхъ дружинъ по 1000 рабочихъ въ каждой. Сдѣланы были спѣшныя распоряженія о наборѣ по всей Россіи черезъ мѣстные земско-городскіе комитеты землекоповъ и плотниковъ. Въ Москвѣ началась лихорадочная подготовка, чтобы снабдить эту армію рабочихъ инструментами, теплымъ платьемъ и передвижными теплыми помѣщеніями. При всѣхъ комитетахъ открыта запись инженеровъ, техниковъ, хозяйственнаго персонала.

5-го Сентября положеніе и штатъ добровольныхъ дружинъ утверждены государемъ и стали закономъ.

Однако, извѣстіе о новомъ порученіи земгору въ правящихъ сферахъ произвело впечатлѣніе розорвавшейся бомбы.

— Какъ? у общественныхъ организацій будетъ свое войско, готовое, организованное, подъ начальствомъ земскихъ техниковъ и инженеровъ?!...

Сторонники новой мѣры успокаивали и убѣждали, доказывая, что, даже при наличности злой воли у общественныхъ организацій, ихъ «войско» въ 80 тысячъ человѣкъ, вооруженное топорами и лопатами, ничего не сможетъ сдѣлать въ тылу многомилліонной арміи... Все было напрасно. Комическая паника овладѣла высшей администраціей. 11-го Сентября земгоръ получилъ приказаніе изъ Петрограда немедленно прекратить наборъ рабочихъ и выслать, въ видѣ опыта, лишь одну дружину въ 1000 человѣкъ.

Пришлось ломать и ликвидировать большое дѣло, съ энтузіазмомъ начатое во всѣхъ углахъ Россіи.

Эти факты, которые теперь кажутся маловѣроятными, наглядно свидѣтельствуютъ о степени недовѣрія и страха, съ которыми высшая администрація относилась къ общественнымъ организаціямъ, и о той розни воззрѣній на нихъ на фронтѣ и въ Петроградѣ, которая проявлялась на каждомъ шагу ихъ дѣятельности.

Между тѣмъ первая дружина земгора приступила къ работѣ въ могилевской губерніи. 29 Сентября главный строитель укрѣпленій вмѣстѣ съ довѣреннымъ генераломъ, спеціально командированнымъ государемъ, осмотрѣли подробно производимыя дружиной работы, ознакомились съ хозяйственной постановкой дѣла и пришли въ такой восторгъ, что, послѣ доклада ихъ государю, рѣшено было вернуться къ первоначальнымъ предположеніямъ. Земгору предложено прислать немедленно еще шесть дружинъ. При этомъ однако сдѣлана была послѣдняя попытка обойтись безъ земгорскаго «войска»: комитетъ земствъ и городовъ долженъ былъ прислать своихъ инженеровъ и техниковъ, полное оборудованіе и снаряженіе шести дружинъ, *но безъ рабочихъ*; ему предстояло организовать дѣло при помощи мѣстныхъ рабочихъ, набранныхъ принудительно. Оказалось, однако, что невольные рабочіе, получая то же вознаграж-

деніе, работаютъ ровно *въ пять разъ* медленнѣе землекоповъ и плотниковъ, приглашенныхъ земцами по добровольному найму...

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ перипетіяхъ этой своеобразной борьбы общественныхъ организацій за право наилучшимъ образомъ помочь арміи, замѣтимъ, что мало-по-малу все пришло въ норму и, хотя во внутреннихъ округахъ Россіи администрація продолжала чинить земскому набору рабочихъ всевозможныя трудности, земгору удалось двинуть на фронтъ значительныя массы организованныхъ имъ рабочихъ.

14 Января 1916 года состоялось въ ставкѣ верховнаго главнокомандующаго совѣщаніе по вопросамъ продовольствія арміи. Между другими лицами присутствовали главноуполномоченные обоихъ союзовъ. На совѣщаніи этомъ «представители арміи отзывались князю Львову съ большою похвалою о дѣятельности инженерно-строительныхъ дружинъ земгора, заявляя, что эти дружины сумѣли не только выполнить всѣ предъявленныя имъ военными властями требованія, но и внесли рядъ въ высшей степени цѣнныхъ улучшеній въ дѣло производства работъ по возведенію и укрѣпленію позицій».

8.

Измѣненіе настроеній князя Львова ярко отражается въ выступленіяхъ его на съѣздахъ уполномоченныхъ земскаго союза. Впервые такой съѣздъ созванъ главнымъ комитетомъ 12 Марта 1915 г., то-есть черезъ 7 съ лишнимъ мѣсяцевъ послѣ начала войны. Собраніе носитъ совершенно мирный, дѣловой характеръ. Начинается оно благодарственнымъ молебномъ по случаю взятія Перемышля. Въ своей рѣчи князь Львовъ вспоминаетъ работу союза; въ словахъ его нѣтъ ни одного упрека бюрократіи, которая уже тогда допекала общественныя организаціи «въ порядкѣ придирокъ». Кричатъ «ура» въ честь государя, разсылаютъ вѣрноподданническія телеграммы представителямъ царской фамиліи, слышатся горячіе привѣты «нашей скромной, сѣрой, но доблестной арміи», совершающей свои подвиги «подъ водительствомъ славнаго былиннаго богатыря» — вел. кн. Николая Николаевича... По отношенію къ государю чувствуется даже нѣчто большее, чѣмъ обычный оффиціальный эвфемизмъ. И въ заключительномъ аккордѣ звучатъ радостныя слова: «При единеніи духовныхъ силъ страны, при единеніи царя съ народомъ Россіи ничего не страшно»...

Слѣдующій съѣздъ созванъ экстренно, по телеграфу, 5 Іюня, въ связи съ пораженіемъ и отступленіемъ нашей арміи. Настроенія, конечно, уже не тѣ. Армія оказалась безъ снарядовъ и вооруженія. Приходится «признать, что великое народное дѣло ведется не на тѣхъ началахъ, которыя обезпечиваютъ ему успѣхъ». — «Передъ нами во весь свой ростъ стала задача, непосильная однимъ правительственнымъ силамъ. Это національная задача, это національное дѣло, исполненіе котораго требуетъ напряженія всѣхъ народныхъ силъ». «Недовѣріе къ работѣ всероссійскаго земскаго союза не имѣетъ за собой никакого основанія. Мы можемъ сказать это искренно и открыто, оно только вноситъ разладъ въ дѣло, которое ведутъ лица, воодушевленныя высокимъ патріотическимъ чувствомъ»... «Какъ ни тяжелы тренія, создаваемыя недовѣріемъ», мы должны «не поддаваться разлагающему воздѣйствію недовѣрія, во имя чувства долга передъ родиной»... Передъ тѣмъ какъ браться вмѣстѣ съ городскимъ союзомъ и военно-промышленнымъ комитетомъ за новую грандіозную задачу снабженія арміи, земскіе представители должны сказать, что конечная поб-

да «обезпечивается только полнымъ напряженіемъ всѣхъ народныхъ силъ, *при полномъ взаимномъ довѣріи* правительственной власти и страны. Только оно, это безцѣнное взаимное довѣріе создаетъ несокрушимую силу единенія всѣхъ силъ и оно должно получить выраженіе не только передъ лицомъ Россіи, передъ лицомъ нашей многострадальной и доблестной арміи, но и передъ лицомъ всего міра, въ полномъ согласіи народа въ лицѣ Государственной Думы, какъ органа народнаго представительства, съ высшими органами государственнаго управленія»... И князь зоветъ земскихъ представителей выразить царю всеподданѣйшія чувства, общую увѣренность въ конечной побѣдѣ и молить монарха о немедленномъ созывѣ Государственной Думы.

Третій съѣздъ (7-9 Сентября 1915 г.) — особенно многолюдный — происходилъ уже во время бѣженскаго нашествія и полнаго развитія распри между земскимъ союзомъ и бюрократіей. Теперь князь Львовъ въ своемъ словѣ вынужденъ уже констатировать, что «столь желанное всей страной мощное сочетаніе правительственной дѣятельности съ общественной — *не состоялось*. Государственная Дума, послѣ двухъ мѣсяцевъ продуктивной работы, снова и неожиданно распущена. И нельзя не признать, что «перерывъ этотъ ослабляетъ дѣло обороны, ослабляетъ нашу армію». Три мѣсяца тому назадъ мы еще вѣрили въ возможность установленія на единой общей святой цѣли спасенія родины согласной, исполненной взаимнаго довѣрія, работы общественныхъ и правительственныхъ силъ». Теперь, мы ясно видимъ, что «сила привычки заставляетъ представителей власти цѣпляться за старыя формы». «Но новыя требованія сильнѣе привычекъ, и всѣ мы чувствуемъ, какъ жизнь ищетъ и находитъ новое русло для своего могучаго теченія»... «Мы уже сошли съ нашихъ позицій пассивно управляемыхъ»... «Отечество наше жаждетъ не только возстановленія мирной жизни, но и реорганизаціи ея»... Собраніе не осталось равнодушнымъ свидѣтелемъ этихъ еще не ясно выраженныхъ положеній. Только двое представителей Тульской губерніи уклонились отъ обсужденія «общихъ вопросовъ». Выступавшіе ораторы указывали на необходимость созданія правительства изъ общественныхъ дѣятелей, правительства, опирающагося на довѣріе страны и на законодательныя учрежденія. Всѣ считали необходимымъ довести до свѣдѣнія монарха объ истинномъ положеніи страны, о разладѣ между правительствомъ и обществомъ, о необходимости призванія къ власти людей, облеченныхъ довѣріемъ страны.

Въ резолюціи, принятой собраніемъ (при двухъ воздержавшихся тулякахъ), между прочимъ читаемъ: «Будучи убѣждены въ возможности полнаго одолѣнія врага, мы съ тревогой видимъ надвигающуюся опасность отъ гибельнаго разрушенія того внутренняго единства, которое было провозглашено въ самомъ началѣ войны съ высоты престола, какъ вѣрный залогъ побѣды. Опасность эта устранима лишь обновленіемъ власти, которая можетъ быть сильна только при условіи довѣрія страны и единенія съ законнымъ ея представительствомъ»....

Собраніе постановило послать къ государю депутацію съ изложеніемъ высказанныхъ мыслей. Съѣздъ городского союза присоединился къ этимъ предположеніямъ и выбралъ въ депутацію трехъ своихъ представителей. Во главѣ ея сталъ князь Львовъ. Депутація не была принята государемъ. Дума не была созвана. Слѣдующіе съѣзды земскихъ и городскихъ представителей, намѣченные на Декабрь 1915 г., запрещены администраціей. Разрывъ власти съ обществомъ вполнѣ опредѣлился.

Собраніе земскихъ уполномоченныхъ 12-14 Марта 1916 г. происходило уже въ довольно зловѣщей атмосферѣ.

— «Мы пережили, г. г., — говорилъ князь Львовъ, — за полгода, что не видѣлись съ вами, много огорченій во всѣхъ областяхъ нашей дѣятельности. Это было тяжелое полугодіе рѣшительнаго натиска власти на общественность. Они наносили свои удары въ забвеніи великаго дѣла побѣды и нравственнаго долга передъ родиной. Напомню вамъ наиболѣе крупные изъ нихъ. Отказъ въ пріемѣ избранной вами депутаціи, походъ на союзы по поводу отчетности, отнятіе дѣла попеченія о бѣженцахъ, запрещеніе созыва нашего собранія. Не буду останавливаться на безконечномъ рядѣ болѣе мелкихъ. Всѣ, кто работаютъ, знаютъ, что мелкіе толчки и уколы создаютъ атмосферу работы, и атмосфера, созданная ими для насъ, господа, для нашей работы, не можетъ быть названа иначе, какъ удушливой»... «Теперь, мы должны сказать, — фактъ разрушенія внутренняго единства страны на лицо. Власть не обновлена, постоянно смѣняющіеся новые люди у власти не измѣнили ея сущности. Напротивъ, они послѣдовательно другъ за другомъ только понижали ея достоинство. Отечество, дѣйствительно, въ опасности»... Мы не занимаемся политической борьбой. Наша политика творится самымъ фактомъ нашей работы, имѣющей государственное значеніе. Политику и политическую борьбу ведутъ противъ насъ тѣ, кто не занятъ дѣломъ спасенія родины, а спасеніемъ своихъ личныхъ позицій»... «Слава Богу, господа, отпаденіе отъ общей народной жизни, отъ общихъ народныхъ стремленій правительственной власти не мѣшаетъ небывалому единодушію въ ѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи»... Въ полномъ единеніи съ арміей и съ народными представителями, мы должны помнить, что и наша работа есть государственная работа не потому, что мы дѣлаемъ дѣло правительственной власти и ея учрежденій, а потому, что мы выковываемъ въ этой работѣ единство общественныхъ силъ и государственное могущество»...

На такомъ, сравнительно, спокойномъ констатированіи разрыва съ властью — дѣло не могло остановиться. «Удушливая атмосфера» сгущалась. Скоро она стала для работы — совершенно невыносимою. Этому особенно содѣйствовали удивительные пріемы управленія, которые сталъ примѣнять Протопоповъ — со дня своего назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Еще до него (7 Апрѣля 1916 г.) было признано «несвоевременнымъ разрѣшеніе съѣздовъ представителей всякихъ организацій». Князь Львовъ и Челноковъ рѣшительно протестовали: такое постановленіе мѣшало имъ продолжать работу на армію. Позднѣе вопросъ пересмотрѣнъ совѣтомъ министровъ и въ порядкѣ 87 ст. изданъ законъ, которымъ администраціи разрѣшено допускать съѣзды, «не смотря на обстоятельства военнаго времени». Подъ «съѣздами» предписано понимать собранія публичныя съ участіемъ лицъ, постороннихъ устраивающему учрежденію. Засѣданія комитетовъ изъ постоянныхъ, избранныхъ депутатовъ съ мѣстъ земскаго и городского союзовъ признаны собраніями *не* публичными. Но администраціи разрѣшено командировать своихъ представителей — какъ на собранія публичныя, такъ и на всякія засѣданія (даже закрытыя) общественныхъ организацій. Чинамъ администраціи вмѣнено въ обязанность прекращать *всякія* собранія, вышедшія изъ сферы своихъ непосредственныхъ задачъ. Мотивировались эти распоряженія такъ: въ виду наблюдавшихся эксцессовъ, «правительство вынуждено выработать нормы предупредительнаго характера, обезпечивающія не только свободную, но и вполнѣ соотвѣтствующую существующимъ законамъ правильную дѣятельность всероссійскаго земскаго и городского союзовъ и военно-промышленныхъ

комитетовъ, исходя при этомъ изъ соображеній о необходимости безусловнаго сохраненія высокоцѣнной спеціальной дѣятельности означенныхъ общественныхъ организацій и о назрѣвшей потребности охраненія ихъ отъ уклоненія въ сторону разрѣшенія ими не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію политическихъ задачъ, такъ какъ всякіе эксцессы политическаго свойства могли лишь стѣснять свободу спеціальной дѣятельности организацій».

Понятна буря протестовъ, вызванная столь «ласковыми» заботами: отнынѣ вся работа общественныхъ организацій подчинялась правительственному воздѣйствію и въ каждый данный моментъ могла быть застопорена подъ благовиднымъ предлогомъ. Но для суетливой и подозрительной политики Протопопова и этого оказалось мало. Ознакомившись съ настроеніями Москвы, министръ внутреннихъ дѣлъ откровенно повѣдалъ князю Львову: мнѣ извѣстно, что к.-д. имѣютъ планъ выкрасть царя изъ ставки, перевести въ Москву и заставить колѣнопреклоеннно присягнуть конституціи... Такія сплетни окружали предположенія общественныхъ дѣятелей о созывѣ земскаго и городского съѣздовъ на 9 Декабря 1916 г. Хотя по разъясненіямъ того же Протопопова, для созыва *своихъ* представителей союзы вовсе не нуждались въ разрѣшеніи, правительство рѣшило не допускать намѣченныхъ собраній. Это окончательно вывело изъ себя общественныхъ дѣятелей. Рѣшено созвать съѣзды явочнымъ порядкомъ и дать на нихъ рѣшительный бой правительству. Князь Львовъ, готовясь къ собранію, написалъ замѣчательное вступительное слово. Вотъ его полный текстъ, который, конечно, при старомъ режимѣ не могъ быть воспроизведенъ въ печати:

«Мы не видѣлись съ вами 9 мѣсяцевъ. Со времени послѣдняго собранія нашего 12 Марта измѣнились соотношенія государствъ, измѣнились соотношенія воюющихъ народовъ, произошли громадныя измѣненія въ ихъ духовной жизни, измѣнились отдаленные и близкіе историческіе горизонты; не измѣнилось *только наше правительство*. Его война съ общественными силами, сперва затаенная, затѣмъ открытая, ведется имъ внѣ всякаго соотвѣтствія съ міровыми событіями и внѣ зависимости отъ участи нашего государства. Пусть потомъ несчастія затопятъ нашу родину, пусть великая Россія станетъ данницею нѣмцевъ, *лишь бы имъ сохранить свое личное, старое благополучіе*. 15 мѣсяцевъ назадъ насъ не допустили сказать монарху искренняго слова предостереженія о надвигавшейся тогда грозной опасности гибельнаго разрушенія того внутренняго единства, которое было провозглашено въ самомъ началѣ войны съ высоты престола, какъ единственный вѣрный залогъ побѣды. Имъ было страшно слово правды, которое мы бережно, осторожно несли изъ глубины народнаго сердца къ престолу. Имъ было страшно соприкосновеніе царя съ народомъ. Они испугались насъ, поглощенныхъ высокопатріотической работой на спасеніе родины, до такой степени, что запретили намъ собираться и обдумывать наше патріотическое дѣло. Подъ видомъ заботъ о твердости царской власти они разрушаютъ самыя ея основы. Всѣ силы власти своей они направили на устраненіе общественныхъ силъ отъ великаго и сложнаго дѣла организаціи страны для побѣды, не выполняя сами самыхъ важныхъ и прямыхъ обязанностей въ этой области. Путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни они неустанно готовятъ почву для позорнаго мира; *и вотъ уже не въ предчувствіи грозной опасности, а въ состоявшемся полномъ разрывѣ идеала русскаго народа съ дѣйствительной жизнью*, мы должны теперь сказать имъ: «Вы злѣйшіе враги Россіи и престола; вы привели насъ къ пропасти, которая развернулась передъ Русскимъ царствомъ». Г. г. То, что мы хотѣли 15 мѣсяцевъ тому на-

задъ съ глаза на глазъ сказать вождю русскаго народа, теперь говоритъ въ одинъ голосъ громко вся Россія. По-истинѣ нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано. То,что мы говорили въ ту пору шопотомъ, на ухо, стало теперь общимъ крикомъ всего народа и перешло уже на улицу.

Но нужно ли теперь намъ повторять то, что кричатъ на улицахъ? Нужно ли оцѣнивать то, что уже оцѣнено всѣми? Нужно ли намъ называть имена тайныхъ волхвовъ и кудесниковъ нашего государственнаго управленія? Довольно... Каждому уже отмѣрено мѣрою народнаго суда по достоинству. Едва ли правильно останавливаться на чувствахъ *негодованія*, *презрѣнія*, *ненависти*. Не эти чувства укажутъ намъ путь спасенія. Оставимъ презрѣнное и ненавистное. Не будемъ растравлять ранъ души народной! Общее положеніе нашего отечества сознано теперь всѣми. Отечество въ опасности. Отъ Госуд. Совѣта и Госуд. Думы до послѣдней землянки всѣ чувствуютъ это одинаково. Всѣхъ охватила одна великая тревога за отечество. Высокое, святое чувство за родину-мать объединило всѣхъ, и въ немъ надо искать спасенія.

Что же намъ дѣлать! Отдадимъ себѣ отчетъ въ нашемъ собственномъ положеніи, въ нашихъ силахъ и въ нашемъ долгѣ передъ родиной въ *смертельный часъ ея бытія*. Оглянемся назадъ на пройденный нами путь, взглянемъ на нашу путеводную звѣзду. Не для борьбы съ правительствомъ позвали насъ къ государственнымъ дѣламъ, и надо быть справедливыми, г. г., къ самимъ себѣ. Русская общественность не потерялась передъ неожиданностью поставленныхъ передъ нею задачъ, не растерялась и передъ растерянностью и безсиліемъ власти. Я не собираюсь излагать передъ вами исторію роста нашей общественной, государственной работы отъ перваго робкаго милліона до милліарда рублей, покрывшаго сложной сѣтью общественныхъ организацій всѣ фронты и всю внутреннюю Россію. Вы лично прошли этотъ тяжелый путь государственнаго труда *подъ непрестаннымъ обстрѣломъ враждебной къ нашей работѣ власти*. Я хочу только указать вамъ на тотъ фактъ, что по мѣрѣ роста участія народныхъ силъ въ дѣлѣ спасенія родины росла и враждебность къ общественнымъ силамъ власти. Мы исполняли нашъ долгъ; все, что не одолѣвалъ сдѣлать старый аппаратъ государственной власти, дѣлали мы, общественныя силы. Но въ этомъ, все возрастающемъ ростѣ горячей общественной работы на міровомъ пожарѣ, въ этой организованной общественности власть видѣла и видитъ не радостное спасительное явленіе, а личную себѣ гибель, гибель старому строю управленія. — Какъ будто общественная работа, неразрывно связанная съ подвигами арміи на спасеніе родины, является борьбой за власть! Не о власти идетъ дѣло, а о судьбѣ родины, участи арміи и о путяхъ къ побѣдѣ. Они ведутъ борьбу за власть въ своихъ рукахъ,а мы—за цѣлость, величіе и честь Россіи. Страна совершенно равнодушна къ борьбѣ за власть и къ происходящимъ личнымъ перемѣнамъ. Она давно утратила вѣру въ возможность возстановленія нарушеннаго правительствомъ величаваго образа душевной цѣльности и согласія жизни государственной перемѣной лицъ. Страна жаждетъ полнаго обновленія и перемѣны самаго духа власти и пріемовъ управленія.

Куда же ведетъ насъ наша путевая звѣзда, нашъ долгъ, долгъ истинныхъ сыновъ родины? Когда историческая судьба призываетъ весь народъ къ государственной работѣ, а власть стала совершенно чуждой интересамъ народа, тогда отвѣтственность за судьбу родины долженъ принять на себя самъ народъ. Въ такія роковыя минуты нечего искать, на кого возложить отвѣтственность,

а надо принимать ее на самихъ себя. Къ отвѣтственности призывается сама душа народа. Удары судьбы всегда собирали народную душу, и она, только она одна и никто другой выводили всегда страны изъ опасности. Для спасенія отечества требуется совершеніе національнаго подвига. И какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что народъ совершитъ его? — Для здороваго государства нѣтъ безвыходныхъ положеній. Нужно только соотвѣтственное напряженіе энергіи, ума, воли и любви къ родинѣ. Когда сознаніе опасности проникаетъ въ душу народную, охватываетъ всѣхъ и каждаго, тогда выходъ изъ опасности находится. Развѣ мы задумывались въ моментъ объявленія войны, когда нѣмцы двинулись на нашу землю? Всѣмъ было ясно, что нужно дѣлать; и что было нужно, было сдѣлано, было достигнуто великое единеніе силъ, и нѣмцы остановлены. А послѣ великаго отступленія отъ Карпатъ къ болотамъ Полѣсья развѣ не было сдѣлано то, что казалось совершенно невозможнымъ? Развѣ армія не обезпечена теперь снарядами? — Такъ повелѣваетъ совѣсть поступить и теперь, когда мы переживаемъ *великое паденіе власти.* Мы уже пережили ту грозу, которую мы съ такимъ волненіемъ и трепетомъ ожидали 15 мѣсяцевъ тому назадъ, грозу отпаденія власти отъ жизни народной. Власть уже отдѣлилась отъ жизни страны, она не стоитъ во главѣ побѣднаго духа народнаго. Народъ ведетъ войну, напрягая свои силы безъ руководства власти. Власть бездѣйствуетъ, ея механизмъ не работаетъ, она вся поглощена борьбой съ народомъ. Старая государственная язва розни власти съ обществомъ покрыла собой, какъ проказой, всю страну, не пощадивъ и чертоговъ царскихъ, а страна и молитъ объ исцѣленіи и страдаетъ. Развѣ не сознаемъ мы, что надъ нами сбываются слова Евангелія: «Царство, раздѣлившееся въ самомъ себѣ, опустѣетъ»? Развѣ не чувствуемъ мы, что великое царство наше раздѣлилось само въ себѣ, что раздѣленіе это проходитъ снизу до верху и дошло до самого сердца, до самаго источника власти? — Въ такія минуты,г. г., нужны прежде всего самообладаніе и спокойствіе. Нужна *вѣра въ силы Россіи и мудрость народа.* Нужна ясная цѣль и опредѣленная воля къ ней. Мы взывали къ власти, мы указывали на пропасть, къ которой они ведутъ царство и царя. Теперь на самомъ краю пропасти, когда, можетъ быть, осталось нѣсколько мгновеній для спасенія, намъ остается только возвать къ самому народу, къ Государственной Думѣ, законно представляющей весь народъ русскій, и мы взываемъ къ ней. Душа народная скорбитъ смертельно и тоскуетъ, какъ въ смертныхъ мукахъ. Прислушайтесь къ нимъ, поймите ихъ, *не расходитесь* и найдите, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, пути спасенія родины! Будемъ всѣ на стражѣ тяжко раненаго властью нашего дорогого отечества и спасемъ его! Ибо никто уже спасти его не можетъ, кромѣ самого народа. Только высокій подъемъ духа народнаго, только національный подвигъ могутъ спасти наше погибающее отечество. Вдохнемъ же въ него новыя силы, подымемъ его на высоту духа, передъ которой не устоятъ никакія препятствія, откуда бы они ни шли, на нашемъ послѣднемъ пути къ конечной цѣли нашей, къ побѣдѣ надъ врагомъ и къ спасенію цѣлости, величія и чести родины! Оставьте дальнѣйшія попытки наладить совмѣстную работу съ настоящей властью! — онѣ обречены на неуспѣхъ, онѣ только отдаляютъ насъ отъ цѣли. Не предавайтесь иллюзіямъ! Отвернитесь отъ призраковъ! Власти нѣтъ, ибо въ дѣйствительности правительство не имѣетъ ея и не руководитъ страной. *Безотвѣтственное* не только передъ страной и Думой, но и передъ самимъ монархомъ, оно преступно стремится возложить на него всю отвѣтственность за управленіе, подвергая тѣмъ страну угрозѣ государственнаго переворота. Имъ нуженъ отвѣтственный монархъ, за которымъ

они прячутся, — странѣ нуженъ монархъ, охраняемый отвѣтственнымъ передъ страной и Думой правительствомъ. И да сбудутся слова Писанія: «Камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главой угла!»

Эта рѣчь никогда не была произнесена. Наканунѣ собранія стало извѣстнымъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не допуститъ съѣзда. Главный комитетъ совмѣстно съ ревизіонной и редакціонной комиссіями выработалъ проектъ резолюціи объ отношеніи земской Россіи къ современному политическому положенію. Рѣшено, по соглашенію съ руководителями городского союза, не подводить главноуполномоченныхъ подъ первые удары администраціи. Дѣлая попытки провести выработанныя политическія резолюціи, съѣзды должны были происходить подъ предсѣдательствомъ *помощниковъ* главноуполномоченныхъ. Въ часъ дня 9-го Декабря въ помѣщеніе счетно-контрольнаго отдѣла главнаго комитета начали прибывать земскіе уполномоченные. До открытія засѣданія помѣщеніе занято полиціей, не допустившей въ него часть депутатовъ. Во время составленія протокола, въ присутствіи князя Львова, большинство депутатовъ перебралось въ помѣщеніе главнаго комитета, гдѣ товарищъ главноуполномоченнаго С. Н. Масловъ открылъ «частное совѣщаніе» земскихъ уполномоченныхъ. Часть собравшихся протестовала и требовала оффиціальнаго собранія. Это предложеніе принято единогласно. Товарищъ главноуполномоченнаго Д. М. Щепкинъ прочелъ вчерашній проектъ политической резолюціи.

По опредѣленности и рѣзкости резолюція эта совершенно соотвѣтствовала приведеннымъ выше словамъ князя Львова. Она принята единогласно и безъ преній. Всѣ присутствовавшіе (ихъ оказалось 59 человѣкъ отъ 22 губерній, 2 областей и всѣхъ фронтовыхъ комитетовъ) ее подписали. Баронъ Меллеръ-Закомельскій указалъ на необходимость протестовать противъ «грубаго и противозаконнаго нарушенія работы представителей земствъ». Во время этой рѣчи прибылъ князь Львовъ, привѣтствуемый общими аплодисментами. Князь Львовъ благодарилъ присутствующихъ за то, что они, несмотря на «осадное положеніе», приступили къ занятіямъ. С. Н. Масловъ передалъ князю предсѣдательствованіе. Меллеръ-Закомельскій продолжалъ свою рѣчь. Вошедшая полиція потребовала очищенія зала. Князь Львовъ отвѣчалъ, что помѣщеніе принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ. Онъ просилъ указать, на основаніи какого письменнаго полномочія дѣйствуетъ представитель полиціи. Онъ услышалъ въ отвѣтъ:

— По личному приказу градоначальника г. Москвы, основанному на общемъ распоряженіи командующаго войсками московскаго военнаго округа.

Во время составленія протокола присутствующіе единодушными, долго несмолкавшими аплодисментами благодарили князя Львова «за всѣ понесенные имъ труды по работѣ на оборону и на помощь раненымъ». — Съ вами, князь, — кричатъ ему, — мы будемъ работать до конца!..

— Да здравствуетъ наша доблестная армія!—возглашаетъ В. К. Кузьминъ-Караваевъ.

Крики «ура»! и новые аплодисменты.

— Вѣрьте, мы побѣдимъ! — восклицаетъ князь Львовъ. Снова бурные аплодисменты.

Протоколъ составленъ. Присутствующіе медленно покидаютъ залъ.

9.

Вступительное слово, написанное княземъ Львовымъ для этого собранія, крайне характерно. Не смотря на размѣры, мы рѣшились его привести полностью. Оно переноситъ читателя въ ту раскаленную атмосферу, въ которой работала интеллигентная Россія въ концѣ 1916 года. Князь Львовъ, мирный изъм ирныхъ, всегда готовый на соглашеніе и совмѣстную дѣятельность съ правительствомъ, доведенъ, какъ видно, до «бѣлаго каленія». Нужно замѣтить, что, по общимъ отзывамъ (даже шпіоновъ, доносившихъ о каждомъ шагѣ союзовъ), оба предсѣдателя (и кн. Львовъ, и М. Н. Челноковъ) постоянно сдерживали и умиротворяли рвавшихся въ бой представителей съ мѣстъ. Но оставаясь во главѣ земскаго союза, уже нельзя было сохранить умѣренныхъ позицій. Городской союзъ выносилъ резолюціи еще болѣе рѣзкія. А между тѣмъ даже въ приведенныхъ словахъ Георгія Евгеніевича, казалось-бы, сказано *все* и идти дальше, какъ-будто,некуда. За два года «подъ непрестаннымъ обстрѣломъ враждебной къ общественной работѣ власти», князь Львовъ дошелъ до того, что заговорилъ о чувствахъ «негодованія, презрѣнія, ненависти». Насталъ «смертный часъ бытія родины»! Пора разстаться «съ иллюзіями»: «никакія соглашенія съ существующей властью — невозможны». Власть стала совершенно чуждой интересамъ народа; она сосредоточила всѣ силы на борьбу со страною. *Отвѣтственность за судьбу родины долженъ принять на себя самъ народъ*. Въ такія роковыя минуты нечего искать на кого возложить отвѣтственность, а надо принимать ее на самихъ себя...

Еще недавно земцы отдѣляли самодержавную бюрократію отъ царя, которому они хотѣли открыть глаза и спасти его отъ «плотнаго кольца» окруженія, «пользующагося всеобщимъ недовѣріемъ». Теперь, когда «государственная язва розни власти съ обществомъ не пощадила и чертоговъ царскихъ», князь Львовъ намекаетъ уже на возникшую угрозу *государственнаго переворота*...

Трудно предположить, чтобы такіе люди, какъ кн. Львовъ, не понимали роковой тяжести отвѣтственности, которую упорно желала нести на себѣ «безотвѣтственная» верховная власть. Отзывы князя въ интимной средѣ не оставляютъ сомнѣній: онъ давно уже видѣлъ въ государѣ «человѣка, который ночью черезъ лѣсъ идетъ къ пропасти» (отзывъ сторонняго наблюдателя — англійскаго посла Бьюкенена). Но убѣдить царя — то была послѣдняя надежда вырвать Россію мирнымъ путемъ изъ безвыходнаго (казалось) положенія. То были остатки внѣдренныхъ съ дѣтства монархическихъ принциповъ, обрывки подсознательныхъ славянофильскихъ вѣрованій въ единеніе царя и народа... Нельзя отрицать, конечно, и элементовъ *сознательной политики* въ этомъ постоянномъ стремленіи «открыть глаза монарха» на разруху, создаваемую его вѣрными слугами, или «бережно донести мысль народную» до человѣка, который не вѣрилъ «самозванымъ» посредникамъ... Какъ бы то ни было, открытая борьба противъ правительства была возможна лишь въ такой формѣ — искусственнаго выдѣленія царя, и этою условною формою долго всѣ пользовались.

Но постепенно произошло то, что можно назвать всенароднымъ паденіемъ престижа царской власти. Покойный государь, несомнѣнно, обладалъ нѣкоторыми личными достоинствами. Но это стало извѣстно позднѣе, въ эпоху его несчастій. Положеніе царя, говоря объективно, представляло совершенно исключительныя трудности. Но взвѣсить ихъ можетъ только добросовѣстный историкъ. Тѣ-же свойства несчастливаго монарха, которыя развертыва-

лись на виду у современниковъ, возбуждали въ нихъ чувства полной безнадежности и раздраженія. Даже охранныя отдѣленія въ своихъ донесеніяхъ, нынѣ опубликованныхъ, считали необходимымъ все чаще и чаще констатировать развитіе въ обществѣ антидинастическихъ чувствъ. Подчиненіе царя волевымъ наскокамъ истерической женщины, «нѣмки», не пользовавшейся ничьей симпатіей, но горячо имъ любимой; Распутинъ и его клика, у которыхъ императрица находилась въ плѣну; настойчивое проведеніе на высшія должности въ государствѣ людей ничтожныхъ и бездарныхъ, но сумѣвшихъ завоевать симпатіи «Нашего Друга» рабскимъ подчиненіемъ его прихотямъ, а часто просто даже деньгами... все это, раздутое до фантастическихъ предѣловъ сплетнями и слухами, разносилось по странѣ и способствовало паденію царскаго престижа. Тягости затянувшейся войны, дороговизна, недостаточный ростъ заработной платы, отсутствіе продуктовъ, пріостановка ряда предпріятій въ связи съ отсутствіемъ сырья, частая безработица квалифицированныхъ рабочихъ, разстройство транспорта, невѣроятное количество мобилизацій и реквизицій, милліоны людей, оторванныхъ отъ производительнаго труда и бездѣйствующихъ въ глубокомъ тылу арміи и т. д. и т. д. — становились непереносимыми, вызывали общее раздраженіе и ропотъ. А когда возникало и развивалось у активныхъ и патріотически настроенныхъ людей стремленіе бороться со всею этой разрухой, они наталкивались неизмѣнно на государственный аппаратъ, который былъ безсиленъ сдѣлать что-нибудь старыми, привычными ему средствами, но ревниво оберегалъ престижъ своей власти, опираясь на прерогативы монарха...

Любопытно заглянуть за кулисы режима — хотя-бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его къ общественнымъ организаціямъ и въ частности ко князю Львову.

Вотъ передъ нами совѣтъ министровъ въ тяжелые моменты галиційскаго отступленія. Во главѣ правительства — «государственный старецъ» Горемыкинъ. Большинство совѣта состоитъ изъ сравнительно либеральныхъ и разумныхъ сановниковъ. Они чувствуютъ себя безсильными вслѣдствіе узурпаціи ихъ власти военнымъ командованіемъ (тѣмъ болѣе, что великій князь Николай Николаевичъ, по ихъ мнѣнію, «въ плѣну» у «глупаго» Янушкевича, «въ карманѣ у него»)... Они не видятъ серьезной опоры въ государѣ, не желающемъ считаться съ ихъ представленіями; они вполнѣ понимаютъ недовѣріе къ нимъ общества... Словомъ, резюмируя пренія, С. Д. Сазоновъ справедливо констатируетъ: «правительство виситъ въ воздухѣ, не имѣя опоры ни съ низу, ни съ верху». И вотъ завѣдомо безсильные что-либо сдѣлать, они такъ отзываются о человѣкѣ, развивающемъ у нихъ на глазахъ огромную энергію: «А. В. Кривошеинъ и другіе министры поднимаютъ общій вопросъ о самоупраздненіи правительства со времени Особаго Совѣщанія по оборонѣ, всюду выдвигающаго общественныя организаціи; вездѣ выступаютъ общественные и иные дѣятели и земскій союзъ во главѣ съ княземъ Львовымъ. Сей князь фактически чуть-ли не предсѣдателемъ какого-то особаго правительства дѣлается, на фронтѣ только о немъ и говорятъ, онъ спаситель положенія, онъ снабжаетъ армію, кормитъ голодныхъ, лечитъ больныхъ, устраиваетъ парикмахерскія для солдатъ, словомъ — является какимъ то вездѣсущимъ Мюръ и Мерилизомъ. Но кто его окружаетъ, кто его сотрудники, кто его агенты — это никому неизвѣстно. Вся его работа внѣ контроля, хотя ему сыплютъ сотни милліоновъ казенныхъ денегъ. Надо съ этимъ или покончить или отдать ему въ руки всю власть. Безотвѣтственные распорядители отвѣтственными дѣлами и казенными

деньгами недопустимы. Если нельзя отнимать у Союза захваченное имъ до сихъ поръ, то во всякомъ случаѣ не надо расширять его функціи дальше...» (1)

Во времена позднѣйшія сама царица удручена популярностью земскаго и городского союзовъ. Она приказываетъ Штюрмеру и Протопопову опубликовать въ газетахъ количество казенныхъ денегъ, переданныхъ союзамъ, чтобы никто не думалъ, что они работаютъ на свои средства. «Она подчеркнула мнѣ (Протопопову) о необходимости упомянуть о непредставленіи еще союзомъ земствъ полнаго отчета въ деньгахъ, полученныхъ имъ изъ казначейства за японскую войну, и что за ними числится съ того времени 800 тысячъ рублей, въ которыхъ союзъ не отсчитался». Кто информировалъ несчастную царицу? Конечно, тѣ «здоровые, здравомыслящіе, преданные подданные» изъ «союза русскаго народа», о которыхъ пишетъ она мужу въ замѣчательномъ письмѣ отъ 13 Декабря 1916 г. — «Къ нимъ надо прислушиваться, ихъ голосъ, а не голосъ общества или Дума, есть голосъ Россіи»... Мы знаемъ, что друзья императрицы обманули ее: за всю японскую кампанію земскій союзъ не получилъ изъ казначейства ни одной копѣйки. (2) Рѣчь идетъ, очевидно, о тѣхъ спорныхъ остаткахъ отъ голодныхъ кампаній, о которыхъ говорили мы въ пятой главѣ нашей книги.

Протопоповъ заботливо принялъ къ исполненію волю императрицы, подтвержденную ему царемъ. Полученная изъ министерства справка, конечно, не соотвѣтствовала дѣйствительности (союзы получили изъ разныхъ источниковъ несравненно больше); о «деньгахъ, выданныхъ изъ казначейства за японскую кампанію» — справка, конечно, умалчивала. Но Протопоповъ, озабочиваясь поскорѣе исполнить царскую волю, призываетъ Гурлянда, который, со свойственнымъ ему талантомъ фабрикуетъ хлесткую газетную статейку; ее соглашаются напечатать только «Московскія Вѣдомости», «Земщина» и «Голосъ Руси». Получивъ вырѣзки, — разсказываетъ Протопоповъ, — царь и царица были довольны и не поняли, что замѣтка напечатана въ газетахъ почти безъ тиража»... (3)

Хлопоты Протопопова съ запрещеніемъ декабрьскаго съѣзда земскаго союза — въ письмахъ царицы отражаются такъ:... «Слава Богу, митинги въ Москвѣ прекращены, шесть разъ «Калининъ» (Протопоповъ) былъ до четырехъ утра у телефона, но кн. Львову удалось прочесть бумагу, прежде чѣмъ полиція ихъ нашла въ одномъ мѣстѣ. Ты видишь, Калининъ работаетъ хорошо, твердо и не флиртуетъ съ Думой, а только думаетъ о насъ»... (4) Въ письмахъ отъ 14 Декабря 1916 г. царица возвращается къ московскимъ событіямъ: «Я бы спокойно и съ чистою совѣстью передъ всей Россіей — пишетъ она, — отправила бы Львова въ Сибирь (это дѣлалось за гораздо менѣе серіозные проступки), отняла бы у Самарина его чинъ (онъ подписалъ эту бумагу въ Москвѣ), Милюкова, Гучкова и Поливанова также въ Сибирь (въ другихъ письмахъ она желаетъ «повѣсить Мелюкова и Гучкова»). Идетъ война, и въ такое время внутрен-

---

1) «Тяжелые дни» (секретныя засѣданія совѣта министровъ 16 іюля—2 сентября 1915 г.) А. Н. Яхонтова, пом. упр. дѣлами совѣта министровъ. Архивъ Русск. революціи, т. XVIII, стр. 128-129.

2) 50 тыс. рублей на зимнее устройство земскихъ отрядовъ отпущены не изъ казначейства, а ген. Куропаткинымъ. Въ нихъ своевременно представленъ полный отчетъ.

3) Паденіе царскаго режима, т. IV. Добавочныя показанія (письменныя) Протопопова.

4) Письмо императрицы къ мужу отъ 10 Декабря 1916 г.

няя война есть *государственная измѣна*, почему ты такъ на это не смотришь, я право не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой умъ говорятъ мнѣ, что это было бы спасеніемъ Россіи — ихъ грѣхъ гораздо хуже, чѣмъ все, что только могли сдѣлать *Сухомлиновы*. Запрети Брусилову и т. д., когда они пріѣдутъ, касаться какихъ нибудь политическихъ вопросовъ, онъ дуракъ, желающій *отв. министр.*, какъ пишетъ Георгій. Вспомни, что даже м-ье Филиппъ говорилъ, что нельзя давать конституцію, такъ какъ это было бы гибелью твоей и Россіи, и всѣ истинно русскіе говорятъ то же самое»...

— Да! старая государственная язва розни власти съ обществомъ «не пощадила и чертоговъ царскихъ»! «Этого нельзя уже было скрывать ни отъ себя ни отъ другихъ».

А тѣмъ временемъ охранники доносили своему начальству:

«Нѣтъ въ Петроградѣ въ настоящее время семьи такъ называемаго «интеллигентнаго обывателя», гдѣ «шопотомъ» не говорилось бы о томъ, что «скоро, навѣрно, прикончатъ того или иного изъ представителей правящей власти» и что «теперь такому-то безусловно не сдобровать» — характерный показатель того, что озлобленное настроеніе пострадавшаго отъ дороговизны обывателя требуетъ кровавыхъ гекатомбъ изъ труповъ министровъ, генераловъ и всѣхъ тѣхъ, кого общество и пресса величаетъ главными виновниками неудачъ на фронтѣ и неурядицъ въ тылу. Въ семьяхъ лицъ, мало-мальски затронутыхъ политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи опаснаго характера, затрагивающія даже священную особу Государя Императора и заставляющія вѣрить утвержденіямъ, что высокій порывъ монархическаго чувства, охватившій Россію въ Іюлѣ 1914 г., исчезъ, смѣнившись безумно быстрымъ ростомъ озлобленія не только противъ «правительства», но и противъ Государя и всей Царской Семьи: повсемѣстно и усиленно муссирующіеся слухи о «близкомъ дворцовомъ переворотѣ» какъ бы подтверждаютъ это и связываются доморощенными политиками въ одно цѣлое съ вопросомъ о... дѣятельности Государственной Думы» (1)...

Но что могла сдѣлать Дума? Общественныя организаціи, въ процессѣ работы и борьбы, объединившія вокругъ себя промышленниковъ, кооперацію, свободныя интеллигентскія профессіи, и мечтавшія о созданіи всероссійскихъ рабочаго и крестьянскаго союзовъ, — всячески поддерживали Думу и даже старались подтолкнуть и поощрить ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ (2).

Но *словами* и *резолюціями* ничего *рѣшительнаго* сдѣлать было нельзя:

---

1) Буржуазія наканунѣ февральской революціи. Гос. Изд., 1927 г. стр. 174.

2) См., напр., письмо кн. Львова къ Предсѣдателю Думы М. В. Родзянко отъ 29 Октября 1916 г. (Буржуазія наканунѣ февральской революціи, стр. 144-145): ссылаясь на «единодушное» постановленіе предсѣдателей губ. управъ, князь обѣщаетъ Думѣ въ ея рѣшительной борьбѣ «съ бездарнымъ правительствомъ полную поддержку земской Россіи». Въ письмѣ затронуты главнѣйшіе мотивы знаменитой рѣчи П. Н. Милюкова, произнесенной черезъ нѣсколько дней (1-го Ноября 1916 г.). Имя молодой императрицы оъ письмѣ не упоминается, но мы читаемъ въ немъ между прочимъ: «Мучительныя, страшныя подозрѣнія, зловѣщіе слухи о предательствѣ и измѣнѣ, о тайныхъ силахъ, работающихъ въ пользу Германіи и стремящихся, путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни, подготовить почву для позорнаго мира, перешли нынѣ въ ясное сознаніе, что вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ»...

въ министерской «чехардѣ» одни неудачливые бюрократы смѣнялись другими и все чаще въ назначеніяхъ на высшія государственныя должности чувствовалась рука императрицы и окружавшихъ ее «темныхъ силъ».

Она требуетъ отъ мужа: «Будь Петромъ Великимъ, Іоанномъ Грознымъ, императоромъ Павломъ — раздави ихъ всѣхъ подъ собой»... Онъ пишетъ ей: «у бѣднаго, стараго муженька нѣтъ воли» («poor old huzy with no will»)...

Но въ одномъ онъ твердъ и со свойственнымъ ему мистическимъ упорствомъ готовъ до конца поддерживать ее, что бы ни случилось: «Мы Богомъ возведены на престолъ», — пишетъ она 14-го Декабря 1916 г. — «и мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновеннымъ нашему Сыну — если ты будешь держать это въ памяти, ты не забудешь быть государемъ и насколько это легче для *Самодерж. Государя*, чѣмъ для того, который присягнулъ конституціи»...

При упорномъ столкновеніи двухъ столь разныхъ міровъ — общественности съ одной стороны, и верховной власти съ ея окруженіемъ и бюрократіей — съ другой, дѣло не могло ограничиться словами. Это понимали всѣ. Даже охранники въ цитированномъ уже донесеніи пишутъ: «Если рабочія массы пришли къ сознанію необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи — къ вѣрѣ въ спасительность политическихъ убійствъ и террора, то это въ достаточной мѣрѣ опредѣленно показываетъ оппозиціонность настроенія общества и жажду его найти тотъ или иной выходъ изъ создавшагося политически ненормальнаго положенія. А что положеніе это съ каждымъ днемъ становится все ненормальнѣе и напряженнѣе, и что ни массы населенія, ни руководители политическихъ партій не видятъ изъ него никакого естественнаго мирнаго выхода — говорить объ этомъ не приходится» (1).

10.

Политики прогрессивнаго блока боялись революціи. «Нашъ русскій бунтъ — безсмысленный и безпощадный» — пугалъ воображеніе. Въ особенности во время войны. Нѣкоторые изъ нихъ (даже кадеты) заявляли открыто: теперешнее правительство еще, быть можетъ, дотянетъ до побѣднаго конца; революція во время войны во всякомъ случаѣ повлечетъ за собою пораженіе и гибель. Но тактика либеральныхъ политиковъ, по необходимости, оставалась двойственной. Наблюдая сгущавшіяся въ странѣ тучи недовольства и озлобленія, они пытались разрѣдить настроенія словесной борьбой съ правительствомъ. Казалось необходимымъ во что бы то ни стало сохранить послѣдній авторитетъ — авторитетъ Государственной Думы. Дума должна была говорить, чтобы молчала улица. Но обозленная улица напирала. «Насъ толкаютъ, и мы должны двигаться... Если мы перестанемъ двигаться, насъ сомнутъ, прорвутъ, и толпа ринется на тотъ предметъ, который мы все же охраняемъ, бичуя, порицая, упрекая, но все же охраняемъ... Этотъ предметъ — власть»...

Такъ пишетъ правый представитель прогрессивнаго блока (В. В. Шульгинъ). Но часто сомнѣнія гложутъ его. — Что, мы сдерживаемъ или разжигаемъ?...

У лѣвыхъ блокистовъ другія заботы: — а что если царь такъ и не уступитъ

1) Тамъ-же, стр. 175.

передъ словеснымъ напоромъ Думы и не перестанетъ дразнить страну, отъ которой требуетъ все новыхъ жертвъ? Что будетъ послѣ войны, если даже удастся довести ее до благополучнаго конца? Бунтъ, въ которомъ захлебнется интеллигентская Россія со своими политическими чаяніями, или новый Столыпинъ, «сначала успокоеніе, потомъ реформы», бѣлый терроръ, «разбитое корыто»?

Положеніе становится все трагичнѣе.

Большинство Думы, не смотря ни на что, искало выхода въ уговариваніи «безумнаго шоффера» (1), въ «умѣренныхъ» нападкахъ на правительство, усиливаемыхъ лишь временами, подъ напоромъ страны.

Болѣе активные элементы болтали о дворцовомъ переворотѣ. Мало-помалу именно *этотъ* выходъ изъ трагическаго положенія пріобрѣталъ популярность среди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ. Дворцовый переворотъ сталъ многимъ казаться единственнымъ спасеніемъ отъ надвигавшейся революціи. О дворцовомъ переворотѣ говорили почти открыто — говорили великіе князья и великія княгини, военные генералы, моряки, статскіе предпріимчивые люди, масоны...

Сначала предметомъ этихъ разговоровъ служила императрица: «слабую волю» Николая II надо освободить отъ постояннаго воздѣйствія истеричной женщины, которая губитъ династію. При ней «ни министерство довѣрія», ни отвѣтственное министерство — неосуществимы. Предоставленный самому себѣ, свободный отъ вліянія царицы и ея темнаго окруженія, Николай II, быть можетъ, уступилъ-бы, окружилъ себя цвѣтомъ націи и положеніе было-бы выиграно...

Но при обсужденіи этихъ мечтаній обнаруживалась полная ихъ безпочвенность. Какіе практическіе пути существовали для изоляціи государя? Добровольно онъ, очевидно, не пошелъ-бы на разлуку. Да и царица ли только мѣшала осуществленію смѣны режима? За двадцать лѣтъ царствованія «безвольный царь» обнаружилъ въ вопросахъ личной власти столько капризнаго упрямства, связаннаго съ мистическими вѣрованіями, что надѣяться на мирныя, искреннія уступки — совершенно не представлялось возможнымъ. Такія размышленія приводили многихъ патріотически настроенныхъ монархистовъ къ убѣжденію, что спасти монархію и довести войну до побѣднаго конца — возможно лишь пожертвовавъ монархомъ. И разговоры о дворцовомъ переворотѣ, «безъ участія улицы», все чаще и чаще касались самого императора. Мечтали о *принужденіи* царя принять истинную конституцію и парламентаризмъ. Другіе видѣли выходъ только въ отреченіи отъ престола, въ царствованіи маленькаго Алексѣя при регентствѣ вел. князя Михаила Александровича.

Но почти все это сводилось къ разговорамъ. Практическіе пути осуществленія патріотическихъ мечтаній — въ громадномъ большинствѣ случаевъ предлагались совершенно фантастическіе, иногда — до невѣроятія глупые. И правъ былъ Николай II, знавшій о многихъ изъ этихъ разговоровъ: онъ относился къ нимъ со свойственнымъ ему фаталистическимъ хладнокровіемъ.

Принималъ ли кн. Львовъ какое-либо участіе въ этихъ «разговорахъ о заговорахъ»? Весьма вѣроятно. По этому поводу одинъ изъ ближайшихъ свидѣ-

1) См. басенку В. А. Маклакова въ № 221 «Русскихъ Вѣдомостей» за 1915 г.

телей политической и общественной дѣятельности кн. Львова — Н. И. Астровъ говоритъ: (1)

— «Опредѣленныхъ свѣдѣній по этому вопросу у меня нѣтъ, но нѣкоторыя данныя могли бы быть присоединены къ тому, что общеизвѣстно. Не подлежитъ сомнѣнію, что кн. Львовъ, бывшій въ то время въ самомъ центрѣ работы по организаціи помощи арміи, былъ въ курсѣ многаго, о чемъ велись секретные переговоры. Постоянно бывая въ Петроградѣ, по дѣламъ земскаго союза и земгора, онъ видѣлъ тамъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ лицъ изъ міра военнаго, политическаго, чиновнаго. Были у него связи и съ придворными сферами. По этому кн. Львовъ былъ живой связью между московскими кругами и петроградскими. Мало того, его искали, къ нему пріѣзжали съ разныхъ концовъ Россіи и за совѣтами, чего держаться на мѣстахъ, и за информаціей, наконецъ, подѣлиться, иногда самыми фантастическими, проектами и планами. Въ концѣ 1916 г. мысль о дворцовомъ переворотѣ стала, какъ бы, общимъ достояніемъ. Объ этомъ говорили всѣ, особенно тѣ, кто считалъ себя въ курсѣ политики. Эти мысли зарождались самопроизвольно. Для ихъ возникновенія вовсе не нужно было, чтобы кружокъ заговорщиковъ, если бы таковой былъ въ дѣйствительности, оказался болтливымъ. При болтливости нашихъ «дѣятелей», собиравшихся въ Художественномъ Кружкѣ въ Москвѣ, въ клубахъ Петрограда, наконецъ, при изумительной откровенности и безотвѣтственности въ разговорахъ, даже съ совершенно неизвѣстными лицами, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ по пути изъ Москвы въ Петроградъ и обратно, — мысль о неизбѣжности дворцоваго переворота стала общимъ достояніемъ. Безформенные, таинственные слухи и разговоры получали подтвержденіе въ сообщеніяхъ кн. Львова, привозимыхъ изъ Петрограда. Къ нему мы обращались за освѣдомленіемъ и разъясненіями. Въ этихъ случаяхъ онъ былъ уклончивъ, но не отрицалъ, что въ кругахъ Петрограда назрѣваетъ сознаніе неизбѣжности переворота. Однажды, кажется въ Декабрѣ 1916 г., на квартирѣ М. В. Челнокова происходило секретное совѣщаніе по дѣламъ союзовъ. На этомъ совѣщаніи было очень мало народу, были только по особымъ приглашеніямъ. Среди присутствовавшихъ былъ кн. Львовъ, Кишкинъ, кажется, Маклаковъ, я и еще можетъ быть кто-нибудь, кого не припомню. На этомъ совѣщаніи послѣ заявленія кн. Львова о томъ, что все сообщаемое имъ должно быть сохранено въ тайнѣ, онъ довольно подробно разсказалъ о настроеніяхъ Петрограда. По его словамъ, въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать дворцоваго переворота. Въ этомъ замыслѣ участвуютъ и военные круги, и великіе князья и политическіе дѣятели. Нужно быть готовымъ къ послѣдствіямъ. Въ очень туманныхъ выраженіяхъ было указано, что предполагается, повидимому, устранить Николая II и Александру Феодоровну. Торопливая рѣчь кн. Львова была не ясна. Уточнять ее было неловко, тѣмъ болѣе, что казалось, самъ Львовъ не знаетъ ничего точно, ибо самъ лишь поставленъ въ извѣстность о готовящемся. Поэтому, никто не спросилъ, кто же беретъ на себя осуществленіе самаго плана. Насъ не приглашали участвовать въ дѣйствіяхъ. Насъ лишь ставили въ извѣстность о предполагаемомъ и предупреждали, что нужно быть готовымъ къ послѣдствіямъ. Послѣ сообщенія кн. Львова кратко обмѣнялись мнѣніями о томъ, какъ переворотъ можетъ быть принятъ въ Москвѣ, въ арміи, въ народѣ, въ чьихъ рукахъ можетъ оказаться власть. Мнѣніе всѣхъ было, что кн. Львову не миновать стать во главѣ правительства. Всѣ эти разговоры носили очень бѣглый отрывочный характеръ. Кажется,

1) Въ письмѣ, которое онъ разрѣшилъ мнѣ опубликовать.

всѣ испытывали какое-то чувство неловкости. Кто-то собирается дѣлать что-то очень значительное, никто толкомъ не знаетъ, что затѣвается, а силою обстоятельствъ въ послѣдствія втягиваются всѣ и прежде всѣхъ кн. Львовъ. Разговоры какъ-то оборвались. Наспѣхъ сообщено было что-то по дѣламъ общимъ для обоихъ союзовъ. Эти сообщенія уже не интересовали собравшихся. Всѣ поторопились разъѣхаться. Къ этой темѣ никто больше не возвращался все изъ того же чувства неловкости.

«Я рѣшительно отрицаю правильность изложеннаго въ статьѣ С. Смирнова въ № 2537 «Послѣднихъ Новостей» отъ 22 Апрѣля 1928 г. «Къ исторіи одного заговора». Въ этой статьѣ говорится, что проектъ переворота исходилъ изъ среды земско-городскихъ дѣятелей. Утверждаю, что никакого проекта дворцоваго переворота у земскихъ и городскихъ дѣятелей не было. Были разговоры, самое большее зондированіе почвы. М. В. Челноковъ, имя котораго поминается въ числѣ заговорщиковъ, утверждаетъ, что это «абсолютная неправда». «Ни съ кѣмъ на подобную тему я даже не говорилъ,—пишетъ онъ мнѣ въ письмѣ отъ 30 Апрѣля 1928 г. Помню только разъ мы слушали «информацію» Георгія Евгеніевича Львова (и Вы тоже были) о петербургскихъ дѣлахъ. Онъ говорилъ о возможности дворцоваго переворота и со страхомъ сообщалъ, что о дворцовомъ переворотѣ въ С.П.-Б. говорятъ много, но нѣтъ никакихъ предположеній о томъ, что послѣдуетъ. При обмѣнѣ мнѣній указывалось, что Г. Е. Львову придется быть предсѣдателемъ. Дальше этого разговоръ не шелъ. Я же уже потому не могъ быть ни въ какомъ заговорѣ, что, взявъ на себя должность головы, считалъ, что долженъ отойти отъ партійной политики (потому и вышелъ изъ к.-д. фракціи), отказаться отъ какихъ бы то ни было самостоятельныхъ выступленій и дѣйствовать только по постановленіямъ Думы и, во всякомъ случаѣ — съ ея вѣдома. Не знаю, кому и для чего понадобилось сочинить такую исторію». Эти строки сами по себѣ характерны, къ тому же онѣ подтверждаютъ то, что сохранилось у меня въ памяти.

Въ другомъ письмѣ отъ 1. IX. 1929 г. М. В. Челноковъ положительно утверждаетъ, что къ дѣлу дворцоваго переворота кн. Львовъ никакого отношенія не имѣлъ. «Думаю, что и вообще объ этомъ никто серьезно не думалъ, а шла болтовня въ томъ направленіи, что хорошо бы, если бы кто-нибудь это устроилъ».

Эта весьма точная и взвѣшенная «справка» ближайшаго свидѣтеля работы Георгія Евгеніевича рѣшаетъ вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ, обозрѣвъ имѣющіеся по этому поводу матеріалы, къ даннымъ Н. И. Астрова и М. В. Челнокова, возможно прибавить только весьма немногія детали *изъ области достовѣрнаго и доказательнаго.*

Въ печать проникли изысканія и догадки, пытающіяся обрядить мирную фигуру князя Львова въ костюмъ кроваваго заговорщика. Никакихъ сколько нибудь серіозныхъ основаній для подобныхъ измышленій — не существуетъ.

Съ разбѣга острой борьбы съ правительствомъ кн. Львовъ могъ утерять значительную долю своихъ славянофильскихъ мечтаній о единеніи царя съ народомъ. По отношенію къ царицѣ онъ могъ чувствовать острое раздраженіе. Николай II могъ казаться ему съ патріотической точки зрѣнія — безнадежнымъ. Всѣ эти настроенія и мысли, подъ напоромъ мѣстныхъ представителей земскаго союза, вѣроятно, одолѣвали его все настойчивѣе. Кругомъ все чаще и громче звучали разговоры о переворотѣ. Князь Львовъ не могъ не прислушиваться къ нимъ и не волноваться вопросами о томъ, что будетъ на другой день послѣ переворота. Но нѣтъ историческихъ данныхъ, позволяющихъ приписывать князю Львову роль активнаго заговорщика.

Глава седьмая

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

1.

«Священное единеніе» съ правительствомъ закончилось. По мѣрѣ проникновенія въ публику слуховъ о весеннихъ неудачахъ въ Галиціи (съ Апрѣля 1915 г.) общимъ достояніемъ становилась мысль, что побѣдить врага съ реакціоннымъ и неумѣлымъ правительствомъ Николая II-го — нельзя. Подъ напоромъ общаго недовольства, проявлявшагося особенно въ Москвѣ, царь вынужденъ былъ сдѣлать уступки и пожертвовать наиболѣе махровыми министрами: Сухомлиновъ, Маклаковъ, Щегловитовъ — уволены. Но кабинетъ не былъ обновленъ полностью. Во главѣ его, по прежнему, оставался «государственный старецъ» Горемыкинъ, присутствіе котораго обезпечивало «сохраненіе устоевъ». «Рѣзвость» и лирическія отступленія нѣкоторыхъ болѣе либеральныхъ министровъ, при такомъ дядькѣ, были отнюдь не страшны для «сферъ». Къ тому-же будированіе касалось сначала лишь «двоевластія»: совѣтъ министровъ чувствовалъ себя безсильнымъ при исключительныхъ полномочіяхъ ставки и ворчалъ. Когда государь, подъ вліяніемъ Александры Феодоровны и Распутина, рѣшилъ стать во главѣ арміи, будировавшіе министры попробовали возражать противъ такого шага, не предвидя отъ него ничего хорошаго. За это они поплатились портфелями. Вліяніе государыни и Распутина — усилилось. «Министерская чехарда» стала снова принимать видъ не только полнаго пренебреженія къ общественному мнѣнію, но даже издѣвательства надъ нимъ.

Эти событія, естественно, питали недовольство. Воскресли съ новою силою мечты объ отвѣтственномъ министерствѣ. Сначала шли разговоры о «кабинетѣ обороны». Въ газетѣ П. П. Рябушинскаго «Утро Россіи» 13-го Августа 1915 г. даже появилось такое извѣстіе: «Сегодня въ думскихъ кулуарахъ циркулировалъ слѣдующій списокъ лицъ, проектируемыхъ думской оппозиціей въ составъ кабинета обороны: Премьеръ-министръ — М. В. Родзянко, министръ внутреннихъ дѣлъ — А. И. Гучковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — П. Н. Милюковъ, министръ финансовъ — А. И. Шингаревъ, путей сообщенія — Н. В. Некрасовъ, торговли и промышленности — А. И. Коноваловъ, главно-управляющій земледѣлія и землеустройства — А. В. Кривошеинъ, военный министръ — А. А. Поливановъ, морской министръ — Н. В. Савичъ, государственный контролеръ — И. Н. Ефремовъ, оберъ-прокуроръ Синода — В. Н. Львовъ, министръ юстиціи — В. А. Маклаковъ, министръ народнаго просвѣщенія — гр. П. Н. Игнатьевъ».

Въ то время шли уже усиленные переговоры о созданіи въ нѣдрахъ Государственной Думы оппозиціоннаго большинства, получившаго вслѣдъ затѣмъ наименованіе «прогрессивнаго блока». 25-го Августа опубликована декларація блока, собравшаго подъ свои знамена около 350 депутатовъ. Основнымъ пунктомъ программы этого большинства считалось «созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы».

Собственно кадеты, игравшіе руководящую роль въ блокѣ, попрежнему, требовали думскаго министерства и парламентаризма. Но вступая въ прогрессивный блокъ, они сдѣлали уступку и готовы были довольствоваться «министерствомъ довѣрія», то есть объединеннымъ кабинетомъ изъ общественныхъ дѣятелей и бюрократовъ, пользующихся довѣріемъ широкихъ круговъ. Къ тому-же надежды добиться парламентаризма почти не оставалось; а терминъ «*министерство довѣрія*» — самою своею неопредѣленностью представлялъ удобства для агитаціи и борьбы. На возраженія слѣва вожаки блока неизмѣнно отвѣчали: «требуйте и добивайтесь *кабинета довѣрія*: это легче. А когда такое завоеваніе будетъ сдѣлано, — силою вещей, министерство превратится въ парламентарное»...

Н. И. Астровъ въ письмѣ къ С. П. Мельгунову вспоминаетъ, какъ собравшіеся на квартирѣ кн. Долгорукова, съ карандашемъ въ рукахъ, намѣчали «министерство довѣрія». Такіе списки составлялись въ разныхъ кружкахъ въ Москвѣ и Петроградѣ. Они не были въ началѣ устойчивыми и мѣнялись въ зависимости отъ конъюнктуры дня. Сначала въ премьеры «кабинета обороны» намѣчался иногда А. И. Гучковъ. Кандидатура эта, однако, отпала: учитывалась непріемлемость ея въ «сферахъ». Намѣчали кандидатуру либеральнаго бюрократа А. В. Кривошеина (1). Ко времени образованія блока выдвигалось, какъ мы видѣли, имя М. В. Родзянко. О князѣ Львовѣ въ то время говорили мало. Онъ не пользовался большимъ престижемъ въ думскихъ кругахъ. О министерствѣ довѣрія болѣе всего говорили среди кадетовъ и кадетствующихъ, которые относились къ князю Георгію Евгеніевичу довольно прохладно. Но къ концу 1915 года дѣятельность земскаго союза и земгора получила такое развитіе, что популярность главы обѣихъ этихъ организацій — не могла остаться въ тѣни. Популярность эта необыкновенно быстро росла въ арміи. Оттуда она перешла въ тылъ и въ широкіе общественные круги. На фонѣ безсилія и растерянности правительства кипучая дѣятельность земскаго и городского союзовъ — казалась прямо волшебною. Немилость, ревнивые нападки правительства, препятствія, которыя оно ставило союзамъ, острая и все разроставшаяся вынужденная борьба по этому поводу — все содѣйствовало популярности союзовъ. Творцомъ главнѣйшихъ изъ нихъ, по справедливости, считался князь Г. Е. Львовъ. Къ концу 1915 года имя его пріобрѣло совершенно исключительное значеніе. Постепенно и незамѣтно само дѣло земскаго союза и земгора выдвинуло князя на первый планъ и возвело въ рангъ главы общественности. Когда впервые въ средѣ земцевъ и дѣятелей военно-промышленныхъ комитетовъ произнесено было его имя, какъ главы будущаго «министерства довѣрія», — Георгій Евгеніевичъ серьезно задумался. Онъ хорошо понималъ, какъ трудно угодить всѣмъ на такомъ посту и въ такое исключительное время. Въ случаѣ призыва къ власти ему пришлось-бы идти

1) С. П. Мельгуновъ. «На путяхъ къ дворцовому перевороту».

въ станъ враговъ и руками ихъ передѣлывать бюрократическій строй Россіи. Но съ другой стороны, князь не могъ не чувствовать въ себѣ громадныхъ силъ, которыя всегда, при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, вѣнчали его дѣятельность замѣчательнымъ, исключительнымъ успѣхомъ. Онъ зналъ хорошо силу своего вліянія на людей. И ему казалось, что оставшись съ глазу на глазъ со слабовольнымъ монархомъ, онъ сумѣетъ влiять на него и примирить со страной. Въ его глазахъ задача сводилась не столько къ техникѣ управленія, сколько къ тому, чтобы снять бюрократическое средостѣніе между царемъ и народомъ и дать возможность великимъ силамъ послѣдняго развиваться на свободѣ, великой мудрости народной выявить, наконецъ, себя и спасти Россію. Отказаться отъ такихъ перспективъ — казалось совершенно невозможнымъ. И онъ не сказалъ рѣшительнаго «нѣтъ» въ первый же разъ, когда былъ названъ. Къ тому-же все это казалось въ то время — еще столь неопредѣленнымъ и далекимъ...

Между тѣмъ идея отвѣтственнаго министерства росла и крѣпла. Во времена первой русской революціи вся интеллигенція подверглась гипнозу конституціонныхъ требованій: жить дольше при самодержавномъ строѣ и безъ парламента казалось совершенно невозможнымъ. Но за истекшее десятилѣтіе бюрократія съумѣла показать, что дѣло вовсе не исчерпывается выборомъ депутатовъ: функціи Государственной Думы постепенно сведены къ минимуму, который чрезвычайно осложнялъ законодательную машину государства, но оставлялъ реальную власть въ рукахъ «самодержца» и бюрократіи. Неудачи на фронтѣ, грозныя осложненія внутри страны, опасность катастрофическаго пораженія и гибели — снова до-нельзя обострили борьбу за власть. Очередною идеей этой новой борьбы стало *отвѣтственное министерство*. Вопросъ о формахъ, въ которыя должно было облечься будущее правительство, казался второстепеннымъ. Но сознаніе совершенной необходимости фактически прекратить *безотвѣтственную* игру судьбами страны — стало всеобщимъ. Къ концу 1915 г. именно *эта* идея, снова съ характеромъ и силою гипноза, начала овладѣвать умами интеллигенціи. «Выборами» «кабинета обороны», «министерства довѣрія», «парламентскаго министерства» или просто «министерства, отвѣтственнаго передъ Думою» — занялись рѣшительно всѣ. Всѣ «выбирали», конспиративно занося на бумажки имена будущихъ министровъ. Иногда такимъ «выборамъ» придавался quasi всенародный характеръ: скликались случайно бывшіе подъ руками члены всѣхъ (непремѣнно *всѣхъ*!) партій и съ серіознымъ видомъ «выбирали». Къ концу 1916 года эта задача осложнилась. Становилось яснымъ , что царь *добровольно* не пойдетъ на столь страстно ожидаемыя обществомъ уступки. Въ разныхъ слояхъ заговорили о переворотѣ. Но на случай дворцоваго переворота, необходимо было заранѣе подготовить конституціонную власть. При этомъ мало кто думалъ о революціи. Многимъ она казалась неизбѣжной въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Сейчасъ (до окончанія войны), революція считалась гибельной. Такимъ образомъ къ задачамъ «выбора» отвѣтственнаго министерства, съ теченіемъ времени, присоединилась новая забота: намѣтить и выбрать будущее правительство на случай переворота сверху...

Какъ происходили всѣ подобные «выборы», — отлично живописуетъ опубликованное С. П. Мельгуновымъ сообщеніе Е. Д. Кусковой.

— «6 Апрѣля 1916 г. (кажется, такъ)» — пишетъ почтенная корреспондентка — «долженъ былъ состояться въ Петербургѣ съѣздъ к.-д. партіи. А 5-го ко мнѣ позвонилъ рано утромъ N. Онъ просилъ позволенія немедленно пріѣ-

хать къ намъ. Это было часовъ въ 8 утра. Пріѣхалъ и заявилъ: «необходимо немедленно созвать собраніе изъ всѣхъ партій и намѣтить временное правительство. Я отвезу эти имена на съѣздъ и мы тамъ, въ секретныхъ засѣданіяхъ, подвергнемъ ихъ обсужденію». Сначала мы засмѣялись, думали, что онъ шутитъ и отвѣтили ему: «дорогой N.! сегодня вѣдь 5-ое, а не первое Апрѣля». Онъ на насъ прикрикнулъ и разсердился: «событія подвигаются съ быстротой необычайной, а вы»!... — Ну, что-же, почему не собрать лишнее собраніе? Къ двумъ часамъ дня я его по телефону собрала. Изъ эсдековъ были.... Изъ кадетовъ Кокошкинъ и..... Были кооператоры. Въ это время въ Москвѣ, проѣздомъ съ юга, былъ Лутугинъ. Къ моему глубокому изумленію, послѣ краткаго доклада N., публика нисколько не удивилась тому занятію, къ которому онъ ее приглашалъ. И съ самымъ серіознымъ видомъ занялась намѣчаніемъ именъ. Предсѣдателемъ совѣта министровъ намѣтили князя Львова. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Милюкова. Военнымъ Гучкова. Нѣкоторые настаивали на министрѣ иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ кн. Гр. Трубецкого. Юстиціи — Маклакова или Набокова. Земледѣлія —Шингарева. Просвѣщенія — Герасимова или Мануйлова. Торговли и промышленности — не помню. Что то помнится — не то Коноваловъ, не то Третьяковъ. Однимъ словомъ, кто-то изъ лицъ, связанныхъ съ военно-промышленнымъ комитетомъ. Долго завязли на министрѣ внутреннихъ дѣлъ и рѣшили, что это мѣсто займетъ кто-нибудь изъ земцевъ, ибо въ его распоряженіе въ первое время поступилъ бы весь наличный земскій аппаратъ. Такъ шло обсужденіе по линіи: кадеты и октябристы. Лѣвые энергично называли имена, какъ будто это дѣло ихъ касалось сбоку: никто изъ присутствующихъ не предполагалъ, что лѣвые могутъ занять министерскіе посты. Затѣмъ спохватился Сергѣй Николаевичъ (Прокоповичъ): а гдѣ же министръ труда? Въ это время шли вѣдь по всей Россіи стачки рабочихъ. Да и новое министерство труда было въ новой Россіи, конечно, необходимо. Послѣ краткаго обсужденія рѣшили, что этотъ постъ не можетъ занимать ни кадетъ, ни тѣмъ болѣе октябристъ. Его долженъ занять лѣвый. Единогласно «избрали» безпартійнаго радикала Лутугина... Этимъ дѣло и кончилось. Пріѣхавшій со съѣзда N. сообщилъ намъ, что и тамъ были намѣчены тѣ же имена. Варіація была лишь въ томъ, что на каждый постъ намѣчали не одно, а два, иногда три имени — въ зависимости отъ обстоятельствъ. Забыла упомянуть, что на постъ государственнаго секретаря былъ намѣченъ нами и Петербургомъ — Кокошкинъ. О Керенскомъ тогда никто и не вспомнилъ; повторяю, вращались въ предѣлахъ к.-д. и октябристовъ. Это было продолженіе борьбы думской за министерство общественныхъ дѣятелей. Предполагалось, конечно, что и это министерство будетъ намѣчено революціоннымъ путемъ. Но воображеніе не шло всетаки дальше к.д. и октябристовъ»...

Анализируя это картинное описаніе, С. П. Мельгуновъ приходитъ къ заключенію, что кое-что въ приведенномъ разсказѣ является «позднѣйшей наслойкой» въ памяти Е. Д. Кусковой. Ему кажется, что ни о какомъ «временномъ правительствѣ», создаваемомъ «революціоннымъ путемъ», въ эпоху, указанную Е. Д. Кусковой, не могло быть и рѣчи. Никто не готовился къ надвигавшейся революціи.

Какъ бы то ни было, происшествіе, разсказанное г-жей Кусковой, — типичная картинка тѣхъ «выборовъ» отвѣтственнаго министерства, которые производились въ 1916 году во всѣхъ сборищахъ интеллигентной Россіи. Такіе «выборы» имѣли, конечно, мѣсто и среди публики, собиравшейся время отъ времени конспиративно на квартирахъ А. И. Коновалова или П. П. Рябушин-

скаго. «Конспиративность» подобныхъ совѣщаній была весьма относительная. О нихъ зналъ въ тѣхъ или иныхъ варіаціяхъ Протопоповъ, зналъ премьеръ-министръ кн. Голицынъ, зналъ даже государь. Тихановичъ телеграфировалъ адмиралу Нилову (приближенному Николая II) для передачи царю разсказъ городского головы Астрахани, вернувшагося изъ Москвы въ Декабрѣ 1916 г.: «запрещенные съѣзды все же состоялись; состоялось также какое-то ночное совѣщаніе у Долгорукова, на которомъ говорилось о необходимости намѣтить временное правительство и будущихъ представителей власти на мѣстахъ».

На фронтѣ, въ арміи шли тѣ же разговоры. И пишущему эти строки не разъ приходилось слышать отъ офицеровъ о намѣченномъ составѣ «отвѣтственнаго кабинета». Но здѣсь интересовались главнымъ образомъ двумя должностями — премьера и военнаго министра: кандидатами на эти должности въ 1916 г. неизмѣнно называли князя Львова и Гучкова. П.Н. Милюковъ, въ своемъ сообщеніи передъ чрезвычайной комиссіей временнаго правительства, 7 Августа 1917 г. говорилъ между прочимъ: «Въ это время представители земскаго и городского союзовъ, военно-промышленнаго комитета и члены блока вступили другъ съ другомъ въ сношенія, на предметъ рѣшенія вопроса, что дѣлать, если произойдетъ какое-нибудь крушеніе, какой-нибудь переворотъ, какъ устроить, чтобы страна немедленно получила власть, которую ей нужно. Въ это время, въ этихъ предварительныхъ переговорахъ и было намѣчено то правительство, которое явилось въ результатѣ переворота 27 Февраля. Намѣченъ былъ, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, князь Львовъ, затѣмъ частью намѣчались и другіе участники кабинета. Тогда же,—я долженъ сказать,—было намѣчено регентство Михаила Александровича при наслѣдіи Алексѣя. Мы не имѣли представленія о томъ, какъ, въ какихъ формахъ произойдетъ возможная перемѣна, но на всякій случай мы намѣчали такую возможность» (1).

Никакихъ формальныхъ засѣданій, конечно, не было. В. В. Шульгинъ, членъ прогрессивнаго блока, вспоминаетъ, что неоднократно онъ пытался выяснить списокъ людей «облеченныхъ довѣріемъ» и потому предназначавшихся въ министры. Но ему отвѣчали, что «еще рано» (2).

Зналъ-ли самъ князь Львовъ обо всѣхъ этихъ «избраніяхъ» и разговорахъ?

Несомнѣнно. На нѣкоторыхъ собраніяхъ онъ даже присутствовалъ. Въ концѣ Ноября 1916 г. въ рукахъ Георгія Евгеніевича было постановленіе, подписанное 29 предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ и городскими головами, требовавшее образованія отвѣтственнаго министерства съ княземъ Львовымъ во главѣ.

Нароставшія настроенія захватывали. Съ самаго начала Георгій Евгеніевичъ, какъ мы видѣли, не уклонился отъ связанныхъ съ его именемъ общественныхъ чаяній. Съ теченіемъ времени, подробности этихъ чаяній (и даже существо ихъ) измѣнялись. Отъ возглавленія «министерства довѣрія», подлежавшаго призыву Николаемъ II-ымъ, они доходили до созданія парламентарнаго кабинета—въ случаѣ дворцоваго переворота и регентства великаго князя Михаила Александровича. Князь Львовъ уже не задумывался и не сопротивлялся. Въ эпоху эту онъ не разъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, говорилъ окружающимъ: «Я чувствую, что событія идутъ черезъ мою голову»...

Къ половинѣ 1916 г. онъ окончательно сдался. Часъ его насталъ. Онъ это зналъ. И уже не сомнѣваясь и не останавливаясь, пошелъ къ цѣли, выдвину-

---

1) Паденіе царскаго режима, т. VI.
2) «Дни», стр. 223.

той обществомъ. Думскіе заправилы еще колебались: многимъ изъ нихъ казалось логичнѣе добиваться настоящаго «парламентскаго» министерства съ Родзянко во главѣ. Но Дума въ безсильной словесной борьбѣ съ правительствомъ — все болѣе теряла свой престижъ. Она казалась слишкомъ умѣренной. Общество (особенно — московское общество) напирало. И скоро передовые элементы прогрессивнаго блока поняли, что *неизбѣжно* дать дорогу никѣмъ не коронованному, но общепризнанному главѣ общественности — князю Львову.

А онъ самъ, подталкиваемый со всѣхъ сторонъ общественнымъ возбужденіемъ, вынужденъ былъ забыть о всегдашней своей скромности. Есть слѣды того, что, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ даже форсировалъ событія, которыя неизбѣжно должны были привести его къ власти, — хотѣлъ-ли онъ этого, или нѣтъ...

Такое впечатлѣніе производитъ сообщенный нами выше текстъ рѣчи, подготовленный имъ для декабрьскаго съѣзда.

Онъ чувствовалъ и писалъ:

— Теперь уже не время говорить о томъ, на кого возложить отвѣтственность за судьбы Россіи... Надо принимать ее на себя. Народъ долженъ взять свое будущее въ собственныя руки...

Конечно, онъ отнюдь не подразумѣвалъ подъ этими словами надвигавшейся революціи. О ней онъ не думалъ. Судьбы Россіи рисовались ему только въ видѣ монархіи съ министерствомъ, отвѣтственнымъ передъ законно избраннымъ народнымъ представительствомъ.

2.

Переворотъ пришелъ раньше, чѣмъ ожидали профессіональные политики; совсѣмъ не такъ и не оттуда. Населеніе Петербурга въ концѣ Февраля начало безпорядки на почвѣ общей дороговизны жизни и въ частности недостатка хлѣба. Рабочіе (мѣстные и изъ окрестностей) энергично поддерживали движеніе. Часть гарнизона взбунтовалась. Остальныя войска очень скоро оказались ненадежными. Царь, находившійся съ 22-го Февраля въ ставкѣ, проявилъ на первыхъ порахъ нѣкоторую рѣшительность. Къ отчаяннымъ телеграммамъ Родзянко онъ отнесся вполнѣ пренебрежительно. Совѣтъ министровъ предлагалъ смѣну правительства и диктатуру вел. князя Михаила Александровича. То и другое Николай II отвергнулъ. Командующему петербургскимъ военнымъ округомъ «повелѣно» немедленно прекратить безпорядки. Въ Петербургъ двинутъ генералъ Ивановъ во главѣ отряда георгіевскихъ кавалеровъ. Съ фронтовъ ему въ помощь направлены самыя «надежныя» войска. Засѣданіе Государственной Думы отсрочены. Эти мѣры не имѣли успѣха. Въ Петербургѣ безпорядки развивались. Ружья перестали стрѣлять. Власти оказались безсильными. Двинутыя на Петроградъ войска быстро разлагались. Царскій поѣздъ, остановленный желѣзнодорожниками на станціи «Дно», долженъ былъ вернуться въ Псковъ. Главнокомандующіе фронтами, самъ генералъ Алексѣевъ совѣтовали царю пойти на уступки. Но было уже поздно. Крушеніе началось. Оно развивалось съ невѣроятной быстротой. У самодержавія не оказалось защитниковъ.

Среди непосредственныхъ причинъ революціи П. Н. Милюковъ въ своей «Исторіи» настойчиво указываетъ на пропаганду нѣмецкаго генеральнаго штаба, начавшуюся, по этой версіи, задолго до появленія въ Петроградѣ Ленина.

В. Б. Станкевичъ пишетъ: «Кто могъ предвидѣть выступленіе? Какъ разъ наканунѣ его было собраніе представителей лѣвыхъ партій, и большинству казалось, что движеніе идетъ на убыль и что правительство побѣдило. Съ какимъ лозунгомъ вышли солдаты? Они шли, повинуясь какому-то тайному голосу, и съ видимымъ равнодушіемъ и холодностью позволили потомъ навѣшивать на себя всевозможные лозунги. Кто велъ ихъ, когда они завоевывали Петроградъ, когда жгли Окружный Судъ? Не политическая мысль, не революціонный лозунгъ, не заговоръ и не бунтъ. А стихійное движеніе, сразу испепелившее всю старую власть безъ остатка».

Приводя такія слова, П. Н. Милюковъ прибавляетъ:

— «Это и вѣрно, и невѣрно. Вѣрно, какъ общая характеристика движенія 27 Февраля. Невѣрно, какъ отрицаніе всякой руководящей руки въ переворотѣ. Руководящая рука, несомнѣнно, была, только она исходила, очевидно, не отъ организованныхъ лѣвыхъ политическихъ партій» (1).

Каковы истинныя причины русской революціи? Углубляться въ этотъ вопросъ — мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности.

Быть можетъ, для характеристики самаго *переворота* умѣстно привести мнѣніе покойнаго В. Д. Набокова: «Основой происшедшаго былъ военный бунтъ, вспыхнувшій стихійно вслѣдствіе условій, созданныхъ тремя годами войны; въ этой основѣ лежало сѣмя будущей анархіи и гибели»...

Къ такой формулировкѣ вдумчиваго наблюдателя — мы хотѣли-бы прибавить, что бунтъ солдатъ, рабочихъ и обывателей Петрограда удался и смелъ въ пять дней старый режимъ потому, что власть давно уже основательно прогнила изнутри, потеряла всякій авторитетъ и сама чувствовала свое безсиліе.

Какъ бы то ни было, хаосъ и анархія надвигались быстро. Офицеровъ преслѣдовали и разоружали въ казармахъ и на улицахъ. По городу разыскивали и волокли въ Государственную Думу бывшихъ сановниковъ. Толпы солдатъ тѣснились въ Таврическомъ дворцѣ. Правительство спряталось. По улицамъ мчались автомобили подъ красными флагами, переполненные вооруженными солдатами и рабочими. Небольшіе партизанскіе отряды, руководимые иногда женщинами и молодыми дѣвушками, охотились на городовыхъ и разыскивали въ домахъ и на крышахъ протопоповскіе полицейскіе пулеметы. На улицахъ и площадяхъ трещали выстрѣлы. Жизнь высыпавшей на улицы толпы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каждую минуту подвергалась опасности... Вся эта необычная картина Петрограда отнюдь не производила грознаго или унылаго впечатлѣнія. Стояли морозные, яркіе, солнечные дни... Люди забывали объ опасности. Многія лица сіяли воодушевленіемъ, даже радостью... Толпы народа встрѣчали и провожали мчавшіеся автомобили одушевленными криками «ура»!..

Въ Таврическомъ дворцѣ въ это время стряпали новую власть. Въ первые дни революціи казалось, что единственнымъ источникомъ ея будетъ Государственная Дума. Получивъ декретъ о роспускѣ, она собралась въ частное совѣщаніе въ полуциркульномъ залѣ и, несмотря на страстные призывы лѣвыхъ — немедленно взять въ свои руки власть, ограничилась порученіемъ совѣту старѣйшинъ: избрать временный комитетъ членовъ Думы и опредѣлить дальнѣйшую роль Государственной Думы въ начавшихся событіяхъ. Къ тремъ часамъ дня 27 Февраля порученіе это было исполнено: временный комитетъ изъ 12 депутатовъ намѣченъ для возстановленія порядка и сношенія съ учреж-

---

1) П. Н. Милюковъ. Исторія второй русской революціи т. I, вып. 1, стр. 41.

деніями и лицами. Къ вечеру 27-го новое частное совѣщаніе утвердило *временный комитетъ Государственной Думы* и рѣшило взять власть, «выпавшую изъ рукъ правительства» (1).

А въ то же время и въ томъ же зданіи брала власть въ свои руки случайная группа вождей лѣвыхъ партій, стараясь изъ безформенной толпы, заливавшей Таврическій дворецъ, создать совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Собственно ни заправилы прогрессивнаго блока, ни тѣмъ менѣе вожди лѣвыхъ партій — не собирались брать на себя отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Но не претендуя на непосредственную власть, никто не желалъ уступить ее полностью. Комитетъ Гсударств. Думы озаботился созданіемъ *временнаго правительства*; вожаки совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ приготовились, въ случаѣ соглашенія на программѣ и лицахъ, вести свою линію и «поддерживать новую власть лишь постольку — поскольку»...

Временный думскій комитетъ, намѣчая новое правительство, обратился къ спискамъ людей, «облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ». Князя Львова не было въ Петроградѣ и ему посланъ былъ въ Москву телеграфный вызовъ. Несмотря на желѣзнодорожныя затрудненія, онъ явился немедленно.

Пробравшись на квартиру члена Госуд. Совѣта, вліятельнаго земца Меллера-Закомельскаго, князь могъ оттуда разобраться въ положеніи.

Онъ зналъ, на что его зовутъ. Но какая разница съ тѣмъ, на что онъ шелъ самъ ранѣе и къ чему готовился!...

Теперь онъ стоялъ передъ «бездонной пропастью внезапнаго провала власти». Отъ него ждали прежде всего введенія въ естественное русло разбушевавшейся революціонной стихіи, возсозданія власти на новыхъ началахъ... И когда? Во время всѣхъ тягостныхъ осложненій, разрухи, озлобленія, порожденныхъ трехлѣтней войною!

Революція до окончанія войны казалась гибелью Россіи. Эта гибель теперь надвигалась. Почему *онъ* долженъ брать на себя за нее отвѣтственность? Перспективы сомнительной власти не притягивали. Ничьихъ интересовъ, никакихъ партійныхъ доктринъ онъ не собирался защищать. Онъ зналъ, что не можетъ прекратить войну и мало пригоденъ для того, чтобы стрѣлять въ народъ, если-бы даже нашлись для того стрѣляющіе пулеметы...

Не лучше-ли было уклониться отъ отвѣтственности? Предоставить другимъ искать выхода изъ безвыходнаго положенія? Остаться на той высотѣ, на которую вознесла его судьба и съ тѣмъ ореоломъ, который завоевалъ онъ трехлѣтней, сверхчеловѣческой работой?...

Соблазнъ былъ великъ.

Но онъ вспомнилъ свои мысли и слова за все послѣднее время.. Не онъ-ли проповѣдывалъ, что прошло время искать, на кого возложить отвѣтственность? Что насталъ часъ «брать отвѣтственность на себя»? Не онъ-ли училъ, что «путь къ побѣдѣ идетъ черезъ новыя великія напряженія, новыя испытанія патріотизма и любви къ Россіи?» Не онъ-ли звалъ къ «дѣйствительному патріотизму»? Всю жизнь онъ утверждалъ, что «отсутствующіе всегда не правы», что работать можно всегда и со всякими людьми, что во всякое положеніе каждый можетъ и долженъ внести хоть *что-нибудь*.

«Родина-Мать» — на краю гибели... И неужели въ этотъ часъ онъ усумнится въ «глубокой мудрости» русскаго народа, въ божественныхъ началахъ, «живущихъ въ его душѣ», — въ его доброжелательствѣ, миротворчествѣ, смирен-

---

1) П. Н. Милюковъ. Исторія, стр. 43.

ствѣ? Боязливо отойти въ сторону? Умыть руки?... Но «хватить-ли совѣсти»? (1)

И подъ вечеръ перваго марта онъ пробрался въ Таврическій дворецъ.

Сколько разъ впослѣдствіи къ нему обращались близкіе люди съ грустнымъ вопросомъ, зачѣмъ онъ не уклонился тогда? Георгій Евгеніевичъ, при своей сдержанности и скромности, не могъ отвѣчать правдивымъ изображеніемъ своего тогдашняго душевнаго состоянія.

— *Я не могъ* не пойти туда — неизмѣнно говорилъ онъ, потупившись. И глубокія складки появлялись у него на лбу...

3.

Набоковъ рисуетъ такую картину, представшую передъ нимъ второго Марта: «Внутренность Таврическаго дворца сразу поражала своимъ необычнымъ видомъ. Солдаты, солдаты, солдаты, съ усталыми, тупыми, рѣдко съ добрыми или радостными лицами; всюду слѣды импровизированнаго лагеря, соръ, солома; воздухъ густой, стоитъ какой то сплошной туманъ, пахнетъ солдатскими сапогами, сукномъ, потомъ; откуда-то слышатся истерическіе голоса ораторовъ, митингующихъ въ Екатерининскомъ залѣ, — вездѣ давка и суетливая растерянность. Уже ходили по рукамъ «листки со спискомъ временнаго правительства»...

Еще наканунѣ (то есть 1-го Марта), среди страшнаго хаоса и почти полной прострацiи переутомленныхъ членовъ временнаго думскаго комитета, у всѣхъ созрѣла мысль, что такъ дальше нельзя: надо создать правительство. Съ этимъ возгласомъ между прочимъ обрушился на П. Н. Милюкова В. В. Шульгинъ. Ходившіе по рукамъ еще задолго до революціи списки людей,«общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ» — правому депутату почему-то извѣстны не были. И вотъ среди невѣроятнаго кавардака надвигавшихся со всѣхъ сторонъ событій П. Н. Милюковъ, сохранявшій неизмѣнно присутствіе духа и ясность мысли, принялся составлять списокъ будущихъ министровъ — при содѣйствіи тѣхъ членовъ временнаго думскаго комитета, которые были еще въ состояніи говорить и мыслить. На сцену появился, конечно, тотъ списокъ, который ранѣе фигурировалъ и негласно былъ утвержденъ прогрессивнымъ блокомъ. Но не отсталъ-ли онъ самымъ безнадежнымъ образомъ отъ жизни? Во всякомъ случаѣ неизбѣжны были хотя нѣкоторыя поправки. Участіе въ кабинетѣ лѣвыхъ (не входившихъ вообще въ прогрессивный блокъ) казалось теперь совершенно необходимымъ. Но Чхеидзе (предсѣдатель исполнительнаго комитета совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ) самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонился. А. Ф. Керенскій не послѣдовалъ его примѣру. Съ перваго дня революціи Керенскій проявилъ кипучую дѣятельность. Среди рабочихъ и солдатъ имя его пользовалось популярностью. Сразу онъ «нашелъ себя» въ революціи: зарядился своебразнымъ революціоннымъ паѳосомъ, проявилъ столь рѣдкое среди русской интеллигенціи умѣнье приказывать, необычайный подъемъ духа. Его слушались безпрекословно. И скоро стало для всѣхъ очевиднымъ, что никакое правительство безъ него невозможно. Состоя товарищемъ предсѣдателя исполнительнаго комитета, онъ не могъ сразу дать окончательнаго отвѣта: лѣвые вожаки совѣта провели постановленіе о неучастіи во власти. Но путемъ героическаго выступленія въ совѣтѣ, А. Ф. Керенскому удалось

1) Одно изъ любимыхъ выраженій Георгія Евгеніевича.

преодолѣть саботажъ соціалистовъ: совѣтская масса одобрила съ энтузіазмомъ вступленіе его въ кабинетъ. И принявъ постъ министра юстиціи въ будущемъ временномъ правительствѣ, онъ, оставаясь товарищемъ предсѣдателя исполнительнаго комитета совѣта с. и р. д., сталъ связующимъ элементомъ между властью и ея критиками.

Въ остальномъ списокъ, составленный когда-то, подвергся немногимъ измѣненіямъ.

Кандидатура кн. Львова въ премьеры и министры внутреннихъ дѣлъ — не встрѣтила возраженій. Давно уже онъ возглавлялъ *всѣ* списки.

Правый Шульгинъ, разсказывая, какъ князь Львовъ «непререкаемо въѣхалъ въ милюковскомъ спискѣ на пьедесталъ премьера», — говоритъ:

— «А кого мы, не-кадеты, могли бы предложить? Родзянко?

— «Я бы лично стоялъ за Родзянко, онъ, можетъ быть, надѣлалъ бы неуклюжестей, но, по крайней мѣрѣ, онъ не боялся и декламировалъ «Родину-Матушку» отъ сердца и такимъ зычнымъ голосомъ, что полки каждый разъ кричали за нимъ «ура»... Можетъ быть именно Родзянко скорѣе другихъ способенъ былъ съ ними («лѣвыми») бороться... А впрочемъ — нѣтъ, Родзянко могъ-бы бороться, если бы у него было два-три совершенно надежныхъ полка. А такъ какъ въ этой проклятой кашѣ у насъ не было и трехъ человѣкъ надежныхъ, то Родзянко ничего бы не сдѣлалъ. И это было совершенно ясно хотя бы потому, что, когда объ этомъ заикались, всѣ немедленно кричали, что Родзянку «не позволятъ лѣвые»... Въ ихъ рукахъ все же была кой-какая сила, хоть и въ полуанархическомъ состояніи... У нихъ были штыки, которые они могли натравить на насъ. И вотъ эти, «относительно владѣющіе штыками»,соглашались на кн. Львова... Родзянко же былъ для нихъ только «помѣщикъ», чью землю надо прежде всего отнять».... (I).

Вечеромъ того-же перваго Марта шли безконечныя пререканія съ представителями совѣта с. и р. депутатовъ. Обсуждалась программа будущаго правительства, составленная лѣвыми, и воззваніе къ солдатамъ и населенію о томъ, чтобы прекратить анархію, самовольные обыски, грабежи и враждебные выпады солдатъ противъ офицеровъ. Въ предъявленной лѣвыми программѣ правительству пришлось согласиться и на пунктъ 7-ой, гласившій: «Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи»...

На другой день (второго Марта) въ 3 часа дня П. Н. Милюковъ произнесъ рѣчь о вновь образовавшемся правительствѣ. Онъ говорилъ передъ грандіозной толпою, наполнявшею Екатерининскій залъ Таврическаго дворца. Въ общемъ ораторъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ и вынесенъ, по окончаніи, на рукахъ. Но не обошлось дѣло и безъ протестовъ.

— Кто васъ выбралъ? — кричали ему.

— Насъ выбрала русская революція,—отвѣчалъ онъ,—но мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободно избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія...

При словахъ оратора: «во главѣ мы поставили человѣка, имя котораго означаетъ *организованную русскую общественность*, такъ непримиримо преслѣдовавшуюся старымъ правительствомъ», — тѣ же протестующіе голоса дважды прерывали рѣчь криками: *цензовую*. Они услышали въ отвѣтъ: «да,

1) «Дни», стр. 224 - 225.

но единственно-организованную, которая дастъ потомъ возможность организоваться и другимъ слоямъ русской общественности».

О судьбѣ династіи П. Н. Милюковъ мужественно и опредѣленно высказалъ свое мнѣніе.

— Я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ. Но я скажу его. Старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. Власть перейдетъ къ регенту, вел. кн. Михаилу Александровичу. Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй (шумъ, крики: «это старая династія!») — Да, господа, это старая династія, которую, можетъ быть, не любите вы, и, можетъ-быть , не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто что любитъ. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ разрѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы представляемъ его себѣ, какъ парламентарную и конституціонную монархію. Быть можетъ, другіе представляютъ иначе. Но если мы будемъ спорить объ этомъ сейчасъ, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить вопросъ, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ. Этого сдѣлать мы не имѣемъ права. Но какъ только пройдетъ опасность и возстановится прочный миръ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшитъ, кто вѣрнѣе выразилъ общее мнѣніе Россіи, мы или наши противники».

Около вопроса о формѣ правленія и о судьбѣ династіи сейчасъ-же зашевелился конфликтъ. П. Н. Милюковъ излагаетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Къ концу дня волненіе, вызванное сообщеніемъ о регентствѣ в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось. Поздно вечеромъ въ зданіе Таврическаго дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденныхъ офицеровъ, которые заявляли, что не могутъ вернуться къ своимъ частямъ, если П. Н. Милюковъ не откажется отъ своихъ словъ. Не желая связывать другихъ членовъ правительства, П. Н. Милюковъ далъ требуемое заявленіе въ той формѣ, что «его слова о временномъ регентствѣ в. к. Михаила Александровича и о наслѣдованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ». Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопросъ этотъ считался рѣшеннымъ сообща въ томъ именно смыслѣ, какъ это излагалъ П. Н. Милюковъ. Но,напуганный нароставшей волной возбужденія,временный комитетъ молчаливо отрекся отъ прежняго мнѣнія» (1).

Двоевластіе давало себя знать съ самаго начала революціи. Оно возникло и росло фатально. Росла и анархія, приводившая въ отчаяніе одинаково оба комитета — думскій и совѣтскій.

В. В. Шульгинъ рисуетъ такую картину:

— Ночью съ перваго на второе Марта идетъ безконечный споръ между представителями совѣта с. и р. депутатовъ и членами временнаго думскаго комитета. Обсуждается вопросъ о выборномъ началѣ въ арміи. Всѣми одолѣвала уже почти полная прострація. Одинъ П. Н. Милюковъ продолжалъ еще, со свойственнымъ ему упорствомъ, доказывать совѣтскимъ депутатамъ, что выборнаго офицерства нѣтъ нигдѣ и оно невозможно...

---

1) П. Н. Милюковъ. Исторія второй русской революціи, т. I, выпускъ 1-ый, стр. 51-52.

Шульгинъ подошелъ къ Чхеидзе и, наклонившись надъ распростертой въ креслѣ маленькой фигуркой, спросилъ шопотомъ.

— «Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что выборное офицерство — это хорошо?

«Онъ поднялъ на меня совершенно усталые глаза, поворочалъ бѣлками, и шопотомъ-же отвѣтилъ со своимъ кавказскимъ акцентомъ, который придавалъ странную выразительность тому, что онъ сказалъ:

— «И вообще все пропало... Чтобы спасти... чтобы спасти — надо чудо... Можетъ быть, выборное офицерство будетъ чудо... Можетъ, не будетъ... Надо пробовать... хуже не будетъ... Потому что я вамъ говорю: все пропало»...

Такъ думалъ глава совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ уже на третій день революціи.

4.

Государь находился во Псковѣ. Намѣренія его оставались неясными. Позднѣе стало извѣстно, что 28 Февраля на взбунтовавшійся Петроградъ двинуты двѣ «вѣрныя» бригады — одна съ сѣвернаго фронта, другая — съ западнаго. По дорогѣ онѣ взбунтовались и отказались слѣдовать дальше. Во главѣ ихъ поставленъ ген.-адъютантъ Ивановъ съ отрядомъ изъ двухъ батальоновъ георгіевскихъ кавалеровъ, составлявшихъ личную охрану царя. Въ Гатчинѣ взбунтовались и георгіевскіе кавалеры (1).

Всѣ главнокомандующіе фронтами и ген. Алексѣевъ склонялись къ тому, что единственный выходъ — отреченіе царя отъ престола. Во второмъ часу дня второго Марта это мнѣніе доложено царю. Выхода не было. Отреченіе въ пользу сына состоялось. Къ тремъ часамъ послѣдовала перемѣна: Николай II отказывалъ престолъ вел. кн. Михаилу Александровичу.

Въ Псковъ ожидался Родзянко.

Но предсѣдатель Думы докладывалъ временному комитету: — Я долженъ былъ сегодня утромъ ѣхать къ государю. Но меня не пустили... «*Они*» объявили мнѣ, что не пустятъ поѣзда, и требовали, чтобы я ѣхалъ съ Чхеидзе и батальономъ солдатъ...

Въ Псковъ тайкомъ отъ совѣта с. и р. депутатовъ выѣхали на разсвѣтѣ второго Марта А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ.

Царь принялъ ихъ второго Марта поздно вечеромъ (2).

По внѣшнему виду онъ остался совершенно безстрастенъ. Соглашаясь на отреченіе, онъ выразилъ твердое намѣреніе передать корону не сыну, а вел. кн. Михаилу Александровичу; депутаты не рѣшились протестовать. По предложенію В. В. Шульгина, манифестъ объ отреченіи помѣченъ датой «2 Марта, 15 часовъ» — для приданія ему характера полной добровольности.

Послѣ подписанія манифеста, депутаты Государственной Думы заговорили о назначеніи верховнаго главнокомандующаго и предсѣдателя совѣта министровъ. Это не вызвало возраженій.

1) Есть указанія, что подходящій моментъ для дѣятельности командированныхъ войскъ былъ упущенъ вслѣдствіе нерѣшительности царя.

2) Подробности отреченія опубликованы В. В. Шульгинымъ въ его книгѣ «Дни» и сообщены А. И. Гучковымъ въ показаніяхъ передъ чрезвычайной слѣдственной комиссіей временнаго правительства («Паденіе ц. режима», т. VI).

— «Я ясно помню», — разсказываетъ Шульгинъ, — «какъ государь написалъ при насъ указъ Правительствующему Сенату о назначеніи предсѣдателя совѣта министровъ...

— «Это государь писалъ у другого столика и спросилъ: — «Кого вы думаете?

— «Мы сказали: — князя Львова...

«Государь сказалъ, какъ-то особой интонаціей, — я не могу этого передать:

— «Ахъ, — Львовъ? Хорошо — Львова...

«Онъ написалъ и подписалъ...

«Время, по моей-же просьбѣ, было поставлено для дѣйствительности акта двумя часами раньше отреченія, т.-е. 13 часовъ».

Назначеніе это во всѣхъ отношеніяхъ запоздало. Хотя ночью со второго на третье Марта свѣдѣнія объ отреченіи переданы по телеграфу въ Петроградъ, но мы знаемъ, что Временное Правительство сформировалось перваго и второго и въ три часа дня второго Марта П. Н. Милюковъ заявилъ толпѣ, заполнявшій Екатерининскій залъ Таврическаго дворца, что оглашаемый имъ составъ новаго кабинета «*выбранъ русской революціей*».

Такимъ образомъ, согласіе князя Г. Е. Львова на занятіе постовъ предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ — дано *ранѣе* указа государя и *внѣ связи съ нимъ* (1).

Первое серіозное испытаніе на новомъ посту князю пришлось перенести уже третьяго Марта, утромъ.

Въ три часа ночи въ Таврическомъ дворцѣ стало извѣстно рѣшеніе Николая II-го. Родзянко и князь Львовъ бросились въ военное министерство къ прямому проводу, чтобы узнать, тотчасъ по расшифрованіи, точный текстъ и выяснить возможность его измѣненія.

Великій князь находился въ Петроградѣ, въ квартирѣ кн. Путятина (на Милліонной, въ домѣ подъ No 12). Онъ немедленно извѣщенъ, что правительство просить принять его черезъ нѣсколько часовъ. Раннимъ утромъ состоялось бурное совѣщаніе правительства и Временнаго Комитета Государственной Думы. Спорили о томъ, что совѣтовать великому князю. Милюковъ одинъ отстаивалъ его воцареніе. Всѣ остальные не видѣли для этого никакой возможности. Некрасовъ уже успѣлъ набросать проектъ отреченія. Для князя Львова — выбора не было. Принятіе короны великимъ княземъ — означало рѣзкія разногласія, быть можетъ, убійства и гражданскую войну. Жажда мира и согласія требовала во всякомъ случаѣ отстрочки. Рѣшено изложить великому князю оба мнѣнія и предоставить рѣшеніе ему самому.

Около полудня великій князь принялъ Временное Правительство и комитетъ Государственной Думы. Во время преній вернулись изъ Пскова Гучковъ и Шульгинъ. Родзянко и кн. Львовъ мотивировали необходимость и неизбѣжность отреченія. Послѣ нихъ развилъ свое мнѣніе въ двухъ рѣчахъ Милюковъ. Онъ говорилъ о томъ (2), «что сильная власть, необходимая для укрѣпленія новаго порядка, нуждается въ опорѣ привычнаго для массъ символа власти;

---

1) Указъ Правит. Сенату: «Князю Георгію Евгеніевичу Львову повелѣваемъ быть предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Николай. Министръ Императорскаго Двора генералъ-адьютантъ графъ Фредериксъ. Городъ Псковъ. 2 марта 1917 г. 14 часовъ».

2) Пользуемся передачей самого П. Н. Милюкова (см. «Исторію», т. I, вып. I, стр. 54).

Временное Правительство одно, безъ монарха, является «утлой ладьей», которая можетъ утонуть въ океанѣ народныхъ волненій; странѣ при этихъ условіяхъ можетъ грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше, чѣмъ соберется учредительное собраніе; Временное Правительство одно до него не доживетъ... Хотя и правы утверждающіе, что принятіе власти грозитъ рискомъ для личной безопасности великаго князя и самихъ министровъ, но на рискъ этотъ надо идти въ интересахъ родины, ибо только такимъ образомъ можетъ быть снята съ даннаго состава лицъ отвѣтственность за будущее. Къ тому же внѣ Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты великаго князя»...

Мнѣніе это раздѣлялъ одинъ Гучковъ.

Обѣ стороны обѣщали ни въ какомъ случаѣ не оказывать противодѣйствія правительству, но считали возможнымъ оставаться въ немъ лишь при согласіи великаго князя именно съ ихъ мнѣніемъ.

Послѣ размышленія, великій князь заявилъ:

— При этихъ условіяхъ не могу принять престола, потому что...

Онъ не договорилъ, потому что... заплакалъ (1).

Вопросъ былъ конченъ.

Написаніемъ акта отреченія озаботился князь Львовъ.

Для этого онъ вызвалъ на Милліонную Набокова, который со своей стороны пригласилъ себѣ въ помощь бар. Б. Э. Нольде. Составленный проектъ подписанъ великимъ княземъ послѣ внесенія незначительныхъ поправокъ.

Кто былъ правъ въ разгорѣвшемся спорѣ?

Объективные факты свидѣтельствуютъ, что въ распоряженіи династіи не было вооруженной силы.

Даже Шульгинъ, жаждавшій пулеметовъ, чтобы бороться съ заливавшими Таврическій дворецъ толпами, призналъ, что нужныхъ пулеметовъ нѣтъ или они готовы стрѣлять лишь совсѣмъ въ иномъ направленіи. Великому князю онъ сказалъ:

— «Обращаю вниманіе вашего высочества на то, что тѣ, кто должны были быть вашей опорой въ случаѣ принятія престола, то есть почти всѣ члены новаго правительства, этой опоры вамъ не оказали... Можно ли опереться на другихъ? Если нѣтъ, то у меня не хватаетъ мужества при этихъ условіяхъ совѣтывать вашему высочеству принять престолъ»...

Черезъ годъ, уже послѣ большевистскаго переворота, Набоковъ — другъ, сподвижникъ и (въ то время) единомышленникъ П. Н. Милюкова, — спрашивалъ себя: «не было - ли больше шансовъ на благополучный исходъ, если бы Михаилъ Алекандровичъ принялъ корону тогда изъ рукъ царя»?

Тщательно взвѣшивая обстоятельства, онъ склоняется къ выводу, что «если бы принятіе Михаиломъ престола было возможно, оно оказалось бы благодѣтельнымъ или, по крайней мѣрѣ, дающимъ надежду на благополучный исходъ»...

— «Но все это», — разсуждаетъ онъ, — «къ сожалѣнію, только одна сторона дѣла. Для того, чтобы она была рѣшающей, необходимъ былъ рядъ условій, которыхъ на лицо не было. Принявъ престолъ изъ рукъ Николая, Михаилъ

1) В. В. Шульгинъ. «Дни», стр. 302-303.

сразу имѣлъ бы противъ себя тѣ силы, которыя въ первые же дни революціи выступили на первый планъ и захотѣли овладѣть положеніемъ, войдя въ ближайшій контактъ съ войсками Петербургскаго гарнизона. Эти возставшія войска къ тому времени (3 Марта) уже были отравлены. Реальной опоры они не представляли. Несомнѣнно, для укрѣпленія Михаила потребовались бы очень рѣшительныя дѣйствія, не останавливающіяся передъ кровопролитіемъ, передъ арестомъ исполнительнаго комитета совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, передъ провозглашеніемъ, въ случаѣ попытокъ сопротивленія, осаднаго положенія. Черезъ недѣлю, вѣроятно, все вошло бы въ надлежащія рамки. Но для этой недѣли надо было располагать реальными силами, на которыя можно бы было безоглядно разсчитывать и безусловно опереться. Такихъ силъ не было. И самъ по себѣ Михаилъ былъ человѣкомъ, мало или совсѣмъ неподходившимъ къ той трудной, отвѣтственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть. Онъ не обладалъ ни популярностью въ глазахъ массъ, ни репутаціей умственно выдающагося человѣка» (1)...

5.

Временное правительство приступило къ занятіямъ немедленно. Кончая шестымъ Марта, засѣданія происходили въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ залѣ совѣта. Съ седьмого Марта они перенесены въ Маріинскій дворецъ. Въ началѣ засѣданія носили хаотическій характеръ. Много времени брали всякія мелочи. Засѣданія назначались два раза въ день — въ четыре часа и въ девять. Министры сильно запаздывали. Заканчивали дневное засѣданіе въ восьмомъ часу, вечернее — поздно ночью. Обычно вторая часть послѣдняго была закрытой (уходила канцелярія). Дѣлопроизводство взялся наладить В. Д. Набоковъ. Черезъ совѣтъ министровъ проходило ежедневно безчисленное количество дѣлъ. Открытыя засѣданія представляли мало общаго интереса. Министры приходили до послѣдней степени утомленные своей вѣдомственной работой. Выслушивая доклады по мелкимъ спеціальнымъ вопросамъ, министры часто полу-дремали. Оживленныя и страстныя рѣчи начинались только въ закрытыхъ засѣданіяхъ... (2)

— «Когда теперь, болѣе года спустя,» пишетъ Набоковъ, — «я мысленно хочу вновь пережить первые два мѣсяца существованія врем. правительства, въ моемъ воспоминаніи возникаетъ довольно хаотическая картина. Припоминаются отдѣльные эпизоды, бурныя столкновенія, возникавшія иногда совершенно неожиданно, безконечныя пренія, затягивавшія засѣданія порою до глубокой ночи. Припоминается ежедневная лихорадочная работа, начинавшаяся съ утра и прерывавшаяся только завтракомъ и обѣдомъ... Припоминаются безпрестанные телефоны, ежедневные посѣтители, почти полная невозможность сосредоточиться. И припоминается основное настроеніе: все переживаемое представлялось *нереальнымъ*. Не вѣрилось, чтобы намъ удалось выполнить двѣ основныя задачи: продолженіе войны и благополучное доведеніе страны до Учредительнаго Собранія»....

«Князь Львовъ, — пишетъ Набоковъ, — былъ осаждаемъ буквально съ утра до вечера. Безпрерывно несся потокъ срочныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ

---

1) В. Д. Набоковъ. Архивъ р. революціи, т. I.
2) Эти подробности заимствуемъ изъ воспоминаній Набокова.

Россіи съ требованіями указаній, разъясненій, немедленнаго осуществленія безотлагательныхъ мѣръ. Къ Львову обращались по всевозможнымъ поводамъ, серьезнымъ и пустымъ, — какъ къ главѣ правительства и какъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, — безпрерывно вызывали его по телефону, пріѣзжали къ нему въ министерство и въ Маріинскій дворецъ. Первоначально я пытался установить часъ для ежедневнаго своего доклада и полученія всѣхъ нужныхъ указаній, но очень скоро убѣдился, что эти попытки совершенно тщетны, а въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ удавалось осуществлять, онѣ оказывались и совершенно безполезными. Никогда не случалось получить отъ него твердаго, опредѣленнаго рѣшенія — скорѣе всего онъ склоненъ бывалъ согласиться».

Картины — знакомыя по двухлѣтней работѣ въ Земскомъ Союзѣ... Но душевное состояніе князя *теперь* было уже далеко не то...

Въ первые дни Марта, среди сутолоки и анархіи, объявшихъ Таврическій дворецъ, Набоковъ встрѣтился мимоходомъ съ княземъ Львовымъ и былъ «пораженъ мрачнымъ, унылымъ видомъ и усталымъ выраженіемъ глазъ» человѣка, котораго грандіозныя событія революціи вознесли на первое мѣсто въ государствѣ...

Тотъ-же наблюдатель отмѣчаетъ, однако, что въ ближайшіе дни, когда началась практическая работа временнаго правительства, «князь Львовъ внѣшне преобразился, загорѣлся какой-то лихорадочной энергіей, какой-то вѣрой въ возможность устроить Россію»... Эти настроенія смѣнялись, обычнымъ для князя, спокойнымъ, увѣреннымъ, безграничнымъ оптимизмомъ: все наладится, все образуется—не нужно только спѣшить съ надуманными интеллигентскими рѣшеніями; великой мудрости народной надо предоставить свободно и по-своему опредѣлить судьбу Россіи...

Но съ теченіемъ времени все чаще приходили минуты отчаянія, чувство обреченности, и со стороны казалось, что князь «только для внѣшности продолжаетъ играть ту роль, которая — помимо всякаго съ его стороны желанія и стремленія — выпала на его долю»... (1)

Послѣ паденія временнаго правительства — у враговъ его справа и слѣва — принято говорить, что съ именемъ князя Львова соединена была «легенда» о замѣчательныхъ организаторскихъ его способностяхъ, — легенда, до основанія разрушенная, будто-бы, его нерѣшительностью, сентиментальнымъ безволіемъ, безхарактерностью, бездѣятельностью въ дни революціи. Даже Набоковъ говоритъ: «онъ сидѣлъ на козлахъ, но даже не пробовалъ собрать возжи»...

Для долголѣтнихъ сотрудниковъ князя Львова такія обвиненія, если они справедливы, кажутся, на первый взглядъ, совершенно непонятными.

— «Если-бы двадцать лѣтъ тому назадъ,» — пишетъ одинъ наблюдательный человѣкъ, знавшій Георгія Евгеніевича съ дѣтства (2), — «кто-нибудь назвалъ при мнѣ кн. Львова сентиментальнымъ, безвольнымъ человѣкомъ, отъ природы лишеннымъ чутья дѣйствительности и органически неспособнымъ принять какое-либо рѣшеніе, я подумалъ бы, что человѣкъ этотъ либо никогда не видалъ Львова, либо вообще слѣпъ отъ природы. Сохранившійся въ моей памяти обликъ кн. Львова носилъ совершенно противоположныя черты. Это былъ человѣкъ сильнаго характера, твердой воли, быстрыхъ рѣшеній, человѣкъ, созданный для управленія, обладавшій крупнымъ административнымъ талантомъ и необыкновеннымъ даромъ обращенія съ людьми»...

---

1) Набоковъ, ц. с.
2) В. В. Татариновъ.

Каждое слово этой удачной характеристики можетъ быть подтверждено полностью исторіей жизни князя Львова.

Какъ же объяснить отзывы людей, наблюдавшихъ вблизи дѣятельность князя во временномъ правительствѣ?

Организаціонные таланты князя Львова — внѣ сомнѣнія. Конечно, онъ одинъ въ цѣлой Россіи былъ въ силахъ создать и развить тѣ грандіозныя общественныя организаціи, которыя прославили имя его во время великой войны. «Легенда» на этотъ разъ совершенно соотвѣтствовала дѣйствительности. Но кн. Львовъ обладалъ организаторскими способностями весьма своеобразными, какъ нельзя лучше подошедшими къ свободному творчеству общественныхъ организацій, но мало пригодными для обузданія разбушевавшихся революціонныхъ и партійныхъ страстей.

Мы уже пытались характеризовать своеобразные пріемы организаторской дѣятельности князя Львова. Резюмируемъ наши выводы еще разъ.

Въ области практической работы онъ умѣлъ чутьемъ нащупать назрѣвавшую задачу, намѣтить для выполненія ея подходящаго человѣка, поставить передъ нимъ это заданіе въ самыхъ общихъ чертахъ, дать полную свободу въ осуществленіи, всячески поощрять свободную иниціативу... Организаціонныя *формы* его не интересовали. Единообразія, заранѣе надуманныхъ схемъ онъ не только не добивался, но даже боялся, какъ чего-то искусственнаго, нежелательнаго. Онъ чувствовалъ себя совершенно свободно среди разнообразія экспромптнаго творчества сотрудниковъ, которое принимало подчасъ почти хаотическія формы. Онъ умѣлъ, на ходу дѣла, со стороны, сказать въ помощь всегда умное и вѣское слово. Его деликатное общее руководство необычайно возбуждало энергію, самодѣятельность, иниціативу сотрудниковъ. У него не было равнаго въ умѣніи привлечь къ дѣлу обильныя средства. И, наконецъ, однимъ изъ главныхъ его талантовъ являлось умѣніе внести миръ и единеніе въ среду своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ.

Какіе изъ этихъ талантовъ могли служить ему во временномъ правительствѣ?

Онъ попалъ въ водоворотъ политической борьбы, интеллигентскаго партійнаго доктринерства, нараставшихъ аппетитовъ взбудораженныхъ массъ, трусливыхъ опасеній потерять среди нихъ вліяніе, безудержной демагогіи, анархическихъ вспышекъ...

Утомленная страна не хотѣла продолжать войны, значенія которой она не понимала. И это — не смотря на патріотическіе выкрики доморощенныхъ демагоговъ изъ примазавшихся къ арміи элементовъ.

А между тѣмъ «ни одинъ мудрецъ ни тогда, ни позже не нашелъ бы способа закончить ее безъ колоссальнаго ущерба — моральнаго и матеріальнаго — для Россіи» (1).

Въ такой обстановкѣ временное правительство должно было спѣшно творить новыя *формы* жизни Россіи, творить новую Россію.

Въ сущности князь Львовъ, помимо непригодныхъ для временнаго правительства организаторскихъ талантовъ, несъ съ собою только природный свой здравый смыслъ, свой умъ, свою любовь къ родинѣ, желаніе успокоить разбушевавшіяся страсти, объединить и примирить товарищей по работѣ.

Но даже и эта, столь привычная для него, миротворческая дѣятельность протекала теперь въ совершенно новыхъ условіяхъ: она требовала примиренія

1) Набоковъ, ц. с.

не людей (на что онъ былъ такимъ мастеромъ), *а партійныхъ взглядовъ* и страстей.

Въ *этой* области его чары не дѣйствовали. Сколько онъ пережилъ мучительныхъ засѣданій, «въ которыхъ съ какою-то неумолимою ясностью выступали наружу все безсиліе временнаго правительства, разноголосица, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда однихъ къ другимъ...»

А между тѣмъ многіе члены временнаго правительства были гораздо болѣе его изощрены въ тонкостяхъ политической жизни. Они занимали прочныя принципіальныя позиціи. Отъ него ждали и требовали твердыхъ принципіальныхъ рѣшеній, которыя должны были разъ навсегда опредѣлить его союзниковъ и враговъ, его мѣсто въ разгорѣвшейся политической борьбѣ. А онъ думалъ только о выходѣ изъ острыхъ положеній, объ единеніи, мирѣ и компромиссахъ!..

Князя Львова обвиняютъ въ томъ, что, послѣ внезапнаго и полнаго обвала старой власти, онъ не сумѣлъ подобрать возжи и взнуздать революціонную стихію. Обвинять легко. Но какія-же силы были въ распоряженіи временнаго правительства?

«Если перенестись мысленно въ ту эпоху и вызвать въ себѣ вновь то настроеніе, которое тогда было преобладающимъ, то станетъ яснымъ, что иначе правительство не могло дѣйствовать, не рискуя остаться въ полномъ одиночествѣ. — Кто бы его поддержалъ? Петербургскій гарнизонъ не былъ въ его рукахъ. «Буржуазные классы, неорганизованные, не боевые, были бы, конечно, на его сторонѣ, но ограничились бы платоническимъ сочувствіемъ. А, между тѣмъ, здѣсь недостаточно было такого сочувствія, хотя бы и со стороны очень многочисленныхъ группъ населенія» (1).

Ни войскъ, ни полиціи. И анархія, просыпающаяся со всѣхъ сторонъ, растущая и крѣпнущая подъ вліяніемъ беззастѣнчивой, злобной, бѣшеной пропаганды, бороться съ которою временное правительство, (если бы имѣло даже средства для такой борьбы), — не могло — въ силу своей идеологіи и своихъ декларацій....

Во временномъ правительствѣ участвовали и волевые, такъ сказать, патентованные «сильные» люди. Напримѣръ, А. И. Гучковъ. Но и они могли сдѣлать такъ же мало, какъ князь Львовъ. Покидая 30-го Апрѣля должность военнаго министра, Гучковъ писалъ: «въ виду тѣхъ условій, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности, власть военнаго и морского министра, условій, которыя измѣнить онъ не въ силахъ и которыя грозятъ роковыми послѣдствіями арміи и флоту, и свободѣ, и самому бытію Россіи», онъ, по совѣсти не можетъ долѣе нести обязанности военнаго и морского министра и раздѣлять отвѣтственность за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины» (2).

Черезъ три недѣли (18 Мая) потерялъ терпѣніе и ушелъ съ поста министра торговли и промышленности — А. И. Коноваловъ. Наканунѣ отставки онъ говорилъ: «Бросаемые въ рабочую среду лозунги, возбуждая инстинкты толпы, несутъ за собою разрушеніе, анархію и разгромъ общественной и государственной жизни. Подъ вліяніемъ этой агитаціи безотвѣтственныхъ лицъ, рабочая масса выдвигаетъ требованія, осуществленіе которыхъ связано съ полнымъ крушеніемъ предпріятій. Сознательное разжиганіе страстей ведется плано-

---

1) Набоковъ, ц. с.

2) Цитирую по книгѣ П. Н. Милюкова «Исторія второй русской революціи», т. I, вып. I, стр. 108-109.

мѣрно и настойчиво; одни требованія безпрерывно смѣняются другими. Формы предъявленія этихъ требованій принимаютъ все болѣе нетерпимый и недопустимый характеръ. И если въ ближайшее время не произойдетъ отрезвленія отуманенныхъ головъ, если люди не поймутъ, что они рубятъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ, если руководящимъ элементамъ совѣта р. и с. депутатовъ не удастся овладѣть движеніемъ и направлять его въ русло закономѣрной классовой борьбы, то мы будемъ свидѣтелями пріостановки десятковъ и сотенъ предпріятій. Государство не можетъ взять на себя обязательства предоставить рабочему классу исключительное привилегированное положеніе за счетъ всего населенія»...

Избѣгнуть надвигающейся катастрофы правительство могло-бы, по мнѣнію А. И. Коновалова, если-бы оно, наконецъ, проявило дѣйствительную полноту власти; если-бы послѣ трехмѣсячнаго опыта, оно стало на путь нарушенной и попранной дисциплины (1).....»

Но и А. И. Коноваловъ не указываетъ, при помощи какихъ именно *реальныхъ силъ* временное правительство могло-бы осуществить его справедливыя пожеланія.

Въ подобномъ положеніи пребывали и другіе «энергичные» министры. Такія явленія, какъ захватъ особняка Кшесинской и устройство изъ него цитадели и публичной кафедры самаго разнузданнаго большевизма; какъ Кронштадскія насилія надъ офицерами; какъ самостійныя поползновенія Финляндіи и Украины и т. д. и т. д. — возбуждали негодованіе многихъ. Въ числѣ другихъ министровъ, и П. Н. Милюковъ не разъ поднималъ вопросъ о необходимости болѣе твердой, рѣшительной борьбы съ растущей анархіей. Но и онъ не могъ предложить для этого какихъ-либо опредѣленныхъ и сколько-нибудь достаточныхъ практическихъ мѣръ.

Напротивъ, редактируемая имъ газета («Рѣчь») еще въ половинѣ Апрѣля стояла на довольно безпомощной позиціи. Кадетскій органъ иронизировалъ надъ проснувшейся въ обывателѣ «тоскѣ по городовому». Газета писала: власть, которой пользуется временное правительство, есть «сила прежде всего моральная». Иной она не можетъ быть; отъ насилія правительство отказывается. «Должно-ли оно посылать карательные отряды въ губерніи, гдѣ начались аграрныя волненія? Разстрѣливать дезертировъ? Военной силой подавлять «вольницу», хозяйничающую на желѣзныхъ дорогахъ? Или, быть можетъ, ему слѣдуетъ начать съ штабъ-квартиры г. Ленина и арестовать агитаторовъ?» На всѣ эти вопросы газета давала категорически отрицательный отвѣтъ. Власть ничего не можетъ сдѣлать, если народъ самъ не проявляетъ иниціативы въ борьбѣ съ явленіями распада» (2).

Такова впрочемъ, была вынужденная точка зрѣнія всего временнаго правительства. Въ деклараціи отъ 26 Апрѣля, написанной Ф. Ф. Кокошкинымъ, оно заявляло между прочимъ: «Призванное къ жизни великимъ народнымъ движеніемъ, временное правительство признаетъ себя исполнителемъ и охранителемъ народной воли. Въ основу государственнаго управленія оно полагаетъ не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Оно ищетъ опоры не въ физической, а въ моральной силѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ временное правительство стоитъ у власти, оно

---

1) «Исторія второй русской революціи» т. I, вып. I, стр. 193.
2) Цитирую по кн. Заславскаго и Канторовича «Хроника февральской революціи», т. I, стр. 204.

ни разу не отступило отъ этихъ началъ. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственной преграды....»

Въ дальнѣйшемъ текстѣ, по свидѣтельству П. Н. Милюкова, въ первоначальномъ своемъ видѣ декларація эта была «суровымъ обвинительнымъ актомъ противъ совѣта рабочихъ депутатовъ». Но «товарищи Керенскаго, *вмѣсто открытаго обвиненія совѣта* въ парализованіи правительства и въ содѣйствіи распаду страны», вставили весьма туманныя, завуалированныя фразы. (1)

Такъ временное правительство не только не могло свободно дѣйствовать, но даже лишено было возможности сказать объ этомъ открыто русскому народу.

Возница, «сидѣвшій на козлахъ», *былъ связанъ по рукамъ и ногамъ* и ему было не до подбиранія возжей власти, оборванныхъ революціей. *Кто* оказался бы способнымъ взнуздать и удержать коней революціи, закусившихъ удила и мчавшихся безъ оглядки?

6.

Для Тургенева русскій народъ остался навсегда *сфинксомъ*. Князь Львовъ никогда и не пытался разбираться въ противорѣчіяхъ русскаго народнаго характера. Въ этой области все казалось ему совершенно яснымъ. Тургеневъ былъ бариномъ, наблюдавшимъ народъ со стороны. Князь Львовъ чувствовалъ себя плотью отъ плоти народной и костью отъ костей его. Все, что Георгій Евгеніевичъ ощущалъ въ себѣ, какъ хорошее и желанное, видѣлъ онъ и въ окружавшемъ его крестьянствѣ: смиренство, миротворчество, доброту, терпѣливое несеніе креста, огромную трудоспособность. Остальныя свои свойства считалъ онъ барскими пережитками, интеллигентскими заблужденіями. Онъ удивлялся «мудрости» народной, которую встрѣчалъ у нѣкоторыхъ своихъ пріятелей — волостныхъ старшинъ Епифановскаго уѣзда, понимавшихъ, по его мнѣнію, гораздо лучше петербургскихъ министровъ — нужды крестьянской Россіи, и умѣвшихъ обезвредить ненужное, нелѣпое и невѣжественное законодательство петербургскихъ чиновниковъ. Отъ ума отдѣльныхъ крестьянъ онъ дѣлалъ обобщеніе къ «глубокой мудрости русскаго народа», а отъ дорогихъ ему чертъ характера, встрѣчающихся въ народной массѣ лишь розсыпью, умозаключалъ къ духовнымъ богатствамъ, присущимъ «генію всего русскаго народа».

Но правда народная, какъ и народная масса, — многогранна. Свойствами Платона Каратаева она не исчерпывается. Князь Львовъ не умѣлъ и не хотѣлъ различать въ народной толпѣ сподвижниковъ Пугачева и Стеньки Разина. Зависть, злоба, жестокость, дикость, склонность къ анархіи и бунтарству — оставались для него почти незамѣченными. Эти свойства скользили по его вниманію: они казались сорными травами, лишь случайно выросшими среди цвѣтовъ на луговинѣ народной души...

Такія воззрѣнія князь Львовъ принесъ съ собою и на мѣсто предсѣдателя совѣта министровъ. Въ первой же бесѣдѣ съ представителями печати (9 Мар-

---

1) П. Н. Милюковъ («Исторія 2-й рев.», II, стр. 103-104). Авторъ говоритъ о *троекратной* передѣлкѣ воззванія. А. Ф. Керенскій рѣшительно отрицаетъ самый фактъ передѣлки.

та) онъ говорилъ: «Честь и слава всему русскому народу. Надъ Россіей засіяло солнце свободы и сразу освѣтило глубокое дно озера — геній русскаго народа. И этотъ геній говоритъ намъ о великодушіи къ прошлому и о дѣйственной энергіи въ будущемъ»...

Такія слова не были простою мишурою высокоторжественныхъ заявленій, къ которой Георгію Евгеніевичу приходилось подчасъ прибѣгать въ его новомъ положеніи. Это были его подлинныя вѣрованія. «Великодушіе къ прошлому» — требовало немедленныхъ заботъ о судьбѣ царской семьи. Съ самаго начала революціи вопросомъ этимъ чрезвычайно заинтересовался исполнительный комитетъ совѣта с. и р. депутатовъ. Осталось невыясненнымъ, кому принадлежалъ починъ: «жестокости народной» или трусливой угодливости и забѣганію впередъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ демагоговъ? Какъ бы то ни было, уже третьяго Марта, когда еще шли переговоры съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, исполнительный комитетъ постановилъ «предложить временному правительству, въ согласіи съ совѣтомъ с. и р. депутатовъ, арестовать семью Романовыхъ». Чхеидзе и Скобеолевъ назначены для переговоровъ по этому поводу.

Часть министровъ понимала, что необходимо спѣшить. «Нужно было», — писалъ князь Львовъ, — во что бы то ни стало, охранить представителя верховной власти отъ возможныхъ эксцессовъ первой волны революціи». Велись тайные переговоры съ Бьюкененомъ. Запросивъ Лондонъ, посолъ оффиціально отвѣчалъ, что правительство Его Величества согласно принять въ Англію семью бывшаго царя; для цѣли этой особый крейсеръ будетъ направленъ въ ту или иную русскую гавань. Въ частной нотѣ Бьюкененъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ съ заявленіемъ, что король и правительство Великобританіи будутъ безконечно счастливы предложить гостепріимство и убѣжище всероссійскому императору (1).

Чтобы выиграть время для этихъ переговоровъ, правительство въ теченіи четырехъ дней не отвѣчало на запросы Чхеидзе и Скобелева.

Недовольный молчаніемъ временнаго правительства исполнительный комитетъ назначилъ новое обсужденіе вопроса и для соотвѣтствующаго воздѣйствія на временное правительство поручилъ своей военной комиссіи принять немедленно практическія мѣры для осуществленія ареста.

Тогда временное правительство, боясь сепаратныхъ мѣръ, вынуждено было (7 Марта) издать декретъ о «лишеніи свободы Николая II и его семьи». Прежніе секретные планы не были оставлены. Въ день изданія декрета князь Львовъ телеграфировалъ Алексѣеву: «Временное правительство рѣшило дать бывшему императору свободный пропускъ для пребыванія въ Царскомъ Селѣ и для послѣдующаго путешествія по направленію къ Мурманску».

Но въ ночь на 7 Марта исполнительный комитетъ, узнавъ, что временное правительство пытается эвакуировать императорскую семью въ Англію, рѣшилъ принять свои мѣры — съ рискомъ даже порвать добрыя отношенія съ правительствомъ. Немедленно разослана по всей Россіи телеграмма съ приказомъ арестовать б. царя — гдѣ бы онъ ни былъ застигнутъ (повидимому, исполнительный комитетъ не былъ увѣренъ, что Николай II находится въ Царскомъ Селѣ (2). Вѣрныя совѣту войска заняли вокзалы ближайшихъ къ Петрограду станцій.

---

1) Позднѣе отношеніе къ этому вопросу Англіи измѣнилось.

2) Онъ доставленъ туда изъ ставки думскими комиссарами 8-го Марта.

Особые комиссары со спеціальными «мандатами» отъ исполнительнаго комитета отправлены въ Царское Село, Тосну и Званку.

«Чтобы положить конецъ всѣмъ подобнымъ попыткамъ, имѣющимъ цѣлью вывезти царскую семью и чтобы охранить страну отъ подобныхъ, исключительно опасныхъ мѣръ», — исполнительный комитетъ рѣшилъ назначить для пребыванія царя знаменитый Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости.

Послѣднее рѣшеніе, какъ извѣстно, удалось не выполнить: императорская семья осталась въ Александровскомъ дворцѣ. Но временное правительство должно было запомнить навсегда суровый урокъ, преподанный ему на зарѣ дѣятельности вожаками исполнительнаго комитета.

Одну изъ своихъ бесѣдъ съ представителями печати, посвященную программѣ ближайшей дѣятельности временнаго правительства, князь Львовъ закончилъ такими характерными для него словами:

— «Нельзя закрывать глазъ и на трудности и опасности положенія. Новорожденной свободѣ предстоятъ великія, быть можетъ, тяжкія испытанія; но я смотрю бодро въ будущее. Я вѣрю въ жизненныя силы и въ мудрость нашего великаго народа, который доказалъ свое величіе въ мощномъ порывѣ свободы, опрокинувшемъ старую власть. Онъ докажетъ его въ упорномъ единодушномъ стремленіи къ проведенію началъ свободы въ жизнь и къ защитѣ ихъ отъ врага внѣшняго и внутренняго. Я вѣрю въ великое сердце русскаго народа, преисполненнаго любовью къ ближнему, вѣрю въ этотъ первоисточникъ правды, истины и свободы. Въ немъ раскроется вся полнота его славы, и все прочее приложится».

Князю Львову казалось, что онъ дожилъ, наконецъ, до счастливыхъ дней, когда можно творить новую жизнь — не для народа, а «вмѣстѣ съ народомъ».

Въ первые же дни революціи онъ рѣшилъ снять съ Россіи сдерживавшія ее узаконенныя формальныя путы и предоставить свободному правотворчеству народа созданіе новыхъ устоевъ его мѣстной жизни.

Шестого Марта телеграммою министра внутреннихъ дѣлъ функціи губернскихъ и уѣздныхъ властей возложены на предсѣдателей земскихъ управъ, которые должны были дѣйствовать въ качествѣ комиссаровъ временнаго правительства.

Эта телеграмма дала поводъ для длительныхъ осложненій на мѣстахъ. Въ осложненіяхъ этихъ принято обвинять исключительно князя Львова. Правда, телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ вполнѣ отражала консервативную вѣру Георгія Евгеніевича въ выборное начало, — каковы бы ни были въ данное время и въ данныхъ политическихъ условіяхъ представители такого самоуправленія. Но мысль о томъ, что земскій аппаратъ замѣнитъ, въ случаѣ необходимости, приказное управленіе — принадлежала вовсе не одному князю Львову: такъ думали многіе, прочившіе главу русской (и главнымъ образомъ — земской) общественности — въ будущіе премьеры (1).

Самъ князь Львовъ считалъ свою телеграмму мѣрою *временною*.

— «Правительство», — говорилъ онъ, — смѣстило старыхъ губернаторовъ,

---

1) Къ тому-же въ началѣ марта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *фактически* старыхъ властей уже не было.

а назначать никого не будетъ. Въ мѣстахъ выберутъ. Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ»....

«Въ области мѣстнаго самоуправленія программа временнаго правительства составлена властными указаніями самой жизни. Въ лицѣ мѣстныхъ общественныхъ комитетовъ и другихъ подобныхъ организацій она создала уже зародышъ мѣстнаго демократическаго самоуправленія, подготовляющаго населеніе къ будущимъ реформамъ. Въ этихъ комитетахъ я вижу фундаментъ, на которомъ должно держаться мѣстное самоуправленіе до созданія новыхъ его органовъ. Комиссары временнаго правительства, посылаемые на мѣста, имѣютъ своей задачей не становиться поверхъ создавшихся органовъ въ качествѣ высшей инстанціи, но лишь служить посредствующимъ звеномъ между ними и центральной властью и облегчить процессъ ихъ организаціи и оформленія....» (1)

Выполнить указанныя требованія — комиссары временнаго правительства — оказались не въ силахъ. Одни земскіе люди, выбранные совсѣмъ для иныхъ, чисто хозяйственныхъ функцій, отказывались принять на себя власть въ столь отвѣтственные моменты; другіе сразу поняли, что избраніе по земскому положенію 1890 года вовсе не гарантируетъ имъ сочувствіе населенія.

Земства сами переживали тяжелый кризисъ: въ ихъ среду хлынула явочнымъ порядкомъ толпа политическихъ партійныхъ работниковъ, претендовавшая на представительство истинной «демократіи». На мѣстахъ росли какъ грибы, всевозможныя общественныя организаціи; съ ними спорили о власти совѣты рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ депутатовъ. Для вожаковъ всего этого безпорядочнаго государственнаго строительства старые земцы, казавшіеся князю Львову «лучшими» мѣстными людьми, являлись чуть-ли не представителями и защитниками стараго режима, презрѣнными «цензовиками».

Никто не хотѣлъ съ ними считаться. Самые добросовѣстные, упорные и преданные временному правительству «комиссары» теряли голову, засыпали князя Львова телеграфными запросами, являлись сами въ Петроградъ за инструкціями... У министра внутреннихъ дѣлъ они не встрѣчали сочувствія. Онъ находилъ, что эти люди одержимы «старой психологіей». Основы самоуправленія и мѣстнаго управленія спѣшно разрабатываются въ центрѣ. А пока.. зачѣмъ требовать непремѣнно казеннаго единообразія? Вездѣ мудрость народная творитъ наиболѣе жизненныя формы... недоразумѣнія, споры о компетенціи, анархическіе эксцессы — все это уляжется, утопчется и новые мѣстные органы пріучатъ населеніе жить по своему въ широкихъ рамкахъ самоуправленія, вырабатываемыхъ въ Петроградѣ....

Обезкураженные «комиссары» возвращались домой, безнадежно опуская руки передъ быстро развивавшимся хаосомъ и передъ многообразнымъ «революціоннымъ правотворчествомъ» мѣстныхъ людей или пришлыхъ «идейныхъ партійныхъ работниковъ»...

Въ деревняхъ развивались аграрные безпорядки.

Между тѣмъ правительство работало, не покладая рукъ. Полная амнистія политическимъ съ почетнымъ возвращеніемъ ихъ въ столицу изъ мѣстъ ссылки.

1) Цитирую по ‹Исторіи› П. Н. Милюкова, т. I., стр. 67-68. Ср. также «Русскія Вѣдомости», 1917 г., № 63. (Бесѣды кн. Львова съ представителями печати).

Амнистія уголовнымъ. Отмѣна смертной казни. Отмѣна національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій (равноправіе евреевъ). Хлѣбная монополія. Заемъ свободы. Подготовка къ созыву учредительнаго собранія. Земельные комитеты для разработки (предварительной) аграрнаго законодательства. Сложная работа надъ реорганизацией мѣстнаго управленія и самоуправленія. Возвращеніе Финляндіи правъ, отнятыхъ у нея самодержавіемъ. Воззваніе къ полякамъ о свободной Польшѣ. Переговоры съ Литвой, Украиной и другими національностями о началахъ самоопредѣленія... Все это требовало настойчивой, упорной, экстренной работы. Все это осуществлялось въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ свободы. Законодательные акты сыпались, какъ изъ рога изобилія...

Характерно въ это сумасшедшее время отношеніе предсѣдателя совѣта министровъ къ нѣкоторымъ сложнымъ и спорнымъ вопросамъ дѣйствительности. Очевидецъ разсказалъ намъ о принятіи княземъ Львовымъ одной изъ многочисленныхъ депутацій, осаждавшихъ его ежедневно. На этотъ разъ депутація состояла изъ дамъ. Онѣ рѣшили добиться, во что бы то ни стало, женскаго равноправія въ вопросѣ о выборахъ въ мѣстное самоуправленіе. Заготовлены великолѣпныя рѣчи, которыя должны были убѣдить даже самаго устарѣлаго защитника Домостроя. Дамы готовились къ серьезному бою и волновались. Имъ казалось, что судьба женской половины Россіи зависѣла отъ успѣха ихъ миссіи. Князь Львовъ вышелъ къ нимъ усталый и серьезный въ своемъ обычномъ рабочемъ сѣромъ пиджачкѣ.

Здороваясь и пожимая руки депутатокъ, онъ спрашивалъ: — Вы по вопросу объ участіи женщинъ въ выборахъ?

Первая ораторша приготовилась начать рѣчь.

— Такъ отчего же нѣтъ? — продолжалъ князь Львовъ. — Не вижу основанія мѣшать. Ежели всеобщее избирательное право, то какіе-же мотивы препятствовать женщинамъ, желающимъ участвовать? Избирательный законъ разрабатывается. Въ окончательномъ видѣ онъ зависитъ отъ всего состава временнаго правительства... Но я — за участіе женщинъ. Надо какъ можно шире... — И обращаясь къ сопровождавшему его Щепкину, онъ прибавилъ:

— Вы, Дмитрій Митрофановичъ, примете во вниманіе наши пожеланія?

Изготовленныя великолѣпныя рѣчи не были произнесены. Депутаткамъ оставалось только благодарить и отпустить съ миромъ, видимо, смертельно усталаго предсѣдателя совѣта министровъ....

Въ сущности, крестьянскую массу (и въ арміи и въ деревнѣ) интересовали больше всего два вопроса: «утѣсненіе въ землѣ» и тягости, связанныя съ войною. Пишущаго эти строки первая мобилизація застала въ самой глуши Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи. Кругомъ старики-крестьяне говорили:

— Царь зоветъ. Надо идти. Сына снаряжаемъ. Ну, а вернутся, Богъ дастъ, домой, — тогда потолкуемъ, какъ слѣдоваетъ, насчетъ утѣсненія въ землѣ...

Прошло почти три года. Не всѣ вернулись домой. Повторныя мобилизаціи выкачивали соки изъ страны. Тягости войны, сначала малозамѣтныя въ деревнѣ, ощущались съ теченіемъ времени все серьезнѣе...

Вотъ и царь отошелъ, а «затѣянная имъ» война все тянулась... И не видно было конца ей... не слышно и *настоящихъ* разговоровъ о землѣ...

И какъ разъ именно въ этихъ двухъ вопросахъ временное правительство не могло вынести никакихъ скорыхъ рѣшеній. Оно пыталось доказать странѣ необходимость и неизбѣжность новыхъ жертвъ, чтобы довести войну до «побѣднаго конца». По земельному вопросу оно говорило: «ждите учредительнаго собранія!» Созывъ послѣдняго уходилъ въ неопредѣленную даль; временное

правительство озабочивалось обезпечить «волеизъявленіе народа» всѣми гарантіями, изобрѣтенными послѣдними модными теоріями избирательнаго права... А мужикъ и рабочій не понимали: почему наспѣхъ и кое-какъ выбранные ими въ совѣты «депутаты» не могутъ сразу порѣшить всѣхъ вопросовъ?

— «Народъ... народъ»... ворчали они. — «Вѣдь вотъ онъ — народъ... Чего еще ждать? и чѣмъ мы не народъ?»

Лозунги большевиковъ казались рабочимъ, солдатамъ и отчасти крестьянамъ много проще и понятнѣе.

7.

Въ самомъ началѣ революціи вожаки лѣвыхъ (соціалистическихъ) партій рѣшили создать *свою* власть, возстановивъ дѣйствовавшій въ 1905 г. совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Среди этихъ вожаковъ находился, конечно, и А. Ф. Керенскій. Въ помѣщеніи Таврическаго дворца толпились солдаты, рабочіе, обыватели. Пестрая случайная смѣсь лѣвыхъ вожаковъ воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и на основаніи декоративнаго избранія въ первомъ случайномъ по составу «засѣданіи» назвала себя временнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ; въ воззваніи, расклеенномъ по городу отъ имени засѣдающихъ въ госуд. думѣ «представителей рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда» предлагалось всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей, по одному на каждую роту, заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу (1).

Въ этомъ огромномъ собраніи (въ пленумѣ толпилось до 3000 человѣкъ), среди потока рѣчей, формально утверждались всѣ постановленія и мѣропріятія исполнительнаго комитета. Многолюдность, текучесть состава, сумбурность организаціи — представляли картину бивуачной импровизаціи. Безостановочная дѣятельность исполнительнаго комитета, безъ опредѣленныхъ часовъ засѣданій, безъ протоколовъ, безъ устойчиваго кворума, безъ строго зафиксированныхъ постановленій, — была немногимъ упорядоченнѣе, чѣмъ работа пленума.

Въ исполнительномъ комитетѣ боролись за власть надъ массами представители соціалистическихъ партій. Изъ нихъ наиболѣе умѣренные видѣли въ совѣтѣ единственное средство сдержать массы и избѣжать полной анархіи. Но для осуществленія этихъ цѣлей имъ приходилось постепенно сдавать позиціи «товарищамъ слѣва», съ которыми они отнюдь не хотѣли и не могли порвать. А «товарищи слѣва» ставили передъ революціей совершенно опредѣленныя цѣли: *сверженіе временнаго правительства* (этихъ «десяти министровъ-капиталистовъ, которые, съ княземъ Львовымъ во главѣ, являются простыми приказчиками милліардныхъ фирмъ Англіи и Франціи»); *превращеніе «имперіалистической бойни» «въ эпоху крови и желѣза»*, когда угнетенный, страдающій классъ обратитъ оружіе противъ классовъ господствующихъ; *захватъ власти и собственности буржуазіи* (знаменитое *«грабь награбленное»*) и т. д. и т. д.

Борьба была неравная. По мѣрѣ упорядоченія работы исполнительнаго комитета (послѣ возвращенія изъ ссылки Церетелли,) массы стали постепенно, но замѣтно уходить все болѣе и болѣе влѣво.

1) Такъ изображается появленіе на свѣтъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ въ книгѣ авторовъ-соціалтистовъ — Заславскаго и Канторовича «Хроника февральской революціи», томъ I. II. 1924 г.

Умѣреннымъ руководителямъ совѣта приходилось, для удержанія вліянія, идти на демагогическія уступки, думать и говорить объ «углубленіи революціи», подмѣнять цѣли «буржуазной» революціи попытками немедленнаго осуществленія требованій соціальнаго переворота. Изъ «пожарныхъ» они превращались въ «поджигателей». Работали, конечно, вполнѣ безпрепятственно и поджигатели — злостные, сознательные. Въ концѣ концовъ оказывалось невозможнымъ разобрать: гдѣ бушуетъ непреодолимый разливъ стихійнаго революціоннаго пламени и гдѣ дѣйствуютъ трусливыя забѣганія впередъ, уступки, подстрекательство, демагогія....

Народный соціалистъ Станкевичъ, стоявшій близко къ исполнительному комитету совѣта, утверждаетъ, что «въ конечномъ счетѣ отъ комитета всегда всего можно было добиться, если только упорно настаивать».

Въ составѣ его были люди, специализировавшіеся на дискредитированіи временнаго правительства. Умѣреннымъ соціалистамъ, по марксистскому ритуалу, не полагалось принимать участія во власти и нести за нее отвѣтственность. Они оставляли себѣ критику буржуазнаго правительства. Сначала они проповѣдывали поддержку правительства лишь «постольку — поскольку»... Потомъ заговорили о «*давленіи*». Позднѣе стали требовать почти полнаго подчиненія и отвѣтственности передъ органами «революціонной демократіи».

Подъ покровомъ соглашенія и договора исполнительный комитетъ не упускалъ случая подчеркнуть эфемерность власти временнаго правительства и зависимость ея отъ расположенія совѣта (1).

Задолго до появленія Ленина, «тихой сапой» велась настойчивая кампанія противъ авторитета и власти правительства. Специализировались на такомъ занятіи Стекловъ (Нахамкесъ) и Сухановъ (Гиммеръ). Оффиціальная большевистская фракція совѣта усердно имъ содѣйствовала, конечно. Большинство исполнительнаго комитета (и совѣта) официально стояло за поддержку временнаго правительства. Но исподволь и исподтишка производилась въ нѣдрахъ органовъ «революціонной демократіи» расшатываніе авторитета правительства.

Къ концу Марта аппетиты массъ разраслись. «Народные депутаты» готовы были къ полному поглощенію самостоятельности правительства. Исполнительный комитетъ выносилъ проектъ умѣренной резолюціи, а Стекловъ-Нахамкесъ, проведя себя въ докладчики, измывался надъ совѣтомъ министровъ. Большевики вносили безконечныя поправки къ проекту резолюціи. Мягкія намѣренія меньшевистскаго большинства «превращались въ свою противоположность». Но сдавая позиціи большевикамъ по отношенію ко временному правительству, меньшевики не очень огорчались: они утѣшали себя тѣмъ, что такимъ образомъ достигается «единство воли революціонной соціалъ-демократіи».

Появившійся Ленинъ началъ уже открытую бѣшеную кампанію противъ временнаго правительства и — особенно — противъ П. Н. Милюкова.

Къ концу второго мѣсяца революціи авторитетъ временнаго правительства стоялъ низко. Случаи явнаго и открытаго неповиновенія проявлялись все чаще. Кронштадтъ не поддавался увѣщаніямъ и бунтовалъ. Явственно намѣчался распадъ государства: аппетиты націоналистовъ росли по мѣрѣ видимаго ослабленія центра. «Многоликая анархія выступала всюду: на фронтѣ ею называли братаніе, паденіе дисциплины и нежеланіе двигаться съ мѣста; въ городахъ она принимала видъ неподчиненія властямъ, захвата особняковъ и пропаганды немедленнаго мира; въ деревняхъ — захвата земель, помѣщичьяго

1) Заславскій и Канторовичъ, ц. с., стр. 100.

инвентаря и аграрныхъ междоусобицъ. Безпорядокъ ширился, власть расползалась» (1).

Въ самомъ временномъ правительствѣ миротворческое воздѣйствіе князя Львова не могло поддерживать дружной работы. Почти съ самаго начала образовались двѣ ярко обособленныя группы: во главѣ одной стоялъ Керенскій, другую велъ Милюковъ. Разница во всемъ — возрастѣ, темпераментѣ, складѣ ума и характера, подготовкѣ — опредѣляли впередъ неизбѣжность непріязни и борьбы между двумя этими протагонистами второй русской революціи. Отношенія ихъ обострялись разницею во взглядахъ на происхожденіе революціи и различной оцѣнкой ея дѣйственныхъ реальныхъ силъ.

А. Ф. Керенскій принялъ революцію съ распростертыми объятіями. Въ революціонной атмосферѣ онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Онъ благоговѣлъ передъ «святымъ дѣломъ великой русской революціи». Онъ «вѣрилъ въ разумъ, въ твердую волю народа — идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели». Онъ быстро освобождался отъ доктринерства соціалистическихъ товарищей и искренно готовъ былъ «загубить душу» для спасенія Россіи. Но «товарищи» не выпускали его изъ рукъ и фетишъ «революціонной демократіи» заставлялъ переоцѣнивать реальную силу совѣтовъ.

П. Н. Милюковъ считалъ революцію во время войны гибелью Россіи, но фактъ революціи принялъ стойко, мужественно стараясь спасти для Россіи все, что было еще возможно. Онъ отнюдь не преклонялъ колѣнъ передъ «святостью» русской революціи и среди ея факторовъ склоненъ былъ заподозрить и деньги германскаго генеральнаго штаба. Онъ упорно настаивалъ на необходимости ввести разбушевавшійся Ахеронтъ въ естественныя границы, хотя никогда не указалъ на силы, при помощи которыхъ можно разогнать совѣты и взять въ руки «революціонную демократію».

Главныя столкновенія разыгрались около иностранной политики. Вожаки исполнительнаго комитета, въ надеждѣ на «чудо», которое долженъ былъ совершить международный пролетаріатъ, издали уже 14 Марта знаменитый манифестъ къ народамъ о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій. Не вѣря въ чудеса, П. Н. Милюковъ продолжалъ политику войны до побѣднаго конца.

Жизнь постепенно разоблачила наивность лѣвыхъ мечтателей. Но избавленъ-ли самый трезвый умъ отъ заблужденій и ошибокъ? Не «*чуда*»-ли ждалъ отъ русскаго народа и самъ П. Н. Милюковъ?

— «Повидимому», — пишетъ его другъ Набоковъ, — «онъ (Милюковъ) все-таки полагался больше, чѣмъ слѣдовало, и на государственный инстинктъ русскаго народа, и на здоровое пониманіе имъ своихъ интересовъ. Онъ не понималъ, не хотѣлъ понимать и не мирился съ тѣмъ, что трехлѣтняя война осталась чуждой русскому народу, что онъ ведетъ ее нехотя, изъ подъ палки, не понимая ни значенія ея, ни цѣлей, — что онъ ею утомленъ и что въ томъ восторженномъ сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена революція, сказалась надежда, что она приведетъ къ скорому окончанію войны»...

Какъ - бы то ни было, А. Ф. Керенскій велъ интенсивную борьбу за дипломатическую поддержку «манифеста». П. Н. Милюковъ упирался.

Въ совѣтѣ министровъ иниціативу захватилъ Керенскій; съ нимъ неразрывно солидаризировались Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко. Наиболѣе правые министры — В. Н. Львовъ и Годневъ часто поддерживали прогрессивную «тройку». Предсѣдатель (князь Львовъ) колебался. Его обвиняютъ въ томъ,

1) Тамъ же, стр. 275.

что онъ, видимо, подпадалъ подъ вліяніе Керенскаго и не проявлялъ достаточной самостоятельности. Надо сказать: князь Львовъ всегда — до такой степени проникнутъ былъ идеей миротворчества, что наиболѣе рѣшительные, экспансивные, истерическіе характеры умѣли держать его подъ страхомъ немедленной катастрофы и разрыва. Эта черта проходитъ черезъ всю его жизнь. Но онъ и вообще былъ ближе къ *чувству* Керенскаго, чѣмъ къ *уму* Милюкова. Къ Керенскому князя Львова привлекало очень многое: и пламенный патріотизмъ, и вѣра въ русскій народъ, и лихорадочная, полная экстазовъ энергія, и отрицательное отношеніе къ «партійному византійству», и многое другое. Даже любовь къ помпѣ, къ сценическому дѣйству — не отталкивала князя Львова: онъ чувствовалъ, что для разыгрывавшихся кругомъ грандіозныхъ событій его собственный будничный сѣрый обиходъ, его всегдашняя скромность — недостаточны: требовалось что-то болѣе яркое, дѣйствующее на воображеніе. Жить и дѣйствовать во временномъ правительствѣ — безъ вѣры въ чудо — было невозможно. А ждать чуда — казалось вѣрнѣе отъ энтузіазма Керенскаго, чѣмъ отъ умственныхъ выкладокъ Милюкова.

Въ данномъ вопросѣ, — въ вопросѣ дипломатическаго нажима на союзниковъ въ пользу приближенія всеобщаго мира — князь Львовъ опредѣленно склонялся къ политикѣ Керенскаго. Мечта повліять, по почину и отъ имени русскаго народа, на прекращеніе трехлѣтней бойни, — захватила и предсѣдателя совѣта министровъ...

Къ концу Апрѣля ленинцы организовали пробныя уличныя выступленія. Крупныхъ столкновеній не было, хотя первая кровь была пролита (1).

Начальникъ петроградскаго гарнизона, генералъ Корниловъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей, вывелъ нѣкоторыя воинскія части на Дворцовую площадь. Исполнительный комитетъ заставилъ его вернуть отряды въ казармы и расклеилъ по городу объявленіе: «Товарищи-солдаты, безъ зова исполнительнаго комитета въ эти тревожные дни не выходите съ оружіемъ въ рукахъ. Только исп. комитету принадлежитъ право располагать вами. Каждое распоряженіе о выходѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ исполнит. комитета, закрѣплено его печатью и подписано не меньше чѣмъ двумя изъ слѣдующихъ лицъ: Чхеидзе, Скобелевъ, Бинасикъ, Соколовъ, Гольдманъ, Филипповскій, Богдановъ».... — Временному правительству пришлось примириться и съ этимъ «совершившимся фактомъ». Генералъ Корниловъ не примирился: онъ потребовалъ отставки и уѣхалъ въ дѣйствующую армію.

---

1) Во многихъ мѣстахъ эти большевистскія демонстраціи носили довольно мирный характеръ. Вспоминается одинъ «маленькій фельетонъ» Н. А. Тэффи. Со свойственнымъ ей юморомъ, талантливая писательница разсказывала про уличныя событія 20-21 апрѣля:

Фабричныя женщины и дѣвушки тащили черезъ весь городъ плакаты, на которыхъ значилось: «*Черезъ Цимервальдъ къ Интернаціоналу*». Этотъ «авангардъ пролетаріата» былъ вооруженъ.

Обыватель Петрограда, столкнувшись въ центрѣ съ ленинскими когортами, съ недоумѣніемъ читалъ большевистскіе лозунги.

— Это кто-же такіе будутъ?

— Пожалуйста, не прохлаждайтесь! Во всякомъ разѣ почище вашего Милюкова! —

Впрочемъ, при дальнѣйшей мирной бесѣдѣ выяснялось, что демонстрантокъ не столько интересуетъ Милюковъ и его «коварные» планы, сколько продолжающаяся дороговизна жизни и недостаточный ростъ заработной платы. — Эта картинка изображала весьма близко къ дѣйствительности часть уличныхъ происшествій тѣхъ дней.

Вообще къ концу Апрѣля уже выяснилась насущная необходимость какихъ-то перемѣнъ. Авторитетъ временнаго правительства былъ въ корнѣ расшатанъ. А. И. Гучковъ передъ своей отставкой нарисовалъ делегатамъ фронта мрачную картину разрушенія арміи. Даже Керенскій терялъ свой энтузіазмъ. На томъ-же собраніи фронтовыхъ делегатовъ (29 Апрѣля) онъ говорилъ: «Я пришелъ къ вамъ потому, что силы мои на исходѣ, потому что я не чувствую въ себѣ прежней смѣлости, у меня нѣтъ прежней увѣренности, что передъ нами не взбунтовавшіеся рабы, а сознательные граждане, творящіе новое государство съ увлеченіемъ, достойнымъ русскаго народа» (1).

Князь Львовъ, со своей стороны, открывая вечеромъ 21 Апрѣля совѣщаніе правительства съ исполнительнымъ комитетомъ, пытался разъ навсегда выяснить обстоятельства.

— «Создавшееся острое положеніе», — сказалъ онъ, — «только частный случай. За послѣднее время вообще правительство взято подъ подозрѣніе. Оно не только не находитъ въ демократіи поддержки, но встрѣчаетъ тамъ попытки подрыва его авторитета. При такомъ положеніи правительство не считаетъ себя въ правѣ нести отвѣтственности. Мы рѣшили позвать васъ и объясниться. Мы должны знать, годимся-ли мы для нашего отвѣтственнаго поста въ данное время.Если нѣтъ, то мы, для блага родины, готовы сложить свои полномочія, уступивъ мѣсто другимъ» (2).

Получилось положеніе весьма запутанное. Часть министровъ вовсе не желала признавать зависимости временнаго правительства отъ совѣтовъ. А между тѣмъ существовавшая *фактически* завиисмость приводила къ параличу власть правительства. Терпѣть дольше безотвѣтственное хозяйничаніе соціалистическихъ вожаковъ совѣтовъ казалось невозможнымъ. Къ тому-же вскорѣ уходъ А. И. Гучкова открылъ министерскій кризисъ. Керенскій не хотѣлъ больше слышать объ иностранной политикѣ Милюкова и говорилъ о своей отставкѣ. Реорганизація кабинета являлась неизбѣжною необходимостью. Было произнесено слово «*коалиція*». Многимъ казалось, что привлеченіе въ правительство соціалистовъ придастъ ему авторитетъ, сблизить съ исполнительнымъ комитетомъ и сдѣлаетъ вожаковъ послѣдняго отвѣтственными работниками. Исполнительный комитетъ высказался значительнымъ большинствомъ противъ такой комбинаціи. Но князь Львовъ усиленно продолжалъ переговоры. Въ самомъ концѣ Апрѣля онъ «посѣтилъ П. Н. Милюкова и просилъ его помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія. П. Н. Милюковъ въ отвѣтъ указалъ альтернативу: или послѣдовательно проводить программу твердой власти и, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ идеи коалиціоннаго правительства, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ, который уже заявилъ о своей отставкѣ,и быть готовымъ на активное противодѣйствіе захватамъ власти со стороны совѣта, — или же пойти на коалицію, подчиниться ея программѣ и рисковать дальнѣйшимъ распадомъ государства» (3).

Снова П. Н. Милюковъ не указывалъ живыхъ силъ, на которыя можно было-бы опереться въ борьбѣ съ совѣтомъ. Единственнымъ практическимъ выходомъ изъ его альтернативы являлась коалиція, которую онъ, видимо, считалъ гибельной. Въ этомъ смыслѣ и продолжались переговоры.

Перваго Мая А. Ф. Керенскій нарисовалъ въ исполнительномъ комитетѣ

1) Заславскій и Канторовичъ, ц. соч., стр. 260.
2) П. Н. Милюковъ. Исторія вт. р. революціи, I, стр. 101-102.
3) П. Н. Милюковъ. «Исторія», стр. 108.

мрачную картину развала армiи и страны. Вопросъ объ участiи въ правительствѣ былъ пересмотрѣнъ. На этотъ разъ 44 голоса противъ 19 высказались за коалицiю. Вопросъ объ участiи соцiалистовъ въ правительствѣ такимъ образомъ былъ рѣшенъ. Они не шли, однако, на продолженiе прежней политики въ вопросѣ о мирѣ. П. Н. Милюкову предложено взять портфель министра народнаго просвѣщенiя. Онъ отказался рѣшительно. Переговоры продолжались и днемъ и ночью. Наконецъ, на 5-е Мая достигнуто соглашенiе по всѣмъ пунктамъ.

8.

Отъ коалицiи ждали многаго. Политика поддержки «постольку-поскольку» — должна была отойти въ область преданiя, двоевластiе исчезнуть. Въ правительство вошли теперь нѣкоторые влiятельные лидеры исполнительнаго комитета: И. Г. Церетелли, М. И. Скобелевъ, В. М. Черновъ, А. В. Пѣшехоновъ; Гучкова смѣнилъ А. Ф. Керенскiй. Иностранными сношенiями вѣдалъ теперь уступчивый М. И. Терещенко. Казалось, не оставалось болѣе поводовъ къ недовѣрiю и раздорамъ.

Въ дѣйствительности, однако, ничто не измѣнилось. Правда, А. Ф. Керенскiй пускалъ въ ходъ героическiя усилiя, чтобы убѣдить армiю, на новыхъ началахъ, сохранить старую дисциплину и *словами* заставить солдата идти на смерть.. Совѣтъ с. и р. депутатовъ большинствомъ противъ 20 голосовъ вотировалъ правительству «полное довѣрiе» и постановлялъ «оказать этому правительству дѣятельную поддержку, обезпечивающую ему всю полноту власти».

Но хорошiя слова стоили въ то время не дорого. Аппетиты массъ развивались съ необычайной быстротой. Болѣзнь захватывала пораженный революцiей организмъ. Не встрѣчая никакого противодѣйствiя, кромѣ словъ, многоликая анархiя ширилась, укоренялась, росла. Грубые и ясные лозунги большевиковъ становились все ближе, понятнѣе и увлекательнѣе для массъ, которыя устали ждать, и жадно тянулись къ жизненнымъ благамъ, оставшимся безъ реальной защиты и казавшимся столь доступными...

Въ лонѣ правительства не было и не могло быть никакого согласiя. До какой степени разно смотрѣли на вещи отдѣльные министры, — видно, напримѣръ, изъ заявленiй М. И. Скобелева и А. И. Коновалова. Послѣднiй, какъ мы знаемъ, ушелъ изъ коалицiоннаго кабинета между прочимъ потому, что по его наблюденiямъ «сознательное разжиганiе страстей ведется планомѣрно и настойчиво; одни требованiя (рабочихъ) безпрерывно смѣняются другими. Формы предъявленiя этихъ требованiй принимаютъ все болѣе нетерпимый и недопустимый характеръ»...Въ то же время М. И. Скобелевъ объявлялъ выдумкой капиталистовъ, розсказни о томъ, что рабочiе предъявляютъ чрезмѣрныя экономическiя требованiя...

Предсѣдательствуя въ коалицiонномъ кабинетѣ, князь Г. Е. Львовъ терялъ всякую возможность вести свою миротворческую работу. Обычное воздѣйствiе его на *людей* окончательно исчезло: передъ нимъ были не люди, а партiйные работники, теперь уже формально подчиненные партiйной дисциплинѣ. Сверхъ того, министры-соцiалисты считали себя отвѣтственными передъ рабочими, солдатскими и крестьянскими депутатами. В. М. Черновъ такъ и заявлялъ публично: «При создавшемся положенiи, — говорилъ онъ, — совѣтъ р. и с. д. будетъ, въ сущности, рѣшать государственныя дѣла, а министры только

исполнять». Въ частности, демагогическіе пріемы политики именно «селянскаго министра» вызывали глухое раздраженіе во всемъ существѣ князя Львова. Ужъ очень изъ различнаго матеріала была создана ихъ духовная природа!..

Прошелъ мѣсяцъ и для сторонняго наблюдателя положеніе становилось совершенно яснымъ. Большевики систематически и упорно подготовлялись къ вооруженному захвату власти, а представители «революціонной демократіи» старались всѣми силами честно соблюсти всѣ правила политической игры и помѣшать всякому, кто вздумалъ-бы воспрепятствовать свободному столкновенію революціонныхъ силъ.

Князь нервничалъ и глубоко страдалъ. Еще 27 Апрѣля, выступая отъ имени правительства въ торжественномъ засѣданіи четырехъ думъ, онъ восхвалялъ революцію и говорилъ о «демократической міровой душѣ» русскаго народа. Правда, въ частныхъ бесѣдахъ уже тогда онъ былъ откровеннѣе. Генералъ Куропаткинъ записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 25 Апрѣля: «Сейчасъ представлялся министру-предсѣдателю князю Львову. Принялъ въ своемъ домашнемъ кабинетѣ очень сердечно. Не видѣлись съ японской войны... Князь Львовъ сказалъ мнѣ, что они не думали заходить такъ далеко, какъ унесли ихъ событія. Мы теперь, сказалъ онъ, «какъ щепки, носимыя на волнахъ». И далѣе ген. Куропаткинъ приписываетъ: «Кажется, забылъ записать, что кн. Львовъ мнѣ сказалъ, что они вовсе не ожидали, что революція такъ далеко зайдетъ. Она опередила ихъ планы и скомкала ихъ. Стали щепками, носящимися по произволу революціонной волны» (1).....

Графъ Д. А. Олсуфьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, на которыя мы не разъ ссылались въ этой книгѣ, пишетъ: «Вторая и послѣдняя моя встрѣча со Львовымъ была, когда лѣтомъ 1917 года, во время іюльскаго перваго выступленія большевиковъ, мы пріѣхали къ нему съ саратовской депутаціей мужиковъ, членовъ нашего союза земельныхъ собственниковъ, съ жалобами на общую анархію въ деревнѣ. Львовъ все отмалчивался и никакой помощи, ни совѣтовъ намъ не предложилъ. Для насъ стало яснымъ, что временное правительство — это одна пустая вывѣска безъ всякаго содержанія. Ни признаковъ ни власти, ни мощи, ни ума въ правительствѣ не нашли. Я рѣзко ему высказалъ подобныя мысли, упрекнувъ правительство, что оно отказывается отъ власти и покровительствуетъ анархіи. Львовъ, чтобы не уронить себя передъ многочисленной депутаціей, началъ несвойственно для себя кричать повышеннымъ голосомъ, что это не такъ, что правительство стоитъ за порядокъ и т. д. Мужики тоже разгорячились и начали кричать на Львова. Крикъ поднялся въ кабинетѣ премьера такой, что изъ сосѣдней комнаты къ намъ вбѣжалъ, помнится, министръ Черновъ, чтобы удостовѣриться, что у насъ происходитъ. Съ минуту посмотрѣлъ на насъ съ недоумѣніемъ и опять скрылся за дверью. Мы уѣхали изъ Петербурга возмущенные и уже съ полнымъ отчаяніемъ и во Львовѣ, и во временномъ правительствѣ»...

Такъ, передъ закатомъ своей государственной дѣятельности, князь Львовъ

---

1) «Красный Архивъ», т. 20, стр. 65-66.

То же самое выраженіе употребилъ князь въ бесѣдѣ съ Е.М. Ельцовой: — «Мы — обреченные. Щепки, которыхъ несетъ потокъ», — сказалъ онъ. («Соврем. Записки», № 25, стр. 278-279). Мемуаристка описываетъ его мрачное, подавленное настроеніе. На вопросы о томъ, почему онъ не защищается, князь отвѣтилъ между прочимъ: «Нѣтъ-нѣтъ! развѣ это озможно? Начать борьбу, значитъ — начать гражданскую войну, а это значитъ — открыть фронтъ. Это невозможно! — упорно и мрачно повторилъ онъ. — «Мы — погребенные».

вынужденъ былъ сносить безобразныя сцены, въ родѣ разсказанной графомъ Олсуфьевымъ... и сносить не только въ присутствіи, но и отъ лица зажиточной группы того самаго народа, душа котораго представлялась ему всегда столь однородно-прекрасною.

Но большевистское вооруженное возстаніе превысило мѣру его терпѣнія. Глаза окончательно открылись. Онъ понялъ, что дальнѣйшіе компромиссы невозможны. Ему уже были извѣстны результаты первыхъ шаговъ начатаго въ глубокой тайнѣ разслѣдованія о снабженіи большевиковъ деньгами германскимъ генеральнымъ штабомъ. Пришло время дѣйствовать или уходить.

7-го Іюля въ совѣтѣ министровъ возникъ вопросъ о пополненіи или реорганизаціи кабинета. Князь Львовъ счелъ себя обязаннымъ предварительно доложить министрамъ тѣ основанія, на которыхъ онъ можетъ остаться во главѣ правительства. Нужно сохранить коалиціонный характеръ кабинета, но немедленно приступить къ осуществленію слѣдующей программы: 1 — послѣдовательная борьба съ представителями анархическихъ и большевистскихъ теченій, которыя своими призывами къ активнымъ выступленіямъ вредятъ блестяще начавшемуся наступленію нашей арміи и дезорганизуютъ страну; 2 — борьба со всякаго рода захватами земли и инвентаря фабрикъ, заводовъ и проч.; 3 — устраненіе всего, что обостряетъ борьбу въ странѣ; 4 — подготовка выборовъ въ учредительное собраніе должна протекать въ условіяхъ, обезпечивающихъ народу возможность выразить свою подлинную волю. Поэтому, должны быть устранены всякія попытки къ разрѣшенію коренныхъ вопросовъ будущаго устройства Россіи до учредительнаго собранія.

Сообщенная кн. Львовымъ программа встрѣтила рядъ возраженій со стороны министровъ-соціалистовъ, настаивавшихъ на немедленномъ проведеніи въ жизнь ряда законопроектовъ по земельному вопросу для узаконенія осуществившихся на мѣстахъ измѣненій. Дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній по этому поводу привелъ къ неожиданному обсужденію событій 3-5 Іюля и роли временнаго правительства въ эти дни. Выяснилось слѣдующее. Когда вооруженные рабочіе и часть петроградскаго гарнизона выступили съ оружіемъ въ рукахъ противъ временнаго правительства, послѣднее рѣшило принять всѣ мѣры къ подавленію мятежа, не останавливаясь передъ примѣненіемъ вооруженной силы. По предложенію князя Г. Е. Львова, были вызваны призванныя части войскъ и рѣшено было вызвать значительныя силы съ фронта. Совѣтъ р. с. и кр. депутатовъ присоединился къ этой мѣрѣ. Однако, министры-соціалисты, руководясь указаніями своихъ «совѣтовъ» (или партій), противодѣйствовали предложенію другихъ членовъ правительства относительно немедленнаго ареста лидеровъ большевиковъ, указывая на то, что означенныя лица *являются идейными работниками, и какъ таковые, въ свободной странѣ должны пользоваться свободой выражать свои мнѣнія. Лидеры большевиковъ*, по мнѣнію министровъ-соціалистовъ, *отнюдь не причастны къ мятежу*.

Правда, по предложенію Керенскаго, вопросъ о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ группъ большевистскихъ руководителей былъ поставленъ на новое обсужденіе и разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; при этомъ совѣтъ р., с. и кр. депутатовъ согласился на репрессіи противъ лидеровъ большевиковъ, но затѣмъ потребовалъ, чтобы правительство немедленно опубликовало новую программу своей дѣятельности, причемъ въ эту программу должно быть внесено незамедлительное изданіе закона объ упраздненіи Государственной Думы и о проведеніи всѣхъ законопроектовъ, разработанныхъ министромъ земледѣлія Черновымъ и объ объявленіи Россіи демократической республикой. При-

чемъ всѣ эти мѣры должны быть осуществлены временнымъ правительствомъ *до* учредительнаго собранія.

Сверхъ того, для министровъ-соціалистовъ оказалось обязательнымъ постановленіе совѣта с., р. и кр. депутатовъ о томъ, что временное правительство обязано руководствоваться рѣшеніями всероссійскихъ съѣздовъ этихъ депутатовъ.

Князь Львовъ протестовалъ, но не поддержанный большинствомъ — вынужденъ былъ сложить свои полномочія предсѣдателя совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ замѣчательномъ документѣ, приведенномъ нами только-что со словъ современнаго оффиціознаго сообщенія (1) все характерно: и признаніе «идейныхъ работниковъ» — большевистскихъ лидеровъ — не причастными къ большевистскому вооруженному мятежу; и вмѣшательство Керенскаго, который долженъ былъ обнаружить передъ совѣтомъ тайны питанія мятежа во время начавшагося русскаго наступленія деньгами германскаго генеральнаго штаба черезъ большевистскихъ лидеровъ; и согласіе совѣта на арестъ предателей; и требованіе за этотъ подвигъ компенсацій въ видѣ немедленнаго признанія Черновскихъ земельныхъ законопроектовъ, а также другихъ законовъ, узурпирующихъ права учредительнаго собранія!...

На другой день князь Львовъ прислалъ въ совѣтъ министровъ слѣдующее письмо:

— «Послѣ подавленія вооруженнаго мятежа въ Петроградѣ, подъ вліяніемъ представителей крайнихъ соціалистическихъ теченій, временное правительство приняло рѣшеніе о немедленномъ осуществленіи предложенной министрами - соціалистами программы дальнѣйшей дѣятельности правительства. Эта программа пріемлема для меня только въ тѣхъ частяхъ, которыя являются повтореніемъ и развитіемъ основныхъ началъ, объявленныхъ временнымъ правительствомъ въ ранѣе изданныхъ декларацiяхъ. Но она непріемлема для меня въ цѣломъ — въ виду явнаго уклоненія ея отъ непартійныхъ началъ въ сторону осуществленія чисто партійныхъ соціалистическихъ цѣлей, въ особенности въ тѣхъ частяхъ ея, которыя раньше ставились на рѣшеніе временнаго правительства и противъ которыхъ я уже неоднократно высказывался. Къ таковымъ относятся немедленное провозглашеніе республиканскаго образа правленія въ Россійскомъ государствѣ, являющееся явной узурпацией верховныхъ правъ Учредительнаго Собранія, единаго дѣйствительнаго выразителя народной воли. Также вторженіемъ въ права Учредительнаго Собранія является проведеніе намѣченной аграрной программы. Давая на это согласіе, я нарушилъ бы обязательство принятой мною на себя по долгу присяги передъ народомъ. Далѣе идутъ роспускъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и нѣкоторые второстепенные пункты той же программы, имѣющіе меньшее значеніе, но носящіе однако характеръ выбрасыванія массамъ, во имя демагогіи и удовлетворенія ихъ требованій мелкаго самолюбія, государственныхъ моральныхъ цѣнностей. Будучи сторонникомъ перехода земли въ руки трудового крестьянства, я тѣмъ не менѣе нахожу, что земельные законы, внесенные министромъ земледѣлія на утвержденіе временнаго правительства, непріемлемы для меня не только по ихъ содержанію, но и по существу заключающейся въ нихъ политики. Въ деклараціи преобразованнаго 6-го Мая временнаго правительства было установлено урегулированіе землепользованія въ интересахъ

1) Русскія Вѣдомости, 1917 г., № 154.

народнаго хозяйства трудящагося населенія, но, по моему мнѣнію, министерство земледѣлія, отступая отъ нея, проводитъ законы, подрывающіе народное правосознаніе. Они не только не борются съ захватными стремленіями и не только не нормируютъ и не вводятъ въ русло земельныя отношенія, но какъ бы оправдываютъ гибельные происходящіе во всей Россіи самочинные захваты, закрѣпляютъ совершившіеся уже захваты, и въ сущности стремятся поставить Учредительное Собраніе передъ фактомъ уже рѣшеннаго вопроса. Я вижу въ нихъ осуществленіе партійной программы, а не мѣропріятій, отвѣчающихъ общегосударственной пользѣ. Я предвижу, что въ конечномъ своемъ развитіи они обманутъ чаянія народа и приведутъ къ невозможности осуществленія государственной земельной реформы. Считаю земельную программу, проводимую министромъ земледѣлія, гибельной для Россіи, ибо онъ оставитъ ее разоренной и подорванной и въ моральномъ, и въ матеріальномъ отношеніи и опасаюсь, что она создастъ внутри Россіи то, съ чѣмъ временное правительство энергично боролось въ послѣдніе дни въ Петроградѣ. Я не касаюсь тѣхъ многочисленныхъ разногласій между мною и большинствомъ временнаго правительства въ пониманіи существа вопросовъ государственной жизни и тѣхъ условій, въ которыхъ дѣятельность временнаго правительства поставлена. Не могу не указать на принятіе четвертаго Іюля при участіи министровъ-соціалистовъ постановленія исполнительныхъ комитетовъ совѣтовъ р., с. и кр. депутатовъ объ обязательности для всего временнаго правительства руководствоваться въ своей дѣятельности рѣшеніями всероссійскаго съѣзда этихъ депутатовъ. Эти разногласія особенно участились въ послѣднее время. Они неоднократно ставили передо мною вопросъ о невозможности для меня оставаться во главѣ временнаго правительства, но я всегда до послѣднихъ дней считалъ своимъ долгомъ въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится страна, находить пути къ соглашеніямъ въ цѣляхъ сохраненія единства воли временнаго правительства. Нынѣ, въ виду глубокаго расхожденія въ пониманіи стоящихъ передъ правительствомъ задачъ, я по долгу совѣсти передъ родиной не считаю себя въ правѣ принимать участіе въ проведеніи въ жизнь принятыхъ временнымъ правительствомъ программъ.

Я выхожу изъ состава временнаго правительства и слагаю съ себя обязанности министра предсѣдателя и министра внутреннихъ дѣлъ. 8 Іюля 1917 года. 3 часа».

Уходя, кн. Львовъ предложилъ замѣстить его, какъ министра-предсѣдателя, А. Ф. Керенскимъ. Предложеніе это было принято.

Въ своихъ воспоминаніяхъ (1) А. Ф. Керенскій посвящаетъ нѣсколько задушевныхъ страницъ характеристикѣ князя Львова. Въ русской версіи отрывковъ изъ тѣхъ же воспоминаній (2) А. Ф. Керенскій пишетъ объ уходѣ князя Львова: «Для его мягкой манеры управлять — настали времена слишкомъ трудныя. Необходимо было больше рѣзкости въ обращеніи съ людьми, больше внѣшняго нажима въ манерѣ управленія. Впрочемъ, мнѣ очень трудно говорить объективно о причинахъ ухода кн. Львова, во первыхъ, потому, что

1) Alexandre Kerenski. «La Révolution Russe» P. 1928, p. p. 122-127.

2) Современныя Записки», XXXVIII, стр. 251-252.

его мѣсто пришлось занять мнѣ, а во вторыхъ, потому что мое личное отношеніе къ этому замѣчательному, нынѣ покойному, человѣку, не даетъ мнѣ возможности видѣть въ его дѣятельности тѣ слабыя стороны, которыя, конечно, и у него были, какъ у каждаго изъ насъ».

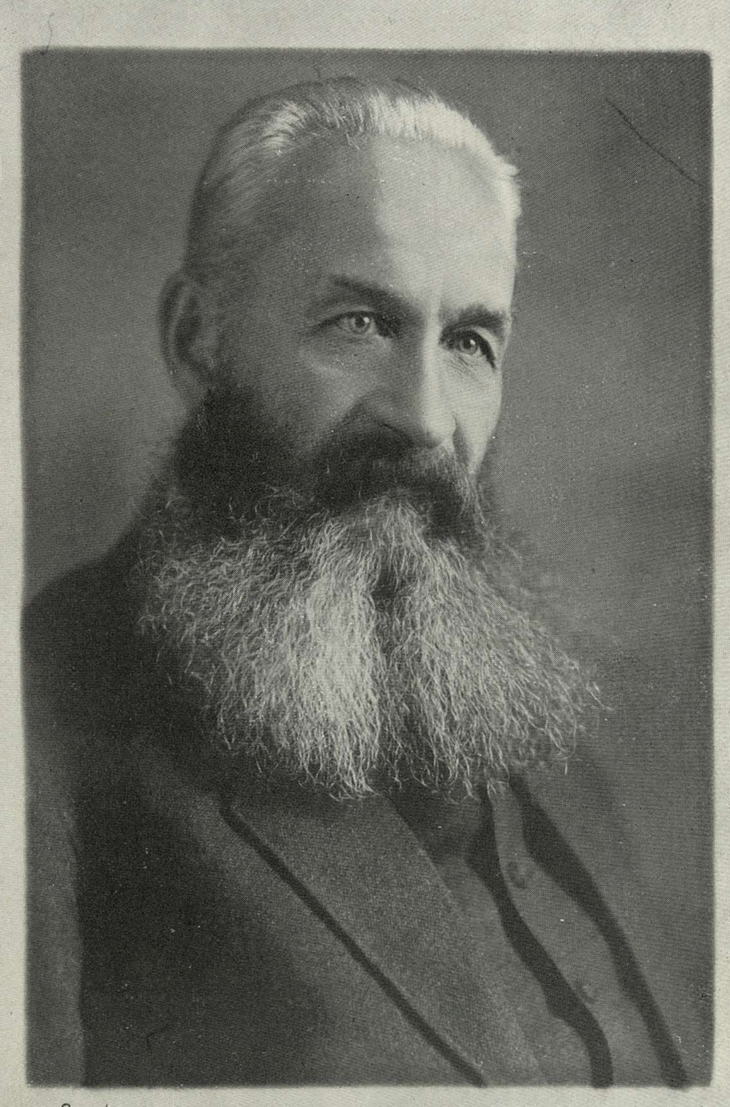
Мнѣ довелось говорить съ княземъ Львовымъ девятаго Іюля, днемъ. Свиданіе состоялось въ министерской квартирѣ князя. Я не сразу узналъ Георгія Евгеніевича. Передо мною сидѣлъ старикъ съ бѣлой, какъ лунь, головою, опустившійся, съ медленными, рѣдкими движеніями, столь непохожими на обычную быструю и энергичную повадку князя. Сидѣвшій передо мною старикъ казался совершенно изношеннымъ. Не улыбаясь, онъ медленно подалъ мнѣ руку.

Я поздравилъ его съ благополучнымъ уходомъ изъ временнаго правительства.

Онъ сказалъ очень серіозно: — Въ сущности, я ушелъ потому, что *мнѣ* ничего не оставалось дѣлать. Для того, чтобы спасти положеніе, надо было-бы разогнать совѣты и стрѣлять въ народъ. Я не могъ этого сдѣлать. А Керенскій это можетъ...

Выходя вмѣстѣ со мною изъ кабинета, князь еле передвигалъ ноги, держась за попадавшуюся по дорогѣ мебель. Казалось, это былъ конченный человѣкъ, перенесшій только-что долгую, тягостную болѣзнь.

— «Разогнать совѣты!» А. Ф. Керенскій тоже не смогъ сдѣлать этого, — если даже и хотѣлъ...

Глубоко уважаемому и дорогому Тихону Ивановичу в знак уважения и любви укрепленных продолжительной совместной работой Князь Львов

15/V 192. Париж.

Глава восьмая

ВЪ ТЮРЬМѢ.

13 Іюля близкіе увезли князя Львова изъ Петрограда — прямо въ санаторію на станцію Химки — близъ Москвы. Вылежавшись, поправившись и собравшись съ силами, Георгій Евгеніевичъ снова посѣтилъ старцевъ Оптиной Пустыни. О чемъ бесѣдовалъ онъ съ ними на этотъ разъ? Въ точности мы не знаемъ. Повидимому, однако, рѣчь снова шла объ осуществленіи его давнишней мечты. Но еще разъ старецъ послалъ его въ міръ, найдя недостаточнымъ очищеніе его пережитыми страданіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ старецъ поддержалъ князя нѣкоторыми оптимистическими завѣреніями о будущности Россіи и предсказалъ, что видитъ его не въ послѣдній разъ (1).

Вернувшись въ Москву въ Августѣ, во время Государственнаго Совѣщанія, князь Львовъ рѣшилъ совершенно устраниться отъ политики.

Большевистскій переворотъ окончательно укрѣпилъ его въ этомъ рѣшеніи. Свирѣпый ликъ большевистскаго возстанія испугалъ князя. Онъ зналъ, что, попадись онъ въ руки большевистскимъ лидерамъ, они не пощадятъ его. Идти-же на безполезное мученичество — у него не было никакихъ побужденій. Онъ перемѣнилъ имя, отпустилъ бороду и уѣхалъ въ Сибирь. Поселившись въ Тюмени, онъ дѣлалъ большія поѣздки, изучая народную жизнь Западной Сибири и ея естественные рессурсы. Казалось, скоро наступитъ время и необходимость приняться, какъ слѣдуетъ, за разработку послѣднихъ. Къ тому-же надо было жить чѣмъ-нибудь. Повидимому, на случай затяжки большевистской заварухи, существовалъ планъ создать обширное торгово-промышленное предпріятіе въ Сибири. Князя Львова уговаривали принять въ немъ участіе.

Но у него зрѣли въ головѣ другіе планы.

Съ тѣхъ поръ, какъ большевики начали вооружать германскихъ и венгерскихъ плѣнныхъ и съ ихъ помощью захватывать Сибирь, а въ Брестъ-Литовскѣ открылись переговоры о мирѣ съ Германіей, князя Львова поманила мысль обратиться за помощью въ Америку. Личность Вильсона всегда чрезвычайно импонировала князю: въ идеалистически настроенномъ президентѣ Соединенныхъ Штатовъ онъ надѣялся найти и затронуть человѣческія струны и сочувствіе къ Россіи. Германско-совѣтскому засилію мечталъ онъ противопоставить свободную и безкорыстную помощь американскаго народа. Предпріятіе еще смутно рисовалось въ его умѣ: нужно было добраться черезъ объятую

---

1) Предсказаніе это не оправдалось; о немъ говорилъ мнѣ самъ Георгій Евгеніевичъ.

гражданской войной Сибирь до Владивостока. Нужны были средства и полномочія... Но уже тогда порѣшилъ онъ выписать изъ Москвы двухъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ по Земскому Союзу. Пользуясь проѣздомъ одного надежнаго земца, онъ передалъ ему тряпочку, которую тотъ зашилъ въ свое платье. На тряпочкѣ этой князь крупными буквами начерталъ приглашеніе В. В. Вырубову и Т. И. Полнеру пробраться въ Сибирь, чтобы предпринять дальше совмѣстную поѣздку.

Тряпочка благополучно нашла въ Москвѣ сотрудниковъ князя и они принялись за подготовку дальняго путешествія...

Но внезапно планы князя Львова были прерваны. 28 Февраля 1918 г. — его арестовали.

Георгій Евгеніевичъ не разъ при мнѣ разсказывалъ о пребываніи своемъ въ большевистской тюрьмѣ. Тогда-же — (осенью 1918 года) я тщательно записалъ этотъ разсказъ. Князь его провѣрилъ, дополнилъ и, такъ сказать, утвердилъ. Благодаря этой случайности, дальнѣйшія событія могутъ быть изложены словами самого князя.

— «Въ концѣ Февраля 1918 года»,—говорилъ онъ—«меня схватили въ Тюмени. Толпа матросовъ и рабочихъ явилась встряхнуть старую сибирскую жизнь и завести новые порядки. Во главѣ стоялъ восемнадцатилѣтній большевистскій комиссаръ — Запкусъ. Началось съ контрибуціи — довольно увѣсистой, кончилось арестами и разстрѣлами. Для острастки въ одной Тюмани онъ разстрѣлялъ безъ суда 32 человѣка и вывѣсилъ прокламацію съ обѣщаніемъ въ дальнѣйшемъ разстрѣливать всѣхъ враговъ коммунистической революціи «въ два счета»....

«Для насъ событія развивались быстро. Въ отрядѣ начались споры. Ссорились изъ-за меня. Матросы хотѣли везти меня въ Кронштадтъ — заложникомъ революціи. Рабочіе требовали передачи всѣхъ арестованныхъ Екатеринбургскому совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Запкусъ попался въ какихъ то нечистыхъ дѣлахъ и очутился въ тюрьмѣ. Отрядъ распался. Рабочіе и солдаты повезли меня и моихъ товарищей въ Екатеринбургъ. Въ пути было трудное время. Мы жили въ атмосферѣ убійствъ. У насъ на глазахъ тащили людей изъ вагоновъ, ставили «къ дровамъ» и разстрѣливали. На первыхъ порахъ съ нами обращались грубо, пугали, грозили. По нѣскольку разъ въ день насъ выводили на станціяхъ къ толпѣ раздраженныхъ рабочихъ. Начиналось всегда съ оскорбленій и криковъ: на насъ вымещали пережитыя неправды. Каждый разъ,выходя и слыша издѣвательскіе и злобные возгласы, мы не знали, вернемся-ли въ вагонъ... Скрѣпя сердце, я снималъ шапку, кланялся низко, желалъ имъ счастья въ новой жизни и разговоръ завязывался. Въ общемъ это были все тѣ-же добрые и умные русскіе люди, хотя и возбужденные пропагандой. Ихъ «классовая ненависть» привита была весьма поверхностно и ассоціировалась съ пережитыми въ прежнее время невзгодами. Но доброе сердце брало свое: во время бесѣды злоба исчезала, лица принимали человѣческое выраженіе, появлялись улыбки и, расходясь, они снимали шапки и желали мнѣ удачи...

«Мы пробыли въ вагонѣ около недѣли. Скоро и стража наша измѣнила свое отношеніе. Они приходили ко мнѣ и подолгу бесѣдовали на политическія и соціальныя темы. Потомъ они стали приглашать насъ къ себѣ — попить вмѣстѣ чайку и покалякать. Угрозы и ругань прекратились. Перестали и выводить къ толпѣ. Въ Екатеринбургѣ, оставаясь въ вагонахъ, мы пользовались всякими льготами: гуляли на воздухѣ, сколько хотѣли, получали газеты, имѣли свиданія съ родными, которые пріѣхали за нами изъ Тюмени. Когда наша дружба

со стражей дошла до вѣдома мѣстнаго совѣта, приказано было перевести насъ въ тюрьму. Тюрьмы Екатеринбурга были переполнены. Съ нами томились въ заключенiи въ одномъ зданiи полторы тысячи человѣкъ. Жить въ такихъ условiяхъ казалось невозможнымъ, а каждый день прибывали все новые и новые узники... Наконецъ, насъ перевели въ другое,совершенно неприспособленное помѣщенiе. Тамъ мы нашли трехъ заключенныхъ. Но скоро число ихъ возрасло до 55. Во главѣ трехъ смотрителей поставленъ былъ начальникомъ тюрьмы большевикъ — столяръ съ петербургской фортепьянной фабрики Беккера. Съ удовольствiемъ вспоминаю этого человѣка. Голова его, правда, переполнена была сверхъ-радикальными идеями, а уста источали цѣлый потокъ иностранныхъ словъ въ комбинацiяхъ неожиданныхъ и странныхъ. Но все это оставило нетронутымъ его золотое сердце. Это былъ идеалистъ чистой воды. Онъ уже усталъ отъ крови и большевистскаго террора. Онъ жаждалъ покоя и мира — мира общаго, всесвѣтнаго. Этотъ человѣкъ не имѣлъ понятiя о деревнѣ и ея жизни, но всецѣло былъ поглощенъ мечтою вернуться на родину и приняться вплотную за обработку земли. Мы сошлись на этомъ: я разсказывалъ ему о жизни въ деревнѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, о домашнихъ животныхъ и птицахъ; онъ повѣрялъ мнѣ свои революцiонныя сомнѣнiя и совѣтовался о томъ, какъ установить порядокъ въ тюрьмѣ. Но что могъ онъ сдѣлать? Ежедневно ему командировали смѣнную стражу — двѣнадцать человѣкъ военноплѣнныхъ — нѣмцевъ или австрiйцевъ, которые каждый день заводили *свои* порядки въ тюрьмѣ и высокомѣрно требовали ихъ выполненiя. Эти вновь испеченные большевики держали себя вызывающе и не желали подчиняться комиссару. Въ тюрьмѣ царили хаосъ и безсмысленная жестокость. Старый тюремный уставъ былъ отброшенъ, никакихъ новыхъ установленiй не создано. Наконецъ, комиссаръ упросилъ меня написать новыя правила тюремнаго распорядка. Я набросалъ рядъ положенiй (главнымъ образомъ — гигiеническихъ), необходимыхъ и неизбѣжныхъ во всякомъ общежитiи. Столяръ былъ въ восторгѣ и немедленно представилъ проектъ «новаго тюремнаго устава» въ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Начались безконечныя пренiя. Не знаю, закончились-ли они послѣ выхода моего изъ тюрьмы. Но мы не ожидали утвержденiя и сразу ввели новый распорядокъ въ жизнь.

Вѣчныя ссоры между военноплѣнной стражей и комиссаромъ и взаимныя жалобы побудили «министровъ» сдѣлать распоряженiе о нарядѣ къ намъ, вмѣсто нѣмцевъ и австрiйцевъ, русской и латышской стражи, съ которою мы быстро успѣли сговориться.

Неприспособленное зданiе тюрьмы утопало въ грязи и пыли. Два раза въ недѣлю я мылъ полъ моей комнаты и тщательно вытиралъ тряпкою стѣны, двери, окно... Въ «новыхъ правилахъ» содержались простыя требованiя чистоты, указанiя, какъ бороться со вшами и клопами, какъ топить печи, какъ содержать отхожiя мѣста... Для всего этого, конечно, нужно было только немного практическихъ знанiй жизни и здраваго смысла. Но ни того, ни другого большевики не могли предъявить... Хуже всего обстояло дѣло съ пищей. На каждаго заключеннаго отпускалось въ день по рублю. Стража должна была на эти деньги закупать провизiю и доставлять въ тюрьму. Но что можно было купить на рубль, когда фунтъ хлѣба стоилъ два рубля, а всѣ остальные продукты еще дороже? О горячей пищѣ рядовому заключенному нечего было и мечтать. Я и двое моихъ друзей жили на своихъ харчахъ, получая пищу отъ нашихъ близкихъ, переѣхавшихъ въ Екатеринбургъ. Большинство же заключенныхъ голодало въ буквальномъ смыслѣ слова. Вокругъ насъ томи-

лась самая разнообразная публика: князь Долгорукій, сопровождавшій царя въ Тобольскъ, епископъ Гермогенъ и нѣсколько священниковъ съ нимъ, офицеры, студенты, соціалисты, враждебные коммунизму, уголовные... Помню еще двухъ придворныхъ лакеевъ, оставшихся вѣрными царской семьѣ.... Большинство этихъ людей погибло: однихъ пристрѣлили, другихъ потопили (епископъ Гермогенъ) черезъ двѣ недѣли послѣ моего выхода изъ тюрьмы. На Екатеринбургъ надвигались чехословаки и большевики заранѣе приняли свои мѣры. — Прохаживаясь по двору во время прогулки, я замѣтилъ разъ два большихъ котла, въ которыхъ, повидимому, отваривали когда-то бѣлье. Мы вмазали ихъ при помощи нашего начальника тюрьмы, и я выступилъ съ предложеніемъ давать каждому заключенному за его рубль $1^1/_2$ тарелки горячихъ мясныхъ щей. Тюрьма отнеслась къ предложенію недовѣрчиво. Я послалъ на свой счетъ за провизіей. Когда я надѣлъ передникъ, тюрьма пришла въ движеніе. Всѣмъ разрѣшено было въ этотъ день участвовать въ дѣлѣ. Одни носили воду, другіе кололи дрова, третьи топили печь; многіе помогали самой стряпнѣ, но я твердо держалъ власть въ рукахъ и велъ лично все дѣло. Я поручилъ купить шесть фунтовъ мяса по три рубля, 13 фунтовъ капусты по рублю, $^1/_2$ ф. масла на 4 рубля, муки, соли, лавроваго листа и перцу на два рубля. При общемъ участіи и вниманіи я началъ съ приправы, поджаривая лукъ съ масломъ. Капуста варилась отдѣльно. Я вырѣзалъ жилы изъ мяса, билъ его скалкою и рѣзалъ на мелкіе кусочки. Когда капуста сварилась съ мясомъ, я подлилъ приправу. Дѣло простое — какъ видите, но за каждымъ моимъ движеніемъ слѣдило множество глазъ. Это нервировало меня самого и рѣдко въ жизни я ждалъ успѣха своего дѣла съ такимъ нетерпѣніемъ. Тріумфъ былъ полный: щи вышли на славу и получили наименованіе «премьерскихъ щей», а я до самаго выхода изъ тюрьмы остался безспорнымъ главнымъ поваромъ и руководителемъ кухни. Рыночныя цѣны мѣнялись, конечно, но въ среднемъ стоимость продуктовъ колебалась отъ 48 до 53 рублей и почти все время я могъ изъ рубля возвращать своимъ товарищамъ по нѣскольку копеекъ. Успѣхъ «премьерскихъ щей» превзошелъ всѣ ожиданія. Наши смотрители вошли въ артель. Начальникъ тюрьмы пересталъ обѣдать дома и ѣлъ съ нами. Стража тоже втянулась въ это дѣло и становилась все добрѣе. По городу пошли разсказы о «премьерскихъ щахъ». «Министры», допрашивавшіе меня, проявляли большую вѣжливость. Смѣшно сказать, но мои кулинарные таланты создали мнѣ совсѣмъ особое положеніе въ тюрьмѣ. Я гордился этимъ и радовался, потому что затѣвалъ новое дѣло — съ моей точки зрѣнія, гораздо болѣе важное. Прогулки наши были кратки. Между тѣмъ наступала весна и казалось важнымъ въ гигіеническомъ отношеніи дать заключеннымъ возможность проводить больше времени на воздухѣ. Мнѣ хотѣлось соединить это съ пріятнымъ трудомъ и я задумалъ заняться огородомъ. Послѣ долгихъ хлопотъ нашего комиссара, мы получили одну грядку. Вторую, третью и четвертую мы вскопали и засѣяли самовольно. Когда «министры» поставлены были передъ совершившимся фактомъ, они «пересмотрѣли рѣшеніе», а я занялъ огородомъ не только нашъ, но и сосѣдній дворъ. Мы сняли и вынесли верхній слой глины, натащили въ тачкахъ и на носилкахъ хорошаго чернозема изъ окрестностей, унавозили грядки изъ заброшеннаго коровника. Какъ китайцы, копались мы цѣлые дни на огородѣ, работая двумя лопатами, найденными на дворѣ, а по большей части руками. Начальникъ тюрьмы (столяръ-большевикъ) сіялъ, глядя на наши труды. Онъ притащилъ ко мнѣ шестилѣтнюю дочку свою Таничку и милый ребенокъ довѣрчиво положилъ свою рученку въ мою руку. Танич-

ка немедленно приняла участіе въ нашей работѣ, вымазалась вся въ землѣ и ни за что не хотѣла уходить отъ «дѣдушки». И потомъ, при восторженномъ одобреніи отца, она участвовала во всѣхъ нашихъ работахъ и забавляла насъ своимъ непрерывнымъ лепетомъ...

Сѣмена доставили съ воли мои близкіе. Мы сѣяли рѣдьку, хрѣнъ, рѣпу, горохъ, бобы, морковь, свеклу, картофель, капусту, лукъ. Ни одно мое начинаніе на волѣ не принесло такихъ блестящихъ результатовъ. Огородъ далъ чудесные всходы. Въ Августѣ, черезъ два мѣсяца по выходѣ на свободу, я вернулся въ Екатеринбургъ, который былъ уже въ рукахъ чехословаковъ. Я заѣхалъ въ тюрьму. Меня встрѣтили радостно тѣ же смотрители. Начальника не было; мнѣ разсказывали, что онъ не выдержалъ окружавшей его крови и застрѣлился. Въ тюрьмѣ, на нашихъ мѣстахъ, сидѣли большевики. И великолѣпно разросшійся огородъ разнообразилъ ихъ пищу.

Въ тюрьмѣ я пробылъ три мѣсяца. Моя жизнь и свобода зависѣли отъ Екатеринбургской «чека». Въ это почтенное учрежденіе входили всѣ «министры» Уральскаго «правительства». Во главѣ его стоялъ довольно свирѣпый, повидимому, человѣкъ — зубной врачъ Голощекинъ, именовавшій себя «военнымъ министромъ»; говорятъ, впослѣдствіи именно онъ разстрѣлялъ безъ суда царскую семью. «Министромъ юстиціи» былъ Поляковъ — студентъ юристъ, неокончившій курса, лѣвый эсеръ, примкнувшій къ большевикамъ. Замѣстителемъ предсѣдателя былъ Войковъ, какъ говорили, родственникъ Ленина. Постъ «министра внутреннихъ дѣлъ» занималъ Чуткаевъ — мелкій земскій служащій. Ни законовъ, ни границъ власти этихъ людей надъ населеніемъ не существовало. «Чрезвычайная комиссія для борьбы съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей» («чека») не стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ никакими «буржуазными предразсудками», никакими формальностями. Въ принципѣ ею должна руководить лишь «революціонная совѣсть». Ясно само собою, что, при такихъ условіяхъ, каждый поступокъ каждаго человѣка могъ быть подведенъ либо подъ контръ-революцію, либо подъ саботажъ совѣтскихъ начинаній, либо подъ спекуляцію. Запкусъ вышелъ со своими матросами на охоту и сразу напалъ, какъ онъ думалъ, на хорошую дичь. Онъ арестовалъ меня по обвиненію въ томъ, что я участвовалъ въ организаціи во Владивостокѣ контръ-революціоннаго «правительства береговой полосы». Обвиненіе казалось нелѣпымъ даже моимъ судьямъ. Его отбросили. Но надо было указать мнѣ мою вину, о чемъ я неизмѣнно настаивалъ на допросахъ. Мои взгляды были извѣстны. Всю жизнь я боролся со злоупотребленіями бюрократіи и самодержавія. Теперь по собственному почину, я отошелъ отъ всякой политической дѣятельности и не могъ быть ни въ какой мѣрѣ страшенъ большевикамъ. Мои друзья усердно хлопотали въ Москвѣ и имъ удалось понудить Ленина послать телеграмму въ Екатеринбургъ съ предложеніемъ либо предъявить мнѣ опредѣленное обвиненіе, либо выпустить меня на свободу. Все было спокойно въ Екатеринбургѣ въ то время, никто не угрожалъ большевикамъ и, казалось, не было резоновъ просто вывести меня «къ стѣнкѣ». Мои судьи, повидимому, очень хотѣли найти приличный поводъ къ обвиненію и инсценировать процессъ. Но на допросахъ они не знали, о чемъ меня спрашивать. А я неизмѣнно пытался подойти къ ихъ совѣсти. Я говорилъ имъ: «Запкусъ поставилъ васъ въ затруднительное положеніе. Мнѣ непріятно видѣть, какъ вы боретесь съ собственной совѣстью. Вѣдь въ концѣ концовъ все это — одна болтовня и для васъ неизбѣжно освободить меня, если вы хотите даже съ вашей собственной точки зрѣнія поступать справедливо». Они сердились, грозно заявляли, что моя вина доказана тяжкими ули-

ками, имѣющимися въ ихъ рукахъ, и что я не уйду отъ заслуженнаго наказанія. А я все твердилъ свое. Дважды въ недѣлю я посылалъ письма роднымъ. Письма, конечно, вскрывались въ «чека». И комиссары неизмѣнно читали въ нихъ грустныя размышленія о людяхъ, которые стараются въ моемъ дѣлѣ подавить голосъ совѣсти и чувство справедливости. Мнѣ кажется, такое поведеніе производило на комиссаровъ извѣстное воздѣйствіе и подготовляло мое освобожденіе. Постепенно я началъ настаивать на предъявленіи мнѣ, наконецъ, опредѣленнаго обвиненія и позволялъ даже себѣ слегка высмѣивать своихъ судей. Наконецъ, обвиненіе формулировано и предъявлено мнѣ. Я обвинялся въ работѣ на контръ-революціонное сообщество, имѣвшее цѣлью объединить въ Сибири противниковъ коммунистической власти. Обвинительный актъ свидѣтельствовалъ, что ни самое сообщество, ни его непосредственные участники — не могли быть обнаружены. Обвиненія самимъ обвинителямъ казались столь слабыми и необоснованными, что они склонились на наши настоянія и рѣшили выпустить насъ на свободу (меня и арестованныхъ вмѣстѣ со мною — земца Н. С. Лопухина и земскаго хирурга князя Голицына). Къ моменту суда мы обязаны были вернуться въ Екатеринбургъ. Выйдя на свободу, мы выѣхали изъ города, не теряя ни минуты.

«Я вѣрю въ человѣческую душу. Во всѣхъ, даже самыхъ жестокихъ сердцахъ живутъ человѣческія чувства и совѣсть. Страсти могутъ затемнить на время эти чувства, но умѣйте подойти къ нимъ, и звѣрь станетъ снова человѣкомъ».

Долженъ сказать, что по наведеннымъ справкамъ, далеко не все происходило такъ просто и гладко, какъ казалось уже на свободѣ самому Георгію Евгеніевичу.

Мы хлопотали, конечно, въ Москвѣ самымъ усиленнымъ образомъ. И одинъ изъ большевизанствующихъ адвокатовъ, якобы другъ Ленина, утверждалъ, что ему удалось видѣть диктатора, говорить съ нимъ о князѣ Львовѣ и убѣдить его отправить въ Екатеринбургъ телеграмму, о которой шла рѣчь выше. Мы извѣстили объ этомъ Георгія Евгеніевича. Но была-ли, въ дѣйствительности, послана такая телеграмма — остается подъ сомнѣніемъ: всѣ наши розыски слѣдовъ ея остались тщетными. Быть можетъ, телеграмма эта — плодъ фантазіи адвоката или одно изъ невыполненныхъ обѣщаній Ленина. Къ тому же такое обращеніе центра имѣло въ то время мало значенія: на мѣстахъ правители чувствовали себя совершенно независимыми и подчасъ демонстративно игнорировали Москву. Систематическій терроръ еще не начался и Дзержинскій не приступилъ еще къ своимъ кровавымъ подвигамъ. Но по всей Россіи образовались уже чека, «вино власти» бросилось въ головы мѣстныхъ узурпаторовъ и со всѣхъ концовъ Россіи уже шли слухи о насиліяхъ и убійствахъ. И въ Екатеринбургѣ Голощекинъ уже проявлялъ свои садистскія наклонности. Въ тюрьмѣ было тревожно... До такой степени тревожно, что наступилъ моментъ, когда князь Львовъ, Н. С. Лопухинъ и князь Голицынъ рѣшили рискнуть жизнью и организовать побѣгъ. Дѣло зашло такъ далеко, что Георгій Евгеніевичъ написалъ объ этомъ одному изъ Екатеринбургскихъ знакомыхъ, прося приготовить на опредѣленное число убѣжище на троихъ. Этотъ знакомый поставленъ былъ въ ужасное положеніе. Онъ былъ убѣжденъ, что предпріятіе не можетъ удасться; провалъ его означалъ разстрѣлъ всѣхъ троихъ заключенныхъ; а Георгій Евгеніевичъ писалъ, что отсутствіе отвѣта принято будетъ ими за согласіе участвовать въ организаціи побѣга. Къ счастью, удалось во время передать письмо, убѣдившее заключенныхъ отказаться отъ опаснаго плана. Разсказъ объ этомъ я слышалъ не отъ Георгія Евгеніевича,

а отъ Екатеринбургскаго его контрагента . Послѣдній передавалъ мнѣ также, что едва-ли вѣра Георгія Евгеніевича въ человѣческую душу могла найти подтвержденіе въ поступкахъ Екатеринбургскихъ правителей. Если-бы онъ пробылъ въ тюрьмѣ двумя недѣлями больше, то, несомнѣнно, не остался бы въ живыхъ. Съ самымъ освобожденіемъ трехъ узниковъ дѣло обстояло гораздо сложнѣе, чѣмъ думалъ князь Львовъ. Нѣкоторыя основанія для подозрѣній у судей, все-таки,были. Лелѣя свой планъ о поѣздкѣ въ Америку, Георгій Евгеніевичъ просилъ одного знакомаго молодого человѣка, направлявшагося изъ Тюмени въ Омскъ и далѣе, сообщить ему, свободенъ ли путь отъ большевиковъ. Молодой человѣкъ, гордый высокимъ довѣріемъ, написалъ матери, что ѣдетъ съ весьма важнымъ порученіемъ отъ князя Львова. Письмо попало въ руки большевиковъ и являлось главнымъ основаніемъ ихъ подозрѣній.

Но внутри «правительства» происходила довольно свирѣпая борьба. Поляковъ уже смотрѣлъ въ сторону. Вскорѣ послѣ освобожденія трехъ узниковъ, онъ уѣхалъ въ Москву, участвовалъ въ съѣздѣ и возстаніи лѣвыхъ эсеровъ и самъ попалъ на долго въ тюрьму. Отношеніе этого человѣка къ Георгію Евгеніевичу отличалось двойственностью: съ одной стороны, онъ очень не прочь былъ засудить бывшаго перваго министра, а съ другой — хотѣлъ казаться *настоящимъ* юристомъ и *доказать* обвиненіе по всѣмъ правиламъ юриспруденціи, къ которой онъ успѣлъ только прикоснуться. Къ тому же и онъ, и Чукаевъ имѣли въ прошломъ нѣкоторое отношеніе къ земскому союзу и не могли отрѣшиться отъ того піэтета, которымъ имя Георгія Евгеніевича пользовалось въ этой организаціи.

Какъ бы то ни было, освобожденіе состоялось. Но комиссары не рѣшились сообщить о немъ совѣту солдатскихъ депутатовъ. Послѣднимъ было доложено, что узники переведены въ тюрьму Алапаевскаго завода.

Сверхъ того, чека проявила въ этомъ дѣлѣ какую-то странную растерянность. Немедленно вслѣдъ за отъѣздомъ узниковъ изъ Екатеринбурга, въ Тюмень данъ былъ телеграфный приказъ о новомъ ихъ арестѣ. Но князя Львова успѣли предупредить. Не заѣзжая въ Тюмень, онъ пробылъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ. Затѣмъ онъ двинулся на Ишимъ, по слухамъ, освобожденный чехо-словаками. Въ пути его ждало опасное приключеніе. Отрядъ мадьяръ на 90 подводахъ отступалъ спѣшно. Князь Львовъ со своими спутниками едва успѣлъ спрятаться отъ нихъ въ тайгѣ. Жуткія минуты пришлось пережить во время этого путешествія. Прибывъ благополучно въ Омскъ, князь Львовъ узналъ, что двигаться дальше на Владивостокъ немыслимо. Проживъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ Омска, князь выжидалъ результатовъ уже начавшагося очищенія западной Сибири отъ большевиковъ. Въ Іюлѣ онъ вернулся въ освобожденную Тюмень, прожилъ тамъ нѣкоторое время, въ Августѣ, какъ мы знаемъ, побывалъ въ освобожденномъ Екатеринбургѣ и посѣтилъ тюрьму, гдѣ, съ серьезною опасностью для жизни, провелъ когда-то три мѣсяца.

Глава девятая

ДИПЛОМАТІЯ.

1.

Мысль искать спасенія Россіи у Вильсона мало по малу совершенно овладѣла княземъ Львовымъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ казался душою родственною. Его чистѣйшій идеализмъ представлялся безспорнымъ. Человѣкъ «работавшій на весь міръ, а не для одной Америки» и отказавшійся разговаривать съ «провиденціальнымъ» Вильгельмомъ, — внушалъ невольное почтеніе. У князя Львова давно уже съ Америкой связывались совсѣмъ особыя мысли и надежды. Онъ думалъ, что оздоровленіе Россіи можетъ начаться только изъ Сибири, и что только черезъ нее, обратившись не на западъ, а на востокъ, можно установить новыя связи съ союзниками. Онъ ждалъ, что именно Америка внесетъ новыя начала въ жизнь всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ. Ему казалось, что міровая война — не простое столкновеніе эгоистическихъ интересовъ народовъ, а результатъ міровоззрѣній,которыя отживаютъ свой вѣкъ. На смѣну ихъ должно прійти новое, болѣе широкое міропониманіе, на которомъ и будетъ зиждиться дальнѣйшій прогрессъ общечеловѣческой семьи. Для «молодого свѣта», вслѣдъ за накопленіемъ экономической мощи, несомнѣнно, насталъ періодъ созданія мощи духовной. Когда Америка, «вдохновленная высокими идеями Вильсона», вступила въ міровую войну, князь почувствовалъ необычайную радость, ибо ощутилъ, что дѣло идетъ уже не объ узкихъ экономическихъ вопросахъ, а о моральныхъ перспективахъ будущей жизни народовъ. Старый свѣтъ тяжко развязывается со старыми формами жизни, но совлечь старыя одежды и надѣть новыя долженъ помочь ему его сильный, освобожденный отъ старыхъ путъ, свободный сынъ. Величайшее счастье для человѣчества, что въ Америкѣ нашелся человѣкъ, сумѣвшій взять въ руки не палку, какъ то было-бы соотвѣтственнымъ старымъ пріемамъ жизни, а камертонъ, по которому строятся духовныя струны народовъ и который вызвалъ такой чудный хоръ лучшихъ и чистыхъ нотъ Американскаго народа. Величайшее счастье Америки, что въ такой моментъ ея президентъ съумѣлъ объединить и поднять ее на такую моральную высоту. Переживаемая всемірная драма, несомнѣнно, приведетъ къ новой эрѣ духовнаго совершенствованія людей и, послѣ понесенныхъ страданій, человѣчество найдетъ новые пути духовнаго прогресса и организуетъ жизнь на началахъ свободнаго развитія своихъ духовныхъ силъ одной дружной семьей (1).

1) Эти крайне идеалистическія воззрѣнія изложены кн. Львовымъ 12 Октября 1918 г. въ письмѣ къ Чарльзу Крэну.

Уже въ началѣ Марта 1918 г. князь Львовъ собирался попытаться проѣхать во Владивостокъ. Для путешествія въ Америку нужны были значительныя средства. Съ дѣтства Георгій Евгеніевичъ привыкъ крайне бережно относиться къ личнымъ своимъ средствамъ. Но для открывавшихся американскихъ перспективъ онъ все-же рѣшился , на свой собственный страхъ и рискъ, занять у одного мѣстнаго промышленника и общественнаго дѣятеля 30.000 рублей. Все было готово для поѣздки въ Америку. Но въ концѣ Февраля, какъ мы знаемъ, Георгій Евгеніевичъ попалъ въ большевистскую тюрьму,гдѣ его продержали три мѣсяца. Выйдя на свободу, онъ скрывался отъ большевиковъ около пяти недѣль и часть этого времени провелъ въ Омскѣ. Здѣсь планы его встрѣтили полное сочувствіе. Сибирское правительство понимало, что недружныя и неопредѣленныя дѣйствія союзниковъ, въ значительной степени, зависятъ отъ точки зрѣнія на интервенцію Америки и Вильсона. Россіи открыты были въ свое время значительные кредиты въ Америкѣ для закупки военнаго снаряженія. Кредиты эти закрыты послѣ большевистскаго переворота. Казалось чрезвычайно важнымъ попытаться снять это запрещеніе и добыть уже изготовленное снаряженіе и оружіе. Князю предложили спеціальный поѣздъ до Владивостока, денежныя средства на дальнѣйшее путешествіе, полномочія отъ Сибирскаго правительства. Какъ разъ въ это время (въ половинѣ Сентября 1918 г.) въ Уфу добрались, послѣ долгихъ скитаній по Большевизіи, вызванные когда-то княземъ Львовымъ — В. В. Вырубовъ и Т. И. Полнеръ. Соединившись въ Омскѣ, всѣ трое двинулись вмѣстѣ въ долгій путь. Экстренный поѣздъ сопровождала чехословацкая военная охрана. Въ Сибири только-что закончился одинъ изъ первыхъ актовъ гражданской войны: большевики были разбиты; спѣшно исправлялись взорванные ими мосты и туннели, чинилось желѣзнодорожное полотно и никто не зналъ навѣрное, можно-ли проѣхать линію Омскъ — Владивостокъ. Экстренный поѣздъ шелъ медленно, осторожно, мѣстами переправляясь черезъ рѣки по наскоро наведеннымъ понтоннымъ мостамъ. Кое-гдѣ еще оставались большевистскія гнѣзда. Существовали еще и удѣльныя княжества, независимыя и полу-враждебныя Омску. Въ Читѣ, напримѣръ, засѣлъ «атаманъ» Семеновъ, который намѣревался задержать князя. Настроеніе было тревожное...

Въ Уфѣ шло государственное совѣщаніе и съ великими потугами высиживалась всероссійская власть Директоріи.

Наканунѣ отъѣзда князь Львовъ получилъ въ Омскѣ бумагу за подписью Н. Д. Авксентьева, въ которой на него и на члена Учредительнаго Собранія, эсера Е. Е. Колосова возлагалось порученіе привѣтствовать отъ Государственнаго Совѣщанія «помощь союзныхъ войскъ, пришедшихъ во исполненіе торжественной деклараціи Англійскаго, Американскаго, Французскаго и Японскаго правительствъ не ради какихъ-либо территоріальныхъ компенсацій и завоеваній и не ради вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, а исключительно во имя союзнаго договора съ цѣлью освобожденія Россіи отъ ига общаго врага и возстановленія восточнаго фронта»...

Это порученіе взволновало князя Львова. Благодаря по прямому проводу государственное совѣщаніе за довѣріе, Георгій Евгеніевичъ поспѣшилъ, въ деликатной формѣ, сразу-же отгородить свое частное предпріятіе ото всякой партійной нагрузки. Онъ понималъ, что дѣло не въ «мандатахъ» непризнаннаго (и даже еще не образовавшагося) правительства, а исключительно въ старыхъ связяхъ, личномъ довѣріи, *единоличномъ* тактѣ и *единоличной* отвѣтственности.

Онъ говорилъ, что «опасался и опасается возможности сложныхъ формъ исполненія намѣченной имъ для себя въ Америкѣ миссіи, — въ родѣ, напримѣръ, коалиціонныхъ дѣйствій нѣсколькихъ лицъ. Можно еще вдвоемъ выполнить миссію привѣтствія, но нельзя иначе какъ одному выдержать длинную линію отвѣтственной политической работы»...

Н. Д. Авксентьевъ его совершенно успокоилъ.

Въ пути надвинулись первыя разочарованія. Князь видѣлъ во Владивостокѣ и Токіо всѣхъ союзныхъ пословъ и подолгу бесѣдовалъ съ каждымъ. Никакого общаго плана у союзниковъ не имѣлось въ наличности. Къ Россіи и русскимъ дѣламъ каждое союзное правительство относилось по своему. У англичанъ мало силъ и средствъ свободныхъ; они готовы дать людей, но въ большомъ сомнѣніи относительно оружія и снаряженія: какъ бы все это не попало въ концѣ концовъ въ руки большевиковъ. У французовъ ничего нѣтъ, кромѣ денегъ, но помощь денежную они обѣщаютъ. Въ новомъ японскомъ кабинетѣ по вопросу объ интервенціи нѣтъ единодушія и происходитъ борьба. Оружіе и снаряженіе есть на лицо, но пока отказываютъ во всемъ.

Несомнѣнно, дѣйствія союзниковъ (и особенно Японіи) зависятъ цѣликомъ отъ Америки, которая до сихъ поръ опредѣленно противъ не только интервенціи, но и вообще всякой помощи. Дальше поддержки чехо-словаковъ — американцы идти не желаютъ. Пусть Россія устраиваетъ сама свои внутреннія дѣла: вмѣшательство здѣсь принципіально не допустимо. Информированы они о положеніи Россіи хуже всѣхъ. Конечно, на скорый миръ еще трудно разсчитывать. Но во всякомъ случаѣ приближеніе его несомнѣнно и можно при этомъ опасаться, что острота интереса къ восточному фронту, а съ нимъ вмѣстѣ и къ Россіи ослабѣетъ и тогда добиться чего-либо у союзниковъ будетъ еще труднѣе. Однако, и при измѣнившихся условіяхъ необходимо будетъ воздѣйствовать на Америку. Ея роль будетъ громадна, а на конгрессѣ мира ея голосъ будетъ рѣшающимъ. И надо добиться, чтобы Россія на конгрессѣ не была забыта и пренебрежена. А пока — на всѣхъ союзниковъ дѣйствуютъ крайне отрицательно требованія признанія правительства всероссійскимъ, такъ сказать, въ кредитъ. Формальное признаніе они ставятъ на послѣднюю очередь; надо дать сперва доказательства дѣлового управленія, авторитета для русскихъ, выявить моральную силу... А то союзники счетъ потеряли, сколько правительствъ того-же требовали... Гдѣ гарантіи, что послѣднее является, по истинѣ, всероссійскимъ? Съ этими разговорами союзниковъ надо примириться, въ полной увѣренности, что совмѣстная дѣловая работа скоро приведетъ и къ формальному признанію...

Въ Америкѣ уже имѣется готовое оружіе и снаряженіе, созданное въ счетъ предоставленныхъ когда-то Россіи кредитовъ. Отъ Америки, въ концѣ концовъ, зависитъ вся помощь и дѣятельность остальныхъ союзниковъ. Грѣшно не воспользоваться доказаннымъ идеалистическимъ расположеніемъ къ Россіи Вильсона. Надо спѣшить въ Америку и работать тамъ долго и упорно на пользу Россіи...

Таковы впечатлѣнія князя отъ встрѣчъ и разговоровъ по дорогѣ, во Владивостокѣ и Токіо.

— Въ Америку! какъ можно скорѣе въ Америку... (I)

Но американское правительство отнюдь не проявляло нетерпѣнія видѣть князя Львова въ Вашингтонѣ. На телеграфный, срочный запросъ американска-

1) Письма изъ Токіо Омскому правительству.

го консула изъ Владивостока — отвѣта не было. Виза не приходила. Князь Львовъ волновался, посылалъ частныя телеграммы знакомымъ вашингтонскимъ чиновникамъ, недоумѣвалъ, сердился. Наконецъ, 3 Октября онъ не выдержалъ и выѣхалъ навстрѣчу визы, въ Іокогаму. Прошло еще нѣсколько дней энергичной работы въ Японіи... Наконецъ, американскій консулъ во Владивостокѣ получилъ инструкціи изъ Вашингтона: правительство выражало пожеланіе, чтобы князь Львовъ, если возможно, ограничилъ свою свиту однимъ секретаремъ. Очевидно, въ Вашингтонѣ опасались прибытія депутаціи одного изъ непризнанныхъ русскихъ правительствъ...

Послѣ новыхъ телеграфныхъ переговоровъ, виза была получена и 18 Октября князь и его спутники могли сѣсть въ Іокогамѣ на голландскій пароходъ, направлявшійся черезъ Тихій океанъ въ С. Франциско.

Перламутровая, своеобразная и своеобычная Японія обратила на себя весьма мало вниманія князя Львова. Онъ загорѣлся дѣловой лихорадкой и велъ безконечные разговоры съ русскимъ посломъ, посѣщалъ японскихъ министровъ, крупныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, выдающихся промышленниковъ. Разъ только принялъ онъ приглашеніе на автомобильную поѣздку внутрь страны. При этомъ, какъ всегда, князя привлекали не столько красоты природы и древніе памятники, сколько современныя условія жизни и работы «японскаго мужика». Вспоминается сцена: стоя въ автомобилѣ, князь долго разсматривалъ рисовыя поля, на которыхъ, по колѣно въ грязи и водѣ, копошились старые и молодые японцы... рядомъ тянулась деревня; князь захотѣлъ осмотрѣть японское хозяйство и, не дождавшись конца присѣданій, поклоновъ, натянутыхъ улыбокъ стараго хозяина-японца, быстро обѣжалъ надворныя постройки...

— Въ избѣ электрическое освѣщеніе, — бормоталъ онъ, — а во дворѣ— всего — ничего: ни живности, ни струмента... хоть шаромъ покати...

Японскаго хозяйства князь не одобрилъ и вспоминалъ по этому случаю «домъ — полную чашу» русскаго зажиточнаго крестьянина...

Переѣздъ черезъ Тихій океанъ взялъ 18 дней — съ одной лишь остановкой на островкѣ Гонолулу. День пребыванія на этой прекрасной «жемчужинѣ» восхитилъ даже спѣшившаго въ Вашингтонъ князя; но и здѣсь, на Гонолулу, онъ интересовался больше всего полями сахарнаго тростника и ананасовыми плантаціями...

Но вотъ, наконецъ, и Санъ-Франциско. Здѣсь ждалъ пріѣхавшій спеціально встрѣчать князя А. Н. Авиновъ — одинъ изъ представителей Земскаго Союза въ Америкѣ.

Въ Чикаго Самуэль Харперъ собирался перехватить князя и чествовать его банкетомъ. Но Георгій Евгеніевичъ опредѣленно не желалъ бесѣдовать съ репортерами, налетѣвшими на него со всѣхъ сторонъ, а тѣмъ болѣе выступать на публичномъ банкетѣ — до свиданія съ президентомъ. Вся мысль, вся энергія князя сосредоточились на свиданіи съ Вильсономъ — этимъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ мірѣ, отъ котораго, казалось, зависѣли судьбы Россіи. Князь боялся, что всякіе посредники, всякія промежуточныя инстанціи могутъ ворваться между Вильсономъ и имъ и испортить дѣло. Онъ пріѣхалъ къ Вильсону. Онъ хотѣлъ говорить только съ нимъ. Прячась отъ репортеровъ, онъ отказался отъ банкета въ Чикаго и, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ и помѣхъ, двинулся немедленно южнымъ путемъ въ Вашингтонъ — черезъ Аризону, Техасъ и Нью-Орлеанъ. Въ столицу Соединенныхъ Штатовъ русскіе путники прибыли 15-го Ноября.

2.

Встрѣча русскаго посла (посла временнаго правительства), Б. А. Бахметьева — не оставляла желать ничего лучшаго. Но и онъ, и американцы, близкіе къ министерству иностранныхъ дѣлъ, — не ждали многаго отъ свиданія князя Львова съ Вильсономъ. Существовали установившіяся точки зрѣнія, существовали длительныя вліянія на президента, которыя едва-ли могли быть преодолѣны сразу. Политическое положеніе за время поѣздки князя, сильно измѣнилось. Германія проиграла войну, Вильгельмъ бѣжалъ, наступило перемиріе, союзники готовились къ конференціи. Восточный (русскій) фронтъ потерялъ значеніе. При такихъ условіяхъ поднять волю союзниковъ къ непопулярной въ Америкѣ интервенціи не оставалось никакой надежды... Но объ отступленіи безъ боя для князя, конечно, не могло быть рѣчи. Къ тому же онъ вѣрилъ въ идеализмъ Вильсона и безусловно надѣялся путемъ личнаго, интимнаго сближенія повліять на его душу.

Аудіенція испрошена черезъ посольство уже 16-го Ноября и сейчасъ-же назначена Вильсономъ на $4^1/_2$ часа 21 Ноября.

До встрѣчи оставалось 4-5 дней. Готовясь къ ней, князь велъ бесѣды со многими видными американцами, чтобы освѣтить себѣ положеніе и личность президента. Отзывы получались однообразные. Всѣ въ одинъ голосъ не совѣтовали даже возбуждать вопроса объ интервенціи, такъ какъ помощь американцевъ въ Сибири была лишь помощью чехо-словакамъ — и то во время войны. По отношенію къ Вильсону *въ тотъ моментъ* не существовало никакихъ разногласій: «никогда ни одинъ монархъ не пользовался такимъ авторитетомъ въ столь обширномъ государствѣ; вліяніе его распространяется не только на политику, но и на всю духовную область (величайшая государственная дѣятельность, какую зналъ міръ). Вильсонъ работаетъ не для одной Америки, а для всего міра; американскій народъ понимаетъ это и одобряетъ всецѣло»...

Такіе разговоры волновали... Хотѣлось какъ можно продуктивнѣе использовать встрѣчу съ могущественнымъ идеалистомъ, проявившимъ уже открыто столько симпатій къ Россіи... Георгій Евгеніевичъ сѣлъ и написалъ президенту письмо, въ которомъ, не смотря на всѣ предупрежденія, совершенно откровенно высказывалъ свое отношеніе къ интервенціи. Демократъ русскій требовалъ отъ «вождя всемірной демократіи» братской помощи во время болѣзни и кризиса союзницы. Авторъ письма исповѣдывалъ вѣру въ пришествіе новыхъ формъ жизни народовъ дружною семьею послѣ подавленія бронированнаго кулака Германіи. Онъ вѣрилъ и въ участіе своей родины, послѣ выздоровленія, въ этой свѣтлой жизни будущаго. «Но процессъ образованія новой жизни», — писалъ князь Львовъ, — «проходитъ въ неизбѣжной борьбѣ освобождающейся демократіи не только со старыми отжившими формами жизни, но и съ фанатизмомъ новыхъ химерическихъ идей, которыя не менѣе разрушительны, чѣмъ старыя препятствія ея развитія». Онъ считалъ себя призваннымъ «опредѣлить границы истинной правды народной между старой и новой тираніей». Россія опасно больна. Безъ вмѣшательства друзей со стороны она не поправится, а между тѣмъ благородная помощь чехо-словаковъ показала, съ какими незначительными силами можно возстановить въ Россіи государственность. — Кромѣ интервенціи, князь Львовъ говоритъ въ своемъ письмѣ объ участіи Россіи въ мирной конференціи. Онъ утверждаетъ, что «національная совѣсть торжествующихъ не можетъ быть спокойна, пока не будутъ найдены способы привлеченія Россіи къ общему торжеству и способы международнаго обсужденія

съ ея участіемъ будущей ея жизни въ предстоящей общей работѣ духовнаго развитія человѣчества»....

Письмо краснорѣчиво, но довольно длинно: оно занимаетъ по англійски шесть машинныхъ страницъ большого формата. Были приняты нѣкоторыя мѣры, чтобы оно попало въ руки Вильсона. Но прочелъ-ли онъ его? Сколько-нибудь крупные американцы не читаютъ сами обращенныхъ къ нимъ писемъ: для этого есть у нихъ секретари, которые, зная хозяина, должны понимать сами, что подлежитъ докладу и что предназначено для погребенія въ корзинѣ. Президентъ республики, въ моментъ наивысшаго напряженія своей дѣятельности, едва-ли имѣлъ возможность и время лично просматривать поступавшую къ нему корреспонденцію... Какъ бы то ни было, судьба письма князя Львова осталась невыясненной: при свиданіи о немъ не было рѣчи. Но въ день, назначенный для аудіенціи, президентъ выразилъ русскому послу желаніе, чтобы тотъ присутствовалъ при свиданіи. Это взволновало князя: очевидно, Вильсонъ вовсе не желалъ придавать неизбѣжному для него разговору — интимнаго характера.

Въ $4^1/_2$ часа дня князь встрѣченъ въ Бѣломъ Домѣ знаменитою вильсоновскою улыбкою — расплывчатой и мало что говорящею. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, князь съ благодарностью упомянулъ о шестомъ пунктѣ вильсоновскихъ условій мира.

— Каковы практическіе пути для его осуществленія? спросилъ президентъ.

— Я полагаю, — отвѣчалъ князь, — передъ нами четыре существенныхъ, — неотложныхъ задачи: во первыхъ, приближается моментъ, когда судьбы всѣхъ націй міра будутъ разрѣшаться на конгрессѣ; на немъ должны быть представлены и интересы Россіи; во вторыхъ, необходимо подумать о судьбѣ 1.500.000 русскихъ военноплѣнныхъ, у которыхъ нѣтъ защитниковъ; въ третьихъ надвигается опасность голода; хлѣбъ есть только въ Америкѣ и Россіи; урожайные районы послѣдней могли бы прокормить не только тѣ мѣстности страны, на которыя надвигается голодъ, но и значительную часть Европы; для этого, однако, необходима борьба съ анархіей, то есть, въ четвертыхъ, требуется активная, энергичная помощь Россіи извнѣ, со стороны союзниковъ.

— Вопросъ о представительствѣ русскихъ интересовъ, — замѣтилъ Вильсонъ, — весьма важенъ, но нельзя скрывать, что онъ представляетъ большія трудности. Какъ конструировать *всероссійское* представительство при различіи интересовъ отдѣльныхъ частей бывшей имперіи? Къ тому-же центръ Россіи — въ рукахъ большевиковъ. Но во всякомъ случаѣ русскій голосъ долженъ быть услышанъ... Вопросъ о русскомъ представительствѣ будетъ мною поставленъ первымъ при началѣ конференціи. Но мой умъ остается открытымъ: я не знаю, какъ, какимъ путемъ и въ какомъ видѣ сложится это представительство. — Вы говорили объ урожаѣ... Но крестьяне, конечно, будутъ противиться всякой реквизиціи?

— Для того, чтобы овладѣть хлѣбомъ, нужно прежде всего подавить анархію и побѣдить большевизмъ. Онъ не имѣетъ уже моральныхъ корней въ народѣ, но большевики захватили оружіе, деньги и держатся силою. Союзники должны напрячь свои силы, чтобы нанести сокрушительный ударъ большевикамъ.

— Мы ревностно стараемся помочь Россіи. Нашихъ войскъ было въ Сибири 6000 человѣкъ; теперь прибыло туда еще 6000. Но мы не хотимъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. Мы опасаемся, чтобы наше вооруженное вмѣшательство не было встрѣчено въ Россіи, какъ недружелюбный актъ.

— Къ сожалѣнію, эта истинная помощь Россіи оказывается въ недоста-

точныхъ размѣрахъ. Американскія войска встрѣчены въ Сибири съ особеннымъ довѣріемъ, радостью и надеждами...

— Мы ревностно дѣлаемъ все,что можемъ, но намъ трудно дѣлать больше. Переброска войскъ въ Сибирь затруднительна. Весь тоннажъ, которымъ мы располагаемъ, занятъ войсками, возвращающимися на родину.

— Большевизмъ представляетъ общую опасность и рѣшительный ударъ ему долженъ быть нанесенъ соединенною помощью союзниковъ.

— Я хотѣлъ бы имѣть больше времени для бесѣды съ Вами. Если бы я зналъ, что Вы коснетесь столькихъ важныхъ вопросовъ, я бы къ нимъ подготовился и иначе распредѣлилъ свое время...

— Не назначите-ли Вы мнѣ время для продолженія бесѣды?

— Къ сожалѣнію, не могу. Я очень занятъ до отъѣзда во Францію, гдѣ пробуду около 6 недѣль. Позвольте Васъ привѣтствовать отъ имени Соединенныхъ Штатовъ.

— До свиданья, г. президентъ.

Такъ кончилась эта встрѣча, отъ которой князь Львовъ ждалъ столь многаго. Съ глубокимъ разочарованіемъ онъ чувствовалъ, что не добился почти ничего. Сердечная связь, взаимное пониманіе, общность идеаловъ — не были установлены; все потонуло въ стереотипной, широкой «вильсоновской» улыбкѣ... Для *этого* не стоило ѣхать вокругъ земного шара! Сближеніе не удалось. Это было ясно. Президентъ, въ сущности, ничего не сказалъ и ничего не обѣщалъ. Князь Львовъ, передъ отъѣздомъ Вильсона въ Европу,послалъ ему небольшое письмо, въ которомъ напоминалъ еще разъ о судьбѣ русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и, толкуя по своему неясныя слова президента о представительствѣ Россіи на мирной конференціи, — указывалъ на генерала Алексѣева, который «живъ и имѣетъ первый право защищать интересы Россіи: имя его почитается большинствомъ русскихъ людей; онъ сталъ бы говорить отъ лица четырехъ милліоновъ русскихъ солдатъ, погибшихъ на войнѣ за общее дѣло союзниковъ».

Одинъ «другъ» президента самъ вызвался узнать, какое впечатлѣніе произвелъ князь. На другой день послѣ аудіенціи онъ долженъ былъ говорить съ Вильсономъ по телефону и воспользовался этимъ.

— Вы видѣлись съ княземъ Львовымъ? спросилъ онъ.

— Да.

— Ну, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

— У него замѣчательной красоты борода. Вы обратили на это вниманіе?

Вотъ все, чего «другъ» президента могъ отъ него добиться.

Бесѣда продолжалась какихъ-нибудь 15-20 минутъ. Она велась черезъ переводчика. Иные результаты этого оффиціальнаго пріема были-бы чудомъ. Но князь Львовъ надѣялся на чудо. И онъ былъ серіозно огорченъ.

А между тѣмъ для поведенія Вильсона имѣлись основанія.

Мы знаемъ теперь, что президентъ былъ, дѣйствительно, искреннимъ идеалистомъ и настоящимъ демократомъ. Русскій вопросъ, конечно, вовсе не являлся для него новостью. Еще 8 Іюля 1918 г. Вильсонъ писалъ: «Я потѣю кровью надъ вопросомъ о томъ, что слѣдуетъ и что можно сдѣлать въ Россіи. Это что-то такое, что ускользаетъ какъ ртуть, при каждомъ прикосновеніи». Нѣкоторые изъ совѣтниковъ склоняли его къ пріятію большевизма. Борьба русскихъ партій — отталкивала. Онъ ждалъ и жаждалъ волеизъявленія русскаго народа и былъ рѣшительнымъ, принципіальнымъ противникомъ вооруженной интервенціи. «Умъ и сердце его оставались открытыми» передъ русскимъ вопросомъ.

Но президентъ боялся случайныхъ русскихъ вліяній. Онъ вовсе не былъ убѣжденъ, что князь Львовъ, дѣйствительно, понимаетъ и представляетъ волю русскаго народа. Онъ остался холоденъ къ визиту, уклонился отъ разговоровъ по существу и осторожно не связалъ себя никакими заявленіями или обѣщаніями.

Президентъ уѣхалъ. За нимъ потянулись наиболѣе видные его сотрудники. А между тѣмъ князь еще почти не приступалъ къ практическому выполненію данныхъ ему въ Омскѣ порученій.

Не смотря ни на что, онъ считалъ себя обязаннымъ добиваться помощи, «стучаться во всѣ двери».

Онъ посѣтилъ между прочимъ проф. Т. Г. Масарика, который собирался къ отъѣзду изъ Вашингтона. По слухамъ, этотъ истинный другъ Россіи былъ близокъ Вильсону и пользовался одно время значительнымъ вліяніемъ на президента.

Но разговоры съ докторомъ Т. Г. Масарикомъ мало дали князю Львову. Глава чешскаго національнаго комитета твердо стоялъ на одномъ: русскія политическія партіи должны, прежде всего, между собою сговориться. Нѣтъ основаній исключать изъ этого сговора большевиковъ. Они не хуже другихъ русскихъ интеллигентовъ. Надо сговориться и создать сообща *національный комитетъ*, который можетъ добиться всеобщаго признанія на родинѣ, а, стало быть, и заграницей. Другого выхода для Россіи нѣтъ: примиреніе всѣхъ враждующихъ партій и созданіе національнаго комитета...

Въ министерствѣ финансовъ князя приняли три товарища министра. Они желали знать о положеніи дѣлъ въ Россіи, о томъ, чѣмъ ей можно помочь. Георгій Евгеніевичъ выступилъ съ довольно рѣшительными жалобами на союзниковъ: они всячески поощряли возстаніе противъ большевиковъ въ отдѣльныхъ городахъ, но не поддержали ихъ матеріально во-время и возстанія были свирѣпо подавлены; представители союзниковъ формально обѣщали признать всероссійское правительство опредѣленнаго состава, а когда была избрана въ Уфѣ директорія, она не могла добиться признанія; союзники обѣщали дѣйственную помощь интервенціи чехо-словаковъ, но оказанная помощь (особенно американская) — совершенно недостаточна... Выслушивая эти жалобы, товарищи министра уклонялись отъ обсужденія по существу, отсылая для этого своего собесѣдника въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Когда князь перешелъ къ вопросу о помощи — денежной и снаряженіемъ — Омскому правительству, хотя-бы за счетъ открытыхъ когда-то Россіи кредитовъ, — оказалось, что помощь эта, къ сожалѣнію, совершенно невозможна въ данное время: въ Россіи нѣтъ признаннаго Америкой правительства; кто можетъ подписать отъ имени русскаго народа долговыя обязательства? Къ тому-же кредиты отпущены конгрессомъ на помощь Россіи *во время войны*; война окончена и теперь необходимо новое, спеціальное постановленіе конгресса для использованія оставшихся кредитовъ на помощь Россіи.

Князь повторилъ свои жалобы и свои ходатайства въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но товарищъ министра Полкъ выражалъ большія сомнѣнія въ томъ, чтобы послы Соединенныхъ Штатовъ могъ участвовать въ обѣщаніяхъ союзниковъ. Во всякомъ случаѣ — посолъ Френсисъ никогда не получалъ отъ американскаго правительства соотвѣтствующихъ полномочій... Использовать кредиты, открытые Россіи на время войны, конечно, невозможно...— тѣмъ болѣе, что нѣтъ въ Россіи признаннаго Америкой правительства...— Признать

Омское правительство всероссійскимъ? — пока нѣтъ основаній: оно не доказало еще своей силы и прочности...

— Получается заколдованный кругъ, — говорилъ князь. Чтобы стать сильнымъ и прочнымъ, Омску необходима дѣятельная помощь союзниковъ и, въ особенности, Америки... Но помогать Омску вы соглашаетесь лишь съ того момента, когда онъ убѣдитъ васъ въ своей силѣ и прочности...

Американскіе чиновники были очень любезны. На словахъ они готовы были на всяческую помощь Россіи...

Американское общество чествовало князя Львова торжественными банкетами: президентъ Колумбійскаго университета Бетлеръ собралъ для этого иностранныхъ пословъ, американскихъ ученыхъ, знаменитыхъ адвокатовъ и журналистовъ. Произносились торжественныя рѣчи въ честь Россіи, ея культуры, въ честь русскаго народа...

М-ръ Бертрандъ — предсѣдатель русско-американской торговой палаты, со своей стороны, чествовалъ великолѣпнымъ банкетомъ президента временнаго русскаго правительства. Сенаторъ Рутъ, милліардеръ-промышленникъ Макъ-Кормикъ и многіе другіе вліятельные представители американскаго общества снова говорили сочувственныя Россіи рѣчи... Депутація американскихъ евреевъ запрашивала князя, «на какую чашу политическихъ вѣсовъ положить имъ свое сочувствіе новой Россіи?»...

Но все это не подвигало хлопотъ князя ни на шагъ, не смотря на самое энергичное содѣйствіе Б. А. Бахметьева и русскаго посольства.

Наконецъ, въ послѣдній день Ноября князь могъ подвести нѣкоторые итоги своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Вашингтонѣ.

Онъ телеграфировалъ въ Омскъ: «Выяснилось, что до большевистскаго переворота Россіи открытъ основной кредитъ въ 450 милліоновъ долларовъ и добавочный — на желѣзнодорожное снабженіе — 150 милліоновъ. Использовано всего около 200 милліоновъ. Остальныя суммы не отпущены въ виду большевистскаго переворота. Посольство и его финансовые заготовительные отдѣлы вынуждены были приступить къ ликвидаціи заказовъ, сдѣланныхъ соотвѣтственно обѣщаніямъ Америки и отпущеннымъ средствамъ. Ликвидація почти закончена. Въ счетъ имущества, полученнаго отъ ликвидаціи, выслано чехамъ сто тысячъ винтовокъ, сто пулеметовъ, 22 полевыхъ орудія, 4½ милліона ружейныхъ патроновъ, 150 тысячъ башмаковъ, 611 кипъ подошвенной кожи. Высылается вамъ: сто тысячъ винтовокъ; 200 тысячъ башмаковъ; желѣзнодорожное снаряженіе; на 3½ милліарда напечатанныхъ здѣсь кредитныхъ билетовъ. Дальнѣйшіе заказы или закупки снаряженія, а также ассигнованія суммъ въ распоряженіе всероссійскаго правительства связаны съ вопросомъ признанія его союзниками. Для преодолѣнія возникающихъ отсюда затрудненій пытаемся вмѣстѣ съ посольствомъ сдѣлать здѣсь все возможное. Выясняется однако, что рѣшеніе центральныхъ вопросовъ, касающихся Россіи, переносится въ Европу съ отъѣздомъ на конференцію наиболѣе вліятельныхъ членовъ здѣшняго правительства. Здѣсь складывается благопріятное отношеніе къ участію Россіи въ мирной конференціи въ тѣхъ или иныхъ формахъ. Выдвигалась между прочимъ неофиціально и моя кандидатура. Однако, связанные съ представительствомъ Россіи вопросы остаются пока открытыми. Соотвѣтственно обстоятельствамъ считаю необходимымъ перенести свою работу на пользу Россіи въ Европу, гдѣ возможно разрѣшить и многіе вопросы снабженія. Выѣзжаю въ скоромъ времени въ Лондонъ. До отъѣзда сдѣлаю все возможное въ данныхъ условіяхъ здѣсь для Омскаго правительства»...

3.

Переѣздъ въ Европу, дѣйствительно, диктовался обстоятельствами. Но роль князя въ средѣ полномочныхъ союзныхъ дипломатовъ? На идеалиста Вильсона онъ мечталъ воздѣйствовать частнымъ образомъ, какъ человѣкъ на человѣка. Но какъ добиваться голоса Россіи на мирной конференціи? Онъ сознавалъ, что говорить отъ имени Россіи, представлять ея интересы — ни полномочій, ни правъ не имѣетъ. Правда, «полномочныхъ» въ этомъ смыслѣ людей — вообще въ то время не существовало и не могло быть. Князь Львовъ былъ убѣжденъ, что ему «понятны и извѣстны народныя чаянія». Но мало вѣрить въ такія вещи самому; надо убѣдить въ нихъ другихъ...

Между тѣмъ упускать моментъ казалось невозможнымъ: необходимо было немедленно сдѣлать все возможное, чтобы добиться полноправнаго участія Россіи на мирной конференціи. Князь Львовъ, какъ мы видѣли, выдвинулъ въ качествѣ безспорной кандидатуры генерала М. В. Алексѣева. Нашъ посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ (Б. А. Бахметьевъ) назвалъ рядомъ съ Алексѣевымъ — князя Львова. — «Эти два лица» — писалъ Б. А. Бахметьевъ въ Парижъ, «олицетворяя собой символъ національной Россіи, организовали бы вокругъ себя необходимое русское представительство. Изъ довѣрительныхъ разговоровъ съ американцами имѣю полное основаніе полагать, что эти лица имѣли-бы у союзниковъ серьезные шансы на успѣхъ».

Посолъ временнаго правительства въ Парижѣ (В. А. Маклаковъ) довольно вяло реагировалъ на эти планы. Въ полноправное участіе Россіи на конференціи онъ, повидимому, мало вѣрилъ. Что-же касается справокъ и свѣдѣній о Россіи, которыя могли понадобиться союзникамъ, а также защиты интересовъ Россіи въ подготовительныхъ комиссіяхъ, — то все это, казалось, могло быть сдѣлано персоналомъ Парижскаго посольства и другими наличными въ столицѣ Франціи русскими силами.

Князь Львовъ колебался. Но второго Декабря онъ получилъ отъ Омскаго правительства Колчака телеграмму съ просьбою ѣхать въ Парижъ и обсудить тамъ съ русскимъ посольствомъ возможность участія въ конференціи представителей Россіи. Начатыя хлопоты о помощи, о снаряженіи требовали, во всякомъ случаѣ, настойчивой работы среди союзниковъ. Еще разъ Г. Е. увѣрилъ себя, что «отсутствующіе всегда не правы»... И — совершенно безоружный — двинулся въ началѣ Декабря въ Европу.

Въ Лондонѣ пробылъ князь Львовъ недолго — съ 14 по 21 Декабря. Оставаться здѣсь дольше не имѣло смысла: Ллойдъ-Джорджъ и Бонаръ Лоу — уже выѣхали въ Парижъ готовиться къ мирной конференціи. По свѣдѣніямъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ (К. Д. Набокова), общаго плана по отношенію къ Россіи у союзниковъ — не существовало. Надеждъ на дѣятельную и дружную помощь противъ большевиковъ, на признаніе Омскаго правительства, на полноправное участіе въ конференціи — весьма мало. Чувствуется даже какъ будто желаніе имѣть по отношенію къ Россіи полную свободу и рѣшать судьбы ея самостоятельно, безъ вмѣшательства полномочныхъ русскихъ людей. Князь сдался не сразу. Онъ пробовалъ «стучаться во всѣ двери». Вездѣ онъ говорилъ о несогласованности и недостаточности союзнической помощи, о грядущихъ опасностяхъ для прочнаго мира германо-большевизма, о невозможности для союзниковъ — по моральнымъ и практическимъ соображеніямъ — рѣшать на конференціи судьбы Россіи безъ участія ея полномочныхъ представителей...

Всѣ эти соображенія встрѣчались англичанами весьма холодно. Такъ Эсмэ Говардъ, завѣдующій русскимъ отдѣломъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ концѣ концовъ указалъ, что великобританское правительство считается съ общественнымъ мнѣніемъ и не можетъ пренебрегать настойчивыми выступленіями Labour Party; при такихъ условіяхъ расширеніе интервенціи въ Россію — невозможно...

Не всегда англичане встрѣчали князя любезно и вполнѣ корректно. Въ этомъ отношеніи весьма характерна бесѣда его съ лордомъ Гардингомъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Встрѣченный весьма холодно, князь спросилъ: «Располагаете-ли вы достаточнымъ временемъ, чтобы подробно выслушать о положеніи дѣлъ въ Россіи, или я долженъ говорить вкратцѣ?

— Я внимательно и съ интересомъ васъ выслушаю, но долженъ сказать, что мы превосходно обо всемъ освѣдомлены.

Такого рода повторныя и столько-же категорическія заявленія отбивали всякую охоту продолжать информацію...

— Но знаете-ли вы, что все сдѣланное союзниками недостаточно? Что нельзя ограничиваться вредными для дѣла полумѣрами?

— Не хотите-ли вы сказать, что при такихъ условіяхъ лучше было бы, чтобы союзники вовсе не начинали помощи?

— Я хочу только сказать, что надо напрячь всѣ старанія; иначе впослѣдствіи придется мобилизовать гораздо большія силы...

— Все возможное дѣлается. Такъ, мы направили въ Россію снаряженіе на 100 тысячъ солдатъ.

— Но вѣдь это совершенно недостаточно.

— Нѣтъ. Это очень существенная поддержка... Вы требуете усиленія помощи, но забываете, что война кончена, что войска вовсе не желаютъ втягиваться въ новую войну.

— Война не окончена. Начинается новая ея фаза борьбы съ германизмомъ и близкимъ ему большевизмомъ. На карту поставлены всѣ результаты побѣды надъ Германіей.

— Вы говорите о новой борьбѣ, о необходимости продолженія войны. Но вы не должны упускать изъ виду, что вѣдь Россія начала войну и втянула въ эту борьбу весь свѣтъ.

— Какъ? Вы заявляете, что Россія виновна въ началѣ войны, что она зажгла всесвѣтный пожаръ?!

— Я хочу лишь отмѣтить, въ какой послѣдовательности державы вступали въ борьбу и напомнить, что Россія — первая вышла изъ войны... Никакихъ особыхъ основаній для требованій у Россіи нѣтъ. И я долженъ вамъ категорически заявить, что новыхъ войскъ въ Россію союзники *нг пошлютъ*.

— Это окончательное рѣшеніе?

— Да. Другое дѣло — матеріальная помощь. Но *людей* союзники больше не пошлютъ.

— Вы увидите, что вамъ еще придется посылать вооруженную силу въ Россію.

— Посмотримъ.

— Этого не избѣгнуть. Этого требуетъ борьба съ всесвѣтной опасностью. Если вы *теперь* этого не сдѣлаете, въ будущемъ вамъ придется каяться.

— Увидимъ.

Подобные разговоры приводили въ отчаяніе. Здѣсь, въ Лондонѣ о полно-

правномъ участіи въ конференціи не стоило и разговаривать. Съ такими вопросами холодно отсылали въ Парижъ — къ самой конференціи.

Передъ отъѣздомъ Георгію Евгеніевичу и его спутникамъ пришлось принять участіе въ завтракѣ, данномъ русской колоніей Лондона въ честь двухъ проѣзжавшихъ премьеровъ — графа Коковцова и князя Львова. Оба представителя Россіи — старой и новой — сидѣли рядомъ. Говорились рѣчи, при чемъ большинство присутствовавшихъ не удержалось отъ того, чтобы не нападать жестоко на великобританское правительство за поведеніе его по отношенію къ Россіи. Князь ограничился нѣсколькими прочувственными словами о русскомъ народѣ и о вѣрѣ своей въ свѣтлое будущее Россіи. На исходѣ завтрака слова попросилъ профессоръ Персъ. Сильный англійскій акцентъ придавалъ особенную выразительность русской рѣчи этого патентованнаго друга Россіи.

— Вы много бранили здѣсь англійское правительство, — сказалъ онъ. И мнѣ не очень обидно было это слышать. Мы сами любимъ покритиковать и побранить его при случаѣ. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что, прогони мы однихъ дураковъ, — придутъ другіе, еще худшіе. Но позвольте мнѣ, доказавшему на дѣлѣ мою дружбу и любовь къ Россіи, спросить васъ: что-же вы, русскіе образованные люди, сдѣлали сами, чтобы заставить союзниковъ относиться къ вамъ съ уваженіемъ? Вы продолжаете ссориться и торговаться изъ за всякихъ пустяковъ и русская бѣда, кажется, ничему васъ не научила... Когда-же вы забудете ваши разногласія и объединитесь для спасенія родины? Вѣдь только тогда и союзники станутъ иначе разговаривать съ вами...

4.

23 Декабря князь Львовъ началъ свою работу въ Парижѣ. Въ ближайшіе же дни (въ первый день Рождества) онъ ухитрился полтора часа проговорить съ Пишономъ, нѣсколько позднѣе видѣлся съ Клемансо. Французы оказались гораздо любезнѣе англичанъ. По главнымъ вопросамъ (интервенціи, признанія всероссійскаго правительства, участія въ конференціи) — въ Парижѣ, повидимому, не установилось еще никакихъ окончательныхъ рѣшеній. Пишонъ старался обнадежить и успокоить. Онъ увѣрялъ, что всѣ формальныя препятствія идутъ отъ Вильсона, котораго надо «уломать общими силами». Для этого, между прочимъ, весьма полезно князю повидать друга Вильсона — полковника Гауса. По вопросу объ интервенціи увѣрялъ, что секретно рѣшено занять союзными войсками Кіевъ и Харьковъ; о Москвѣ придется думать позднѣе...

Въ бесѣдахъ этихъ князь неизмѣнно повторялъ и развивалъ тѣ же аргументы, которыми пользовался онъ въ Вашингтонѣ и Лондонѣ. Вездѣ считалъ онъ, между прочимъ, необходимымъ особенно настаивать на опасности вторженія въ Сибирь 60.000 японцевъ, которые, подъ союзнымъ флагомъ, ведутъ свою собственную политику вдоль желѣзнодорожной линіи: «они несутъ большіе деньги на концахъ своихъ штыковъ», скупаютъ все, что попадается по дорогѣ и систематически внѣдряются въ Россію со своими экономическими интересами... Эти заявленія — очень настойчивыя и энергичныя — производили впечатлѣніе на союзниковъ. Вильсонъ счелъ даже необходимымъ остановить князя: Японія — дружественная держава и политика ея правительства вполнѣ соотвѣтствуетъ общимъ видамъ союзниковъ, мѣстныя отклоненія энергично подавляются... Тоже приблизительно отвѣчали князю и въ Лондонѣ. Клемансо не былъ такъ сдержанъ: на разсказъ князя объ японцахъ — онъ сорвалъ

съ головы свою шелковую ермолку и съ величайшимъ негодованіемъ хватилъ ею объ полъ. Надо думать, что настойчивыя указанія князя все-же насторожили союзниковъ и заставили ихъ принять въ Сибири тѣ или другія мѣры.

Свиданіе съ «другомъ Вильсона» (полковникомъ Гаусомъ) носило почти комическій характеръ. Говорилъ одинъ князь Львовъ. По обычной своей схемѣ онъ развернулъ обширную картину положенія Россіи. Съ одушевленіемъ говорилъ о признаніи Омскаго правительства, о помощи ему, объ интервенціи, о планахъ японцевъ, о полноправномъ участіи представителей Россіи на конференціи... «Полковникъ», нахохлившись, слушалъ и упорно молчалъ. Изрѣдка онъ извлекалъ изъ себя мало-понятные звуки — не то слова, не то междометія, которыя можно было толковать по желанію... Припертый къ стѣнѣ прямыми, въ упоръ поставленными вопросами князя, онъ вынужденъ былъ въ двухъ трехъ случаяхъ отвѣчать членораздѣльными звуками. Такъ, онъ нашелъ возможнымъ согласиться, что вопросъ о признаніи всероссійскаго правительства и объ участіи въ конференціи — «отчасти связаны». О самомъ участіи онъ ничего не могъ сказать «авторитетно», но вопросъ поставленъ и, вѣроятно, разрѣшится въ томъ смыслѣ, что «русскіе люди должны представлять русскіе интересы»... — Полковникъ, очевидно, не желалъ говорить. Князь Львовъ такъ отъ него ничего и не добился.

Среди множества другихъ посѣщеній и бесѣдъ особенное значеніе имѣлъ завтракъ у Ллойдъ-Джорджа въ присутствіи Бонаръ Лоу. Этого свиданія князю Львову удалось добиться не сразу. Оно произошло сравнительно поздно — 16 Января 1919 года. Почтенные джентельмены не повѣрили освѣдомленности князя и подвергли его весьма продолжительному перекрестному допросу. Ллойдъ-Джорджъ возражалъ. Онъ не соглашался съ информаціей князя о паденіи моральнаго авторитета большевиковъ, объ отношеніи къ нимъ крестьянства...

— Я долженъ признать, сказалъ онъ, — что тутъ есть что-то необъяснимое: большевистское правительство держится у власти болѣе года — въ странѣ, гдѣ, по вашимъ словамъ у него нѣтъ ни моральнаго авторитета, ни поддержки широкихъ крестьянскихъ массъ; арміи противниковъ, по вашимъ - же словамъ, почти одинаковы; если все это такъ, надо отнести большевиковъ къ разряду правителей самыхъ ловкихъ и искусныхъ, какіе гдѣ-бы то ни было и когда бы то ни было существовали...

Мистеръ Бонаръ Лоу еще менѣе склоненъ былъ вѣрить князю. Обмѣнъ мнѣніями не привелъ ни къ чему: англичане утверждали, что армія большевиковъ гораздо солиднѣе, чѣмъ думаетъ князь (они называли 800.000 штыковъ вмѣсто указанныхъ княземъ 250.000); крестьянство, по ихъ свѣдѣніямъ, держится за захваченныя земли, боится водворенія правопорядка въ Россіи, не довѣряетъ вновь образовавшимся правительствамъ и склонно поддерживать большевиковъ, которые, въ противность своимъ доктринамъ, оставляютъ мужику владѣніе землею на правахъ частной собственности...

Въ концѣ разговора послѣдовалъ неожиданный coup de théâtre. Бонаръ Лоу предложилъ Ллойдъ-Джорджу познакомить князя Львова съ «планомъ».

Этотъ «планъ», впервые выплывшій тогда на свѣтъ Божій, состоялъ въ пресловутомъ «Принкипо». Но въ то время объ островѣ еще не было рѣчи.

— Мы не хотимъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, — говорилъ Ллойдъ-Джорджъ. — Мы не знаемъ и не можемъ разбираться, въ какомъ движеніи выражается народная воля, гдѣ кончается одно насиліе и начинается другое. Вы говорите намъ, что сибирское правительство Колчака стоитъ на поч-

вѣ національнаго демократическаго строительства государственной власти Но, можетъ быть, за Колчакомъ стоятъ крайнія правыя группы. Вѣдь онъ оказался у власти послѣ военнаго переворота. Возможно, онъ является представителемъ реакціи... Во всякомъ случаѣ дѣйствительная подкладка всѣхъ этихъ силъ, утвердившихся на опредѣленныхъ территоріяхъ, намъ не ясна. Намъ-же необходимо считаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ общественнымъ мнѣніемъ въ нашихъ странахъ. Общественное мнѣніе Англіи и Америки не только требуетъ не посылать въ Россію новыхъ войскъ, но настаиваетъ на отозваніи наличныхъ... Широкимъ общественнымъ кругамъ должно быть яснымъ, что именно мы поддерживаемъ нашимъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Мы съ вами знаемъ, что такое большевизмъ. Знаетъ цѣну ему и такой человѣкъ, какъ Гендерсонъ, съ которымъ вчера говорилъ Бонаръ Лоу, но вѣдь общественное мнѣніе слагается и изъ мнѣнія тѣхъ круговъ, которые не разбираются въ большевизмѣ или даже сочувствуютъ ему. Для того, чтобы русскій вопросъ пріобрѣлъ ясность, для того, чтобы наша политика была убѣдительна для англійскаго и американскаго общественнаго мнѣнія и чтобы мы имѣли твердыя основанія для дальнѣйшихъ дѣйствій, — предполагается осуществить слѣдующій планъ. Мы предполагаемъ вызвать представителей отъ мѣстныхъ правительствъ, достаточно сложившихся, чтобы контролировать опредѣленныя территоріи Россіи, — въ томъ числѣ и отъ большевиковъ. Эти представители вызываются исключительно для того, чтобы дать возможность великимъ державамъ опросить вызванныхъ лицъ и составить себѣ ясное представленіе о соотношеніяхъ этихъ группъ, основаніяхъ ихъ политики и методахъ дѣйствій. Опросъ будетъ происходить въ неформальномъ собраніи представителей великихъ державъ, человѣка по два отъ каждой. Это будетъ какъ-бы состязаніемъ сторонъ, нѣчто въ родѣ суда, процесса («trial»)...Мы разсчитываемъ, что на это приглашеніе большевики не пойдутъ и тѣмъ сразу докажутъ свою неправоту... Мы спросимъ — представителей отдѣльныхъ русскихъ правительствъ, на что опирается ихъ власть, стремятся-ли они bona fide выразить народную волю?.. Разъ правительственныя группы выразятъ твердыя и искреннія намѣренія осуществить начала народной воли, великія державы, со своей стороны, создадутъ практическія гарантіи для осуществленія этихъ началъ...

Застигнутый врасплохъ, князь пробовалъ уклониться. Онъ предлагалъ обратиться съ запросомъ къ новому органу, образовавшемуся въ Парижѣ — къ русскому «политическому совѣщанію», работавшему подъ его, князя Львова, предсѣдательствомъ... Но освѣдомившись о составѣ «политическаго совѣщанія», Ллойдъ-Джорджъ заявилъ категорически: — Я хотѣлъ бы слышать ваше *личное* мнѣніе.

Что было отвѣчать?

Національное русское чувство глубоко возмущалось самымъ призывомъ русскихъ враждующихъ между собою сторонъ на судъ всенародныхъ мудрецовъ, яко-бы совершенно безпристрастныхъ и безстрастныхъ...

Тутъ было не только полное и обидное недовѣріе къ заявленіямъ представителей анти-большевистскихъ правительствъ. Тутъ была высокомѣрная претензія разгадать истинныя желанія русскаго народа, допрашивая рядомъ правыхъ и виноватыхъ, завѣдомыхъ фальсификаторовъ третьяго интернаціонала и борцовъ противъ его засилія... Но князь Львовъ понималъ, что тутъ было еще и нѣчто худшее. На высотахъ идеалистическихъ мечтаній Вильсона международный судъ надъ Россіей не являлъ ничего ужаснаго. Но въ практической обстановкѣ тогдашняго состоянія Россіи и международныхъ отношеній,

— какія фіоритуры могли-бы разыграть на этомъ предпріятіи политики въ родѣ Ллойдъ-Джорджа и другихъ великолѣпныхъ сыновъ «коварнаго Альбіона»? Всего этого, конечно, нельзя было сказать въ лицо почтеннымъ англійскимъ джентельменамъ и князь Львовъ представилъ возраженія, подобныя тѣмъ, съ какими выступали впослѣдствіи отдѣльныя русскія правительства.

— Приглашая и большевиковъ, — говорилъ онъ, — вы явно ихъ поддерживаете. Это—форма признанія ихъ фактической правительственной власти. Вы усиливаете ихъ. Вы должны выслушать тѣ правительства и организаціи, которымъ дороги національные демократическіе принципы, тѣ правительства, которыя выражаютъ подлинную волю и симпатіи народа внѣ террора большевистской диктатуры... Ставить тѣхъ и другихъ на одну доску, считаться съ тѣми и другими, какъ съ равнозначущими величинами — немыслимо... И какъ можете вы, въ лучшемъ случаѣ, гарантировать свободное изъявленіе народной воли, которое, какъ и все, что вы хотите, охотно обѣщаютъ вамъ большевики? Народная воля можетъ свободно выражаться лишь тамъ, гдѣ нѣтъ такой тираніи, какую установили въ Россіи большевики.

Эти возраженія приняты крайне холодно.

— Мы не хотимъ никого уравнивать, — сказалъ Ллойдъ-Джорджъ. — Мы хотимъ лишь спросить и выслушать. И я высказалъ уже предположеніе, что большевики либо не пріѣдутъ вовсе, либо откажутся гарантировать возможность проявленія дѣйствительной свободной народной воли внѣ всякаго насилія и давленія.

— Откладывается-ли вопросъ объ участіи русскихъ представителей, въ той или иной формѣ, въ работахъ конференціи — до осуществленія подобнаго плана?

— Да, ни о какомъ участіи русскихъ не можетъ быть и рѣчи, пока мы не получимъ необходимой информаціи. И указанный планъ, казалось-бы, лучше всего даетъ возможность оріентироваться. Я очень извиняюсь. Я долженъ спѣшить на конференцію. Я уже запаздываю на засѣданіе. Я чрезвычайно радъ, что имѣлъ возможнсть съ вами познакомиться. До свиданья...(1).

Такъ рухнула послѣдняя надежда, за которую цѣплялся князь Львовъ: оказывалось невозможнымъ добиться равноправнаго участія Россіи въ мирной конференціи!.. Принять же «судъ», выступить тяжущимися сторонами наравнѣ съ предателями Россіи казалось невозможнымъ не только по моральнымъ мотивамъ, не только потому, что тактика большевиковъ была безпредѣльно свободна отъ всякихъ «буржуазныхъ предразсудковъ» и тягаться съ ними въ этой области передъ наивными американцами — совершенно не представлялось возможнымъ. Князь Львовъ зналъ, что процедура «суда» можетъ открыть передъ всѣмъ міромъ такую бездну разногласій даже въ антибольшевистскомъ лагерѣ, которая обнаружитъ справедливость мнѣнія о Россіи Т. Г. Масарика, который сказалъ: «знаю слабыя стороны большевиковъ, но одновременно знаю и слабыя стороны остальныхъ партій: онѣ не лучше и не способнѣе»...

Были у князя Львова и другія сомнѣнія — гораздо болѣе глубокія. Онъ

---

1) Содержаніе бесѣдъ кн. Львова съ американскими и европейскими государственными людьми въ 1918-1919 г. г. приводятся въ печати впервые на основаніи записей, сдѣланныхъ въ то время, по моей просьбѣ, самимъ Георгіемъ Евгеніевичемъ и его переводчикомъ А. Н. Авиновымъ.

не былъ увѣренъ въ томъ, что октябрьскій переворотъ есть дѣло рукъ *только* кучки авантюристовъ. Онъ готовъ былъ признать большевизмъ — русскимъ движеніемъ. И не то, чтобы онъ усумнился въ столь почитаемой имъ душѣ русскаго народа. Но Россія, по его представленію, была больна, и для того, чтобы оправиться и опомниться, чтобы «очиститься въ испытаніяхъ», — необходимы были время, тягостныя переживанія, встряска.

Вотъ что писалъ онъ всего за три мѣсяца передъ этимъ:

— «Политическая неразвитость принесла свои ужасные плоды въ эту войну, и разрушила до основанія всю внѣшнюю организацію жизни, но духовныя силы русскаго народа остались живы и обѣщаютъ расцвѣтъ въ новыхъ свободныхъ политическихъ условіяхъ. Я не могу останавливаться долго на моихъ вѣрованіяхъ, не имѣя возможности въ письмѣ детально подкрѣплять ихъ, но я увѣряю Васъ, что эти вѣрованія основаны не на простомъ оптимизмѣ, а на истинномъ знаніи русскаго человѣка. Меня не смущаютъ уродливыя проявленія русской революціи. Они ужасны, но, зная, какъ они вызваны, зная, какъ вся дѣятельность нѣмцевъ и ихъ товарищей большевиковъ, совершенно чуждыхъ лучшей сторонѣ жизни русскаго народа, была основана на развитіи низшихъ инстинктовъ, на аппетитахъ и полномъ пренебреженіи этическихъ началъ, я не могу счесть эти дикія проявленія буйной необузданной молодой жизни, искусно развращенной, истиннымъ выраженіемъ его духовнаго существа. Подъ вліяніемъ развращающаго педагога юноша быстро проявляетъ живущія въ немъ плохія наклонности, но, при надлежащемъ воспитаніи, онѣ исчезаютъ. Грубое и дикое пированіе за столомъ, покрытомъ соціалистической скатертью, быстро опьянило молодой организмъ, но угаръ отъ крѣпкаго хмеля проходитъ, разумъ и сердце — проясняются. Поддѣльныя , искаженныя идеи соціализма, питавшія низшіе инстинкты, а не умъ и сердце, потускнѣли, массы почувствовали грубый обманъ и поняли, что ихъ поили не цѣннымъ искристымъ виномъ, а отравой. Большинство теперь разочаровано, многіе возмущены; правда, многіе легкомысленно довольны легко полученными матеріальными благами, но и они чувствуютъ, что полученное неправдой — не устойчиво и не надежно. Въ общемъ большевизмъ изжитъ, онъ не нашелъ почвы даже въ самыхъ низахъ и держится только грубымъ насиліемъ, оружіемъ, терроромъ и грабежомъ...

«Но мало, конечно, однихъ вѣрованій въ хорошія, живыя силы русскаго народа. Надо признать въ немъ и громадные его недостатки. Въ этомъ смыслѣ опытъ пережитого есть недостаточно еще оцѣненный вкладъ въ нашу жизнь. Какъ ни тяжелъ опытъ, но, какъ всякій опытъ, его не замѣнитъ никакое теоретическое, отвлеченное мышленіе. Въ жизни государства, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, это главный воспитательный факторъ. И мы, русскіе, должны признать, что опытъ, испытанный нами, обнаружилъ такіе наши недостатки, которые нельзя забывать никогда, и которые должно имѣть въ виду будущее государственное управленіе. Буйство натуры, нѣкоторая анархичность ея, разгулъ, отсутствіе всякой внутренней дисциплины, податливость вліяніямъ, шаткость и быстрота смѣны идей, ихъ неустойчивость — все это нельзя объяснить одной молодостью. Это черты характера, живущіе рядомъ со свѣтлыми его чертами. Нельзя отрицать, что большевизмъ уловилъ эти черты и успѣлъ основать на нихъ свою работу очень искусно. Онъ нашелъ настоящую почву для своихъ сѣмянъ. Почва эта русская и большевизмъ есть явленіе русской природы. Наличность этихъ чертъ требуетъ особаго вниманія къ себѣ и ея нельзя упускать изъ вида, особенно въ настоящее время полной анархіи и

хаоса въ странѣ. Именно онѣ требуютъ и взываютъ къ интервенціи. Водвореніе порядка, организація лучшихъ силъ въ Россіи — возможны только въ присутствіи организованной арміи»... (1).

5.

Коллегія, на которую ссылался въ разговорѣ съ Ллойдъ-Джорджемъ князь Львовъ, было создавшееся въ Парижѣ въ началѣ Января 1919 года русское «Политическое Совѣщаніе». Оно возникло изъ естественнаго обмѣна мыслей русскихъ пословъ, оставшихся въ союзныхъ центрахъ — безъ правительства и общаго руководства. Всѣ понимали, что для Россіи надвигались вопросы исключительной важности: продолженіе и развитіе помощи союзниковъ возникшимъ русскимъ антибольшевистскимъ правительствамъ, объединеніе ихъ между собою, признаніе одного изъ нихъ всероссійскимъ и, въ связи съ этимъ, полноправное участіе Россіи въ мирной конференціи... Ядро будущаго русскаго представительства въ Парижѣ такимъ образомъ естественно и само собою складывалось изъ коллегіи русскихъ пословъ временнаго правительства. Возникъ вопросъ о приданіи этой Коллегіи болѣе общественнаго характера и о возглавленіи ея, въ такомъ случаѣ, б. предсѣдателемъ временнаго правительства. Предстояло затѣмъ наладить правильное взаимодѣйствіе съ существовавшими русскими правительствами и получить отъ нихъ соотвѣтствующія полномочія.

— «Идея, — писалъ Н. В. Чайковскій, — о созданіи въ Парижѣ объединеннаго Русскаго Правительства — на подобіе Чехословацкаго и Польскаго Національныхъ Комитетовъ — не была ни предложена, ни отстаиваема никѣмъ изъ представителей русской общественности. Она совершенно не имѣла почвы. Было несомнѣнно, что національное русское правительство можетъ быть создано только въ Россіи». (2)

Для представительства сѣвернаго (Архангельскаго) правительства согласился пріѣхать Н. В. Чайковскій. Онъ прибылъ въ Парижъ 5 Февраля 1919 г. и вступилъ въ составъ «Политическаго Совѣщанія».

Съ представительствомъ Омскаго и Южно-Русскаго правительствъ дѣло наладилось сложнѣе.

А. И. Деникинъ разсказываетъ: (3) Въ концѣ Октября (1918) въ Екатеринодаръ прибылъ б. министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ и занялъ постъ начальника управленія иностранныхъ дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи. «Вопросъ замѣщенія этой должности имѣлъ большое значеніе для Юга, въ виду общаго стремленія къ объединенію россійскаго представительства на предстоящей мирной конференціи. Мы жили иллюзіями, что голосъ нашъ будетъ тамъ услышанъ». «Я поручилъ представительство Юга въ Парижѣ единолично Сазонову». Въ серединѣ Декабря С. Д. Сазоновъ уѣхалъ въ Парижъ . «Въ началѣ Января 1919 г. адмиралъ Колчакъ назначилъ Сазонова министромъ иностранныхъ дѣлъ Омскаго правительства и, такимъ образомъ, въ его лицѣ объединено было представительство Юга и Востока. Но, пріѣхавъ въ Парижъ, Сазоновъ засталъ тамъ уже существующее представительство, говорившее отъ имени Россіи,

1) Изъ письма къ Крэну отъ 12 Октября 1918 г. (Токіо).
2) С. П. Мельгуновъ.Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны. Пар. 1929, стр. 106.
3) А. И. Деникинъ. Очерки Русской Смуты, томъ IV, стр. 236-238.

не признанное въ этомъ качествѣ союзниками, и, въ частности, французскимъ правительствомъ, но персонально находившееся съ нимъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ. Это было такъ называемое «Русское политическое совѣщаніе въ Парижѣ» во главѣ съ кн. Львовымъ. — «Пріѣздъ Сазонова былъ встрѣченъ весьма несочувственно: въ парижскихъ про-большевистскихъ газетахъ подъ вліяніемъ русскихъ лѣвыхъ круговъ, появились статьи по адресу «недобитаго царскаго министра» и «нежеланнаго гостя». Клемансо уклонился отъ пріема Сазонова: члены Политическаго совѣщанія стали настойчиво убѣждать его, что имя его одіозно для французской демократіи, что изолированное выступленіе его невозможно, такъ какъ съ нимъ никто изъ правящихъ круговъ разговаривать не станетъ... И Сазоновъ уступилъ безъ борьбы, войдя рядовымъ членомъ въ составъ Политическаго совѣщанія, о чемъ я узналъ много позднѣе. Въ первыхъ числахъ Января состоялся обмѣнъ телеграммами Сазонова и Маклакова съ Омскомъ, въ результатѣ котораго адм. Колчакъ писалъ мнѣ: «согласно этимъ «телеграммамъ, я отъ себя и отъ имени правительства, образовавшагося на територіи Сибири и Урала, уполномочилъ представительство Россіи (на мирной конференціи) въ составѣ: кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковскаго. Полагаю, что вы не разойдетесь со мною въ этомъ важномъ вопросѣ». — «Я не противорѣчилъ»... (1)

Отъ Дона и Кубани въ Политическое совѣщаніе должны были войти особыя делегаціи, направленныя съ мѣстъ. Но прибывъ въ Парижъ, делегаціи эти на соединенномъ совѣщаніи постановили: «вступленіе въ составъ Совѣщанія связало бы делегаціи въ ихъ выступленіяхъ и переговорахъ съ союзниками или съ другими государственными образованіями; съ другой стороны, — не дало бы практически полезныхъ результатовъ, ибо по собраннымъ свѣдѣніямъ, къ Совѣщанію со стороны демократическихъ сферъ установилось отрицательное отношеніе, а въ сферахъ правительственныхъ къ голосу Совѣщанія совершенно не прислушиваются» (2).

Донцы вскорѣ вернулись домой; изъ состава Кубанской делегаціи вышелъ, подавъ протестъ противъ ея рѣшенія, Н. С. Долгополовъ (врачъ), а Бычъ со своими тремя товарищами остался на долго въ Парижѣ, примкнувъ къ наиболѣе непримиримымъ и враждебнымъ Россіи самостійнымъ организаціямъ.

Русское Политическое совѣщаніе въ Парижѣ образовалось изъ слѣдующихъ лицъ: посла во Франціи — Маклакова, посла въ Вашингтонѣ — Бахметьева, посла въ Римѣ — Гирса, посла въ Мадридѣ — Стаховича, посла въ Бернѣ — Ефремова, посла въ Лондонѣ — Набокова, посла въ Стокгольмѣ — Гулькевича; бывшаго посла во Франціи — Извольскаго; къ посламъ присоединились: Н. В. Чайковскій — глава и представитель Архангельскаго правительства; Сазоновъ — представитель Омскаго и Екатеринодарскаго правительствъ и «представители общественности»: шлиссельбуржецъ Ивановъ, Савинковъ, Коноваловъ, Струве, Титовъ, Долгополовъ. Предсѣдательствовалъ въ этомъ пестромъ составѣ кн. Г. Е. Львовъ. «Совѣщаніе» выдѣлило изъ своей среды «*Делегацію*» — четырехъ членовъ, полномочныхъ представителей существовавшихъ антибольшевистскихъ правительствъ: кн. Г. Е. Львова, В. А. Маклакова, Н. В. Чайковскаго и С. Д. Сазонова. Предполагалось, что эти четыре лица будутъ представлять Россію передъ мирной конференціей.

---

1) Письмо адм. Колчака, полученное А. И. Деникинымъ въ Мартѣ или началѣ Апрѣля.
2) А. И. Деникинъ. Цитир. сочиненіе, т. IV, стр. 238.

Около Политическаго совѣщанія и въ комиссіяхъ его производилась большая подготовительная работа. Къ ней привлечены были всѣ выдающіеся русскіе спеціалисты, находившіеся въ то время въ Парижѣ. «Не было ни одного жизненнаго вопроса, на который такъ или иначе не откликнулось бы совѣщаніе. Среди обстоятельныхъ докладовъ, представленныхъ Мирной Конференціи, не мало такихъ, которые навсегда сохранятъ свою историческую цѣнность» (1).

При Совѣщаніи состоялъ «отдѣлъ печати, пропаганды и агитаціи, телеграфное агентство «Уніонъ» (Бурцевъ, Савинковъ), субсидируемая газета («Общее Дѣло» Бурцева).

Приведенныя выше выдержки изъ труда ген. А. И. Деникина съ очевидностью свидѣтельствуютъ о шаткости положенія «Политическаго Совѣщанія» и чрезвычайныхъ трудностяхъ, которыя ему предстояло преодолѣть.

Создалось оно въ сущности самовольно. Оно встрѣчено отдѣльными правительствами, работавшими на территоріи Росссіи, — съ разною степенью сочувствія. Но въ началѣ всѣ они понимали важность надвигавшагося момента: необходимо было добиться полноправнаго представительства Россіи на Мирной Конференціи. Когда союзники выдвинули проектъ мирныхъ переговоровъ съ большевиками на островѣ Принкипо (2), — надежда на это значительно поблекла и отношеніе къ Политическому Совѣщанію нѣкоторыхъ русскихъ правительствъ стало почти равнодушнымъ. У «Совѣщанія» оставался одинъ путь проникновенія въ составъ Мирной Конференціи: возсоединеніе всѣхъ антибольшевистскихъ правительствъ около сильнѣйшаго — Омскаго, признаніе его союзниками — всероссійскимъ и допущеніе на Конференцію его представителей. Этимъ путемъ и пошло Политическое Совѣщаніе. Но тутъ очень скоро обнаружилась масса треній.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ Чайковскій писалъ на Югъ В. А. Мякотину: «Ни у союзныхъ правительствъ, ни у Мирной Конференціи, ни у здѣшней демократіи Совѣщаніе не пользуется ни признаніемъ, ни престижемъ отчасти изъ-за политическаго или экономическаго прошлаго многихъ изъ членовъ (Сазоновъ, Маклаковъ, Коноваловъ, Третьяковъ, многіе послы царскаго режима), отчасти же изъ-за Омскаго coup d'état и подмоченной репутаціи самихъ правительствъ, пославшихъ и уполномочившихъ этихъ представителей. Однимъ словомъ, я засталъ здѣсь уныніе»... (3)

Лѣвыя эмигрантскія группы не простили адмиралу Колчаку переворота 18 Ноября 1918 г. Среди нихъ все болѣе утверждалась формула: «ни Ленинъ, ни Колчакъ». Отсюда вытекало противленіе признанію союзниками Омскаго правительства и старанія всячески дискредитировать Политическое Совѣщаніе, стремившееся къ такому признанію. Лѣвыя русскія группы вели энергичную пропаганду и въ значительной степени добились успѣха: среди лѣвыхъ круговъ союзниковъ все болѣе утверждалось мнѣніе, что «логическимъ послѣдствіемъ Политическаго Совѣщанія должна быть реставрація прошлаго». Союзныя пра-

---

1) С. П. Мельгуновъ, ц. с. стр. 123. Авторъ имѣлъ возможность познакомиться съ частью этихъ докладовъ въ архивѣ Н. В. Чайковскаго.

2) Въ дневникѣ Чайковскаго по этому поводу имѣется такая запись подъ 12 Февраля: «Завтракалъ съ Френсисомъ. Принкипо — сдѣлано это, чтобы хоть что-нибудь сдѣлать, такъ какъ ни одного солдата ни Франція, ни Англія, ни Соединенные Штаты дать не могутъ. Вильсонъ подавленъ и не знаетъ, что дѣлать». (Мельгуновъ, цит. соч., стр. 112.).

3) Тамъ-же.

вительства вынуждены были прислушиваться къ лѣвому общественному мнѣнію, и, желая избѣжать обвиненій въ насажденіи реакціи въ Россіи, вяло реагировали на домогательства Совѣщанія. Къ тому-же не всѣ союзныя правительства охвачены были особеннымъ желаніемъ возстанавливать единую и сильную Россію. Многимъ разруха въ Россіи и ея распаденіе были на-руку. Это сказывалось особенно на отношеніи союзныхъ правительствъ къ самостійнымъ національнымъ организаціямъ, стремившимся всячески къ полной политической независимости отъ Россіи.

Политическое Совѣщаніе одолѣвало союзныя правительства своими домогательствами. Союзники отбивались различными отговорками. Между прочимъ намекали на тайные реакціонные замыслы русскихъ генеральскихъ правительствъ. Приходилось, чтобы парировать эти намеки и обвиненія, неоднократно выступать съ политическими деклараціями и побуждать къ тому-же русскія антибольшевистскія правительства. Систематическое давленіе изъ Парижа, въ цѣляхъ демократизаціи Омскаго и Екатеринодарскаго правительствъ, принималось не всегда благодушно въ Россіи: оно производило иногда впечатлѣніе претензій на руководство и потому вызывало раздраженіе.

Двѣ главныя задачи, поставленныя Политическимъ Совѣщаніемъ — добиться признанія Омскаго правительства *всероссійскимъ* и полноправное участіе представителей Россіи на Мирной Конференціи, — не были разрѣшены благопріятно. Шансы адмирала Колчака поднимались во время его военныхъ успѣховъ и падали при неудачахъ.

Но оставаясь объективнымъ, невозможно все-таки утверждать, что работа Политическаго Совѣщанія протекала совершенно безплодно.

Въ значительной степени благодаря Совѣщанію и его стараніями осуществлено признаніе правительства Колчака всероссійскимъ — со стороны Архангельскаго правительства, главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи ген. Деникина и командующаго Сѣверо-западнымъ корпусомъ генерала Юденича. По этому вопросу Совѣщаніемъ велись не только письменныя, весьма энергичныя сношенія, но командирована даже на Югъ Россіи спеціальная миссія въ составѣ ген. Щербачева, Аджемова и Вырубова.

Политическое Совѣщаніе всѣми доступными ему средствами и способами защищало передъ Мирной Конференціей интересы Россіи — единой и великой(1).

Представители Политическаго Совѣщанія и состоявшихъ при немъ органовъ настойчивыми хлопотами добились посылки на югъ Россіи значительныхъ запасовъ военнаго снаряженія, санитарно-медицинскаго имущества и транспортовъ товаровъ. Это, вмѣстѣ съ героическимъ порывомъ арміи, имѣло своимъ результатомъ полное измѣненіе обстановки на югѣ Россіи и дало возможность русскимъ національнымъ силамъ совершенно оправиться и перейти въ наступленіе, которое въ теченіе лѣтняго періода (1919 г.) дало блестящіе результаты и привело къ освобожденію отъ большевиковъ южной Россіи (2).

Съ вопросомъ о походахъ ген. Юденича на Петроградъ связанъ былъ цѣлый рядъ дѣйствій и хлопотъ Политическаго Совѣщанія.

Неудачи генерала Юденича остро поставили вопросъ объ отношеніи антибольшевистскихъ элементовъ къ «самоопредѣленію» національностей, составлявшихъ прежде Россію. Политическое Совѣщаніе усиленно выдвигало въ будущемъ устройствѣ Россіи принципы автономіи и федераціи, но рѣшительно

1) См. отчетъ Чайковскаго Архангельскому правительству о дѣятельности Политическаго Совѣщанія.
2) Тамъ же.

настаивало на томъ, что никакой вопросъ отъ отдѣленіи отъ Россіи, а также объ установленіи формъ будущихъ отношеній Россіи къ отдѣльнымъ народностямъ, принадлежавшимъ прежде къ составу Россійскаго Государства, не можетъ быть разрѣшенъ окончательно безъ соотвѣтствующаго постановленія будущаго всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Но даже и такая постановка вопроса не удовлетворяла тѣ національности, которыя всѣми мѣрами старались сейчасъ-же начать свое совершенно самостоятельное отъ Россіи политическое существованіе. Вслѣдствіе этого, въ лимитрофахъ (Литвѣ, Эстоніи, Латвіи и даже въ Польшѣ и Финляндіи) царило недовѣріе къ борцамъ за будущую единую и сильную Россію. А такое отношеніе чрезвычайно мѣшало успѣху противобольшевистскихъ армій. Еще болѣе отрицательно относилось Совѣщаніе къ антирусской озлобленной проповѣди различныхъ самостійныхъ національныхъ группъ. Оно считало ее результатомъ, въ большинствѣ случаевъ, «близорукаго политиканства извѣстныхъ весьма узкихъ круговъ и горячо протестовало противъ навязыванія народнымъ массамъ различныхъ національностей вожделѣній, какихъ онѣ, въ сущности, не имѣютъ и имѣть не желаютъ». (1)

Чайковскій разсказываетъ, что для борьбы съ подобными теченіями было основано особое «Совѣщаніе Народностей, стремящихся къ возсоединенію съ Россіей». Въ «совѣщаніи» этомъ, подъ предсѣдательствомъ Чайковскаго, участвовали представители многихъ національностей; отъ Великороссіи вошли въ него, кромѣ Чайковскаго, кн. Львовъ, Б. В. Савинковъ.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ русское Политическое Совѣщаніе въ Парижѣ просуществовало приблизительно полгода. Къ Іюню уже закончился процессъ объединенія русскихъ антибольшевистскихъ правительствъ и подчиненія ихъ верховному правителю адмиралу Колчаку.

Политическое Совѣщаніе сочло законченной задачу свою служить временнымъ суррогатомъ оффиціальнаго представительства русской единой государственной власти. 5-го Іюня 1919 г. оно прекратило свою дѣятельность, оставивъ на стражѣ общерусскихъ интересовъ *Делегацію*, состоявшую, какъ указано выше, изъ кн. Львова, Чайковскаго, Сазонова и Маклакова.

Объ этомъ поставленъ въ извѣстность адмиралъ Колчакъ, который призналъ правильнымъ такое рѣшеніе, утвердилъ «Делегацію» въ составѣ пяти членовъ (къ перечисленнымъ лицамъ присоединенъ Савинковъ) и формально оффиціально возложилъ на Делегацію представительство Россіи передъ Мирной Конференціей и предварительную разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ предстоящимъ заключеніемъ Россіей мира съ центральными державами и ихъ союзниками.

Что же касается объединенія въ рукахъ Делегаціи наблюденія и руководства дѣятельностью прочихъ органовъ русскаго заграничнаго представительства (дипломатическаго, военнаго и экономическаго), то верховнымъ правителемъ было рѣшено сохранить эти функціи непосредственно за правительствомъ. Всѣ русскіе заграничные представители всѣхъ вѣдомствъ должны сноситься и получать инструкціи непосредственно отъ подлежащихъ вѣдомствъ.

Въ отвѣтъ на это рѣшеніе Делегація еще разъ телеграфировала Верховному Правителю, приводя новые доводы и прося пересмотрѣть вопросъ. Но получила тотъ-же отвѣтъ. Рѣшеніе это и было принято къ исполненію (2).

Такая постановка вопроса была убійственна. Ограниченіе работы Делега-

---

1) Тамъ-же.
2) Тамъ-же.

ціи предѣлами защиты интересовъ Россіи передъ Мирной Конференціей, когда Делегація въ работахъ конференціи непосредственнаго участія не принимала, дѣлало ее фикціей. Въ сущности, такое рѣшеніе Омска являлось актомъ недовѣрія (или малаго довѣрія) къ Делегаціи и выдвиженія на первый планъ самостоятельной дипломатической дѣятельности бывшаго царскаго министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова. Между тѣмъ ни союзныя правительства, ни заграничное общественное мнѣніе, ни сама Делегація — не могли относиться къ Сазонову довѣрительно.

Чайковскій 10 Сентября 1919 г. писалъ на Югъ А. А. Титову: «Пока Политическое Совѣщаніе засѣдало, Сазоновъ молчалъ, но теперь, когда Совѣщанія нѣтъ и осталась только Политическая Делегація изъ 4-хъ (а теперь и изъ 5-ти съ назначеніемъ въ нее Савинкова Колчакомъ), онъ выпустилъ когти и рѣшилъ проглотить ее своимъ министерствомъ. Произошелъ конфликтъ, и теперь рѣшается вопросъ о томъ, кто останется здѣсь — мы (трое + Маклаковъ) или онъ съ Маклаковымъ. — Посылается въ Омскъ рѣшительная телеграмма... Намъ за все это (т. е. за политику Сазонова) приходится отвѣчать, не имѣя возможности помѣшать ему въ его министерскихъ распоряженіяхъ... Получается нѣчто совсѣмъ и недопустимое и непереносимое. Поэтому, не смотря на тяжелое положеніе у Колчака, рѣшаемся поставить ему ультиматумъ»... (1)

«Ультиматумъ» не былъ принятъ. Колчакъ выразилъ полное довѣріе Сазонову, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пожеланіе, чтобы Делегація осталась при установленныхъ имъ функціяхъ и въ прежнемъ составѣ... Все осталось по старому —до конца.

6.

Изъ приведеннаго очерка, видна та обстановка, въ которой пришлось работать заграницей князю Г. Е. Львову.

Вильсоновская, «новая» Америка и самъ вождь ея представились Георгію Евгеніевичу несомнѣннымъ якоремъ спасенія для больной Россіи. Вступленіе Америки въ войну и декларацiи Вильсона казались безкорыстными актами, направленными къ спасенію и обновленію стараго свѣта. Въ нихъ звучала любовь къ Россіи, деликатныя поползновенія защитить ея интересы и не дать хищникамъ Европы воспользоваться ея временной слабостью. Въ умѣ рисовались грандіозныя картины духовной близости Америки и Россіи и спасенія ими сообща дряхлой Европы... Практическая Америка, накопившая дѣловыми пріемами несмѣтныя богатства и взалкавшая духовныхъ цѣнностей, бывшихъ у нея до той поры на второмъ планѣ... И смиренная, долготерпѣливая, но трудолюбивая Россія — бѣдная матеріальными благами, но богатая дарованными ей свыше духовными цѣнностями и талантами — миротворчествомъ, смиренствомъ, любовью къ людямъ, божеской правдой... Какой союзъ! Какія перспективы для совмѣстнаго спасенія человѣчества!...

Отъ коллективныхъ попытокъ возрожденія Россіи, созданія всероссійскаго правительства, борьбы противъ большевиковъ — князь Львовъ стоялъ далеко. Возня съ партійнымъ доктринерствомъ — набила ему оскомину. Со свойственнымъ ему анархизмомъ онъ мечталъ и надѣялся по своему, самостоятельно, въ одиночку — спасти Россію. Въ Вильсонѣ видѣлъ онъ родственную, идеалистически настроенную душу. Только бы добраться до этого замѣчательнаго

1) Мельгуновъ, цит. соч., стр. 134.

человѣка... Съ глазу на глазъ онъ откроетъ ему душу русскаго народа, русскую правду... И, быть можетъ, имъ вдвоемъ — союзу Америки и Россіи — суждено совершить великое и возродить дряхлѣющее человѣчество...

Онъ готовился къ этой поѣздкѣ, никого не спрашивая, на свой страхъ и рискъ. Онъ зналъ силу своего вліянія на людей и не сомнѣвался, что легко и прочно сойдется съ демократомъ и идеалистомъ Вильсономъ.

Сразу ему не удалось ничего сдѣлать. Тюрьма и смертная опасность преградили дорогу. Но всѣ три мѣсяца тюремнаго сидѣнія обдумывалъ онъ, лелѣялъ и укрѣплялъ свой планъ. Освободившись, онъ серьезно и дѣловито принялся за его осуществленіе. Это была карта, на которую съ большимъ подъемомъ, съ громадными надеждами — ставилъ онъ спасеніе и возрожденіе Россіи...

Карта эта оказалась безжалостно и рѣшительно битою.

Въ своемъ оптимистическомъ порывѣ князь Львовъ не разсчиталъ слишкомъ многаго. Когда онъ добрался до Вашингтона, война окончилась и перемиріе было заключено. Міровая обстановка измѣнилась. Рѣчь могла идти уже не о подавленіи грубой и наглой силы нѣмецкаго кулака. Заботы о возстановленіи восточнаго фронта отпали. Вопросъ шелъ о вмѣшательствѣ въ междоусобную войну внутри Россіи. Всѣ, кому вѣрилъ Вильсонъ, остерегали его отъ оказанія помощи антибольшевистскимъ партіямъ. На разстояніи кое-что въ большевизмѣ даже манило. Кругомъ президента къ «новымъ людямъ» многіе относились съ любопытствомъ, почти съ сочувствіемъ. «Салонный большевизмъ» процвѣталъ въ то время въ Америкѣ. «Идеализмъ» Вильсона шелъ дальше благонамѣренныхъ попытокъ перваго состава временнаго правительства. Въ демократизмъ князя Львова Вильсонъ не очень-то вѣрилъ. Никакихъ основаній предполагать, что князь Львовъ знаетъ и понимаетъ душу русскаго народа — у Вильсона не было. Случилось такъ, что князь Львовъ для чего-то явился въ Соединенные Штаты и пожелалъ видѣть президента. Отказать въ аудіенціи не было причинъ. И Вильсонъ пожертвовалъ 15-20 минутами своего времени, чтобы принять визитъ князя въ оффиціальной обстановкѣ, въ присутствіи русскаго посла. Георгій Евгеніевичъ не говорилъ по англійски. Ему пришлось объясняться черезъ переводчика. При такихъ условіяхъ его *личное* воздѣйствіе на Вильсона не могло быть сколько нибудь значительнымъ. Люди свидѣлись и разошлись. Ни въ письмѣ князя Львова, ни въ его личныхъ объясненіяхъ ничто, повидимому, не остановило на себѣ серьезнаго вниманія президента. И онъ продолжалъ «*потѣть кровью*» надъ русскимъ вопросомъ въ кругу прежнихъ своихъ совѣтниковъ.

Этимъ въ сущности и закончилось личное начинаніе Львова, начинаніе, отъ котораго онъ такъ много ждалъ и на которое такъ надѣялся...

Эта полная неудача заставила-бы сложить руки всякаго другого. Но князь Львовъ считалъ себя обязаннымъ продолжать работу. Въ Европѣ его ждалъ рядъ новыхъ разочарованій.

Онъ добросовѣстно «стучался во всѣ двери». Но интересы Россіи здѣсь, въ Европѣ, мало кого занимали. Всѣ увлеклись дѣлежомъ добычи и обезвреживаніемъ идеалистическихъ тенденцій Вильсона. Въ этихъ занятіяхъ обойтись безъ Россіи казалось много удобнѣе. Для отвода моральныхъ доводовъ князя, конечно, находились слова и отговорки. Онъ грозилъ опасностью распространенія большевизма. Ему плохо вѣрили, а, на всякій случай, измышляли идею буферныхъ государствъ, которыя, за счетъ Россіи, могли препятствовать проникновенію заразы въ Европу...

Организація Политическаго Совѣщанія въ Парижѣ и подготовка къ уча-

стію Россіи въ мирной конференціи — потребовали, конечно, значительной работы и энергіи. Но и здѣсь дѣло шло не столько о творчествѣ, сколько о преодолѣніи всевозможныхъ треній. Политическое Совѣщаніе сложилось изъ прихотливаго сочетанія людей царскаго и революціоннаго режимовъ. Оно стремилось представлять антибольшевистскую Россію. Необходимо было связать себя съ дѣйствовавшими на территоріи Россіи антибольшевистскими правительствами. Омскъ призналъ Совѣщаніе. Ген. А. И. Деникинъ — «не возражалъ». Оба правительства прислали, однако, въ качествѣ своего человѣка, общаго министра иностранныхъ дѣлъ — С. Д. Сазонова. «Умъ» Вильсона «былъ открытъ» для вопроса объ участіи Россіи въ конференціи... но въ какой формѣ могло состояться это участіе? Чтобы отдѣлаться отъ такого вопроса, Вильсону подсказали планъ «суда» надъ русскими партіями, а потомъ и конгресса на островѣ Принкипо. Русскіе отказались, и доступъ на конференцію былъ для нихъ закрытъ. Престижъ Политическаго Совѣщанія, въ силу такого поворота дѣла, сильно упалъ и въ Омскѣ, и въ Екатеринодарѣ. Въ Парижѣ оставалось только добиваться объединенія русскихъ антибольшевистскихъ правительствъ, признанія самаго сильнаго изъ нихъ (Омскаго), матеріальной помощи со стороны союзниковъ. Для успѣха въ этой работѣ требовались опредѣленныя программныя деклараціи русскихъправительствъ, устраняющія обвиненія въ реакціонности, и — соотвѣтствующія дѣйствія. Безъ представленій объ этихъ требованіяхъ Политическое Совѣщаніе обойтись не могло. Но такія представленія вызывали недовольство на мѣстахъ, въ Россіи, гдѣ ревниво относились ко всякимъ попыткамъ «руководства» изъ Парижа. Въ Политическомъ Совѣщаніи и Делегаціи князь Львовъ не могъ проявить своихъ практическихъ талантовъ. Ни пониманія, ни сочувствія, ни довѣрія со стороны добровольческихъ генераловъ — онъ не чувствовалъ. Имъ ближе были слуги царскаго режима — такіе люди, какъ Кривошеинъ, Извольскій, Сазоновъ... Мы видѣли, что въ столкновеніи лѣвыхъ элементовъ Совѣщанія съ Сазоновымъ — они (а вмѣстѣ съ ними и князь) — терпѣли рѣшительныя пораженія. Обстановка для русской дипломатической работы въ Западной Европѣ того времени сложилась исключительно трудная. Да и весьма многое въ международныхъ отношеніяхъ, въ дипломатіи — было совершенно чуждымъ и духу Георгія Евгеніевича, и его подготовкѣ. При такихъ условіяхъ работа протекала вяло, изо дня въ день, и давала весьма малое удовлетвореніе. Только иногда вспыхивала яркимъ огнемъ прежняя иниціатива князя Львова. Такъ было, напримѣръ, въ вопросѣ о сліяніи русскихъ антибольшевистскихъ правительствъ и о подчиненіи ихъ Омскому. Въ дѣлѣ этомъ Георгій Евгеніевичъ проявилъ большую личную настойчивость — вплоть до посылки на Югъ Россіи спеціальной экспедиціи. И въ состоявшемся объединеніи правительствъ, несомнѣнно, сыграла нѣкоторую роль эта иниціатива князя Львова.

Глава десятая

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.

1.

Успѣхи большевиковъ на Колчаковскомъ и Деникинскомъ фронтахъ понижали, разумѣется, значеніе Парижской «Делегаціи». Дѣло ея и даже самый смыслъ существованія сходили постепенно на нѣтъ. Правительство генерала Врангеля выдвинуло своихъ людей въ качествѣ представителей передъ союзниками. «Делегація» умирала. Князь Львовъ оказывался не у дѣлъ. Правда, надвигались новыя заботы: русскіе бѣженцы нуждались въ помощи. Но Георгій Евгеніевичъ усталъ. Его тяготили злоба и ненависть, которыя онъ чувствовалъ въ извѣстныхъ слояхъ эмигрантской среды. Люди, ушибленные революціей, не могли простить ему ни участія во временномъ правительствѣ, ни его постояннаго тяготѣнія къ «лѣвымъ». Около этого времени онъ говорилъ въ одномъ письмѣ: «Казалось-бы, тутъ-то и выступить общественности. Но, съ одной стороны, остатки Правительства, въ рукахъ коего нити, всячески отстраняютъ ее, а съ другой, и сама она ничего не стоитъ: всего боится — и отвѣтственности, и замарать свои священныя имена, и, сохраняя свою непорочную чистоту, равнодушно смотритъ, какъ погибаютъ свои»...

Близкіе люди знали, что овладѣвшая княземъ апатія — чисто временная усталость. Съ иниціативой выступилъ В. В. Вырубовъ. Нѣсколько организацій земскаго союза изъ Сибири и съ Юга прислали ему полномочія. Около апрѣля 1920 года ему удалось получить изъ остатковъ государственныхъ средствъ значительную сумму денегъ на *трудовую* помощь бѣженцамъ. Вмѣстѣ съ А. А. Титовымъ, уполномоченнымъ союза городовъ, онъ открылъ въ Парижѣ бюро труда, для развитія дѣятельности котораго пригласилъ на службу нѣсколькихъ русскихъ инженеровъ. Это маленькое дѣло его иниціаторы хотѣли возглавить княземъ Г. Е. Львовымъ. Они знали: когда сгустится, обострится бѣженская нужда и раздастся призывный крикъ о помощи, князь Львовъ не выдержитъ.

Но князь Львовъ не торопился. Онъ не хотѣлъ браться за дѣло одинъ. Ему казалось необходимымъ мобилизовать «общественность». На повторные призывы онъ предложилъ создать благотворительное общество, — нѣчто подобное прежнему «Земгору», объединивъ въ немъ старыхъ земцевъ и горожанъ съ представителями самоуправленія новой формаціи, 1917 года. На сторонѣ первыхъ былъ опытъ и навыки давнишнихъ общественныхъ работниковъ; на сторонѣ вторыхъ — избраніе на основахъ всеобщаго голосованія.

Такъ возникло «Объединеніе Земскихъ и Городскихъ дѣятелей во Франціи». Послѣдовалъ рядъ совѣщаній, на которыхъ вырабатывался уставъ и въ іюнѣ

1920 г. новое общество организовалось и выбрало князя Г. Е. Львова своимъ предсѣдателемъ. Это новое общество создалось не безъ треній. Крайніе элементы, конечно, отсутствовали. Но и умѣренныя группы объединялись не очень охотно: болѣе правые косились на партійныхъ соціалистическихъ дѣятелей, волею всеобщаго голосованія попавшихъ въ земское и городское самоуправленіе; а соціалисты должны были преодолѣть свои навыки, вступая въ совмѣстную работу съ представителями «буржуазіи». Нѣкоторыхъ изъ нихъ смущало и происхожденіе денегъ, на которыя приходилось работать: къ правительству ген. Врангеля соціалисты относились совершенно отрицательно.

Въ общемъ «Объединеніе» слагалось все-же съ явнымъ уклономъ влѣво. Впрочемъ, въ основаніе соглашенія положена была категорически оговоренная *аполитичность* предстоящей благотворительной работы.

Составъ «Объединенія» колебался, но въ среднемъ оно числило до ста членовъ. Князь Львовъ предсѣдательствовалъ въ довольно частыхъ засѣданіяхъ *совѣта* и болѣе рѣдкихъ — *общихъ собраніяхъ*. Его роль сводилась, главнымъ образомъ, къ обычному для него миротворчеству. Его имя и «лѣвый» составъ руководящихъ органовъ новаго общества — вызывали въ правой эмигрантской средѣ нападки, интриги, противодѣйствіе. Эти настроенія не могли не отражаться и внутри самого Объединенія. Вариться въ соку обездоленныхъ, озлобленныхъ, и въ общемъ глубоко несчастныхъ эмигрантовъ — было не легко. Все время приходилось воспринимать враждебныя настроенія и парировать удары.

Текущей практической работы въ «Объединеніи» князь Львовъ не велъ, хотя во всѣхъ трудныхъ случаяхъ сотрудники пользовались, конечно, его опытомъ.

Практическая работа выполнялась, по уставу, особымъ органомъ изъ трехъ лицъ. Работа эта отлилась въ формы весьма сложныя.

Охотниковъ заниматься благотворительностью, то есть получать и раздавать въ той или иной формѣ — безвозвратныя пособія нуждающимся бѣженцамъ, — оказалось — великое множество. Нѣсколько труднѣе представлялась организація медицинской и культурно - просвѣтительной помощи. Все же нашлось не мало старыхъ и новыхъ обществъ, имѣвшихъ практическіе навыки въ обѣихъ этихъ областяхъ. Но главные распорядители довольно значительными средствами, удѣленными правительствомъ Врангеля на нужды русской эмиграціи, ставили себѣ другія задачи. Имъ хотѣлось избѣжать, по возможности, безвозвратной растраты отпущенныхъ казенныхъ средствъ и обратить преимущественное вниманіе на созданіе и поддержаніе *трудовыхъ* бѣженскихъ организацій». Содѣйствіе именно трудовымъ начинаніямъ бѣженцевъ только и могло обезпечить ихъ существованіе. Созданіе самоокупающихся промышленныхъ и торговыхъ предпріятій — крупныхъ и мелкихъ — могло не только обезпечить получившихъ ссуды бѣженцевъ, но и обратить затраченныя казенныя средства въ оборотный капиталъ, который, путемъ возврата ассигнованныхъ въ ссуду средствъ, подлежалъ постоянному возстановленію.

Такъ думали не только отдѣльные представители правительства генерала Врангеля, но и образованный ими въ концѣ іюля 1920 г. «Главный русскій комитетъ по дѣламъ о бѣженцахъ». Этотъ Комитетъ учрежденъ въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ гр. П. Н. Игнатьева и состоялъ изъ представителей дипломатическаго, военнаго и финансоваго вѣдомствъ и Россійскаго О-ва Краснаго Креста; въ составъ комитета приглашены: Ф. И. Ивановъ (б. членъ Государственнаго Совѣта), бывшіе министры (П. Л. Баркъ и А. А. Риттихъ), предсѣдатель

лондонской торгово - промышленной группы — В. И. Воробьевъ и генералъ Д. В. Яковлевъ.

Составъ Комитета обезпечивалъ его умѣренно правыя устремленія и сочувствіе бюрократическимъ организаціямъ, подобнымъ старому О-ву Краснаго Креста.

Но теоретически вполнѣ разумныя разсужденія Комитета натолкнулись на значительныя трудности. Большинство организацій, близкихъ по духу Комитету, мало занимались сложною трудовою помощью, предпочитая благотворительную, медицинскую или культурно - просвѣтительную.

Поэтому, когда уполномоченные В. В. Вырубовъ и А. А. Титовъ обратились за денежною помощью къ представителямъ правительства генерала Врангеля, — отказа не послѣдовало, но лишь при условіи представить смѣты на организацію *трудовой* помощи бѣженцамъ во Франціи. По представленіи таковыхъ смѣтъ, отпущены значительныя средства на первое время съ обѣщаніемъ дальнѣйшихъ ассигнованій.

Такимъ образомъ дѣятельность «Объединенія» заранѣе ограничена была, главнымъ образомъ, *трудовою помощью*. Принимая на себя выдвинутыя заданія, Объединеніе не скрывало отъ себя трудностей, которыя предстояло преодолѣть. Въ первомъ же докладѣ, имъ разсмотрѣнномъ, находимъ такія замѣчанія: «устраивать въ чужой странѣ, въ незнакомыхъ условіяхъ измученныхъ, неприспособленныхъ русскихъ интеллигентовъ на чуждый имъ физическій трудъ — задача неблагодарная, подчасъ — неисполнимая. Въ ея выполненіи будетъ, конечно, много дефектовъ, много неудачъ и разочарованій. Мы впередъ заявляемъ, что будемъ счастливы, если удастся устроить одну треть изъ обратившихся къ намъ за помощью».

Надо сказать, что разсчеты работы строились въ надеждѣ на ежемѣсячныя ассигнованія Лондонскимъ Комитетомъ въ предѣлахъ намѣчавшихся смѣтъ. Между тѣмъ удалось получить лишь $^{3}/_{8}$ смѣтныхъ предположеній. Затѣмъ всякія ассигнованія прекратились: Лондонскій Комитетъ истощилъ свои рессурсы. Въ своемъ обширномъ первомъ годовомъ отчетѣ Исполнительный Комитетъ и Совѣтъ «Объединенія» писали Общему Собранію.

«Переходя къ выводамъ изъ опыта предшествующей дѣятельности, приходится констатировать самыя серьезныя разочарованія почти на всѣхъ ея путяхъ. Правда, такъ или иначе оказана трудовая помощь болѣе чѣмъ 66 проц. общаго числа обращавшихся, хотя инициаторы дѣла, какъ мы видѣли, заявляли, что сочли бы себя счастливыми, устроивъ одну треть ищущихъ труда. Они не скрывали отъ себя и Собранія всей сложности дѣла. И тѣмъ не менѣе, дѣйствительность превзошла всѣ опасенія. Въ сущности испробованы всѣ почти виды трудовой помощи: посредничество по пріисканію работы, собственный строительный подрядъ, устройство своихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, выдача ссудъ на мелкія предпріятія, профессіональное обученіе. Все это стоило крайне дорого и дало на практикѣ ничтожные по сравненію съ затраченными средствами результаты. Въ этой сложной работѣ не было возможности обойтись безъ созданія своихъ собственныхъ предпріятій. Организація и правильная постановка предпріятій въ чужой странѣ требуютъ долгаго времени, сосредоточеннаго, систематическаго труда и особливыхъ талантовъ. Доходность этихъ предпріятій находится въ вѣчной зависимости отъ цѣлаго ряда случайностей, которыхъ нельзя предвидѣть. Сверхъ того, полезность этихъ начинаній съ точки зрѣнія трудовой помощи стоитъ часто въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ доходностью. Къ тому же нельзя умолчать о горькомъ опытѣ всѣхъ нашихъ коммер-

ческо - благотворительныхъ организацій: требованія къ нимъ работающихъ лицъ чрезвычайно высоки, а отношеніе къ матеріальному успѣху дѣла — совершенно равнодушное. Въ распоряженіи руководителя учрежденія трудовой помощи нѣтъ тѣхъ пріемовъ, которыми добивается работы промышленникъ; нѣтъ и его коммерческой гибкости. Лица, руководившія дѣломъ, охотно и всецѣло признаютъ и свои ошибки, и свое неумѣніе приспособиться къ новымъ и исключительно труднымъ условіямъ. Но есть и объективныя данныя, дѣлающія въ настоящее время трудовую помощь бѣженцамъ во Франціи очень дорогою и почти безнадежною; конкурировать филантропическими трудовыми начинаніями съ коммерческими предпріятіями — вообще задача нелегкая. Дѣлать это въ странѣ съ развитою промышленностью — еще труднѣе. И почти совершенно невыполнимою является эта задача въ періоды такихъ исключительныхъ промышленныхъ кризисовъ, какой переживала Европа во второй половинѣ 1920 и во весь 1921 годъ».

2

Приходилось сокращать работу и ликвидировать дорого стоющія крупныя предпріятія. А между тѣмъ надвигалась новая бѣда. Паденіе Крыма повлекло за собою массовую эвакуацію. Въ Константинополь въ теченіи двухъ сутокъ прибыло 132 тыс. бѣженцевъ. 7-го Декабря 1920 г. князь Львовъ писалъ Е. А. Родичевой: «Съ Крымскими бѣженцами творятся ужасы, до сихъ поръ качаются на волнахъ и кричатъ всему свѣту: «хлѣба», но одни не слышатъ — залили уши золотомъ, другіе слышатъ и злорадствуютъ, прости имъ всѣмъ Господи!..» Шла усиленная борьба бережливыхъ французовъ противъ безконечной выдачи пайка русскимъ бѣженцамъ. У нихъ самихъ жестокій промышленный кризисъ выбросилъ 700 тысячъ рабочихъ на улицу. Разгорались и пререканія между остатками Врангелевскаго правительства и французами относительно права распоряженія имуществомъ, вывезеннымъ эвакуаціей изъ Крыма. Французы заявляли категорически, что окончатъ помощь къ 1-му Января 1921 г. и предложили образовать общественный русскій безпартійный благотворительный Комитетъ. О томъ-же говорили въ кругу русскихъ дипломатическихъ представителей прежнихъ правительствъ. Лондонскій «Главный русскій Комитетъ по дѣламъ о бѣженцахъ» не удовлетворялъ: составъ его представлялъ исключительно до-революціонную Россію. Между тѣмъ въ Константинополѣ оказались, послѣ эвакуаціи, представители Земскаго и Городского союзовъ, работавшіе на Югѣ Россіи. Самъ собою напрашивался планъ созданія безпартійнаго благотворительнаго Комитета изъ представителей различныхъ организацій, создавшихся и работавшихъ на развалинахъ земскаго и городского союзовъ. Такой планъ удовлетворялъ пожеланіямъ французовъ. Русскіе дипломатическіе представители, у которыхъ на рукахъ оставались еще довольно значительныя казенныя средства, готовы были помочь бѣженцамъ черезъ *аполитическій* благотворительный Комитетъ. Совѣщаніе пословъ, стремившееся всячески достигнуть столь трудно достижимаго объединенія представителей русской общественности, — постановило даже, что въ случаѣ образованія проектируемаго Комитета, всѣ ассигнованія пословъ на нужды бѣженцевъ пойдутъ исключительно черезъ посредство такого центральнаго Земско-Городского Комитета.

Князь Львовъ, вмѣстѣ съ Совѣтомъ мѣстной французской организаціи помощи бѣженцамъ («Объединенія Земскихъ и Городскихъ дѣятелей во Фран-

ціи») взяли на себя починъ въ созданіи намѣченной центральной организаціи. Въ концѣ Декабря 1920 г., за подписью князя Львова, разосланы приглашенія прислать въ Парижъ своихъ делегатовъ всѣмъ центральнымъ органамъ Земскаго и Городского союзовъ, независимо отъ времени ихъ образованія, представительствамъ Земскаго и Городского союзовъ въ Англіи, Америкѣ и Швеціи, а также и Объединеніямъ земскихъ и городскихъ дѣятелей за границей. Приглашенія сопровождались проектомъ «Положенія о Россійскомъ Земско - Городскомъ Комитетѣ». Откликнулись всѣ приглашенныя организаціи, кромѣ представительства Земскаго Союза въ Америкѣ. Каждая изъ присланныхъ делегацій, независимо отъ числа ея членовъ, должна была пользоваться лишь однимъ голосомъ; но въ дѣйствительности достигнуто по всѣмъ вопросамъ единогласіе. Въ Январѣ 1921 г. совѣщаніе съѣхавшихся делегатовъ обсудило и приняло общія положенія устава «Россійскаго Земско-Городского Комитета помощи россійскимъ гражданамъ заграницей», опредѣлило число членовъ Комитета (30-36) и произвело выборы, считаясь съ личными свойствами избираемыхъ лицъ. Въ составъ Комитета вошли преимущественно бывшіе главные руководители и наиболѣе активные работники всероссійскихъ Земскаго и Городского союзовъ, а также земскихъ и городскихъ учрежденій добольшевистской Россіи, внѣ зависимости отъ ихъ политическихъ воззрѣній. При этомъ въ качествѣ основного руководящаго начала было установлено, что Комитетъ является учрежденіемъ аполитическимъ, преслѣдующимъ исключительно гуманитарныя задачи — оказанія всякаго рода помощи всѣмъ безъ различія нуждающимся русскимъ гражданамъ за границей (1).

Объединеніе состоялось около имени князя Г. Е. Львова и въ послѣдующіе годы онъ неизмѣнно, до самой своей кончины, избирался предсѣдателемъ обѣихъ организацій — мѣстной, французской («Объединенія земскихъ и городскихъ дѣятелей во Франціи») и — центральной, для всѣхъ странъ, куда проникли русскіе бѣженцы («Россійскаго Земско - Городского Комитета помощи россійскимъ гражданамъ заграницей»).

Задачи перваго («Объединенія») значительно сузились послѣ опыта перваго года и съ исчезновеніемъ тѣхъ ассигновокъ на трудовую помощь, которыя обѣщаны были (и частью отпущены) лондонскимъ Русскимъ Комитетомъ попеченія о бѣженцахъ. Трудовая помощь оставалась и въ послѣдующіе годы, но, главнымъ образомъ, въ формѣ бюро труда — для пріисканія работы нуждающимся бѣженцамъ. Дорого стоившія и не окупавшія себя собственныя предпріятія (деревообдѣлочную фабрику, типографію, желѣзо - бетонныя работы, мастерскія — трикотажную, электро - монтажную, столярную, переплетно-картонажную и др.) — пришлось постепенно ликвидировать. Съ другой стороны, чисто благотворительная и просвѣтительная помощь — болѣе простая и легкая — значительно расширилась.

Князь Львовъ, какъ мы знаемъ, не велъ въ Объединеніи непосредственной практической работы. На немъ лежало общее руководство. Онъ не отказывалъ въ немъ до самаго конца. Не ограничиваясь предсѣдательствованіемъ въ общихъ собраніяхъ Объединенія и засѣданіяхъ его Совѣта, онъ слѣдилъ и за повседневными затрудненіями, которыхъ оказывалось не мало и на второй годъ дѣятельности. Весь тяжелый періодъ внезапнаго безденежья и вынужденной ликвидаціи собственныхъ предпріятій — особенно трудной въ виду наступив-

---

1) Первый годовой отчетъ Земско-Городского Комитета «Бюллетень», No 9-10, стр. 5-6.

шаго жестокого промышленнаго кризиса, — князь провелъ на своемъ посту, оказывая всяческую помощь совѣтомъ и дѣломъ непосредственнымъ работникамъ. Черезъ Земско - Городской Комитетъ стремился онъ привлечь средства въ кассу Объединенія и предпринималъ даже личные сборы на его нужды. Такъ, напримѣръ, благодаря личному авторитету князя и его настойчивымъ хлопотамъ, удалось привлечь пожертвованія на созданіе въ Парижѣ дѣтскаго сада, который прекрасно функціонировалъ во всѣ послѣдующіе годы.

Но главное вниманіе князя и главныя его заботы сосредоточивались съ 1921 года на дѣятельности «Земгора» («Земско - Городского Комитета помощи россійскимъ гражданамъ заграницей»). Задачи этого учрежденія сводились къ привлеченію средствъ на помощь бѣженцамъ и распредѣленію ихъ между многочисленными организаціями, работавшими въ разныхъ странахъ по оказанію этой помощи. Распредѣленіе средствъ сеоединялось, конечно, съ возможнымъ объединеніемъ работы и контролемъ надъ отчетностью.

Самая трудная часть работы — (пріисканіе средствъ) — всецѣло легла на плечи князя Георгія Евгеніевича. И тутъ, какъ всегда въ своеобразной правой средѣ русской эмиграціи, — политика играла далеко не послѣднюю роль. На первыхъ порахъ Совѣщаніе пословъ, удрученное исключительными бѣдствіями нахлынувшихъ сразу въ Константинополь бѣженцевъ Врангелевской эвакуаціи, — отпустило Земско-Городскому Комитету большія средства (за 1921 годъ — до 600 тысячъ долларовъ). На эти деньги оказана первая помощь въ Константинополѣ. Работали временные главные комитеты Земскаго и Городского союзовъ. Помощь эта носила самый разнообразный характеръ — и распространялась на пріисканіе работы, продовольствіе, снабженіе одеждой, обувью и жилищами, лѣченіе, обученіе, благотворительность. Рядомъ работали многочисленныя международныя организаціи (главнымъ образомъ американскія), привлеченныя дѣйствительно вопіющей нуждою въ Константинополѣ. Всѣ понимали совершенную необходимость какъ можно скорѣе разрядить скопившіяся въ Константинополѣ массы. Разселенію готова была помочь Лига Націй. Но намѣчавшіеся въ началѣ проекты колонизаціи далекихъ южно-американскихъ странъ и африканскихъ колоній — отпали послѣ первыхъ опытовъ: такія переселенія стоили чрезвычайно дорого, а условія труда и жизни въ намѣченныхъ мѣстахъ оказались совершенно неудовлетворительными. Въ виду этого, главныя усилія благотворительныхъ организацій (и Лиги Націй въ томъ числѣ) свелись къ разселенію русскихъ бѣженцевъ въ Балканскихъ странахъ. Но Сербія и Болгарія, разоренныя войною, требовали обезпеченія хотя-бы ближайшаго будущаго переселяемыхъ къ нимъ бѣженцевъ. По дѣлу этому князь Львовъ (вмѣстѣ съ членомъ Исполнительнаго органа Земгора В. Ф. Зееleромъ) предприняли въ Маѣ-Іюнѣ 1921 года спеціальную поѣздку въ Бѣлградъ. Пробывъ въ столицѣ Сербіи болѣе недѣли, они смогли, однако, лишь весьма мало повліять на хитроумную и болѣе чѣмъ осторожную политику престарѣлаго Пашича. Вмѣстѣ съ тѣмъ во время поѣздки этой выяснились для представителей Земгора чрезвычайно правыя настроенія уже проникшихъ въ Бѣлградъ русскихъ бѣженцевъ. Отзвуки борьбы съ большевиками, подчеркнутые послѣдними несчастьями, заставляли участниковъ бѣлой борьбы относиться ко всему, что связано было съ революціей, повышенно враждебно. И князю Львову пришлось убѣдиться съ горечью, что въ этой средѣ имя его далеко не пользуется тѣмъ престижемъ, къ которому онъ привыкъ: и онъ самъ, и соціалистическіе элементы Земгора вызывали среди военныхъ Добровольческой арміи — подозрительность, раздраженіе, подчасъ даже ненависть...

Средства, находившіяся въ распоряженіи Финансоваго Совѣта пословъ, не были, конечно, безграничны. Они быстро таяли. Князь Львовъ участвовалъ въ Совѣтѣ и защищалъ въ немъ всячески смѣты Земгора. Но съ теченіемъ времени послы все болѣе отходили отъ первоначальнаго своего намѣренія — вести помощь бѣженцамъ исключительно черезъ Земско-Городской Комитетъ. Другія благотворительныя организаціи напирали и, во имя безпристрастія, требовали не ограничиваться помощью одному «лѣвому» Земгору.

Первое крупное пониженіе отпуска средствъ Финансовымъ Совѣтомъ относится ко второй половинѣ 1922 г.

Въ 1921 г. отпущено было, какъ мы знаемъ, до 600 тысячъ долларовъ; за весь 1922 г. Земгоръ получилъ отъ пословъ менѣе 200.000 долларовъ. Приходилось думать о сокращеніи дѣятельности. Еще первый, обширный отчетъ Земгора за 1921 годъ, учитывая области работы, подлежащія сокращенію, сообщалъ: «Наибольшаго вниманія и напряженія силъ требуетъ *культурно-просвѣтительная помощь дѣтямъ*. Это единственный родъ помощи, который до сихъ поръ не потерпѣлъ сокращеній. Дѣтямъ принадлежитъ будущее, ихъ воспитаніе и образованіе вызываютъ во всѣхъ наибольшія симпатіи и сочувствіе. Иностранныя организаціи и правительства охотно отпускаютъ средства на подготовку культурныхъ силъ и поддержаніе русскаго юношества. Затраченныя Земско - Городскимъ комитетомъ средства на просвѣщеніе юношества наиболѣе продуктивны — они привлекаютъ средства со стороны» (1)....

Когда намѣтилась неизбѣжная необходимость значительныхъ сокращеній, естественно, Земгоръ въ планъ дальнѣйшихъ работъ выдвинулъ культурно-просвѣтительную дѣятельность и значительно сжалъ трудовую, благотворительную, медико - санитарную помощь. Этими именно областями работы вѣдалъ главнымъ образомъ, Земскій Союзъ. По смѣтѣ на 1923 годъ намѣчалась ликвидація многихъ его учрежденій. Такая перспектива, конечно, не улыбалась дѣятелямъ Временнаго Комитета Земскаго Союза. Послѣдовала острая и чрезвычайно болѣзненная борьба, закончившаяся выходомъ изъ Земгора организацій Земскаго Союза. Вслѣдъ за ними ушелъ и уполномоченный Комитета въ Берлинѣ, склонявшійся къ сосредоточенію своей работы подъ флагомъ общества Краснаго Креста. При этомъ протестантамъ удалось добиться полученія дальнѣйшихъ ассигнованій непосредственно отъ Финансоваго Совѣта пословъ въ размѣрѣ послѣдняго отпуска изъ кассы Земгора.

Съ 1923 года Земско - Городскому Комитету приходится вести отчаянную борьбу изъ-за размѣровъ казенныхъ ассигнованій и жить подъ постоянною угрозою ихъ окончательнаго прекращенія. Въ 1923 году еще удалось получить 85 ½ тысячъ долларовъ; въ 1924 г. уже только 40 ½ тысячъ, а на 1925 годъ ассигновано уже только 12 ½ тысячъ.

Часто обстоятельства грозили ликвидаціей дѣла. Но князь Львовъ не сдавался. Уже въ началѣ 1923 года ему удалось привлечь къ дѣлу средства изъ совершенно новыхъ источниковъ. И Сербія, и Болгарія, и Чехословакія оказывали въ мѣру силъ помощь русскимъ бѣженцамъ и ихъ учрежденіямъ, *находившимся въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ государствъ*. Съ Чехословакіей у Земгора были нѣкоторые счеты: во время гражданской войны въ Сибири

1) «Бюллетень» No 9-10, стр. 129. Замѣчательный по своей обстоятельности сводный отчетъ Земгора о дѣятельности его организацій за 1921 годъ въ разныхъ частяхъ міра — занимаетъ 130 печатныхъ страницъ мелкаго шрифта и даетъ обстоятельную картину положенія бѣженскаго дѣла за отчетный періодъ.

чехи реквизировали значительное количество автомобилей Земскаго и Городского союзовъ. Росписки предъявлены были въ Прагѣ еще въ 1921 г. Началась безконечная переписка, при чемъ права наслѣдства Парижскаго Земгора не очень-то признавались Прагой.

Князь Г. Е. Львовъ въ началѣ 1923 г. рѣшилъ подойти къ дѣлу совсѣмъ съ другой стороны. Въ личныхъ бесѣдахъ съ нѣкоторыми государственными людьми молодой Республики и, совершенно отказываясь отъ *юридическихъ* претензій Земгора, онъ сумѣлъ убѣдить собесѣдниковъ въ необходимости выйти за предѣлы своей страны въ помощи, оказываемой русской молодежи, и поддержать культурно просвѣтительныя начинанія Земгора и въ другихъ государствахъ. Такъ создалась новая крупная дотація, возраставшая въ послѣдующіе годы и давшая возможность не только сохранить, но даже и расширить культурно просвѣтительныя учрежденія Земгора.

Это дало новый толчекъ къ начавшемуся уже постепенному сосредоточенію работы Земско-Городского Комитета именно на *школьномъ* дѣлѣ и на заботахъ о русскихъ дѣтяхъ. Въ 1921 году на эту статью расходовалось всего 21,4% общаго бюджета, въ 1922 году — 50,8%, въ 1923— 78,1%, въ 1924 г. — 83,4% а на 1925 г. назначено уже 91,1% (1).

Уходъ Земскаго Союза — крайне тягостный и непріятный самъ-по себѣ — осложнился еще серьезными разногласіями въ сведеніи денежныхъ счетовъ. Земскій Союзъ не принялъ предложеннаго третейскаго суда для урегулированія денежныхъ взаимоотношеній съ Земгоромъ. Вмѣсто этого, глава Временнаго Комитета Земскаго Союза обвинилъ князя Г. Е. Львова въ безхозяйственномъ расходованіи общественныхъ денегъ и предложилъ ему третейскій судъ по этому вопросу. Но Георгій Евгеніевичъ отнесся съ полнымъ презрѣніемъ къ разставленнымъ ему сѣтямъ и оба третейскихъ суда не состоялись.

По поводу всѣхъ этихъ обвиненій и грызни князь Львовъ писалъ одному другу отъ 5 Ноября 1923 г. «Конечно, во время поднятой на меня кампаніи я не разъ вспоминалъ о Васъ и слышалъ Вашъ голосъ: «не поддавайся!» Только зная, что правда имѣетъ такихъ защитниковъ, какъ Вы, можно выдержать натискъ лжи и зла. Я зналъ, что я не одинокъ и не «поддался». Сейчасъ это уже болѣе или менѣе — въ прошломъ. Кампанія провалилась, потерпѣвъ неожиданное пораженіе отъ своей же братіи, которая выдвинула тѣ-же обвиненія, но уже не дутыя, а обоснованныя противъ нападавшихъ на меня. У меня было много толкачей, требовавшихъ нападенія съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что у меня было много обвинительнаго матеріала, но я противникъ такой грызни и знаю, что лучшая защита — это укрѣпленіе того дѣла, которое вызываетъ нападенія специфическаго характера. Слава Богу, это удалось и я добился полной независимости и обезпеченности нашего дѣла. Получаю средства отъ Чехословацкаго Правительства и школы наши (а ихъ 57 въ 14 странахъ) спасены. 5000 слишкомъ дѣтей могутъ отнынѣ быть спокойны. Ихъ не подкопаютъ, они окончатъ свое образованіе и воспитаніе».

3.

Уже въ Объединеніи Земскихъ и Городскихъ дѣятелей во второй половинѣ 1920 года, при начавшихся денежныхъ затрудненіяхъ, возникла мысль о поѣзд-

1) The Educational Work of the Russian Zemstvos and Towns Relief Committee abroad, p. 12.

кѣ за океанъ для сбора пожертвованій въ «богатой» и «щедрой» странѣ милліардеровъ. Тогда эти предположенія пришлось оставить: изъ Америки писали, что всемірный промышленный кризисъ захватилъ чрезвычайно болѣзненно и Соединенные Штаты; мѣстныя излюбленныя организаціи отказывались отъ обычныхъ всенародныхъ сборовъ («драйвъ») и значительно сокращали дѣятельность; американскіе доброжелатели предупреждали, что дорого стоющая поѣздка почти навѣрное не дастъ никакихъ результатовъ.

Во второй половинѣ 1921 года и въ средѣ исполнительнаго органа Земско-Городского Комитета заговорили о поѣздкѣ въ Америку — въ цѣляхъ нащупать имѣвшіяся тамъ возможности. При этомъ вспоминали, что въ National City Bank въ Нью-Іоркѣ имѣлись въ депозитѣ значительныя суммы Земскаго Союза, положенныя во время войны для оплаты заказовъ въ Америкѣ... Эти мысли совпали съ тѣмъ, что надумалъ, сидя въ St.-Cloud князь Г. Е. Львовъ во время своей болѣзни. 10 Сентября 1921 года князь писалъ Ѳ. И. Родичеву: «Хочу сказать Вамъ, что, сидя въ St.-Cloud и обозрѣвая событія съ нѣкотораго отдаленія, я рѣшилъ, что они идутъ неуклонно подвигая насъ со всѣми русскими вопросами къ Америкѣ. Мы подошли къ рѣшительному пункту. Пережили періодъ съ Антантой, потеряли надежды на безсильную и злобно эгоистическую Европу, вертимся здѣсь, какъ чужія собаки въ чужой стаѣ, каждая норовитъ укусить. Насъ не поняли и не могутъ, не умѣютъ понять. По всѣмъ линіямъ — политической, экономической, гуманитарной — уяснила себѣ положеніе Америка, въ ней же больше и физическихъ возможностей. Я рѣшилъ спѣшить ѣхать въ Америку. Внесъ сей вопросъ въ Земгоръ и получилъ одобреніе. Остается техническая подготовка, которая довольна сложна, особенно въ денежномъ отношеніи, но надѣюсь достигнуть исполненія къ началу Октября. Поѣду съ Т. И. Полнеромъ. Задачъ много крупныхъ, отвѣтственныхъ. Пріѣхать оттуда съ носомъ — значитъ погубить возможность дальнѣйшей работы. Создать тамъ реальную почву для работы значитъ открыть громадныя перспективы: Однако, ходъ событій указуетъ такъ поступить и я поѣду»...

Князь Львовъ прибылъ въ Нью-Іоркъ 21 Октября. Сейчасъ-же онъ сталъ развивать кипучую и изумительную дѣятельность. Выяснилось, что дѣйствительно, въ National City Bank въ Нью-Іоркѣ на счету Земскаго Союза лежитъ 261 тысяча долларовъ. Сверхъ того, въ Казначействѣ Соединенныхъ Штатовъ хранятся 11 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, принадлежащихъ Земскому Союзу. Въ концѣ 1917 года отправлены были на пароходахъ «Пауни» и «Вологда» 24 грузовика, заказанные Земскимъ Союзомъ и полностью оплаченные имъ въ Нью-Іоркѣ. Въ виду большевистскаго переворота, грузовики пересланы изъ Бѣлаго моря въ Англію и проданы тамъ распоряженіемъ англійскаго правительства вмѣстѣ съ другими русскими грузами. Вырученные отъ продажи грузовиковъ 11 тысячъ фунтовъ стер. переданы американскому представителю въ Лондонѣ. Просьба уполномоченнаго Земскаго Союза г. Полякова о выдачѣ ему этихъ денегъ не была удовлетворена впредь до представленія имъ, Поляковымъ, новой довѣренности отъ Земскаго Союза, — спеціально оговаривающей право его на полученіе именно этихъ денегъ. Такой довѣренности, послѣ большевистскаго переворота, конечно, получить было нельзя.

Къ деньгамъ, лежавшимъ въ National City Bank тянулись руки со всѣхъ сторонъ — и большевистскія, и эмигрантскія, и американскія.

Деньги лежали грузно и крѣпко. Внѣ доказательства юридическихъ наслѣдственныхъ правъ Парижскаго Земгора, не было никакой надежды получить

ихъ на нужды бѣженцевъ. Опытные американскіе юристы качали головами и глубокомысленно произносили: fifty - fifty. Подъ этимъ они разумѣли лишь половину шансовъ на успѣхъ. Всякія попытки доказать юридически *права* Парижскаго Земгора на деньги до-большевистскаго Земскаго Союза — признавались явно безнадежными. Но не исключалась возможность вмѣшательства въ дѣло «моральныхъ факторовъ», то есть желанія оказать помощь русскимъ бѣженцамъ. Съ этой точки зрѣнія подходъ казался легче къ правительству, чѣмъ къ банку. Началась четырехмѣсячная возня съ чиновниками, адвокатами и именитыми юристами. Съ поразительною настойчивостью, изо-дня въ день князь велъ безконечные разговоры со множествомъ лицъ. Онъ перевидалъ до 200 человѣкъ, со многими бесѣдовалъ по нѣскольку разъ; у многихъ добивался свиданій обходными путями, сложной подготовкой. Доставлялись и представлялись рекомендательныя письма, сочинялись меморандумы и дѣловыя бумаги. Все это крайне осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствовать приходилось черезъ переводчика. Тѣмъ не менѣе *на словахъ* вездѣ оказывалась полная побѣда: князь очаровывалъ собесѣдниковъ и съ каждымъ днемъ этой тонкой и утомительной работы приходилъ все въ большій восторгъ отъ Америки и американцевъ. Между тѣмъ дѣло двигалось медленно. Вѣдомства довольно медлительно сносились между собою. Адвокаты и юрисконсульты сплетались въ прихотливыя сочетанія... Наконецъ, все это окончилось тѣмъ, что очевидно было для всякаго юриста съ самаго начала: всѣ инстанціи признали, что правопреемственность парижскаго благотворительнаго общества (какъ бы оно ни называлось) отъ выбраннаго въ до-большевистской Россіи земствами органа — *юридически* установлена быть не можетъ. Къ концу четвертаго мѣсяца въ канцеляріяхъ Вашингтона дѣло о выдачѣ князю Львову лежавшихъ въ Казначействѣ 11 тысячъ ф. стер. — окончательно направлено къ отказу. Но тутъ появился deus ex machina. Одинъ изъ плѣненныхъ княземъ собесѣдниковъ написалъ о дѣлѣ президенту Гардингу. И изъ Бѣлаго Дома послѣдовало частное письмо на имя м-ра Вардсворта — главнаго казначея. Президентъ писалъ, что ему было-бы пріятно, если-бы найдены были способы передать лежавшія въ казначействѣ деньги черезъ князя Львова на русскихъ бѣженцевъ. Способы, конечно, были найдены и князь Львовъ одержалъ полную побѣду. Съ этимъ прецедентомъ онъ бросился въ National City Bank. Но здѣсь дѣло оказалось еще сложнѣе. Въ самый разгаръ убѣжденія юрисконсультовъ банка — послѣднимъ получено два протеста противъ выдачи денегъ князю Львову. Одинъ изъ нихъ подписанъ княземъ Щербатовымъ — «предсѣдателемъ Объединенія русскихъ земствъ и городскихъ управленій во Франціи». Это «Объединеніе» создалось въ Парижѣ среди правыхъ земцевъ и горожанъ для конкуренціи съ «лѣвымъ» Объединеніемъ въ которомъ предсѣдательствовалъ князь Львовъ, и для того, чтобы, по возможности, парализовать его работу. Кн. Щербатовъ телеграфировалъ банку: «Рѣшительно протестую противъ выдачи князю Львову денегъ, принадлежащихъ русскому Земству, — письмо слѣдуетъ». Другой протестъ шелъ отъ Бразоля, предсѣдателя «Русскаго Національнаго Общества въ Америкѣ» и представителя русскихъ монархическихъ организацій въ Берлинѣ. Прилагая въ переводѣ протестъ 220 земскихъ дѣятелей, живущихъ въ Сербіи и яко-бы представляющихъ 34 земства,«противъ самозванной и вредной для бѣженцевъ дѣятельности Земгора и особенно его предсѣдателя», Бразоль въ рѣшительныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ предупреждалъ банкъ, что выдача князю Львову земскихъ денегъ, которыхъ онъ добивается лично для себя, грозитъ Банку серьезными осложненіями и процессомъ со стороны настоящихъ

земскихъ работниковъ, коихъ князь Львовъ никоимъ образомъ не является представителемъ.

Этими протестами National City Bank воспользовался, чтобы отказать князю, которому онъ заявилъ: «Банкъ сердца не имѣетъ и не можетъ считаться съ нуждою русскихъ бѣженцевъ». Георгій Евгеніевичъ однако не успокоился и продолжалъ кампанію. Тогда Банкъ предложилъ ему добиться судебнаго рѣшенія въ свою пользу. Русскіе интересы требовали не раздувать въ то время русскаго вопроса въ конгрессѣ и печати. Поэтому князю совѣтовали начинать процессъ лишь въ томъ случаѣ, если Банкъ заранѣе примирится съ рѣшеніемъ суда въ первой инстанціи. На соотвѣтствующія настоянія Банкъ въ концѣ концовъ отвѣтилъ: «По вопросу, вами возбужденному, мы цитируемъ слѣдующій отвѣтъ нашего юрисконсультскаго отдѣла: Мы не предполагаемъ, чтобы судъ приказалъ выдать деньги, хотя онъ и установитъ, конечно, что деньги принадлежатъ законному собственнику. Если таковый будетъ указанъ, Банкъ, конечно, долженъ будетъ выдать деньги. Но для такого рѣшенія истецъ долженъ доказать, что онъ въ настоящее время имѣетъ право на полученіе исковой суммы. Вѣроятно, для князя Львова будетъ очень трудно установить это право съ полною очевидностью».

За время пребыванія въ Америкѣ князь Львовъ сошелся съ Хуверомъ. Этотъ флегматичный и довольно сумрачный министръ пользовался репутаціей «самаго умнаго человѣка въ Америкѣ». Съ нимъ князь Львовъ могъ говорить безъ переводчика (Хуверъ зналъ французскій языкъ) и чары князя Львова, какъ человѣка, не миновали будущаго президента. Хуверъ между прочимъ посовѣтовалъ князю Львову, въ интересахъ русскихъ бѣженцевъ, обратить вниманіе на нѣкоторые благотворительные фонды въ Америкѣ. Но длительные хлопоты Георгія Евгеніевича передъ администраціей фондовъ «Commonwealth», Рокфеллера и Карнеги — не увѣнчались успѣхомъ. Также безплодными оказались многократныя посѣщенія Американскаго Краснаго Креста, Общества христіанскихъ молодыхъ людей и т. д. Цѣлую эпопею представляютъ настойчивыя попытки князя пробиться къ отдѣльнымъ милліардерамъ, прославившимъ Америку своей благотворительностью. Въ результатѣ сложныхъ усилій въ руки Георгія Евгеніевича поступило лишь одно пожертвованіе въ 50.000 франковъ.

Передъ отъѣздомъ князь былъ принятъ Гардингомъ. Онъ благодарилъ президента Соединенныхъ Штатовъ отъ имени Земско-Городского Комитета за помощь голодающей Россіи и за помощь бѣженцамъ выдачею хранившихся въ Американскомъ Казначействѣ 11 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ получасовой бесѣдѣ президентъ говорилъ о любви и симпатіяхъ американцевъ къ русскому народу. Онъ сказалъ, что свободное время посвящаетъ изученію русской исторіи и, чѣмъ больше знакомится съ бѣдствіями, пережитыми въ прежнее время нашей страной, тѣмъ болѣе вѣритъ въ ея воскресеніе. Онъ увѣрялъ, что Америка никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ ей русскимъ флотомъ во время междоусобной войны. «Теперь — сказалъ онъ, — Россія, изживая большевизмъ, приноситъ всему міру неоцѣнимую жертву, за которую мы должны быть вѣчно ей признательны».

Пятимѣсячная поѣздка въ Америку двухъ делегатовъ не стоила Комитету ни одного франка. Князь привезъ съ собою болѣе 55 тысячъ долларовъ *чистыхъ*.

Было-бы долго останавливаться подробно на замѣчательно интенсивной

работѣ князя Львова въ Америкѣ (1).. Но вотъ отзывъ (въ частномъ письмѣ) сторонняго наблюдателя — секретаря Русскаго Посольства въ Вашингтонѣ — М. М. Карповича: «Пріѣзду князя Львова и долгому здѣсь пребыванію мы были искренно рады. Съ Б. А. (посломъ Бахметьевымъ) у него отъ начала до конца были самыя теплыя дружескія отношенія. Князь имѣлъ здѣсь несомнѣнно очень большой успѣхъ. То, что не получилъ всѣхъ денегъ, на которыя разсчитывалъ—ничего не значитъ. Деньги здѣсь доставать неимовѣрно трудно. Даже Хуверу съ этими трудностями приходится считаться. Но на всѣхъ американцевъ, съ которыми онъ здѣсь видѣлся, князь произвелъ самое лучшее, скажу — чарующее впечатлѣніе. Тѣмъ самымъ завязаны связи, которыя еще очень и очень могутъ пригодиться. И это есть капиталъ, значеніе котораго трудно переоцѣнить»...

Самъ Георгій Евгеніевичъ остался чрезвычайно доволенъ Америкой и своей поѣздкой. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Парижъ онъ писалъ объ Америкѣ два письма, которыя такъ характерны для тогдашнихъ его настроеній, что слѣдуетъ использовать ихъ здѣсь съ возможною полнотою.

—...«Работалъ я въ Америкѣ очень усиленно, но сдѣлалъ очень мало въ денежномъ смыслѣ. Лично самъ въ сущности отдохнулъ въ свѣжей здоровой морально атмосферѣ. Главнымъ пріобрѣтеніемъ своимъ считаю дружескія связи съ Хуверомъ и американскимъ правительствомъ вообще и многочисленныя такія-же связи во всѣхъ американскихъ кругахъ. Симпатіи къ Россіи тамъ сильны и все растутъ. То, что творитъ Америка въ Россіи, несравненно больше того, что кажется изъ Европы. Они сами съ трудомъ объясняютъ, откуда такая любовь и интересъ къ Россіи, но они неподдѣльны и всеобщи. Устремленность въ Россію самая напряженная. Руководители движенія ясно представляютъ себѣ предстоящія имъ въ Россіи задачи и готовятся къ нимъ. Общее отношеніе къ Европѣ отрицательное. Въ сознаніи ихъ сложилось, что единственная страна, въ которую можно вѣрить, которая въ ближайшемъ будущемъ кажется ближе всѣхъ къ нимъ, это — Россія. Съ нею вмѣстѣ придется Америкѣ исправлять и спасать положеніе Европы. Колоссальная мощь, чистыя помышленія, моральные мотивы, здоровые интересы и организаторскій геній чувствуется тамъ на каждомъ шагу. *АРА* въ Россіи не только спасаетъ милліоны людей, а подготовляетъ самую надежную базу для кооперацiи. Американскій флагъ развѣвается повсюду въ голодныхъ губерніяхъ, въ Москвѣ и Петроградѣ. Безъ нея ничего тамъ сдѣлать уже нельзя. Она стала «кормилецъ-батюшка». Въ ея рукахъ уже полностью желѣзныя дороги. На Волгѣ никакихъ «комиссаровъ» уже нѣтъ. Никакихъ сношеній ея съ властью почти не имѣется — работа идетъ безъ всякаго ея участія. Всего то тамъ 125 человѣкъ администраціи. Работа ея производится русскими и всѣ Американцы въ восторгѣ отъ ихъ организаторскихъ способностей; нигдѣ, говорятъ, въ Европѣ такъ не работалось. Вообще оцѣнить Американскій Relief нѣтъ возможности. Плоды его скажутся въ неожиданныхъ размѣрахъ и формахъ и Европейцы прозрѣютъ только, когда уже дѣло будетъ сдѣлано, а можетъ быть, и тогда останутся слѣпы. Разсказать американскія впечатлѣнія въ письмѣ нельзя. Скажу только, что не только укрѣпился въ убѣжденіи, я не сомнѣваюсь, что Америка спасетъ положеніе, что она истинный и честный другъ нашъ, что она не сойдетъ съ свое-

1) См. «Докладъ кн. Львова о поѣздкѣ его и Т. И. Полнера въ Америку, прочитанный въ засѣданіи Общаго Собранія Земско-Городского Комитета 7-го Апрѣля 1922 г.» въ Приложеніяхъ къ отчету за 1921 г. («Бюллетень,» No 9-10, стр. 1-11).

го пути и что ей самой нужна Россія... Повѣрьте, скоро воскреснетъ Россія — нигдѣ въ этомъ такъ не убѣждаешься, какъ въ Америкѣ. Она вѣритъ этому сильнѣе русскихъ, и эмигрантовъ-братогрызцевъ за то не любятъ, что они не вѣрятъ и смотрятъ въ задъ. На другой день пріѣзда изъ Америки я почувствовалъ, что попалъ въ ядовитую, спертую атмосферу. Убили Набокова, готовы убить еще кого-нибудь... Когда-же Господь образумитъ ихъ — умоповрежденныхъ? Теперь среди строителей Вавилона одинъ любовью воодушевленный можетъ быть спасителемъ общимъ»...

Этимъ письмомъ объ Америкѣ князь Львовъ не довольствуется. Черезъ два дня, почти по тому же адресу онъ отправляетъ второе письмо, въ которомъ развиваетъ тѣ-же мысли (1).

«Только побывавъ въ Америкѣ, можно почувствовать ея силу и значеніе. Европа передъ ней — точно старая, разсѣвшаяся баржа, застрявшая въ глухомъ затонѣ, ее затягиваетъ тиной въ стоячей водѣ, а Американская рѣка жизни стремительно несется рядомъ, мимо нея. Она вся — порывъ къ строительству новой жизни. Она дѣйственна и дѣла ея одухотворены высокими идеями. Она цѣнитъ идеи, претворяемыя въ жизнь и цѣнитъ работу, поскольку она претворяетъ идеи въ жизнь. Тамъ цѣнятся дѣла, а словесность не любятъ. Быстрота дѣйствій поразительная. Всѣ спѣшатъ работать и дѣйствовать. Коллегіальныхъ обсужденій нѣтъ. Демократизмъ сочетается съ автократизмомъ. Личная отвѣтственность сильнѣе и строже и не покрывается коллегіями. Заслуженное довѣріе является колоссальной силой. Такія фигуры, какъ Элiа Рутъ, пользуются непререкаемымъ авторитетомъ — онѣ сильнѣе власти. Но разъ не заслужилъ довѣрія разъ, то погибъ и подняться не дадутъ. Честность цѣнится дороже всего. Мораль строгая руководитъ всѣмъ и выравниваетъ дорогу — всѣмъ и частнымъ лицамъ, и государству. Основныя руководящія идеи — христіанскія, но именуются онѣ не христіанскія, а моральныя. Лицемѣріе не терпится, цѣнится дѣло. Практическая мораль, осуществленная, какъ они говорятъ, акція морали — это творчество, это достойная работа, а работа безъ претворенія морали въ жизнь, — это суета безплодная. Правда, справедливость, добро, личное достоинство, честность — всѣ эти понятія — не банальныя вѣтоши, какъ здѣсь, а высшія цѣнности жизни. Это чувствуется непосредственно, когда входишь въ ихъ жизнь. Отсюда и ихъ международная политика, и ихъ гуманитарная дѣятельность, и ихъ отношеніе къ Россіи. Миръ, производительный трудъ, добро, улучшеніе общихъ условій для всѣхъ, ибо тогда только намъ можетъ быть хорошо, когда всѣмъ хорошо — вотъ доминирующія ноты дѣловой жизни Америки — простыя, примитивныя, но глубоко сознанныя и не мертвыя, а дѣйствующія. Изъ всего этого я вынесъ глубокую увѣренность, что будущее принадлежитъ имъ съ нами. Оживотворить Россію имъ ничего не стоитъ матеріально, перенять у нихъ организаторскій геній намъ легко, они утверждаютъ, что у насъ его больше, чѣмъ у нихъ, техника это дѣло легкое. Русскіе техники въ американскихъ условіяхъ считаются первыми. Такіе инженеры, какъ Хуверъ, Rickard считаютъ, что возстановленіе желѣзныхъ дорогъ легче, чѣмъ предпринятая ими работа въ Техасѣ. Къ такому дѣлу они приспособлены и если подумать, что они сейчасъ сорганизовали въ Россіи и въ какихъ масштабахъ, такъ приложеніе ихъ капиталовъ къ Россіи дастъ сказочные эффекты.

---

1) Первое письмо отправлено Е. А. Родичевой 14 Апрѣля 1922 г.; второе — Ѳ. И. Родичеву — 16 Апрѣля того-же года.

А они говорятъ — пропорціонально наша гражданская война была столь же разрушительна, какъ и Ваша, а развѣ участники ея повѣрили бы въ то время, что сдѣлаетъ Америка то, чего она сейчасъ достигла. Они утверждаютъ, что Россія имѣетъ всѣ данныя, чтобы удивить міръ быстротою своего возрожденія больше, чѣмъ удивила своимъ паденіемъ и что она заслужила всеобщей помощи за то, что всѣхъ спасла и потому, что всѣмъ нужна. Да, отъ Американцевъ вѣетъ силой, бодростью и энергіей, готовой направиться всѣмъ на помощь, но Россіи прежде всего. Русскіе для нихъ ближе всѣхъ къ сердцу. И какъ сравнишь ее съ Европой, Боже мой, какъ она затерялась, какъ заблудшая овца, а наши заблудящіе эмигранты въ ней въ такой густой тинѣ погрязли, что имъ оттуда никогда не выскочить. Пропали! отъ злобы, эгоизма пропали. Не осталось въ нихъ нашего русскаго братолюбія, далеки они отъ американскаго альтруизма и нѣтъ имъ мѣста въ работѣ, гдѣ руководствуютъ любовь, общее благо и добро... Я въ Америкѣ Хуверу и другимъ предсказывалъ на нынѣшнее лѣто — въ Іюнѣ или Іюлѣ — если не паденіе большевистской власти, то возможность уже *работы* по возстановленію экономической жизни Россіи и указывалъ на необходимость готовиться имъ къ этому. Они очень готовятся и когда допытывались, какъ же произойдетъ и когда сверженіе большевиковъ по моему чувству, — я отвѣчалъ твердо: въ Іюлѣ на почвѣ голода и Relief'а будетъ паденіе, а не сверженіе и новая власть не вступитъ безъ санкцій АРА».

13 лѣтъ назадъ, знакомясь впервые и мимоходомъ съ жителями Нью-Іорка, князь нашелъ, что «черезъ бритыя, сухія фигуры ихъ — съ вѣчной жвачкою во рту — не просвѣчиваетъ души, духовные интересы большинства, повидимому, въ желѣзныхъ сундукахъ банковъ»...

Теперь, *напротивъ*, въ его глазахъ именно духовные «моральные» интересы являются у американцевъ доминирующими.

Позднѣйшее увлеченіе Георгія Евгеніевича Америкой, такъ ярко вылившееся въ двухъ приведенныхъ письмахъ, такъ же неосновательно, какъ и первыя отталкивающія впечатлѣнія 1909 года. Среди американцевъ, конечно, есть достаточное количество отдѣльныхъ сердечныхъ людей. Но психологія народа, преобладающія движущія идеи массъ очень далеки отъ изображенія князя Львова. Здѣсь опять еще разъ сказался его безудержный оптимизмъ и способность видѣть только одну сторону медали.

Массовыя устремленія американскаго народа пріобрѣтаютъ устойчивость и силу тогда лишь, когда въ нихъ, наряду съ высокими моральными побужденіями, обнаруживается со всею очевидностью самая прозаическая, оцѣниваемая на долларъ, выгода. Это прекрасно учитывалъ «самый умный человѣкъ въ Америкѣ» — Хуверъ, когда предлагалъ конгрессу ассигновать 30 милліоновъ долларовъ на помощь голодающимъ русскимъ дѣтямъ. Высоко гуманный актъ соединился съ единственно пріемлемымъ для Америки способомъ поддержать разоренныхъ фермеровъ, которые не знали куда сбыть свой хлѣбъ, и торговый флотъ, который погибалъ отъ малаго количества хлѣбныхъ перевозокъ. Но идеалистическіе замыслы Вильсона, не соединенные ни съ какою чисто американскою выгодою, въ концѣ концовъ, потерпѣли полное фіаско.

Судя по описаніямъ князя Львова, Соединенные Штаты идутъ быстрыми шагами, мимо Европы, къ установленію въ своей странѣ земного рая, то есть положенія, «когда всѣмъ одинаково хорошо, ибо только тогда и намъ будетъ хорошо».

Увы! и въ Америкѣ, какъ повсюду, далеко не все обстоитъ благополучно...

Въ началѣ 1920 года князь Львовъ написалъ сказку подъ названіемъ «Му-

жики». Она напечатана во второмъ выпускѣ парижскаго журнала «Грядущая Россія». Первая часть написана великолѣпнымъ тульскимъ народнымъ говоромъ и изображаетъ лютый пожаръ въ большомъ русскомъ селѣ. Сосѣди не захотѣли и не сумѣли потушить пожара. Но раззоренные мужики «не обронили своего духа» и передъ ними уже открываются перспективы возрожденія.

Во второй части князь Львовъ обращается съ нѣсколькими словами къ народамъ «смятеннымъ міровымъ пожаромъ».

— «На что-же вы надѣетесь?.. Развѣ у васъ своего горючаго мало, что каждую минуту готово заняться отъ всякой малой искры? Развѣ у васъ все спокойно, всѣ довольны? Развѣ у васъ не идетъ внутренняя война, не клокочетъ возмущеніе, негодованіе, обида, ненависть и злоба? Развѣ не прорываются у васъ самихъ повсюду огненные языки?..

«Нѣтъ на землѣ мира. Возмущеніе человѣческаго духа усилилось. Несправедливость, обида, накопленная вѣками, углубились. Ненависть, злоба и месть разгорѣлись жарче. Никакая сила ихъ не сломитъ...

«Примирить голоднаго съ сытымъ можно только, накормивъ его. И пока сытый не посадитъ голоднаго за столъ и не раздѣлитъ съ нимъ трапезы, обида не утолится, источникъ ея не изсякнетъ и возмущеніе, буйство и война не прекратятся».

Можно-ли относить эти слова и предостереженія только къ Европѣ?

Если отрѣшиться отъ временнаго увлеченія князя Львова, — тѣ же предостереженія надо отнести и къ Америкѣ... И къ Америкѣ — быть можетъ, больше, чѣмъ къ Европѣ.

Князю Львову не удалось использовать для нуждъ русскихъ бѣженцевъ того «моральнаго» капитала, который онъ завоевалъ во время пребыванія своего въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1921 - 22 годахъ. Въ то время передъ американцами открывались широкія перспективы скораго паденія большевиковъ и работы по возсозданію Россіи. Въ этой послѣдней задачѣ соединялись, несомнѣнно, и хорошія пуританскія чувства, и долларовые интересы. Энтузіазмъ былъ обезпеченъ. Если-бы предсказанія князя Львова оправдались въ то время и большевики, дѣйствительно, пали въ Іюнѣ или въ Іюлѣ 1922 года, Америка, несомнѣнно, ринулась бы на работу надъ возрожденіемъ нашей родины. Работа эта, конечно, обошлась бы намъ дорого. Но экономическое и техническое возрожденіе Россіи при помощи американскаго капитала и американскаго генія могло совершиться съ головокружительной быстротой.

Но паденіе большевиковъ не совершилось. Оптимизмъ князя Львова оказался праздными мечтами. Практичные американцы мало-по-малу прекратили свои приготовленія. Русскіе бѣженцы интересовали ихъ сравнительно очень мало. Тутъ были только хорошія пуританскія слова и чувства, но не было въ перспективѣ никакихъ земныхъ интересовъ.

Впрочемъ, князю Львову черезъ три года пришлось еще разъ пересѣчь Атлантическій океанъ и побывать въ Америкѣ. На этотъ разъ такихъ надеждъ и энтузіазма въ немъ она не возбудила. Поѣздка предпринята въ величайшей тайнѣ: повидимому, князь хотѣлъ оградить себя отъ вмѣшательства и противодѣйствія, подобныхъ тѣмъ, которыя пришлось перенести отъ братогрызцевъ эмигрантовъ въ 1922 г. Насколько можно судить по разсказу самого Георгія Евгеніевича, дѣло сводилось къ слѣдующему.

Въ концѣ 1924 года одна американская фирма обратилась въ Парижѣ ко князю Львову съ предложеніемъ проѣхать, за ея счетъ, въ Нью-Іоркъ, чтобы лично засвидѣтельствовать въ судѣ, что товаръ, отправленный ею во время

войны въ Москву, былъ полученъ и не оплаченъ Земскимъ Союзомъ и что у бывшаго Предсѣдателя послѣдняго нѣтъ возраженій противъ оплаты счетовъ фирмы изъ земскихъ средствъ, хранившихся въ National City Bank — въ Нью-Іоркѣ. Въ видѣ компенсаціи за безпокойство, фирма готова была пожертвовать Парижскому Земгору на русскихъ бѣженцевъ извѣстный процентъ съ исковой суммы.

Изъ предпріятія фирмы ничего не вышло, хотя князь принялъ предложеніе и выѣхалъ въ Америку — вмѣстѣ съ Н. В. Макѣевымъ, бывшимъ, послѣ революціи 1917 года, предсѣдателемъ Земскаго Союза.

4.

Однажды лѣтомъ 1921 года по всему «Земгору» скользнула вѣсть: «князю плохо»! Въ этотъ день Георгій Евгеніевичъ пріѣхалъ, по обыкновенію, около одиннадцати часовъ и, не заходя ни къ кому изъ сотрудниковъ, пробѣжалъ на верхъ, въ свой кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ что-то случилось. Когда осторожно вошли въ комнату, князь сидѣлъ, низко склонивъ голову на сложенныя на столѣ руки. Онъ узналъ вошедшихъ. Жалкая, виноватая улыбка раздвинула его губы. Онъ какъ-бы извинялся за переполохъ и старался овладѣть собою. Послали за докторомъ. Въ комнату натащили диванныхъ подушекъ. Въ импровизированную на полу постель бережно уложили князя. Къ головѣ прикладывали компрессы и ледъ... Пріѣхавшій русскій докторъ одобрилъ принятыя мѣры и озаботился перевозкой князя на его квартиру (6, Rue de Sèze). Онъ совѣтовалъ князю полный и продолжительный отдыхъ, — если возможно, за городомъ и, когда наступитъ улучшеніе, — работу въ саду или огородѣ на открытомъ воздухѣ. Близкіе Георгія Евгеніевича жили это лѣто въ St.-Cloud и его перевезли туда. На дачѣ онъ занялъ верхнюю пустую комнату, гдѣ спалъ на полу, не желая никого безпокоить и ничего мѣнять въ налаженной жизни. Здѣсь пробылъ онъ мѣсяцъ, работая на огородѣ и набираясь силъ. Ему старались дать полный покой и не тревожили его никакими дѣлами. Рѣдкимъ посѣтителямъ, допускавшимся къ нему, онъ высказывалъ пренебреженіе къ своей болѣзни...

— Что тутъ говорить?... слава Богу, ускочилъ на этотъ разъ отъ кондрашки... только и всего...

Черезъ мѣсяцъ болѣзнь прошла, казалось, безслѣдно. Вынужденное одиночество принесло, какъ мы видѣли, мысли объ Америкѣ, гдѣ онъ и пробылъ, работая чрезвычайно энергично, пять мѣсяцевъ.

Ближайшіе три года переживались княземъ Львовымъ довольно тягостно. Среди эмигрантовъ — «братогрызцевъ», людей, ушибленныхъ революціей, — онъ натыкался часто на глухую злобу. За всегдашній уклонъ влѣво, за союзъ и дружбу съ нѣкоторыми «лѣвыми» — его ненавидѣли больше, чѣмъ самихъ лѣвыхъ. Подъ него подкапывались съ аппетитомъ, клеветали съ наслажденіемъ. На немъ вымѣщались невзгоды, которыя принесла этимъ людямъ революція. А онъ былъ виноватъ только въ томъ, что не рѣшился устраниться отъ попытокъ спасти Россію. Его обливали ненавистью извнѣ. Но и въ самомъ Земгорѣ, въ текущей, ежедневной работѣ онъ не былъ избавленъ отъ длительной и весьма острой непріязненной кампаніи. Все это переживалось очень болѣзненно. Но не эти дрязги составляли главную боль его сердца. Любовь къ Россіи и русскому народу, вѣра въ ихъ скорое возрожде-

ніе не покидали его ни на минуту. Оправдываясь въ этой вѣрѣ и въ этой любви, князь Львовъ еще въ 1918 году писалъ одному иностранцу: «Я вовсе не склоненъ къ безпочвенному мечтательному идеализму. Я практическій работникъ по преимуществу, но практическая работа для меня имѣетъ цѣну, если она достигаетъ духовныхъ и моральныхъ результатовъ»... И, конечно, говоря вообще, князь былъ свободенъ отъ мечтательнаго сентиментализма. Но онъ всегда оставался непоколебимымъ и неисправимымъ оптимистомъ. И тамъ, гдѣ онъ *любилъ*, онъ вѣрилъ безусловно — какъ бы ни противорѣчила дѣйствительность его чаяніямъ. Онъ любилъ Россію и душу русскаго мужика. И всѣ эксцессы революціи не могли заглушить этой любви и связанной съ нею вѣры. Въ 1918 году, говоря о русскомъ народѣ, нельзя было умолчать совершенно объ его недостаткахъ. И князь Львовъ мимоходомъ признаетъ ихъ. Но «все это прошло или проходитъ» и не можетъ поколебать ни любви Георгія Евгеніевича, ни его вѣры въ конечное и скорое торжество «истиннаго духовнаго существа» русскаго народа.

Однако, торжество это не приходило. Въ 1922 г. на назойливые вопросы американцевъ, онъ еще съ вѣрою предсказывалъ, что конецъ большевизма — близокъ, не позже Іюня или Іюля. И произойдетъ это безъ всякихъ новыхъ кровавыхъ потрясеній: на почвѣ голода, большевистской несостоятельности и американской помощи — произойдетъ *не сверженіе, а паденіе большевиковъ* и мирное водвореніе новой власти надъ очищеннымъ въ горнилѣ страданій и опомнившимся народомъ.

Когда и эти ожиданія не осуществились, онъ замкнулся въ себя, затосковалъ и со скептиками пересталъ вообще говорить о возрожденіи Россіи. Онъ могъ говорить объ этомъ только съ вѣрующими въ близкое Христово воскресеніе въ душѣ русскаго народа. И все кругомъ для него потускнѣло. На лонѣ «прекрасной Франціи» онъ чувствовалъ себя, какъ Садко у морского царя...

— «Что пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны подводныя эти хоромы?
Увидѣть бы мнѣ хотя-бъ зелень сосны, прилечь хоть на ворохъ соломы!..»

Все кругомъ было невыносимо плохо по сравненію съ Россіей... Въ тоскѣ по родинѣ и по душѣ «простого рабочаго народа», онъ натягивалъ на себя синій рабочій костюмъ и въ буквальномъ смыслѣ слова «уходилъ» изъ Парижа...Шелъ день и два и три и четыре...останавливался на фермахъ, помогалъ французамъ убирать урожай и пытался между тѣмъ проникнуть въ тайники ихъ психологіи (1).

Такіе суррогаты не утоляли. Тоска по мужикѣ все разгоралась...

Наружно онъ мало измѣнился. Но съ каждымъ днемъ все глубже замыкался въ самомъ себѣ, все рѣже казался беззаботнымъ. Занятія въ Земгорѣ мало тяготили его. Онъ понималъ, что поддержать, въ мѣру силъ, бѣженцевъ и русскую школу на чужбинѣ — надо, и, со своей стороны, дѣлалъ все возможное для снабженія Земгора деньгами. Его заботы, какъ мы видѣли, увѣнчались успѣхомъ. Первое принципіальное согласіе надо было укрѣпить и оформить. И князь Львовъ неоднократно посѣщалъ Прагу и велъ длительные переговоры съ чехо-словацкимъ правительствомъ (2).

Смиренство, «желанность» (доброжелательство), миротворчество — оста-

---

1) Такъ въ одномъ письмѣ 1923 г. онъ говоритъ, что прошелъ за четыре дня 132 километра.

2) За 1923 г. ему пришлось побывать въ Прагѣ 4 раза.

лись, по прежнему, любимыми его качествами. Онъ охотно хлопоталъ за друзей, которые не могли сами устроиться, и, если хлопоты эти имѣли шансы на успѣхъ, писалъ: «радуюсь, что могъ пригодиться еще хоть на такое дѣло»... Въ Земгорѣ онъ стремился всячески избѣжать малѣйшихъ осложненій: въ концѣ концовъ стоило-ли ссориться изо всякихъ пустяковъ?!... Больше всего боялся онъ всякихъ скандаловъ и исторій. Эта уступчивость, доходящая въ своемъ безразличіи до слабости и безличія, — удивляла болѣе волевыхъ товарищей его работы и заставляла ихъ считать его чуть-ли не святымъ.

Но *святымъ* онъ не былъ. Мелкія житейскія заботы и суета практической дѣятельности попрежнему одолѣвали его. Сидѣть безъ дѣла, по натурѣ своей, онъ не могъ; недаромъ любовь къ труду считалъ онъ одною изъ основныхъ добродѣтелей русскаго человѣка.

Въ свободные часы онъ постоянно мастерилъ что-нибудь: кожаные портфельчики, бумажники, кошельки...

Когда пришлось очистить дешевую квартиру съ мебелью, которую занималъ онъ на rue de Sèze, онъ рѣшилъ выбраться въ предмѣстья Парижа и разыскалъ въ Boulogne sur Seine нѣсколько комнатъ. Мѣстность кругомъ была не важная — рабочій, грязноватый, шумный кварталъ, но домъ, гдѣ онъ поселился, новый и со всѣми удобствами. Пришлось однако цѣликомъ меблировать квартиру и тутъ оказалось полное раздолье его практической дѣловитости: не торопясь, у старьевщиковъ подбиралъ онъ за гроши подержанныя, иногда поломанныя вещи и съ величайшимъ удовольствіемъ, собственноручно возился надъ ихъ реставраціей, чинилъ, отдѣлывалъ, красилъ... Для своихъ ремесленныхъ упражненій князь завелъ себѣ даже станочекъ съ электрическимъ двигателемъ.. Онъ настойчиво практиковался также на пишущей машинкѣ, которую привезъ изъ Америки въ 1922 году.

Въ послѣдніе годы Георгій Евгеніевичъ жаловался на денежныя затрудненія: онъ жилъ въ Парижѣ самъ-четвертъ и скромнаго Земгорскаго жалованія не всегда хватало. Онъ пытался прирабатывать. И между прочимъ вошелъ въ соглашеніе съ проф. П. Г. Виноградовымъ относительно редактированія въ противовоенномъ изданіи Карнеги томовъ о русскомъ самоуправленіи во время великой войны. Но надъ этимъ дѣломъ ему уже почти не довелось поработать.

Еще въ 1921 - 22 годахъ въ Америкѣ онъ пробовалъ писать о русскомъ Земствѣ. Но уклоняясь отъ напечатанія его статьи, какъ не достаточно «актуальной», редакціи журналовъ предлагали князю написать свои воспоминанія. Тогда Георгій Евгеніевичъ отвѣчалъ на это отказомъ. Но съ тѣмъ-же изъ года въ годъ приставали къ нему письменно и устно его близкіе. Отъ этихъ совѣтовъ отмахивался онъ довольно рѣшительно.

— Не могу я этого, — говорилъ онъ — Развѣ уже только нужда подъ горло подойдетъ... тогда попробую.

Но мало-по-малу онъ привыкъ къ самой мысли. И въ величайшемъ секретѣ ото всѣхъ постороннихъ, — попробовалъ... и увлекся. Планъ былъ такой: записать начерно все, что онъ помнилъ, и затѣмъ выбрать изъ этого матеріала и отдѣлать то, что могло бы интересовать кинематографическіе мозги американскихъ редакторовъ и издателей. Имъ нужны были, конечно, «покрѣпче» поданныя воспоминанія о революціи и премьерствѣ князя. А онъ началъ со своего дѣтства. И бытовыя картины русской деревни въ эпоху послѣ освобожденія крестьянъ, русской природы и жизни русскаго народа — такъ увлекли автора, что онъ совершенно забылъ и объ американцахъ, и объ ихъ совѣтахъ. Не торо-

пясь, тепло и радостно вспоминая, погружался онъ въ картины русской деревенской жизни. Снова могъ онъ безблѣзненно пробираться мыслью въ чертоги души народной и выносить на свѣтъ Божій всю несказанную ея прелесть.

Любовь и ласка, съ которыми онъ это дѣлалъ, не оставили мѣста для воспоминаній о недостаткахъ народныхъ, объ эксцессахъ революціи, о тѣхъ порокахъ, которые признавалъ онъ, хотя и очень неохотно, еще въ 1918 году. Великая любовь все освящаетъ. Изъ подъ пера Георгія Евгеніевича вышли обворожительныя картины. Къ тому-же, когда онъ хотѣлъ, то могъ становиться мастеромъ русскаго слова. Чудесныя воспоминанія доведены лишь до университетскаго времени. Они обнимаютъ такимъ образомъ дѣтство и отрочество. Жизнь маленькаго князя Львова проходитъ въ нихъ на фонѣ русской природы, русской деревни и души русскаго народа. Эти «записки оптимиста», какъ называетъ самъ Георгій Евгеніевичъ свое произведеніе, — прекрасны, хотя подчасъ полны наивности. Онъ успѣлъ написать около десяти печатныхъ листовъ. Очень жаль, что до сей поры онѣ не напечатаны.

Домашняя жизнь князя Львова за послѣдніе годы его существованія — довольно живо описана въ статьѣ Е. М. Ельцовой: уже не разъ приходилось ссылаться на эту работу (1).

Жизнь эта, по прежнему, болѣе чѣмъ скромная. Единственной прислугой князя и его семейныхъ былъ казакъ-эмигрантъ Захаръ, который умѣлъ не только соблюдать экономію и разыскивать въ *Парижѣ еще рѣдкіе* въ то время русскіе продукты — но и пѣть русскія крестьянскія пѣсни.... *Временами князь* не отказывалъ себѣ въ горестномъ наслажденіи: вдвоемъ съ Захаромъ уходили они пѣшкомъ за городъ и тамъ, вспоминая Россію, напѣвали на два голоса старинныя русскія пѣсни...

За обѣдомъ на столѣ князя часто появлялись тѣ-же блюда, которымъ онъ отдавалъ предпочтеніе когда-то въ Тулѣ: квасъ, капуста, щи, каша, рѣдька въ сметанѣ...

Описывая комнату князя, которая служила ему и мастерской и кабинетомъ, и спальней, Е. М. Ельцова говоритъ между прочимъ:

«Картинки по стѣнамъ, большею частью хорошія литографіи, въ самодѣльныхъ рамкахъ, изображали все такое знакомое, близкое, отъ чего сжималось сердце: «Бабушкинъ садъ» Полѣнова, снѣжная равнина и темное грозное небо метели, околица, гуси и закуривающій мужикъ въ полушубкѣ; «Московскій дворикъ» съ яркой травой, съ тревожнымъ весеннимъ небомъ, колокольней и деревяннымъ домомъ подъ плакучей березой, — гдѣ когда-то жилъ... Троицкая Лавра зимой»...

Въ этомъ примѣрномъ перечнѣ г-жа Ельцова забыла одну картинку, которая висѣла въ простѣнкѣ между кушеткой — постелью князя и его импровизированнымъ письменнымъ столикомъ. То была акварель Оптиной Пустыни, написанная на память, по его просьбѣ, родственницей и другомъ Е. П. Писаревой...

Келья въ Оптиной Пустыни, одинокая, но веселая, на фонѣ чисто русскаго пейзажа... А почти рядомъ полочка — съ четырьмя - пятью книгами, среди которыхъ творенія Ефрема Сирина и Феофана Исповѣдника... Да, очевидно,

---

1) Современныя Записки, No XXV, стр. 279-287.

и эта мечта не была забыта... Покой и отдыхъ отъ практическихъ дѣлъ и врачеванiе душъ человѣческихъ, смягченiе неизбывнаго горя, осушенiе слезъ, возстановленiе возможности жить и воли къ жизни...

Неосуществившаяся, далекая мечта!...

Но не былъ ли правъ старецъ, неоднократно усылавшiй Георгiя Евгенiевича въ мiръ и не считавшiй его дѣятельную, практическую натуру готовою къ полному самоотреченiю?...

Въ той же комнатѣ висѣлъ образъ благовѣрнаго Феодора, князя Ярославскаго, святого предка Георгiя Евгенiевича. Но въ тѣ отдаленныя времена святость была ближе и давалась легче. Защита населенiя отъ Золотой Орды требовала *дѣлъ*. За удачу въ такихъ дѣлахъ, связанную съ благочестивою, скромною жизнью, *князь* легко могъ обратиться въ *святого*. И этому не мѣшали прiемы борьбы, которые практиковались въ тѣ времена среди смышленыхъ великороссовъ вообще и среди ярославцевъ въ особенности: въ защитѣ отъ татарина всѣ средства казались хорошими: и открытый бой съ оружiемъ въ рукахъ, и *хитрость*, обходъ лукаваго врага, и сдержанность, скрытность, облеченныя во внѣшнюю ласковость и доброжелательство...

Въ наши времена къ святымъ предъявляются иныя требованiя. Старца Зосиму Достоевскаго трудно представить себѣ орудующимъ въ области *практическихъ дѣлъ* и всего, что съ ними неизбѣжно связано. А безъ нихъ, какъ мы знаемъ, не могъ-бы прожить, по натурѣ своей, князь Львовъ.

Во время послѣдней поѣздки въ Америку, Георгiй Евгенiевичъ, повидимому, претерпѣлъ второй приступъ своей болѣзни. — Его спутникъ, Н. В. Макѣевъ былъ пораженъ и испуганъ припадкомъ, приключившимся съ Георгiемъ Евгенiевичемъ на обратномъ пути, въ каютѣ океанскаго парохода. Совершенно неожиданно князь впалъ въ полу-сонъ, полу-забытье и не приходилъ въ себя болѣе 24 часовъ.

По возвращенiи въ Парижъ, князь весьма мало обращалъ вниманiя на болѣзнь, хотя короткiе припадки полузабытья случались съ нимъ нѣсколько разъ, даже на улицѣ, даже въ метро. Иногда онъ жаловался на то, что чувствуетъ въ головѣ какъ-бы какiя-то пустоты. По вечерамъ онъ быстро утомлялся, а на ночь принималъ иногда вероналъ. И все-же въ то время ничего особеннаго, катастрофическаго въ состоянiи его здоровья окружающими замѣчено не было.

Шестого Марта (1925 года) онъ былъ въ Земгорѣ, отсидѣлъ тамъ все время по положенiю и въ шестомъ часу вернулся домой частью пѣшкомъ, частью въ метро — вмѣстѣ съ К. Р. Кровопусковымъ, который жилъ въ одномъ домѣ съ нимъ (1, rue Carnot). На углу они разстались. Георгiй Евгенiевичъ зашелъ въ аптеку запастись вероналомъ на ночь, а Константинъ Романовичъ прямо поднялся къ себѣ.

Георгiй Евгенiевичъ очень скоро вернулся домой. Въ столовой, рядомъ съ его комнатой, накрывали на столъ. Князь вошелъ въ кабинетъ, оставивъ стеклянную дверь къ себѣ въ комнату открытой. Онъ снялъ ботинки, надѣлъ легкiя домашнiя туфли, развязалъ шнурочекъ, служившiй ему галстухомъ, разстегнулъ мягкiй воротникъ рубашки и прилегъ на кушетку - кровать отдохнуть до обѣда, какъ привыкъ дѣлать ежедневно...

Минутъ черезъ десять его пришли звать обѣдать. Князь не отозвался. Онъ лежалъ неподвижно на спинѣ. Глаза его были открыты. Лицо не подавало ни

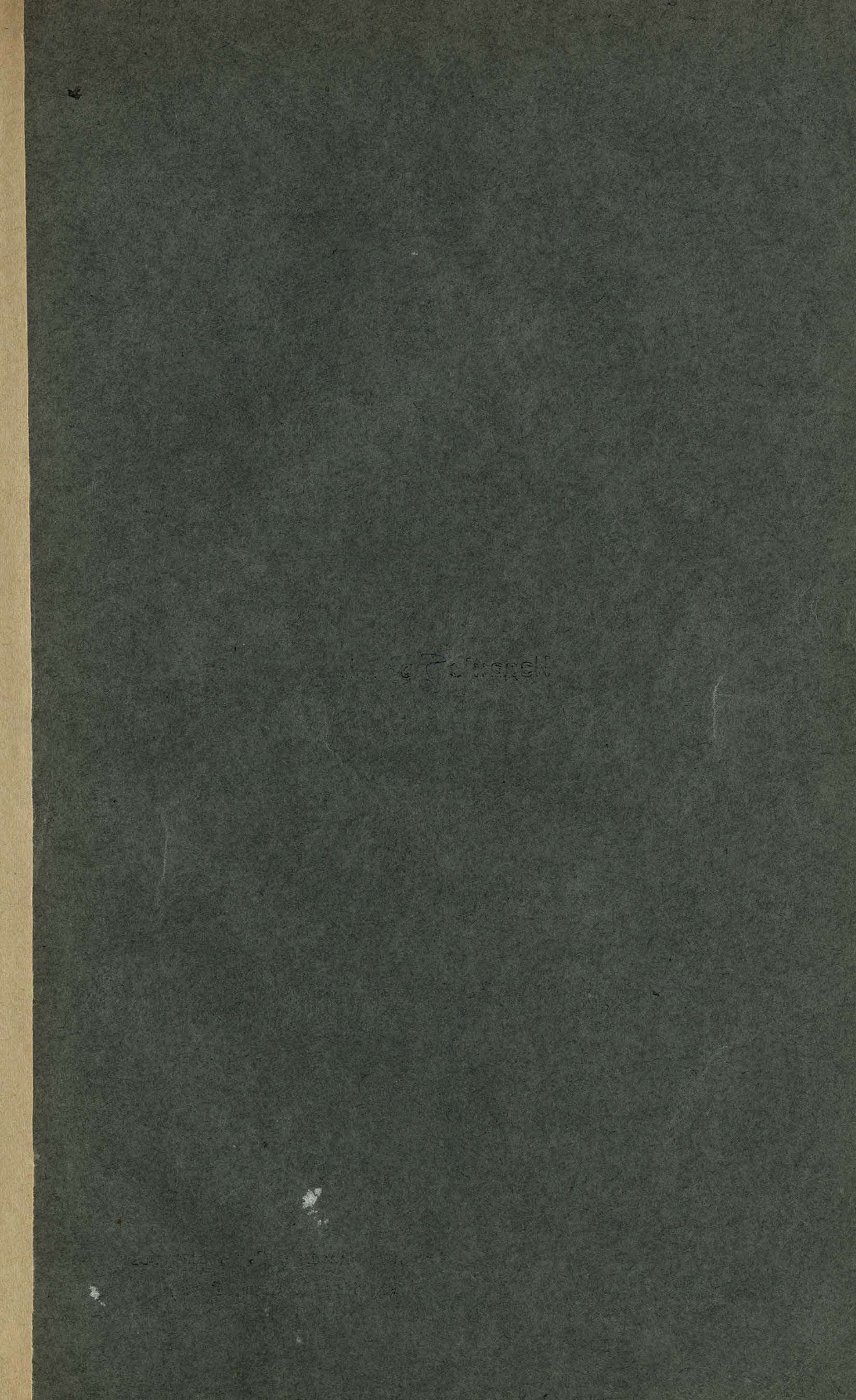
малѣйшихъ признаковъ страданія. Спокойное, доброе, привѣтливое выраженіе осталось на немъ... Засвѣтилось-ли оно навстрѣчу откровеніямъ надвигавшейся смерти?... Или въ полу-дремотномъ состояніи посѣтилъ его снова любимый сонъ, такъ часто связывавшійся съ воспоминаніями свѣтлаго дѣтства?

И снова видѣлъ онъ зеленый лугъ, сверкающій серебряной росой подъ подымающимся утромъ солнцемъ... И казалось ему, что то была «его собственная луговина, природная, самосѣвная»... Вольный ласкающій вѣтеръ заносилъ въ нее всякія сѣмена и на луговинѣ его жизни всходили они и цвѣли разными цвѣтами. Былъ тутъ и бурьянъ, стрекучая крапива и рѣпей, но они никогда..., *никогда* «не заглушали совсѣмъ посѣва мягкой муравы»...

СОДЕРЖАНІЕ

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris (XIIIe)

Изданіе друзей

Складъ изданія у В. В. Вырубова
(6, Rue de Sèze, Paris)

2020125917